Пьер Шевалье

ГЕНРИХ III

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги Пьер Шевалье (08.09.1913 — 10.04.1998), признанный специалист-историк, на основе скрупулезного анализа подлинных документов создает совершенно новый, отличный от традиционного образ Генриха III «шекспировского» принца французской истории XVI века. Его недюжинная, противоречивая натура и трагическая даже для эпохи религиозной смуты судьба послужили благодатным материалом для множества историко-биографических интерпретаций.

- Пьер Шевалье
  - Предисловие от автора
  - Часть первая
    - Глава первая
      - От Фонтенбло к турнирам де Турнель
      - Богатая и сложная натура: «Моя добрая мать»
      - Итальянская или французская политика?
      - Александр-Эдуард между католиками и протестантами
      - Попытка похищения
      - От съезда в Пуасси до путешествия по королевству
    - Глава вторая
      - Королева-мать в 1564 году
      - Королевские дети перед большим путешествием
      - От Фонтенбло до встречи в Байонне
      - Екатерина и несгибаемый герцог Альба
      - Из Байонны в Мулен
      - Ассамблея в Мулене
      - Возвращение в Париж
      - План бракосочетания с Елизаветой Английской
    - Глава третья
      - Кажущаяся безопасность Екатерины Медичи
      - Герцог Анжуйский и Луи де Конде
      - Сюрприз Мо
      - Военное «крещение»
      - Возобновление военных действий
      - Перед сражением при Бассаке, недалеко от

Жарнака
- Сражение при Жарнаке и конец Луи де Бурбона-Конде
- Роль герцога Анжуйского
- От Бассака к Монконтуру
- Сен-Клер и Монконтур
- Новое положение герцога Анжуйского
- Гаспар де Колиньи
- Нерешительная королевская политика

- Глава четвертая
  - От гражданской войны к войне за границей
  - Проект брака с Елизаветой Английской
  - Свадьба герцога Наваррского и Нидерландский вопрос
  - Герцог Анжуйский
  - Сохранение мира или война в Нидерландах?
  - Екатерина и Генрих Анжуйский, виновники Варфоломеевской ночи
  - Ответственность Генриха Анжуйского за случившееся в День Святого Варфоломея
  - Новое лицо герцога Анжуйского после праздника Святого Варфоломея
  - Бесплодная осада Ля-Рошели

○ Часть вторая
- Глава первая
  - Королевские планы Генриха Валуа
  - Уникальный образец королевской республики
  - Обсуждение кандидатуры герцога Анжуйского
  - Избирательный сейм
  - Посольство польского дворянства
  - Расставание с королем Польши
- Глава вторая
  - Из Бламона в Миедзиржеч
  - Посвящение в сан и коронование
  - Дело Зборовского
  - Коронационный сейм
  - Роспуск Сейма
  - Бегство из Кракова
- Глава третья
  - От Германской империи до Венеции
  - Восхитительное пребывание в Венеции

        - Из Венеции в Турин
        - Воссоединение пьемонтских городов с герцогством Савойским и несостоявшийся союз с Монморанси-Дамвилем
    - Часть третья
        - Глава первая
            - Общая обстановка и состояние умов во время возвращения Генриха III
            - Заветы королевы-матери сыну и новая форма правления
            - Генрих III глазами испанских и итальянских дипломатов
            - Смерть Марии Клевской
            - Разрыв с маршалом Дамвилем
            - Пребывание короля в Авиньоне
            - Из Авиньона в Реймс
            - Коронование в Реймсе и свадьба С Луизой де Водемон
            - Королевская сокровищница в отчаянном положении
            - Болезнь Генриха III и ложная смерть правителя Лангедока
            - Чехарда военных операций 1575 года
            - Двор в период противостояния короля и Монсеньора
            - Бегство герцога Алансонского
        - Глава вторая
            - Успешное бегство в Дре и неудача герцога де Невера
            - Заявление Франсуа Валуа от 18 сентября 1575 года
            - Переговоры Екатерины с Франсуа Алансонским и перемирие Шампиньи-сюр-Вед
            - От перемирия Шампиньи до бегства короля Наваррского
            - Бегство Генриха Наваррского
            - Поход войск конфедератов на Париж, «Мир Монсеньора» и эдикт Болье
        - Глава третья
            - Реализация статей мирного договора Монсеньора
            - Обращение королевы-матери к королю в 1576 году

- Недовольство католиков и выступление Лиги
- Новый поворот королевской политики до созыва Генеральных штатов в Блуа
- Сессия Генеральных штатов в Блуа
- Король перед лицом оппозиции Генеральных Штатов
- Возобновление военных действий, мир Бержерака и эдикт Пуатье

- Глава четвертая
  - Традиционный портрет Генриха III в черных красках
  - Истинное лицо Генриха III его портрет и физическая патология
  - Стерильность королевской четы
  - Паломничества королевской четы
  - Подавленность Генриха III и его обращение к богу
  - Умственные способности Генриха III
  - Генрих III и королевские обязанности
  - Генрих III, король-бюрократ, соперник Филиппа II
- Глава пятая
  - Король между традиционным времяпровождением и часто неожиданными фантазиями
  - Вкусы Генриха III в одежде и его склонность к украшениям
  - Генрих III и его фавориты. Легенда и реальность
  - Два «архилюбимчика»: Герцоги д'Эпернон и де Жуаез
  - Генрих III и его фавориты: неоправданная легенда
  - Женщины в личной жизни Генриха III
  - Луиза Лотарингская и ее муж
  - Разделение в королевской семье, стоящей на пути исчезновения
- Глава шестая
  - Восстановление мира и возобновление интриг двора
  - Второе бегство Монсеньора
  - Знаменитая «Дуэль любимчиков»
  - Так называемая война влюбленных

- Фламандская авантюра герцога Анжуйского
- Планы Екатерины Медичи на Португалию.
- Глава седьмая
  - Генрих III и дворцовая академия
  - Орден Святого Духа, его политическое и религиозное значение
  - Ассамблея нотаблей в Сен-Жермен-ан-Ле
  - Королевские 1584–1585 годов
- Часть четвертая
  - Глава первая
    - Загадочное поведение Генриха III: видимость или реальность?
    - Герцоги д'Эпернон и де Жуаез, «архилюбимчики» короля
    - Набожность Генриха III: королевские конгрегации
    - Монастырское уединение
  - Глава вторая
    - Наследование короны, главная тема политических споров
    - Темное дело, заговор Сальседа
    - Вторая Лига или Святой Союз
    - Парижская Лига
    - Альянс принцев и Святого Союза
    - Защита Генриха III и восстание герцога де Гиза
    - Шаги, предпринятые королевой-матерью и договор в Немуре
    - Конференции в Сен-Брисе и уловки короля Наваррского
    - Кампания 1587 года и сражение при Кутра
  - Глава третья
    - Последствия сражения при Кутра. Поражение армии вторжения
    - Умонастроения начала 1588 года
    - Позиции противников и маневры руководителей Святого Союза
    - Выступления Лиги против герцога д'Эпернона и короля
    - Экономическое положение и революционный кризис 1588 года
    - Конференция в Суассоне и события перед Парижской революцией

- Восстание в Париже.
- Последнее примирение Генриха III и герцога де Гиза.
- Министерская революция 8 сентября 1588 года

- Глава четвертая
  - Неизбежный разрыв между королем и народом
  - Притязания Лотарингских принцев
  - Генеральные Штаты
  - Расправа с Гизами
  - Закрытие Генеральных Штатов
  - Драма в Сен-Клу
  - Последние часы Генриха III

- Заключение
- Back of jacket

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Пьер Шевалье
Генрих III
Шекспировский король

Памяти Петра Кампиониса посвящаю.

Когда мои чувства привлекают меня к какой-нибудь партии, это вовсе не означает, что моя привязанность к ней нас только сильна, чтобы захватить также и мой рассудок. В нынешних раздорах, терзающих нашу страну, мои взгляды не затмевают в моих глазах ни похвальных качеств наших противников, ни того, что заслуживает порицания в тех, за кем я последовал.

Мишель Монтень.

Опыты, книга 3, глава 10

Предисловие от автора

Прожить только 38 лет и погибнуть в расцвете сил от руки якобинского монаха-фанатика, не оставив прямого наследника, окруженным якобы всеобщим осуждением и даже народной ненавистью в раздробленной анархией стране: могла ли быть более жестокой и незаслуженной судьба Генриха III, умершего в ночь с 1 на 2 августа 1589 года? И можно ли верить тексту «Мемуаров Лиги», что, будучи раненным Жаком Клементом, король писал аббату монастыря Н.-Д. де Фёйан, Жану де ля Барьер: «Я совсем не жалею, что так мало прожил», потому что «я знаю, что последний час моей жизни станет первым часом моего блаженства». Эти слова являются не просто восклицанием человека, соприкоснувшегося со смертью, а выражают глубокую мысль того, кто носил две земные короны и не сомневался в выборе девиза: *Manet ultima caelo*. Последняя корона на небесах. Земная жизнь Генриха III была бесконечной чередой невообразимых трудностей. Поэтому нам становится понятно искреннее стремление этого «шекспировского» принца к вечному блаженству.

Как только он становится королем, его путь это путь бед и несчастий. Неблагодарная и мучительная судьба не отстает от него ни на шаг. Судьбу короля разделяют его подданные. Не без удивления мы читаем слова, вышедшие из-под пера Пьера Шампиньона, среди которых встречаем эпитет «несчастный», применительно к нему самому и Генриху III: «Это правда, и это то, что можно сказать самого справедливого».

Свидетелем общей беды короля и его подданных выступает вся история королевства с 1559 по 1598 год. В это время Франция была раздробленным государством, втянутым в гражданскую войну.

Действительно ли удар копья, которым Монтгомери ранил Генриха II, изменил лицо Франции? Так думают те, кто преувеличивает роль случая и незначительных фактов в истории, идет ли речь о носе Клеопатры, зернышке песка Кромвеля или паре перчаток герцогини Мальборо. Немедленные изменения, последовавшие за несчастным случаем 1559 года, кажется, дают им на это основания.

В течение более чем векового периода, начиная с поражения англичан у Кастильона, история Франции прошла истинно королевский путь. Власть монарха постоянно укреплялась.

Король феодального типа достиг кажущегося совершенства. Центральная администрация росла, все более усложняясь структурно. Двор со всеми своими службами стал главным руководящим органом. Следуя за своим сувереном, он оказывал все большее и большее влияние на жизнь в государстве. От него не ускользало ничего: ни управление старыми провинциями и новыми приобретениями, ни финансовая и экономическая жизнь, ни правопорядок и военные институты. Сама церковь, начиная с соглашения в Болони, была во власти короля. Никогда еще знаменитая максима «Вера, закон, король» не была столь наполнена реальным содержанием.

За границей спектакль, данный объединенной и могущественной Францией, был не менее блистателен. Активная и осмотрительная французская дипломатия была представлена от Шотландии до Оттоманской империи, от Средиземноморья до стран Севера и Востока. Она мечтала надеть на голову своего хозяина императорскую корону. Она безрезультатно поддерживала в Италии ужасное могущество Габсбургов. Король Франции был бесспорным и самым сильным монархом христианства. Его подданные с удовольствием подчинялись ему. Когда его спрашивали, какую сумму он может собрать со своего государства в год, он отвечал: «Столько, сколько я захочу». Его армия победила швейцарцев, у которых была лучшая пехота в Европе. Его кавалерия пила воды Рейна и купалась в них. Его войска позволяли ему много раз являться оплотом и защитником европейских свобод.

Столь блистательное — на зависть всей Европе положение меняется почти сразу после трагической смерти Генриха II. Наступает время волнений и упадка. Две смены династий между 1498 и 1515 годом не смогли поколебать дело Карла VII и Луи XI, а две младшие королевские ветви чуть не похоронили столетнюю эволюцию. Внешне, конечно, все остается прежним. Власть короля теоретически абсолютна. Двор блестящ и утончен, как никогда. Королевского ребенка зовут «Ваше Величество», но это «Величество» лишь игрушка в руках разных партий. Менее чем за два года (1559–1560) дважды с беспощадной остротой встает вопрос регентства. Каким должен быть оптимальный возраст коронации? Был ли прав Карл V (в XIV веке), когда указывал на возраст 14 лет, или же последний должен определяться таинственными и столь же расплывчатыми, как и древними, обычаями, зовущимися «фундаментальными законами королевства»? Может ли регент (в лице королевы-матери) единолично править государством или следует передать право решения Генеральным Штатам, последний съезд которых прошел

в 1484 году и воспринимался всеми как любопытный эпизод прошлого? Но если Генеральные Штаты вновь войдут в силу, неизбежно встанет главный вопрос. Не будет ли пробудившееся право народа противостоять королевской власти? Кто будет высшим, а кто низшим? Как дать им возможность сосуществовать? С 1560 года до Генеральных Штатов Лиги пролегла глубокая пропасть между сторонниками короля и народом. И те и другие очень чувствительны к престижу королевской особы. Каждая партия стремится захватить короля. Возможность подписывать свои манифесты и декларации именем Франциска, Карла, Генриха, затем передавать на подпись Государственному секретарю, ставить королевскую печать, — это самая значительная сила в стране, где культ монархии сохранил все свое могущество. Более того, руководить королем значит отдавать приказы «нашим генералам и ответственным за финансы» и «нашему Парламенту».

Иметь при себе короля, быть его наставником и вести его по своему усмотрению, именно этого хотят две фамилии. Первая вышла из королевской семьи и является законной наследницей трона, если угаснет хрупкое и болезненное потомство Генриха II. А против дома Бурбонов, потомков седьмого сына Сен Луи, Робера, графа Клермонта в Бовези, встает наполовину иностранная, высокомерная и надменная семья, младшая ветвь дома Лотарингского, де Гизов.

В 1559 году вовсе не вокруг короля собирается знать. Франция той эпохи напоминает Англию, где «право поддержки» в XV веке сделало возможным развязывание войны Белой и Алой розы. Каждый гражданин становится слугой Бурбонов или Лотарингцев. Напрасно такие публицисты, как Жан Боден, отстаивают в своих произведениях теорию права на верховную власть и подчинение ей ее подданных. Мы присутствуем при возрождении феодальных отношений между людьми. Если Франциск I и Генрих II имели только подданных, то трое последних Валуа видели перед собой сторонников де Конде, потом короля Наваррского, Монморанси-Дамвиль и собственного брата Генриха III, Франциска, герцога Анжуйского. Будет справедливо говорить об очевидной феодальной реакции. Она коснулась не только отдельных людей. Этот поток увлек провинции и города. Все почувствовали централизующий абсолютизм двух первых Валуа-Ангулем. Они тоже жертвы обстоятельств. Они пробудились и ощутили амбиции. Вместо того чтобы идти по пути монархии, не рискует ли Франция стать федерацией, республикой по типу Швейцарии?

Ослабление государственной власти, раздробленность страны

разжигают страсти. Среди всех прочих царит одна — религиозная. Она погрузила Францию в кровавую пучину войн с 1560 по 1598 год. Но они были не только религиозными или только политическими. Люди не берутся за оружие и не сражаются из-за чего-то одного. Феодалы были и среди гугенотов, и среди папистов. А сколько нюансов! Религиозный фанатизм заразил многих. Для них восстановление утраченных феодальных прав было лишь средством. Другие же просто стремились отхватить себе земли и обзавестись собственным двором. Рим и Евангелие — предлог для достижения этой цели. Один из самых ярых гугенотов, печально известный барон де Адре, из личных интересов без колебаний оставил партию реформатов и стал католиком. В большинстве случаев нет ничего легче, как разрушить бастионы своей веры из-за заботы о своих временных интересах и возвращения былого положения в обществе. Как различить «гугенотов государства» и «гугенотов но вере»? Та же трудность с католиками. Их приверженность к Риму не особенно чиста, несмотря на совпадение с их временными интересами. С появлением на театре религиозных сражений знати, характер последних совершенно меняется. На смену эпохе мучеников приходит эпоха мятежей, резни, бесконечных сражений, изредка прерываемых более или менее продолжительными периодами хрупкого мира.

Королевская власть ослабла и более 30 лет почти постоянно находится в руках женщины. Нация разделена. Возрождающийся феодализм делает из Франции державу, которая отказывается от всех внешних притязаний. Нет больше «итальянской войны». В 1588 году герцог Савойский безнаказанно прибирает к рукам маркизат Салюс. С 1557 по 1598 год не ведется никаких дел за границей. Попытки Колиньи в Нидерландах, последовавшая за ними экспедиция герцога Анжуйского там же, колониальные походы во Флориду и Асоры быстро заканчиваются или оборачиваются гибелью. Для успеха нужно мощное королевство, а не раздираемая на части страна. Но стремление к единству отсутствует, средств нет.

Конечно, остается еще французская дипломатия. Ноай, Жан де Монлюк, Дю Феррье, скромный, но талантливый Шарль де Данзай трудятся не хуже своих предшественников в Константинополе, Польше, Венеции и Швеции. Именно благодаря деятельности Жана де Монлюка, епископа Баланса, будущий Генрих III стал королем Полыни. Но умение послов больше не подкрепляется престижем короля Франции. Начиная с договора Като-Камбрези, больше не существует французского протектората над итальянскими принцами, которые теперь отдают

предпочтение Испании. В Германии французский король уже не защитник германских свобод. Еще остается союз с Турцией. Но король не строит иллюзий на счет своего все более призрачного и все менее эффективного союзника.

Тень Филиппа II лежит на всей политике Франции. Осторожный король намеревается уменьшить царство цветов Лис. Король Испании принимает помощь французского короля в подавлении ереси и восстаний. Но он противится любым действиям Франции за морем и навязывает правительству Парижа отказ от всех проектов в Нидерландах. Валуа не в силах противостоять Габсбургам. Испанский посол распоряжается при дворе Франции. Королева Екатерина и Генрих III по мере возможности противостоят влиянию Короля Католиков.

Не лучше отношения Франции и со «злой женщиной» (так звал ее Генрих III), сидящей на английском троне. Разногласия с Марией Стюарт по поводу Шотландии обостряют отношения между Лондоном и Парижем. Однако обе стороны объединяются против испанской гегемонии. Но если королева Елизавета и лорд Сесил знают, куда идти, и имеют средства для ведения своей политики, то этого нельзя сказать про Екатерину и Генриха III, вводимых в заблуждение постоянно пересматриваемыми проектами брака, от которых впоследствии все же отказались. Планировался же союз будущего Генриха III, а затем его брата Франциска, с королевой «Девственницей», которая так же ловко, как Пенелопа, обманывала претендентов на ее руку.

Так через 30 лет после исчезновения Генриха II, кажется, ничего не осталось от многовекового труда дома Капетингов. Исторгнутый Парижем, последний потомок Валуа для большинства своих подданных стал королем без власти. Его смерть приветствовалась как дар и месть Господа. Его убийца был встречен как святой. Законный наследник короны большинством нации практически поставлен вне закона. Могущественные иностранные державы стараются поживиться за счет раздробленной Франции, а Филипп II претендует на всю страну в целом.

Современники тех часов траура и скорби могли лишь обратиться к недавнему прошлому, ко временам до 1559 года. Говорили не только об «эпохе великого короля Франции», но об «эпохе Генриха Великого». Вне всякого сомнения, если бы копье Монтгомери скользнуло по шлему короля и не попало ему в глаз, события развивались бы совершенно иначе.

Люди, делавшие такие выводы, слишком прямолинейно оценивали положение дел. Если бы Генрих II остался жив, Реформация надолго не задержалась бы в монастырях и лавках

ремесленников. Она уже устроилась во дворцах, предоставляя знати поле для гражданских битв, заменивших ей походы за границу. Богатство де Гизов, их вражда с домом Монморанси-Шатийон

существовали и до 1559 года. Подписывая с Филиппом II мирный договор Като-Камбрези, Генрих II отказался от войны против Испании, оставил планы на Италию и действительно объединил Францию и Филиппа II в борьбе против ереси. С 1559 года все элементы драмы, разыгравшейся во Франции с 1559 года по 1598, были налицо. Праздники, во время которых Генрих II был смертельно ранен (начиная с празднования браков двух дочерей Франции, одной с Филиппом II, другой с герцогом Савойским), проходили, озаренные отблеском костров, на которых гибли еретики. Чтобы овладеть положением, замедлить или предотвратить неизбежные последствия, необходимо было, чтобы род Валуа-Ангулем был продолжен гениальными людьми. Но Генрих II оставил после себя только больных отпрысков, пораженных туберкулезом, таких, как Франциск II, Карл IX и Франсуа Анжуйский, или с хрупкой и неуравновешенной психикой, как Генрих III. Последний, его третий сын, никогда бы не стал королем, если бы Франциск II и Карл IX не болели туберкулезом и оставили наследников. Угасание дома Валуа предвосхищает закат два века спустя старшей ветви Бурбонов. Троим Валуа, последовательно сменявшимся с 1559 по 1598 год, соответствуют три внука Луи XV, правивших с 1774 по 1792 год и с 1814 по 1830 год. Любопытное совпадение, а возможно, знак или прихоть судьбы.

Но в 1574 году, после правления двух незаметных в тени своей матери королей, Франция с надеждой и нетерпением ждала появления молодого 23-летнего человека, призванного законом на трон. 6 сентября 1574 года Генрих III вновь ступил на землю Франции в Лионе, оставив свое польское королевство и пройдя через земли Австрии и Северной Италии.

«Я вспоминаю, — пишет Ж. А. де Ту в своей «Всеобщей истории», — что в день приезда короля в Лион я был у Жана де Турн… Там я встретил Симона дю Буа, генерал-лейтенанта Лиможа. Он мне сказал, что есть много людей, не разделяющих всеобщего оживления. Они говорят, что его правление может стать роковым и обмануть надежды подданных на славное царствование…» Напрасно протестовал уважаемый магистрат. Симон дю Буа возразил, что он говорит об этом не без печали, но де Ту вспомнит его слова и по прошествии времени оценит их.

С вышесказанным перекликаются размышления И. де Лестуаль, сделанные почти сразу после смерти Генриха III: «Этот

король, умирая, оставил Францию и своих подданных в такой нищете и бессилии, что люди уже не ждали большего упадка, надеясь на помощь. Так произошло в основном из-за ошибок и восстаний народа, а не из-за недостатков его короля, который был бы очень хорошим принцем, если бы попал в нужный век…» Под пером хроникера такая похвала значительна. Она исправляет и улучшает пессимистическую и негативную оценку Симона дю Буа.

Любимый сын королевы Екатерины, Генрих был наделен лучшим, чем у его братьев, здоровьем, хотя сам часто болел. Может быть, ему не хватало равновесия в физическом состоянии, что объясняет резкие перепады настроения и его неуравновешенную психику? Периоды активности у него сменялись депрессией. Он любил оставлять двор и дела, чтобы пожить обыкновенным человеком, а потом опять погружался в оживленную и беспорядочную жизнь Парижа, перемежая временное участие в этой жизни с духовным уединением. Обладая более высоким и любознательным умом, чем его братья, он все же испытывал потребность советоваться со своей матерью и сестрой Маргаритой. Эта королевская семья, столь любопытная и где-го патологическая, прекрасно иллюстрирует высказывание из Евангелия о королевстве расколотом и воюющем против себя самого. На кого мог расе читывать молодой король? Больше, чем на самого себя (он потратил немало времени, чтобы самоутвердиться и делать то, что захочет}, он полагался на ту, которую в своих письмах постоянно называет «моя добрая мать». Именно у нее он искал поддержку прежде всего. Эта властная женщина, в которой сочетались флорентийская изворотливость и овернский реализм, была единственным цементом, способным соединить разделенных и противостоящих друг другу детей. В конечном итоге они всегда более или менее слушались ее. Почти до самого конца, до Генеральных Штатов 1588 года в Блуа, она выполняла обязанности премьер-министра. С сентября 1574 года по сентябрь 1588 года такое двойное правление обеспечивало стабильность и развитие государства.

Стоя за пей, как будто будучи в отставке, Генрих III отдавал работе столько же времени, сколько и отдыху, и не оставлял мысль о главном: восстановить мир, чтобы положить конец страданиям его бедного народа. В этом деле было множество препятствий: раскол в королевской семье, оппозиция его брата герцога Франциска, бывшего с 1574 по 1584 год в той или иной степени союзником главы партии Политиков, могущественного правителя провинции Лангедок Монморанси-Дамвиля, шалости и интриги его сестры Маргариты. Но прежде и превыше всего — это

непримиримая вражда Бурбонов и де Гизов. Их политические амбиции, одетые во всевозможные одежды религиозных страстей, сталкивались столь долго по двум причинам: невозможность установить во Франции единство веры и точно знать, к кому перейдет корона от угасающего дома Валуа, принимая во внимание окончательно установленную стерильность королевской четы.

Среди всех европейских стран Франция была единственной, где королевская власть оказалась неспособна объединить страну единой верой. Ни Реформация, ни римская церковь не могли одержать окончательную победу. Две противоборствующие церкви во Франции были слишком сильны, но одновременно и слишком слабы, чтобы окончательно победить противника. 20 декабря 1573 года испанский посол в Париже докладывал Филиппу II о мнении кардинала Лотарингии Шарля: если бы во Франции была введена инквизиция, ересь давно была бы искоренена. Вне всякого сомнения, но Франция всегда была землей свободы. И поэтому 15 лет спустя, 3 ноября 1588 года, Венитьен Монсениго писал дожу по поводу инквизиции, что духовенство и знать Франции настроены к ней враждебно. Отказ французов принять радикальные меры только продлил политико-религиозную борьбу. Она утихла только после Нантского эдикта, когда уже был решен вопрос передачи короны. Это было лишь временное перемирие, навязанное Генрихом IV обеим сторонам, которое они приняли с бранью и недовольством. Конец распрям положил Луи XIV в 1685 году эдиктом Фонтенбло.

Это первое проявление бессилия королевской власти в значительной мере усугубилось бесплодием королевской четы. Чтобы отдохнуть от своей властной матери, молодой король выбрал в жены красивую, мягкую и бесцветную девушку Луизу де Водемон из Лотарингского дома. Нация, а с ней и сами супруги ждали появления дофина. Он так и не родился. Так что Тоскан Кавриано мог писать великому герцогу из Блуа 5 мая 1586 года, что «без дофина дела идут плохо».

Стерильный брак в какой-то мере объясняет отношение Генриха III к своим фаворитам. Если, подобно другим монархам, он выбирал молодых знатных людей и делал их фаворитами, то прежде всего в политических целях. Д'Эпернон и Жуаез были не «любимчиками в постели», как утверждали враги короля, а проводниками смелой политики. Противопоставляя их Генриху Наваррскому и де Гизам, Генрих III шел по единственно возможному пути, чтобы сохранить монархию и уберечь ее от притязаний различных фракций, каждая из которых стремилась своекорыстно использовать монарха. Поскольку король не мог

иметь дофина, он в конце концов стал считать д'Энернона и Жуаеза своими собственными сыновьями. И если он отпраздновал их браки, особенно Жуаеза, исключительно торжественно, то только потому, что последний в какой-то мере занимал место дофина.

Итак, «очень хороший принц, если бы попал в нужный век», Генрих III в течение 15 лет своего правления поддерживает принцип и саму основу государства в стране, где царят анархия и феодальная реакция. Разрушив 23 декабря 1588 года надежды дома де Гизов незаконно присвоить корону Франции, не боясь купленной Испанией Святой Лиги, заключив союз с Генрихом Наваррским, ставшим его законным наследником, он умер мучеником монархического права, оказав нации большую услугу, давая ей законного главу исполнительной власти, который чуть позже сделает неоспоримым отречение Сен-Дени и оправдание Святого Престола.

Часть первая
От раннего детства до первой короны

…Я был бы очень огорчен, если бы от самых влиятельных до самых незначительных моих подданных нашелся бы хотя бы один, больше меня приветствовавший католическую церковь и меньше меня надеявшийся на установление другой, чему я, надеюсь, дал многие свидетельства перед богом и людьми.

Генрих III Ж. д'Юмьеру, правителю Пероны, Париж, 8 июня 1576 года

…Я так предан католической религии, так твердо верю, что вне ее нет спасения, что прошу Господа скорее даровать мне смерть, чем позволить…. когда-либо отойти от этой веры…

Генрих III Жану де ля Барьер, аббату Натр-Дам-де-Фейан, Тур, 6 апреля 1589 года

Глава первая
Первые годы. Дитя Франции
(1551–1563)

От Фонтенбло к турнирам де Турнель
(*19 сентября 1551 года — 30 июня 1559 года*)

Генрих III родился в замке Фонтенбло, как один из его преемников Луи XIII, и тоже в сентябре. В точной дате его прихода в мир есть небольшое несоответствие. Согласно тексту латинского манускрипта 844 (том 61) коллекции Дюпюи новое дитя Франции предстало перед двором 18 сентября в 40 минут после полуночи. Но 40 минут после полуночи, это уже 19 сентября, и хронология сохраняет только последнюю дату. Известно, что в XVI веке люди были не так точны, как сегодня. При жизни Генрих III праздновал свой день рождения 18-го числа. А в сентябре 1581 года он даже объединил эту дату с помолвкой своего фаворита Анн де Жуаез, не вспомнив, что сам родился 19-го.

Коннетабль Анн де Монморанси, который вел дела при Генрихе II, в тот же день информировал правителей провинции: «Не могу вас не предупредить, — писал он дю Люду в Пуатье, — о том, что прошлой ночью королева родила прекрасного сына. Он и мать здоровы, слава Богу!» Новый принц получил титул герцога Ангулемского и имена Александр и Эдуард, которые он мог не сохранять. Первое, широко распространенное в доме Бурбонов, имя пришло к нему именно потому, что один из двух его крестных отцов был не кто иной, как Антуан де Бурбон, отец будущего Генриха IV. Второе ему дали в честь молодого короля Англии Эдуарда VI, который высоко оценил выбор его в качестве крестного отца. Так, подобно святому королю, имя которого он носил в течение нескольких лет, Генрих III почти всю свою жизнь должен был играть роль проповедника религиозной веры и монархии. Ведь уже вокруг его колыбели вставали две противоборствующие партии, готовые немедленно скрестить оружие. Конечно, Антуан де Бурбон был католиком, а его жена Жанна д'Альбре была в то время еще не столь яростной и непримиримой гугеноткой, какой стала впоследствии. Английский король, в свою очередь, проповедовал веру, движимую самым пылким пуританизмом. Только вторая крестная

мать новорожденного, Маргарита Палеолог, жена Фредерика де Гонзага (другой крестной матерью была Жанна д'Альбре), принесла к колыбели очарование, улыбки и любовь к прекрасному, естественные плоды двора итальянского Возрождения. С ней дом де Гонзага следил за первыми шагами будущего короля. И до самого конца его правления, совсем как с Луи де Гонзага, герцогом Неверским, она демонстрировала ему самую искреннюю преданность.

Молодой Александр не остался в Фонтенбло, а присоединился к своим братьям и сестрам в Блуа и пополнил «дом» королевских детей. С 1546 года их гувернером был Жан д'Юмьер. (Любопытно, что именно его сын Жак, наследник своего отца в управлении Перонной, несмотря на свои симпатии к Генриху III, поставил на пути короля одно из самых серьезных препятствий, создав первую Лигу.) Жан д'Юмьер помогал своей жене Франсуазе де Конте, которая была старшей среди слуг. Но именно у него Екатерина спрашивала новости о своих детях. После смерти мужа в 1550 году мадам д'Юмьер сохранила звание гувернантки, но с 1551 года ее сменила Катрин де Пьервив, жена Антуана де Гонди. Родилась она в Пьемонте, вышла замуж за флорентийца по рождению, разбогатевшего на взимании налогов и ставшего впоследствии метрдотелем Генриха II, в то время как его жена смогла завоевать доверие и дружбу королевы Екатерины. Несмотря на то что юноши королевского дома в свои первые годы были доверены всем этим дамам, они воспитывались как мужчины. Пеленки быстро уступили место одежде их пола. «… Пусть она оденет моего Ангулемского сына. Так он будет лучше себя чувствовать во время близящейся жары», приказывала королева мадам д'Юмьер. К услугам молодых принцев была портниха Мари Поммерет, в обязанности которой входило шитье рубашек, детских чепчиков, распашонок из белого сатина, колпачков из зеленой тафты, украшенной фестонами. Позже, как и у других братьев и сестер, у Александра-Эдуарда появилась личная гувернантка Анна Ле Мей, девушка Данмари. Известны также имена двух кормилиц, Гиллемет Безар и Анны Руссо. Немногим известным фактам из жизни детей королевской семьи мы обязаны разрозненным указаниям в письмах королевы. Питание детей было для Екатерины настоящей проблемой, так как, писала она, они «больше больны от того, что слишком толстые, чем от того, что слишком худые». Но больше всего королева опасалась болезней, особенно самой страшной из них — чумы. Когда чума появилась в окрестностях Блуа, королевских детей сразу же перевезли в Амбуаз, потому что там воздух был здоровее всего, чем «они очень хорошо воспользовались», писала

Екатерина.

Вдали от детей королева успокаивала себя, приказывая присылать их портреты. По деталям она судила о состоянии их здоровья: «Вам не нужно, — указывала она гувернеру, — заставлять художника писать с натуры всех моих сыновей и дочерей… такими, какие они есть, не забывая ничего, достаточно карандашных рисунков, чтобы они были сделаны как можно быстрее и сразу же отправлены мне…»

Ничего не упуская из их материальной жизни, королева, в которой уже намечалась женщина-руководитель, решила, что будет полезно составить гороскоп молодых принцев. Тогда так было принято. И даже в XX веке люди строят иллюзии о реальной значимости тех предсказаний, в которые верили правители того времени. Забавно, но гороскоп играл важную роль в терапии: прежде чем приниматься за лечение, врачи изучали гороскоп своего пациента. Кроме того, общественное мнение было падко до всякого рода предсказаний и пророчеств. Составление гороскопов будущих могущественных людей этого мира было обычной практикой. Это было средство управления и пропаганды. Но, пользуясь услугами астрологов, власти пристально следили за ними.

Мишель де Нотр-Дам, согласно обычаю XVI века принявший латинское имя Нострадамус, в 1553 году получил приказ явиться в Блуа. Его заключение было таково, что «все четверо» сыновей Генриха II будут носить корону (Франциск, герцог Алансонский, а потом Анжуйский, так никогда и не стал королем). Ловкий лжец, астролог не скупился на короны, а его предсказание, опуская условия, при которых дети Франции однажды все станут королями, сулило славу, но кроме нее и заботы.

В ожидании тех еще далеких времен радости и печали, Екатерина, поскольку ее дети росли, хотела иметь их поближе к себе. Когда старшему сыну, будущему Франциску II, в 1553 году исполнилось 10 лет, «малый двор» разделился надвое. Дофин переехал в Сен-Жермен-ан-Ле, а Александр-Эдуард и другие братья и сестры остались в Амбуаз. Среди детей знати, которые тоже жили и играли там, в первую очередь выделялись трое из пяти сыновей коннетабля, затем Жан де Люксембург, Жильбер де Леви, молодые Колиньи, Телиньи, Филипп Строззи и Ги дю Люд, отец которого был правителем Пуату и генерал-лейтенантом Гюйенны.

Один из карандашных набросков, сделанных по просьбе матери, сохранил первый портрет молодого принца. Его глаза сверкают лукавством, высокий лоб немного прикрывает большой чепчик.

Его начальное образование было поручено некоему господину Монпипо (что стало известно благодаря письму кардинала Лотарингского королеве матери от 27 февраля 1553 года). На смену ему придет Жак Амийо. Он только что вернулся из Италии, когда, в соответствии с мнением кардинала Турнонского, на него пал выбор Генриха II. Человек церкви скромного происхождения, Амийо стал аббатом Белозана, дома каноников Премонтре при епархии Руана. Зная греческий так же хорошо, как французский, если не лучше, Амийо завоевал себе репутацию переводом «Романа о Феагене и Хариклии» греческого писателя III века н. э. Гелиодора. Будучи на должности учителя, он продолжал знакомить французских читателей с греческими авторами. Его имя прославилось и сохранилось в памяти будущих поколений благодаря переводу романов «Дафнис и Хлоя» Лонга и «Параллельные жизнеописания» Плутарха. Хотя последний перевод был посвящен его брату Карлу, Генрих III очень увлекся «Параллельными жизнеописаниями», лжеэпическим характером произведения и уроками, которые можно было оттуда вынести.

Превосходным ли обучением Амийо, врожденными ли качествами молодого принца или умением секретаря следует объяснить зрелость первого его письма, дошедшего до наг? Эго к своему брату, дофину Франциску, Александр-Эдуард обращается в 1557 году (когда Франциск почувствовал первые признаки болезни, унесшей его в 1560 году) с такими нежными словами: «Монсеньор, я очень опечален вашей долгой болезнью. Мне хотелось бы иметь в себе что-то такое, что нравилось бы вам, и проводить все время рядом с вами. Монсеньор, я старательно учусь и делаю это для того, чтобы, когда вырасту, быть вам полезным. Молю Господа, чтобы вы скорее выздоравливали. Ваш скромный и покорный брат, Александр Французский…»

Александр больше не писал своему старшему брату, потому что вскоре (в 1558 году) все царские дети собрались в Париже. 24 апреля дофин Франциск женился на совсем молодой королеве Шотландии Марии Стюарт, которая была старше его всего на 12 месяцев (Франциску тогда было 15 лет). Королева Екатерина была рада видеть все свое семейство в сборе и решила оставить детей в Париже. Чтобы поселить их вне Лувра, она организует срочные работы в доме, расположенном недалеко от дворца, на улице Пули, который она купила у Жана де Невиля. Там она поместила Монсеньора Орлеанского (дофина), Монсеньора Ангулемского, Монсеньора Анжуйского и Мадам Маргариту. Во главе этого маленького мирка стоял новый гувернер Луи Прево де Сансак, преемник Клода д'Юрфе, делившего свои обязанности с Жаком де Лаброс.

В 8 лет Александр-Эдуард присутствовал на другой свадьбе. Это было в 1559 году. В том году, первом году политико-религиозных войн, длившихся почти 40 лет, 14-летняя сестра Александра Елизавета вышла замуж за 32-летнего короля Испании Филиппа II, представленного в Париже испанским грандом герцогом Альбе, военная репутация которого еще не была запятнана его жестокими делами в Нидерландах. Незадолго до этого Филипп II овдовел. Его первой женой была страстная католичка, королева Англии Мария Тюдор. Не получив после смерти жены руки ее двоюродной сестры Елизаветы, испанский монарх обратился к другой Елизавете. Но эта дочь Франции не давала ему в приданое королевства. Отныне успешная в прошлом матримониальная политика Габсбургов становилась не столь плодотворна, как раньше. Французско-испанская свадьба летом 1559 года вызвала в Париже и во всей Франции всеобщую радость. Мир с Испанией и ее союзниками, союз королевского дома с самым могущественным монархом в Европе, все это способствовало ликованию. Генрих II заключил мирный договор в Като-Камбрези. Но последний не имел ничего общего с «добрым и святым миром», как его назвал секретарь короля Жюль Гассо. Наоборот, то было признание военных неудач, приведших в настоящий дипломатический тупик. Французская знать была им неприятно поражена, а иностранцы изумлены. Только ненависть Генриха II к ереси объясняет его решение отказаться от войны с Габсбургами и их союзниками. Этот принц с довольно ограниченным умом из подписания мирного договора хотел сделать личный триумф. Здоровый и крепкий, любитель физических упражнений, Генрих II хотел играть роль вечного молодого человека, который, несмотря на бороду и седеющие виски, прекрасно владеет оружием, не утратив юношеской ловкости и гибкости. Несчастный случай, приведший к смерти Генриха II, произошел в атмосфере радости и приподнятого настроения. Весь Париж был «…охвачен праздничным весельем, — рассказывает Жюль Гассо, улицу Сент-Антуан размостили, и там проходили состязания, схватки, турниры. Повсюду царило веселье. Театры давали представления театров. Многие дома открывали свои двери, чтобы зрители могли посмотреть выступления артистов прямо из окон…». 30 июня, на площади де Турнель, во время поединка с капитаном своей гвардии Габриэлем де Лорж, сеньором Монтгомери (шотландцем по происхождению), король был ранен пикой в левый глаз, «потому что опустилось забрало», уточняет Гассо. Генрих II перенес жестокие муки и умер 10 июля в присутствии королевы, потрясенной ужасом, безмолвной от печали перед трупом своего

мужа.

Такой жестокий удар судьбы в то же время сделал Екатерину первым лицом в государстве. Почти 30 лет (с декабря 1560 года по сентябрь 1588 года) ничто не происходило без ее ведома. Три венценосных сына Генриха II как будто стояли в тени черного траурного платья матери, которое она уже не снимала. Согласно древнему обычаю, королевы-вдовы одевались в белое. Отсюда и название белых королев или белых дам. Однако Екатерина последовала примеру Анны Бретанской, которая после смерти Карла VIII надела черное траурное платье. Екатерина сделала исключение только во время помолвок Карла IX и Генриха III, оба раза появившись в «мирском шелке». Символом ее траура стало разбитое копье в обрамлении слов «*Hinc dolor, hinc lacrymae*» («Отсюда моя печаль и мои слезы»). На всю жизнь она сохранила любовь к своему супругу. Любовь к королю, которого была вынуждена делить с Дианой де Пуатье. Свою любовь она выразила в еще одном символе: гора негашеной извести, а вокруг девиз «*Ardorem extincta testatur vivéré flamma*» («Пусть погибший любимый будет свидетелем, что пламя живет»). Ведь подобно тому, как без огня горит политая водой негашеная известь, так ее любовь останется живой, несмотря на потерю любимого человека.

Если она таким образом объявляла о своей верности супругу и преданности вдовы, ее роль матери «детей малых» становилась отныне первостепенной. Во время краткого правления Франциска II (10 июля 1559 года — 5 декабря 1560 года), станет ясно, на что окажется способна Екатерина в руководстве страной. До этого момента она жила в тени своего мужа. Ее долг был стушеваться перед его королевским достоинством. Эту сложную роль она сыграла с блеском и осмотрительностью. Если тут она преуспела, и теперь стала действовать как настоящая государственная дама, то это произошло благодаря ее личным качествам. Только ли от своего отца получила она их, от Лорана Медичи, внука Лорана де Манифик, и ничего не взяла от матери, Мадлен де ля Тур д'Овернь, графини Булонской? Вопрос непростой и стоит того, чтобы быть поставленным. Ведь почти всегда в Екатерине Медичи видели прежде всего итальянку и флорентийку и очень редко француженку.

Богатая и сложная натура: «Моя добрая мать»

В 1559 году Екатерине исполнилось 40 лег. Эго была высокая, величественная женщина, 10 раз носившая детей. В молодости она была хрупкой и миниатюрной, теперь же все в ней говорило о

зрелости и силе. Толстый с горбинкой нос, похожий на нос крестьянки Оверни, легко меняющие цвет глаза, широкий подбородок, чувственные губы, все придавало ее лицу выразительный характер. Смуглая кожа выдавала ее полуитальянское происхождение. Каштановые волосы были почти не видны под шляпой с вуалью. Ее руки, которыми она так гордилась, были столь же тонки и элегантны, как у Анны Австрийской. У ее сына Генриха они были Так же хороши, чем он был доволен не менее ее.

Она обладала ни с чем не сравнимым здоровьем и усмиряла свой аппетит мясом, фруктами и белым вином Гаскони. Она с удовольствием занималась физическими упражнениями, часто ездила на лошади, показывая при этом как говорит Брантом очень хорошенькие ножки. Но вместо того, чтобы ехать как другие дамы, сидя на табурете, Екатерина ввела посадку амазонки, когда колени находятся на загнутом конце седла. Несмотря на свой постоянный траур, она не игнорировала спектакли. Если она и не танцевала, то была страстной поклонницей балета, который ввела при дворе в моду. Над комедиями она смеялась, не стыдясь. Генрих III разделял ее вкусы и даже пригласил в Париж итальянских комедиантов Желози.

Активная, полная трудов и развлечений жизнь никак не сказывалась на ее костюме. Она не шла на поводу у обычаев. Одним из первых приказов она отправила домой давнишнюю любовницу Генриха II Диану де Пуатье, которую она звала не иначе, как «потаскушкой». Отныне в ее личной жизни нет ни одного мужчины. И при необходимости вовсе не ложные обвинения гугенотов и некоторых членов третьей партии ноли гиков предоставят нужные доказательства.

Екатерина, подобно Ришелье, неутомимый работник. Долгие часы она проводит в своем кабинете, диктуя секретарям письма, составляя инструкции принцам и послам. Иногда она сама берет перо, но ее почерк едва понятен, так как она пишет в большой спешке. Кроме того, у нее, как у всех ее современников, орфография передает фонетику. Иногда к ее французскому примешивается итальянский, хотя на этом языке она никогда не писала, за исключением нескольких постскриптумов для великого герцога Тосканского. Ее стиль часто юмористичен, она любит и умеет шутить. Она смеется так же легко, как плачет.

Что касается религии, то тогда невозможно было не поднимать знамени своей веры. Королева была в том лагере, где оказалась с рождения. Она убежденная католичка и сторонница Рима, но реально смотрит на вещи, ни намека на фанатизм.

Екатерина присутствует на ежедневных мессах, заботливо

следит за своей часовней и музыкантами (правда, скорее потому, что она меломанка).

Ей нравится повелевать — она сохраняла власть в большей или меньшей степени до конца своей жизни — она не упускает ни одного способа правления. Она знает двор как свои пять пальцев и все обо всех. Именно она представляет Карлу IX, а потом и Генриху III придворных королевской семьи, рассказывая об их прошлых заслугах. Государственные секретари видят ее влияние и преданы ей в той же, если не в большей степени, чем самому монарху, так как в ней воплощается и поддерживается традиция дома Франции. Когда ее нет в Париже и в замках Иль-де-Франс или в долине реки Луары, она скачет по провинции и объезжает почти все королевство. Она отдает себе отчет в преимуществах личного присутствия и старается чаще принимать представителей местных властей. В конце дня она садится за письменный стол, и более 20 писем ежедневно рассылаются в различных направлениях. Ее корреспонденция, опубликованная Г. де ля Феррьер и Багено де Пюшес, занимает 10 томов в 4 выпуске «Коллекции неопубликованных документов по истории Франции» (1880–1909 годы). Если бы для успешного ведения политики было достаточно только писать, королева Екатерина имела бы полное право на одно из первых мест. В этом отношении Генрих III последовал примеру своей матери. Общество истории Франции уже опубликовало 4 тома его переписки до 1580 года. Потребуется еще 4 или 5 томов, чтобы захватить период до 1589 года.

Но следует ли признавать, что столько энергии, знаний, потраченного времени привели если не к чистому поражению, то, по крайней мере, к очень скромным результатам, поскольку со смертью Генриха III ветвь Валуа-Ангулем угасла? Как опровергнуть убеждение в том, что даже в то время и приверженцы и противники Вдовы в Черном создали ей репутацию человека, в котором объединялись макиавеллизм и цинизм с полной моральной и религиозной индифферентностью? Ее политика напоминает качели, политика уловок и компромиссов, не разбирающая средств, бьющая по друзьям и союзникам сегодняшнего дня и заключающая мир со вчерашними врагами; одним словом, политика, не имеющая ничего общего с Францией и других корней, кроме Италии. Ей очень подходит эпитет «флорентийская», который бросали в лицо матери грех последних королей Валуа как настоящее оскорбление.

Итальянская или французская политика?

Королева Екатерина была прежде всего матерью, заботящейся о будущем своих детей. Здесь не найти лучшего судьи, чем Генрих IV. В одной беседе с первым главой парламента Руана Клодом Груляр, который доказывал ему, что если он женится на Флоранс, то «откуда во Францию пришло зло, оттуда придет спасение», Генрих IV ему заметил: «Прошу вас… что могла сделать бедная женщина, после смерти мужа оставшаяся с пятью маленькими детьми на руках в то время, как две другие французские семьи (наша и де Гизет) только и думали, как бы захватить корону? Не следовало ли ей играть в странную личность, чтобы обмануть и тех и других и сохранить, что она и сделала, своих детей, которые последовательно царствовали один за другим под мудрым руководством такой дальновидной женщины? Я удивляюсь, что она не сделала чего-нибудь похуже…»

Без всякой причины итальянец Давиля одним из первых в своей работе «История гражданских войн» поставил Екатерине в вину изощренный макиавеллизм, с которым, впрочем, он ее поздравляет. Но это комплимент не по назначению. Просто противоречивые события того времени породили в умах противников королевы-матери образ двуличного монстра, надолго вперед продумывавшего политику жестокую и кровавую. Совершенно очевидно, что гугеноты больше всех поддерживали представление, будто Екатерина проводила в жизнь наиболее мрачные максимы Макиавелли. Вначале королева покровительствовала им, но Святой Варфоломей вырыл между ней и реформатами ров, который уже ничто не могло преодолеть. Протестантская пропаганда заставила ее дорого заплатить за изменившиеся обстоятельства.

Если бы королева-мать поступала как итальянка, она действовала бы совсем по-другому. Во время одной своей аудиенции с послом Франгипани 4 августа 1574 года она дала ему довольно показательный ответ.

Прелат предложил истинно итальянскую программу борьбы с еретиками: «Какая ошибка, заявил он, терпеть тот факт, что сыновья Л'Амираля, д'Андело, имеющие во Франции 100 000 франков годового дохода, принц де Конде, два брата Монморанси и другие, находясь в восставшей против короля Германии, пользуются своим имуществом во Франции в войне против ее короля!

Поскольку нельзя покарать их лично, надо конфисковать их владения. Забрать у них средства к жизни, значит уничтожить их. Затем, если короне не будет угодно оставить их богатства у себя, то следует, но крайней мере, раздать их преданным королю

людям. Последние станут вдвойне врагами бунтовщиков и будут постоянно преследовать их, чтобы сохранить у себя их имущество, пожалованное королевской милостью. Таким образом, мы покончим с этими грустными сирами… Королева охотно и благожелательно слушала меня, говорит Франгипани, хотя иногда и замечала, что я слишком суров и рассматриваю дела Франции на итальянский манер».

В этой беседе Екатерина хорошо показала разницу во взглядах и в политике Франции и Италии. На полуострове стремление решить трудности королевства значило действовать предельно жестко. В Италии у оппозиционеров не было другого выбора, кроме кладбища и изгнания. Если им удавалось ускользнуть от убийства или казни, они были *fuorusciti* (то есть людьми, выброшенными из своей страны). Конфисковать состояние изгнанников и передать его их противникам, воздвигнув таким образом непреодолимый для обеих сторон барьер, ввести в королевстве Святую Инквизицию, согласиться без возражений следовать декретам совета 30-ти, — так следовало применить испанскую и итальянскую политику во Франции. Генрих III не больше своей матери к тому стремился. Когда же он был вынужден пойти на это, он ясно предвидел мрачные последствия такого шага.

Деятельность Екатерины была бы понятнее, гели бы не произошло столь неожиданного и исключительного события, каким стала Варфоломеевская ночь. В действительности, королева-мать всегда искала мира. Она предпочитала золотую середину, отдавала свои симпатии законному судопроизводству.

Она избегала крайностей, потому что хорошо знала историю Франции и умела извлекать из нее уроки. Именно поэтому ее врач Кавриана, человек большого ума, давший замечательные суждения о той эпохе, сравнивал ее с коромыслом весов. Впрочем, Екатерина (а затем и ее ученик, Генрих III) следовала традиции Франциска I. Разве не удалось обучавшему ее королю-рыцарю объединить одной политикой интересы французских католиков, турок и немецких лютеран? Кроме того, несмотря на всю свою любовь к власти, вдова Генриха II всегда умела сохранить холодную голову, оценивать имеющиеся силы, выделять главное. Конечно, ей случалось ковать в огне слишком много железа и пестовать проекты зачастую противоречивые, а иногда и авантюрные. В некоторых случаях она путала сугубо личные интересы своих детей с нуждами страны. Но в ней жила и чисто женская осторожность, которая удерживала ее от слишком сильных страстей. Она любила иметь дело с опытными и мудрыми людьми. Ее помощники были серьезны, умны и

рассудительны. Одним словом, ее политика была тщательно продумана, диктовалась необходимостью момента и несла на себе печать выжидания.

Однако столь квалифицированный историк, каким был в свое время Пьер де Вессьер, во вступлении к своей работе «О некоторых убийцах» делает се и Генриха III ответственными за все преступления той эпохи и вменяет в вину «…ненавистную политику последних Валуа…». Его возмущает Бальзак, превозносивший «политику коромысла», благодаря которой «царственная противница одной из самых неплодоносящих ересей смогла поддерживать против нее ортодоксию». Эта политика коромысла, пишет он, «в конце концов изолировала королевский дом от нации, толкая протестантов к Елизавете Английской, а католиков к Филиппу II. Как осуществлялась, продолжает он, и в чем проявлялась эта политика? В очень тщательно вымерянном смешении жестокости и уступок, а также в ослеплении, убеждающем эту Флорентийку, что она должна бороться больше против интересов, чем против идей, и что главы раздробивших Францию партий могли по своему желанию успокаивать или вновь вызывать волнения. Эго оставляло ее в уверенности, что она может управлять, по очереди приближая к себе таких людей благожеланием и любезностью или убивая их в случае сопротивления».

«Я говорю: убивать и, воистину, именно руку королевской власти мы почувствуем в многочисленных кровавых интригах и увидим, как знаменитая «политика коромысла» применялась там в наиболее жестоком виде…»

Приговор, как видно, окончательный, но очевидно несправедливый, Так как не признает трагичного положения королевской власти. Ведь если в то время совершалось множество преступлений, они были не единственным деянием королевы-матери и Генриха III (если вообще можно назвать «преступлениями» решения высшей власти). Не де Гизы ли практически без суда и следствия уничтожили заговорщиков-протестантов из Амбуаз? А если бы не умер Франциск II, принц крови и глава гугенотов Луи де Конде, осмелился бы кто-нибудь на подстрекательства? Если на Екатерине и на герцоге Анжуйском полностью лежит вина за Варфоломеевскую ночь, как на Генрихе III смерть Генриха де Гиза, то П. де Вессьер обходит молчанием главное. События 24 августа 1572 года и 23 декабря 1588 года были лишь неизбежным следствием политической необходимости. В тех крайних случаях ни Генрих III, ни его мать не имели средств и возможности прибегнуть к обычным законодательным мерам. Каковы бы ни были мотивы их действий,

нельзя забывать, что они пользовались совершенно законным королевским правом.

Ясно, что решение приступить к расправе над гугенотами, превратившейся в кровавую резню, не могло бы осуществиться без формального разрешения Карла IX по настоянию его матери. Только король имел право дать его, и, поскольку он это сделал, разрешение было законным *ipso facto* (само по себе). Таким же образом Генрих III здраво рассудил, следует ли арестовывать Генриха де Гиза и начинать процесс. Он принял известные меры против герцога только после того, как убедился в невозможности достичь цели законодательным путем. В те времена повсеместного и слепого насилия, когда католики были не менее жестоки и не менее обагрены кровью, чем гугеноты, монарх, *fons justitiae* (источник справедливости), не мог действовать иначе, кроме как исключительным методом. Когда охвачена политикорелигиозной страстью армия — единственная власть на земле, можно ли упрекать короля за то, что он был загнан в тупик и принужден своими подданными к мерам, которые, несмотря на видимость насильственных действий, были тем не менее законно обоснованы монархическим правом.

Наконец, совершенно забыта ответственность всех его подданных и наиболее высоко стоящих знатных вельмож со всеми своими сторонниками. Они легко выходили за границы законности, не колеблясь становились монархами, узурпировали королевскую власть или конфисковывали ее к своей выгоде. Ослабление королевской власти и правопорядка предоставило им свободное поле деятельности. За этот упадок в первую очередь ответственны подданные Его Величества.

Итак, объяснение поведения королевы Екатерины и ее сына следует искать не в Италии, а главным образом в безвыходном положении внутри страны: радикальная оппозиция довела свойственное французам внутреннее разделение до крайности.

Королева-мать не больше своего сына нуждалась в принципах и методах Полуострова. Напротив, в невероятно сложной ситуации она поддерживала себя и своих детей средствами французской монархии. Едва выйдя из пеленок, молодой Александр-Эдуард очень рано должен был осознать, что судьба, заставив его родиться в 1551 году, не дала ему «попасть в нужный век». Ныло ли для ребенка, принца крови, что-нибудь тяжелее раздоров, в которые он оказался втянут и объектом которых он стал?

Александр-Эдуард между католиками и

протестантами

Александр-Эдуард со своими братьями и сестрой Маргаритой присутствовал на бракосочетании своей сестры Елизаветы и Филиппа II Вновь он встретился с ними 13 августа 1559 года в Сен-Дени на похоронах Генриха II. Контраст между двумя церемониями был резок. Коронование нового короля Франциска II 18 сентября в Реймсе заставило их шагнуть от траура к эфемерному веселью. На обратном пути, прежде чем отправиться в долину реки Луары, двор остановился на некоторое время в Буа де Венсен. Так называли замок, который позднее должен был стать убежищем королевской семьи и местом смерти Карла IX. Молодой 16-летний король Франциск II напрасно демонстрировал намерение оставить за своей матерью управление государством. Екатерина предусмотрительно тушевалась перед кардиналом Лотарингским и Месье де Гизом «Великим», герцогом Франсуа, так как она хорошо понимала, что еще недостаточно сильна, чтобы брать власть в свои руки.

Покинув Блуа в 1559 году, двор остановился в Амбуаз. там молодой герцог Ангулемский впервые узнал о заговоре гугенотов. Речь шла о свержении короля, королевы-матери и аресте де Гизов. У истоков дела стоял не кто иной, как принц крови Луи де Конде, подкупленный Англией, так как королева Елизавета жаждала вернуть себе Кале. Осуществление заговора, продуманного и составленного в Женеве, было поручено знатному и неимущему гугеноту Ля Реноди. Последний воспользовался лживыми обвинениями сочинителя пасквилей Франсуа Османа, бывшего на содержании Бурбонов. В быстро прославившемся памфлете «Тигр Франции» Ф. Отман разоблачал тиранию де Гизов и сравнивал кардинала Лотарингского с кровожадным хищником. Любопытно, чтет немецкие лютеране стали теми, кто, почувствовав ветер заговора и выражая ему неодобрение, его провалили, войдя в контакт с секретной испанской полицией, которая в свою очередь информировала братьев Перрено (испанского посла во Франции Шантоне и министра Филиппа II, кардинала Гранвельского). Они предупредили де Гизов. И когда парижский адвокат и реформатор Де Авенель, приютивший у себя Ля Реноди, переговорил с секретарем герцога Франциска, тот наконец убедился в реальности опасности и объявил в замке Амбуаз осадное положение, чтобы отвести грозу. Екатерина почувствовала необходимость опереться на Шатийонов. В союзе с ними и канцлером Оливье она издает первый Амбуазский эдикт (2 марта 1560 года), который отменял наиболее суровые меры эдиктов Генриха II по репрессиям против ереси. Если как следует изучить

его текст, то становится очевидно, что он является первым шагом к Нантскому эдикту, как, впрочем, и Нимскому эдикту 1629 года. Впервые во Франции политика и религия оказались разделенными: отныне исповедание кальвинизма не было посягательством на благополучие государства. Нет ничего менее итальянского, чем этот эдикт.

Решая перечеркнуть недавнее прошлое, Екатерина надеялась устроить будущее и открыть для французов путь к примирению. Однако этот акт высокой политической мудрости ни к чему не привел. Знатные гугеноты уже не хотели быть наковальней, каковой раньше служили преданные Евангелию нижние и средние слои, и, наоборот, предпочитали быть молотом и прибегать к силе в борьбе против узурпаторского политического господства де Гизов. Всего за несколько дней, с 16 по 20 марта 1560 года, заговорщики были разъединены и уничтожены. Большое количество пленных было повешено на окнах замка. Наслаждались ли этим отвратительным спектаклем молодые принцы, которых привел туда кардинал Лотарингский? Молодой Александр-Эдуард, подобно Агриппе д'Обинье, на всю жизнь сохранившему неизгладимое впечатление того ужасного зрелища, рано узнал жуткие сцены гражданской войны, репетиции которой сопровождали его до последнего дня.

Вообще же, это был очаровательный ребенок, совершенно не склонный находить удовольствие в зрелищах насилия. Амийо был в восторге от его способностей, о чем писал своему другу поэту Понту су де Тийяру после получения епископства 12 декабря 1577 года: он находил в своем ученике таланты Франциска I, но внук имел терпение учить задания и следить за уроками, чем никогда не обладал его дед. В детстве Генрих III любил читать и писать, что и в зрелом возрасте было для него одним из любимейших удовольствий. Но молодой принц был еще и дворянином. Он рано научился танцевать и стал хорошим фехтовальщиком. Его учителем военных искусств был миланец Помпейо, которого прислал к французскому двору маршал де Вриссак. Любезный и обольстительный, как его сестра Маргарита, ребенок восхищает всех, кто к нему приближается, и удивляется легкостью в выражении мыслей и чувств.

Почти 10 лет он выступает только в роли зрителя событий, сценой для которых было французское королевство. Таким же образом он принял участие в Генеральных Штатах, созванных в Орлеане. После заговора в Амбуаз у королевы-матери, королевского совета и де Гизов не было выбора — они должны были посоветоваться с нацией. Екатерина, ловко назначив Мишеля де Л'Опиталя преемником умершего канцлера Оливье,

заручилась поддержкой самого престижного института монархии, а именно института юстиции. Л'Опиталь, в полном согласии с Екатериной, проводил политику религиозной терпимости: известно его обращение к Генеральным Штатам: «…Сохраним имена христиан и упраздним имена лютеран, гугенотов и папистов, имена партий и мятежа!». Однако потребовалось 40 лет кровавых и беспощадных войн, чтобы французы поняли, что лучше жить в мире.

Неразделимое с бедами королевства несчастье, обрушившееся па королевскую семью в 1559 году, не было последним. В ноябре 1560 года ухудшилось состояние здоровья Франциска II. «Я надеюсь, что Господь не причинит мне такого горя и не заберет его у меня. Я страдаю от этих мыслей, полная любви к нему», писала Екатерина герцогине Савойской в конце того же месяца. Несмотря на все приложенные усилия, Франциск II умер от воспаления мозга, сопровождавшегося гнойным спитом, 5 декабря 1560 года между 10 и 11 часами утра. На следующий день Екатерина поделилась своей болью с 15-летним ребенком, своей дочерью Елизаветой, королевой Испании. Екатерина не могла не вспомнить о смерти своего мужа: «Как вы знаете, я его очень любила, писала она Елизавете. Бог отнял его у меня и, не довольствуясь этим, забрал любимого мной вашего брата, оставив меня с тремя маленькими детьми в раздираемом распрями королевстве». Здесь мы видим точную оценку ситуации, в которой она находилась. Однако Екатерина имела голову на плечах. Незадолго до смерти сына она смогла получить права регентства у непостоянного и изменчивого Антуана де Бурбона. Как писал Ж. Г. Мариежоль, Екатерина поднялась вверх «такими вымерянными шажками, двигалась так незаметно, что создавалось впечатление, будто она вообще никуда не идет».

Второй сын королевской семьи, Карл, сменил на троне Франциска II под именем Карла IX. Он родился 27 июня 1550 года, и ему было тогда чуть больше 10 лет. Александр-Эдуард, герцог Ангулемский, почти сразу стал его наследником *ipso facto* (самим фактом) и 8 декабря 1560 года принял титул герцога Орлеанского, который носил его брат, прежде чем стал королем. С этого момента Александр-Эдуард становится личностью, с которой надо считаться. И обнаружилось, что дипломаты дали своим правительствам его, насколько возможно, точный пор грет. Венецианец Жан Микель его описывает следующим образом: «Орлеанцу, как теперь называют Эдуарда, 9 лет. Он на один год младше короля. Правда, что во внешности маленького принца есть большой недостаток фистула между носом и правым глазом. Пока еще не нашли лекарства, способного его вылечить». (Это

одно из первых упоминаний недуга, который долго не оставлял будущего Генриха III.) Эдуард должен был присутствовать на открытии Генеральных Штатов 13 декабря 1560 года. Гравюра того времени запечатлела его по правую руку от Карла IX. За спиной Эдуарда виден его гувернер Франсуа де Керневеной, переделавший свое имя на французский лад в Карнавале, но он еще не получил той известности, которую позже создаст ему маркиза де Севшее.

После отделения Штатов, во время работы которых регентша выдвинула на первый план умеренную политику по отношению к реформаторам, 5 февраля 1561 года двор остановился в Фонтенбло, прежде чем предпринять новое путешествие в Реймс для коронации Карла IX. Пока шла церемония, новый герцог Орлеанский, по особому распоряжению регентши, стоял в первом ряду, впереди всех пэров Франции. Она попросила коннетабля Монморанси уступить свое место молодому принцу, но старый человек с тяжелым характером отказался. Тогда она объявила, что Монсеньор (так называли ближайших братьев монарха) будет занимать место выше всех пэров. Итак, Орлеанец встал рядом с королем и возложил ему на голову корону. Со своей обязанностью он справился легко и непринужденно. Представитель Елизаветы Английской, герцог Гетфорд, писал лорду Сесилю, что Орлеанец выглядел привлекательнее короля.

Монсеньор вновь появился в обществе на знаменитом собрании в Пуасси в сентябре 1561 года среди самых ярых поборников противоположных конфессий. Поскольку регентша и ее советники решительно отказались от жестокого подавления ереси, и не стоял вопрос использования методов Святой Инквизиции, разве нельзя было надеяться на примирение? Двор придавал этой встрече большое значение, несмотря на то, что не было ничего более иллюзорного, чем попытка объединить в ораторских состязаниях столь противоположные идеологии католицизма и кальвинизма. В сопровождении матери, братьев, сестры Маргариты, Карл IX открыл собрание и председательствовал на нем, будто речь шла о Генеральных Штатах. Католиков возмущало, что дети присутствуют на спорах о вере. Самый ярый из присутствующих ортодоксов, кардинал Турнонский, взбешенный речью Теодора де Бэза, слишком хорошо защищавшего положения кальвинистов, не удержался и сказал Екатерине: «…И вы потерпите, что такие ужасные вещи произносятся перед королем и вашими детьми в их нежном и невинном возрасте?» Казалось, королева-мать благосклонно прислушивалась к посулам реформаторов. Может быть, она думала, что будущее принадлежит реформе? Не хотела ли

обеспечить себе возможность выбора? В 1561 году паруса Евангелия надувал попутный ветер. Съезд в Муасси, как вид официального признания реформаторской церкви, укрепил надежды гугенотов. Не подверглась ли Екатерина влиянию Теодора де Бэза и не уступила ли в какой-то мере его авторитету? Ученик Кальвина произвел на собрание очень сильное впечатление. Как признает в своих «Мемуарах» его противник Клод Агон, он «…всех переболтал, лицом и жестами привлекая сердца слушателей…». Екатерине, говорит он, видимо, «…очень понравилось…» его слушать, и на следующий день во время выступления кардинала Лотарингского она «очень по-дружески» заговорила с ним. Бэз сообщил Кальвину, что она подала ему большие надежды («*spem mihi magnam fecit*», писал он на латинском языке, которым пользовался для своей корреспонденции). В других письмах тому же Кальвину он упоминал о своих речах перед королевой, направленных на то, чтобы получить у королевского Совета согласие на благоприятное для реформаторов изменение законодательства.

Королевские дети не могли не почувствовать той благоприятствующей реформе атмосферы.

Однажды молодой Генрих Беарнский, Карл IX и группа детей играли в маскарад и явились в комнату королевы-матери на ослах, одетые в костюмы кардиналов, епископов, аббатов и монахов. Екатерина беседовала с послом папы кардиналом Феррарским, но, кажется, не смогла удержаться от смеха… В другой раз, в ноябре 1561 года маленький Карл IX разгуливал в белом стихаре е посохом в руке и митрой на голове. Когда папский посол узнал об этом и пожаловался на отсутствие уважения к служителям церкви, Екатерина ответила, что это просто «…детские шалости». Если такие проказы и не были опасны сами по себе, то они служили доказательством нестабильности в умах и настроениях людей. Некоторые называли молодого Александра «маленьким гугенотом», что, кажется, повторял он сам. Венецианский дипломат Марк-Антонио Барбаро рассказывает эпизод, свидетелем которого стал один итальянский дворянин. Находясь со своими братьями в комнате короля, герцог Орлеанский «начал корчить рожи двум статуям Святого Петра и Святого Павла, с оскорбительными жестами кланяясь им и самым постыдным образом кусая их за нос». В другой раз Александр-Эдуард приветствовал мадам де Шан тонне, жену посла Испании, словами: «Я маленький гугенот, но вырасту большим» (анекдот, переданный депешей от 30 января 1562 года). Близкая подруга королевы-матери, герцогиня д'Юзе, полагала, что герцог Анжуйский к тому моменту был гугенотом

уже 5 лет. Такое утверждение мы находим в рапорте Дона Франческа де Алава от 1571 года. Пришедший на смену Шантонне, этот дипломат с легкостью причислял людей к еретикам. Он же считал, что герцога Орлеанского вернула к римской вере его сестра Маргарита. Послушаем королеву Марго, которая в своих «Мемуарах» жалует себе диплом римской ортодоксии и отказывает в нем Александру-Эдуарду (упоминаемому под именем Анжуйского). Во время синода в Пуасси, пишет она, «весь двор был заражен ересью»: она же сопротивлялась настоятельным убеждениям многих дам и сеньоров двора и даже своего брата Анжуйского. «Его не обошло влияние гугенотов. Он все время требовал от меня сменить религию, бросал в огонь мой часослов, а взамен давал псалмы и молитвы гугенотов, убеждая носить их с собой…». Гувернанткой Маргариты была католичка мадам де Кюргон. Ей Маргарита отдавала еретические тексты. Гувернантка отводила ее к набожному кардиналу Турнонскому. Он укреплял ее в «истиной вере» и давал другие четки и часослов «вместо тех, которые сожгли». «Мой брат Анжуйский и некоторые другие души, задумавшие погубить мою, оскорбляли меня… мой брат Анжуйский угрожал мне и говорил, что королева-мать прикажет меня высечь. Но он говорил так от себя, потому что королева не знала об ошибке, которую он совершал. Когда же она это узнала, она сильно отчитала его и его гувернеров и приказала воспитывать его в истинной святой и древней религии, от которой она сама никогда не отступала…»

Королева Марго, когда писала эти строки, не могла забыть свою рано проявившуюся враждебность к будущему Генриху III. Он отвечал ей тем же. И не без оснований. Однако другие свидетели не подтверждают обвинений Маргариты Валуа. Клод Атон пишет в 1561 году: «Господа принцы крови, младшие братья короля, были отданы достойным наставникам-католикам, которые

каждый день водили их на мессу…». Конечно, присутствие на мессах не гарантирует абсолютной преданности римской религии. Однажды Карл IX, беседуя с женой Антуана де Бурбона Жанной д'Альбре, спросил, почему ее муж сопровождает его на мессах. Она ответила, что он делает это из почтительности к нему. Король заметил, что охотно принимает его почтительность, что же касается его самого, то он ходит туда только для того, чтобы доставить удовольствие своей матери. Как свидетельствует Клод Агон, Екатерина действительно следовала религиозным обрядам. Однако проницательный ум Теодора де База понимал, что это лишь игра на публику. «Уверяю тебя, писал он Кальвину 16 декабря, королева расположена к нам лучше, чем когда бы то

ни было… Благодарение Господу, я могу тайно сообщить тебе множество вещей о грех ее сыновьях, которые я узнал из хороших источников. В своем возрасте они такие, о чем ты не смел бы и мечтать…» На самом деле любимый ученик реформатора был слишком оптимистичен. Несмотря на свой легко поддающийся влиянию возраст, три сына Генриха II остались католиками. Из них троих Генрих III предоставит в будущем доказательства чистой и безграничной преданности католицизму. С некоторых пор в нем стала заметна никак не соответствующая его возрасту склонность к древней религии. Это было Тем более удивительно, что его гувернер Карнавале никогда не считался ревностным католиком. Франсуа Карнавале был удивительным человеком. В основном он занимался школой де Турнель, где знатная молодежь училась искусству верховой езды, не игнорируя при этом свое духовное и умственное развитие. Ронсар назвал его «вторым кентавром Хироном». Очень сомнительно, чтобы этот человек склонял своего ученика к ереси. Согласно депеше Венитьена Суриано (4 ноября 1561 года), Александр-Эдуард проявлял холодность к своему кузену Генриху Наваррскому (бывшему на два года младше его), которого Жанна д'Альбре воспитывала как гугенота, и был расположен только к Генриху де Жонвилю, старшему сыну герцога Франциска де Гиза, будущему Балафре. Шантонне, в свою очередь, сообщал в Мадрид (депеши от 14 и 16 октября), что «никто не выступает против новой религии так же свободно, как герцог Орлеанский. Он не переносит никого, кто следует этим нововведениям». Подобные свидетельства противоречат словам Маргариты Валуа, всеми способами клеймившей брата в своих «Мемуарах». Что же привело де Гизов к намерению избавить его от влияния его матери? Их неудачная попытка похитить его, чтобы удалить от двора, вызвала у Екатерины самую живую тревогу. В действительности очень трудно представить истинное состояние духа молодого принца среди столь противоречивых свидетельств. Конечно, в зрелом возрасте Генрих II станет идеальным ортодоксом и глубоко верующим человеком. Как рассказывает его секретарь Жюль Гассо в записке государственному секретарю Виллеруа, король назовет гугенотов «лжецами и хвастунами». Что касается эпизода, где он в 10 лег исполнял главную роль, то он очень показателен и свидетельствует о крайней нестабильности политической ситуации и о сильном ослаблении королевской власти в то неспокойное время.

Попытка похищения

(*октябрь — ноябрь 1561 года*)

Во время пребывания двора в Сен-Жермен, когда королевское правительство все больше склонялось к реформе, де Гизы подсказали королеве-матери, что было бы мудро разместить ее детей в разных местах. Жена Франциска де Гиза Анна д'Эст предложила отправить молодого Александра в Лотарингию, где правила его сестра герцогиня Клавдия, а Эркюля-Франциска в Савойю, где он мог бы найти защиту и покровительство своей теги герцогини Маргариты. Такая неожиданная забота насторожила Екатерину. Послать герцога Орлеанского в Лотарингию, герцога Анжуйского в Савойю, не значило ли это отдать в руки могущественных католиков будущее Франции и в случае необходимости дать им возможность сделать из принцев крови заложников? Герцог Орлеанский вполне мог бы служить номинальным главой партии католиков. Екатерина встревожилась еще больше, когда узнала от одного из слуг герцога Орлеанского то, что доверил ему ребенок: 11 октября 1561 года герцог Немур, Жак Савойский, отвел Александра в сторону и тайно разговаривал с ним. Прославившийся в итальянских войнах и известный своими галантными похождениями, Немур недавно вошел в королевский Совет. Его склонность к де Гизам была очевидна, тогда как Бурбоны и реформаторы испытывали к нему явную неприязнь. Узнав от слуги о предложениях Немура, Екатерина на следующий же день пришла к сыну в сопровождении дам де Крюссоль, де Карнавале и де Виллекье. Королевскому сыну оставалось только рассказать все, что он знал.

Жак Савойский наудачу спросил его: «Какую религию вы исповедуете? Вы гугенот или нет? — Я исповедую, — ответил ребенок, — религию своей матери». Поскольку две служанки королевы находились за занавесом и прислушивались к разговору, Немур отвел принца подальше и продолжал: «Не замечаете ли вы осложнений в королевстве, которые могут стать причиной его гибели? Король Наваррский и господин Конде хотят стать королями Франции. Было бы хорошо, если хотя бы вы находились в безопасности… Если пожелаете, я отвезу вас в Лотарингию или Савойю. Вам будет там очень хорошо с вашей сестрой госпожой Лотарингской или вашей тетей госпожой Савойской! Они так любят вас! Вы будете окружены там почетом и уважением! Конечно, там будет гораздо лучше, чем во Франции, где все идет из рук вон плохо, и где к тому же вы не в безопасности. У меня есть возможность забрать вас отсюда так, что никто не сможет помешать. И никто ничего не узнает…». Он

добавил, что господин де Гиз намеревается покинуть двор и не сможет позаботиться о молодом принце, но в следующий свой приезд он предоставит себя в его полное распоряжение.

Видимо, ребенок согласился и приготовился к ночному бегству через парк Сен-Жермен. Немур, естественно, убеждал его молчать: «… Остерегайтесь рассказать это королеве. Если вас спросят, о чем мы с вами беседовали, скажите, что я говорил о комедиях…»

Королева также узнала, что путешествие в Лотарингию или Савойю предлагалось герцогу Орлеанскому не один раз. Генрих де Жуанвиль не однажды говорил об этом: «…Вы будете так счастливы! У вас будет столько свободы! Вдвоем мы будем хорошо и вкусно есть! Мы испробуем такие удовольствия, о которых можно только мечтать…». Любопытная ирония судьбы! Будущий «король» парижских баррикад в мае 1588 года, глава Святой Лиги, непримиримый враг Генриха II, был тогда его лучшим другом и постоянным компаньоном в играх.

Так Немур разговаривал с Александром, затем, не покидая комнаты короля, заговорил с де Гизом, и они оба сделали знак молодому принцу де Жуанвилю, а когда он подошел, долго наставляли его. Последний вернулся к своему товарищу и почти дословно повторил то, что говорил Немур: «Монсеньор, я узнал, что королева намерена отправить вас и вашего брага в прекрасный дворец в Лотарингии, чтобы там подышать свежим воздухом. Подумайте: не поехать ли вам с нами? Я вам обещаю прекрасный стол».

На следующий день, 12 октября, де Жуанвиль вернулся к геме и рассказал принцу, как тот покинет Сен-Жермен. «Вас заберут ночью. Вы вылезете через окно, выходящее на ворота парка, и сядете в приготовленный экипаж. Так вы попадете в Лотарингию, прежде чем хоть кто-нибудь об этом догадается». В другой раз, покидая со своими родителями двор и желая распалить чувства компаньона, он ему сказал, что в Лотарингии его жизнь будет значительно веселее, чем в Сен-Жермен: «Здесь я должен каждый день учиться: там я буду только охотиться и развлекаться». Наконец, когда 21 октября Немур уезжал, он сумел шепнуть герцогу Орлеанскому: «Монсеньор, помните о том, что я говорил, но никому ничего не рассказывайте!».

Королева была ошеломлена этим признанием, тем более, что заговор почти удался. У нее хотели забрать ее «маленького», и ребенок не проявил никакого видимого сопротивления. В его первом признании не было и следа противодействия проекту, о котором с ним вели разговор.

Екатерина сочла необходимым представить официальную

версию, согласно которой герцог Орлеанский играл более подходящую роль: будто бы он сразу же все рассказал матери. Так королева передала о случившемся Филиппу II. Каково же было ее удивление, когда 17 октября от имени короля Испании Шантонне дал совет поместить ее детей в разных городах. Хитрая Екатерина ответила, что если она и расстанется с одним из своих сыновей, то предпочтет доверить его Филиппу II. Последовавшие депеши Шантонне доказывают, что Испания никак не была связана с де Гизами. Просто дипломат посчитал себя вправе лично посоветовать Екатерине то же самое, что и де Гизы. 31 октября он писал Филиппу II: «Надо лучше знать намерения герцога Немура, чтобы подробнее говорить об этом деле». Итак, он не мог быть его вдохновителем.

Королева решила ни о чем не сообщать. Однако охрана была удвоена, особенно тщательно охранялись все входы и выходы, вокруг комнат короля и его братьев были поставлены часовые. Говорят, она даже приказала заложить выходящие в парк окна апартаментов герцога Орлеанского. Объяснения ограничились словами, что принимаются предосторожности против разразившейся в Сен-Дени эпидемии. О признании Александра-Эдуарда знали только де Крюссоль, де Карнавале, де Виллекье и государственный секретарь Л'Обеспин. Екатерина считала, что не следует трогать ни одного де Гиза. Герцог и кардинал де Гизы, герцог Немур и де Лонгвиль покинули двор утром 21 октября, двумя днями позже уехал кардинал Монморанси. Только после их отъезда Екатерина приступила к действиям. Она отправила де Крюссоля к де Гизам в их замок Нантей-ле-Одуен с сообщением о раскрытии заговора. Герцог Франциск и кардинал Лотарингии всячески отрицали свое причастие к заговору и сваливали все на гугенотов, что было с их стороны наглой ложью. Возможно, предложения Немура, такие, какими де Крюссоль передал их де Гизам, действительно удивили их. Можно допустить, что они частично были искренни, высокомерно отрицая посулы Немура. После возвращения де Крюссоля в Сен-Жермен 29 октября, по настоянию королевы, герцог Орлеанский предстал перед Карлом IX и королевским советом, который состоял в основном из гугенотов или противников де Гизов. Принц поклялся говорить правду, повторил свой рассказ, упомянул о предложениях Немура, по умолчал (без сомнения, с согласия матери) о роли де Гизов и подписал с вое заявление. 30 числа в присутствии Антуана де Бурбона и Орлеанца (гак звали молодого герцога) регентша вновь подняла эту тему в разговоре с Шантонне: посол доказывал неправдоподобность плана Немура и подчеркивал реальные трудности его исполнения. И конечно же, одобрил

принятые королевой меры предосторожности. Сидя между Карлом IX и герцогом Орлеанским, Екатерина спрос ила последнего, почему он хотел оставить ее и уехать с Немуром. «Прошу прощения, мадам! — смущенно ответил Александр. — Я и не думал ничего такого», сообщает Шантонне Филиппу II в депеше от 31 октября.

Вся эта мизансцена не имела другой цели, кроме устрашения главного действующего лица. Регентша приказала привести к ней Немура живым или мертвым. Но тот сумел добраться до Савойи и ограничился тем, что прислал ко двору своего представителя Филибера де Линероля, который был арестован 20 ноября. Немур уполномочил его извиниться перед королевой и восстановить истину. Его предложения герцогу Орлеанскому были просто пожеланием. Кроме того, тот план похищения и путешествия совершенно неправдоподобен. Дело, возбужденное против эмиссара Немура, оставалось открытым из-за упрямства Антуана де Бурбона, врага герцога Савойского. Екатерина поняла тщетность расследования. Оно показало, что против Немура и его воображаемых сообщников не было ничего, кроме слов 10-летнего ребенка. Брантом считает, что Немура разыграла служанка королевы по просьбе Антуана де Бурбона, но это слишком просто и отдает интерпретацией романиста.

Примирение облегчило вмешательство герцога Савойского, Эммануэля-Филибера. Он преподнес Карлу IX прекрасное миланское вооружение, а Александру-Эдуарду шпагу, кинжал и щит. Зачем 8 апреля 1562 года Антуан де Бурбон помирился с герцогом Нему ром, после кровавой резни в Васси примкнув к партии католиков. Король Наваррский был шокирован обвинениями герцога Орлеанского в намерении захватить корону путем убийств и насилия. В письме к нему Немур опровергает приписываемые ребенку слова и утверждает, что всегда будет считать его «добродетельным королем и человеком чести». Итак, между ним и Жаком Савойским установился мир. Екатерина больше не настаивала. 8 апреля 1562 года Шантонне писал Филиппу II, что она будет молчать об открытиях герцога Орлеанского, а 8 июля он сообщил, что она согласна на возвращение Немура. Тем не менее она осторожно относилась к чувствам сына: «Со временем Монсеньор Орлеанский поймет, удовлетворен он поведением Немура или нет…».

Что подумать об этом эпизоде? Разговоры между Александром-Эдуардом, Немуром и Жуанвилем вызвали в сердце не обладавшей твердой властью матери вполне законное волнение. Но процесс против Немура в конечном итоге ни к чему не привел. Естественно, партия католиков была озабочена

безопасностью королевских детей с выгодой для себя. Иначе не объяснить предложения де Гизов и советы Шантонне. Авантюрный, предприимчивый, любящий риск Немур, без сомненья, по собственной инициативе забежал вперед. Екатерина хорошо усвоила, что невозможно обосновать юридическое действие словами, не подкрепленными доказательствами. Но сам факт, что подобные мысли могли родиться в умах некоторых руководителей католической партии, свидетельствует об очевидной слабости власти перед лицом заговора.

Какими могли быть истинные чувства молодого герцога Орлеанского? Повлияло ли это испытание на его ум и религиозные убеждения? Как знать? Мы видели, как ему было трудно выбрать между теми, кто считал, что он склоняется к гугенотам, и теми, кто полагал, что он откровенно враждебен к ним. Скорее всего, он колебался и в зависимости от окружения принимал то одну, то другую сторону. Как бы там ни было, вызванный съездом в Пуасси кризис был незначителен. Один из его участников, бывший посол в Риме Жан-Поль де Сельв, кажется, сам на себя оказал благотворное влияние (в 1567 году по рекомендации герцога Орлеанского он был назначен епископом Сен-Флуа). Когда в 1569 году епископ попросил освободить его от должности по состоянию здоровья, его бывший ученик написал своей матери: «Вы знаете, мадам, что вы выбрали для моего обучения слово Сен-Флуа, и что я подал бы всем своим плохой пример, если бы память о его услугах была похоронена вместе с челом». Уроки наставника, безупречная ортодоксальность которого общепризнана, не мешали испанскому послу в 1563 году продолжать подозревать Карнавале в подрыве веры своего ученика. Узнав об этом, гувернер попросил посла короля в Мадриде Жана де Сен-Сюльииса довести до сведения королевы Елизаветы, что «он будет учить ее брата только добродетельным вещам и воздержится от религиозных дискуссий». Как мудро Карнавале изъявил желание воздерживаться от любых религиозных споров в отношении веры! Съезд в Пуасси очень хорошо продемонстрировал их тщетность и даже вредность. Слало невозможно почувствовать разницу между гражданскими войнами и взаимной враждой двух противоположных конфессий, одна исключала другую. Однако следовало действовать согласно закону. А эго была роль королевского правления. Но закон обнаружил стоящую перед собой силу оружия. Управлять без власти и удерживать в повиновении, не имея для этого никаких средств, таким был удел регентши с 1562 по 1563 года, пока шла первая религиозная война.

От съезда в Пуасси до путешествия по королевству (*1561–1563*)

В последние недели 1561 года на юге и юго-западе гугеноты убивали монахов и верующих, а католики спешили посчитаться с реформаторами. В Париже, где с молчаливого согласия Екатерины собирались протестанты, случай в приходской церкви Сен-Медар взволновал сторонников обеих конфессий и сильно взбудоражил маленький парижский народ, который всегда враждебно относился к нововведениям. Королева только и могла сделать, что вернуться к своим прежним позициям; «беспорядки и мятежи», вместо того чтобы утихнуть, продолжались. Екатерине было трудно признаться самой себе, что одной из причин вспышек насилия было издание и опубликование приказа, по которому она получала право приостанавливать исполнение законов. Но она упорно продолжала верить, что новый эдикт положит конец волнениям. Она посчитала нужным созвать в Сен-Жермен магистратов независимых дворов, чтобы с королевским Советом выработать средства для успокоения умов. Канцлер высказался за предоставление протестантским проповедникам свободы собраний, поскольку принудительные меры не оправдали себя. «Король, заявил он, не намерен втягивать вас в спор о том, чье мнение лучше, потому что здесь вопрос не в де *constituenda religione sed de constituenda republica* (не в утверждении религии, а в приведении в порядок общественных дел), и многие могут быть *cives qui non erunt christiani* (гражданами, даже если они не христиане), даже отлученный от церкви имеет право быть гражданином…»

Невозможно более радикально разделить политику и религию, гражданский закон и веру, определить им столь разные сферы компетенции. Теория, предложенная Л'Опиталем, не была приемлема ни для одной страны XVI века. Она провозглашала светский характер государства, то есть полную его нейтральность в вопросе религии. Но, несмотря на мнение канцлера, католицизм был религией короля, а значит, и государства, подобно кальвинизму в Женеве, англиканству в Лондоне или лютеранству в германских государствах.

Дебаты съезда в Сен-Жермен были оживлены, а иногда даже отмечены насилием. Из 48 участников обсуждения 27 отказались предоставить реформаторам храмы, признавая при этом их право на собрания для богослужения; 22 напротив, давали им право иметь храмы. Перед закрытием очень красноречиво выступила Екатерина. Она просила депутатов вспомнить, что она сама и ее дети стоят за католицизм и за то, чтобы представители новой

религии не имели храмов и вернули те, которыми завладели. Они не должны ни строить храмов, ни собираться в городах, за исключением тайных встреч в частных домах. Эдикт 17 января 1562 года запрещал отправление реформаторского культа в городах, но дозволял эго вне их «до принятия решения… общего Совета…» Екатерина только для того и провозгласила себя сторонницей римской ортодоксии, чтобы католики легче восприняли предлагаемый им режим полутерпимости или, если хотите, географически ограниченной терпимости. Но Парламент Парижа отказался утвердить этот эдикт, и королева неизбежно должна была подвергнуться упрекам и обвинениям испанского посла.

Шантонне мог только пожаловаться на выступление канцлера. Он предложил королеве прогнать министров, обещая поддержку Филиппа II. Она ответила, что не хочет видеть в королевстве иностранных армий или развязывать войну, которая вызвала бы их вмешательство. Здесь речь шла только о закуске. Вскоре Шантонне набросился на «…питание (понимай образование) короля и его братьев», говорится во французском донесении, утверждающем, что «перед ними каждый свободно говорил о религии то, что хотел». Задетая за живое, Екатерина ответила, что «это касается только ее, и что он (Шантонне) очень хорошо осведомлен, правда, о довольно любопытных вещах, а не об истинном положении дел. И, если бы она знала осведомителей, лживо извращающих все ее действия, она дала бы им понять, как они забываются, когда так несправедливо и непочтительно говорят о ней». Ее дети, добавила она, очень послушны ей и всегда все рассказывают. Шантонне может убедиться, что она в курсе всего, чему их учат, и что она кормит (воспитывает) их таким образом, чтобы быть уверенной, что однажды это королевство и все добрые люди будут ей очень признательны.

Для королевы не было ничего более унизительного, чем подобное вмешательство посла Филиппа II в воспитание ее детей. Дипломат выступал в роли инквизитора, а Екатерине оставалось оправдываться и успокаивать своего дядю Филиппа II. В одном письме в январе 1562 года «Господину моему сыну» она говорит, что «всегда будет проводить грань между теми, кто придерживается нашей прекрасной религии, и теми, кто отклоняется от нее»; но возраст ее сына и неспокойное положение в государстве «не позволили мне открыть всему миру мою душу и вынудили сделать множество вещей, которые при других обстоятельствах никогда не были бы сделаны». Испанская политика искала способы если не ослабить обладательницу

королевской власти, то по крайней мере получить над ней преимущества. Лучшим средством для достижения этой цели было заронить подозрение и сомнение в истинном отношении к вере королевских детей, если не удастся это сделать применительно к их матери. Будучи молодыми и легко подверженными влиянию, они не могли подобно ей быть осторожными и отводить любую критику. Вся корреспонденция Шантонне с 1562 по 1563 год полна недоброжелательных и коварных намеков на ортодоксальность королевских детей и их окружения.

К тревоге королевы, которую намеренно поддерживал Шантонне, в начале 1562 года внезапно добавилась кажущаяся невозможность удерживать равновесие между католиками и реформаторами. Антуан Бурбон оставил лагерь гугенотов и, следуя своему изменчивому характеру, присоединился к триумвирату руководителей католической партии. В него входили коннетабль де Монморанси, герцог Франсуа де Гиз и маршал де Сен-Андрэ. Когда 22 февраля Колиньи и д'Андело покинули двор, регентша оказалась один на один с триумвиратом и королем Наваррским, к которому после смерти Франциска 11 должно было перейти право регентства, так как он был первым принцем крови. Из Фонтенбло, где она остановилась после Сен-Жермен, Екатерина тайно написала 4 письма младшему брагу Генриха Наваррского Луи де Конде, надеясь заручиться его поддержкой. Конде счел нужным направить их копии германскому Сейму и протестантским принцам в Германии. К несчастью, испанский посол ухитрился получить один экземпляр. Екатерине пришлось давать объяснения. Луи де Конде отказался взять под покровительство Карла IX и французский двор и покинул Париж, забыв, замечает в своих «Мемуарах» Таванн, что быть хозяином короля и Парижа означает половину победы.

Прибыв в Фонтенбло, Франсуа де Гиз насильно привозит двор в Париж. Единственным условием королевы было возвращение к январскому эдикту, что она вскоре и осуществляет. Тем временем Конде поспешил выйти в море и направился в Орлеан, превратившийся в крепость реформаторов. 5 апреля «король и королева прибыли в Буа де Венсен, и многие парижане шли вместе с ними», пишет Пьер Паскаль в своем «Журналы» На следующий день королевская семья вошла в Париж через «Сен-Ладр (Сен-Лазар) вместо Сен-Дени… Глава парижской торговли в сопровождении большого числа буржуа и торговцев шел перед королем де Сен-Ладра… Король проследовал по улице Сен-Дени и расположился в Лувре. Королева шла по левую руку короля, а Монсеньор Орлеанский на 1–2 шага впереди короля и королевы».

К первому знаку, которым было возвращение в Париж, вскоре добавился второй. 11 апреля, подтверждая январский эдикт и формально отступая от правил, король запретил в Париже и его окрестностях проповеди, общественные и частные собрания, любые формы богослужения, которые не относятся к католической религии. На следующее воскресенье «король и королева, Монсеньор Орлеанский, в сопровождении короля Наваррского, господ Коннетабля, де Гиза и других принцев и знатных сеньоров отправились в большой собор Парижской богоматери набожно слушать мессу. Огромное количество людей молило там Господа спасти и сохранить короля в истинной и чистой религии Иисуса Христа».

Удовлетворенные, члены католического триумвирата пожаловали Екатерине диплом ортодоксии, о чем она не замедлила сообщить подозрительному Филиппу II. 14 мая она смогла наконец покинуть Париж и поселиться с сыновьями в своем замке Монсо-ан-Бри, давая понять, что королевская семья никак не стеснена в своих передвижениях. Однако во избежание любых неожиданностей они решили отправить детей обратно в Венсен в сопровождении 200 дворян и 300 солдат под командованием Филибера Строззи. Там они должны были оставаться до конца июля. «На 29 день мая, рассказывает П. Паскаль, король, королева и Монсеньор, организовавший празднование Тайной Вечери в Мо, вернулись в Буа де Венсен, где их встретили господа Коннетабль, де Гиз, маршал де Сен-Андре и кардинал д'Арманьяк, еще не имевший случая засвидетельствовать королю свое почтение…» Одна фраза, не привлекшая внимание издателя П. Паскаля Пьера Шампиньона, заставляет вскочить от удивления. Эта фраза касается Монсеньора. Конечно, Монсо-ан-Бри расположен недалеко от Мо, где было много реформаторов. Но как поверить в то, что Екатерина, давшая всевозможные заверения членам триумвирата, так ослабила свою бдительность, что позволила герцогу Орлеанскому отмечать в Мо Тайную Вечерю. Нет ничего, что подтвердило бы слова Паскаля. Поэтому он скорее всего распускает бездоказательные слухи. Однако они показывают, как жили французы, когда все было возможно.

Раздробленность королевства росла. Не замедлил восстать Лангедок. За ним последовал Орлеан. Екатерина надеялась переманить на свою сторону Луи де Конде. В своем манифесте от 8 апреля он заявил, что взялся за оружие для того, чтобы освободить короля и королеву, заставить недовольных следовать январскому эдикту и восстановить религиозный мир, разрушенный герцогом де Гизом. Принужденный Парламент

принял эдикт и ответил Луи де Конде, что если и не будет исполняться последний эдикт как первый (июль 1561 года), то право «соблюдения и охраны законов» принадлежит одному королю, а не «подданным с авторитетом и оружием». Отныне реформаты поняли, что единственный выход для них — путь повиновения. Слишком уверенная в своей ловкости, силе убеждения и способности к дипломатии, Екатерина не смогла договориться с принцем Конде. 27, 28 и 29 июня она трижды встречалась с ним в аббатстве Сен-Симон, около Талей, недалеко от Блуа. Без сомнения, она убедила бы его сложить оружие и с позволения короля уехать из Франции. Но тут воспротивился Колиньи. После подобного провала королеве оставалось только возглавить армию или, по крайней мере, сделать вид, что она ее возглавит. Так «на 27 день июня, в день Святой Анны, перед мостом Шарантон в прекрасном строю проследовало 5000 ландскнехтов под командованием графа Ринграва. Зрелище было великолепно, Так как там было по меньшей мере 4000 нагрудных лат и шлемов». Королева со своими детьми производила смотр с Шарантона: «Король поднялся на прекрасного испанского коня с пистолетом в ленчике седла. То же сделал и господин Орлеанский, только у него не было пистолета». Ландскнехты подняли пики и опустили их наконечниками к земле. Впервые будущий Генрих III присутствовал на военном параде.

Через несколько дней королевская семья оставила Буа де Венсен и, пообедав в Тюильри, отправилась ночевать в Буа де Булонь, в Мадридский замок (до наших дней не сохранился). Париж превратился в настоящий укрепленный лагерь, где вооруженный народ ежедневно ждал штурма бунтовщиков. Атмосфера становилась все более зловещей из-за свирепствовавшей там чумы. Приток в город жителей соседних деревень резко увеличил количество ее жертв. Этим летом Карл IX и герцог Орлеанский чаще всего останавливались в Венсен. Том временем война двух лагерей распространилась на все королевство.

Оказавшись перед необходимостью вести войну, регентша запросила помощи у Филиппа II, герцога Савойского и Папы Римского. Конде и Колиньи, со своей стороны, могли обратиться только к Англии и протестантским принцам в Германии. Последние за высокие проценты предоставили людей и субсидии. Королева Елизавета потребовала возвращения Кале, по договору Като-Камбрези вновь отошедшего к Франции, а в залог немедленную сдачу Гавра. 20 сентября 1562 года в Хемптон Кем представители обоих принцев согласились подписать это унизительное соглашение. Захватив Пуатье (30 мая) и Бурж (31

августа), королевская армия направилась к Руану, бывшему в руках гугенотов. Екатерина остановилась недалеко от нормандской столицы в Пон-де-Ларш. Ее сопровождал герцог Орлеанский. 3 ноября он присутствовал при аудиенции королевы, данной англичанину Смиту. Смит заменял посла Англии Трокмортона, вынужденного покинуть Париж, где он был уже не в безопасности. Что бы ни было на уме у регентши, она не хотела рвать отношения с Англией, несмотря на то, что Елизавета поддержала ее мятежных подданных и потребовала у них сдачи французского порта.

К счастью, события развивались быстрее и благоприятнее, чем было предусмотрено. Первая гражданская война была не очень длительна. Через несколько дней после взятия Руана скончался Антуан де Бурбон из-за последствий удара аркебузой при взятии города (17 ноября). 19 декабря Франсуа де Гиз одержал победу над гугенотами в сражении при Дре. Главы обеих армий, Конде и старый Монморанси были захвачены в плен, маршал де Сен-Андре убит. Екатерина и ее сыновья смогли, наконец, вернуться в Париж, куда они прибыли 22 декабря. П. Паскаль передает, что как только стало известно о победе в Дре, король и королева поспешили в Париж. В большом соборе Парижской богоматери пели *Te Deum laudamus* (Тебя, Бога хвалим). Во вторник была организована «большая процессия, в которой участвовали король и королева, бывшие при дворе принцы. Парламент в своем красном одеянии, все офицеры и магистраты города, со звоном колоколов, органом, музыкой и всем тем, что обычно делают для радости публики…» Слушать *Te Deum*, принимать участие в шумной процессии было для регентши исполнением официальных обязанностей. Главное — восстановить мир. Для более удобного ведения переговоров с пленным Конде она едет в Шартр, где позже к ней присоединится герцог Орлеанский (покинувший Париж 5 января). 22 числа, когда Франсуа де Гиз начинает осаду Орлеана, королева и ее дети возвращаются в Блуа. Примерно через месяц рядом с герцогом Орлеанским Полтро Мере убивает Франсуа де Гиза. Триумвират прекратил свое существование. Регентша оказалась освобожденной от руководителей обеих партий. Оставался на свободе и угрожал один Колиньи. Выпущенные на свободу, коннетабль и Конде обсуждали условия мирного договора. Екатерина покинула Блуа и расположилась в Сен-Месмен, недалеко от Орлеана. Александр-Эдуард жил то в Блуа, то в Амбуаз, иногда встречался со своей матерью. И вот Колиньи прибыл в Сен-Месмен как уполномоченный Конде. 13 марта 1563 года на острове Иль-о-Беф, посередине реки Луары, был заключен

мир. Новый мирный договор, подписанный в Амбуаз 19 марта 1563 года, по всему королевству давал реформатам право свободы сознания, однако свобода богослужения предоставлялась только высоким господам и владельцам имений, с их семьями и слугами для первых и с семьями в их доме для вторых. Что касается простых верующих, то они могли, по усмотрению глав судебного округа, иметь свои храмы в сельской местности. Париж и его пригороды исключались из этого указа. Данный компромисс выдавал усталость протестантской знати и желание герцога де Конде оказаться на свободе. Кальвин и Бэз чувствовали себя подавленно. Аристократия партии с легким сердцем принесла дело в жертву своим личным интересам. В глазах народных масс, которые до сих пор были благосклонны к реформатам, реформация приняла ненавистный вид привилегии. Еще хуже стала восприниматься пропаганда гугенотов, и прогресс религии замедлился.

В эйфории вновь обретенного мира Екатерина подумывала о женитьбе своих детей. Для Карла IX она наметила одну из дочерей императора, а герцога Орлеанского ей очень хотелось видеть в союзе с дочерью герцога Клевского. Екатерине не терпелось скорее увидеться со своими детьми, и она встретилась с ними 6 апреля в Амбуаз. Затем, через милый ее сердцу Шенонсо и Сен-Жермен 16 мая она прибыла в Париж. В тот же день она побывала на банкете в епископстве и на обеде в Отель де Виль. На следующий день, 17 мая, она позавтракала в аббатстве Сен-Виктор, пообедала в Тюильри и поужинала в Мадридском замке. Она предпочитала не задерживаться даже в Париже и 29 мая ненадолго расположилась со своими в Венсен. Теперь, когда установился мир между французами, надо было изгнать из королевства англичан. Конде и старый коннетабль объединились для взятия Гавра, который королева Елизавета отдавала только в обмен на Кале. 29 июля, теперь уже 11-летний герцог Орлеанский прибыл в укрепленный лагерь французов. Гавр защищало от 4000 до 5000 англичан с поддержкой артиллерии. Однако 30 июля истощенный чумой противник вынужден был сдать город, и Екатерина увидела отплывающие корабли захватчиков.

После такого успеха настал час укрепления королевской власти. Вернувшись из Гавра, 12 августа королева и ее сыновья вступили в Руан. Молодой король и его брат, герцог Орлеанский, ехали на лошадях, покрытых золотыми попонами. 17 августа, в великолепном парламентском зале Нормандии, Карл IX объявил себя совершеннолетним. Король покинул Руан 19 августа и после довольно длительного путешествия по Нормандии и территориям, лежащим к западу от Иль-де-Франс, 1 октября

вернулся в Мадридский замок и 8 октября в Лувр. Там королевская семья оставалась до конца декабря.

Герцог Орлеанский заболел болезнью, которую трудно было определить. Полагали, что это оспа или просто корь. Но болезнь, кажется, была не особенно опасна. Епископ Масона писал в Мадрид послу Жану Сен-Сюльпису: «С Божьей помощью все обойдется…». Гораздо более серьезной оказалась болезнь молодого герцога вечной того же года, о чем Шантонне передавал Филиппу II точные сведения. У ноздри со стороны левого глаза произошло какое-то выделение (испанский термин *fontenzilla* означаем небольшое нагноение). Врачи вызвали на руке искусственный нарыв, который «должен был постоянно оставаться сокрытым, чтобы накопившаяся в голове влага не выходила, как раньше, в другом мес те…» (депеша от 20 марта 1563 года). Так объясняется «фонтан» правой руки, о котором упоминали в своих депешах дипломаты. Ребенок стеснялся этого нарыва, что было заметно, когда он поднимал руку для подписи каких-либо бумаг. Но недоброжелательного Шантонне больше, чем вопрос физического состояния, занимала проблема морального и религиозного здоровья первого наследника Карла IX. Мы не будем возвращаться к его высказываниям относительно воспитания королевских детей, однако любопытно отметить, как он менял свои утверждения с 1561 по 1563 год. Заявив о своей убежденности в ортодоксальности Александра-Эдуарда, он, Шантонне, обвиняет его в ереси. Гак, 3 февраля 1563 года он пишет Филиппу II, что герцога Орлеанского можно считать потерянным для римской веры: «Не понимаю, почему королева-мать ничего не делает для его спасения, ведь герцог Орлеанский еще совеем ребенок… Известно, что вышеупомянутый Орлеанец не почитает просвиру святым причастием, но называет ее «Жаном Ле Планом». (Наиболее фанатичные протестанты выражали так свое презрение, если не ненависть к чистой просвире, «Самому Святому Причастию у Алтаря» для католиков). Хорошо заметно, что деятельность Шантонне в Париже имела целью очернить ребенка в глазах Филиппа II и таким образом открыть путь для усиления вмешательства Испании в дела Франции. Смелость этого испанского жителя Франш-Конте поистине не имела границ. Вот как он отчитывался об аудиенции у королевы: «… Когда я вошел в комнату королевы, король и герцог Орлеанский поспешили расположиться справа и слева от нее. Затем появилась госпожа Маргарита. Она села со стороны герцога Орлеанского, а с ней и герцог Анжуйский. Одновременно вошла госпожа Вандом (Жанна д'Альбре; Испания оспаривала у д'Альбре титул короля Наваррского), она села рядом с королем. Итак, в логове королевы-

матери собрался целый совет и стало совершенно невозможно говорить о чем-то таком, что не должна слышать вся эта компания…».

Совершенно очевидно, что Шантонне добивался аудиенции у королевы с намерением пожаловаться на быстрое распространение ереси. При дворе он встретил много знатных дам, которых можно было бы заподозрить в инакомыслии. Одна из них, которую он называет Кюрсо, не кто иная, как госпожа Крюссоль д'Юзэ, близкая подруга Екатерины, очень любимая ее детьми. Королева звала ее «моя сивилла». Позднее Генрих III адресовал ей письма, полные острот и мнимого ухаживания. Герцогиня д'Юзэ действительно была умеренной католичкой, что не могло не волновать Шантонне. Но его переполняла радостью возможность сказать Филиппу II, что королевские дети больны, а Франция воюющая сама с собой раздробленная страна. Депеша, отправленная незадолго до путешествия двора по королевству, еще раз доказывает его постоянную подозрительность. Упоминая о договоре между Луи де Конде и Жаком Савойским, герцогом Нему ром, он пишет: «Принц де Конде в одном письме утверждал, будто герцог Немур хотел выкрасть и увезти с собой герцога Орлеанского. Принц опубликовал опровержение и оправдался, процитировав сказанное по этому поводу герцогом Орлеанским. С тех пор Конде и Немур не разговаривают друг с другом. Я знаю, что принц де Конде хотел бы услышать от герцога Немура, что он считает его хорошим и верным родственником, преданным подданным Его Величества Короля. Но я знаю также, что герцог Немур никогда не хотел такое сказать».

Ясно, что Шантонне не был недоволен враждебностью даже замаскированной внешним согласием между домами Бурбонов и Гизов. Именно на этом антагонизме и построит Филипп II свою будущую политику во Франции. К счастью для королевы-матери, исчезновение Антуана де Бурбона (главы дома Бурбонов) и герцога Франсуа (главы дома Гизов) дали ей передышку. Генриху де Бурбону, сыну Антуана, было 11 лет, а сыну Франсуа, Генриху Лотарингскому, 9 лет. Отягощенный годами коннетабль де Монморанси после своей неудачи с Дре и Конде стал более миролюбивым и мечтал только о том, чтобы унаследовать при дворе место Антуана де Бурбона. Благодаря ослаблению «партий», Екатерина 4 года могла спокойно править, конечно, не без осложнений, но и без мятежа, с властью, которой никогда раньше у нее не было. Она воспользовалась этим для представления Карла IX его подданным и восстановления лояльного отношения французов к короне.

Глава вторая
Путешествие королевской семьи по Франции и планы женитьбы герцога Анжуйского
(1564–1566)

Королева-мать в 1564 году

С момента смерти Франциска II непризнанной, но явной задачей обеих партий было опекунство над малолетним королем и его матерью. Луи де Конде после некоторых колебаний вскоре отказался от этой затеи. Франсуа де Гиз, наоборот, попытался, силой привел короля и регентшу в Париж, и добился успеха. Гизы безуспешно пытались разделить обоих братьев Карла IX с их матерью. Союзник Гизов, герцог Немур даже задумал бегство герцога Орлеанского в Лотарингию. Все же королеве удалось сохранить при себе всех своих детей. Ей помогла поддержка другой партии, стоящей в оппозиции к той, которая хотела сделать из нее и ее детей заложников и диктовать им свою волю. Для этого ей понадобилось завоевать доверие и симпатии реформатов. Екатерина твердо отказалась от политики тотальных репрессий против ереси, выработанной Генрихом II, и ввела политику терпимости. Наполовину иностранка, она не обладала реальной властью. У нее не было других средств, кроме собственного ума и ловкости. Она полагала, что ее великодушная политика позволит ей к ее вящей славе управлять событиями. Но именно они диктовали ей ее решения. Она сама признавала, что изо дня

в день решала различные вопросы согласно обстоятельствам. Вынужденная идти от уступки к уступке, она не могла ограничивать требования реформатов. А главы католиков оказались перед выбором между Римом и Женевой. Исходя из этого становится понятным волнение посла Филиппа II по поводу «питания» молодого короля и его братьев. Какова была бы судьба Екатерины, если бы Луи де Конде ответил на ее призыв, привез в свой лагерь и поставил во главе армии гугенотов? Ей посчастливилось избежать того, что стало бы сомнительной авантюрой. Насильственное возвращение в Париж привело ее к пониманию того, что она больше не в силах удерживать

равновесие между двумя конфессиями. Народные массы, столица и большой город Париж, ответственные чины государства, все ясно показали свою самоотверженную преданность галликанской церкви и Риму. Конечно, по мере возможности она продолжала применять на практике принципы умеренности, которые хотела бы сделать ведущими в управлении государством. Но отныне в ее глазах реформаты стали отдельным от нации меньшинством.

С 1563 по 1567 год Екатерина спокойно правила государством. В цепи вспышек страстей и насилия это был период настоящего затишья. Это было время, когда королева лучше всего проявила свои способности и вела дела е наибольшей независимостью. Она пользовалась ею, следуя то своим принципам, то своим интересам. Именно в этот период можно лучше всего оценить ее политическую мудрость и систему правления. Тогда же будущий Генрих III учился в школе своей матери. С 1580 по 1588 год, как и она, он получит относительное счастье нескольких спокойных лет, доказательство того, что даже крайняя степень политико-религиозных страстей в конце концов спадает и на некоторое время затихает совсем.

Королевские дети перед большим путешествием Праздники Фонтенбло

Слишком рано пришедший опыт, а не уроки наставников, подготовили умы королевских детей для восприятия реалий их времени. Нравы и обычаи, жизнь двора, занятия знати, вот их главное образование. Чему они научились, кроме владения оружием, верховой езде и танцам, хотя почти все имели склонность к искусству? На самом деле очень немногому, потому что почти не работали. Несмотря на то, что к их услугам были такие прекрасные учителя и поэты, как Ронсар, ни священники, ни наставники не заменили их сверхобильного опыта, в котором заключались почти все их знания.

Они так никогда и не стали по-настоящему образованными людьми и поэтами. Из них всех Марго, конечно, была самая старательная и начитанная. Карл IX показал себя хорошим наездником, умелым и страстным охотником, любящим оружие человеком и прекрасным кузнецом, как позднее Луи XVI. В 20 лет он увлекся поэзией и сам пытался писать стихи, что послужило началом легенды о короле-поэте. Танцевать он научился довольно поздно. После женитьбы на Елизавете Австрийской немного стал говорить на испанском. Будучи учеником каллиграфа гугенота Амона, Карл IX имел красивый почерк и элегантную подпись.

Возможно, подобно Генриху, он имитировал замечательную графику их общего наставника Амийо. Почерк Генриха же, явно подражавшего почерку кардинала Лотарингского, очень рано испортился, доказывая его большую нервозность.

Из троих братьев самым духовно развитым был, без сомнения, Генрих. В 1564 году ему исполнилось 13 лет. Любимец матери — «мои глаза», как говорила она, — он был живее и веселее короля Карла. Он задирист и шаловлив, уже умеет танцевать и фехтовать на шпагах. Он мало интересуется латинским языком, хорошо изъясняется на французском, понимает итальянский, которым будет охотно пользоваться в дальнейшем. Он любит читать, ценит красноречие, легко выражает свои мысли и участвует в разных спорах. В более зрелом возрасте он станет серьезным, скрытным человеком и будет усердно посещать заседания Совета, в то время как Карл ходил туда только из необходимости. Екатерина понемногу приобщала Генриха к управлению государством. Его сестра Марго, как звала ее мать, была тогда настолько же умна и серьезна, насколько потом безумна и распутна. Правда, ей было еще только 11 лег. Что до последнего младшего брата Эркюля, то ему было 10 лет, и его физическое состояние, вечно ошеломленный вид, кривые ноги, малый рост совершенно не соответствовали имени (*Hercule*, Геракл, Геркулес). Он уже был «маленьким лягушонком», как его с иронией назовет его будущая вечная невеста Елизавета Английская.

Дни и игры короля и других детей Франции разделяли Генрих де Гиз, принц де Жуанвиль, старший сын герцога Франсуа, и Генрих Беарнский, сын Антуана де Бурбона. Последнего воспитывала в чистой вере реформатов его мать, пылкая и страстная гугенотка Жанна д'Альбре. Однажды Карл IX ради развлечения бросил шляпу молодого еретика за двери церкви, тем самым принуждая его войти туда. Так три Генриха, три главных героя драмы, разыгравшейся с 1588 по 1589 год, жили и играли вместе с раннего детства до прихода юности, времени, когда их судьбы разойдутся, прежде чем сойтись вновь.

С начала 1564 года, с восстановлением утраченного на время мира, Екатерина стала проводить в жизнь свои любимые методы правления. Она верила, что «для того, чтобы жить в согласии с французами, и чтобы они любили своего Короля», нужно их развлекать. В этом проявлялась ее итальянская наследственность и не было ничего от школы Франциска I. Праздники, устроенные ею в Фонтенбло с февраля по 1 3 марта, стали прелюдией к долгому путешествию королевского дома по Франции вплоть до 1566 года.

24 января 1564 года двор покинул Париж и отправился в Сен-Мор, где королева приобрела замок, построенный в 1543 году Филибером Делормом для Жана дю Беллэй. Сен-Мор олицетворял свежий воздух и свет, тогда как Венсен напоминал тюрьму, будучи казармой, крепостью и прекрасным убежищем. Кроме того, недалеко от Сен-Мора, в излучинах реки Марны, был заповедник, обещавший столь любимую семьей Валуа охоту. После непродолжительной остановки в аббатстве Лис, 31 января двор прибыл в Фонтенбло и провел там 43 дня.

В Фонтенбло Екатерина организовала серию праздников и развлечений, надеясь таким образом заставить обе партии забыть свою взаимную враждебность. Думая их объединить, она отказалась подчиняться Совету 30-ти. Не менее решительно она была настроена открыто больше не покровительствовать гугенотам. Она решила придерживаться золотой середины и избегать крайностей. Не следовало ли ей заставить противников померяться силами в театральных битвах? 12 февраля, после прекрасного обеда в доме герцога Орлеанского, состязание столкнуло две группы из 6 дворян. Первую возглавлял католик дю Перрон (Альбер де Гонди). Предводителем второй был немец, тоже католик, граф Ринграв, Филипп де Сальм, полковник немецких войск на службе у короля. Поединок прошел перед входом на псарню, с обеих сторон которого разместили зрительные места для дам и кавалеров. В заколдованном дворце, охраняемом дьяволами, знатные пленники гигант и карлики ждали своих освободителей. У входа на закрытую площадку один отшельник звонком должен был объявить начало состязаний. В сопровождении 6 нимф вышли 6 отрядов со знатными господами во главе и построились перед «театром», где находился молодой король. Эго был сигнал, которого ждал отшельник, чтобы позвонить в свой звонок. Тут же выехали возглавляемые Луи де Конде защитники «заколдованного замка». Он, конечно, сражался во славу дам и «сделал все, что можно желать не только от мужественного и доблестного принца, но и от самого ловкого кавалера в мире».

На другой день 12 греков и 12 троянцев (понимайте католиков и гугенотов) спорили о красоте одной дамы и разрешали силой оружия столь трудный вопрос. Конные состязания в духе средневековья с элементами античности сменялись буколическими спектаклями. Королева обратилась к Ронсару с просьбой написать пастораль, сопровождаемую звуками лиры (на самом деле виолы). На этот раз роли распределялись между королевскими детьми и молодыми принцами. Герцог Орлеанский стал Орлеантэном. Франсуа-Эркюль Анжуйский —

Анжело, Генрих Наваррский — Наваррэном, молодой де Гиз-Гизэном, Маргарита, конечно, — Марго. Что касается пастушки Катерины, само собой, ее играла королева-мать.

Будущий Генрих III, впоследствии большой ценитель языка, красноречие которого никто никогда не оспаривал, впервые стоял на сцене и декламировал стихи Ронсара:

Здесь луг усыпан множеством цветов,
Здесь обручились вяз и нежный виноград,
Здесь тень свежа от листьев, что кружат,
И осыпаются по манию ветров.
Здесь с луга в луг трудолюбивы пчелы
Купаются и пьют чудесный сок цветов,
Здесь хриплое журчание ручьев
Легко вплетается в птиц жалобные пени!

Марго ответила Александру-Эдуарду:

Сандрэн, моя нежная забота, моя гвоздика и роза,
Располагающий мной и моими стадами.
Каждый вечер солнце отдыхает в воде,
Но томящаяся от любви к тебе Марго не сможет отдохнуть…

Удивительное заявление! Но Александру-Эдуарду было всего 14 лет, а Маргарите 11. После этого семейного праздника, выразившего почтение Карлэну (Карлу IX), королева вскоре организовала постановку «Прекрасной Женевьевы» Ариосто. Заключительные слова произнес Мовисьер, посол Франции при Елизавете Английской. Слова эти по духу и форме очень близки к Шекспиру. А зрители могли приложить их к самим себе:

Здесь является комедия,
Где каждый находит деяния свои,
Мир — театр и люди в нем — актеры,
Фортуна, хозяйка сцены,
Готовит одежды, и в человеческой жизни
Места и судьбы — зрители ее.

Итак, для всей знати, утомленный лишениями военной жизни, двор казался средоточием наслаждений.

В свите королевы находилось 80 придворных дам. Очень

скоро их прозвали «летучим эскадроном». Одетые в золото и шелка, подобные богиням, но милые и любезные как смертные, они верно служили королеве и одерживали много побед. Луи де Конде, «красивый молодой принц, который всегда поет и смеется», оставил прекрасную вдову маршала де Сен-Андрэ ради кокетливой Изабелла де Лимей, при этом нимало не заботясь о своей умирающей невесте Леоноре де Руа. Он забыл свою партию, флиртовал с Визами, за что министры реформаты бранили его, и что Кальвин воспринимал крайне болезненно.

В такой любезной и полной игр атмосфере Фонтенбло Екатерина принимала преемника Шантонне на посту посла Испании во Франции. Им оказался настоящий испанец, Дон Франчес де Алава. Королева постаралась не развеять у него впечатление Шантонне от «очаровательных детей», полученное им в его прощальный визит. Из окна зала для аудиенций де Алава мог видеть, как Карл IX и герцог Орлеанский участвуют в состязаниях.

Герцог Орлеанский был еще слишком молод, чтобы играть какую-нибудь роль в этом театре Фонтенбло. Он командовал отрядом, идущим на штурм заколдованного замка, фехтовал с Сильвио, со своей сестрой Маргаритой рассказывал стихи Ронсара, смотрел, как, декламируя стихи того же Ронсара, к его дому приближаются сирены.

> …Итак, мы идем, о король,
> приветствовать тебя в прекрасном доме,
> что твоя щедрость подарила брату…

В Фонтенбло Александр-Эдуард впервые встретился с наслаждениями двора и размахом королевских празднеств. С размахом, который он возобновит и даже превзойдет во время свадьбы герцога Жуаеза в 1581 году.

От Фонтенбло до встречи в Байонне (*март 1563 — июнь 1565 года*)

В понедельник утром 13 марта двор проснулся от звуков трубы. По дороге двигался поезд из экипажей, носилок и багажа. В путешествии он сильно увеличится от многочисленных чемоданов с необходимыми вещами, маскарадными костюмами для спектаклей и балетов. В состав кортежа входила и очаровательная повозка, которую королева намеревалась

подарить своей дочери Елизавете, королеве Испании.

Проследовав через католический город Санс, где в 1562 году были вырезаны гугеноты, 20 марта двор прибыл в Труа и провел там около месяца. Столица древнего рода графов де Шампань. а значит, и провинции, Труа встретил короля пышным аллегорическим спектаклем перед ратушей. Вместе с королевой-матерью и ее свитой король остановился в епископстве. Поскольку приближалось время Пасхи, королева сочла нелишним показать, насколько король является истинным католиком. 23 марта, накануне Вербного воскресенья, в соборе Сен-Пьер он соприкоснулся с 200 больными золотухой. В Святой Четверг он омыл ноги 13 бедным мальчикам, а королева 13 девочкам. Весь двор тщательно посещал богослужения Святой Недели. Король пожелал увидеть, как причащаются другие господа, особенно те, кого можно было заподозрить в безразличии к святому причастию. Однако Луи де Конде и брат Колиньи д'Андело смогли в четырех местах города отметить со своими сторонниками Тайную Вечерю по традициям гугенотов. 27 марта д'Андело попросил у королевы разрешение на проведение служб гугенотов в 3–4 городах, в том числе в Нанге. Королева категорически отказала. Взбешенный д'Андело явился к своему дяде коннетаблю. Однако тот встал на сторону королевы. Она явно изменила свою позицию. Дон Франчес де Алава мог только радоваться совершенно новой, но искренней склонности королевы и ее детей к религии. Двор, включая подчиненных госпоже де Ля Рош-сюр-Ивон девушек, следовал буквально всем требованиям поста. Без разрешения сюринтендантши фрейлины королевы не могли ни выйти, ни пойти в город поесть мяса за столом какого-нибудь принца.

Колиньи и д'Андело воздевали руки к небу. Время шалостей и антиримских маскарадов прошло. Другой победой над ересью стало подписание мира с Англией. 11 апреля 1564 года два полномочных представителя королевы Елизаветы поставили свои подписи под вторым договором Труа. Первый договор, подписанный 21 мая 1420 года и отдававший королевство Генриху V Английскому, всегда рассматривался как «постыдный». Второй — хотя никто во Франции и даже в Труа не знает или не хочет знать — полностью изменил первый, поскольку благодаря его статьям Кале окончательно стал французским городом. То была важная дипломатическая победа. Она не только положила конец территориальным притязаниям Англии на французскую землю, но и прекратила иностранное вмешательство в дела королевства. Подобного успеха не будет до окончания религиозных войн, за исключением избрания Генриха, ставшего

герцогом Анжуйским, на польский престол в 1573 году. Оно, без сомнения, было большим успехом, но успехом без будущего и практической пользы.

После Труа двор направился в Шалон, куда прибыл 20 апреля. Но оставался он там всего 5 дней, так как Екатерина торопилась на крестины первого сына своей дочери, герцогини Клавдии, жены герцога Карла III. Королева всегда с радостью и удовольствием встречалась со своими детьми, особенно с дочерьми, бывшими замужем за иностранными монархами. 9 мая королевский поезд оставил Бар-ле-Дюк, проследовал через Комон и 15 мая прибыл в Лангр. Город был полностью католический. Напрасно гугеноты просили разрешения на проведение богослужений. И это несмотря на то, что один из Шатийонов был сеньором области и маркизом д'Андело. Из Лангра двор перебрался в Дижон. 19 мая он расположился в монастыре Шампмоль, и королевские дети смогли ознакомиться с величественными захоронениями герцогов. Через три дня, когда король и королева получили причастие, 22 мая королевская семья оставила монастырь и переехала в город, где им приготовили торжественную встречу. Екатерина с детьми расположилась в доме Гаспара де Со-Таван, генерал-лейтенанта и правителя Бургони. Так молодой герцог Орлеанский познакомился с тем, кто в сражениях при Жарнаке и Монконтуре в 1569 году станет его военным советником. Встречая королевскую семью, Со-Таван остановился на почтительном расстоянии от короля, положил руку на сердце и сказал: «Это ваше», затем коснулся шпаги и добавил: «Вот чем я могу вам служить». 27 мая двор снова отправился в дорогу. Леонор Шабо, граф де Шарни, хотел отпраздновать приезд королевской семьи в своем роскошном замке Паньи, поэтому двору пришлось на корабле пересекать реку Саону. 31 мая он остановился в Шалон-сюр-Саон. Отсюда началось долгое речное путешествие, которое приведет путешественников к самому Провансу. 3 июня они поднялись на борт большого корабля, предоставленного городскими властями Лиона, и плавание началось.

С 3 по 9 июня знатных гостей принимал Макон. 30 мая в сопровождении 300 всадников туда уже прибыла госпожа Вандом, то есть Жанна д'Альбре. Присутствие пылкой и убежденной гугенотки удручало дона Франческа де Алава. 31 мая в Маконе прошла торжественная процессия Тела Господня. Католики украшали свои окна цветами и ветками вербы, бросали перед процессией Святого Причастия розы. А еретики в знак протеста позакрывали свои окна и двери и остались дома. Было отмечено, что закрытые дома принадлежали известным и могущественным

реформатам. Самые же бедные жители города украсили свои жилища цветами. Госпожа Вандом, не обращая внимания на предостережения, смело дала отслужить протестантское богослужение, на котором присутствовали закрывшие свои дома люди. Не для того ли, чтобы призвать Жанну д'Альбре к осторожности, 8 июня прошла последняя процессия, когда в присутствии Карла IX подданные королевы Наваррской сняли шляпы и выказали ему самое большое уважение?

9 июня двор вновь поднялся на борт корабля, чтобы отплыть в Исл-Барб, маленькое аббатство на одном из островов Саоны, вверх по течению от Лиона. Главная торговая столица королевства, богатый и могущественный Лион был не из тех городов, в котором подчинение власти само собой разумелось. Он рано примял Реформацию и делился между сторонниками старой и новой веры. Там проживало много иностранцев, по большей части итальянского происхождения. После взятия города гугенотами в 1562 году следовало соблюдать осторожность. С января 1568 года Лион получил разрешение на исповедание обеих религий. Только с прибытием короля приказ монарха запретил протестантские проповеди на время его пребывания в городе.

В среду 13 июня Карл IX вышел к своим подданным, одетый в зеленый велюр, с королевской шляпой с зеленым и белым плюмажем на голове и элегантными ботинками на ногах. За ним шел Генрих, герцог Орлеанский, «прекрасный принц, внушающий надежды всем домашним королевской семьи», пишет неизвестный автор. Молодой принц был одет в темно-красный велюр, отделанный золотом, серебром и драгоценными камнями. Таким же образом были украшены его шляпа и ботинки. За ним шел 11-летний король Наваррский, также одетый в темно-красный велюр с золотой отделкой, в изяществе и красоте не уступая герцогу Орлеанскому. В Лионе Маргарита сказала дону Франчесу, что отныне можно не сомневаться в ортодоксальности герцога Орлеанского. Она порылась в карманах своего брата, просмотрела его бумаги и не нашла ничего подозрительного и компрометирующего. К тому же Монсеньор регулярно молился. Очевидно, двор еще надолго задержался бы в Лионе, если бы вскоре там не появилась чума. 8 июля путешественники покинули город. В отсутствие королевы-матери и двора реформаты осмелели до такой степени, что в нарушение королевского приказа протестантские проповеди собрали в шести разных местах более 8000 человек. Пораженные страшной болезнью, католики и гугеноты, все увидели в ней повод покаяться в своих грехах. Первые ставили в вину «заразное смешение», истинный

вирус, заразивший более 700 католических домов, и слишком хорошо известно, кем вызванный, так как засовы, дверные молоточки и звонки пропитались им. Еретики со своей стороны не скрывали радости при виде гибели такого количества папистов и, по словам испанского посла, поздравляли себя с изгнанием из Лиона короля и королевы-матери.

16 июля двор достиг первых предгорий Альп, где воздух был чище, чем в городе туманов. 30 дней кортеж оставался в Русийоне, в замке, построенном кардиналом Турнона. В большом зале замка, сегодня называемом залом Эдикта, Карл IX подписал приказ, переводивший начало года со дня Пасхи на 1 января. Вдоволь поохотившись, 15 августа король отбыл в Прованс. В Романсе двор провел всего 6 дней, так как за ним по пятам шла чума. Эпидемия свирепствовала и в Балансе. Однако Карл IX имел право еще на один «выход», полный мифологии и языческих сцен. Буржуа получили возможность оценить в нем ловкого кавалера, владеющего всеми приемами верховой езды. Они также были довольны прекрасным поведением и изяществом Александра-Эдуарда, первое имя которого, подчеркнули они, не может не быть залогом его будущего величия. После Монтелимара и Донзера, в четверг, 21 сентября, в Сюз-ля-Рус двор ступил на землю Прованса. Господин Франсуа де ля Бом, капитан-католик, победивший гугенотов в Адре и Монтрибюн, удостоился чести наблюдать, как король и королева держали над купелью его новорожденную дочь. 23 сентября королевский поезд прибыл в Авиньон, где от имени папы Пия IV короля принял легат Франсуа Фабрис. 29 сентября король отпраздновал день Святого Михаила, бывший также днем национального Ордена. Александр-Эдуард еще не знал, что придет день, когда он, будучи королем, учредит Орден Святого Духа, чтобы сгладить потерю доверия к Ордену Святого Михаила. Авиньонцы подарили королю и герцогу трехцветные шляпы. Первому она так понравилась, что на следующий день он надел ее для игры в лапту. 16 октября путешественники с сожалением оставили Авиньон, потому что их там хорошо приняли и всячески выражали почтение королевской семье. Перейдя по мосту из кораблей через реку Дюране, королева-мать не могла не удержаться и не посетить пророка Салон-де-Прованса, Мишеля Богородицы (Нострадамуса). При виде молодого Карла IX он процитировал слова поэта:

> Vir magnus bello, nulli pietate secundus
> (Муж славный войной, ничьей набожностью не превзойденный)

Затем, неся в руке велюровую шляпу и опираясь на трость из прекрасного тростника с серебряной рукояткой, маг провел монарха в дом. Там они долго беседовали. В благодарность Екатерина оставила магу 200 экю и назначила его королевским советником и врачом с обычным содержанием. Неизвестно, выплачивалось ли оно так же исправно, как неизвестно и то — сбывались предсказания или нет. Екатерина осталась довольна пророчествами. Если им верить, Карлу IX предстояло прожить так же долго, как коннетаблю Монморанси, то есть до 90 лет. Карл IX умер в 24 года, а коннетабль в 75 лет. Надо ли говорить, как сильно ошибался Нострадамус?

Выехав из Салона, двор пересек Прованс по зигзагообразной линии. 20 октября он прибыл в Э — столицу провинции, ультракатолический Парламент которой преследовал еретиков с исключительной жестокостью. Канцлер де Л'Опиталь мог убедиться в провале умеренной и миролюбивой политики, автором и защитником которой он был. Но тот, кто выбрал девиз: «*Si fractus illabïtur, impavidum ferient ruinae*» (Если случиться мне пасть разбитым, падение будет без страха), не менее настаивал на своем стоицизме и убеждениях. После Э, Сен-Максимена и Сент-Бом, где, говорят, окончила свои дни кающаяся Магдалина, путешественники подъехали к Бриньолю и его знаменитым сливовым садам (их плодами наслаждался герцог Генрих де Гиз за несколько мгновений до смерти). Проследовав через небольшой городок Кер, двор прибыл в Йер. Оттуда 30 октября маленькая группа отправилась на экскурсию в Брегансон, форт которого охранял берег до Ниса. 3 ноября перед королем распахнул свои двери Тулон. Брат покойного Франсуа де Гиза и кардинала Лотарингского, Рене де Лоррен, маркиз д'Эльбеф показал Карлу IX 5 галер, которыми он командовал, и на одну из которых с удовольствием поднялся король.

Покинув Тулон, 6 ноября двор прибыл в Марсель. После посещения Франциском I, этот город во второй раз принимал у себя монарха. Королева-мать тоже во второй раз увидела город, куда она приплыла из Тосканы в 1533 году в сопровождении своего дяди паны Клемента VII. Вступление молодого короля в город прошло пышно и торжественно. Повсюду виднелись кресты и католические изречения. Дон Франчес писал Филиппу II: «Довожу до сведения Вашего Величества, в этом городе они показали такую преданность Церкви, что ни один народ не может с ними сравниться. Они столь же ревностные католики, как и в Вальядолиде, и они враги еретикам». 10 числа король изъявил желание отправиться в замок Иф, построенный его дедом Франциском I. Он поднялся на борт «Реаля» и с эскортом в 13

галер попытался выйти в море. Однако погода нарушила его планы. Поднялся сильный ветер и не дал кораблям отчалить от берега. Не обращая внимания на качку (герцог Орлеанский, напротив, очень тяжело ее переносил), он остался на борту обедать. Через несколько дней, для развлечения короля галеры выстроились в две эскадры и изобразили символический бой. Его сменил балет в мавританском стиле. Особенно хорош был танец испанских дворян. Постоянно готовый всему давать оценку, дон Франчес очень мало говорит о молодой Маргарите, одетой в турчанку. Кто, спрашивал он себя, одел ее в столь мало подходящий для принцессы наряд? Его шпион при дворе сообщил, что так распорядилась королева-мать. Смущенная Марго не преминула извиниться, пользуясь возможностью пожаловаться на герцога Орлеанского. Она сказала, что он принуждал ее стать гугеноткой, читал протестантские проповеди, которые, без сомнения, ему подсказал кто-то другой. Когда Екатерина услышала об этом, она сначала рассмеялась. Потом приказала дочери молчать, а сама расспросила Александра-Эдуарда. "Гот в конце концов признался, что его уговорили мадам Вандом, герцогиня Феррарская, Клавдия Французская и некоторые из их свиты. Менее чем когда-либо две принцессы-реформатки собирались оставить надежду завоевать умы королевских детей, заставить их забыть папское идолопоклонство и обратиться к Чистому Евангелию.

13 ноября двор оставил Марсель — где Карл IX произвел прекрасное впечатление набожным посещением ежедневных месс и направился в Марти г. Пройдя через Сен-Шама, Сен-Мартен-де-Кро и часть Камарги, 16 ноября двор достиг Арля. там ему пришлось оставаться 21 день, так как разлившиеся воды Роны не давали возможности переправиться на берега Лангедока. Только 7 декабря путешественники смогли выехать в Тараскон. Если город короля Рене был католическим, то его соседа Бокер полностью захватила Реформация. Кортеж просто проследовал мимо, предпочитая остановиться в замке Сен-Прива-дю-Гар у Антуана де Крюссоля, супруга одной из лучших подруг королевы-матери. Прием, оказанный жителями Нима королевской семье, был пышным и блестящим. Несмотря на разворачивающиеся в городе яростные религиозные

бои, и то, что, как заметил дон Франчес, «это самое еретичное место», молодой правитель Лангедока Генрих де Монморанси-Дамвиль, один из сыновей коннетабля, твердо руководил реформатами и поддерживал порядок в городе. Карл IX по достоинству оценил это в присутствии делегации гугенотов, пришедших жаловаться на того, кто впоследствии станет главой

третьей партии «политиков». Поскольку разлившиеся реки и плохая погода делали Нарбонну недостижимой, королева решила отпраздновать приход Нового года в Монпелье, куда двор прибыл 17 декабря. Там молодому Дамвилю еще лучше, чем в Ниме удавалось поддерживать мир и спокойствие. Вступление короля в город было соответствующим его положению и не уступало торжествам в Марселе и Ниме. Однако как и в Маконе, объявление общей религиозной процессии 26 декабря в день Святого Этьена вызвал некоторые осложнения между сторонниками двух конфессий. Последуют ли реформаты приказу участвовать в процессии под угрозой штрафа в 200 франков? Но они добились аудиенции у королевы и указали, что Орлеанский эдикт молчит на эту гему. Екатерина отшутилась и настолько удачно, что, выходя от нее, реформаты искренне смеялись. По свидетельству очевидца, их не видели в процессии, и дома их стояли без всяких украшений. Как всегда, вся королевская семья оказала честь Святому Причастию. На фоне голубых с серебряной отделкой одежд Карла IX и Маргариты резким пятном выделялись черное вдовье платье Екатерины и обычный черный костюм герцога Орлеанского, уже придававший ему суровый вид кастильского идальго. Во время церемонии слуга дона Франческа видел, как королева просила господина де Крюссоля снять шляпу перед святыми реликвиями. «Мадам, — ответил он, — я снимаю шляпу перед вами и королем, моим господином». И разве это не доказательство той разницы, которую делал знатный человек между уважением к временному величию и почитанием божественного и реального присутствия.

Продолжая путешествовать несмотря на суровую лангедокскую зиму, королева и ее дети повсюду встречали такое же отношение. В четверг 30 декабря двор оставил Монпелье и направился в Агд (тогда же герцог Орлеанский потерял свой багаж). 3 января королевский поезд принимал Безье. На следующий день путешественники выехали в верную католической вере Нарбонну, поскольку Безье почти полностью стоял на стороне Реформации. 12 января в малоприятных условиях, под снегом двор остановился недалеко от Каркасона. Только после таяния снегов, 22 января, Карл IX вошел в город и совершил прогулку под балдахином в сопровождении герцога Орлеанского и Генриха Наваррского. 28 января королевский поезд остановился в Кастельнодари, а 30 января выехал в Тулузу. В среду 31 января король остановился на ночь в окрестностях Минимского монастыря. Встреча была достойна провинциальной столицы. Вечером 1 февраля король приехал в архиепископство, где его свита была вынуждена довольствоваться холодными

бараками, которые кардинал и архиепископ д'Арманьяк приказал построить во дворе своего дворца. На следующий день король посетил храм Сен-Этьен, чтобы там послушать мессу и проповедь. Его сопровождал молодой король Наваррский. Когда Карл IX предложил ему пойти с ним на мессу, он уклонился. Неожиданно король схватил шляпу Генриха Наваррского и бросил ее внутрь церкви. За ней пошел слуга гугенота. Жест Карла IX был просто шуткой, но все же предварял его приказ Генриху Наваррскому и Генриху де Конде идти на мессу или отказываться от жизни.

Во время пребывания двора в Тулузе (с 31 января по 19 марта) королева узнала от Сен-Сюльписа, посла Франции в Испании, что Филипп II согласился встретиться с ней. В любом случае во Францию приедет его жена Елизавета, даже если дела удержат его дома. Екатерина была сама не своя от радости. Выдвигалось столько проектов встречи, что программа празднеств много раз пересматривалась. Королева искренне надеялась или, по крайней мере, делала вид, что Филипп II лично посетит королевство. Во всяком случае, Екатерина, как она сама писала главному советнику католического короля герцогу Альба, отводила определенную роль герцогу Орлеанскому. Последний, утверждала она, страстно мечтал поехать встретить свою сестру в Толозетту, в Испанию, чтобы сопровождать ее до назначенного места встречи — города Байонны. Итак, молодой принц начинал играть свою роль. Не для того ли, чтобы подготовить его к ней и публично объявить, что ее сыновья всегда были примерными католиками, королева-мать хотела, чтобы они получили святую конфирмацию? 17 марта прошла общая церковная процессия в честь Сен-Сернена, и были выставлены святые реликвии. В тот же день герцог Орлеанский и Эркюль пришли к кардиналу д'Арманьяку в собор Сен-Этьена. Александр-Эдуард простился с именами, данными ему в честь его крестных отцов, и по воле своей матери принял имя Генриха. Что касается Эркюля, королева хотела сменить его атлетическое имя на имя Франциск, в честь любимого и обожаемого ею короля дворянина. Екатерина сама рассказала подозрительному дону Франчесу о конфирмации герцога Орлеанского. Отказ от имени Эдуарда она объяснила тем, что оно было дано в честь еретического короля Эдуарда VI Английского. Не было ли это еще одним доказательством приверженности католической вере? Дон Франчес, однако, был вовсе не удовлетворен. Его коллега Смит, посол английской королевы во Франции, говорил дону Франчесу: «Накануне королева мне льстит, убеждает в своей дружбе, потому что продолжает вести со мной выгодные для Франции переговоры. А на следующий день она жестоко оскорбляет меня, давая другое

имя герцогу Орлеанскому…». Так начинались сложные отношения между Генрихом и дочерью Генриха VIII, кандидатом на руку которой он тогда еще не был.

В Тулузе, в ожидании возможности стать принцем-консортом, Генрих возобновляет уроки у своего наставника Жана-Поля де Сельв. Он ими успешно воспользовался, получив, впрочем, неожиданное развлечение. Как рассказывает Брантом в «Первой беседе» и «Жизни галантных дам», однажды, занимаясь в своем рабочем кабинете с Клермон-Тайяром, оба юноши послушались демона любопытства и заглянули в щель перегородки между комнатами. там они увидели «двух очень знатных дам». Последние не читали древних авторов и вовсе не штурмовали благочестие. «Подняв юбки и сняв чулки», они пылко предавались упражнениям, которые некогда прославила поэтесса Лесбоса Сафо. Эта непредвиденная в программе тема открыла юношам доселе, без сомнения, неизвестную землю и несколько отвлекла их от обычной рутины и бесконечного путешествия по стране.

После столь длительного пребывания в Тулузе надо было срочно попасть в Байонну, где должна была состояться долгожданная встреча. Но вместо того, чтобы максимально сократить путь по Гаскони, рельеф и реки которой всегда затрудняли прямое путешествие, было решено по долине реки Бароны подняться до Бордо, а затем через Ланды прямо спуститься в страну басков.

Оставив 19 числа город фиалок, 20-го двор прибыл в Монтобан. Не найти было другого, более преданного Реформации города. Правителю Гюйены Блезу де Монлюку пришлось трижды осаждать город, чтобы привести его в относительное повиновение. Во время выхода короля монтобанцы воздержались от модной мифологии, а на триумфальной арке изобразили историю жизни царя Соломона. По их мнению в древнееврейском короле и Карле IX было много общего. Король не стал задерживаться в городе, где слишком часто слышалось пение псалмов. 23 марта он поднялся на борт корабля, предоставленного капитулом Тулузы, а 24-го уже с удовольствием входил в полностью католический город Ажан. Не стоит удивляться, что он приказал бросить в Барону 20 связок еретических книг, полученных прямо из Женевы, а также доставил себе и своей матери удовольствие пойти в церковь Сен-Этьен и окрестить там новорожденную дочь де Монлюка. Как и положено, она получила имя Шарлотта-Екатерина. После Ажана путешественники продолжали спускаться вниз по реке и 1 апреля прибыли в столицу Бюйены Бордо.

Три века этот город находился во власти англичан. Время от

времени вспыхивали восстания за независимость. Самое недавнее было спровоцировано налоговыми эдиктами Генриха II на вино и соль. Поднялся почти весь северо-запад страны. Король вынужден был прибегнуть к непопулярным мерам. В этом городе, где торговля играла первостепенную роль, к 1556 году новая религия уже укоренилась. Однако большинство населения по-прежнему оставалось католиками. Так что во времена волнений и беспорядков с благословления Парламента и протекции де Монлюка первая лига завербовала там 3000 человек. Когда гугеноты пытались овладеть ключом к городу, замком Тромпет, де Монлюку удалось помешать им и разместить там гарнизон. 9 апреля, в неопределенной обстановке, король торжественно поднялся на борт одного из подготовленных мэром и городскими властями кораблей. Сошел он с него у подножия замка Тромпет, сел на коня и пересек крепостную стену через ворота Шапо Руж, название которых сохранила одна из городских улиц. Оттуда король направился в архиепископство, бывшее на месте современной ратуши. 12 апреля он возглавил торжественное заседание Парламента, в ходе которого канцлер де Л'Опиталь вершил правосудие: рассматривал деятельность магистратов, порицал некоторых из них за упущения и недосмотр. За Святую Неделю король и королева, следуя примеру предыдущего года в Блуа, посетили не менее дюжины церквей. А на Пасху, 22 апреля, они публично причастились в соборе Сен-Андрэ.

В преддверии праздников в Байонне, Карл IX пожелал перед отъездом из Бордо инкогнито научиться танцевать. Четвертый сын коннетабля, молодой Меру пробрался за портьеру комнаты, где проходил урок, и был там обнаружен. Карл IX пришел в ярость и выгнал его оттуда. Меру решил, что обо веем узнал молодой герцог де Гиз. «Поверьте, сказал Меру де Гизу, если бы не король, а кто-то другой заставил меня выйти, я ударил бы его!» На что стоящий рядом герцог Орлеанский заметил наглецу: «Ну а я выбросил бы Меру из окна!». С юношеских лет Генрих III доводил все до крайности. А легко гневающийся Карл IX но свидетельствам современников в глубине души был очень добросердечным человеком. Вышеупомянутый маленький инцидент показывает, насколько знатные молодые люди придавали значение малейшим ранам чести и самолюбия. А то, что мы знаем об этом благодаря дону Франчесу, свидетельствует, насколько дипломаты были в курсе мельчайших событий в жизни двора!

3 мая королевский поезд выехал в Байонну. В тот же день стало известно, что герцог Орлеанский с 225 всадниками отправится в Толозетту и Витториго испанской Наварры

навстречу своей сестре Католической Королеве. 4 мая двор проехал Лангон и 5 числа прибыл в Базас. 6 мая по мосту Болак он пересек реку Сирон, по которой проходила граница между Францией и королевством Наваррским. 12 мая остановился в Мон-де-Марсан, очень старом городе при слиянии Дузы и Мидузы. Оттуда он выехал только 24 мая, а 28-го прибыл в Дакс (или Акс). Горя от нетерпения, Екатерина решила всех опередить и 30 мая приехала в Байонну. Там она сразу же встретилась с уже прибывшим доном Франчесом де Алавой. Королева хотела знать, когда и в каком настроении с ней встретится ее дочь Елизавета. Карл IX, через несколько дней достигнув берегов Адура, поднялся на борт корабля, пришедшего за ним из Байонны, и 3 июня вошел в город. В субботу 9 июня молодой герцог Орлеанский выехал навстречу своей сестре. Ее сопровождал герцог Альба; она была радостна и смущена при мысли о встрече со своей матерью, братьями и сестрой.

Екатерина и несгибаемый герцог Альба

Если герцог Альба сопровождал Католическую Королеву, то сам Филипп II не снизошел до визита. Он привык серьезно подходить к делам, взвешивать все «за» и «против». В конце концов он оказался разочарован политикой Екатерины. Ведомая материнскими чувствами, она действовала как женщина, стремящаяся получше устроить своих детей, благодаря выгодным бракам. Так поступали хорошие буржуа. Переписка между ней и Филиппом II привела к неразрешимой для обеих сторон дилемме. Каждый из них выдвигал положение, без которого согласие было невозможно: «Устройте моих детей, говорила Екатерина, и мы сразу решим вопрос религии». «Ничуть, отвечал король Испании, — лучше перестаньте опекать еретиков. Голь ко тогда мы рассмотрим ваши предложения по поводу брака». Итак, ведущие переговоры стороны стояли на параллельных дорогах, не имея возможности договориться. И Филипп II рассудил, что поездка в Байонну будет совершенно бессмысленной. Не участвующий в этих гонких, но бессмысленных дипломатических играх, герцог Орлеанский с радостью взялся за должность берейтора при своей сестре. 9 июня он выехал ей навстречу и нашел ее в горах в Эрнани. Оттуда он написал Карлу IX коротенькое и остроумное письмо: «…Господин, я прошу прощения за свой почерк и за то, что не вручил вам моих маленьких сторожевых собачек, т. к. опасался, как бы они вам не помешали. Господин, я добрался с нашей сестрой королевой туда,

где очень хорошо кормят. Не зная, чего еще сказать, я возлагаю эту обязанность на почтальона, который расскажет вам больше меня». «Хорошо поев», королева и ее брат выехали в Сен-Себастьян и Ирен, и уже оттуда в полдень 10 июня направились в Байонну.

Королевская семья оказалась в полном сборе, когда на плоту через реку Бидасоа Елизавета встретилась с Карлом IX, своей матерью, младшим братом и сестрой. 15 июня она въехала в Байонну на прекрасном белом иноходце, подаренном ей Карлом IX. На животном была надета сбруя (подарок Филиппа II своей жене) стоимостью до 400 000 дукатов. Она ярко блистала в свете факелов многочисленными драгоценными камнями и украшениями. С 15 июня по 2 июля время пролетело бесконечной чередой праздников, церемоний и развлечений. Королева-мать хотела показать испанцам, что граждане кие войны не поколебали Францию. Она с удовольствием отдавалась роскоши и великолепию. Группы дворян стали развлекаться переодеваниями. Одна такая группа изображала египтян под руководством Генриха. 25 июня «на большом поле Байонны» произошла аллегорическая битва между Любовью и Добродетелью. Началась она с того, что две группы дворян, одна, состоящая из ревнителей Добродетели бретонцев, другая из сторонников честной Любви ирландцев, прислали к королю и королевам 6 музыкантов. Один из бретонцев воспел отречение от любви (может быть, это была косвенная хвала королеве-девственнице Елизавете Английской?). Ирландец ему возразил. И за музыкальной прелюдией последовало сражение. Король стал во главе бретонцев, Монсеньор ирландцев. Через одни ворота на поле выехала колесница с пятью Добродетелями, через другие колесница Любви с Венерой и Тремя Грациями. Сражение и конные состязания длились более 3 часов, после чего Любовь и Добродетель примирились ко всеобщему удовольствию и ликованию.

Проще было закончить согласием аллегорический бой, чем сблизить точки зрения Екатерины и герцога Альба. Королева не желала расставаться со своими планами женитьбы. 14-летнему Генриху, по ее представлениям, предстояло жениться на донне Жуане, сестре Филиппа II и королевы-матери Португалии. Маргарита, совсем еще ребенок, должна была выйти замуж за слабоумного монстра дона Карлоса, сына Филиппа II. Екатерину не смущала ни разница в возрасте, ни брак Марго с сумасшедшим принцем (отец в конце концов лишил его наследства и посадил в тюрьму). Кроме того, королева требовала для Генриха королевство в Тоскании или Миланском районе. Она была

слишком далека от предмета обсуждения. Единственной миссией герцога Альба было предложить французскому двору объединиться против ереси. Он требовал от королевы изгнания всех министров реформатов с предоставлением им лишь месяца на дорогу. Следовало также отменить свободу богослужений, опубликовать декреты собора Тридцати, отозвать всех перешедших на сторону Реформации военных должностных лиц и магистратов. Екатерина поинтересовалась у герцога, каким образом осуществить такую программу. Он холодно ответил, что не может давать советы, поскольку она лучше знает ситуацию. Вскоре королева (у нее всегда было много идей) представила ему проект лиги Франции, Испании и Империи. Альба ответил, что подобный союз химера. И все осталось по-прежнему.

Королева не стала более счастливой, когда чуть позже открыла свои планы женитьбы Елизавете. Дочь без обиняков сказала ей, что Филипп II не намерен женить дона Карлоса, а если Генрих женится на донне Жуане, то в приданое не получит никакого королевства. Герцог Альба еще резче заявил, что ее дочь приехала в Байонну с единственной целью узнать намерения королевы относительно еретиков. Отношения Екатерины и советника Филиппа II становились все более натянутыми. Альба со своей стороны полагал, что из разногласия двух корон выгоду получат одни реформаты. 30 июня Карл IX возглавил Общий Совет, в который вошли обе королевы, герцог Альба, дон Жуан Манрик де Лара, бывший посол Испании во Франции, Монсеньор, герцог де Монпансье, кардиналы де Гиз и Бурбон, коннетабль и маршал де Бурдийон. Монморанси старался оправдать политику королевы и не показывать опасность новой гражданской войны. Екатерина обещала но окончании «начатого» ею путешествия «найти лекарство» для решения вопросов религии. «Моя жена королева удовлетворилась этим, поскольку ясно, что когда захотят дать лекарство, дело уже будет сделано». Так выражал свои мысли Филипп II в письме испанскому послу в Риме. По его мнению не было другого лекарства, кроме тех инструкций, которые он дал герцогу Альба. Но была ли Екатерина искренна на Совете, обещая стабилизировать религиозную ситуацию в стране? Дон Франчес не скрывал своего скептицизма в письме испанскому государственному секретарю Эразо: «Я опасаюсь нерешительности, которую несколько раз замечал в ней, и тяжелой тревоги, которую, как я предвижу, вызовут еретики и многие другие, таковыми не зовущиеся, но таковыми являющиеся…». Кардинал де Гранвель, старый правитель Нидерландов, будучи в курсе дел Франции, шел еще дальше и говорил, что если королева и наобещала столько, то с оговоркой,

что «она будет избегать всего, что могло бы привести к насилию».

Гугеноты больше всех волновались по поводу исхода переговоров в Байонне, не без основания полагая, что речь идет об их судьбе. После Варфоломеевской ночи они решили, что резня была задумана и обговорена в Байонне королевой и герцогом Альба. Вне всякого сомнения, в Байонне выдвигались кровавые предложения. Однако подлинными можно считать проекты только некоторых католиков. Гак, исповедник герцога де Монпансье говорил герцогу Альба: «Самым быстрым способом было бы отрубить головы де Конде, адмиралу, д'Андело, Ларошфуко». Кроме того, ничто не указывает на то, одобрила ли Екатерина проект уничтожения или просто согласилась на ужесточение режима. Но можно сделать вывод, что если бы Филипп II поддержал ее планы женитьбы, она проявила бы наиболее возможную суровость.

В Байонне все расстались в мире и согласии. Герцог Альба даже сказал Сен-Сюльпису: «Герцог Орлеанский один из самых развитых принцев своего возраста». После длительного и бесполезного пребывания в Байонне оставалось только покинуть город. Королеву Елизавету провожал сам Карл IX и все испанцы. Король, которому было всего 15 лет и 1 месяц, растрогался до слез, целуя свою сестру перед расставанием. Генрих получил небольшое преимущество — возможность сопровождать ее до Сегура, что в 15 лье от французской границы. Вслед за старшим братом Франциском II, Елизавета навсегда исчезала из его жизни. Радость встречи сменилась горечью расставания. Генрих присоединился к Карлу IX в Сен-Жан-де-Люз, куда двор прибыл 2 июля. Начался новый этап «большого путешествия», как называла его Маргарита Валуа в своих «Мемуарах». Этап этот приведет Екатерину, Карла IX и его свиту в столицу герцогства Бурбонского, город Мадлен.

Из Байонны в Мулен

11 июля, воссоединившись в Сен-Жан-де-Люз, двор прибыл в Биариц. Сделав крюк и посетив Бидаш, где ее принимал будущий правитель Наварры и Беарна Антуан де Граммон, все еще колеблющийся между двумя религиями, Екатерина остановилась и провела две последние недели июля в Даксе и Мон-де-Марсан. 28 числа, проехав Гасконь, путешественники прибыли в Нерак, в замок королевы Наваррской. Дон Франчес де Алава, убегая от королевы-еретички как от чумы, дал тягу в Бордо, потом в Коньяк, где остался ждать двор. Останавливаясь на несколько

дней в Нераке, королева-мать хотела сломить неумолимую Жанну д'Альбре и получить от нее обещание возродить в Наварре запрещенные ею католические богослужения. И получила отказ. Однако вдова Антуана Бурбона, как вдова Генриха и, тоже была обездолена, что сильно сближало их. Екатерина искренне уважала эту женщину, столь же чистую в нравах, сколь твердую в убеждениях. Она разрешила Жанне не присутствовать в Байонне и ходатайствовала за нее перед папой, чтобы ее не осудила инквизиция. И было бы самообманом требовать от королевы-гугенотки повиноваться королевским эдиктам подобно верной и лояльной служанке. Для исключительной и самозабвенной веры королевы-кальвинистки сосуществование двух религий, узаконенное Амбуазским и Орлеанским эдиктами, было кощунственным смешением Дела Евангелия с папистским идолопоклонством. Не больше других подданных короля «добрая сестра» наваррская обращала внимание на королевские эдикты.

Перейдя реку Гарону у Тонейна, 2 августа двор проследовал через Перигор и 14 августа прибыл в Ангулем. Город в большинстве своем отдавал предпочтение Реформации. Но его правитель Ланзак обязал жителей встретить Карла IX с крестами и хоругвями. В городском соборе король поклонился праху своего прадеда Жана Доброго, графа Ангулемского. В 1562 году захоронение разграбили гугеноты. Они отделили от тела голову, руки и ноги, а оставшееся разрубили шпагой на 30 частей. Задетый за живое, Карл IX сильно разгневался на любителей такого рода подвигов. Экскурсия в Тувр оказалась приятнее напоминания о том ужасном эпизоде. В Тувре из глубины известняковых пород бьет так называемый «неожиданный источник». Под навесом склоненных ветвей деревьев король и королева отведали свежевыловленной форели и раков, наслаждаясь созерцанием более чем 200 лебедей.

18 августа, покинув Ангулем, королевский поезд направился в родной город Франциска I Коньяк. Реку Шаранту ему пришлось переплывать на корабле, а 21 числа он был в Жарнаке. Там через 4 года молодой Генрих, ставший герцогом Анжуйским, победит протестантскую армию, возглавляемую Луи де Конде. В тот же день путешественники вновь переправились через Шаранту и прибыли в Коньяк, где оставались 11 дней. 25 августа король передал приказ всем парламентам следить за соблюдением Орлеанского эдикта и карать всех осмелившихся говорить, что эдикт отменен. Исполняя указ, правительство высказалось за сосуществование обеих конфессий, за политику, которую подтвердили переговоры в Байонне, и которую в ожидании лучших времен от имени своего хозяина посоветовал вести герцог

Альба. В этом районе Шарант, Сантонжа и Лони, где глубоко укоренилась Реформация, следовало действовать чрезвычайно осторожно и дипломатично. Гак, камергеру королевы, господину де Ланзаку, было поручено убедить своего друга, господина де Жарнака, дать королю клятву верности в качестве члена Ордена Святого Михаила. Правитель Ля-Рошель подчинился и таким образом сохранил свое правление и свой хомут. Трудности у власти были незначительны, но показательны, и свидетельствовали о ее сложном положении. Затруднения не помешали Екатерине насладиться несколькими днями отдыха. Описывая в письме к герцогине де Гиз свое пребывание в Коньяке, она говорит, что ей еще никогда не было так хорошо. Тут есть два парка, добавляет она, один для пеших прогулок, другой для охоты. В последнем король провел два дня. Вечером знать торопилась на бал: «Гугеноты и паписты, все танцуют вместе», что шокирует Кальвина и вызывает недоумение у менее суровых инквизиторов.

Между тем наслаждениями Коньяка не следовало слишком увлекаться. 1 сентября по дороге, идущей через Сентонж, королевский поезд выехал в Ля-Рошель. В этой стране засилья гугенотов присутствие короля на некоторое время вернуло храбрость католическому меньшинству. 6 сентября в церкви Маренны, великолепный шпиль которой указывает путь морякам, 900 католиков в присутствии короля отпраздновали Пасху. Приведенные для крещения дети были такими большими, что могли сами молить священника о святом таинстве. Мальчики получили имя Карла, девочки Шарлотты. Затем король вошел в Ля-Рошель. С 1558 года город официально принял Реформацию, и ее сторонников было там большинство. Правитель города де Жарнак, бывший католиком чисто официально, разрешил богослужения обоих вероисповеданий. Договорившись о часе служб, кюре и министры по очереди сменяли друг друга. Однако реформаты очень быстро стали теснить католиков и захотели лишить их возможности богослужений. В конце концов они добились своего. Католические службы возобновились только в 1628 году по приказу Луи XIII. Ля-Рошель придавал большое значение своим общественным свободам и стойко защищал их. Так во время визита Карла IX сложился обычай натягивать поперек ворот шелковую ленту. Стоя за этим символическим препятствием, мэр города передал королю Евангелие, на котором Карл IX поклялся уважать привилегии города. Но когда 14 сентября король подъехал к воротам Куня, они оказались тоже перекрыты шелковой лентой. Коннетабль де Монморанси шпагой уничтожил препятствие и сурово спросил магистратов, не желают

ли они запретить своему королю войти в город. И король вошел в него не спешившись. Однако и мэр, тоже сидя верхом, попросил его подтвердить соблюдение обычаев. Король ответил просто: «Будьте верными и лояльными слугами, и я буду вам хорошим королем». Перед отъездом из Ля-Рошеля он приказал соблюдать мирный эдикт и обязал городские власти следить за свободным исповеданием католической веры. Один слишком фанатичный министр и несколько буржуа должны были отправиться в ссылку, а с ними противодействующий католикам генерал-лейтенант. Отдав эти приказы, Карл IX без всяких церемоний покинул город. С тех пор до Луи XIII ни один монарх не посещал эту морскую крепость Реформации, которую в 1573 году безуспешно пытался захватить герцог Анжуйский, будучи тогда кандидатом на польский трон.

Менее мрачной оказалась атмосфера в Ниоре, куда двор прибыл 19 сентября. Туда же приехал овдовевший после смерти Леоноры де Руа Луи де Конде и сообщил Екатерине о своем намерении вступить в брак с Франсуазой Орлеанской, дочерью герцога де Лонгевиля. Несмотря на то, что они оба были сторонниками Реформации, Екатерина пожелала, чтобы бракосочетание прошло при дворе. Она даже разрешила чтение протестантских молитв в одном из залов королевской резиденции, правда, при закрытых дверях и только для верующих в Чистое Евангелие. В честь Луи де Конде следовали лишь минимуму Орлеанского эдикта, хотя эдикт вышел только благодаря ему.

Вскоре через Пуату двор направился на север, задержался в Туаре, в замке господина де Ля Тремоиля, супруга одной из дочерей коннетабля. Затем через Луден путешественники прибыли в Шампиньи-сюр-Вед, в замок правителя Гурени и Анжу, Луи де Бурбона, герцога де Монпансье. Выходец из семьи Монморанси, страшно гордый своим происхождением по прямой линии от «великого короля Сен Луи», Монпансье яростно защищал «истинную веру», отдавая еретиков палачу, а их жен своим солдатам. Дон Франчес очень уважал его, поскольку среди принцев крови было трудно найти большего католика, чем он. Его брат Шарль де Бурбон, принц де Ля Рош-сюр-Ион, тоже хотел принять своего бывшего ученика 8 октября в небольшом замке Бопрео. Но «верный старик» был настолько болен, что король решил отказаться от угощения принца, умершего 9 октября.

Как ни жаль было Екатерине расставаться с любезным и милым Анжу, предстояло посетить гордую и упрямую Бретань, присоединившуюся к Короне только в 1532 году. Там, как и везде, высшая знать покровительствовала Реформации. Брат адмирала

Колиньи, Франсуа д'Андело был женат на бретонке Клод де Рие, наследнице дома Монфор, второй фамилии провинции после древней семьи герцогов. Где бы д'Андело ни проходил, он везде оставлял своих министров, заставлял молиться и петь псалмы по-гугенотски. Соперничая с ним в рвении в новой вере, Изабо де Наварр, виконтесса Роанская, тетка Жанны д'Альбре, сделала из своего замка Блен евангелическую крепость. В Ренне, как в Нанте и Шатобриане, сторонники обеих конфессий в большей или меньшей степени враждовали друг с другом. Но эти осложнения не помешали двору немного отдохнуть и повеселиться. Коннетабль предоставил в его распоряжение свой замок Шатобриан. Там Екатерина оставалась 18 дней и отпраздновала день Всех Святых. Одновременно королева восстановила католические богослужения в городе Блэне госпожи Роанской и определила место отправления служб гугенотов Нанта. На смену правителю провинции, всеми уважаемому, но недавно умершему герцогу д'Этамп (очень умеренному католику) пришел господин де Мартиг из Люксембургского дома. Человек жестокий, он задушил в Нормандии одного реформата, который отказывался исповедаться, и с азартом насиловал молодых девушек Религии. Едва вступив в должность, он сразу же организовал против коннетабля и его племянников Шатийон Лигу, первую из многих, которые предстояло узнать Бретани. Королева-мать перехватила одно из его писем герцогу д'Омалю, после чего пожурила фанатичного правителя и призвала к исполнению королевских эдиктов. 5 ноября Екатерина с детьми въехали в Анжер. Анжу еще не был достоянием Генриха, так как Франциску предстояло быть герцогом Анжуйским еще несколько месяцев. 7 ноября, оставляя позади сердечно принявший короля Анжер, двор не торопясь отправился в путь по направлению к Гурени. Пять дней, с 14 по 19 ноября, королева провела в живописном аббатстве Бургей, где ее гостеприимно встретил Луи Лотарингский. 20 ноября, переправившись через Луару, король остановился на ночь в замке Плесси-ле-Тур. Там ушел из жизни Людовик XI, окруженный заботами святого Франсуа де Поля. Там же в конце своего правления окажется Генрих III при довольно драматических обстоятельствах. В 1562 году город Тур стал ареной избиения гугенотов, организованного герцогом де Монпансье и католическим капитаном Антуаном дю Плесси, Ришелье, прозванным Монахом. Когда в 1565 году Колиньи приехал в Париж для защиты от возбужденного против него обвинения, он напрасно разоблачал убийства, совершенные в Туре. Карлу IX население города оказало великолепный прием. Впрочем, королю и герцогу Орлеанскому, возможно, было гораздо приятнее то, как

в пригороде Сен-Ком встретил двор милый их сердцу Пьер де Ронсар. Искренне привязанный к своему королевскому ученику, поэт мог только напомнить ему о снисхождении Эркюля принять гостеприимство простого пастуха. Что говорить о гостеприимстве поэта! Блистающему юношеским остроумием герцогу Орлеанскому Ронсар посвятил проповедь в стихах:

Вот место разделенных пародов,
Построенное и украшенное плохо,
Но музы, там живя, следят,
Чтоб принцы не погибли,
Они, как вы, влюбились в добродетель!

Возможно позже, проявляя удивительную набожность, Генрих III вспоминал урок Сен-Кома? После Тура Екатерина и ее дети три дня оставались в великолепном замке Шенонсо, где Филибер Делорм возвел на пяти арках галерею и перекинул ее через воды Шера. Позднее Генрих III подарит его своей жене Луизе де Лоррен. Некоторое время спустя он напишет коннетаблю письмо с рекомендацией своему наставнику: «…Отец мой, если я рассчитываю на ваше обещание относительно господина Карнавале и вновь прошу не забывать о нем, то это значит, что я хочу, чтобы у него все было в порядке. Поскольку я не сомневаюсь в силе вашего слова, не говоря ничего другого, мне хотелось бы вас уведомить, что я побывал в Шенонсо, где надеюсь и хочу вас видеть. Тем временем я представлю вам рекомендации вашего доброго кузена».

Проследовав через Амбуаз, 5 декабря путешественники вошли в Блуа. А 14 декабря отбыли оттуда в направлении Мулен по Солони и Берри. 21 декабря они остановились на одну ночь в Сен-Мену, красивом аббатстве бенедиктинок. Церковь аббатства еще хранит каменный саркофаг святого Мену. Местное население называет его (саркофаг) Брединуарием, так как бреденцы (или сумасшедшие) искали там излечения. Затем двор проследовал в Сувиньи. Там в местной церкви находились захоронения принцев дома Бурбонов, а также могила святого Майеля, друга их родоначальника Гуго Каиета. Незадолго до прихода нового 1 565 года двор прибыл в Мулен и расположился в обширном замке герцогов Бурбонов. Его размеры подходили для заседаний, на которые королева решила созвать принцев и правителей независимых дворов, чтобы с ними обсудить и решить все самые серьезные текущие дела. На три месяца, с декабря 1565 года по март 1566 года, Мулен стал временной столицей королевства. Таким же образом, как при Карле VII в Бурже или в Виши в 1940–

1944 годах, правительство государства обосновалось в самом центре страны в надежде увидеть, как стихает буря и рассеиваются облака тревог.

Ассамблея в Мулене

Во время столь долгого пребывания в Мулене королева-мать и канцлер хотели положить конец ссоре, возникшей между домами Гизов и Шатийон со смертью де Гиза Великого, убитого Полтро де Мере. Маршалу де Бурдийону была доверена миссия организовать встречу уважаемых глав обоих домов, коннетабля и кардинала Лотарингского. 12 января перед Советом предстал Колиньи. 24 государственных советника рассматривали вопрос виновности адмирала в смерти Франсуа де Гиза. Несмотря на то, что первый Президент Парламента Парижа отказался оправдать адмирала, 19 голосов высказались за его невиновность. Жак де Савой, герцог Немур, предпочел объявить себя некомпетентным, так как его пристрастие к Гизам было очевидным. Кардинал де Бурбон и герцог де Монпансье, возглавляющие католиков Бурбонов, также попросили короля избавить их от участия в обсуждении виновности Колиньи. 29 января был опубликован указ, согласно которому последний объявлялся освобожденным от любых претензий но делу о смерти герцога де Гиза. Кардинал Лотарингский не противоречил королевскому решению, но не принял его. Вдова Франсуа де Гиза, Анна д'Эст, тоже смирилась и сказала, что ее волнует лишь одно — чтобы его родственники не покинули ее. Если решение Совета установило хрупкое перемирие между двумя враждующими фамилиями, то Варфоломеевская ночь сведет на нет все приложенные усилия.

Урегулировав отношения домов Шатийон и Гизов, под руководством Монсеньора два первых месяца 1566 года ассамблея изучала все, касающееся судопроизводства и общей политики королевства. Благодаря деятельности ассамблеи, под руководством канцлера был подготовлен указ в феврале 1566 года, называемый Муленским. В его 86 статьях рассматриваются все стороны правления. В нем очевидно просматривается стремление укрепить королевскую власть и раздвинуть ее границы. Парламентам запрещалось предъявлять замечания к королевскому акту, если монарх, выслушав первых, приказывал им повиноваться. Города сохраняли уголовное судопроизводство, но полностью теряли судопроизводство гражданское, что являлось *deminutio capitis* (лишением гражданских прав) муниципальных магистратов. Наряду с уголовным

судопроизводством было выделено судопроизводство обычной полиции. Наконец, правители провинций, которые по случаю недавних беспорядков все в той или иной степени превысили свои полномочия, тоже были призваны к порядку. Им запрещалось самостоятельно издавать указы, вмешиваться в финансовые дела, в деятельность трибуналов, за исключением предоставления им своей помощи. Короче говоря, указ напоминал им, что существует король и ни один из них не имеет права узурпировать его полномочия. Так королева-мать и канцлер предохраняли себя от неподчинения городов и независимости грандов и одновременно побеждали (или, по крайней мере, надеялись на победу) феодальную реакцию. Для Генриха это был прекрасный урок политики, когда перед его глазами прошли все трудности, которые должен был устранить указ. Но жестокие дебаты ассамблеи в Мулене не мешали 15-летнему герцогу очаровывать мать и ее окружение дарами юности. Живость его ума и любезность признавалась всеми людьми его окружения. Его мать больше чем когда-либо задумывалась о выгодном для него браке. Без сомнения, посол Франции в Мадриде, господин де Фуркево предупредил королеву, что Филипп II не намерен соглашаться на союз его сестры, зрелой женщины, с этим юнцом. Екатерина также помнила похвалы, которыми одарил его герцог Альба, покидая Байонну, обещая позаботиться о нем как о своем брате. И поскольку Генрих уже был в Испании, почему бы ему туда не съездить еще раз, когда стало известно о беременности Католической Королевы?

Но ни одна мечта Екатерины не осуществилась. Позитивным для Генриха, но в другом смысле, стал приказ от 8 февраля 1566 года о переходе в его, как брата короля, достояние, Анжу, Бурбонне и Мена. Таким образом Монсеньор получал финансовую независимость. При этом он оставил титул герцога Орлеанского, так как из освобожденного когда-то Жанной д'Арк города гугеноты сделали одну из своих самых сильных крепостей. Титул герцога Анжуйского, который носил последний сын королевы Франсуа-Эркюль, теперь переходил к Генриху, Так же его собственностью стал Анжу. Его брат в качестве компенсации получил титул герцога Алансонского и сохранял его до того дня, когда его брат стал королем, а он вновь герцогом Анжуйским. Раз Филипп II и слышать не хотел о свадьбе одной испанки с новоявленным герцогом Анжуйским, то на ком остановит свой выбор последний? Женится ли он на саксонской принцессе, если она будет еретичка? Король Дании Фредерик II прислал по этому поводу ко французскому двору своего посланника, и Екатерина поспешила отправить своего человека в Копенгаген, чтобы

побольше узнать о шансах такого союза. Немедленно информированный, дон Франчес скорчил недовольную мину. 20 февраля 1566 года он писал Филиппу II: «Чтобы помочь переговорам, подменили душу герцогу Орлеанскому…» Коварный и всегда высказывающий крайние суждения, посол добавил, что молодого принца часто видят с королевой Наваррской и Колиньи: «Утверждают, что у него больше нет слуг католиков. Ранее, следуя указаниям своей матери, он слушал мессы с большим вниманием. Теперь все наоборот. Хуже всего то, что Карнавале в настоящий момент является гувернером обоих братьев, без него ничего не делается…». На бесконечные жалобы посла королева твердо заявляла, что Карл и Генрих истинные католики и ежедневно исполняют свой религиозный долг.

Неустанно внушая и передавая французскому двору планы, противоречащие интересам Франции, Франчес де Алава тщательно собирал все сведения о колониях и корсиканцах. Узнав, что в Марселе вооружают девять галер, он сделал вывод, что новый герцог Анжуйский принял под свою опеку знаменитого корсиканского патриота Сампьеро Корсо, освободившего остров от владычества Генуи. Из этого подозрительный ум дипломата без колебаний выводил, что принц отправлял Сампьеро припасы, деньги, вооружение и планировал стать королем острова. Более осмотрительный король Испании ограничился указанием прежде всего разрушить планы Генриха на поездку в Испанию и удостовериться, действительно ли герцог Анжуйский начал оказывать помощь Сампьеро. 14 мая на аудиенции у королевы дон Франчес заговорил о Генрихе и его отношениях с Сампьеро. Екатерина ему ясно дала понять, что все это просто болтовня и посмеялась над предполагаемой протекцией Монсеньора корсиканскому патриоту.

Возвращение в Париж

Через несколько дней после аудиенции 14 мая, когда коннетабль, адмирал и кардинал Оде де Шатийон уже покинули Мулен, двор отправился в путь к Парижу, сделав небольшую остановку в Оверне, родном городе канцлера и матери Екатерины, Мадлен де Ля Тур д'Овернь, графини де Булонь.

В течение очень недолгого времени с 25 марта по 4 апреля — Екатерина оставалась в своих замках, в Далла, недалеко от Пон-дю-Шаго и в Викль-Конт. По возвращении путешественники остановились в Клермоне и Монферане. Затем королевский кортеж проследовал через Рион и Эгеперс, родной город Мишеля

де Л'Опигаля. Оттуда через красивые ущелья Сиулы двор вновь вернулся в Бурбонне, где короля и его свиту встретили монахи аббатства Эбрей. Во время путешествия через Ниверне молодой герцог Анжуйский познакомился с Луи де Гонзага из дома герцогов де Манту, в его замке Ля Герш. Последний был в высшей степени католик, человек осторожный, умеющий слушать и молчать, трудолюбивый, осмотрительный, поражающий блестящими способностями своего ума. Его бракосочетание 4 марта 1565 года с Генриеттой Клевской, наследницей провинций Ниверне и Ретелу а, сделало его герцогом Неверским. В конце правления Генриха III 25-летний де Гонзага будет лучшим и самым надежным другом всеми покинутого и будто раскоронованного короля.

10 апреля королевский поезд перешел реку Луару по мосту Ля Шарите. Это место, контролирующее одну из самых больших переправ через реку, часто подвергалось осаде и переходило из рук в руки. Во времена волнений и беспорядков его жители слишком часто видели, как к их стонам подходили немецкие наемники и пытались взять город. Карл IX решил остановиться там на пять дней и торжественно встретить Пасху. Затем, избегая как Нуаер и замок Луи де Конде, так и Шатийон-сюр-Луэнь, важный форпост адмирала, двор проследовал через католический город Оксер. Затем он вошел на территории Ври, где, недалеко от Бре-сюр-Сеп, в маленьком мес течке Мон-ан-Монтуа король и Монсеньор развлекались, как рассказывает в своих «Мемуарах» Клод Атон, кюре провинции, за счет гугенотов. Его рассказ достоин того, чтобы быть прочитанным: «Случилось так, что Его Величество и его брат Монсеньор герцог Анжуйский нашли катехизис гугенотов и псалмы Марго и де База. Послеобеденное время они провели в молитвах и распевании упомянутых псалмов… в присутствии королевы-матери и господ адмирала д'Андело и кардинала де Шатийон. Сначала король был проповедником, потом Монсеньор взял у него из рук катехизис и книгу псалмов и сказал: «Мой брат, вы не умеете быть протестантским проповедником, у вас не выходит лицо лицемера. Дайте, я это сделаю, а вы будете гугенотом. У меня лучше получится. А у меня лучше, чем у вас», — сказал король. На что Монсеньор ответил: «Вы не поднимаете глаза к небу так как надо, чтобы увидеть Христа. А вы, мой брат, плохо складываете уши друг к другу и не поворачиваете как нужно голову, потому что для того, чтобы быть хорошим протестантским проповедником, надо уши складывать лучше, чем руки, подобно тому, как делает осел, когда его хотят нагрузить чем-то тяжелым». Продолжая обращаться к Генриху, король сказал: «Ведь вы не из них? Нет,

ответил Монсеньор, но я знаю то, что знают они и тот вид, который они принимают. Вам стоит записаться в мою школу». С такими словами, весело и смело они принялись рвать на кусочки упомянутые книги и катехизис, бросая обрывки друг в друга и приговаривая: «Вы не умеете изображать гугенота и проповедника, у меня это лучше получается. Нет у меня!». Затем они побежали наперегонки, бросаясь остатками книг, и тут среди наблюдающих эту картину людей король заметил брата адмирала, д'Андело. «Мой брат, сказал король Монсеньору, спросите у господина д'Андело, он подтвердит, что я лучше вас изображаю гугенота и проповедника!» Это произошло в Мон-ан-Монтуа, некоторое время спустя после обеда, к неудовольствию господ адмирала, д'Андело и других присутствующих гугенотов.

Таким образом, нас мешки над гугенотами пришли на смену антиримскому маскараду, в который играли братья тремя годами ранее. И то и другое свидетельствовало о крайней нестабильной религиозно-политической ситуации. Она давала двоим молодым людям возможность развлекаться поочередно за счет то одной, то другой конфессии. Будь то Лувр или Мон-ан-Монтуа, везде проявлялось отсутствие уважения и терпимости по отношению к обеим религиям, их церемонии и ритуалы в равной степени высмеивались молодым королем и его братом. Но шутки и насмешки с возрастом уступили место твердой убежденности в вопросе веры, в то время как повсюду реками текла кровь, почти всегда невинная.

После этого эпизода королеве-матери оставалось только вернуться в Париж. Она остановилась на пять дней в своем замке Монсо-ан-Бри, затем проследовала через Сен-Мор и в среду 1 мая 1566 года прибыла в столицу, где ее сразу же пригласила к обеду госпожа дю Перрон, старая гувернантка Детей Франции. Всего за время своего путешествия королевская семья прошла 910 лье за два года и четыре месяца. Несмотря на раздробленность, царившую в королевстве и делавшую управление страной столь грудным, королеве удалось предотвратить новое столкновение. Франция смогла убедиться, что королевские дети и она сама оставались преданны католической вере. Екатерина настаивала на избранном ею серединном пути, чему подтверждением служило сосуществование двух конфессий, и на прекращении, пусть временном, вражды между Визами и Шатийон. Еще целый год, с весны 1566 года до лета 1567 года, она могла верить, что у ее умеренной политики есть будущее. Полная надежд, она снова лелеяла матримониальные планы для своих детей, не только для короля, но прежде всего для того, кого она любила больше всех, для Генриха, герцога Анжуйского.

План бракосочетания с Елизаветой Английской

В ожидании весьма гипотетического союза, Генрих вернулся в Сен-Мор с намерением возобновить свои сильно запущенные из-за «большого путешествия» занятия. Кроме того, он вносил свою долю участия в развлечения короля. В июне 1566 года они с королем инкогнито появились в предместье Сен-Дени. 7 июля вместе с королевой, Карлом IX, его братом Франциском и сестрой Маргаритой он участвовал в большой процессии, которая от аббатства Монтань-Сан-Женевьев привела всех в Париж, к собору Нотр-Дам, чтобы просить там защиты от бесконечных, приносящих бедствие, дождей.

Отношения короля и Генриха за фасадом публичных церемоний не всегда были простыми. Карл IX находил, что Генриха вырастили слишком нежным. Он часто его бил, чтобы закалить и сделать более выносливым. 25 мая 1567 года дон Франчес пишет, что Карл IX больше не хочет играть с Генрихом в ракетки и убегает через окно из зала для игры в лапту, когда видит приближающегося Генриха. 30 мая 1567 года Венитьен Корреро рассказывает, что, издав указ против чрезмерной пышности костюма, король заявил, что если Генрих не будет его соблюдать, то он перестанет с ним разговаривать. Эти маленькие факты доказывают растущую враждебность Карла IX по отношению к своему более блестящему и более любимому матерью брату. Генриху исполнилось 15 лет, и, по словам дипломатов, он был невероятно обаятелен. Он очаровывал не только телом, но и душой. В доказательство можно привести письмо, адресованное из Блуа в сентябре 1567 года Генриетте Клевской, герцогине Неверской, жене Луи де Гонзага: «Мне бы очень хотелось видеть вас здесь, что, если на то будет воля Господа, скоро исполнится с освобождением вас от вашей тяжелой ноши, которого вам желают все ваши родственники и те, кто вас любит. Их Величества приказали господину Неверскому явиться к ним, о чем я пишу ему тоже, и прошу Господа, чтобы он вас нашел и сохранил в добром здравии. Целую руки.

Блуа. 5 сентября 1567 года.

Ваш добрый кузен Генрих»

Легкость стиля у него не уступала элегантности и зрелости. Отдавая дань лести и поэтическому преувеличению, Филипп Деспортес написал стихотворение по случаю присутствия Генриха на комедии Антуана де Баиф, данной в честь Карла Великого в Отель де Гиз (во время школьного праздника 28 января 1567

года). В нем он деликатно и где-то двусмысленно описал Генриха, одевая в неожиданные мифологические одежды:

Когда герой Ахилл был среди дам,
Переодетый в женские одежды,
В нелепом том наряде его очарованье
Огонь любви будило в душах.
А вы, хоть и наивно-нежны,
И не найти прекрасней вас,
Вы, воин, любящий, любимый,
С душою пламенной и страстной,
Вы заставляете нас видеть
Венеру с Марсом вместе в вас.

Прав ли был Деспортес, приписывая молодому принцу мужскую доблесть на итальянский манер, облаченную, как у Ахилла, в женскую пленительную нежность? Стал ли уже Генрих бивалентным, когда после очередной внутренней борьбы один его образ сменял другой? Знающий культуру Возрождения, античную классику, воспитанный и утонченный человек XVI столетия, он тем не менее был истинным христианином. У него был выбор. Но хотел ли он выбирать между милыми берегами Елисейских нолей и суровыми утесами искупления и благословления?

Заботиться о своем спасении и иметь дело с богами античности было в любом случае легче, чем добиться от Елизаветы Английской согласия на брак. Более чем когда-либо Екатерина хотела устроить будущее своего очаровательного любимца. В январе 1565 года она попросила руки «королевы-девственницы» для Карла IX. «Добрая сестра» Екатерины, которую она любила называть «своей дочерью», со всем возможным лицемерием, но грубо отказала ей. Однако на следующий год королева-мать опять вернулась к этому вопросу, но теперь речь шла о Генрихе. Посол короля в Лондоне, господин де Ля Форе, передал английскому двору новое предложение. Екатерина была движима не только личными интересами Монсеньора. Она страстно мечтала о взаимном доверии и поддержке двух стран. Ее не останавливало то, что Елизавета с большей или меньшей скупостью оказывала помощь французским протестантам. Не питающая особой симпатии ни к Гизам, ни к своей бывшей невестке Марии Стюарт, Екатерина хорошо знала, что дочь Генриха VIII методично и настойчиво продолжала английскую политику присоединения Шотландии. Довольно любопытно неослабевающее стремление королевы-матери связать узами брака одного из своих сыновей с Елизаветой. В январе 1571 года

она вновь уполномочила французского посла в Лондоне, господина де Ля Мот-Фенелон, еще раз предложить кандидатуру герцога Анжуйского. Последний, впрочем, не питал никаких чувств к английской королеве. И если верить информации, собранной испанскими дипломатами, он даже говорил, что, женившись на дочери Анны Болейн, он потерял бы всякую репутацию. Его мать не разделяла этого мнения. Когда Генрих отказался стать мужем королевы-еретички, она без колебаний заменила его своим последним сыном Франциском, как кандидатом на руку «Королевы Бесс». Так началась для Франциска карьера вечного страждущего, не устающего от уклончивых и неисполняемых обещаний, с помощью которых Елизавета мастерски держала его в своих сетях до тех пор, пока эго было в интересах ее политики. Нимало не смущаясь перспективой сесть на еретический трон, с 1567 года Генрих оставляет удовольствия и ежедневную рутину двора ради преимуществ активной военной и политической жизни. С 1567 по 1573 год все возрастающие политические затруднения сильно омрачили последние годы правления Карла IX и поставили его в первый ряд в сражениях, которым яростно и почти по-садистски отдавались раздирающие и убивающие страну группировки.

Глава третья
Генрих, генерал-лейтенант королевства, в сражениях с гугенотами
(1567–1570)

Кажущаяся безопасность Екатерины Медичи

В середине 1567 года складывалось впечатление, что перемирие победило вражду. Все меньше и меньше убивали реформатов. Конечно, были лимитированы права, признанные за ними Мирным эдиктом, но адепты Дела Евангелия приняли менее благоприятное положение вещей. Это, в свою очередь, заметно успокоило католиков. Мир и покой, царящие почти на всей территории Франции, резко контрастировали с волнениями в испанских Нидерландах. Филипп II решил применять там политику насилия. В качестве министра своей мести и своего гнева он избрал несгибаемого герцога Альба. Новый правитель Нидерландов, следуя инструкциям своего господина, слал точно использовать те меры борьбы против ереси, которые он излагал Екатерине в Байонне в июне 1565 года, и которые королева, несмотря на свои туманные обещания, не (обиралась осуществлять. События в Нидерландах не могли не отразиться на Франции. Сторонники обеих конфессий напряженно следили за тем, что происходило во владениях, не так давно принадлежавших герцогам де Бургонь. Если там окончательно победит Реформация, вся северная и восточная Франция станет кальвинистской. Но если Реформация была бы там раздавлена, Дело Евангелия было бы окончательно потеряно для королевства Валуа. Серьезное положение в Нидерландах должно было стать фатальным для политики королевы-матери и привести французских реформатов к желанию восстановить свои утраченные привилегии, воспоминание о которых вызывало у них жестокую тоску. Свое спасение они видели в обращении к оружию, захвате королевской семьи и правительства. Страсти на время утихли, но в любую минуту мог вновь вспыхнуть огонь фанатизма. В июне 1566 года в маленьком пиренейском городке Памьер реформаты напали на монастыри, убили монахов и изгнали из города папистов. С момента заключения Амбуазского перемирия это было первое нарушение Мирного эдикта. В назидание другим Екатерина решила сурово наказать

нарушителей. По ее приказу королевские войска осадили Памье и взяли город штурмом. Большинство мятежников было арестовано властью Парламента Тулузы. Некоторым вместе с министром Ташаром удалось убежать в горы. Их схватили в следующем году и в мае 1567 года казнили. Гугеноты тотчас поставили Ташара в ряды мучеников Дела Евангелия.

Как бы плохо ни шли дела во Франции, вождей французских протестантов больше всего занимало положение реформатов в Нидерландах. Как и во Франции, церковь Нидерландов была детищем Женевы. Их объединяли тесные связи с единоверцами королевства. Верхи партии гугенотов полагали, что надо прийти на помощь фламандцам, преследуемым испанцами. Лучше всего для этого использовать ясный и окончательный разрыв между правительствами Парижа и Мадрида. Королева поддерживала с Филиппом II нейтральную дружбу. Она была настроена очень миролюбиво. В противоположность ей гугеноты, движимые религиозным рвением, не видели другого способа помочь своим братьям в Нидерландах, кроме объявления войны против Испании. Их последние надежды разрушила забота Екатерины о снабжении испанских войск на пути их продвижения от Италии к Нидерландам. Почти сразу поднялась Швейцария, готовая отразить всегда возможное нападение наемников империи. Она уже видела, как они направляются к ней, и не сомневалась, что Екатерина во всем поддерживала герцога Альба. Конде и Колиньи настаивали, чтобы королева приняла швейцарского посла. Со своей жестокой прямотой коннетабль им ответил: «Что бы вам хотелось от этих швейцарцев, которым так хорошо платят, если не пользуются их услугами?». К общему стремлению действовать оружием добавлялась взаимная вражда. Франсуа д'Андело и Луи де Конде натолкнулись на отказ удовлетворить их просьбу и в результате порвали со двором. Первый, ссылаясь на свой пост генерал-полковника пехоты, встретил сопротивление маршала де Коссе, отказавшегося выполнять его приказы, и с досадой уехал в свои земли в Бретани. Второй надеялся, что в случае войны станет верховным главнокомандующим королевства. Но он встретил на своем пути герцога Анжуйского. Королева-мать оставляла за своим сыном эту должность, которая делала его вторым человеком в государстве после короля.

Герцог Анжуйский и Луи де Конде

Весной 1567 года Генрих Анжуйский присоединился к своей матери в Фонтенбло, где оставался двор с 18 февраля, в то время,

как послы поселились в Морэ. Однако вся королевская семья отправилась в Париж на празднование Святого Причастия, о чем информировал Филиппа II дон Франчес 25 мая. Спокойную жизнь королевы и ее приближенных прервало подобное громовому раскату сообщение о переходе отрядов под командованием герцога Альба из Милана в Брюссель через Савойю, графство Бургонь и Лотарингию. Одновременно Филипп II возводил Франчеса де Алава в ранг посла, демонстрируя полное доверие тому, кто представлял его перед королем Франции. Было ли Карлу IX достаточно лет, чтобы карать гугенотов, вопрошал новый посол своего хозяина 6 июля 1567 года? В своих беседах с королевой и ее сыном он говорил, что надо как можно скорее покончить с ересью. Задетый за живое, Карл гневно воскликнул: «…Если сейчас в моем возрасте, данном мне с благословения Господа, я не могу заставить их повиноваться мне и меня бояться, то я не сделаю этого и через десять лет…». Но не королю которому надо было не особенно показываться во время ведения военных действий, и присутствие которого было необходимо для оформления своих решений в качестве королевской санкции Екатерина намеревалась доверить, пусть номинально, высшее командование. Было неизвестно, что делать с 6000 швейцарцев в Шампани под командованием господина д'Омаля и с 6000 других во время набора рекрутов. Адмирал и его брат д'Андело не знали, что и думать о назначении этих сил. Луи де Конде, настроенный решительно как никогда, 10 июля предстал перед королем и сообщил, что в скором времени он сможет располагать от 4000 до 5000 всадников. Совет принял это предложение, если верить депеше дона Франчеса от 13 июля, довольно прохладно, и поручил герцогу Анжуйскому сделать по этому поводу внушение военному главе Бурбонов. Уполномоченный или нет, но в сопровождении знатных сеньоров и стрелков короля Генрих вышел навстречу де Конде в одной из галерей замка: «Принц, сказал он, — я не хотел отвечать на ваши дерзкие слова в присутствии моего брата короля и моей матери. Если вы не имеете уважения к вашему королю, то вам следовало бы уважать меня, его генерал-лейтенанта. У вас нет права говорить, что вы можете собрать большое количество всадников. Это мое дело, и только мое, и не касается даже коннетабля. Возвращайтесь к вашим людям и больше не заставляйте меня во второй раз указывать на ошибку, которую вы совершаете, вставая во главе подобных предприятий…». Рассказ дона Франчеса подтверждает Брантом. Он передает, что герцог Анжуйский пресек «дерзкую попытку Конде претендовать на принадлежащий ему пост». И если Конде когда-либо будет вмешиваться в его дела, он назначит

его на столь же незначительный пост, на сколь значительный он будет претендовать». Тот же Брантом добавляет, что Генрих вел себя вызывающе не только на словах, «он то высоко держался за эфес шпаги, то прикасался к кинжалу, то надвигал и снова приподнимал свой берет». Конде было 37 лет, он имел блестящее военное прошлое и был очень популярен среди солдат. По словам того же дона Франчеса, он был озадачен храбростью герцога Анжуйского и ответил, что подчиняется воле герцога, а его предложение имело единственную цель послужить на благо короля. На следующий день, 11 июля, он с разрешения короля и королевы покинул двор, потому что в его услугах, как и предложениях, там не нуждались. Гугеноты снова получили руководителя. Однако Екатерина не слишком волновалась по данному поводу. Разве стоило принимать всерьез инцидент, восстановивший друг против друга ее любимого сына и Конде? Если герцог Анжуйский хотел, несмотря на его 16 лет, быть генерал-лейтенантом и намеревался никому не позволять «командовать армией» (как передает венецианец Корреро 7 июля 1567 года), то он был «лишь ребенком, который не умеет командовать», говорила Екатерина дону Франчесу 25 декабря. Тем не менее, именно этому ребенку через официальные письма Карла IX от 12 ноября 1567 года королева передала пост, к которому так стремился Конде, пост генерал-лейтенанта королевства. Только в промежутке между июлем и ноябрем 1567 года произошел «сюрприз Мо» и вновь возросла взаимная враждебность королевского правительства и партии протестантов.

Сюрприз Мо
(26–28 сентября 1567 года)

Луи де Конде оставил двор, чтобы взяться за оружие. Для этого ему требовалось согласие других членов партии и в первую очередь согласие адмирала. На собрании в Басс-Бургонь, в замке Валери, недалеко от Санса, Колиньи запротестовал, но в конце концов согласился. Однажды вступив в борьбу, он мог лишить противника руководства, захватив короля, как некогда это сделал в Фонтенбло в 1562 году Франсуа де Гиз. Когда решение было принято, по всей Франции были отправлены курьеры с приказом поднимать всех своих сторонников. Гугеноты были прекрасно организованы. Они подчинялись приказам, имели специальные места сбора и пользовались особым шифром. По первому сигналу бойцы собирались вокруг своего командира. Церкви давали необходимые средства, а в деревне пользовались имуществом

врага. Более многочисленная, чем армия короля, армия гугенотов имела то преимущество, что быстро и легко собиралась.

Маленькими группами она направилась к месту встречи — городу Розуа-ан-Бри. Солдаты шли день и ночь. Из предосторожности они избегали больших дорог. «Одни останавливались передохнуть в домах дворян… другие в сараях, где находили приготовленную еду». Такое перемещение вооруженных людей не привлекло особого внимания, потому что в своих путешествиях знатные господа имели обыкновение окружать себя большим эскортом. В конце лета 1567 года двор находился в замке Монсо-ан-Бри. Его ничуть не смутило сообщение об упомянутых передвижениях. Королева все же отправила нескольких шпионов в Шатийон-сюр-Люэн. Там они увидели адмирала, одетого в крестьянское платье и увлеченного заботами о предстоящем сборе винограда. Нельзя было найти ничего менее подозрительного. Когда вернувшийся из Фландрии Кастельно-Мовиссьер рассказал о ставшем известным ему проекте «захватить короля и весь его совет», коннетабль ответил, что он в состоянии следить за любым отрядом вооруженных людей, каким бы малочисленным он ни был. Канцлер даже заявил, что это мнение, которое он рассматривает как ложное, есть «серьезное преступление». Однако когда Титус де Кастельно сообщил, что гугеноты направляются к Ланьи, скептицизм уступил место страху и, не теряя времени, двор выехал 26 сентября искать спасения в Мо. Найдет ли он общий язык с мятежниками? Канцлер де Л'Опиталь направил к руководству гугенотов полномочного представителя Совета с поручением узнать мотивы их поведения и их намерения. Екатерина взорвалась: «Это вы с вашими советами вести умеренную политику привели нас к тому положению, в котором мы сейчас находимся». Разгневанный не менее ее, Карл IX разразился угрозами: «Я больше никогда не услышу подобных сигналов тревоги. Я дойду до их домов и кроватей и найду тех, кто мне их выдаст. Отныне я буду давать полномочия тем, кто мне нравится, большим и малым». Политика умеренности и примирения устарела. Она не могла противодействовать ни стремлению Филиппа II уничтожить ересь в Нидерландах, ни страху французских протестантов перед репрессиями, обрушившимися на фламандцев, ни все более ясному пониманию, насколько сложно для Дела Евангелия победить во Франции, где протестантов вынуждали на все более затруднительную оборону. Но если последние действовали из опасений, то взволнованный не меньше своих противников двор нуждался в большей безопасности, чем он имел в Мо. По совету Жака Савойского, герцога Немура, было решено, что королю

следует находиться в Париже. 28 сентября, за три часа до рассвета, Карл IX выехал в столицу. Во главе и в хвосте поезда находились швейцарцы. Король, королева, придворные дамы и багаж располагались в центре. С наступлением дня к ним приблизился Конде с отрядом от 500 до 600 конных всадников. Принц с непокрытой головой попросил позволения поговорить с королем. Получив отказ, он вернулся к своим компаньонам, которые попытались напасть на кортеж. Но их встретил строй швейцарцев с опущенными пиками. Гугеноты остановились. Конде ничего не мог поделать с 6000 пехотинцев полковника Пфиффера. Обе колонны практически бок о бок продолжали свой путь. В первом же городке взволнованный судьбой короля Совет предложил ему и его матери как можно быстрее добраться до Парижа. Королевская семья пересела в кареты. «Как только это было сделано, кортеж начал продвигаться вперед значительно быстрее, но не избавился от страха, потому что если бы враги узнали про это решение, то им было бы достаточно выслать вперед 200 всадников и Их Величества пропали бы». Так от Мо до Бурже они проделали 11 лье за один переход. Коннетабль остался в Бурже, а король продолжал свой путь. Он прибыл в Париж в день своего отъезда из Мо и был хорошо встречен населением. Увидев короля, взволнованные парижане не могли удержаться от слез. Столкнувшись с противодействием и унижением королевской власти, возмущенная и негодующая Екатерина резко изменила свою политику.

Еще 24 сентября, за два дня до «неожиданного происшествия в Мо», она предписывала правителю Дофине господину де Горду соблюдать и следить за соблюдением эдиктов, чтобы подданные короля могли «жить в мире и спокойствии». А 8 октября она через Карла IX тому же Горду пишет: «Там, где вы почувствуете малейший намек на желание помочь сторонникам новой веры, вы его устраните всеми доступными методами. А если вам станет известно, что те люди продолжают упорствовать… прикажите уничтожить их без всякой пощады. Чем больше мертвых, тем меньше врагов». Теперь королева была далека от любезности с Теодором де Бэзом и не могла простить Луи де Конде его выступление против нее самой, позвавшей его на помощь в марте 1562 года. На этот раз она по-настоящему возненавидела протестантов. Неизвестно, отдавали ли себе отчет Колиньи и Луи де Конде в том, что своими действиями они восстановили против себя и своей партии своего лучшего союзника. Впрочем, со всех сторон поступали все более и более мрачные для королевы известия. Гугеноты вновь захватили Монтеро, Орлеан и Ним. В Лангедоке они собрали во дворе епископства большое число

священников и высокопоставленных католиков и зверски убили их. Это случилось 30 сентября и осталось в истории под названием Мишеляд.

Напрасно принцы-реформаты делали из себя поборников справедливости. Конечно, они продолжали требовать полной свободы сознания и отправления культов новой веры. Но к этому они добавляли требование созыва Генеральных Штатов. Они не упустили случая обратиться к знати и простому народу, протестуя, если можно так выразиться, против их безграничного доверия королю и королевской семье. По их мнению созыв Генеральных Штатов был единственной мерой, способной излечить болезни королевства, в котором «монархия с самого начала смягчалась авторитетом знати и сообщества провинций и больших городов». Так впервые в том столетии проявилось желание ограничить королевскую власть через независимое собрание. Расхождения в представлениях о загробной жизни неизменно приводили к различному пониманию способов правления. Так перед королем предстало нечто, вроде «Лиги, работающей на благо общества», очень напоминающей ту, что хотела держать на коротком поводке Луи XI. Карл IX призвал организаторов «Лиги» к повиновению, используя древний средневековый обряд. Вооруженный герольд под звуки труб прошествовал в лагерь гугенотов в Сен-Дени и, назвав по именам Луи де Конде, Франсуа д'Андело, Гаспара де Колиньи и прочих, предложил им безоружными явиться к королю: в случае отказа они станут мятежниками. Эта довольно театральная процедура произвела на реформатов большое впечатление. Они решили, что перешли все границы, вмешиваясь в дела управления государством, и взяли назад свои требования. Они требовали уже только одного вновь ввести в действие Амбуазский эдикт. Коннетабль напомнил им, что король обладает правом вносить поправки в эдикты и даже отзывать их, если сочтет это необходимым. Такой ответ прервал переговоры, и сражение стало неизбежно. Старый коннетабль приложил для этого немало усилий, стараясь пресечь ходящие вокруг него слухи. Разве не говорили, что он медлит из-за своих племянников Шатийоне, оказавшихся в рядах мятежников? По приказу молодого короля, он решил покинуть Париж 10 ноября и атаковать Конде, стоявшего лагерем недалеко от Сен-Дени. Карл IX не принимал участия в этой акции, но следил за ходом событий с одной из башен Лувра. Его сопровождал Генрих. На крыше башни братья нашли свою мать, больше них взволнованную сражением.

Более малочисленные гугеноты бесстрашно пошли в атаку. Колиньи обратил в бегство кавалерию и полк парижских

добровольцев. Конде напал на коннетабля. Анн де Монморанси был оставлен большинством своих солдат. Окруженный врагами, он отказался сдаться и был смертельно ранен. Но королевские войска и швейцарские наемники не были побеждены. Колиньи предпочел отступить. А перед Конде оказалась кавалерия маршала Монморанси, сына коннетабля. Ранение последнего подорвало решимость королевской армии, и протестантам удалось укрыться в Сен-Дени. Через два дня, 12 ноября, коннетабль скончался, тем самым освободив свой пост. 14 ноября Совет решил возвести герцога Анжуйского в звание генерал-лейтенанта королевства. Но необходимые письма, с подписью Карла IX, датированы днем смерти коннетабля, что лишает всякой связи должность коннетабля и ту, которая была доверена Генриху. 16-летний принц был не в состоянии осуществлять эффективное командование. И Екатерина поручила продолжение ведения военных действий герцогу Немуру. Ему в помощь она дала герцога де Монпансье, пылкого католика Бурбона, и маршала де Коссе, друга семьи Монморанси. Но Немур и Коссе не поладили. Коссе, то ли из намеренного бездействия, то ли из собственной беспомощности, а скорее, из своей неприязни к Гизам, общеизвестным сторонником которых был Немур, позволил Колиньи и Конде ускользнуть в Лотарингию, где они рассчитывали объединиться с отрядами наемников, предоставленных им протестантскими принцами Империи (21 ноября). В то же время, если Монсеньор и стал генерал-лейтенантом, то не так просто и не без разногласий. Сразу же после сражения у Сен-Дени он начал «заниматься делом». Так, в сопровождении Немура, он осмотрел укрепления города. Пойдет ли он дальше? Завидующий ему Карл IX утверждал, по словам Брантома, что «он не нуждается в помощниках для ношения своей шпаги». Екатерина думала по-другому. Получив от короля любезный ее сердцу приказ, она сразу положила конец разногласиям среди руководства армией. 17 ноября Генрих присягнул перед Парламентом Парижа. На следующий день он сообщил герцогу де Неверу о своем вступлении на должность, «на которой… он приложит все свои усилия, чтобы добиться удовлетворения короля и облегчения жизни его подданных, что бы ни случилось». Подобное письмо получил маршал де Мартиньон. А 22 ноября герцог Анжуйский адресует личное письмо папе Пию V. В нем молодой принц убеждает старого инквизитора-доминиканца: «в вопросах религии и служения вам… никогда не найти никого преданнее», и он сумеет заставить забыть «многие упущенные возможности». Он добавлял, что если положение не столь хорошо, как тому подобает быть, то только

потому, что недостаток опыта «… принудил его верить окружающим господам». Не было ли неожиданное назначение герцога Анжуйского на столь высокий пост (отныне он имел право заменять короля везде, где он не мог присутствовать лично) признаком окончательно решенного выступления против еретиков? Наступило время сражения с гугенотами. Для начала герцогу Анжуйскому надо было вновь захватить Орлеан, город, которому он был обязан своим первым герцогским титулом. Так рассказывает дон Франчес. Однако он не перестал подозревать и смешивать с грязью все окружение Екатерины, так же, как, впрочем, членов Парламента и Совета. Если ему верить, то они все были «атеистами». Благодаря счастливому стечению обстоятельств, бесславный конец коннетабля, который, как ему казалось, чистоту веры заменял усердием, был «настоящим божественным чудом», писал он Филиппу II 15 ноября. Следовало переходить к действиям. Не откладывая дела в долгий ящик, Алава ознакомил королеву-мать с письмом герцога Альба, в котором тот напоминал предложения, выдвинутые им в Байонне: во-первых, обезглавить всех, кто мешает уничтожению ереси, затем разжаловать канцлера и изгнать его из Совета. Если в тот момент первая из этих двух статей больше не имела значения, то вторая могла приобрести его в любую секунду. Королева же в ответ заверила герцога, что она надеется осуществить как первую, так и вторую. Никогда раньше она не выглядела такой решительной и твердой. Подтвердит ли будущее эти решения? А пока надо было готовиться к новой войне. С ноября 1567 года по весну 1568 года обе армии были на новой стадии переговоров. Возглавив, по крайней мере номинально, армию, Генрих Анжуйский начал свою первую кампанию против мятежных гугенотов.

Военное «крещение» (*ноябрь 1567 — март 1568*)

В военной области герцог Анжуйский оказался под внимательным присмотром Немура, Луи де Бурбона, герцога де Монпансье и маршала де Коссе. Теперь он должен был также присутствовать на заседаниях Совета, поскольку был *alter ego* монарха. Членами Совета были господин де Виллекье, Монпансье, Карнавале, Меру (сын умершего коннетабля), маркиз де Вилляр, маршал де Коссе, господин де Лонгевиль, де Немур и, наконец, принц-дофин Овернский, сын Монпансье, Франсуа де Бурбон. Любая официальная должность является более или менее

тяжелой обязанностью. И для Генриха наступил момент, когда он должен был присоединиться к армии. Перед отъездом его поздравил с назначением дон Франчес от имени Филиппа II. Посол нашел принца «очень рослым, но слишком молодым для той власти, которую держал в руках». 24 ноября, на следующий день после его отъезда в Корбей, Екатерина пишет ему письмо, полное забот о любимом сыне. Она волновалась, как бы он не переутомился и советовала следить за собой: «Мой сын, я вас прошу помнить о том, что я вам говорила, и не пренебрегать своим здоровьем, чтобы вы могли прославить себя и завоевать себе репутацию, о которой я мечтаю». 27 ноября Генрих все еще оставался в Корбейе. Он организовывал снабжение парижских пригородов и после конной инспекции решал, где лучше расположить артиллерию. У города Немура он получил от королевы письмо с просьбой изучить со своим Советом мирные предложения Луи де Конде. 29 числа он ответил, что зачитал письмо, принесенное господином де Гастином. «Я попросил всех высказать свое мнение в письменной форме, что и посылаю вам. Вы увидите, все единодушно выражают мнение, что, принимая во внимание состояние дел в королевстве… вы должны предоставить им (гугенотам) то, что они просят, т. е. дать высшим сановникам и богатым землевладельцам право исповедовать в своих домах свою религию для всех тех, кто придет туда по своей воле и без оружия». Генрих заканчивал письмо сообщением, что на следующий день он отправляется с армией в путь к городу Немуру. Будучи новичком в военном деле, он мог пока только спрашивать совета. Во французском манускрипте № 15443 Национальной библиотеки описываются заседания Совета. 3 декабря Совет решил, что нужно продолжать военные действия. Но из-за недостатка продовольствия армия осталась на месте. Кроме всего прочего, ожидали прибытия наемников короля. Но уже в Меце 3 декабря 1567 года маршал Вьейвиль пишет: «Я сильно подозреваю, что они принесут нам горчицу после обеда».

Гугеноты тоже были не в лучшем положении. Им пришлось обратиться к немецким принцам. Из ненависти к кальвинизму сторонники Лютера отказали им в любой помощи. Один Фредерик III прислал им денег и организовал армию поддержки, которую доверил своему сыну Иоганну-Казимиру. Иоганн-Казимир был столь же истым католиком, как и его отец, и всю свою жизнь сражался как настоящий «кондотьер Реформации» за гугенотов по эту сторону Рейна. В декабре 1567 года он отправился в путь и, пройдя через Лотарингию, встретился с Кон де и Колиньи, которые, конечно же, поспешили ему навстречу. 13 декабря герцог Анжуйский также дал своей армии приказ

выступать. 14 числа он был в Монтро, 15-го направился в Провенс. 17 декабря Конде еще оставался в Эперне. Удастся ли победить его, как Колиньи? Герцог де Немур хотел покончить с обоими руководителями реформатов до прихода немцев. Но маршал де Коссе, взявший 21 ноября замок Сари, недалеко от Шалон-сюр-Марн, отказался предоставить для сражения свою кавалерию, и Конде с Колиньи получили возможность спастись и продолжали двигаться на восток. 16 января 1568 года они объединились с войсками Иоганна-Казимира. Армия последнего насчитывала 6500 наемников и 3000 ландскнехтов. Напрасно 23 декабря Генрих оставил Шалон и обосновался в Сен-Жюльен-де-Куртизоль, так как теперь только одно лье отделяло его авангард от передовых отрядов противника.

Герцог Анжуйский хотел дать сражение, но маршал де Коссе, следуя приказам королевы, упорно отказывался от битвы. В книге «Жизнь маршала де Коссе» Брантом рассказывает, что Екатерина опасалась «… как бы ее любимый сын, такой юный и нежный, едва начавший исполнять почетные, но тяжкие обязанности, не получил шока от сражения». Католическое общественное мнение приняло такое предписанное бездействие как предательство де Коссе. А Карнавале, наставника Генриха, оно обвинило в связи с Конде. Принцу ничего не оставалось, как расположиться в Витри-ле-Франсуа, там отпраздновать Новый год и ожидать подхода подкрепления в 13 000 итальянских и швейцарских солдат под командованием Луи де Гонзага. С приходом этих новых войск, которые по пути взяли Макон, герцог Анжуйский сделал им смотр. В его честь они, как передает Брантом, инсценировали «небольшую перестрелку». Инерция королевской армии в высшей степени возмущала посла Филиппа II. На одной из аудиенций Екатерины в декабре 1567 года он предложил ей в политике и выборе людей следовать примеру короля Луи XI. Редко попадая ответами впросак, она спросила его, знает ли он историю о крестьянине и чесноке, которую любил упоминать хитрый монарх: «Однажды один крестьянин чистил чеснок. Но поскольку дольки были слишком скользкие, выскальзывали из его рук и падали на землю, он оттолкнул их ногой и воскликнул, что сделает суп с другими». Дон Франчес настаивал, что нужно как можно скорее отстранить от командования Коссе, Монпансье и Немура и поступить с ними как крестьянин с упавшими дольками чеснока заменить этих неспособных воевать людей на опытного воина Гаванна. Королева уверила дона Франчеса, что она прикажет Немуру принять сражение с 4000 или 5000 конных всадников. В случае его отказа она поручит это дело господину де Мартиг, как только он присоединится к Омалю и Тованну. Что

касается господина де Невера, то он останется при герцоге Анжуйском, так как она верит в его мудрость и опыт. Совершенно очевидно, что королева не развеяла скептицизма Алавы, и он остался убежден, что пока герцог Анжуйский не имеет большой свободы действий и обречен держать оружие в ножнах.

Пока королева медлила, гугеноты и немецкие наемники окончательно объединились. Первые перешли реку Мез в Сен-Мишель, затем переправились через Мозель в Пон-а-Муссон. Там они вдруг обнаружили, что параллельно с ними двигаются какие-то другие войска. То были наемники Иоганна-Казимира. Ля Ну, имя которого уже ярко блистало среди протестантского руководства, рассказывает, что как только обе стороны поняли, с кем имеют дело, общей радости не было границ.

Стране вновь предстояло почувствовать тяжесть поступи немецких наемников. Истинные профессионалы войны, они ею жили и старались затянуть на самый долгий срок. Они избегали действий, приводящих к полной победе, которая устанавливала мир и увольняла их. Они искусно шантажировали своих нанимателей, умело возвращаясь к своим финансовым требованиям. Население районов, через которые они проходили, видело в них настоящее бедствие. Счастливы были крестьяне и буржуа, если могли спасти свою жизнь любого рода выкупом. Гугеноты ли, паписты ли, платили наемникам, их единственным богом были деньги. Если же плата задерживалась, они превращались в безумных диких животных, которых надо было как можно скорее усмирить. 10 января 1568 года Генрих писал по этому поводу Карлу IX, что протестантам пришлось увеличить общий займ у своих собственных солдат, чтобы оплатить наемников. В тот же день Генрих сообщил своей матери, что «адмирал и д'Андело отправились чествовать капитанов и командиров наемников в Сезей, что в семи лье от них. Говорят, они приказали прислать к столу 50 бутылок вина, которое они получили от епископа де Тул из замка Вуа. Они привезли наемникам 2000 экю от жителей Ксивре, 2800 экю от жителей Линьи, 20 000 хлебов, 10 бочонков вина и 2000 экю». Он добавляет, что в лагере реформатов заем был поднят даже у слуг, находящихся при своих господах военных. Получив подкрепление, Конде и Колиньи собирались направиться в Бургонь. Чтобы перерезать им путь, герцог Анжуйский снял лагерь в Витри и с 12 января по 5 февраля держал свой генеральный штаб в Труа. Невер со своей стороны направился в Шатийон-сюр-Сен с целью прикрыть Оксер. Сторонники короля, подобно гугенотам, ждали помощи из Германии. В Меце маршал де Вьейвиль передал Генриху, что герцог де Сакс перешел Рейн 16

января. Будучи лютеранином, саксонский принц предоставлял свои услуги королю с тем большей охотой, что ненавидел кальвинистов. Таким образом, наемники двух реформаторских конфессий оказались воюющими друг против друга.

Произойдет ли, наконец, решающее сражение, или все по-прежнему будут выжидать? Конечно, Екатерина предпочитала мир войне. Ближе к середине января она приехала в Шалон и там переговорила с братом Колиньи и д'Андело, Оде де Шатийоном. Бывший архиепископ Тулузы, затем епископ Бове, он не перестал носить пурпурную мантию кардинала, хотя тоже перешел на сторону ереси. Екатерина встретилась с этим псевдокатолическим персонажем в замке Венсен, потому что настроенные против бывшего прелата парижане могли оказать ему плохой прием. Сознавая сильное озлобление католиков против гугенотов, Оде де Шатий он потребовал от королевы утверждения Мирного эдикта и оплаты королем наемников Иоганна-Казимира на службе у Конде. Разгневанный Карл IX отказался принять старого кардинала, и на том переговоры закончились.

Оставался только путь сражений. Гугеноты решили направиться к Парижу. Они хотели обойти королевскую армию, к которой уже присоединился Невер, и поэтому перешли Марну у ее истоков, а Сену — у Шатийон и оказались на берегах Луары рядом с Жаржо. Герцог Анжуйский тоже выступил, снявшись с лагеря в Труа. Армия реформатов, возросшая благодаря отрядам, присланным из Руэрга, Керси и Дофине, насчитывала 30 000 человек и владела Орлеаном, Блуа и Туром. Конде к тому же осадил Шартр и полагал, что вскоре сможет двинуться на Париж. Тем временем королевская армия подошла к столице, и герцог Анжуйский встретился со своей матерью в Вильнев-Сен-Жорж. Ему предстояло ожидать подхода герцога де Сакса и «Рейнграва», а также маркграфа де Бада, так как Вьейвиль информировал Генриха, что последний покинул Иоганна-Казимира, желая встать на сторону короля. 18 февраля недалеко от Корбейя герцог Анжуйский с герцогами д'Омалем, де Таванном, де Мартигом увидели зарево пожаров, зажженных их противниками. Он решил сразу же вернуться в Париж, куда он добрался 19 февраля, и немедля проследовал в Лувр. Король поднялся из-за стола, чтобы поприветствовать его, и трижды поцеловал принца. Пока Генрих перемещал свой лагерь в Шартре (на месте современного Люксембургского сада), Конде с гасконцами укрылся в Орлеане. Он больше не угрожал Парижу, поскольку истощил все средства для оплаты наемников. 22 февраля он отправил королю и королеве письмо с предложением положить конец войне. Екатерине только этого и было нужно. Чуть ранее 23 марта

Генрих собственноручно писал маршалу Дамвилю о близящихся переговорах: «Что касается мира, то я не знаю, что и думать… Бушаванн (лейтенант принца Конде в Пикардии) пришел ко мне узнать о месте переговоров… Господину принцу хотелось бы видеть в качестве посланников короля господина де Немура, де Лонгевиля и любого третьего, кого пожелает выбрать король. С его стороны будет он, господин кардинал де Шатийон и кто-то еще. Вот в чем заключаются условия мира».

23 мая в Лонжюмо был подписан мирный договор. Амбуазский эдикт вновь вступал в силу и без всяких ограничений. Король соглашался оплатить наемников, но с условием, что они сразу же покинут королевство. Вслед за этим он распускал свои собственные войска. Многие гугеноты упрекали Конде в том, что он принял мир, поверив одному королевскому слову. Но разве после «сюрприза Мо» гугеноты могли что-либо требовать от правительства, которое до сих пор проявляло к ним одно дружелюбие? В результате получилось так, что король и реформаты померялись силами впустую. Надо было создать и объединить в одно целое войска, умных политиков и финансовую независимость. Королю и его противникам следовало также отказаться от помощи людьми и деньгами из-за границы. Но они были вынуждены принимать эту помощь в силу глубокого разделения королевства и крайней ненадежности своих материальных ресурсов.

Какой бы короткой ни была вторая Религиозная война, у нее был по крайней мере один результат в ней герцог Анжуйский начал набираться военного опыта. Как писал дон Франчес 3 марта 1568 года, он стал заниматься военными делами «чуть больше, чем раньше». Генрих, добавляет он, во всем следовал указаниям д'Омаля, Таванна и Сансака. Но если испанец и доверял членам военного совета герцога, то он осуждал недавнее назначение наставника принца Карнавале на пост суперинтенданта дома, «чего ему удалось достичь только сейчас». Алава презирал Карнавале, так как он был весьма умеренным католиком. А в наступившие времена меньше всего нужна была умеренность. Хрупкий мир Лонжюмо продлился всего несколько недель. В середине лета 1568 года страна бралась за оружие в третий раз.

Возобновление военных действий (*март — август 1568 года*)

Из всех участников борьбы одна Екатерина искренне стремилась к миру Все остальные просто подчинились. Историк-

реформат Ля Попелиньер совершенно справедливо пишет, что они пошли на это, только чтобы «взять разгон».

Прежде всего, радикально изменились распоряжения королевы матери. После «сюрприза Мо» она была убеждена, что гугеноты взялись за оружие не ради борьбы за свое существование, а ради того, чтобы взять власть над королем и правительством. Она перестала самообольщаться насчет чувств и политики евангелистов. Не простив их, она, можно сказать, мстила им. К тому же вторая гражданская война обрушилась и на сторонников умеренности, которых пока еще не называли Политиками. Коннетабль, ставший осторожным в силу своего возраста, умер на следующий день после сражения в Сен-Дени. Канцлер, ведущая часть механизма правления, вышел из доверия. Он слишком долго ручался за гугенотов, так что в конце концов прослыл их сообщником. 24 мая 1568 года он был вынужден сдать Со, после чего уехал в свои владения в Винье, что недалеко от Этампа, где умер в 1573 году. Церковь снова вошла в силу и восстановила позиции, утерянные в 1559–1562 годах. Проповедники и монахи, особенно странствующие монахи, прикладывали всевозможные усилия для просвещения народа. Последний чаще всего отбивался от протестантских проповедей министров, так как пасторы хорошо потрудились и больше не имели конкурентов. Как, вопрошали они, можно предположить что до прихода еретиков в течение 15–16 столетий Господь не оставался с христианами, погрязшими в грехе, и лишал их благословения, ставшего возможным после жертвы Христа? Такой аргумент возвращал к традиционной религии. В то же время иезуиты обеспечили французскому католицизму приток свежей крови и твердость, что все же была вынуждена признать галликанская церковь. С помощью проповедей, обучения, направления сознания, иезуиты овладели умами принцев, знати и крупной буржуазии.

Наконец, католики стали брать пример с гугенотов и начали создавать свои организации. Король со своей ослабленной в мирное время армией не мог успешно противостоять силам гугенотов, которые были прекрасно организованы и собирались в одно мгновение. Католикам не оставалось ничего другого, как создать подобную же организацию. Монлюк в 1563 году, как мы уже видели, сформировал первую лигу в Гюйенне. Его примеру последовал Таванн и другие католические руководители. В Бургони с 1567 года по инициативе того же Таванна стали образовываться братства Святого Духа. Это было копирование системы гугенотов, возведение лиги против лиги, но кроме всего прочего, это было создание более глубокой и радикальной

оппозиции католического большинства деформатскому. Екатерине требовалось лишь воспользоваться этим новым орудием борьбы: таким же образом она принимала услуги л'Опиталя, чтобы успешно вести политику умеренности, а после ухода канцлера она таким же образом приблизила Гизов, и ее лучшим советником стал Карл Лотарингский. Когда опала канцлера стала очевидной, дон Франчес сообщил герцогу Альба и Филиппу II 13 апреля 1568 года содержание разговора с кардиналом. Последний пел дифирамбы герцогу Анжуйскому и считал, что он «многое обещает». Кардинал просил посла передать Филиппу II, «насколько серьезно он (Генрих) следует по пути служения Господу и своему брату королю, и что это доставит большое удовольствие королеве матери, которая его настолько любит, что идет за ним «раскрыв рот». Согласно этой информации, коронованный Эскориалем монах посчитал нужным написать 18 мая письмо герцогу Анжуйскому, выражая свою преданность и почтение. Совершенно очевидно, что испанская политика хотела сделать из «любимого сына» Екатерины главу партии католиков, но с тем, чтобы по мере возможности он был действительно предан ей. Кардинал Лотарингский, в свою очередь, усердствовал вокруг Генриха, как передает дон Франчес, «подсказывая и направляя то, что уже проявлялось в этом юноше… впрочем, достаточно любознательном и стремящемся быть в курсе важных дел: и… хоть здоровье его кажется не очень крепким, он проявляет себя по-настоящему умным человеком. Король это видит и… когда я говорю с ним о делах, он опускает глаза, показывая некоторую меланхолию». Заканчивает Алава следующим образом: «Кардинал Лотарингский лучше всего преуспел в одном: сделал из Генриха лжеца».

Но такое мнение о принце не мешало презрительному кастильцу лично передавать ему письма Филиппа II. В июне Генрих не очень хорошо себя чувствовал и не смог принять посла. Королева и кардиналы уверили Алаву, что его состояние здоровья явилось следствием переутомления в работе. Добрая душа, дипломат порекомендовал оградить его от излишней усталости и позволить развлекаться, что принц, вроде бы, уже успел сделать, поскольку дипломат писал не без ехидства в Мадрид: «Герцог Анжуйский погрузился в водоворот чувств». Но не это было главное. Для Католического Короля и его посла в Париже важнее всего было убедиться в том, что король и королева, наконец, решились раз и навсегда покончить с ересью. 14 июня 1568 года, отчитываясь о заседании Совета, Алава настаивал перед Филиппом и на сохранении тайны и считал необходимым исключить из круга посвященных Морвилье (епископа

Орлеанского), Л'Обепина (епископа Лиможского), посла в Мадриде, и Лансака, посла в Риме, несмотря на большое доверие к ним королевы: «им ничего не сказали о твердой решимости, которую они выказывают: на этом Совете присутствовали только королева, герцог Анжуйский и кардиналы де Бурбон и де Лоррен. Нет также никакой необходимости писать герцогу Савойскому: это будет лучше для службы Вашему Величеству». Довольно примечательно замечание, фигурирующее на кратком обзоре этой депеши от 14 июня 1568 года: по поводу кары (конечно же, еретиков). Не менее знаменательно и то, что упоминаемая доном Франчесом «твердая решимость» была заметна на Совете, где отсутствовал Карл IX, так что его брат Генрих оказался привлеченным к самым тайным совещаниям. Герцог Анжуйский становился реальной надеждой партии католиков, и на данный момент не имел конкурентов. 18-летний Генрих де Гиз еще не был соперником, каковым был принц де Конде в партии гугенотов. Могущественный советник королевы, кардинал Лотарингский проявлял по отношению к «любимому сыну» Екатерины самую живую заботу. Он очень старался получить у духовенства Франции субсидию в 200 000 франков в год на помощь церкви и убеждал, что король Испании также будет передавать средства на «все, что Монсеньор предпримет для победы над еретиками». Но крайней мере, так писал 6 июня 1568 года английский посол Норис. Таким образом, слепая, но вполне понятная склонность королевы к Генриху, а также все более настоятельная потребность католиков в вожде, поставили герцога Анжуйского в положение выдающееся, и практически в оппозицию к королю. Католики почувствовали необходимость сплотить вокруг него свои ряды, и на следующий же день после заключения перемирия в Лонжюмо все вновь столкнулись с насилием — предвестником нового столкновения. В Тулузе реформат Ранен, уполномоченный королем зарегистрировать через Парламент эдикт Лонжюмо, был осужден и казнен магистратами города под предлогом, что он участвовал в волнениях 1562 года. В Оксере гарнизон присвоил 50 000 экю, присланных Колиньи для оплаты наемников с тем, чтобы они как можно скорее покинули страну. Адмирал послал одного дворянина, чтобы востребовать деньги; его убили. Кроме того, был убит лейтенант д'Андело — Даманзе. Для осуществления этого мероприятия были выделены шесть человек в масках из бургиньонских братств Святого Духа. Во Фрежюс был отправлен к праотцам другой гугенот, Рене де Савой, маркиз де Сипьер, с 35 своими людьми.

Государство почти с удовлетворением закрывало глаза на все

эти нарушения эдикта. Неспособное своими силами покарать мятежников, правительство считало поучительным, что, всегда непокорные, а теперь больше чем когда-либо настроенные отражаться, гугеноты почувствуют, что не они одни могут устанавливать законы. Гугеноты отказывались открывать двери своих городов королевским гарнизонам. В их руках оставались Монтобан, Сансер, Альби, Мило и Кастр. Город Ля-Рошель, высказавшийся за Конде против короля, согласился принять правителем Ги Шабо де Жарнак, назначенного королем, но одного и без солдат. На жалобы Колиньи но поводу убийств, совершенных католиками, королева отвечала в августе, что если бы король отдал приказ вершить правосудие над всеми подряд, его воля уже получила бы сильный практический эффект: «Если бы не тот факт, что оружие все еще в руках тех, кому надлежит». Трудно лучше определить больное место.

Происходящее в Нидерландах, как и в 1567 году, продолжало тревожить реформатов. Герцог Альба прибегнул к террору и 5 июня 1568 года казнил двух руководителей национальной оппозиции, графов д'Эгмон и де Горн. Та же участь была уготована и Вильгельму графу Нассау, принцу Оранскому, но он вовремя принял меры предосторожности и уехал. Герцог Альба восстановил против себя почти все население страны. Одни жители направились в Англию, другие превратились в пиратов, чтобы охотиться за испанскими кораблями. Укрывшийся на территории империи Гийом ле Таситюрн собирал там армию для освобождения своих соотечественников. Французские гугеноты тоже стремились прийти на помощь реформатам Нидерландов. Так, ветеран Амбуазского заговора, Коквиль сформировал на границе специальный отряд. Тот должен был присоединиться к Вильгельму Оранскому и его брату, которые готовились вступить в сражение с испанцами. Королева отдала приказ маршалу де Коссе их отрезать друг от друга и передать в руки герцогу Альба. Коквиля захватили в Сен-Валери-сюр-Сом и казнили. «Что касается других французов, — писала Екатерина 5 августа 1568 года, — я нахожу поучительным, что одни будут наказаны в той же мере, как те, кого казнили, а другие будут сосланы на галеры».

Екатерину нисколько не впечатлило то, что Конде не одобрил Коквиля. Она больше не собиралась угождать еретикам. Более того, складывалось впечатление, что она намерена захватить руководителей партии и поступить с ними так же, как герцог Альба с главами оппозиции в Нидерландах! Конде и Колиньи последовали примеру Вильгельма Оранского и ретировались, недалеко один от другого, в Нуайе-сюр-Серен и в Танлэ. Правитель Бургонии Таванн, если верить словам его сына в его

«Мемуарах», ждал приказа действовать. Неуверенные в своих силах, Луи де Бурбон и адмирал покинули Нуайе 23 августа 1568 года, забирая с собой всех своих родных и близких и в сопровождении многих сотен солдат. Их уход принял форму настоящего исхода. Когда они переходили Луару, им показалось, что в одном месте вода заметно отступила, чтобы облегчить им переправу. Они тогда стали на колени и спели кантику «Когда Исраэль покидал Египет». В пути их отряд сильно разросся от потока прибывающих сторонников, оставляющих кто города, кто деревни. 19 сентября они прибыли в Ля-Рошель, морской Иерусалим новой веры, где их уже ждали солдаты из Гаскони и Прованса, ставшие на сторону Дела Евангелия. Д'Андело с отрядами из Нормандии и Бретани тоже достиг «святого города», хотя и был перехвачен Мартигом, лейтенантом короля в Бретани, на плотинах через Луару и потерял часть своих войск. Жанна д'Альбре, вдохновленная Господом, явилась туда же в сопровождении своего сына Генриха Наваррского. Она пришла в лагерь новых израэлитов своей верой укреплять их ненависть к папистским филистимлянам. Она издала специальный манифест, чтобы узаконить возобновление войны. Этот манифест изобиловал разного рода баснями, показывая, насколько она была ослеплена своей ненавистью к Гизам. Но, хоть эта новая Дебора и не вызывает симпатии в наши дни, ее нельзя не уважать за чистоту веры, энергию и волю, — хозяйку уже истощенного тела, и за глубину ее самопожертвования.

Есть основание полагать, что в Париже были далеки от подобного евангелического энтузиазма. Герцог Анжуйский, бывший еще далеко от активного благочестия, использовал эти несколько месяцев передышки с тем, чтобы позаботиться о своем доме и проследить за делами принадлежащих ему земель. Как второму человеку королевства ему требовалось не менее 100 000 лир на разного рода расходы и путешествия. 30 мая 1568 года он купил у господ де Вильре и де Шантелу дом, стоящий напротив Лувра, между улицами Пули и Отриш. В этом приятном и хорошо спланированном доме (с внутренним двором, жилым корпусом между двумя павильонами и садами, выходящими на улицу Отриш) под руководством двух своих главных советников Генрих учился заниматься государственными делами. Первый из них, Карл де Лоррен, никогда никого не оставлял равнодушным, будь то один из его сторонников, или тот, кто его презирал. Его противники считали его то лисой, то тигром. Он был очень ловок и довольно циничен. На церковном Соборе Тридцати он так защищал галликанские тезисы, что вызвал против себя гнев преданных папе католиков. Он даже высказался за разрешение

священникам вступать в брак. Правда и то, что он не был груб с женщинами, а скорее, был галантен. Королева, конечно, знала, что во время своего пребывания в Риме он оказал ей не очень хорошую услугу. Как можно было довериться этому прелату, о котором Франчес де Алава говорил 5 июня 1566 года, что он растерян? Но Карл де Лоррен имел знания и опыт. В то время, с момента ухода канцлера, он собирался в тени Генриха Анжуйского играть роль истинного руководителя партии католиков. Отставной, но полностью преданный молодому хозяину, канцлер Гюро, сир де Шеверни, был родом из доброй буржуазии Блуа. Будучи сведущим человеком не только в денежных вопросах, но и в вопросах риторики (он был хорошим гуманистом), за всю свою карьеру канцлера Франции, на каковой пост. он был назначен Генрихом III, он оставался одним из самых верных и преданных слуг последнего. Последний член этого маленького триумвирата, Карнавале, стал суперинтендантом дома герцога и получил от Екатерины поручение оберегать ее сына и информировать ее обо всех его поступках и намерениях. Постоянно подозреваемый в ереси недоброжелательным доном Франчесом, Карнавале не умер от этого меньшим католиком, чем был на самом деле, если верить словам Венитьена Контарини в письме от 23 апреля 1571 года. Последний добавляет, что подозрительность испанского посла сильно задевала Карнавале, который всегда был глубоко предан Генриху.

В таком окружении Генрих весьма приятно провел весну и лето 1568 года. Он по своему выбору проводил дни то в Шартре-ле-Пари, то в Лувре, где тогда находилась резиденция Карла IX и королевы-матери. В конце июня он с матерью и двором переехал в Мадридский замок в Буа де Булонь, где все пробыли до 30 августа. Карл IX лежал больной с высокой температурой и не мог принимать участия в делах. Поэтому Генрих, при котором почти неотлучно находились мать, кардинал Лотарингский и Лансак, в течение двух месяцев активно участвовал в управлении государством. Об этом свидетельствует обширная переписка с военачальниками и различными провинциальными властями. И разве он уже не был главой армии? Ему оставалось, по мнению дона Франчеса, возглавить лигу католиков. Так почти 17-летний Генрих Анжуйский познакомился с тем, что станет для него, уже короля, настоящим кошмаром. Но подростку нужно какое-то удовлетворение. По словам дона Франчеса, «герцогу Анжуйскому давали странную свободу. И все три вышеупомянутые персоны (королева, кардинал Лотарингский и Лансак) снабжали его лакомствами». Лакомствам вскоре предстояло смешаться с горькой реальностью.

Герцог Анжуйский гостил с Карлом IX у государственного секретаря Флоримонда Роберте в доме, окруженном прекрасным парком в античном стиле — где он уже королем любил испытать радость одиночества — когда 28 августа пришло известие об отъезде Конде и Колиньи из замка в Нуайе. Письмом от 30 августа Генрих Анжуйский приказал Ля Тремоилю отправиться со своим войском в Орлеан и помешать намерениям де Конде и адмирала. 1 сентября он писал Жаку д'Юмьер из Сен-Мор-де-Фоссе: «Господин д'Юмьер, поскольку реформаты открыто взялись за оружие, что доказывает не намерение поддержать тот порядок, которым наградил нас Господь, а наоборот, желание его нарушить, то необходимо, чтобы каждый правитель вернулся к своим обязанностям и установил на подчиненных ему землях порядок, необходимый для их сохранения и безопасности, следуя воле короля, моего господина и брата».

Предстояло вновь открывать военные действия и в третий раз меряться силами с гугенотами. Но еще не были собраны необходимые силы, прошло несколько месяцев подготовки и напряженного ожидания, и наступила зима.

Перед сражением при Бассаке, недалеко от Жарнака (*13 марта 1569 года*)

Протестанты решили, как и в начале второй гражданской войны, обратиться с призывом к общественному мнению. 25 августа Конде издал манифест. В нем он говорил, что Мирный эдикт не соблюдается, так, например, в Лионе запрещены протестантские проповеди. Постоянно растет число реформатов — жертв насилия католиков. Правитель Бургони Таванн тайком действовал против самого Конде. Истинным и главным виновником зла был, согласно гугеноту Бурбону, не кто иной, как кардинал Лотарингский. На него возлагалась ответственность за предстоящее новое столкновение. Конде с убедительной ловкостью отводил от себя подозрения в намерении напасть на короля. Ведь он хотел атаковать только «тигра Франции», мрачного советника, истинного вдохновителя мер, предпринятых правительством. Так он приглашал своих католических соотечественников и собственных сторонников объединиться под его флагом ради спасения короля и всей нации.

Публично обвиненный, кардинал Лотарингский счел необходимым защищаться. 30 августа, по окончании мессы в монастыре Кордильеров в Париже, он зачитал свой собственный манифест в присутствии кардинала де Гиза, архиепископа

Санского, представителя папы и посла Венеции. Король, заявил он, хозяин своих решений. После монарха только от королевы матери зависит ход и решение дел. Он готов, добавлял кардинал, уехать в Рим и даже предстать пред судом парламента Парижа, если хоть одно из обвинений Конде будет признано справедливым.

Обе стороны прибегали к пропаганде. Но относительная правдивость внешне искреннего и негодующего Конде, вкрадчивая ловкость и протест против обвинений кардинала, на политической арене были не чем иным, как обязательным и почти ритуальным прологом новой драмы, в которой им предстоит сыграть первые роли. Екатерина, будучи также ведущей актрисой, тоже постоянно на сцене, она тесно связана с повседневными событиями. Королева была застигнута врасплох третьим восстанием гугенотов. Как всегда, она решила попробовать договориться с противником. Но Луи де Конде больше не доверял правительству, которое, конечно, подтвердило свободу совести двумя эдиктами, опубликованными 28 сентября 1568 года, но оно же сделало эту свободу иллюзорной, запретив любое публичное богослужение, если оно не было католическим, и обязав протестантских проповедников покинуть королевство в 15 дней, а также отозвав от должностей всех реформатов.

Другой главный герой грядущей битвы, Генрих, по крайней мере номинально, тоже стоял на первом плане. 29 августа королева-мать утвердила еще раз его в должности генерал-лейтенанта королевства с отдельной миссией выступить против западных гугенотов и победить и их. Эта тяжкая ноша легла на еще слабые плечи. Г. Корреро, рассказывая о конце своего посольства при Сенате Венеции, отчетливо выделяет диспропорцию между функцией, возложенной на Генриха, и его личными возможностями. «Монсеньор герцог Анжуйский меньше чем на год младше короля. Он родился 26 июня, а король 19 сентября. Герцог Анжуйский чуть выше Его Величества, но его ноги не сильнее. Его кожа лучше, а лицо приятнее. Его Высочество в детстве страдал от фистулы у глаза и так к ней привык, что и через несколько лет после выздоровления не выносил вина (при болезни он пил только чистую воду). Ему нравится охота, он с удовольствием проводит время внутри дворца, охотно ухаживает за дамами. Он любит командовать и говорит с таким авторитетом, что если не знать его хороших отношений с королем, то многие сочли бы его чрезмерным. Говорят, что в военном деле ему будет сопутствовать успех, так как он терпеливо переносит неприятности. Он не страшится опасностей и прислушивается к советам. Можно надеяться, что со

временем он приобретет здравый смысл, являющийся продуктом опыта. На первый взгляд он производит впечатление очень надменного человека. Но если с ним часто общаться, то становится ясно, что он доброжелателен и любезен с каждым, а это вызывает любовь и большое уважение всех окружающих».

Однако каковы бы ни были личные качества принца, их одних было недостаточно, чтобы сделать из него истинного руководителя. Без сомнения, герцога Анжуйского следовало окружить опытными военачальниками. Монпансье, принц крови, не был при дворе, так как находился с небольшим отрядом в Туре, ожидая возможного столкновения с Конде и Колиньи. Он был не в счет. 31 августа все возможные советники Генриха получили отдельные задания. Монморанси и маршал де Коссе оставались при Карле IX. Маршалу де Вьейвилю следовало направиться в Мец и там по возможности остановить наступление наемников. И, наконец, главное Дамвилю было поручено командование авангардом, Лонгевилю арьергардом, а Таванну и Сансаку пехотой. Герцогу Анжуйскому предстояла поездка в Орлеан, чтобы там собрать армию и привести ее в боевую готовность. 28 сентября королева-мать сообщила о скором отъезде Генриха, который должен был положить конец дурным замыслам тех, кто осмелился поднять оружие против короля: «Мой сын герцог Анжуйский в ближайшее время отправится в путь, чтобы показать им, что значит нарушать законы государства». И поскольку речь шла о «чести Господа», то не следует удивляться, что 29 сентября на улицах столицы показалась длинная и торжественная процессия.

Согласно обычаю, перед отъездом короля на войну из монастыря Сен-Дени вывозили тело святого, давшего имя монастырю, и тела мучеников Рустика и Элетера. 29 сентября их тела возложили на алтарь в Сент-Шапель, перед которым преклонил колена Карл IX, с короной на голове и скипетром в руке. Прочитав молитву, он положил знаки королевского достоинства рядом с телом святого Дени. Святой должен был охранять их до того дня, когда победоносный король вернется за ними. Во время церемонии перенесения тел святых кардинал Лотарингский и герцог Анжуйский шли рядом, первый нес святое причастие, второму была доверена королевская корона. Это было наполнено глубоким смыслом. Ведь не король лично, но его брат шел на войну с гугенотами.

4 октября Генрих покинул Париж и остановился в Лонжюмо. Екатерина присоединилась к нему 7 октября в Этамп и оставалась там, давая инструкции, до 9 числа. Вскоре герцог де Лонгевиль выехал на разведку. В случае необходимости он должен был

оказать поддержку Монпансье. Затем королева-мать вернулась в Париж, а Генрих 11 октября прибыл в Орлеан с полным набором распоряжений. Еще 1 октября в письме к Немуру он сообщал о своем близком отъезде и добавлял: «Я думаю с Божьей помощью дать вскоре хороший урок нашим врагам». Слова вполне естественные в устах командующего армией. Но раздел Екатериной командования между Таванном и Сансаком привел (с помощью зимы) к прекращению всех военных операций. И та и другая сторона то уступала, то одерживала временные победы. Пользуясь медлительностью, с которой перестраивалась королевская армия, армия гугенотов с Колиньи во главе захватила Ниор, Фонтене-ле-Конт и Сен-Мэксан и подошла к стенам Ангулема. Герцог де Монпансье, находясь в Пуатье, хотел прийти на помощь и снять осаду, но город сдался, чтобы избежать грабежей. И католический Бурбон направился в Периге. Таким образом он хотел перерезать путь подходящим подкреплениям гугенотов из Прованса под командованием Моранса и Жака де Крюссоля, барона д'Асье. К счастью, Конде и адмирал не стали преследовать Монпансье, и это его спасло. Авангард провансальцев был перехвачен и разбит 26 октября между долинами рек Ислы и Дроны, недалеко от Мансиньяка. 1 ноября герцог Анжуйский писал о своих успехах де Немуру: «Самое позднее через пять-шесть дней мы объединимся с господином де Монпансье и пойдем прямо на врага, чтобы закончить скромную службу королю, которую я должен и стремлюсь сослужить».

Такой частичный провал изменил планы Конде и Колиньи. Зная, что герцог Анжуйский приближается к Шательро, а Монпансье еще в окрестностях Периге, они решили встать между двумя католическими армиями и разбить их до объединения поодиночке. Но Монпансье разгадал хитрость и поспешил присоединиться к герцогу Анжуйскому. Тогда два руководителя реформатов переправились через Вьенну, затем через Крез и направились в Бургонь. Герцог же Анжуйский шел прямо на них. Ему надо было помешать слиянию сил реформатов с отрядами герцога де Де-Пон и Вильгельма Оранского, который 17 сентября вошел на территорию Франции. В тот же день передовые отряды обеих «вражеских» армий и войск короля встретились у деревни Пампру, чуть восточнее Сен-Мэксана. Там они провели ночь. Можно было подумать, что на следующий день произойдет большое сражение. Однако как и в Шампани в 1567 году, королевская армия отошла к Жазеней, где располагался лагерь герцога Анжуйского. Конде, наоборот, решил атаковать и направился к Санксэ, но, обманутый густым туманом, оказался прямо перед лагерем герцога. Завязалось жестокое сражение,

окончившееся с наступлением вечера. В ночь с 17 на 18 ноября Конде предпочел отступить, овладев при этом Мирабо и угрожая Сомюру. Генрих же вернулся в Пуатье. 22 декабря он выехал оттуда и направился в Луден. Во второй раз противники оказались лицом к лицу. Три дня обе армии выжидали. Но наступала середина зимы, и гололед исключал возможность использования кавалерии. Ничего не оставалось, как отказаться от сражения. Конде расположился в Пуату, а герцог Анжуйский в Шиноне. Последний оставался там до 24 января 1569 года.

Будет ли вновь заключен мир без какого-либо военного решения проблемы? 6 января 1569 года дон Франчес не скрывал своих опасений от герцога Альба: «Маршалы де Вьейвиль, Дамвиль и Монморанси лезут из кожи вон, чтобы уговорить короля на заключение мира. У меня не вызывает никаких сомнений, что их цель — объединиться с герцогом д Оранж, а потом всем вместе напасть на нас во Фландрии». Екатерина, как всегда, была сторонницей переговоров. Через маршала де Коссе король передал Вильгельму Оранскому, что он даст ему спокойно вернуться в Германию; несмотря на протесты Алавы, Екатерина не оставляла Гийома ле Таситюрн без денег и средств к существованию. Но в то же время королева ловко использовала другого немца, стоящего на службе Франции, Шромберга. Он занимался оплатой капитанов и солдат принца Оранского, удрученных неуплатой денег. Гийом был вынужден отозвать свои войска и уйти через Мозель в середине января 1569 года.

Больше, чем принц Оранский, Екатерину волновала угроза германских наемников, отправленных протестантскими принцами Германии на помощь гугенотам Франции. Королева сочла необходимым выехать в Мец, чтобы попытаться помешать их приходу. Там она хотела встретиться также с герцогиней Лотарингской, которой были поручены переговоры по поводу женитьбы Карла IX со старшей дочерью императора Максимилиана. В середине января она с сожалением оставила милый ее сердцу замок Монсо-ан-Бри и направилась в Мец, куда прибыла 22 февраля. Для того чтобы помешать Вольфгангу де Бавьер войти на территорию Франции, королевской армии требовался единоличный командующий. Королева совершила ошибку, разделив охрану восточных границ между герцогом д'Омалем и герцогом де Немуром. Герцог де Де-Нон с присоединившимся к нему Вильгельмом Оранским с 1200 всадников воспользовался этим разделением. Обойдя противника, ожидавшего его у реки Мез, он прошел через графство Монбельяр, Франш-Конге и обрушился на Бургонь. Он взял Бон, переправился через Луару и в июне 1569 года оказался в

провинции Марш, где встретился с королевской армией. Последней задолго до его прихода удалось одержать победу над армией гугенотов в сражении при Жарнаке 13 марта 1569 года.

Сражение при Жарнаке и конец Луи де Бурбона-Конде (*13 марта 1569 года*)

После столь продолжительного ожидания армии короля и гугенотов наконец сошлись в рукопашном бою. Конде и Колиньи долго колебались, прежде чем перейти к действию: может быть, стоило пойти к Луаре, навстречу наемникам герцога де Де-Пона, или спуститься к Керси и присоединиться к руководителям Реформации юго-востока, которые продолжали бороться сами по себе? Но тогда надо было пройти долину реки Дордонь. Узнав о передвижениях врага, герцог Анжуйский решил выйти ему наперерез. Армия Генриха, усиленная аркебузирами гасконского капитана Сарлабу, а также наемниками Рейнграва и маркграфа де Бада и провансальцами графа Танд, проследовала в Монморийон, переправилась через Вьенну в Конфолане, затем через Шаранту в Вертей и стала продвигаться по правому берегу Шаранты. Герцог де Гиз, Мартиг и Бриссак следовали по левому берегу. Они шли так быстро, что один капитан, бывший во главе разведчиков или «потерянных детей» и прозванный Ля Ривьер (река), добрался до Жарнака и занял его.

Колиньи собирался отступать. Его авангард был уже в Коньяке, когда пришло сообщение о близком противнике. Тогда Колиньи вновь повернул к Жарнаку, где Ля Ривьер срочно укрылся в замке. Колиньи направил на разведку д'Андело с его кавалерией. Тот увидел сначала Гиза и Мартига, а потом чуть восточнее герцога Анжуйского с основной группой войск. Колиньи решил атаковать ближние войска, но Гиз и Мартиг переправились через Шаранту, и все королевское войско оказалось на левом берегу.

Тем не менее, Колиньи считал, что контролирует положение, так как один из его сторонников, капитан Брикмо, занял мост города, а гарнизон Шатонеф казался Колиньи достаточно сильным, чтобы противостоять королевской армии. Но он не знал, что 11 марта герцог Анжуйский без груда занял Шатонеф, расположенный к востоку от Жарнака (эвакуируясь, гугеноты привели в негодность мост через Шаранту). Таким образом, у адмирала была превосходная линия обороны. К тому же он выделил два пехотных полка, чтобы помешать врагу переправиться. Он остановился в Бассаке — к востоку от

Жарнака, почти на полпути от Жарнака к Шатонеф. Со своей стороны, Конде приказал кавалерии направиться в Сен-Жан-д'Анжели.

В то время, когда исход сражения мог зависеть от переправы через реку, командиры гугенотов совершили ошибку и не стали оборонять мост через Шаранту. Любопытно, что они повторили ту же самую ошибку, которая стоила им поражения шесть лет назад в битве при Дре, когда они позволили противнику беспрепятственно перейти Эр. Конечно, Колиньи оставил на правом берегу Шаранты отряд наблюдения. Но то ли из-за отсутствия фуража, то ли просто из-за нежелания проводить на месте ночь, но пост отошел гораздо дальше, чем следовало. Ночью с 12 на 13 мая Монсеньор приказал восстановить мост Шатонеф и построить дополнительный мост из кораблей. Все было сделано так хорошо, что еще до рассвета королевская армия оказалась на правом берегу. Узнав об этом слишком поздно, Колиньи потерял три часа на сборы своих эскадронов. Теперь преградой для армии герцога оставался только маленький ручеек Герлянд (расположенный примерно перпендикулярно к Шаранте) и деревушка Бассак. Превосходящие противника численностью силы Мартига, Гиза и Монпансье без труда перешли ручей, подавив сопротивление Ля Ну и Ля Лу, и вошли в Бассак. Колиньи приказал д'Андело их атаковать. Он на какой-то момент отбивает деревню, но в свою очередь сталкивается с наемниками Рейнграва и 1200 аркебузирами. Д'Андело вынужден оставить Бассак и отойти к деревне Триак, расположенной за Бассаком.

В это решающее мгновение Колиньи призывает на помощь Конде. Бесполезный приказ почти сразу же был отменен. Но Луи де Бурбон даже не обратил на это внимания и прискакал лишь с 300 всадниками. Накануне он упал с лошади и сильно поранился. Но принц с «львиным сердцем» никогда не отступал. Он потребовал оружие и коня.

Когда он садился верхом, неожиданно взбрыкнул конь Ля Рошфуко и сломал ему ногу. Кость вышла наружу и пробила ботинок. Конде повел себя так, будто ничего не случилось, и воскликнул: «Сладка смерть во славу Христа!» Затем обратился к своим компаньонам: «Французская знать, долгожданный момент наступил». Как и в сражении при Дре, он пылко бросился в самую гущу эскадронов противника. При подавляющем численном превосходстве последнего у Конде не было ни одного шанса на успех. Окруженный своими солдатами, желавшими укрыть его своими телами, Конде мог только отсрочить неизбежную смерть. Старый капитан Лаверн, присоединившийся к армии гугенотов с 25 родственниками, в том сражении погиб со своими 15

сыновьями и родственниками.

Под Конде застрелили коня, и он, не способный подняться в седло, не имел никакой возможности для бегства. Придавленный тяжестью своих прекрасных доспехов, Конде воскликнул: «100 000 экю за жизнь!» Тут подъехали два католика. Первым был д'Аржан. При осаде Ангулема принц спас ему жизнь. Со вторым, де Сен-Жаном, принц тоже был знаком. Конде поднял забрало своего шлема, чтобы его узнали, и отдал себя им в руки. Оба дворянина сочувствовали неудаче принца и пообещали сохранить ему жизнь. Д'Аржан посоветовал Конде спрятать лицо, когда подойдут солдаты герцога Анжуйского с Монтескье во главе. Но тут послышался крик: «Убей его, убей его!» Эго был Монтескье. Конде обернулся к д'Аржану и произнес: «Ты не спасешь меня, д'Аржан». Монтескье на ходу разрядил в принца свой пистолет. Пуля вошла через затылок и вышла из правого глаза.

Таков был, согласно Агриппе д'Обинье, волнующий конец Луи де Конде. Этот рассказ можно уточнить, если сравнить с изложением Брантома и уделить место исторической критике. Брантом говорит только, что конь графа де Ля Рошфуко задел ногу Конде; кость не прорывала ботинок. Кроме того (что заставляет нас относиться с большой долей скептицизма к рассказу д'Обинье), на эстампах Торторель и Периссена, вышедших в 1570 году, Конде изображен между двумя охранниками, в то время, как какой-то всадник стреляет в него из пистолета. Д'Обинье упоминает только о д'Аржане и де Сен-Жане. Брантом же отводит первенство в захвате принца дворянину де Ля Вогийон, которого он называет Ле Розье.

Кто же был настоящим убийцей Конде? Д'Обинье и Брантом говорят о Монтескье. Однако Франсуа де Рузье (подлинное имя Ле Розье) в записке Парламенту Парижа в 1585 году утверждает, что именно он убил Конде, за что герцог Анжуйский ему назначил пансион в 3000 ливров. С. Жигон в своей книге «Третья религиозная война» высказывается за то, что Конде не был убит ни Монтескье, ни Рузье. Он считает, что за убийство главы мятежников сумма в 3000 ливров слишком мала. Он приводит свидетельство офицера полка принца-дофина, найденное в его воспоминаниях «Порядочный досуг господина де Ля Мот-Месме», где есть следующие стихи:

Так Монтескье гуда пришел,
Затем еще один, который пистолет
Приставил к спине этого принца
И прострелил его насквозь,
Прогнав из тела душу.

Усиливает сомнения и то, что, как замечает С. Жигон, авторы депеш, отправленных во время сражения, все как один обходят молчанием имя убийцы Конде. Нигде не упоминают о нем ни полковник швейцарцев Пфиффер, ни дипломаты из Венеции и Флоренции. Но гугенотам было выгодно возложить ответственность за смерть Конде на герцога Анжуйского и на капитана его гвардейцев, Монтескье. Последнего очень возмущало, что ему приписывают авторство происшедшего только потому, что он при этом присутствовал.

Сегодня уже ничего не напоминает об этой трагедии, кроме скромной и довольно посредственной пирамиды, поставленной в маленьком городке Триак в память о смерти Луи де Бурбон-Кон де. Если бы принц остался в живых, его держали бы как почетного, но лишенного собственной жизни пленника, печального объекта насмешек.

Если после сражения при Дре де Гиз Великий, захватив того же Конде великодушно разделил с ним кров, то Генрих Анжуйский, будучи во власти одного из своих припадков гнева, которые он и все его братья получили в наследство от Генриха II, жестоко обошелся с телом принца. Он приказал бросить труп этого славного дофина на осла гак, чтобы вниз свешивались руки и ноги, и выставил его напоказ к мрачной радости солдат, скандирующих: «На осле везут того, кто хотел упразднить мессы». Так рассказывает Жюль Гассо. Не вызывает сомнения, что таким образом он (Генрих) мстил за смерть Франсуа де Гиза и коннетабля де Монморанси. Кроме того, столь недостойное обращение отражало нравы того времени. Даже через сто лет, после смерти другого принца крови, Луи де Бурбона, графа де Суассона, Луи XIII приказал начать посмертный процесс, чтобы отказать ему в погребении. Он отказался от такой бессмысленной мести, только прислушавшись к мудрым советам Ришелье. Не избежали участи принца и многие другие командиры и солдаты гугенотов. Шотландец Роберт Огюарт, смертельно ранивший коннетабля в сражении при Сен-Дени, был собственноручно убит маркизом де Вилляр, дядей Монморанси. Когда герцога Анжуйского спросили, что делать с другими пленниками, он ответил: «Убить». Как бы ни шли военные действия, стремление убивать было не менее сильно, чем оскорблять и поносить противника. Дух секты игнорировал все нравственные запреты. Кощунства гугенотов и надругательства папистов имели одну общую черту: страсть к разрушению.

Надо заметить, что ни пехота, ни артиллерия армии

гугенотов так и не вступили в сражение. Вечером того же дня они укрылись за стенами Коньяка. На следующий день, 14 марта, Колиньи с объединенными силами прибыл в Сент, где встретился с молодыми принцами Генрихом Наваррским и другим Генрихом, сыном Конде. Адмирал дал свою версию хода событий и значительно приуменьшил важность этой первой встречи, так как лишь одна кавалерия протестантов померялась силами с королевской армией. Смерть Конде делала Колиньи единственным главой партии протестантов, принимая во внимание молодость двух принцев. Испанцы возненавидели его больше чем когда-либо. 3 апреля дон Франчес писал из Меца Филиппу II: «Адмирал написал в Женеву и в прочие церкви, что они должны возблагодарить Бога за то, что он отозвал из этого мира принца де Конде, потому что этот человек мешал протестантской религии распространиться и утвердиться в королевстве; его единственным Богом было честолюбие. Его гордыня была единственной причиной гибели его самого и его людей. Он пообещал поставить во главе сторонников новой религии принца Наваррского и не сдержал своего слова. За одно это он уже заслужил смерть». Так смерть Конде позволила Колиньи стать неоспоримым главой партии протестантов. Но если никто не мог оспаривать его руководство военными операциями, то он не мог, как Конде, направлять политику партии, так как он не был членом королевской семьи и не мог гордо назвать себя принцем крови. И действительно, в политической системе старой монархии только принадлежность к королевскому дому придавала действиям неоспоримую законность. Лишь в 1576 году партия протестантов получила в лице Генриха Наваррского бесспорного главу движения, которого ей так до этого не хватало. Второй принц крови, Генрих де Конде, сын героя сражения при Жарнаке, гораздо меньше подходил на эту роль. У принцев крови, примкнувшим к гугенотам, было сложное и щекотливое положение. Оно позволяло им внешне законно подняться против короля. Но, как бы там ни было, они были мятежниками, и, что еще хуже, руководителями заговора. Генриху Наваррскому понадобилось много времени и много испытаний, чтобы понять, что не может быть двух наследников престола. Один единственный наследник крови Франции должен был заключать в себе надежды нации, надежды на католического короля.

Совершенно другим и идеально законным было положение герцога Анжуйского! В семнадцать с половиной лет он оказался окружен ореолом первой победы. С начала волнений, после победы Франсуа де Гиза при Дре, это был второй значительный

успех королевской армии в борьбе с мятежными гугенотами. Но чья была эта победа — его или его военных советников, и в первую очередь де Таванна? Нет ничего интересней, как проследить за деталями событий 13 марта 1569 года, уже проследив за личным участием Конде и Колиньи в сражении при Бассаке, посмотреть на Генриха Анжуйского и его военных советников.

Роль герцога Анжуйского

Преследуя гугенотов, герцог Анжуйский спустился к югу. 9 марта 1569 года его авангард был в Шатонеф-сюр-Шарант. В субботу, 12 марта, был восстановлен мост, разрушенный противником, и сооружен вспомогательный мост из кораблей. В полночь вся армия перешла на правый берег и приготовилась к бою. В воскресенье утром герцог Анжуйский отстоял мессу и причастился, в то время как де Лосе и Карнавале разведали, где находится противник. Вернувшись, они сообщили герцогу, что Колиньи и д'Андело стоят прямо перед ними. Генрих приказал выступить полкам де Гиза и де Мартига и авангарду под командованием Монпансье.

Атака началась между 10 и 11 часами. Граф де Бриссак отделился от авангарда с 30 дворянами. Генрих Анжуйский послал ему на помощь Мартига. Увидев это, Колиньи отступил к Жарнаку, на высоту, доступ к которому затруднял ручеек Герлянд. За ручьем у Колиньи стояла тысяча аркебузиров. Герцог Анжуйский выставил против них столько же католических аркебузиров, которые проделали проход для всей армии. А кавалерия гугенотов тем временем по-прежнему оставалась на занимаемой ею высоте.

Колиньи, наконец, решил попросить поддержки у Конде. Герцог Анжуйский понял, что победа будет за ним, и приказал авангарду атаковать врага, не щадя себя. Разгорелся жестокий бой. Белые плащи гугенотов терялись в огромном количестве красных плащей с белым крестом — штурмующих солдат королевской армии.

Последняя полностью перегруппировалась под руководством самого Генриха, повсюду сопровождаемого де Таванном, «одним из самых старых и опытных воинов армии». Надо признать, что именно он посоветовал перейти ночью реку, расположить определенным образом войска и войти в контакт с противником. В полдень отряды герцога Анжуйского и Конде оказались друг против друга. По приказу герцога Анжуйского, католические

наемники Рейнграва и генерал де Бассомпьер начали сражение. Именно тогда Конде со своими эскадронами поспешил туда, где предстояло решиться его судьбе. Генрих, в свою очередь, атаковал кавалерией с фланга. Кавалерии гугенотов пришлось отступить. А королевская пехота и швейцарцы тем временем устроили резню, то есть подчищали место сражения, убивая побежденных, не способных заплатить выкуп.

Если герцог Анжуйский и не был автором принесшей победу тактики, то в сражении он показал себя как настоящий солдат, достойный своего отца Генриха II. Он сам принял участие в бою под прикрытием лишь четырех рядов всадников. Государственный секретарь Виллеруа уточняет, что он убрал эту человеческую защиту «…с великой радостью», как только сражение началось.

Таким образом, мудрость де Таванна и военная храбрость герцога Анжуйского принесли королевской армии успех. По окончании сражения Генрих почти сразу же послал в Мец господина де Лосса, чтобы сообщить о победе Карлу IX. Чуть позже туда же отбыл господин де Линероль с пистолетами Конде и запиской, которую сохранил для нас Ж. Гассо: «Ваше величество, вы выиграли сражение. Принц де Конде мертв. Я видел его тело. Со мной все в порядке и я молю создателя за ваше благополучие. 1569. Между Жарнаком и Шатонеф». Согласно одному тексту того времени, герцог Анжуйский мрачно пошутил о Конде: «О, сколько этот бедный человек причинил зла», намекая на случай в Мо. Тогда никто не сожалел о тех, от кого отвернулась удача, и смакование мести было обычным делом. Так Изабелла де Аимей, страстно любившая «маленького человека», но не простившая ему то, что он оставил ее, 13 марта прибыла на поле битвы, так как недалеко был расположен ее замок. Увидев ее, герцог Анжуйский не без злого умысла спросил, не узнает ли она тело, которое несут на носилках. Изабелла вышла из кареты, опустилась на колени и воскликнула только одно: «Наконец!» Герцог Анжуйский согласился передать тело Конде его приемному отцу Лонгевилю, о чем писал Генриху Наваррскому 25 марта: «Он у своих родителей, и они ничего не забудут!»

Конде похоронили в усыпальнице Бурбонов в Вандоме. А Колиньи, его брат д'Андело и сомнительный герцог де Де-Пон по-прежнему вели борьбу. Победа 13 марта ничего не решила. Ни одна из сторон не желала останавливаться, поэтому кампания продолжалась, и предстояло новое сражение. Но прежде следовало набраться сил и расплатиться с солдатами. В этом — причина интервала в шесть месяцев между сражениями при Бассаке и при Монконтуре 3 октября 1569 года.

От Бассака к Монконтуру
(*13 марта — 3 октября 1569 года*)

После относительного успеха королевской армии надо было преследовать Колиньи и осадить Коньяк, в котором он укрылся. Генрих приказал восстановить мост Жарнака, разрушенный гугенотами во время отступления (Коньяк расположен на левом берегу Шаранты, а Жарнак на нравом). 17 марта, в письме, отправленном из Зегонзака (к югу от Жарнака), Генрих объяснял Карлу IX причины, осложняющие использование ситуации: «По опыту я знаю, что не имея артиллерии (20 пушек, которые король приказал отправить к Генриху, но которые еще не прибыли), мы лишены особых возможностей захватить врагов в Коньяке». Тем не менее, 19 марта он подошел к стенам города, находившегося под защитой от 3000 до 4000 тысяч солдат.

С одной стороны, королевская армия столкнулась с упорным сопротивлением гугенотов, с другой, ее тылам угрожала армия герцога де Де-Пон. Последний, как уже упоминалось, захватил Бон и продолжал продвигаться в глубь страны, поднимаясь по долине реки Луары, рассчитывая перейти ее у Ля Шарите, захватив город. Его люди шли даже ночью, в отсветах зажженных ими пожаров. Против них следовало выставить наемников маркграфа де Бада и собранных в Италии людей, но они еще не были в распоряжении герцога Анжуйского.

Чтобы не выдохнуться в осадной войне, Генрих поручил графу дю Люду захватить Партене, Мот-Сен-Эре и Мелл, а сам расположил свой лагерь между Шарантой и Дордонью. Таким образом он мог воспрепятствовать продвижению протестантов на юг, а в случае необходимости подняться к северу, навстречу наемникам графа де Де-Пон. Захватив на реке Дроне Обтер, герцог подошел к Мюссидану (город, стоящий на слиянии Ислы и Крампсы). Этот город был одним из возможных пунктов прохода гугенотов, а его гарнизон насчитывал около 400 человек. Во время первого штурма погиб один из храбрейших воинов армии короля, виконт де Помпадур. Желая отомстить за смерть Помпадура, Тимолеон, граф де Коссе-Бриссак, генерал-лейтенант пехоты, известный своим несравненным мужеством и отвагой, пробил артиллерией брешь в стене. За ней открылся внешне покинутый дом. Бриссак послал одного из солдат на разведку. Тот сообщил, что дом пуст. Подозрительный Бриссак послал еще одного, который принес такое же сообщение. В третий раз Бриссак послал разведчика, на этот раз офицера, капитана Герена. Он принес то же известие, что и раньше. Бриссаку только и оставалось, как самому туда пойти. Но как только он вышел

вперед, раздался первый выстрел из аркебузы. Он не задел молодого генерала и тот смог обернуться и предупредить своих людей. Однако второй выстрел был точен. Бриссак упал на землю, не издав ни звука, так как пуля прошла ему через рот. Виллеруа передает, что Бриссак всегда возвращался целым и невредимым из всех сражений, в которых принимал участие: «Считалось, что имя Тимолеон приносило ему счастье». Разъяренные гибелью своего горячо любимого командира, его люди бросились на штурм города и разнесли на кусочки все, что попалось им на пути. Несмотря на данные обещания, Генрих приказал разрушить город и замок. К тому же он не мог там оставить гарнизон. Об этом эпизоде вспоминает Монтень в начале VI главы «Опасный час парламентариев» в своей книге I, в которой он показывает, насколько мудро не доверяться с закрытыми глазами переговорам о перемирии: «Будучи недалеко от Мюссидана, я видел, как потесненные нашей армией люди кричали как о предательстве, о том, что их захватили во время переговоров». Но, какими бы заметными ни были отдельные операции, вроде осады Мюссидана, они не решали главной задачи. В ближайшем будущем предстояло срочно помешать объединению наемников герцога де Де-Пона с силами Колиньи и д'Андело. 10 мая Генрих открывал свои планы Карлу IX: «Герцог де Де-Пон может идти от 7 до 8 дней и близко подойти к реке Луаре… Мне лучше всего подойти с армией к Бургу, где я смогу объединиться с господами де Немуром и д'Омалем и сразиться с герцогом де Де-Пон». 13 мая Генрих уточнил свои намерения: «Герцог д'Омаль переправился через Луару и находится рядом с Бургом. Враги у Ля Шарите. Мне пришлось за пять дней пройти от Ля Рошфуко до Блан. Адмирал в Сантонже собирает силы. Надо завязать сражение с герцогом де Де-Поном до его объединения с Колиньи. Наши армии равносильны, почти по 7000 человек. Маркграф де Бад и итальянцы еще не прибыли. Надо их поторопить».

Можно ли было помешать Вольфгангу де Бавьер объединиться с Колиньи? Карл IX и королева-мать, вернувшиеся в Париж, приложили для этого все усилия. Король объявил о своем отъезде в Орлеан, где стояла в резерве королевская артиллерия, которой Так не хватало герцогу Анжуйскому. В глубине души король завидовал его успехам, и пушки так и не покинули Орлеан. Однако было слишком поздно, чтобы воспрепятствовать продвижению герцога де Де-Пон. В конце мая в Париже стало известно, что благодаря предательству командования Ля Шарите Вольфганг овладел городом. Туда сразу же отправился герцог д'Омаль. А герцог де Немур, земли которого вражеские наемники почему-то пощадили как и земли его жены (хотя обычно они все

сжигали на своем пути), получил приказ явиться ко двору. Поскольку герцог был болен, ему посоветовали путешествовать на носилках. В Монсо, где Екатерина остановилась перед возвращением в Париж, она узнала одновременно о гибели де Бриссака при осаде Мюссидана и о взятии 20 мая Вольфгангом де Бавьер Ля Шарите. Чуть позже другой курьер принес весть о смерти д'Андело в ночь на 4 мая: «Эта смерть нас очень обрадовала. Я надеюсь, что Господь и другим воздаст по заслугам». Во всяком случае, королева не собиралась ждать, когда Бог пожелает убрать всех врагов короля, и решила встретиться с герцогом Анжуйским. Английский посол Норис объясняет ее решение призывом на помощь Генриха. Он сообщил, что не получив плату, наемники герцога д'Омаля без сражения пропустили герцога де Де-Пон. Как бы там ни было, 27 мая Екатерина покинула Сен-Мор. Как пишет в своем журнале Виллеруа, она хотела «обсудить с ним дела королевства». В сопровождении кардинала де Бурбона и кардинала Лотарингского, которого она хотела примирить с Генрихом, несмотря на многочисленные опасности, она отправилась в дорогу. 3 июня она прибыла в Прейли, что недалеко от Блана. Там открылось совещание и встал прежний вопрос: атаковать или нет до подхода итальянцев графа де Санта-Фиоре, или, как советовал Таванн, положиться на время и дать врагам столкнуться с трудностями оплаты наемников и снабжения? Вопреки мнению Генриха, поддерживающего позицию Таванна, было решено атаковать, как только армии объединятся. 11 июня Екатерина писала Карлу IX из Лиможа: «Вот уже 8 дней, как я прибыла в эту армию, чтобы встретиться с моим сыном, и покинула его только сейчас. Мы предполагали начать сражение, но герцог де Де-Пон, присоединив к себе силы герцога д'Омаля, отступил таким образом, что было никак не возможно втянуть его в бой, и (герцог де Де-Пон) объединился с адмиралом».

Боя опять не получилось. Накануне Генрих сообщил Франсуа Алансонскому, что он потерял прекрасную возможность сразиться по вине наемников, «которые никуда не хотели отправляться». По словам Виллеруа, армия герцога де Де-Пон воспользовалась этим, чтобы переправиться через Вьенну «по нашей бороде и подбородку», и чтобы присоединиться к Колиньи.

С этого момента противники находились рядом друг с другом и вели незначительные бои. 14 июня Генрих писал королю из Лиможа, что ему удалось переправить через Вьенну (в Аксе) графа Рейнграва и господина де Бассомпьер с их наемниками. Он также сообщал о недавней смерти герцога де Де-Пон, которого заменил один из его лейтенантов, Уолрад де Мансфельд.

Вольфганг де Бавьер умер 11 июня в замке Кар (недалеко от Нексона, Верхняя Вьенна) от приступа, причиной которого было непрекращающееся пьянство. Из всех эпитафий, иронизирующих по поводу его смерти, эта, без сомнения, самая лучшая:

> Pons superavite aquas, superarunt pocula Pontem.
> (Пон перешел воды, но вино его победило).

Однако смерть герцога, причину которой дон Франчес приписывает чуме, никак не повлияла на военное положение. 25 июня 1569 года преследовавший гугенотов по пятам герцог Анжуйский остановился в Ля Рош-л'Абей, на небольшом расстоянии от противника, который имел некоторое преимущество из-за более высокой позиции. Генрих горел желанием начать сражение. Но адмирал его опередил. И пехота католиков была отброшена и оказалась в невыгодном для себя положении. Ее командующий, генерал-полковник Строззи, решил, что кавалерия ничем не сможет помочь и бросился в бой с 1500 аркебузирами. Но его захватили в плен с 500 солдатами, 22 его офицера были убиты. Согласно обычаю, победители приступили к резне и, чтобы усилить впечатление ужаса, даже отрезали трупам руки и ноги. Жарнак был отомщен. Сражение у Ля Рош-л'Абей было провалом, но не окончательным поражением, хотя Таванн, выйдя из себя, не удержался от желчного замечания: «Я был прав, когда говорил, что эти молодые люди все испортят».

Колиньи намеревался двинуться на север, чтобы овладеть Сомюром, что он уже планировал до Жарнака, затем он предполагал перейти Луару и направиться прямо к Парижу. Но его наемники хотели получить какой-нибудь город на разграбление. И Колиньи был вынужден осадить Пуатье. Он заранее знал, что это пустое дело, которое, не принеся ни малейшего результата, погубит его армию. Город омывался со всех сторон Клейном, и осажденные сделали его недоступным, затопив окрестные луга. К счастью, нападение герцога Анжуйского на Шательро дало Колиньи повод снять осаду (7 сентября). Вновь две армии оказались рядом, готовые вступить в сражение. Оно произошло 3 октября в долине, над которой доминирует холм Монконтур.

Сен-Клер и Монконтур
(***30 сентября***) (***3 октября***)

После поражения в Ля Рош-л'Абей королевская армия жаждала взять реванш. Но этим летом 1569 года она вновь столкнулась со своими обычными трудностями. Французы (это было обычным явлением) в больших количествах покидали ее и возвращались к себе домой. Конечно, оставались наемники, но и они не горели желанием сражаться. Сам герцог Анжуйский казался уставшим и хотел подождать подхода итальянцев. Сансак решил снять осаду Ля Шарите, не стоившую того, чтобы против нее использовали артиллерию. В такой ситуации кардинал Лотарингский, враждебно настроенный к Таванну, предложил отозвать его и заменить на молодого герцога де Гиза. Тем самым старый прелат признавал амбиции своего дома. Но Генрих отказался разлучиться со своим наставником. И потом, если верить Ж. Гассо, молодой генерал-лейтенант смог победить усталость и доказал, «что он умеет совещаться так же разумно, как храбро сражаться».

По приказу Карла IX Генрих Анжуйский стал готовиться к новому наступлению, доверяясь мнению Таванна, который, как уже известно, посоветовал захватить Шательро. В результате этой атаки Колиньи был вынужден отказаться от осады Пуатье, который храбро защищал молодой герцог де Гиз. Адмирал, вновь получивший свободу передвижения, попытался переправиться через Вьенну в Пор-де-Пиль, предположительно намереваясь направиться в Анжер. Его постигла неудача. За неимением лучшего, он напал на Мирабо, что к северу от Пуатье, по-прежнему стремясь к Ля Шарите. Королевской армии надо было переправиться через Шаранту, чтобы помешать ему. 26 сентября Генрих информировал Карла IX из Шинона о ведущихся приготовлениях. В течение дня, писал он, плавучий мост будет закончен. Часть кавалерии уже перешла реку по мосту Шинона. Генрих хорошо понимал, что все следует закончить до прихода зимы, чтобы не повторилась ситуация прошлого года.

Генрих захватил Луден, и две армии встретились в сражении 30 сентября, недалеко от городка Сен-Клер. Используя предоставившуюся возможность, маршал де Бирон сразу же атаковал эскадроны гугенотов господина де Муи. Если бы не узкий проход, который позволял выстроиться во фронт только двадцати всадникам, армия протестантов была бы разбита. На следующий день после стычки у Сен-Клера противники в полном составе стояли друг против друга. Их разделяла только маленькая речушка Див. Герцог Анжуйский отказался переходить ее под огнем противника, предпочитая пересечь ее почти у самого источника. Вечером произошло новое столкновение, однако без какого-либо результата. Колиньи, к которому присоединились

молодые принцы, мог бы под покровом ночи отступить к юго-западу от Монконтура, к Эрво, где река Туэ была бы более серьезной преградой, чем Див. Но военный совет Колиньи решил, что отступать ночью позорно, и что они сделают это утром. Однако в момент отправления наемники потребовали причитающуюся им плату, и переговоры затянулись на два часа. Адмиралу помешали выступить и закрепиться на более выгодной позиции, и он был вынужден сражаться на равнине к северу деревни Ассе. А королевская армия в полном составе выстроилась против него, не дав реформатам перейти Див, через который она сама переправилась в Ля Гримодьер, что к югу от Монконтур, недалеко от его источника. С восходом солнца маршал де Коссе, который хорошо знал местность, расположил королевские войска между Ля Гримодьер, Ассе (к юго-западу от первого) и Мезонсель (маленькая деревушка к северо-востоку от последнего). Таким образом армия гугенотов оказалась к северо-востоку от Монконтура, а католическая к юго-западу.

Силы были далеко не равны. Монсеньор имел в своем распоряжении 9000 всадников, 18000 пехотинцев, 6000 швейцарцев и 15 артиллерийских орудий. У Колиньи было лишь 6000 всадников, 8000 аркебузиров, 4000 ландскнехтов и только 6 пушек с 2 пищалями. Его пехотой командовал молодой граф Людвиг Нассау-Дилленбург, младший браг Вильгельма Оранского.

Все утро и часть дня противники наблюдали друг за другом, остерегаясь орудийных выстрелов. Адмирал из предосторожности приказал занять большой овраг посередине долины. Сторонники короля тем временем продвинулись вперед и заняли небольшой холм, названный Ля Мот-Пюи-Тайе, откуда Таванн и другие маршалы могли видеть все поле битвы. Изучив позицию противника, уверенный в успехе Таванн заявил Генриху: «Монсеньор, с Божьей помощью, они в наших руках. Я больше никогда не возьмусь за оружие, если вы сегодня не выйдете победителем. Во имя Господа, вперед!»

В первых рядах королевской армии стояли 2000 кавалеристов и 40 рот солдат, на правом фланге были наемники маркграфа де Бада, на левом наемники Эрнеста де Мансфельда. За ними виднелись пики 4000 швейцарцев полковника Пфиффера, окруженные испанскими аркебузирами и присланными Филиппом II валлонцами. За швейцарцами третьей линией выстроились французские полки под командованием нескольких маршалов. Отдельно, в запасе, стоял маршал де Коссе с 6 ротами солдат.

Наконец, Гавани, счастливо озаренный, счел, что неплохо бы

оставить в резерве отряд из знатных дворян под командованием Бирона.

Согласно обычаю, сражающихся можно было узнать по одежде. Королевские войска отличал белый крест крестоносцев и завязанный крест-накрест красный шарф, в честь католического короля. Реформаты были в белых плащах (цвет дома Бурбонов), с желтыми и черными нарукавными повязками в честь умершего герцога де Де-Пон.

В три часа дня герцог де Монпансье получил приказ атаковать. Сигнал к атаке подали трубы. А из рядов гугенотов доносилось пение псалмов и раздавалось, усиленное тысячами голосов, ритуальное восклицание: «Дедан, дедан!» (туда, внутрь). Затем, согласно обычаю, о чем передает д'Обинье, швейцарцы и ландскнехты поцеловали землю, которая, в случае их смерти, послужит им усыпальницей.

Сражение начали господин Мартиг и итальянцы, обратив в бегство конницу протестантов. Наемники и конница немцев обрушилась на ландскнехтов. В порыве атаки католики, «пригнувшиеся к пикам и уносимые мощными лошадьми», имели преимущество над гугенотами, у которых не было пик (они сочли их устаревшими), и лошади которых были значительно легче.

Увидев, как бегут его корнеты, Колиньи приказал Нассау вступить в сражение. Но на пути его солдат встали Ля Валетт и Гиз. Тогда адмирал решил, что нужно самому показаться на поле боя, но был ранен пулей в лицо, когда собственноручно убивал графа Рейнграва Филиппа де Сальм. «Истекая кровью, он был вынужден позволить себя увести», — рассказывает д'Обинье. Войска герцога Анжуйского сразу же этим воспользовались, чтобы продвинуться вперед. Конница маркграфа де Бада и герцога д'Омаля напала на всадников Мансфельда, углубляясь в центр расположения гугенотов, где находились основная масса ландскнехтов. Тем временем Людвигу Нассау-Дилленбург удалось привести в относительный порядок кавалерию протестантов и организовать ей поддержку артиллерией. Аркебузиры же реформатов были полностью деморализованы. Для герцога Анжуйского наступил критический момент. Кто-то сумел подстрелить его лошадь, хотя Карнавале со своим отрядом, лошади которого были одеты в броню, всячески старался прикрыть его. К счастью, маркиз де Вилляр помог Генриху подняться, пока Эрнест де Мансфельд и маршал де Коссе пытались отразить атаку 4000 швейцарцев Пфиффера.

Эта атака оказалась решающей. Под прикрытием своих аркебузиров, ощетинившись железом, швейцарцы обратили в бегство конницу гугенотов, которая, отступая, открыла и бросила

свою артиллерию. Бой между швейцарцами и ландскнехтами был неравным и окончился полным поражением последних. Опустившийся вечер и туман скрыли ужасные сцены окончания битвы. Побежденным отозвалась их жестокость в Ля Рош-л'Абей. Напрасно ландскнехты доставали свои четки и кричали, что они «истинные паписты». Швейцарцы не обращали на это ни малейшего внимания и к ночи зарезали около 4000 немцев и 15 000 французов.

На этот раз, в отличие от Жарнака, герцог Анжуйский доказал свою человечность. Благодаря ему были спасены Ля Ну, д'Асье и несколько сотен французов. Тем же вечером победоносный Генрих прибыл в Сен-Женеру и созвал там совет. Следовало ли, как советовал Таванн, не медлить и преследовать врага или постепенно уменьшать зоны влияния гугенотов? Можно ли с ними покончить сразу или надо будет продолжать вести нескончаемую войну? Какой бы блестящей ни была победа в Монконтуре, подобно битве при Жарнаке, она ничего не решала. Должен будет пройти еще один год, пока закончится третья религиозная война с появлением нового Мирного эдикта, подписанного Карлом IX в Сен-Жермен-ан-Ле 8 августа 1570 года: то было опять лишь временное решение вопроса об отношениях двух конфессий. А пока, в ожидании мира, самым очевидным результатом обеих военных кампаний 1569 года было сильно возросшее влияние Генриха на государственные дела и его очень большой личный авторитет. С 1567 года его восхождение к вершинам власти не встречало на своем пути никаких препятствий, вплоть до того дня, когда ему на голову был возложен королевский венец, хоть и иностранный.

Новое положение герцога Анжуйского

Католики радостно поздравили себя с победой при Монконтуре. Ронсар посмеивался над «побежденной Гидрой» называя монстром Реформацию. Его ученик Амадис Жамен сочинил кантику о победе Генриха. В латинских стихах его прославил Дора. Тот же Дора воздал почести Карлу IX, чем вызвал у молодого короля честную и живую реплику: «Да! Отныне ничего не пишите для меня, так как это все только лесть и ложь! Оставьте эти прекрасные сочинения для моего брата, который каждый день причиняет вам приятное беспокойство». Все те произведения быстро были забыты. В народной памяти сохранился лишь один гимн, который Ронсар посвятил победам Генриха:

Как орел младой
Гордый и сильный
Сразил их
Сразил
На берегах Шаранты…
…Будь славен Генрих
Любимец,
Юности и Марса.

Таким образом, в 18 лет Генрих представлял идеальный образ католического героя. Если Таванн направлял стратегию кампании, то Генрих проявил себя как настоящий солдат. Не колеблясь, он подверг себя риску погибнуть в сражении. Суровыми зимами он вел тяжелую лагерную жизнь. Ему надо было найти общий язык с командованием итальянцев, немцев и швейцарцев. Он тщательно следил за утомительными делами снабжения и оплаты. Но разве эта реальная деятельность, открывшая в будущем Генрихе III серьезное отношение к делам, оправдывала его столь неожиданное назначение на высокий пост? 5 декабря 1569 года Генрих писал господину де Мандело в Лион, что надеется оправдать доверие короля, «которым он меня наделяет и тем доставить удовольствие Королеве, моей доброй даме и матери».

Нововведенный титул «генерал-интендант короля» давал Генриху власть вице-короля. Счастливый избранник констатировал, что этот факт не привел в восторг кардинала Лотарингского, о чем он писал Таванну в письме от 14 декабря 1569 года: «Вы уже знаете, что Их Величества доверили мне управление своими делами. Я уверен, эта новость доставит вам удовольствие. Кардинал Лотарингский, хоть и делает приятное лицо, недоволен. Надо ли ему испить эту чашу?» Дон Франчес в письме к герцогу Альба не может удержаться от иронии: «Король написал замечательное письмо всем послам (в котором он сообщает), что в целях облегчения забот матери, он доверил дела герцогу Анжуйскому, и теперь по всем вопросам следует обращаться к герцогу». На деле же, Генрих ограничивался подписанием приказов Карла IX, каковые были приказами королевы-матери. Тем не менее он тщательно следил за ходом мирных переговоров, о чем подробно информировал Таванна, который после Монконтура покинул армию и вернулся к своим делам в Бургони. Генрих также интересовался вопросами внешней политики и специально пригласил Беливьера, чтобы обсудить с ним положение дел в Германии и Швейцарии. И сам

поблагодарил Филиппа II за поздравления с победой. Находясь почти на вершине власти, он воспользовался своим положением и продемонстрировал свою щедрость. В марте 1570 года он попросил Таванна принять пансион в 2000 франков: «Господин де Таванн, чтобы доказать вам, что я помню о том, как мы вместе сражались, я прошу вас принять 2000 франков ежегодно, не потому что хочу сделать вас своим человеком в большей мере, чем вы были до настоящего момента, но потому что благодаря вам в двух сражениях я получил большой почет и уважение, о чем всегда буду помнить».

Генрих обладал и недюжинной политической дальновидностью. Она хороню заметна в его секретном письме к Таванну, переданном со специальным нарочным. Написанное в Тонне-Бутон, оно датировано 14 декабря 1569 года: «Мы делаем все возможное, чтобы мир был заключен. Молю Господа, чтобы он наставил их, и мир был вскоре подписан… но гугеноты хотят протестантскую церковь, а мы нет. Пока так будет продолжаться, мы будем оставаться противниками. Но в конце концов ее придется признать, так как все ужасно устали от войны и продолжать ее невозможно. Если они не согласятся на наши условия, нам придется принять часть их требований». Затем, намекая на мнение кардинала Лотарингского (главу и рупор испанской стороны, которая с июля месяца восстановила свое влияние), Генрих писал, что кардинал «был бы огорчен, что его поймали на слове», если бы заявил о необходимости мира. Генрих оказался прав, рассуждая о текущих переговорах с гугенотами. Действительно, депутаты протестантов на время отбыли, чтобы передать Жанне д'Альбре сделанные им предложения. Генрих сообщил Таванну, что королевская сторона ожидает их возвращения, и в новом месте переговоров «каждый сделает все возможное, чтобы победить своего врага; более хитрый обманет другого. Но нас столько раз обманывали, что мы, если возможно, избежим этого, ведь вы знаете, что обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду». Не ошибся он и в отношении настроения представителей гугенотов, которые не стремились облегчить заключение мира. Генрих писал Таванну, что если бы это наконец произошло, он бы хотел поскорее вернуться в Париж: «Я думаю, что по окончании переговоров, которые, если на то будет воля Господа, успешно завершатся, они перестанут быть такими непреклонными, потому что, если бы вы видели, как они говорят, вы сказали бы, что это они выиграли сражение и победили нас, а не мы их».

Упомянутые переговоры проходили в то время, как продолжалась осада Сен-Жан-д'Анжели. Сразу после Монконтура,

побежденный, но не разбитый, Колиньи отступил к Нартенэ. Там он посовещался и отправился в Ниор на встречу с Жанной д'Альбре, а затем в Сен-Жан-д'Анжели. Защиту города он доверил своему лучшему лейтенанту, Арману де Клермон, сеньору города Пиль (незадолго до гибельной для него Варфоломеевской ночи он будет учить плавать Карла IX). 16 октября Колиньи прибыл в Сент и узнал о решении, вынесенном Парламентом Парижа: его герб бросить в реку, а его изображение повесить на виселице в Монфоконе. Проследив за безопасностью Ля-Рошель, Колиньи перешел Дордонь с 3000 лошадьми и направился прямо в Монтобан, куда он вошел 22 декабря и откуда писал экс-кардиналу де Шатийон, чтобы информировать о положении дел и передать, что он, как только тот пожелает, объединится с гасконскими виконтами и господином де Монтгомери.

Действуя так, будто оставаясь его противником, герцог Анжуйский направился на юго-запад. Пройдя Сен-Женеру и Эрво, он достиг Партенэ, где узнал о капитуляции Шательро. Продолжая свой путь, он переговорил с жителями Ниора, куда он прибыл 10 октября, и осмотрел построенные гугенотами фортификационные сооружения. По-прежнему двигаясь на юг, он остановился в Бовуар-сюр-Ниор. 15 октября он докладывал королю, что собирается вместе с Бироном осадить Сен-Жан-д'Анжели. Он признавал также, что артиллерии не хватает лошадей, пороха и ядер, что солдаты разбегаются, не получив положенных денег, что, к облегчению гугенотов, боеспособные войска уменьшились до 3000 человек, и из-за недостатка денег армия продолжает разваливаться.

Вечером 16 октября он подошел к Сен-Жан-д'Анжели и приказал разведать подходы к городу, чтобы выбрать расположение для своей артиллерии. 24 числа ему сообщили о приезде Карла IX и королевы-матери. Построив армию для смотра, Генрих выехал им навстречу. Увидев мать, Монсеньор приказал выдвинуть вперед свой штандарт, спустился с коня, поклонился Екатерине и обрисовал ей расположение местности и средства, необходимые для того, чтобы ею овладеть. Затем он вновь сел на коня и со своей матерью провел смотр. Когда приблизился Карл IX (он следовал за Екатериной), Монсеньор приказал заменить белый штандарт на свой личный флаг желтого цвета и в знак уважения приблизился к брату, не предшествуемый штандартом. На расстоянии выстрела из аркебузы он спешился и, подойдя к монарху, сделал почтительный реверанс и поцеловал ему руку. Тот тоже спешился, чтобы поцеловать брата и выразить ему свое расположение. Эта встреча королевской семьи не мешала Карлу IX, завидующему успеху своего брата, мечтать о

своей собственной победе. Однако трудно было найти что-либо менее славное, чем затянувшаяся осада маленького укрепления. Подобно армии Колиньи у Пуатье, королевская армия истощила свои силы, о чем Генрих писал в письме Таванну. После полуторамесячной осады (16 октября — 2 декабря) пришлось согласиться на почетную капитуляцию. Все преимущества сражения при Монконтуре были потеряны по той причине, что королевская армия упустила время и не стала сразу же преследовать Колиньи.

В конце концов упорное сопротивление протестантов и неумение использовать победы в очередной раз привели королеву к переговорам. От ее лица в Ля-Рошель встретился с мадам Вандом господин Кастельно-Мовисьер. Екатерина была недовольна испанцами, которые не торопились приходить на помощь, и была разгневана на Филиппа II. Ее бывший зять Елизавета французская умерла 3 октября 1568 года — терпеть не мог ее другую дочь, Маргариту, и, кроме того, имел наглое намерение жениться на старшей дочери Императора, на руку которой претендовал Карл IX. Ужасы войны и провал ее матримониальных планов отвратили королеву-мать от реформатов. Но поскольку, по ее мнению, для них речь могла идти только о свободе совести, а не о свободе богослужений, они упорно стремились к войне, тогда как по-прежнему упорствующий адмирал следовал завету Вильгельма Оранского: для него, как и для Таситюрна, чтобы предпринимать что-либо, не надо было иметь надежду, а чтобы сохранить, не надо было успеха.

Гаспар де Колиньи (*октябрь 1569 года — июль 1570 года*)

16 октября 1569 года Колиньи с несколькими тысячами человек оставил Сенг и направился к долине реки Гароны, чтобы там присоединиться к гасконским виконтам, победившим католиков у Беарна. Они встретились в Монтобане. Там, ожидая Монтгомери, он провел зиму 1569–1570 года, занимаясь восстановлением своей армии.

Правитель Лангедока Дамвиль и правитель Гюйенны Монлюк никак не могли договориться и вместе выступить против Колиньи. Последний этим воспользовался и поджег все загородные дома магистратов и буржуа Тулузы, которые были враждебно настроены к Реформации. Получив подкрепление с юго-востока, в марте 1570 года адмирал подошел к Каркассону,

но не стал его атаковать. Он ограничился тем, что отдал на разграбление весь район Нарбонны и сжег деревни вокруг Монпелье. Затем он остановился отдохнуть в Ниме, откуда выехал 16 апреля, двигаясь по правому берегу Роны. Время от времени его войска с переменным успехом атаковала королевская армия. Тем не менее солдаты Колиньи продолжали продвигаться к северу, спасаясь от противника быстрым продвижением вперед. Пройдя Виварэ, армия гугенотов остановилась в Сен-Этьене, где ее командующий из-за болезни вынужден был слечь в постель. В Сен-Этьене к нему прибыли посланники короля. Но поскольку они вновь предлагали свободу совести, а не культа, то уже выздоровевший Колиньи с негодованием отверг их предложения. Послы уехали с пустыми руками, а армия мятежников снова пустилась в дорогу, правда, без артиллерии. С целью увеличить скорость продвижения Колиньи посадил своих аркебузиров на маленьких лошадок. 18 июня он отдал на разграбление аббатство Клюни, где аббатом-распорядителем был кардинал Лотарингский, а 20 июня поджег аббатство Ля Ферте-сюр-Гросн. Затем он опустошил окрестности Шалон-сюр-Саон и в Арнэ-ле-Дюк встретился с королевскими войсками. Армией католиков командовал маршал де Коссе, и она насчитывала около 13 000 человек. Противники стояли по двум сторонам небольшой долины, пересекаемой маленьким ручейком. Адмирал расположился в мельнице, которую Коссе не удалось захватить. Однако Колиньи больше стремился уклониться от боя, чем вступить в сражение, и поэтому в ночь с 28 на 29 июня он тайно бежал и 4 июля вошел в Ля Шарите. Отныне, опираясь на подкрепления с пушками, присланные из Сансера и Везлэ, он мог встретиться с Коссе примерно на равных.

На западе положение сторонников короля было не лучше. Правитель Ля-Рошель Ля Ну вновь овладел Мараном, Люсоном и Ле Сабль-д'Олоном. 15 июня 1570 года командующий королевскими войсками Пюнгайяр в сражении у Сент-Жем, недалеко от Люсона, потерял два великолепных полка пехоты. В то время, как Пюнгайяр оставался в Сен-Жан-д'Анжели, сдались реформатам одновременно Ниор, Бруаж и Сент. Положение, бывшее на конец зимы 1569 года, теперь обернулось в пользу протестантов.

Надо было примирить Францию законную и Францию мятежную. Каждая из них имела свою зону влияния. На своей территории монарх часто сталкивался с непостоянством и интригами, с которыми он редко что-либо мог поделать. Колиньи же был бесспорным главой противной стороны, где царило единство мысли и действия, чего так не хватало лагерю короля. С

ярко выраженным наступательным настроением и большим упорством, гугеноты стремились с помощью оружия заставить власть признать за ними легальное положение в государстве. Они имели преимущество в том, что были одновременно просителями и атакующими, тогда как король был вынужден придерживаться одной обороны в положении, осложненном недостатком ресурсов и финансовых средств.

Политическое разделение королевства соответствовало ярко выраженному географическому разделению. Гугеноты были практически хозяевами большей части запада, всего юго-запада и юга. Католическим был север, восток и все исторические королевские владения, центром которых оставался Париж. И одному Богу ведомо, сколь яростно католическим был этот город! В период войны каждый лагерь в полной мере осознавал свои возможности. Так что после Монконтура двор предоставил Колиньи самому себе, поскольку никак не мог ему помешать. Тот, со своей стороны, совершенно не реагировал на действия королевского правительства в конце 1569 года и в первые семь месяцев 1570 года.

Нерешительная королевская политика

Для сближения двух Франций следовало вновь вернуться к переговорам. Несмотря на сложные и хрупкие отношения из-за радикальной противоположности взглядов, переговоры продолжались с декабря 1569 года по август 1570 года, прерываемые довольно долгими периодами бездействия.

После поражения у Сен-Жан-д'Анжели король распустил свою армию до весны. Для его казны эго было заметное облегчение. Королева-мать решила отправиться в Анжер, где двор должен был пробыть три месяца, так как ее больше ничего не задерживало в Сентонже и Ангумуа. Выбор города был не случаен, ведь он являлся столицей герцога Анжуйского. В благодарность за его заслуги, Карл IX и Екатерина передали Генриху во владение Пон-де-Се, укрепление, которое контролировало переправу через Луару и приносило своему владельцу 40 000 экю ежегодно. Герцог Анжуйский имел возможность оценить Анжер, когда во время осады Сен-Жан-д'Анжели у него поднялась высокая температура. Его сестра Маргарита заболела чем-то вроде краснухи, что весьма взволновало Екатерину, поскольку придворные врачи сами оказались жертвами эпидемии. Королева с радостью приехала в «добрую страну» с целебным воздухом. Там она утешала себя тем, что возобновившаяся в марте война

началась с поражения гугенотов. Но каким бы благодатным ни был воздух Анжера, он не помешал заболеть теперь уже Екатерине и Карлу IX, в то время как Генрих постепенно выздоравливал. Из-за болезни короля и королевы молодой герцог их заменил, давая аудиенции послам и подписывая все приказы правителям провинций. 22 февраля 1570 года дон Франчес писал, что король думает только о физических упражнениях, праздниках и своей будущей свадьбе, а «герцог Анжуйский все время занят делами, все время на Совете». 17 июля испанец констатировал, что «Гавани и Бирон правят вместе с герцогом Анжуйским». Но политические дела перемежались развлечениями. Так король и знатная молодежь решили восстановить в форме конных состязаний некоторые эпизоды осады Пуатье, Шательро и Сен-Жан-д'Анжели. Генрих, который держался в седле не так хорошо, как король, направил своего коня против Гаспара де Шомберга (прибывшего ко двору с требованием оплатить своих солдат). Во время одного из штурмов немецкий полковник был ранен в лицо, а у Генриха было вывихнуто плечо. «Мое самочувствие после ранения вполне сносно и гораздо лучше, чем могло бы быть после такого удара, писал он Таванну 7 мая. Все эго игры, в которых когда-то вы были первым». Карл IX присутствовал при несчастном случае. Когда он стал выражать Генриху свое участие, последний ответил с большим достоинством: «Вашему Величеству не следует переживать. У меня есть еще одна рука, чтобы служить вам».

Такой обмен любезностями так или иначе приукрашивал действительность, которая сильно удручала Карла IX. Если верить дону Франчесу (5 февраля 1570 года), король даже сказал: «Со мной никого нет. Все повернулись к моему брату». Тот же дипломат пишет, что герцог Анжуйский очень привлекает куртизанок. Не менее любопытно утверждение дона Франчеса, — но стоит ли ему верить? будто адмирал передал герцогу, что «он ему желает многих корон и имеет возможность дать одну из них». Речь идет о короне в Нидерландах. Не исключено, что глава партии протестантов хотел приручить Генриха. В конце концов, это одно из первых упоминаний проекта, который будет осуществляться много позже с последним сыном Екатерины, Франсуа Алансонским. Мечты о короне не мешали думать о свадьбе. В марте 1570 года встал вопрос о женитьбе Генриха на дочери герцога Огюста де Сакса. Не один Генрих собирался жениться. Все только и говорили о свадьбе герцога принца Беарнского с дочерью герцога Лотарингского и Маргариты Валуа с Генрихом де Гизом. (После того как отказался на ней жениться Филипп II и провалился проект свадьбы с доном Себастьяном, королем Португалии, натолкнувшись на твердое противодействие

Католического Короля.)

Внимательно следя за всеми этими планами, Генрих наблюдал и за судьбой своей сестры Маргариты. В апреле 1569 года, в Плесси-ле-Тур брат и сестра заключили союз, о чем Марго честно рассказывает в своих «Мемуарах». Во время ее болезни в Анжере, Генрих сидел подле нее днями и ночами. Но чувства Маргариты были совершенно иными. Так что она лишь «вздыхала от его лицемерия, как Бурхус с Нероном». Генрих, говорит она, «ежедневно приходил в мою комнату и, чтобы получше сплести заговор, приводил туда господина де Гиза, которого очень любил. А что бы он в это поверил, целуя его, Генрих часто ему говорил: «О, если бы на то была бы воля Господа, и ты был бы моим братом!», на что герцог де Гиз делал вид, что ничего не слышал». Действительно, герцог Анжуйским очень высоко ценил Генриха де Гиза. Но молодые люди не могли предвидеть то, чему предстояло произойти в мае и декабре 1588 года. Дон Франчес подтверждает слова Марго, так как пишет 4 марта 1570 года: «Герцог Анжуйский очень привязан к Гизу; он не делает и шага без него, и они часто ночуют вместе». Однако следовало ли связывать жизнь молодой принцессы с герцогом де Гизом? Благодаря такому браку сильно возросли бы престиж и влияние Лотарингского дома. Королеве-матери это совсем не нравилось. Упрекая при случае дочь за ее холодность к королю Португалии, Екатерина заявила ей, «что она хорошо знает, что кардинал Лотарингский склонил ее в пользу своего племянника».

Влюбленная в молодого принца, раздосадованная Маргарита в своих «Мемуарах» нападает на Луи Беранже, правителя Гаста и капитана гвардейцев Монсеньора, одного из его самых близких друзей. Она считала его источником многих неприятностей. На самом деле, национальные и государственные интересы не совпадали с личными пожеланиями Маргариты. Взволнованные король Карл и его мать хотели получить доказательство, которым они могли бы смутить неосторожную влюбленную. Таким доказательством послужил перехваченный госпожой де Ля Мирандоль, фрейлиной королевы, постскриптум письма Маргариты к Гизу. Утром 26 июня 1570 года Карл и его мать вошли к Маргарите. Около 15 минут королева и ее сыновья разговаривали с ней, затем Екатерина и король избили ее и разорвали ее одежды, после чего оставили на полчаса с тем, чтобы она привела себя в порядок. Разгневанный Карл IX хотел убить Генриха де Гиза. Последний вышел из положения, объявив о своей скорой свадьбе с Екатериной Клевской. Кардинал Лотарингский покинул двор. Влияние глав католической партии улетучилось в одно мгновенье.

В общем, королева-мать, король и Монсеньор имели одно мнение по столь важному вопросу, что ставит под сомнение легенду об их разногласиях, лживо преувеличенных, либо просто выдуманных. Это подтверждает письмо Генриха герцогу Алансонскому, написанное в Анжере 10 февраля 1570 года. До него дошли некоторые слухи о его отношениях с королем: «Мой брат, я слышал, что рядом с вами есть недобрые люди, которые осмеливаются говорить, будто с установлением мира у нас с королем появятся большие разногласия, и я буду вести себя с ним не так, как подобает». Далее Генрих возмущается лживыми измышлениями по поводу якобы существующего противопоставления его и Карла IX, потому что «это злобная ложь, так как благодаря Господу, он мне хороший король и брат и оказывает мне всевозможные знаки расположения и дружбы, а два дня назад определил мне ренту в 80 000 ливров за оказанные мной услуги».

В этом письме Генрих честно высказал свои мысли. К тому же, ему трудно было быть недовольным своим положением в правительстве, поскольку он был главным колесом в механизме. Если Карл IX мог сказать, что он в состоянии заниматься государственными делами потому, что у него уже растет борода, то герцог Анжуйский был гем, кто, как констатирует дон Франчес 21 июля 1570 года, повышал голос ровно настолько, насколько необходимо: кто проявлял себя, как полностью сложившийся человек. Существующие в большей или меньшей степени гармония и согласие между королем и Генрихом, истинным связующим звеном которых была Екатерина, но которые были бы невозможны без счастливого расположения Генриха, в середине 1570 года послужили делу мира. Карл IX убедился в его необходимости во время своего пребывания в Анжере. Затем двор последовал за королем в Шатобриан (Бретань), Гайон и Ане (Нормандия). Тем временем встретились маршал де Бирон и Генрих де Меем, зять адмирала, и обменялись предложениями сторон.

Наконец, через некоторое время после сражения у Арне-ле-Дюк, когда Колиньи был вынужден отступить к Ля Шарите, 14 июля было заключено перемирие. Переговоры начались 29 июля. В этот день Телиньи (Генрих де Меем) прибыл в Сен-Жермен, где жил король, вернувшись из Нормандии. Представитель гугенотов почти сразу же был принят королевой и ее тремя сыновьями. В конце встречи он громко сказал одному из своих людей, который тут же повторил за ним: «Вы можете благодарить Бога, мир заключен». Однако следовало еще договориться о безопасной для гугенотов территории, новой гарантии, которую потребовали

протестанты, не желая довольствоваться одним словом короля. Телиньи уехал посоветоваться с адмиралом. Вместо Ангулема и Сансера, которые хотели получить реформаты, им предоставили Ля Шарите и Коньяк. Возвращение Телиньи опередило письмо Колиньи, написанное в Неви-сюр-Луар 29 июля и адресованное Екатерине, оно заканчивалось следующим образом: «Когда Ваше Величество пересмотрит все мои действия с того момента, как вы меня узнали и до настоящего времени, вы признаете, что я совсем не такой, каким хотят меня представить. Я умоляю вас, Мадам, поверить, что у вас никогда не было слуги преданнее меня».

Королева пригласила адмирала ко двору, но он извинился и передал, что не может принять ее приглашение. 5 августа трижды заседал королевский совет, последнее заседание которого продлилось до 11 часов вечера. Там присутствовали герцоги Анжуйский и Алансонский, кардиналы де Бурбон, де Пеллеве и де Гиз, маршалы де Монморанси и де Вьейвиль, епископ Лиможа Себастьян де Л'Обеспин, господа де Бираг, де Лансак и де Сен-Сюльние, а также Виллекье и Бельевр. Не было только удаленного от двора и впавшего в немилость кардинала Лотарингского.

Государственный секретарь Веллеру а зачитал подписанные королем статьи. По всему королевству вновь признавалась свобода совести. Публичные богослужения протестантов разрешались везде, где они осуществлялись до войны. Высшая знать получала полную свободу богослужений. Но протестантское вероисповедание запрещалось при дворе, на расстоянии двух лье от каждой королевской резиденции и на расстоянии десяти лье от Парижа, где, естественно, не могло быть места ни для какой протестантской проповеди. Все подданные короля, независимо от вероисповедания, принимались в университеты, школы и больницы. Протестантам выделялись отдельные кладбища. Им были возвращены их имущество, привилегии и должности. Они могли отводить перед парламентами судей. И они получали в свое распоряжение Ля-Рошель, Монтобан, Ля Шарите и Коньяк.

Когда чтение было закончено, слово взял Карл IX. Он признал, что не может положить конец войне с помощью оружия, и заявил о своем намерении предоставить адмиралу и принцам ранее зачитанные статьи. Королева-мать присоединилась к данному решению, а герцоги Анжуйский и Алансонский поклялись соблюдать новый эдикт; за ними принесли клятву и остальные принцы и господа.

Заключенный в Сен-Жермене мир был не особенно горячо встречен ярыми сторонниками католицизма. «Мы их били и побеждали, пишет Монлюк в своих «Комментариях», однако королевский совет настолько им доверяет, что эдикты всегда

издавались в их интересах. Мы побеждаем оружием, они этими дьявольскими писульками». Но те, кого уже называли политиками, гораздо лучше приняли Сен-Жерменский мир и рассматривали его как значительное облегчение: «Мы кончаем так, как должны были начать, говорил Этьен Паскье, — но в подобных делах нас заносит, как во время судебных процессов, когда никто не соглашается до тех пор, пока полностью не исчерпает свои средства».

Надо отметить, что мир Сен-Жермена затрагивал не только интересы королевства. Подписывая договор с гугенотами, король признавал своими добрыми родственниками и друзьями Вильгельма Оранского и Людвига Нассау-Дилленбург, мятежных подданных Филиппа II, которые подняли оружие против Карла IX, выступив в поддержку своих французских братьев по вере. Союз с Испанией и защита католической веры в ближайшем будущем рисковали вызвать неприятности. В политике королевы-матери и ее сыновей открылись новые, но рискованные перспективы. В какой-то мере трагедия 24 августа 1572 года (Варфоломеевская ночь) брала начало в мирном договоре Сен-Жермен и его продолжении.

Поскольку на переговорах сторону короля представлял маршал Бирон, бывший хромым, и Генрих де Меем, сеньор Малассизы, то Сен-Жерменский договор скоро стали рассматривать как хромой и плохо сидящий мир (игра слов: Бирон хромой — хромой мир; Меем, сеньор Малассизы по-французски *Malassise — mal assise*, то есть плохо сидящий). Этот мир был не хуже предшествующих договоров Амбуаз и Лонжюмо, но и не лучше последующих, включая Нантский эдикт. Ситуация оставалась прежней до тех пор, пока Нимским эдиктом Луи XIII и Ришелье не положили конец существованию протестантского государства, которое, начиная с 1560 года, противопоставляло себя монархии, принуждая к бесконечным переговорам.

Глава четвертая
Генрих, герцог Анжуйский, невольный претендент на руку Елизаветы Английской Заговор дня Святого Варфоломея и несчастный, осаждающий Ля-Рошель (1570–1573)

От гражданской войны к войне за границей

Было ли возможно, заключив мир в Сен-Жермене, объединить французов в каком-либо совместном начинании? Такую возможность представляла война против иностранного государства. Но что выбрать, Испанию или Англию? Французы охотно выступили бы против Елизаветы, которая держала в темнице королеву Шотландии и безжалостно преследовала английских католиков. Но Екатерине всегда нравилась ее экс-невестка, к тому же она была сильно задета поведением Католического Короля но отношению к ней. Кроме того, она прислушивалась к предложениям бежавших в Англию двух руководителей партии гугенотов. Кардинал де Шатийон и видам Шартра, Жан де Ферьер, стремились объединить Англию и Францию в войне против Испании. Тогда практически каждый союз государств основывался на браках. Поэтому самым простым решением был бы брак королевы, называвшей себя королевой-девственницей, и герцога Анжуйского. Одновременно с обвинением в измене можно было потребовать от Филиппа II конфискации Фландрии, действуя по праву феодала, Так как графы Фландрии были вассалами французской короны. А Франсуа Алансонского можно было сделать герцогом Милана, компенсировав таким образом неудачи французской политики в Италии. Итак, все дети королевы становились королями, и исполнялось пророчество Нострадамуса. На вершине столь заманчивого плана стоял общий Совет, обсуждающий дела Франции, Империи и Англии. В конце концов дело закончилось бы известными злоупотреблениями, коренящимися в непомерных амбициях и ненасытной жадности римской церкви, и все прочие христианские государства были бы вынуждены принимать и осуществлять все ее решения.

Главным для Екатерины был английский брак. Для его

претворения в жизнь следовало наладить отношения с гугенотами. Но ни Колиньи, ни Жанна д'Альбре не реагировали на ее авансы. Адмирал находился в Ля-Рошель и, как прочие знатные сторонники Реформации, не захотел присутствовать на свадьбе Карла IX в Мезьере 26 ноября 1570 года. После отказа короля Португалии дона Себастьяна жениться на Маргарите Валуа по-прежнему холодная королева Наваррская fie испытывала ни малейшего желания связать браком своего сына Генриха с дочерью королевы.

Практически сведенные на нет отношения королевы-матери и обоих глав протестантской стороны были восстановлены благодаря молодому королю. С 1570 года он переложил тяжесть правления на мать, а руководство армией на своего брата. Присутствие на Совете и занятие государственными делами никогда не были его увлечением. Страстно отдаваясь охоте, он любил преследовать животных и убивать их. Вернувшись в Лувр, он удалялся в свою кузницу и исступленно работал над железом. Этот большой, довольно неловкий ребенок был слабым и робким человеком, привыкшим во всем слушаться своей матери. Конечно, временами у него наблюдались вспышки желания быть независимым, но то были вспышки пылкой натуры, плохо скрываемой под маской холодности, маской, которую он унаследовал от Генриха II.

Теперь ему было 20 лет, и он захотел играть какую-то роль. Непредвиденные обстоятельства предоставили ему такую возможность. Папа Пий V сделал царствующего во Флоренции Косма Медичи великим герцогом Тосканским. Император Максимилиан и Филипп II откровенно отрицательно восприняли такое повышение, поэтому Косм направил к протестантским принцам в Империю господина Фрегоза, чтобы заручиться там их поддержкой. В Германии Фрегозу встретили неприветливо, и в поисках лучшего он отправился во Францию, в Ля-Рошель, на встречу с Людвигом Нассау-Дилленбург. Брат Вильгельма Оранского находился там, чтобы организовать нападение морских разбойников на испанские корабли. Совместно с Телиньи, дядей адмирала и его представителем перед Валуа. Нассау и Фрегоз составили план союза Карла IX и великого герцога. Телиньи информировал короля, и он загорелся этим проектом войны с Испанией. Он пригласил к себе посла Флоренции Петруччи и в ходе тайной беседы заявил, что он не имеет никаких намерений относительно Италии, но собирается упрочить свое положение во Фландрии.

Не вполне оценивая значение своих слов, он добавил, что приложит все усилия, чтобы добиться одобрения своей матери.

На самом деле, он ни слова не сказал ей. Карл хорошо понимал, что, следуя по избранному им пути, он неизбежно придет к открытому разрыву с Филиппом II. Но, возможно, он надеялся, что перед лицом неизбежного Екатерина будет вынуждена дать свое согласие.

Любопытно, что королева-мать, ничего не зная о вышеупомянутом плане союза короля, Тоскании и гугенотов, тем не менее содействовала ему, потому что ею владела одна забота довести до удачного завершения браки с Генрихом Наваррским и Елизаветой Английской. Но ее сын Генрих был не таким покладистым, как его брат, и все более противился такой женитьбе.

Проект брака с Елизаветой Английской

Напомним, что после заключения мира в Сен-Жермен герцог Анжуйский решил сделать все возможное для его сохранения. 31 августа он писал маршалу де Матиньону, чтобы тот отчитался о всех нарушениях протестантской и католической стороны, в то время, как у него на руках находились финансовые отчеты об оплате швейцарцев и наемников. Однако дела не отвлекали герцога от более приятных занятий. Дон Франчес, более злым языком, чем когда-либо, поскольку был сильно уязвлен миром в Сен-Жермен, писал 12 августа 1570 года: «Я склоняюсь к мысли, что он непроходимо глуп; то, что ему вдалбливают в голову, ему не нравится, а на Совете он ничего не понимает». Затем, меняя тему, дон Франчес продолжает: «Дамы все время балуют его, говоря, что он красив. До меня дошел слух, что он привязан к некой Руэ (Луиза де Ля Бородьер), настолько его покорившей… что герцог… кажется очень размягченным». Чуть позже, 6 ноября, дон Франчес говорит о герцоге Анжуйском, «что он сама красота», затем, после их последней встречи он констатирует, что герцог носит «в ушах две серьги с такими большими изумрудами, что больше них не найти ни у одной африканской мавританки. Его брат несколько дней назад тоже носил серьгу, но только одну и с одним камнем. Однажды Карл приказал проколоть уши 50 или 60 дворянам, среди которых был 70-летний старик. Но на четвертый день король приказал им снять серьги».

Ношение сережек, чем впоследствии враги будут упрекать Генриха, было довольно распространенной модой, без какого-то особого значения. Что касается «некой Руэ», то ее имя стоит первым в достаточно длинном списке его любовниц. Однако Генрих не имел большого желания жениться. К тому же, прежде

чем думать об устройстве собственной жизни, следовало подождать свадьбы Карла IX. Большой любитель дипломатических миссий, Генрих хотел отправиться в Вену за невестой брата, Анной Австрийской. Но это поручили Альберу де Гонди, герцогу де Рец, который хорошо знал Империю. Герцогу же поручили поехать за эрцгерцогиней в Седан. А пока, в октябре 1570 года, он присутствовал на помолвке Генриха де Гиза с Екатериной Клевской, не особенно привлекательной дочери гугенота, но обладавшей таким состоянием, что оно стирало все ее недостатки.

Затем Генрих направился в Арденны, но не один, как было решено вначале, а вместе с Карлом IX. В сопровождении Франсуа Алансонского он выехал навстречу королевской невесте, немного не доезжая до Седана, города католиков, которым правил герцог де Бурдийон. Королевский и императорский кортежи встретились между Баланом, предместьем Седана, и маленьким городком Базей. В воскресенье 21 ноября в Мезьереке представители императора передали невесту французам. В тот же день прошло торжественное венчание. Все присутствующие были поражены искренней набожностью Елизаветы. Генрих, Так же, как его сестра и братья, был в серебристом костюме, украшенном жемчугом и подбитом мехом рыси. После обеда Карл танцевал с Елизаветой, которой исполнилось всего 16 лет. Короля сменил герцог Анжуйский, пригласивший на ганец свою сестру, герцогиню Клавдию Лотарингскую. Королева-мать очень гордилась ею, так как Клавдия была идеальным воплощением всех семейных добродетелей. Генрих прекрасно справился со своей ролью распорядителя, чем опять привлек к себе всеобщее внимание. 30 ноября 1570 года дон Франчес писал герцогу Альба: «Графиня д'Аранберг (фрейлина венского двора), сопровождавшая Елизавету Австрийскую, сказала мне много хороших слов про герцога Анжуйского, начиная с его красоты и обаятельности и заканчивая его большим авторитетом». Возвращаясь из Мезьера, двор на некоторое время остановился в Вилле-Когре, чтобы немного поразвлечься. Так Карл IX и Монсеньор защищали замок от нападения Франсуа Алансонского и герцога Лотарингского. Однако королева-мать задержалась там не для того, чтобы веселиться и дать своим сыновьям возможность поиграть в снежки (что Генриху не очень нравилось). Карл IX женился, и Екатерине не терпелось пристроить своих сыновей Генриха и Франсуа и дочь Маргариту. Вновь встал вопрос о браках Монсеньора с Елизаветой Английской, Франсуа Алансонского с дочерью Огюста де Сакса и Маргариты с принцем Беарнским.

Договор Сен-Жермена делал эти планы вполне

осуществимыми. Поскольку французские католики и гугеноты наконец примирились, то было бы логично объединить Францию, Англию и Империю. И Екатерина не упустила случая и воспользовалась приездом специального посланника Елизаветы, лорда Баккерста, прибывшего от имени своей королевы с поздравлениями и свадебными подарками для Карла IX. Воплощение Англии эпохи Ренессанса, большой любитель Италии, лорд Баккерст проникся большой симпатией к элегантному и утонченному принцу, каким был герцог Анжуйский. Екатерина поделилась с лордом своими планами женитьбы Генриха на дочери Генриха VIII. Но связать союзом победителя битв при Жарнаке и Монконтуре с покровительницей гугенотов королевства, набожного генерал-лейтенанта, удостоенного папой Пием V шпаги чести, с женщиной, отлученной от церкви тем же Пием V, все это казалось совершенно невозможным надменному послу Филиппа II.

Осторожная Екатерина отказалась опубликовать во Франции решение папы отлучить от церкви Елизавету Английскую. Хотя французы считали Генриха главой католической стороны, это не мешало Екатерине предоставить помощь королеве Англии, предложив ей в мужья своего сына. И это в то время, когда папа доверил Филиппу II формирование правительства Ирландии. 1 февраля 1571 года венецианец Контарини констатировал наличие проекта английского брака. Любопытно читать, как дон Франчес в письме к герцогу Альба от 28 февраля 1571 года описывает чувства королевы и то, как она сметала все встающие на ее пути препятствия. Несмотря на возраст — Елизавете было 37 лет — у английской королевы оставалось еще 6–7 лет для материнства, замечала Екатерина, особенно «если она будет с таким эталоном, как герцог Анжуйский». Тривиальное выражение, но в XVI веке позволялись многие вольности. А разве не может быть, говорили некоторые, что королева вовсе не девственница? На что Екатерина отвечала, что этот момент не должен препятствовать браку «хотя герцог Анжуйский говорил с ней об этом, (но) чтобы достичь величия и могущества, этим придется пренебречь. После свадьбы все устроится наилучшим образом, и беспорядки прекратятся». Более деликатным был религиозный вопрос. Здесь предстояло пойти на некоторые уступки, но если она не увидит своего сына королем, «она умрет неудовлетворенной». Узнав об этом, «добряк Лансак» (как его называет Брантом) якобы воскликнул «всеми правдами и неправдами королева хочет короновать своего сына». Во всяком случае, когда Екатерина заговорила с Генрихом о столь заманчивой перспективе, он не произнес ни слова. Так что королева сказала: «Мне кажется, такое

тебя не особенно привлекает». Не сдержавшись, сын ответил матери, что по причинам, хорошо известным ей, он мог бы радоваться такому проекту, но этого нельзя сказать про результат: он был бы против женитьбы на «общественной шлюхе». Присутствующая при разговоре Маргарита чрезвычайно обрадовалась позиции и чувствам брата, тогда как раздосадованная Екатерина принялась защищать честь и достоинство английской королевы.

Отвращение Генриха к Елизавете было не единственным препятствием к браку. Другим, не менее значительным осложнением была дружба герцога Анжуйского с герцогом де Гизом, дом которого был официально объявлен врагом королевы Англии, так как королева Шотландии была дочерью Марии Лотарингской. В июне 1570 года, когда Маргарита сгорала от любви к Генриху де Гизу, оба юноши чувствовали сильную неприязнь друг к другу. Но со временем враждебность сменилась живой дружбой, хотя Генрих Анжуйский и был внешне неприветлив с де Гизом, чтобы доставить удовольствие своей матери, лелеявшей надежды на английский брак.

Елизавета довольно многообещающе поблагодарила посла Франции в Лондоне, Ля Мот-Фенелона, когда он заговорил с ней о ее возможном браке с Генрихом Анжуйским. Но она добавила, что не может выходить замуж, не познакомившись с женихом. Она предложила Монсеньору приехать в Англию, где он всегда будет желанным гостем. Однако пока не было возможности обеспечить ему охранное свидетельство и безопасный проезд по стране. Холодность сына и расплывчатые слова дочери Генриха VIII не успокоили нетерпеливую Екатерину. Для нее было бы большим горем упустить английскую корону. Дело, очевидно, только начиналось. 30 апреля 1571 года Алава писал герцогу Альба: «герцог Анжуйский говорит о своей свадьбе в Англии как о деле уже решенном. Перед нами двойная капитуляция, одна тайная, другая публичная. О первой заявляет Ля Мот-Фенелон… Это переговоры королевы-матери. Публичная же затрагивает французскую гвардию, которую хочет привести с собой герцог Анжуйский, его немедленную коронацию и тот факт, что его дом сможет жить в католической вере». 2 мая Алава пишет герцогу Альба, что дело сделано, и теперь предстоит найти для герцога 300 000 экю. Он добавляет, что достигнуто согласие по двум деликатным моментам: королева согласилась на коронацию Генриха и католическое бракосочетание, после которого каждый будет жить по своей вере. Больше того, став королем, Генрих будет представлен в Риме и приме! представителей папы. Через несколько дней, 7 мая, дон Франчес официально объявляем

большую новость двора о решенном браке между католическим героем и королевой-еретичкой. На самом деле, к этому не было почти никаких оснований. 16 мая тот же дон Франчес пересказывает разговор герцога с одной из его подруг, от которой он ничего не скрывал: «Моя мать королева, кажется, очень переживает о том, что мой брак не состоится, по я самый счастливый человек в мире, так как избежал женитьбы на общественной шлюхе».

Гугеноты с большим удовольствием ждали планируемую свадьбу и их совсем не занимали личные чувства Генриха. Пока двор оставался в Гайонне, недалеко от Руана, договор о браке набирал силу. Уже в начале июня 1571 года бумаги лорда Бурлей, первого министра Елизаветы, отражают перечень условий брака. 22 июня Генрих сам берет перо в руки и благодарит государственного секретаря королевы: «Господин Бурлей, я пишу вам, следуя движению души, которая не вынесла бы, если бы я не поблагодарил вас… тем более, что мне известно, что никто не склонял вас к действиям, которые положили начало договору между мной и королевой Англии. Это вызывает у меня любовь и уважение к вам, и уверяю вас, что всегда буду ценить вашу честность и достоинство…».

Однако это было лишь начало, как говорил Генрих. Карл IX и Екатерина решили отправить в Англию капитана гвардейцев Монсеньора, господина де Ларшана. Его должен был сопровождать флорентинец Гвидо Кавалькани, опытный человек в делах переговоров. Горящая от нетерпения Екатерина хотела, чтобы брак был заключен как можно скорее. Но англичане были другого мнения. Они отказались дать будущему супругу английской королевы право исповедовать католицизм. К тому же Елизавета вовсе не хотела выходить замуж. Просто благодаря этим переговорам, которые она к своему удовольствию успешно затягивала, она улучшала свои отношения с Францией. И ей было приятно новым именем увеличить длинный список своих поклонников. Кокетка и притворщица, Елизавета наслаждалась, заставляя мужчин мечтать о себе. Натура чувственная и страстная, но скромная и добродетельная по внешнему виду и из необходимости, она любила, по крайней мере мысленно, чувствовать прикосновения мужчин. Но голова этой женщины всегда была занята политикой. И когда того требовали интересы королевства, она умела справиться со своим темпераментом и тщеславием. Начиная переговоры с французским двором, она прекрасно знала, что невозможно объединить протестантизм и воинствующий католицизм герцога Анжуйского, и что будет очень легко положить конец этому матримониальному миражу.

Исходя из других, не менее важных соображений, герцог Анжуйский тоже знал, что «начало договора» между ним и английской королевой закончится ничем. 27 июля 1571 года по-прежнему настороженный дон Франчес с радостью передает Филиппу II о чувствах герцога: «Он мне говорил множество раз, что ожидаемые условия не могут соответствовать его интересам: но даже если они будут им соответствовать, то он не женится на Елизавете, так как боится прослыть плохим кавалером».

Как Елизавета могла пойти на уступки католикам, когда она поручила архиепископу Кентербери приступить к реформе англиканской церкви, и когда начинался процесс над герцогом Норфолка, самого яркого представителя римской веры в Англии, обвиненного в тайной деятельности и намерении жениться на Марии Стюарт?

14 августа нунций Кайазио, настроенный к Франции откровенно враждебно, писал государственному секретарю кардиналу де Ком, что вопрос об английском браке больше не стоит, к величайшему горю гугенотов, надеявшихся разделить Генриха Анжуйского с Карлом IX и услать его подальше от королевства. Он же с радостью сообщил в Рим о решении Генриха, который, по его словам, заявил матери и королю: «Я не хочу прогневать Господа и запятнать свою честь женитьбой на развратной женщине, враждебной католической вере, в которой я родился и в которой хочу жить и умереть, как все мои предшественники».

Выслушав отчет де Ларшана о его поездке в Англию, Генрих, уже научившийся ловко скрывать свои истинные чувства, 31 июля собственноручно пишет Елизавете: «Мадам, не знаю, как отблагодарить вас за те добрые слова, которые вы изволили сказать обо мне, о чем мне передал господин де Ларшан». В ответ на любезность Елизаветы Генрих уверял ее, что не успокоится, «пока вы не узнаете о моем огромном желании всегда преданно служить вам, и если трудности, о которых говорил господин де Ларшан, не дают вам согласиться на то, чего я бесконечно желаю, и если этого (все же) не случится, то в моей жизни не будет и дня, чтобы я не оставался предан вам, и, когда вам это доставит удовольствие, вы можете располагать мной, когда и как вам будет угодно».

Нужно ли идти по пути П. Шампиньона и этим письмом ставить под сомнение нелестные слова Генриха о Елизавете? В официальных бумагах он не мог выражаться иначе. И Так же, как дочь Генриха VIII, он умел проявлять несуществующие чувства. И разве в политике нет места искусству лгать, изображая при этом саму искренность? К тому же, дон Франчес настолько часто

возвращается к теме отвращения Генриха к Елизавете, что вряд ли вызывает сомнение его нежелание становиться принцем-консортом. 12 сентября 1571 года вышеупомянутый дипломат пишет: «Герцог Анжуйский хочет положить конец этому делу и много раз публично говорил о беспечности английской королевы, ее злом уме и лживости». Алава добавлял, что Генрих отказывался поддерживать проект адмирала и Монморанси, задуманный с тем, чтобы удалить его из королевства и лишить руководства армией. Впрочем, его поддерживали главные члены королевского Совета. Когда Совет рассмотрел дело, то Морвилье и Л'Обеспин — два человека, которым Екатерина безоговорочно доверяла, — высказали мнение, что для королевства было бы лучше, чтобы Генрих остался во Франции. Канцлер де Л'Опиталь разделял эту точку зрения и тоже предлагал заменить Генриха на Франциска, как кандидата в мужья Елизавете Английской.

Более чем когда-либо герцог Анжуйский казался главой католиков. 3 января 1571 года дон Франчес выдает ему настоящую похвальную грамоту: «Герцог Анжуйский проявляет себя истинным католиком. Трижды в день он присутствует на мессе, 4–5 часов работает с государственными секретарями и Морвилье». Что касается Елизаветы, она была очень довольна, оставшись незамужем, и попросила посла Карла IX Ноля де Фуа, который вел предварительные переговоры о браке, передать молодому принцу прекрасные китайские вазы на серебряных подставках, Так как она уважает принятые между королевскими домами формы отношений.

Неудача с английским браком не отвратила Колиньи от избранного им пути в королевской политике. Искренне надеясь предотвратить новую гражданскую войну, теперь он намеревался объединить французов в освободительной войне в Нидерландах, которые он думал навсегда избавить от испанского ига. Дело было очень деликатное, так как затронуть каким-либо образом Нидерланды значило нарушить хрупкое равновесие между крупными европейскими странами. Для начала и успешного доведения дела до конца нужно было иметь на своей стороне главу правительства, то есть короля Франции. Но после смерти Генриха II истинным королем был не Франциск II и не Карл IX. Но страной правила их мать, реальный источник власти и всех ее решений. Как долго так будет продолжаться? Колиньи нужно было приобрести влияние на ум короля и отстранить Екатерину от власти, чтобы осуществлять уже свою политику, бывшую политикой партии гугенотов. А это значило ввязаться в борьбу и померяться силами с женщиной, вся сила которой была в слабости ее сыновей и ее влиянии на них. Понимал ли Колиньи,

что, желая втянуть Карла IX в войну с Испанией, он приближал свою смерть? Только физическое уничтожение адмирала могло позволить королеве-матери укрепиться во всей полноте власти и сохранить мир между Францией и Испанией. Таким образом, мир, заключенный в Сен-Жермен, и его последствия были главной причиной жестокой драмы, печально прославившей праздник Святого Варфоломея, последовавший всего через шесть дней после бракосочетания Генриха Наваррского и Маргариты Валуа. После неудачи с английским браком Екатерина с помощью Колиньи принялась за устройство союза принца-гугенота и ее дочери. Королева-мать не могла предвидеть, что осуществление этого проекта послужит декорацией для событий 24 августа 1572 года.

Свадьба герцога Наваррского и Нидерландский вопрос

Еще не развеялся мираж английского брака, а Екатерина уже направляла всю свою энергию на то, чтобы сделать свою дочь королевой Наваррской. К несчастью, Жанна д'Альбре оставалась глуха к предложениям Екатерины. Только Людвиг Нассау-Дилленбург мог поколебать решимость королевы-гугенотки: Екатерине нужно было завоевать доверие этого врага Филиппа II. Так, несмотря на совершенно различные планы, перед Карлом IX и его матерью встала одна и та же задача — склонить к сотрудничеству брата Вильгельма Оранского.

Обхаживаемый королевой и чувствующий поддержку короля, Людвиг Нассау-Дилленбург рассчитывал поднять вопрос французской интервенции в Нидерланды. Он тайно покинул Ля-Рошель, чтобы «встретиться на переговорах» с Карлом IX и его матерью в замке Лиминьи, недалеко от Блуа, 19 июля 1571 года; вторая встреча состоялась чуть позже в Фонтенбло. Людовик с жаром защищал население Нидерландов, порабощенное Филиппом II и оставленное Императором без защиты. Присутствие армии французского короля, уверял Людовик, окажется достаточным, чтобы большинство городов поднялось против тирании герцога Альба. Поддержка Англии и протестантских принцев Германии не вызывает сомнений, при условии, если король выделит Англии и Империи свои зоны влияния. Карл IX признал, что если будет прочный союз с Англией и Германией, то он охотно прикажет войскам выступать. Однако король заходил с Нассау гораздо дальше, чего не показывал в присутствии королевы-матери.

Узнав о новых настроениях короля и его матери, Колиньи

решил, что неплохо возобновить отношения с двором и уполномочил правителя Тоскании Петруччи довести до сведения королевы, что он сделает все возможное для сохранения мира в королевстве. В связи с этим он пообещал вернуть королю все города, отданные гугенотам, убеждая при этом Екатерину в своем искреннем почтении.

12 сентября Колиньи приехал в Блуа. Увидев друг друга, король и адмирал изменились в лице. Но всегда владеющая собой Екатерина приняла его с обычной благосклонностью, будто ничего не произошло. Стоящий за ее спиной герцог Анжуйский тоже встретил своего старого противника с отменной любезностью. Ловкий придворный, Колиньи сумел возродить былое согласие между ним и членами королевской семьи. Екатерина говорила, что она готова забыть прошлое, если Колиньи покажет себя хорошим подданным и преданным слугой короля. Проигравший битву при Монконтуре снова получил доступ в Совет, ему пожаловали 150 000 ливров и он стал аббатом-распорядителем аббатства Сен-Бенуа-сюр-Луар с 200 000 ливров дохода, хотя как еретик он не мог распоряжаться доходами церкви. Очарованный адмирал не скрывал своего удовлетворения. Однако трудностей от этого не убавилось. Если королева хотела любой ценой добиться заключения наваррского брака, то она хотела также возвращения областей безопасности до истечения срока, предусмотренного договором Сен-Жермен. Напрасно Колиньи ссылался на принцев, официальных руководителей партии католиков, говоря, что ничего не может без их согласия. Екатерина отвечала ему, что она не глупа, так как принцы всегда принимали точку зрения адмирала.

Если с Колиньи было трудно прийти к согласию в вопросах о внутренних делах королевства, то это было и вовсе невозможно, когда речь заходила о внешней политике. Екатерина была глубоко миролюбивым человеком и принимала — не она одна — гегемонию могущественного Австрийского дома. Она испытывала большую неприязнь к Филиппу II, иногда доходящую до ненависти, но, жестоко завидуя ему, она уважала его и любовалась им. Ей доставляло удовольствие нарушать планы этого короля-монаха, но она остерегалась открыто нападать на него. Когда она узнала об интриге великого герцога Тосканского, ей пришлось констатировать, что инициатива ее сына закончилась полным провалом (об этом ей сообщил великий герцог, благодаря за вмешательство). Королева воспользовалась этим предлогом, чтобы преподать урок Карлу IX и убедить его всегда по мере возможности поддерживать мир. Она так преуспела в этом, что молодой монарх пообещал никогда больше

не участвовать в войне или каком-либо проекте, не предупредив ее и не спросив совета.

А через несколько дней французский двор ошеломило известие о победе флота христианской Святой Лиги над оттоманским флотом 7 октября 1571 года у Лепанто. Несмотря на настоятельные предложения Папского Престола и Венеции, французский двор все время отказывался принять участие в Лиге, инициатором которой был папа Пий V. Связанное союзом с Великим Сеньором, королевство не могло расторгнуть его, чтобы выступить против турок, флот которых господствовал в Средиземном море и был главной силой, способной противостоять испанскому могуществу. Уже не стояло вопроса, чтобы бросить вызов Филиппу II, теперь столь же могущественному на море, как и на земле. Но будучи еще более предубежденной против Испании, королева никоим образом не хотела казаться неприветливой с гугенотами. Ей слишком был нужен Людвиг Нассау-Дилленбург, чтобы сделать свою дочь женой короля Наварры. Последний пользовался всеми возможностями, чтобы поговорить с Карлом IX о делах во Фландрии. Колиньи принимали не хуже брата Гийома д' Оранжа, так что посол великого герцога Косма высказал предположение, что двор слишком далеко зашел по пути, превозносимом гугенотами, и что придет день, когда двор будет вынужден сменить компанию.

Положение королевы-матери было крайне нестабильно. С 1560 года она была коромыслом политических весов. Склоняясь под давлением обстоятельств то в одну, то в другую сторону, она в конце концов стала мастером по удержанию равновесия. До сих пор ей удавалось избегать ошибок. Но всегда ли будет так? Может быть, однажды она будет вынуждена сделать то, чего ей бы не очень хотелось, и зайти слишком далеко, чего она предпочла бы избежать? Единственная хозяйка положения, она постаралась бы остаться в разумных границах. Но ее сменяющиеся союзники, сторонники радикальных решений, могли заставить ее потерять контроль над собой и над политикой независимости от различных партий (или, по крайней мере, стремящейся к тому).

Руководителям гугенотов надо было быть сдержанными и осторожными. Но происшествие с крестом Гастина доказывает, что они, наоборот, выступали громко и без колебаний. Правда, в этом случае они опирались на 32 Статью Мирного эдикта. Во время третьей религиозной войны два парижских гугенота, дом которых служил местом культа, были приговорены к смерти Парламентом Парижа и казнены на площади Грев, а их дом разрушен. На его месте (улица Сен-Дени, 29), рядом с церковью

Сент-Оппортюн и недалеко от кладбища Инносан, была воздвигнута мемориальная пирамида, которую венчал каменный крест, названный крестом Гастина: Колиньи потребовал, чтобы ее убрали. Это был удар хлыста по чувствам парижан. Потребовался официальный приказ Карла IX, чтобы после бесконечных увиливаний городских властей памятник перенесли на кладбище Инносан.

Такого рода удовлетворение имело те же корни, что и предложения Екатерины реформатам, сделанные в ходе съезда в Пуасси. Предстояло идти к намеченной цели путем уступок, принимая во внимание законное положение молодого короля Наваррского и упорное сопротивление Жанны д'Альбре. Под сильным давлением адмирала и Людвига Нассау-Дилленбург госпожа де Вандом наконец решилась обсудить с королевой-матерью статьи брачного договора. В Шенонсо Жанна д'Альбре определила с Екатериной условия брака своего сына. Довольные согласием королевы Наваррской, Екатерина и Карл IX постарались получить у папы необходимое разрешение, поскольку будущие супруги приходились друг другу кузеном и кузиной. Итак, весной 1572 года казалось все обещает новую ситуацию. В Нанте и Бордо командующий галерами Леон Стрози и его генерал-лейтенант барон де Ля Гард переоборудовали торговые корабли на военные. Все терялись в предположениях о роли и назначении этого флота. Испанцы были уверены, что он будет направлен против них во Фландрию.

11 апреля 1572 года были окончательно утверждены статьи брачного договора между принцем Беарнским и Маргаритой Валуа. Узнав об этом и о морских приготовлениях французов, герцог Альба встревожился и приказал всем правителям южных приграничных зон Нидерландов усилить бдительность. В тот момент, когда Карл IX казалось уже решился на войну с Испанией, «морской сброд» (до сих пор находившийся в портах Англии и выдворенный оттуда осторожной Елизаветой 1 марта 1572 года по настойчивой просьбе герцога Альба) осадил Мез, небольшой порт Ля Бриеля, 1 апреля. Против испанцев поднялась вся Зеландия, а за ней последовали и остальные провинции.

Людвиг Нассау-Дилленбург был прав, когда говорил королеве-матери и Карлу IX о непрочности положения Филиппа II в Нидерландах. При дворе быстро возросло число сторонников французской интервенции. Первыми среди них были Монморанси, известные противники Гизов. Они стояли на стороне гугенотов и договорились с Колиньи убедить правительство заключить оборонительный союз с Англией. Глава дома, Франсуа де Монморанси привез договор в Лондон на

подпись Елизавете 29 апреля 1572 года. Параллельно военным приготовлениям велась и соответствующая дипломатическая деятельность. Леон Стрози получил приказ прибыть в Бордо, где он высадился с 6000 аркебузиров. Высшая знать тоже принимала участие в экспедиции, которая имела целью создание новой колонии. Но эго было почти недостижимо. 11 мая Карл IX писал своему послу при Великом Сеньоре, Франсуа де Ноайу, что он набрал флот с 12 000 — 15 000 солдат, который сможет выйти в море уже к концу месяца, чтобы «держать Католического Короля в должных рамках и придать мужества этому нидерландскому сброду в их деле». А в заключение Карл сделал важное признание: «Все мои мысли направлены на поиски путей, как противостоять испанскому могуществу, и я обдумываю, как к этому подойти».

Немного позже Людвиг Нассау-Дилленбург инкогнито покидает Париж, увозя с собой письмо короля от 27 апреля. В нем молодой король заявлял о своем намерении всеми возможными средствами прийти на помощь Нидерландам и освободить их. Во главе большого отряда гугенотов брат Вильгельма Оранского подошел к укреплениям Монса и Валансьенны. Оба города открыли ему ворота и дали пройти без всякого сопротивления (23 и 24 мая 1572 года).

Последуют ли южные провинции Нидерландов примеру Зеландии и Голландии? Предстоит ли исчезнуть испанскому владычеству над 17 провинциями, чудесным завещанием герцогов Бургонских? Это был вопрос первостепенной важности для европейского равновесия сил и для будущего обеих враждебных конфессий. И решать его предстояло не только герцогу Альба и Филиппу II, но главным образом Екатерине Медичи. Будет ли она продолжать ту политику, которой следовала после заключения мира в Сен-Жермен, в которой ей предоставил свою помощь преданный «своей доброй матери» сын, герцог Анжуйский? Или же, наоборот, она сделает крутой поворот и обрушится на тех, кого в большей или меньшей степени сделала своими союзниками, чтобы довести до счастливого конца вопрос о наваррском браке?

Герцог Анжуйский (*1570–1572*)

Генрих склонялся к соблюдению договора Сен-Жермен, но от этого не переставал быть главой католической стороны. Так же думал и герцог Альба, о чем писал дон Франчес 8 июля 1571 года: «Надо, чтобы король потерял свою корону или герцог Анжуйский

свою голову». Воистину испанское преувеличение! Что действительно волновало правителя Нидерландов, так эго желание Карла IX примирить французов. Для проведения в жизнь Мирного эдикта король создал специальную смешанную комиссию. Католиков в ней представляли маршалы де Монморанси и де Коссе, гвардеец из Со (Морвилье), а со стороны реформатов там были президент де Бираг, Колиньи, Ля Ну и Телиньи. Вернувшись ко двору, адмирал очень близко сошелся с королем. Дон Франчес: писал герцогу Альба 8 октября 1571 года об этом скандальном сближении и выражал опасение, что Колиньи «завоевывает мягкостью и герцога Анжуйского». Последний оставался генерал-лейтенантом и продолжал заниматься делами, не упуская из внимания и личную выгоду. В доказательство тому можно привести довольно любопытное письмо конца августа 1571 года, адресованное Ноайю, послу Франции в Константинополе. Генрих предлагал дипломату «заниматься всеми тремя делами сразу». В первом случае речь шла об английской короне, во втором и третьем о половине острова Кипр и адриатических владениях Венеции, где Генрих был бы не прочь править.

Эти химерические планы не мешали ему следить за делами. Так он торопит парижские городские власти исполнить приказ Карла IX относительно креста Гастина (письмами от 15 и 20 декабря 1571 года муниципалитету Парижа) и упрекает их в медлительности. 20 декабря он пишет Ля Валетту (отцу своего будущего фаворита, д'Эпернона), чтобы тот больше не препятствовал эвакуации города Лектура: в тот момент надо было доставить удовольствие Жанне д'Альбре. 17 января 1572 года Генрих поздравил Гаспара де Шомберга с блестяще исполненной миссией, порученной ему Карлом IX и касающейся протестантских принцев Германии. Он с удовольствием намекает на «другое дело», с которым он предлагает Шомбергу подождать, «пока то, что вы предложили, не осуществится». Это «другое дело» касалось кандидатуры герцога Анжуйского на польскую корону.

Действительно, ожидалась близкая смерть старого короля Сигизмунда-Августа. Но темой дня были внутренние проблемы королевства. 24 января 1572 года он рассказывал Карлу IX о позиции, занятой монтобанцами. Они соглашались вновь подчиняться королю: «… но с некоторыми условиями, которые, если вам будет угодно, вы можете узнать в их ответах… господину адмиралу, и которые мне кажутся совершенно невероятными. Даже если бы у них была армия, они не могли бы попросить больше». Здесь Генрих вновь констатирует отсутствие гибкости у гугенотов, о чем он уже писал в своем письме к

Таванну от 14 декабря 1570 года. Тем не менее он полагает, что их предпочтительнее видеть «на пути согласия, чем с оружием в руках… Принимая во внимание то, что все предоставленные им льготы будут сделаны с вашего разрешения, сохранив им лишь их жизни и имущество, без какого-либо разрешения исповедовать их веру и устанавливать связи между их церквами, как то гласит одна из статей их требований, обо всем этом не может быть и речи, пусть они забудут от этом».

Довольно жесткая позиция, расходящаяся с одним из положений договора Сен-Жермен, так как в почти полностью протестантском городе Монтобане богослужения реформатов проходили еще до начала религиозных войн. Также ясно мнение Генриха о необходимости запретить любые отношения между церквами, Так как они представляют собой невыгодную для короля организацию. Однако было недостаточно иметь ясное представление о нужной политике, потому что королевская власть была не в силах ее реализовать. Впервые мы видим глубокую мысль будущего короля о реальном положении вещей, о разнице ясно показанной здесь теоретической позиции и принятых в практике правления компромиссов и уступок. Разница была велика и должна была такой и оставаться.

Личные чувства герцога Анжуйского не мешали ему оставаться преданным исполнителем королевской политики. 14 апреля 1572 года, прибыв в качестве посла ко двору Филиппа II, Генрих просил его поверить в желание его брата короля жить в добром согласии с Испанией. 26 апреля он передал Филиппу Стрози депешу Карла IX, в которой говорилось, что его войска скоро будут оплачены, и диктует ему слова, которыми Стрози должен был призвать их к сражению. Еще более примечательно его письмо от 17 июля из Сен-Гуара, в нем он просит Стрози немедленно «передавать все новости» из Испании, особенно важно было знать об отплытии испанского флота. Стоящий в дельте реки Жиронды, французский флот под командованием Стрози получил от Карла IX приказ сниматься с якоря и идти на помощь нидерландским повстанцам. Этот приказ был отдан после встречи короля с пикардийским гугенотом Жаном де Анжестом, тайно прибывшим в Париж в конце июня. Однако католики, признанным главой которых продолжал оставаться герцог Анжуйский, противодействовали новой королевской политике. Возможно, записка Луи де Гонзага, герцога де Невера, стала решающей для Генриха Анжуйского. Автор говорил об опасности долгой и рискованной войны. Прочитав ее в начале июля, Генрих ответил герцогу де Неверу: «Ваша записка очень полезна и отражает положение дел на настоящий момент. Я очень рад, что

вы передали ее королю. Здесь много говорят о войне, но я по мере возможности стараюсь пресекать подобные разговоры и уверяю, что король вовсе ее не хочет».

Гак герцог Анжуйский продолжал заслуживать похвалы Филиппа II, которыми тот поделился с преемником дона Франческа в Париже, доном Диего де Зунига. «Герцог Анжуйский второй браг французского короля, по этой причине, а также из некоторых других соображений (он ведет дела, командует армией и является фаворитом своей матери, при этом, кажется, стоит на моей стороне), я на него очень рассчитываю и доверяю, и думаю, он заслуживает тот о». Католический Король полагал, что может быть уверен в герцоге Анжуйском. Он знал также, что Екатерина пи под каким видом не хотела воевать с ним. Но мог ли он быть уверен в трех головах, которые решали дела четвертой, самой главной? Кого выберет Карл IX. свою мать или адмирала, которого он уже привык называть отцом? Сохранение мира или война: такова была альтернатива, перед которой оказались в июле и августе 1572 года король и его Совет.

Сохранение мира или война в Нидерландах?

После отъезда Людвига Нассау-Дилленбург Колиньи всячески старался собрать солдат и получить официальное согласие на войну у Карла IX. Это было трудно и практически невозможно сделать с темпераментным молодым человеком с переменчивым настроением, решения которого были непостоянны и несерьезны, и который вполне мог отступить под давлением непредвиденных обстоятельств. А что было ждать от королевы-матери, ревниво переживающей влияние, оказываемое адмиралом на ее сына, и приходящей в ужас от одной мысли о войне? Куда склонится двор, практически разделенный на две враждебные партии? Как поведет себя народ, особенно парижане, столь укоренившиеся в своей ненависти против гугенотов, что вполне могли радоваться успехам армии Филиппа II? «Речь шла о том, пишет Ж. Мариежоль, чтобы начать войну с Испанией войсками протестантов и за этим еретическим авангардом вовлечь в борьбу католическую нацию. Этой благородной иллюзии Колиньи отдал свою волю, сердце и свою жизнь».

То была действительно «благородная иллюзия», но адмирал отдал ей всего себя. Брантом рассказывает о своем разговоре с Колиньи в приемной королевы в Сен-Клу: «Хвала Господу, все идет хорошо! воскликнул Колиньи. Скоро мы прогоним Испанца из Нидерландов и сделаем там хозяином нашего короля. Если же

нет, то мы все погибнем, я стану первым, и не жалейте моей жизни, если я потеряю ее ради такой цели».

По словам Таванна (он единственный рассказывает об этом факте в своих «Мемуарах»), королева-мать решила сохранить мир и имела по этому поводу патетическую беседу со своим сыном. В то время (между 21 и 28 мая) Карл IX охотился в окрестностях Монпипо, леса которого находились к северу от Клери, на правом берегу Луары. Прекрасная трагедийная актриса, Екатерина напомнила сыну все, чем он ей обязан: «Вы прячетесь от меня, вашей матери, чтобы посовещаться со своими врагами!» Она обвинила его в союзе со своими бывшими противниками. Сказала, что война с Филиппом II послужит на руку гугенотам. Сообщила о своем намерении уехать во Флоренцию и просила Карла IX отослать куда-нибудь своего брата, «который может назвать себя несчастным, поскольку не пожалеет своей жизни, чтобы сохранить вашу».

От дона Диего де Зунига Екатерина была вынуждена выслушать высокомерные наставления и признать, что Людвиг Нассау-Дилленбург получил при дворе одобрение своим действиям. Но она сразу же заверила, что король приказал правителю Пикардии герцогу де Лонгевилю запретить всем солдатам переходить границу под страхом смертной казни. 31 мая 1572 года наступила очередь Карла IX принимать надменного кастильца в городе Тури. Обходительный король пообещал жестоко наказать мятежников, очень сожалел о действиях Людвига Нассау-Дилленбург и в заключение уверил дипломата, что он испытывает горячее желание всегда оставаться в мире с Филиппом II.

Но вскоре новости из Фландрии поставили в тупик Карла IX. Валансьенна была захвачена французами, чтобы почти сразу перейти к испанцам, которые к тому же заперли в Мопсе Людвига Нассау-Дилленбург. Колиньи хотел поспешить к нему на помощь, но Карл IX запретил ему покидать двор. Кроме того, 9 июня 1572 года умерла Жанна д'Альбре и своей смертью лишила реформатов основной поддержки. Отныне Колиньи был в одиночестве перед Екатериной, при том, что Карл IX начинал все более охладевать в отношении Фландрии: 16 июня он писал своему послу в Венеции, что Людовик впутался в плохое дело и призывал «справедливый суд Господа на тех, кто пошел против законной власти своего принца», демонстрируя удивительный образчик цинизма. Но адмирал не оставлял своих планов. 19 июня он представил королю записку, в которой излагал причины необходимой интервенции французов в Нидерланды с целью изгнать оттуда испанцев. Почитав, король одобрил ее, но

присутствующая при этом королева-мать промолчала. Колиньи хотел получить окончательный ответ. В конце концов он добился того, чтобы вопрос был вынесен на рассмотрение Совета.

При дворе можно было наблюдать публичные стычки сторонников и противников войны. Колиньи нападал на Таванна: «Тот, кто мешает войне с Испанией, тот не настоящий француз, и у него в животе красный крест» (то есть испанский крест). Старая лиса, Таванн притворился глухим и сделал вид, что ничего не слышал, избегая тем самым возможной неприятной ситуации.

Совет рассматривал вопрос с 19 по 27 июня и вынес первое отрицательное решение. Два заседания Совета проходили 25 и 27 июня. Первое ни к чему не привело. Об этом писал дон Диего герцогу Альба 27 июня: «Плохо уже то, что они так сомневаются. Это доказывает, что если у них будет возможность, они это сделают. Здесь нет места доверию, разве что со шпагой в руке». Настоящий спор между Колиньи и католиками произошел на заседании 26 июня. Адмирал открыто высказался за вооруженное вторжение, как за единственное средство объединения французов в одном деле. Это было очень просто сделать, поскольку города Нидерландов уже были готовы сбросить испанское ярмо. Герцог Анжуйский, получив выговор от своего наставника Таванна, заговорил о всеобщей нищете в стране, нехватке людей и ресурсов для армии, упадке приграничных укреплений: «Такое положение приводит меня к выводу, что разочарованные и обнищавшие люди не имеют возможности сделать то, что обещают, а ведь Так легко сделать друга смертельным врагом».

Таванн, в свою очередь, тоже высказал мнение католической стороны. Нет ничего опаснее, чем вмешаться в войну в Нидерландах. И в случае победы положение окажется не менее чреватым последствиями. «Сражаться до победы или сменить тех, кто руководит ими с самыми добрыми намерениями (…), король и его королевство всегда будут на поводке и будем лучше не иметь ни Фландрии, ни других походов, но оставаться хозяином». Итак, для католической стороны сохранить мир значило обречь на провал возможное усиление партии гугенотов. И хотя католики охотно объединили свои силы с реформатами, чтобы отбить Гавр у английской королевы-еретички в 1562–1563 годах, то в 1572 году они вовсе не хотели остаться без помощи католика Филиппа II. К тому же было очень легко объяснить отступление Карла IX и решительное противодействие его матери любым внешним шагам. Англия, эго было ясно, отказалась присоединиться к Франции. Тайный агент Елизаветы, Мидлмор сообщил Колиньи 10 июня, что его королева никогда не согласится на французское влияние во Фландрии. Несмотря на

подписанный с Карлом IX договор о сотрудничестве, она поторопилась возобновить уже несколько лет приостановленную торговлю с Нидерландами. Ее брак с Генрихом Анжуйским не состоялся из-за религиозных разногласий. Тем не менее Екатерину по-прежнему обуревало желание возложить короны на головы своих детей, и она предложила Елизавете в мужья Франсуа Алансонского. Подумав около месяца, английская королева передала через государственного секретаря господина Бурлея, что она согласна, если получит в качестве свадебного подарка Кале. Предложение было отвергнуто. Что касается протестантских принцев Германии, к которым был отправлен Гаспар де Шомберг, то они проявили себя более чем сдержанно. Ноай сообщал из Константинополя, что и от Великого Сеньора тоже не стоит ожидать никакой помощи. Было ясно, что в случае открытого конфликта с Филиппом II Франция может рассчитывать только сама на себя.

Сменивший Пия V, Григорий VIII тоже высказывался за сохранение мира. Новый нунций, флорентинец Сальвиати, был в прекрасных отношениях с королевой-матерью. Защищать мир ему помогал специальный посол из Венеции. Более того, Косма де Медичи послал герцогу Альба 200 000 дукатов. Филипп II, знавший на чем остановить свой выбор в политике своего «доброго брата» Карла IX, ограничился сожалением по поводу действий гугенотов, могущих повредить взаимопониманию между двумя коронами. 1 июля 1572 года он писал из Мадрида дону Диего, как себя вести с Карлом IX: «Пока они не сбросят маску, мы не должны сбрасывать своей: наоборот, следует дать им понять, что мы верим их словам и действовать так до тех пор, пока они не дадут оснований поступить по-другому. Вам было бы неплохо придерживаться такой линии поведения».

Тем не менее Колиньи продолжал действовать и на столь зыбкой почве. 12 июля Брикмо и Женлис выступили из Монса во главе 4000 человек. В Сен-Жислене их осадил сын герцога Альба дон Фадрик и полностью разгромил. Лишь около тысячи человек избежало гибели и добралось в Моне. Для сторонников Дела Евангелия это был жестокий удар. Колиньи не мог скрыть своего гнева и разочарования. Королева-мать сделала из случившегося вывод, что мир нужен теперь как никогда. Не исключено, что именно тогда у нее зародилась мысль тем или иным способом убрать адмирала. По меньшей мере любопытно, что в конце июля она решила, что будет полезным встретиться с госпожой де Немур, матерью Генриха де Гиза, непримиримого врага адмирала.

Ежедневной заботой Екатерины были переменчивые

настроения ее сына. Последние новости из Фландрии в высшей степени взволновали Карла IX. Герцог Альба перехватил его письмо к Людвигу Нассау-Дилленбург от 27 августа и под пыткой заставил Женлиса признать, что король предоставляет помощь мятежникам Нидерландов. Получив такие доказательства, он передал Мондусе, представителю Франции в Брюсселе, обвинение короля в двуличности. Разгневанный таким унижением, Карл IX вновь стал прислушиваться к Колиньи, уверяя его, что он готов вести войну, чтобы выполнить свои обязательства по отношению к Вильгельму Оранскому. Его мать вновь привела его в себя, и во время аудиенции, данной им чрезвычайному послу Венеции, он был настроен весьма миролюбиво.

Надо было положить делу конец и освободить Карла IX от влияния адмирала и его неосторожных обещаний. Первый Совет был созван 9 августа и перенесен на следующий день. Опираясь на приготовленную по его просьбе записку Дюплесси-Морне, Колиньи настаивал на необходимости открытой интервенции в Нидерланды и на легкости данного предприятия. Морвилье же показал все сопутствующие ему опасности и затруднения и напомнил, что ни принцы Империи, ни английская королева не придут Франции на помощь в войне против Испании. Как и в июне, совет отказался поддержать Колиньи. Ио словам венецианца Мишеля, адмирал с настоящим отвращением согласился еще раз обсудить вопрос о войне. После заседания совета он сказал королю: «Я более не могу противостоять вашей воле, но я уверен, что вы об этом пожалеете». Затем он обернулся к Екатерине: «Мадам, король отказывается вести войну, и надо молить Господа, как бы не случилось другой, которой он не сможет избежать!»

Нимало не смущенный своей второй неудачей на Совете, Колиньи все же собирался прийти на помощь Вильгельму Оранскому. Он дал слово, и это было делом чести. Используя свое влияние на Карла IX, он продолжал приготовления и почти официально набирал добровольцев. Тем самым он пренебрегал решением Совета и приказом короля, который запретил переходить границу. Между сторонниками мира и войны образовалась пропасть. Кто же окажется сильнее, Колиньи или королева?

Екатерина и Генрих Анжуйский, виновники Варфоломеевской ночи

Как хорошо сказал Ж. Мариежоль, «Екатерина приняла

решение. Один человек хотел обойти власть, нарушал мир и безопасность королевства; надо было сделать так, чтобы он исчез». Логика и порядок требовали, чтобы идущий против решений Совета и приказов короля Колиньи был лишен милости, если вообще не арестован и осужден. Но Карл IX никогда не пошел бы на такое, к тому же прибегнуть к одному из этих двух решений значило вновь открыть едва затянувшиеся раны королевства и вызвать новое восстание гугенотов.

Итак, Колиньи должен был исчезнуть, но без королевского участия, а значит, вне какого-либо законного порядка. Благодаря своей политике, адмирал вновь стал в глазах королевы мятежником и государственным преступником. В таком сложном и взрывоопасном положении исключались любые угрызения совести. Предстояло осуществить королевское право прямого правосудия, так как по монархическому праву — в котором не существовало разделения власти — король был единственным законодателем и верховным судьей. Действуя без ведома своего сына, королева никоим образом не узурпировала власть, поскольку предпринимала тайные, а не официальные шаги. В противном случае ей бы пришлось передать власть, права на которую она лишилась с окончанием срока регентства, но которой на самом деле обладала.

Следует ли приписывать тайный план королевы ее итальянскому происхождению? Не имеющий ничего общего с Италией, герцог Альба 9 сентября 1567 года неожиданно арестовал графов д'Эгмонта и де Горна, одновременно образовав специальный Совет, который Генрих Пирен справедливо сравнил с революционным Трибуналом, который, как и последний, должен был действовать без какой-либо правовой гарантии. Но если герцог Альба мог действовать таким образом, опираясь на имеющуюся в его распоряжении армию, то Екатерина, за неимением средств, могла идти к цели только косвенными путями.

Вначале она воспользовалась жаждой мести де Гизов. Не забывшие нанесенного оскорбления, лотарингцы ждали любой возможности отомстить адмиралу. В этом отношении они были такими же итальянцами, как и королева-мать.

Мысль сделать Гизов орудием смерти Колиньи показывала глубокий и изощренный расчет. Устранение адмирала сохраняло мир и давало королеве возможность остаться у власти, а кроме того выставляло Шатийонский дом против Лотарингского и ввязывало их в бесконечную уничтожительную борьбу, из которой благополучно выходил король. Отбросив сомнения, Екатерина холодно принялась расставлять ловушку.

Дело было очень сложное. По случаю бракосочетания короля Наваррского вся высшая протестантская знать собралась в Париже. К тому же у Колиньи было от 7 000 до 8 000 вооруженных человек, которых он собирался вести в Нидерланды. Из письма дона Диего от 20 августа 1572 года нам известно, что Екатерина посвятила в свой план венецианца Жана Мишеля. Кто-нибудь из дома Гизов должен был убить адмирала, а король осудил бы убийство перед гугенотами, английской королевой и принцами-протестантами Империи. С 1563 года Гизы твердили о своем намерении отомстить адмиралу за убийство Франсуа де Гиза, и для них было бы естественно использовать подвернувшуюся возможность. Но депеши всех дипломатов позволяют говорить о неоспоримой виновности королевы в подготовке покушения. 23 июля, на следующий день после прихода известия о разгроме Женлиса, как мы уже видели, она отправилась на встречу с вдовой Франсуа де Гиза, ставшей герцогиней де Немур. Теперь к услугам лотарингцев был королевский убийца по имени Моревер. А старый воспитатель Генриха де Гиза предоставил в распоряжение заговорщиков свой дом по улице Фоссе-Сен-Жермен, который Колиньи всегда снимал, когда приезжал в Лувр.

Не было ничего проще, как застрелить адмирала через окно первого этажа. Второй выход должен был облегчить бегство убийцы. Сюринтендант дома Генриха де Гиза, Франсуа де Вилье, правитель Шайи, отвечал за все приготовления. Было решено подождать окончания празднеств по случаю свадьбы Маргариты Валуа и Генриха Беарнского. По приказу матери Генрих Анжуйский следил за приготовлениями к операции. Если верить «Слову человека чести и достоинства», то именно он договорился с Моревером. Последний не заставил себя упрашивать и охотно приехал на встречу в «один из замков в окрестностях Парижа». Генрих под благовидным предлогом покинул Париж, и вскоре они пришли к согласию, особенно когда было сказано, что «в его собственных интересах он не должен отказываться, так как мы знаем, что если он попадет в руки адмирала, тот не замедлит расплатиться за смерть своего лучшего друга Муи». Затем осталось лишь «обсудить более легкие пути и средства достижения цели». Здесь следует заметить, что «Слово…» возлагает основную вину случившегося на Генриха и снимает ее с Гонди, тогда как есть многочисленные доказательства его виновности, и такой его современник, как Брантом, видит в Гонди «первого и главного автора и советника этого дела».

Осуществление плана назначили на пятницу 22 августа, на позднее утро, по окончании заседания Совета, которое должно

было проходить в Лувре под председательством Генриха и в отсутствие Карла IX, которого должна была задержать месса в часовне в Отель де Бурбон.

Надо ли добавлять что-нибудь еще, не возвращаясь к ответственности королевы-матери? Решив убить Колиньи, она рассчитывала на одобрение Филиппа II и Сената Венеции. Спасение религии и государства оправдывали и узаконивали самые крайние средства. Настроенные против Марии Стюарт шотландские пресвитерианцы с Джоном Кноксом; Филипп II, приказавший уничтожить Эсковадо, доведший до смерти своего собственного сына, дона Карлоса, утопивший в крови восстание в Андалузии и Нидерландах, установивший в Португалии жестокий террор, все это не вызывало ни недоумения, ни осуждения людей XVI века. Любопытным исключением был Мишель Гислиери: бывший главный инквизитор, став папой Пием V, отказался поддержать проект убийства Колиньи и Конде, о чем передает письмо Зуниги, бывшего тогда послом в Риме, от 19 мая 1568 года. Но мнению Пия VI, следует прибегать только к законному и публичному наказанию. Папа был последователем Святого Луи и Фомы Аквинского, но святой король и теолог далеко не были образцами для политиков XVI века.

Прекрасно подготовленное покушение провалилось. 22 августа, около 11 часов утра, Моревер выстрелил и промахнулся. В момент выстрела адмирал повернулся, то ли, чтобы сплюнуть, то ли, чтобы поправить туфли. Вместо того чтобы попасть в грудь, одна пуля вошла в левую руку, вторая повредила палец правой руки. Несмотря на боль, адмирал сохранил присутствие духа. Он не строил иллюзий: зачинщиками покушения были Екатерина и Гизы. Весомым доказательством было еще дымящееся ружье, оставленное Моревером. Стало известно, что оно принадлежало одному из гвардейцев Монсеньора. Узнав о покушении, Карл IX не мог сдержать своего гнева: «Я никогда не смогу отдохнуть! Все время возникают новые проблемы!» Когда пришло сообщение, он играл в лапту. Получив известие, он сломал в гневе ракетку, бросил ее на землю и вернулся в Лувр.

После провала покушения королева вновь должна была принять какое-то решение. Живой и выздоравливающий Колиньи, конечно, потребует и получит у короля приказ начать расследование, которое быстро выявит всю правду. Екатерина знала, на что был способен ее сын. Сможет ли он в гневе сам покуситься на жизнь герцога Анжуйского? Она знала, что против нее король ничего не сделает, но сумеет ли она избежать ссылки, даже если король пощадит ее? При исчезновении Колиньи гнев Карла IX можно было направить на Генриха де Гиза. Но при

живом Колиньи он обратится на нее и герцога Анжуйского. Впервые после ее прихода к власти перед ней и ее любимым сыном встала угроза смерти.

Не теряя времени, она закрылась в своей комнате с герцогом Анжуйским. Им надо было присоединиться к королю, когда он потребует найти и наказать преступников. Играя комедию, королева прекрасно знала, что никого не обманывает, но выигрывает немного времени. Днем 22 числа она пришла к адмиралу с королем и герцогом Анжуйским, чтобы засвидетельствовать ему свою симпатию и недоумение по поводу случившегося. Карл IX вновь выказал желание свершить правосудие. В тот же день Генрих Анжуйский передавал письмо короля маршалу де Мартиньену и сказал: «Из письма короля, моего господина и брага, вы узнаете, что произошло с моим кузеном адмиралом, и о чем мы все очень сожалеем и просим вас отметить, какое неудовольствие мы здесь испытываем и как хотим, чтобы преступники были справедливо наказаны».

Но не о судьбе адмирала сожалели Екатерина и Генрих, их заботила своя собственная судьба. Все тексты подтверждают, что уже в субботу 23 числа руководители гугенотов не сомневались в виновности королевы. Они решили сами отомстить ей, если не добьются официального разбирательства. Карл IX знал пока только об участии в покушении семьи Гизов. Но он быстро узнал бы правду. К тому же во время его визита к адмиралу, последний что-то нашептал ему на ухо. Королева была уверена, что не обошлось без упоминания о ней. В тот момент настроение короля было благоприятным для адмирала. Его письма Ля Мот-Фенелону в Англию и Шомбергу в Германию от 22 августа свидетельствуют о его явно враждебном отношении к Гизам, которых он пока считал единственными зачинщиками покушения. Королеве-матери оставалось только одно попытаться восстановить свое влияние на короля. Более чем когда-либо обуреваемая жаждой власти, она воспользовалась ею, чтобы выпутаться из крайне тяжелого положения. Но что делать, если в Париже собралось около 10 000 гугенотов с их руководителями во главе? Что будет, если в ходе расследования герцог де Гиз вовлечет ее в дело? Это грозило новой гражданской войной.

Когда той субботой 23 августа в уме этой разочарованной и страстной женщины промелькнула мысль о возможном всеобщем избиении кальвинистов? В тот день вместе с Генрихом Анжуйским, герцогом де Невером, Гонди и верным Таванном под сенью сада Тюильри она рассматривала возможности избежать надвигающуюся грозу. Вечером на ужине у королевы гасконский гугенот Пардайан прямо в лицо заявил ей, что если король не

совершит правосудие, то эго сделают гугеноты. Затем двое реформатов (верный ей Байанкур, служивший источником информации, и Грамон) сообщили королеве, что после долгих и ожесточенных споров у адмирала было решено убить ее и ее сыновей. Разоблачение Байанкура и Грамона подтверждено всеми послами, однако тут есть в чем усомниться. Действительно ли королева была уверена в реальности заговора или просто решила извлечь выгоду из сложившегося положения? Кто знает?

Информированная об истинных или мнимых намерениях гугенотов, Екатерина решила получить у непостоянного короля приказ, без которого ничего нельзя было сделать. Каковыми бы ни были планы гугенотов, два доносчика дали королеве возможность спасти себя и государство. Если дознание закончится ничем, и король не покарает преступников, как обещал, то это вызовет большое недовольство у сторонников Дела Евангелия. В том и другом случае, она это хорошо сознавала, ей грозила гибель. Ее могло спасти только убийство людей, против которых она ничего не могла поделать. 24 августа Зунига констатировал, что «если бы после ранения адмирала королева упустила два дня, то с ней сделали бы то, что она сделала с другими». Итак, королева должна была ударить первой: ее вынуждал провал Моревера, случайная, по несомненная причина Варфоломеевской ночи. На этом единодушно сходились все дипломаты, мнение которых хорошо выразил Зунига: «Так как выпрел был неточен, и адмиралу стало известно, кто за ним стоял, они решились на это». Зунига определяет здесь то, что он называет *caso repentino*, различаемое им с *caso pensado*. Первое означает внезапное и неожиданное событие, второе событие, подготовленное заранее. Гугеноты утверждали, что случившееся было подготовлено в Байонне в 1565 году. Здесь будет нелишним привести слова из письма герцога Анжуйского Шомбергу от 17 ноября 1572 года: «Все. что вам пишут о происшедшем в нашем королевстве правда, и случилось это совершенно неожиданно… Король… и я никогда не имели никакого сговора с королем Испании против гугенотов… и лживо все. что говорят принцам, о чем более полно вам расскажет господин граф де Реи (Гонди)».

Итак, в силу непредвиденного стечения обстоятельств королева-мать решила добиться одобрения короля. Посовещавшись с Генрихом и своими итальянскими советниками, она отправила Гонди к Карлу IX. Он открыто и ничего не утаивая рассказал королю, что не только герцог де Гиз, но также его мать и брат принимали участие в подготовке покушения. И сказал потрясенному Карлу IX, что единственный путь к спасению убрать всех сторонников новой веры. После первой атаки последовала и

вторая, во время заседания Совета, состоявшегося чуть позже полуночи под председательством Екатерины, поддерживаемой герцогом Анжуйским. Таванном и итальянским трио (Невер, Гонди и Бираг). Почти два часа шел спор, в котором Екатерина и Генрих играли ва-банк. Напрасно король говорил о своей чести, о данном Колиньи слове, отказываясь верить в его предательство и измену. Екатерина и Генрих сообщили о своем намерении покинуть королевство. Карл IX упорствовал. Но королева хорошо знала, чем можно ранить своего сына до глубины души. Она с делала вид, будто решила, что он боится принять решение. Как же она может не предпочесть обвиненному в малодушии Карлу IX герцога Анжуйского, окруженного ореолом славы побед при Жарнаке и Монконтуре? И она снова стала угрожать своим отъездом и тем, что последует за Генрихом в ссылку. Глубоко задетый за свое самолюбие, уязвленный ревностью к своему брату, Карл IX страшно разгневался и крикнул матери, брагу и всем присутствующим: «Вы хотите этого. Хорошо! Пусть их всех убьют! Пусть их всех убьют!»

Гак король сказал «да». Отныне законоведы Совета были оправданы. Король сам отдал приказ. Екатерина получила то, что хотела. Речь шла уже не об убийстве, а о наказании в интересах королевства. Таванн хорошо это понимал. Он писал в своих «Мемуарах», что «король имеет больше права покушаться на жизнь своих подданных, чем подданные на него».

Будет ли не делающий исключения приказ исполнен буквально? Выкрикнув горячие и жестокие слова, Карл IX покинул Совет, а тот продолжал свое заседание. Екатерина и пять ее единомышленников искали способы осуществления задуманного. Не имея возможности прибегнуть к официальному процессу, они были вынуждены использовать наемных убийц. Конечно, это значило начать беспорядки и бесчинства. Но того требовала необходимость. Сложнее было решить, должны ли принцы крови стать жертвами изгнания. Первым исключили Генриха Наваррского. Генрих де Конде, сын побежденного при Жарнаке командующего гугенотов, должен был жениться, правда на гугенотке, Марии Клевской. Она была прекрасной 19-летней девушкой, которую Генрих Анжуйский надеялся со временем сделать своей любовницей. Благодаря такому браку Конде становился сводным братом Луи де Гонзага, герцогу де Неверу, члену Совета: принц крови, хотя и гугенот, благодаря своей свадьбе становился неприкосновенным и тоже исключался из списка осужденных.

Совет хладнокровно продолжал заниматься своим ужасным делом. Прежде всего следовало составить список жертв: Колиньи,

затем Телиньи и прочие. Чуть позже, исходя из своих личных интересов, королева добавила к списку еще пять-шесть имен. От жертв перешли к палачам. Генрих де Гиз и его брат герцог д'Омаль с Франсуа Ангулемским должны были отправиться к адмиралу. Как можно более официально. Переписка венецианцев и записи городской ратуши доказывают, что дело было задумано как полицейская акция, осуществляемая людьми, уверенными в их полном праве так поступать. Никто не мог предугадать, что из-за разгоревшихся политических и религиозных страстей, охвативших весь город, будет невозможно поддержать пошатнувшийся общественный порядок, за который отвечали бывший глава купцов Клод Марсель и сменивший его Ле Шаррон. Организаторы полагали, что все просчитали, однако они упустили из виду, что Клод Марсель и его готовые на все люди воздержатся от оказания помощи Ля Шаррону в том, чтобы приказ был исполнен только в отношении одних руководителей реформатов. Преданный Гизам Марсель был католиком самых крайних взглядов, настоящим фанатиком. Если надо убить руководителей еретиков, то зачем жалеть и щадить всякую мелочь? И он приказал своим людям не оставлять в живых ни одного гугенота. Король сказал, чтобы они все были мертвы! Ничего об этом не зная, а может быть, и зная, Клод Марсель собирался довести до конца кровавое дело. Из-за него принятые исключительные меры обернулись неожиданным кошмаром.

Сигнал к резне был подан из-за Альп. Испанцы и венецианцы были хорошо знакомы с подобной зловещей политикой и неоднократно советовали Екатерине применить ее на практике. Рано утром в день праздника Святого апостола раздались быстрые и торопливые звуки набата парижской церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, расположенной прямо напротив Лувра. Он опередил дворцовый колокол, который должен был первым подать сигнал к началу мрачного действия. Сразу же, будто сами собой зазвонили все остальные колокола парижских церквей, создавая впечатление беспощадной одержимости и бросая призыв к всеобщей резне.

Наверное, не стоит пересказывать события дня Святого Варфоломея, которые удивительно точно смог предвидеть проницательный ум Мишеле. Лучше, еще не проводя параллели между массовыми убийствами гугенотов и трагическим концом Генриха де Гиза в 1588 году, рассмотрим более детально участие Генриха Валуа в августовских событиях 1572 года, изучая его защиту в Кракове, когда он претендовал на польский трон.

Ответственность Генриха Анжуйского за случившееся в День Святого Варфоломея

До пятницы 22 августа герцог очень хорошо скрывал свою причастность к заговору против адмирала. Но уже в субботу он выдал ее гем, что именем короля назначил Коссена главой солдат, определенных для охраны Колиньи. Коссен командовал гвардейцами короля и был личным врагом адмирала, а впоследствии стал одним из его убийц. По просьбе своей матери, желавшей знать настроение города, в субботу же вместе со своим братом Ангулемским Генрих выехал в карете, не украшенной королевским гербом, чтобы сообщить парижанам, что вскоре в город войдет его правитель Франсуа де Монморанси с отрядом кавалерии. Новость, способная взволновать население. Генриха быстро узнали, и окружившая его толпа устроила ему овации, выкрикивая слова «Жарнак» и «Монконтур».

Вернувшись в Лувр, где герцоги де Гиз и д'Омаль сообщали о своих опасениях королю, герцог Анжуйский уведомил свою мать, что Париж требует расправы с гугенотами. После ужина, во время которого королева услышала угрозы Пардайана, Генрих принял участие в первом совещании. Генрих де Гиз не скрывал своего намерения приступить к действию. К личным интересам Екатерины и ее сына добавилась необходимость удержать власть в своих руках. Оказавшись между Гизами и гугенотами, они были вынуждены действовать. Так объясняется визит Гонди к королю, так объясняется заседание Совета, на котором у короля вырвали спасительный приказ, избавляя от ответственности королеву и ее сообщников. Можно ли допустить, что, согласно более позднему рассказу Генриха, ставшего уже королем Полыни, одному из своих доверенных лиц (предположительно Марку Мирону), незадолго до начала драмы Карл IX, Екатерина и он сам чуть было не отступили в последний момент и попытались предотвратить резню? И правда ли то, что в феврале 1574 года, в ночь накануне своей коронации в Кракове Генрих поделился некоторыми воспоминаниями со своим врачом, которые тот записал, но которые увидели свет только в 1623 году в виде «Бесед короля Генриха III с человеком чести и достоинства». Можно почти с уверенностью сказать, что здесь речь и дет о подложном документе, предназначенном снять с Альбера де Гонди всякую вину в случившемся кровопролитии. Тем не менее, нельзя не отметить, что им не следует пренебрегать, так как чувствуется, что он основан на истинных фактах. Рассмотрим следующее: «проспав ночью всего два часа (говорил Генрих), на рассвете король, моя мать королева и я вышли в комнату, окна

которой выходят в нижний двор, чтобы наблюдать за началом действия. Вскоре мы услышали пистолетный выстрел. Я знаю, что звук болезненно подействовал на всех троих, внушив ужас и понимание того, что должно было произойти. Чтобы избежать этого, мы спешно послали одного дворянина к господину де Гизу, чтобы передать ему и настоятельно потребовать от него вернуться домой и ничего не предпринимать в отношении адмирала. Этот приказ остановил бы все остальное. Но вернувшийся дворянин сказал, что господин де Гиз ответил, что он пришел слишком поздно, и адмирал уже мертв».

Таванн коротко замечает, что «королева Екатерина охотно отказалась бы от задуманного, лишившись энергии, которую ей вернули капитаны, описав опасность, в которой находилась она и ее дети». Кажется вполне вероятным, что король, его мать и Генрих имели печальную возможность наблюдать за началом событий. Но очень маловероятно, что они захотели отменить королевский приказ, сообщив об этом одному герцогу де Гизу и ничего не сказав Марселю и Ле Шаррону. Если Гиз не мог выполнить приказа в отношении адмирала, то указания об отмене приказа должны были бы быть переданы остальным ответственным лицам. И в этом случае исход был бы неясен. Марсель и Ле Шаррон могли бы ответить, как Гиз, что не осталось времени, и они ничего не смогут предотвратить.

Итак, в доказательствах, якобы приводимых Генрихом, есть довольно серьезное несоответствие, чтобы принять, что король и королева хотели отменить приказ. Можно допустить, что у них была, особенно у Екатерины, минута сомнения, о чем свидетельствует Таванн. Так ни «Беседы», ни «Истинное и краткое описание» (более значительный текст, чем «Беседы», речь о нем пойдет чуть позже) во многих моментах не соответствуют истине. Оба документа выдуманы. Первый для того, чтобы оправдать Альбера де Гонди, второй, чтобы представить невиновным Генриха Валуа. С нашей точки зрения только современные тем событиям тексты (в первую очередь документы дипломатов) можно признать достоверно отражающими истинную роль Генриха в происшедшем в августе 1572 года.

В день кровавой расправы герцог Анжуйский во главе 800 всадников и тысячи пехотинцев должен был поддерживать общественный порядок. Однако солдаты захватывали и грабили дома, а на Пон-Нотр-Дам разграбили ювелирные магазины и гранильные мастерские. Двое людей Генриха поссорились из-за «удивительно прекрасных часов». Отдав 10 экю их владельцу, Генрих забрал их себе. Складывается впечатление, что он не стремился сам выступать против гугенотов. Но он позволял это

делать. Так его люди поймали и заду шили Телиньи, когда тот пытался спастись бегством через крыши. Если верить очень неодобрительным словам посла Зуниги, то Генрих дошел до того, что изнасиловал дочь Колиньи! Но по свидетельству тосканца Петруччи это обвинение кастильянского дипломата было призвано помешать Генриху стать королем Польши, когда он был уже объявлен кандидатом на ее корону. Согласно «Запискам о Франции», в его активе спасение маршала де Коссе-Бриссака, совершенное по просьбе его любовницы, прекрасной госпожи де Шатонеф.

В свете всего вышеизложенного, трудно поверить в самозащиту Генриха в небольшом сочинении на латинском языке. Оно называется «*Vera et brevis descriptio tumultus postremi gallici lutetiani in quo occidit admirallius*» (Истинное и краткое описание последних волнений во Франции, случившихся в Париже, во время которых погиб адмирал.) Вот главный отрывок в переводе Генриха Моно. Узнав о «заговоре» гугенотов от Бушаванна (Байанкура) и Грамона, король «призвал своего брата герцога Анжуйского, сообщил ему о сделанном открытии и рассказал о плане действий, составленном Советом. Но герцог Анжуйский, не желая компрометировать свое имя, прославленное столькими замечательными победами, недоверчиво отнесся ко всей истории заговора и отказался придавать ему значение. Он покинул своего брата короля, и больше ничто не могло его заставить вернуться на Совет».

Гак в глазах своих польских подданных Генрих отрицал свое участие в событиях дня Святого Варфоломея. Между Парижем и Краковом большое расстояние. И приходит на ум поговорка: «Хорошо лгать тому, кто пришел издалека». Однако дипломаты единодушны в своем мнении. В докладе Сенату венецианец Джованни Мишель остается сугубо формальным. «Все от начала до конца было делом рук королевы: она все задумала, организовала и довела до конца с помощью только одного своего сына, герцога Анжуйского». Далее Мишель объясняет, что ружейный выстрел «направлялся королевой и герцогом Анжуйским», когда же он оказался неудачным, Екатерина с Генрихом одни пошли к королю и убедили его, что надо покончить с гугенотами и начать действовать раньше них.

Чуть позже 24 августа нунций Сальвиатти писал 2 сентября государственному секретарю следующие бесспорные строки: «После покушения… сделанного с согласия герцога Анжуйского, но не короля, правящая королева, узнав, что адмирал не погиб, и поняв, в какой опасности она находится… обратилась к королю, призывая его устроить резню, которая потом затронула всех

(гугенотов)».

Узнав о случившемся, Филипп II не мог скрыть своей радости и даже засмеялся. 29 августа он написал Генриху письмо с поздравлениями, которое отправил со специальным послом маркизом де Айамонт, дав ему следующие указания: «Затем вы посетите герцога Анжуйского, и, отдав ему письмо, вы поздравите его с замечательным успехом. Он достоин похвал, поскольку он принял активное участие в Совете, в обсуждении и решении. Герцог Анжуйский доказал на деле любовь к своему брату. Пусть он постарается довести все до конца, и пусть будет уверен, что имеет в моем лице другого брата, который его очень любит и уважает».

Герцога Анжуйского рассматривали до такой степени одним из главных авторов событий 24 августа, что его стали поздравлять католические монархи. Кроме Филиппа II, свои чувства ему выразил Великий герцог Тосканский Косма I: 16 сентября Генрих ответил ему, что «король, мой брат и господин, всегда обещал, что… вы первые узнаете об успешном наказании адмирала и его сообщников, благодаря которому, я надеюсь, Господь позволит ему объединить народ и с помощью церкви Господней привести к послушанию сбившихся с пути истинного».

Когда кардинал Лотарингский пришел поздравить Карла IX от имени Отца церкви, сообщив о передаче в знак благодарности в королевскую казну определенной суммы, он добавил, что «признавая заслуги герцога Анжуйского перед римской церковью», духовенство дарит ему 800 000 ливров для покрытия его расходов в путешествии в Польшу. В заключение скажем, что «Краткое и истинное описание» ценно для нас сообщением, что через несколько месяцев после событий 24 августа 1572 года, став королем Польши, Генрих хотел создать определенное мнение о своем участии в той трагической «случайности». Публикуя текст, он без колебаний отрицал свои собственные слова. К тому его вынуждала необходимость продуманной пропаганды. Совершенно по-другому сложилась ситуация, когда, сменив Карла IX, ему пришлось смириться с подписанием мира в 1576 году. Вынужденный отступить перед союзом политиков и гугенотов, избравших своим главой его собственного брата Франсуа Алансонского, Генрих III должен был официально отрицать свою вину и заявить, что «не имел к случившемуся никакого отношения и был до крайности потрясен тем несчастным случаем». О том же говорит Статья 32 эдикта Болье: «Беспорядки и различные нарушения законности, происшедшие XXIII августа в Париже и других городах королевства случились к нашему большому сожалению и неудовольствию».

Всегда и во все времена правители и политики без всяких сомнений меняли свои заявления и убеждения, исходя из соображений о наступающей эпохе. Екатерина и будущий Генрих III были обречены следовать за ходом событий, а не руководить ими. До 1572 года исполнительной власти удавалось оставаться в положении относительного равновесия между противоборствующими сторонами. Но после 24 августа отношение к королю сторонников обеих конфессий радикально изменилось, и потребовалось еще 20 лет, чтобы у монарха вновь оказалась реальная власть.

Но пока еще будущий Генрих III не испытал на себе ветер перемен, и чуть меньше, чем через два года ему предстояло вновь попытать военного счастья в осаде Ля-Рошель, а затем примерить тяжесть первой короны, короны королей сарматов.

Новое лицо герцога Анжуйского после праздника Святого Варфоломея

Мы видели из ответа Генриха Коему I, что он придерживается официальной версии событий. Были ли у него сомнения относительно необходимости 24 августа? По словам тосканца Петруччи, он заявил 31 августа, что «все было сделано слишком легкомысленно и безрассудно». Тот же Петруччи передает, что день Святого Варфоломея повысил престиж Карла IX, но сделал очень «задумчивым» Генриха.

Претендуя на польский трон, герцог Анжуйский быстро понял, что у него есть множество причин не хвалиться своей ролью в событиях 22, 23 и 24 августа. 1 сентября он уполномочил Жана де Монлюка, епископа Валанса (гасконского либерала, которого Святой Престол считал еретиком) вести с поляками переговоры о его избрании на польский престол, пустующий со времени смерти короля Сигизмунда-Августа 7 июля 1572 года. В Польше насчитывалось небольшое количество протестантов, которым король предоставил свободу совести и вероисповедания. Кандидату надо было заручиться поддержкой протестантов, объявив о своем согласии с политикой терпимости, которую поддерживали турки, имевшие большое влияние на Сейм. Также следовало пресечь недопустимые слухи, распущенные Зунигой о якобы совершенном Генрихом насилии над дочерью Колиньи. В то же время Испания выдвигала из Габсбургов свою кандидатуру, сына Императора.

Когда 3 сентября Генрих узнал о намерении евангелистов Польши избрать его королем, Екатерина Медичи немедленно

вызвала нунция Сальвиетти и попросила его поговорить с Григорием XIII, посол которого в Польше был склонен поддержать сына Императора. Теперь уже не стоял вопрос женитьбы герцога Анжуйского на одной из дочерей Филиппа II. Этот проект был тем более неосуществим, что Филипп II не хотел отдавать Генриху ни одного из своих владений, в то время как поляки рассчитывали выдать за их предполагаемого монарха дочь Сигизмунда-Августа, принцессу Анну. Генрих не случайно создавал себе новый образ, очевидно принимая во внимание позицию своих будущих подданных. Во Франции же он хотел наоборот остаться чемпионом в делах католиков. В ноябре 1572 года ему вновь предстояло столкнуться с гугенотами. С января по июль 1573 года он вновь стоял во главе королевской армии, которая должна была вернуть королю Ля-Рошель.

Бесплодная осада Ля-Рошели

4 января он писал правителю Пуату графу де Люду, составившему для него записку о положении в провинции: «Жители Ля-Рошель продолжают упорствовать и не подчиняются воле короля, полагающего, что от взятия города и наказания мятежников зависит мир и покой королевства, в чем я с ним совершенно согласен. Исходя из этого, я попросил короля доверить мне эго предприятие. И теперь слежу за необходимыми приготовлениями, прежде чем отправиться в дорогу. Хотя время сейчас не особенно подходящее для такого предприятия, тепло одетые и хорошо экипированные, мы преодолеем все препятствия».

4 декабря он пишет тому же де Люду, что «вызывающее поведение жителей Ля-Рошель» заставило его умолять короля, чтобы он «дал мне продолжить навязанное ему дело, чтобы помешать им осуществить свои мрачные намерения, что он охотно мне предоставил». В то же время Генрих просит де Люда проследить за всеми, кто во вверенной ему области может прийти на помощь ляpошельцам и рассчитывает на его поддержку в деле «освобождения от всех этих людей». Хотя Генрих объявил о своем отъезде еще в ноябре, в конце года он по-прежнему оставался в Париже, так как его брат оставался в нерешительности, назначать его командующим, или нет. Король послал в Ля-Рошель гугенота Ля Ну, надеясь таким образом договориться с городом. Старый Таванн, на советы которого рассчитывал Генрих, был серьезно болен, приближаясь к своему концу (он умер в 1573 году). Кроме того, все мысли молодого герцога Анжуйского занимала Мария

Клевская, незадолго до того вышедшая замуж за Генриха де Конде. Именно тогда он написал Генриетте, герцогине де Невер, сестре молодой супруги, три письма, в которых он призывал ее в свидетели своей страсти к недостижимой теперь молодой женщине. Мы вернемся к этим письмам, когда будем говорить о личной жизни Генриха III. Итак, 14 января 1573 года герцог Анжуйский покинул Париж, чтобы начать новую и последнюю кампанию на юго-западе.

На этот раз положение было не такое, как во время трех предыдущих восстаний. Теперь Карл IX имел дело не только со знатными гугенотами. Почти все они погибли в день Святого Варфоломея. Подстрекаемые священниками, их заменили простые протестанты из народа. На юге Монтобан и Ним закрыли двери перед королевскими солдатами. В Ля-Рошель и Сансере сопротивление было еще более упорным. После 24 августа в столице Ониса появились реформаты с запада и солдаты-гугеноты Стрози. 50 дворян, 1 500 солдат и 55 министров выступали за сопротивление и вдохновили городской Совет на принятие энергичных мер. Король назначил правителем города Бирона, но ему не дали войти в город и послали одного священника в Англию, чтобы просить Елизавету прийти на помощь тем, кого он назвал «ее подданными из Гюйенны». В ожидании подхода армии герцога Анжуйского, Бирону пришлось осадить город. Судьба Ля-Рошель могла бы быть легко решена, так как застигнутые осадой врасплох жители города не успели опустошить окрестности, запастись продовольствием и подготовить оборону. Но отправив к ним Ля Ну, Карл IX связал себе руки. Ля Ну имел полномочия обещать жителям свободу совести и соблюдение их привилегий с условием, что они признают Бирона своим правителем. Ободренные лярошельцы попросили Ля Ну обеспечить им неприкосновенность. Лояльно настроенный Ля Ну передал все королю, который согласился на их просьбу, после чего можно было увидеть любопытный спектакль, как король воюет с собственными войсками. Ля Ну действительно склонял лярошельцев заключить союз с двором, который рассчитывал, что с новым правителем горожане в конце концов снова подчинятся королю.

Такой подход не принимал во внимание народ и священников-евангелистов. Убежденные в истинности своей веры и в том, что перед ними Вечность, они негодовали при одной мысли о сдаче. Демократия гугенотов диктовала свои условия буржуа из городского Совета. Без колебаний народ предпочитал позорному миру вооруженную борьбу. Разве она не была законна и справедлива? Несколько отступников, хотевших дать герцогу

Анжуйскому войти в город, были немедленно убиты. Убедившись в бесполезности своих усилий переубедить гугенотов, Ля Ну предпочел ретироваться и 12 марта 1573 года присоединился к армии герцога Анжуйского.

Прошел ровно месяц и один день, когда Генрих с армией подошел к городу, имея в своем распоряжении гораздо более мощную артиллерию, чем та, которая была у него в 1569 году. 12 февраля Генрих писал Карлу IX из окрестностей Ля-Рошель: «Господин. Этим письмом я просто хотел уведомить вас, что вчера утром я прибыл на место».

Прежде чем думать о наступлении, его первой заботой было узнать сильные и слабые стороны местности. Ля-Рошель стоял за четырехугольником стен с четырьмя угловыми башнями. Стены были окружены рвом с болотной водой. По углам рвов стояли укрепления, из бойниц которых можно было вести ружейный и артиллерийский огонь.

Лучшей частью обороны были угловые сооружения, называемые бастионами. Один из них находился прямо перед королевским лагерем и назывался Евангелическим. Со стороны моря подходы к порту были защищены с одной стропы бастионом, с другой цитаделью. Войти в порт не позволяла цепь, натянутая между башнями Сен-Ноколя и Шэн.

Но главной силой Ля-Рошели были его моряки-авантюристы, не брезговавшие и пиратством, а также богатство города, гордость торговой буржуазии и укрывшихся там гугенотов, движимых горячей верой. Город имел около 1500 солдат, 2 000 хорошо вооруженных буржуа под руководством знатных реформатов области. Кроме того, в городе была прекрасная артиллерия, и он рассчитывал на помощь из Англии или от повстанцев Нидерландов. После отъезда Ля Ну единственным недостатком было отсутствие настоящего военного командующего.

В распоряжении Генриха было около 5 000 пехотинцев и 1 000 кавалеристов. Его советник Луи де Гонзага отвечал за все необходимое для успешной осады, а также за наблюдение за рейдом, чтобы в нужный момент помешать кораблям противника войти в порт. Эту задачу осложняла необходимость присматривать за Франсуа Алансонским, бывшим не прочь сесть с помощью лярошельцев на корабль и отплыть в Англию, чтобы ворковать там с Елизаветой. Нельзя было быть уверенным и в двух принцах крови, вынужденных участвовать в осаде: Конде и король Наваррский вполне могли воспользоваться первой же возможностью навсегда скрыться от двора королевы-матери, которую они называли между собой «Госпожа Змея».

С февраля по июнь 1573 года было предпринято 8 штурмов Ля-Рошель. Во время первого из них, 21 февраля, королевская артиллерия открыла ураганный огонь. Солдаты королевской армии дошли до края рва и их траншеи приблизились к контрэскарпу. Генрих выполнил свой долг до конца. С рассвета и до глубокой ночи он оставался в траншее. 22 марта раздалось 1 500 пушечных выстрелов. 7 апреля впервые был атакован Евангелический бастион. Это был провал. 8 апреля Генрих писал маршалу де Дамвилю (правившему в Лангедоке): «Мой кузен, хочу сообщить вам, что с шести часов утра мы начали атаковать Евангелический бастион. Обстрел продолжался без перерыва до семи часов вечера. После него я послал насколько отрядов захватить ров. Надеюсь и далее продолжать в том же духе, как только будет предоставляться такая возможность». К несчастью для Генриха, такого не произошло. Королевские войска были остановлены, а многие их командиры убиты. Задетый за живое, Генрих возобновлял атаки 10, 13 и 14 апреля. В тот день Ля-Рошель безрезультатно штурмовали пять раз. Жители города надеялись на ожидаемую помощь. 19 апреля на море действительно показался флот под командованием Монтгомери. Но он предпочел повернуть обратно, опасаясь встречи, которую ему готовили королевские войска. И он не смог забрать с собой герцога Алансонского, Конде, короля Наваррского и их друзей, надеявшихся уплыть в Англию и там набрать для себя армию. Такие планы, разрушенные Ля Ну, доказывают, что в королевской армии были разногласия, в значительной степени ослаблявшие ее. В этот период открытое объединение в одном общем деле таких двух представителей различных конфессий, как Ля Ну и Монморанси с герцогом Алансонским, было первым признаком появления третьей партии «политиков», роль которых постоянно возрастала, начиная с 1574 года. Ее отличительными чертами были отвращение к кровопролитию, принципы высокой человечности, но также и жестокое соперничество между знатными господами и принцами.

Столкнувшись с упорным сопротивлением лярошельцев, Генрих должен был теперь положить этому конец. Он дождался подхода швейцарцев, которые присоединились к нему 23 мая в количестве 6 000 человек. 26 мая начался большой штурм города. Свидетель его, тосканец Кавриана, писал, что «непредвиденная торопливость наших солдат свела на нет предусмотрительные планы герцога Анжуйского». Он хотел заминировать основание пресловутого бастиона пятью минами, пытаясь обмануть противника продолжительным огнем ночью. С наступлением дня началась атака на все стены, в то время как королевский флот

бомбил порт. Но ничего не вышло из-за общей вялости атакующих и скорого бегства большинства солдат. На следующий день Генрих разжаловал около 60 рот пехотинцев и заклеймил позором многих офицеров. Отныне охрана траншей была доверена принцам, швейцарцам и уже проверенным солдатам. Короткое письмо Генриха Карлу IX показывает, как провал этого штурма глубоко задел его: «(Я) невероятно зол, что мы упустили такую возможность из-за душевной слабости солдат, хотя их командиры и оказались на высоте… Увидев то, что случилось сегодня, я почти стыжусь быть французом, и если бы вы видели это, вы были бы страшно разгневаны».

Тем не менее положение города ухудшалось с каждым днем, и среди осажденных раздавалось все больше голосов за заключение мира. Одна петиция собрала более 300 подписей, так что пришлось арестовать «самых знатных господ города».

Ив тот момент, когда судьба Ля-Рошель казалась предрешена, его спасло от капитуляции избрание герцога Анжуйского королем Полыни. Впервые в истории Франции события в Варшаве пришли на помощь французским мятежникам. В 1572 году это сослужило хорошую службу гугенотам Ля-Рошель. В 1792 году, когда готовился второй раздел Польши, после опереточного сражения у Валми прусская армия предпочла ретироваться. Король Пруссии предпочел довольствоваться значительным куском польской территории, чем продолжать войну с Французской Республикой. Еще не зная о своем избрании 19 июня, Генрих приготовил еще один, последний штурм города в двух важнейших точках обороны: Евангелический бастион и Вьей-Фонтен. И вновь попытка окончилась провалом. Это было 12 июня. 14 числа, спустившись в траншею, чтобы обдумать новое нападение, Генрих был ранен в ухо, левую руку и бедро такими небольшими осколками, что посол Зунига шутливо назвал их «драже». Генрих сохранил самообладание и продолжал готовиться к новой атаке. Но ее не последовало. Новый король Польши не мог осаждать город гугенотов, приняв все условия, поставленные избирателями Сейма, среди которых было много реформатов.

24 июня он обсудил с осажденными главные пункты мирного договора. Свобода совести признавалась везде, но свобода культа — только в Ля-Рошель, Монтобане и Ниме, а также разрешалась для некоторых высокопоставленных особ. 6 июля осада была снята. Историк-гугенот Жан де Сер пишет об избрании Генриха королем Польши: «Господь воспользовался этим, чтобы сохранить Ля-Рошель свободным». Польские послы, приехавшие поздравить своего нового монарха, не должны были встречаться с ним под стенами мятежного города, который он не сумел взять.

Подписав мирный договор, Генрих не имел желания входить в неподчинившийся ему город. С 8 июля он находился в Ниоре, прежде чем отправиться в Париж, а затем в отдаленное восточное королевство, корона которого наконец досталась ему после долгих месяцев переговоров, признанным мастером которых был Жан де Монлюк, епископ Баланса.

Часть вторая
Польская ссылка, или первая корона (1573–1574)

Мы надеемся… что вы, удостоившие сегодня нас чести избрания вашим королем, когда-нибудь с Божьей помощью почтите нас именем отца нации.

Генрих знатным людям Польши. Париж. 18 сентября 1573 г. Н. Б., мс. фр. 6414. т. 24

Франция и вы стоите больше, чем Польша.

Генрих III своей матери. Уистерниц (Моравия). 22 июня 1574 г. Письма Генриха III т. I, с. 358

Письма лишь бумага, но оставляющая последствия.

У вас никогда не будет лучше брата, чем я.

Генрих III Франсуа Алансонскому. Венеция, 24 июля 1574 г. Письма Генриха III. т. I, с. 364

Глава первая
Французский принц на троне Ягеллонов

Королевские планы Генриха Валуа

Третий сын Генриха II, герцог Анжуйский, брат которого Карл занимал трон и мог иметь наследника, не без помощи своей матери очень рано стал думать, как надеть на себя корону вне Франции. Екатерина никогда не страдала недостатком воображения и останавливала свой выбор то на Авиньоне, то на Корсике, затем на регентстве в Алжире, на Кипре, в адриатических владениях Венеции и, наконец, на княжестве в Италии. Задумав сделать своего «самого любимого» сына монархом или по крайней мере принцем-консортом, Екатерина хотела женить его на Марии Стюарт и долго боролась за его союз с Елизаветой Английской. В некоторые моменты она даже довольствовалась бы принцессой Португалии или дочерью своего экс-тестя Филиппа II. Ее не смущала даже перспектива женитьбы сына на лютеранке, дочери герцога де Сакса. Она хотела, чтобы Генрих стал не просто носителем титула, а настоящим королем. Но Филипп II не собирался отдавать будущему зятю ни пяди своей территории. Став принцем-консортом в Лондоне или уехав в Лиссабон, женившись на принцессе Португалии, Генрих Анжуйский не стал бы настоящим королем. Союз с саксонской принцессой был еще менее привлекательным. Также нельзя было тем или иным способом заполучить какое-нибудь государство, каким-либо образом зависящее от турецкого султана. Этому препятствовал союз Франции с Турцией, единственный союз, которым она могла гордиться.

Военные завоевания и брак были практически неосуществимы. Но то и другое представляло собой традиционные средства. Кроме закона о переходе власти по наследству, зачастую брачный союз или удачный поход позволяли младшему сыну правящей семьи заметно преуспеть. Так Гийом Завоеватель стал королем Англии, а Карл Анжуйский, брат Святого Луи, королем Неаполя, в то время как супруг Безумной Жанны Филипп Красивый отдал испанскую корону своему сыну Карлу I из дома Габсбургов, и семь избирателей Святой Империи сделали его императором Карлом Квинтом. Именно третьим путем (а не традиционным), с помощью всеобщего прямого голосования Генрих Валуа стал монархом. С его приходом на

трон конституционный режим польского государства принял свою окончательную форму, которая просуществует до конца XVIII века, до потери независимости этой нации.

Маловероятно, что Генрих когда-либо слышал о Польше и вообще стал бы ее королем, если бы 16 октября 1571 года его мать не заговорила о такой перспективе с тосканцем Петруччи. Она ему намекнула, что великий герцог Косма мог бы попросить через посла Святого Престола в Польше руки принцессы Анны, сестры правящего короля, для герцога Анжуйского. Какая ирония судьбы! Как Генрих мог предпочесть 38-летней Елизавете Английской еще более в возрасте дочь короля Сигизмунда? Кроме того, если Анна обладала прекрасными моральными качествами и огромным состоянием, то она не имела ничего общего со славянской Венерой!

Однако потребовалось нечто большее, чтобы изменить намерение герцога и его матери выборным путем завоевать корону Польши. В выборах не было ничего бесчестного. Лучшим примером служило избрание семью избирателями претендента на императорскую корону, которую носили Карл Великий, династии Оттонов и Фредериков (с XV века выборы всегда проходили в пользу Габсбургов Австрии).

Выставляя свою кандидатуру, Генрих переходил дорогу своему брату Карлу, который в случае освобождения вакансии надеялся получить императорскую корону. И разве их дед, Франциск I, не соперничал с Карлом Квинтом? И все же было странно видеть, как принц крови Франции унижается до такой степени, что просит у избирательной коллегии доверить ему корону и с готовностью соглашается на все ограничения конституционной системы, понимая, что будет царствовать, не имея реальной власти.

Но какими бы неприятными ни были обстоятельства, французской политике надо было воспрепятствовать возможному захвату Австрийским домом власти в Польше. И королева-мать решительно взялась за дело. Она позаботилась передать все в руки замечательного дипломата, старшего брата маршала де Монлюка, Жана, епископа Баланса. Он прибыл в Польшу почти одновременно с известием о трагических событиях Варфоломеевской ночи. Трудно было найти более серьезное осложнение. А ему, как любому ответственному лицу, защищающему интересы своего клиента, предстояло рассыпаться в обещаниях и подчиниться обычаям оригинальной «дворянской демократии», не имевшей налога ни в одной стране Европы, поскольку сформировалась в ходе истории, в которой объединились элементы славянизма и римского католицизма.

Уникальный образец королевской республики

Начало польской истории, можно сказать, легендарно. Средневековые хроники дают династиям, царствовавшим там до XIV века, имя Пястов. По свидетельству Галлуса Анонимуса (первая половина XII века), Пяст по профессии был каретник и жил во времена правления жестокого и бесчеловечного принца Попиеля. Однажды этот принц выгнал двух странников, попросивших у него гостеприимства (древние славяне хорошо известны своим хлебосольством). Тогда странники пришли к Пясту, отмечавшему первое пострижение своего сына. Хозяин пригласил гостей в дом. Они назвали сына Пяста Земовитом и предсказали, что он станет королем. Затем попросили Пяста пригласить на церемонию Попиеля. Во время праздника количество еды и питья чудесным образом увеличилось. А Попиель исчез, пожранный крысами, и Пяст стал править вместо него.

Само имя Пяста имеет символическое значение: первоначально оно значило «отец-кормилец». Тем же именем историки XVII и XVIII веков называли польские династии до того момента, пока последняя наследница Пиастов, Ядвига, не вышла замуж за литовского великого герцога Ягеллона после его обращения в христианскую веру. Он стал править под именем Владислава II и основал славную династию Ягеллонов, закат которой со смертью Сигизмунда-Августа в 1572 году позволил Генриху Валуа стать эфемерным сувереном.

Из-за своего географического положения между германцами на западе и русскими на востоке Польша была вынуждена защищать свои территории от нападений тевтонов, татар, московских царей и приходивших с юга турок. Высшая военная знать, усиленная средними слоями провинциального дворянства (основным элементом нации), стала неотъемлемой структурной частью государства, которому служила хорошей защитой от врагов. Вместе с высшим духовенством она одна участвовала в управлении государством. Торговцы и многочисленные крестьяне обеспечивали жизнь нации, в которой активное участие принимало большое количество евреев, так как Польша долгое время была истинным раем для избранного народа. Обращенная в католическую веру при Мешко I или Миесзко I (он был слеп), Польша не переставала давать примеры своей преданности вере, в которую она обратилась в конце X века. В XVI веке она была открыта для идей Реформации, проникающих в нее вместе с

немецкими купцами через порт города Данцига (Гданьск). Лютер и Кальвин нашли себе последователей среди определенного количества дворян. Сигизмунд-Август тоже открыл в страну путь для ереси, дав дворянам право отправлять своих детей в протестантские университеты Германии, получив за это их согласие официально признать его тайный брак с Барбабой Радзивилл, в который он вступил до своего восхождения на престол. А на одном собрании Сейма в 1550 году в Петрикове король, снисходительно настроенный к уклоняющимся от истинной веры, счел, тем не менее своим долгом дать епископам право наказывать виновных. Но такое решение ни к чему ни привело, так как в конце концов протестантское меньшинство стало довольно многочисленным и сильным.

Такое положение не могло не волновать Рим. Святой Престол направил в Польшу очень деятельного нунция, кардинала Коммандона, который стал поддерживать усилия епископа Варшавы Госиуса. Последнему удалось ввести в свою страну иезуитов, и следующей его целью было официальное признание решений Совета Тридцати. Рим волновало терпимое отношение Сигизмунда-Августа к еретикам и кандидатура его наследника на трон. там хорошо понимали, что в Польше предстояло новое сражение за римскую веру. Турки тоже интересовались положением в польском королевстве, но исходили из совершенно иных соображений. Они граничили с Польшей на довольно большой территории, начиная от Трансильвании и кончая Молдавией. В общем отношения поляков с турецким султаном всегда складывались хорошо. Лишь в следующем веке им предстояло мало-помалу приходить в упадок. Итак, турки не могли не интересоваться делами Польши и сыграли решающую роль в избрании на польский трон Генриха Валуа.

В этой стране, управляемой военной аристократией, из соображений обороны вступившей в союз с высшим духовенством, истинным руководителем нации, любовь к свободе и стремление к личной независимости создали оригинальную дворянскую демократию, которую очень хорошо определяет выражение «королевская республика».

Эту конституционную систему лучше всего иллюстрирует способ избрания монарха. Оно проходило на общем собрании национального Сейма, созываемого архиепископом Гнезно, высшим духовным лицом Польши и полноправным *interrex* (наместником короля в период между двумя правлениями). Заседание проходило в половине лье от Варшавы, в окрестностях Праги. Там возводился огромный деревянный зал, называемый «Зопа», или «Коло». Вокруг вырывались рвы, как будто речь шла о

крепости. В первый день Сенат и знать слушали мессу Святого Духа в варшавском храме Сен-Жан, затем отправлялись в Коло. Избирательная кампания открывалась приемом послов-принцев, претендующих на корону: в своих речах, которые почти всегда велись на латинском языке, они говорили о достоинствах своего кандидата. Беседу с ними вел архиепископ и маршал Нунциев (так звали депутатов Сейма). Зачастую переговоры велись по нескольку дней. Наконец наступал час голосования. Каждый воевода клал в специальную урну конверт со списком дворян своего воеводства. Затем архиепископ объявлял избранного.

Перед объявлением новый король приносил клятву хранить привилегии, права и свободы Республики, Так называемые *Pacta Conventa*. Только своей единоличной властью король не мог ни снять налог, ни издать закон. Его доход был определен от соляных рудников королевства и порта Данциг. Во всем остальном управление государством с королем разделяла Республика, то есть знать. Она издавала законы, обсуждала налоги, объявляла войну, заключала мир, разбирала правонарушения и обладала почти полной законодательной и конституционной властью. Король мог действовать только с согласия Сената, в состав которого входили епископы, воеводы и высшие королевские офицеры. Режим, настолько парализующий исполнительную власть, был так же далек от абсолютной монархии, как Земля от Сириуса. В нем содержался яд, который в конце XVIII века убил государство. На всех заседаниях Сейма, были ли они закрытыми или нет, единодушие депутатов выражалось латинской формулой *nemine contradicente* (ни одного человека против). Если хоть один нунций (депутат) говорил *veto*, обсуждение прекращалось. Если он добавлял *sisto activitatem* (я прерываю деятельность), Сейм расходился, не придя ни к какому решению. Такая практика была известна в Европе под названием *liberum veto* (свободное право вето). Рафаэль Лещинский, отец короля Станислава, на одном из заседаний Сената высказал умные, но на практике приносящие вред слова: «*Malo periculosam libertatem quam quietum servitium*» (Я предпочитаю полную опасностей свободу, чем спокойное рабство).

Возможно, опаснее политической беспомощности гражданских и военных (когда депутаты собирались верхом и в полном вооружении) Сеймов была практика конфедераций. Во всяком случае, у них было то преимущество, что голоса там подсчитывались вне зависимости от количества отрицательных ответов. Но если первые проходили с согласия короля, Сената и знати, то вторые собирались зачастую незаконно и иногда выступали против властей: они были тем более опасны, что в их

состав входили вооруженные дворяне. В действительности, они вели себя как лиги, защищающие частные интересы, и без колебаний оказывали давление на законные власти, чтобы добиться исполнения своих желаний. История страны насчитывает великое множество таких конфедераций. Одной из главных стала конфедерация вне Сейма, собравшегося в Варшаве 6 января 1573 года: на ней был принят принцип прямого всеобщего голосования для дворянства. Его выдвинул до того неизвестный Жан Замойский, хозяин замка Бельц. Он предложил, чтобы каждый дворянин получил право и обязанность лично принимать участие в выборах. В результате избирательной кампании, открытой после смерти Сигизмунда, члены общего Сейма оказались к их глубочайшему удовлетворению облечены высшей властью в королевстве.

Обсуждение кандидатуры герцога Анжуйского

В 1569 году премьер-министр турецкого султана Басса интересовался у французского посла личностью герцога Анжуйского, спрашивая, женат ли он, является ли вторым братом короля и его генерал-лейтенантом. Узнав все что нужно, он заговорил о Польше, о хороших отношениях Сигизмунда-Августа и турецкого султана. По его словам, принцесса Анна могла стать наследницей Сигизмунда, и Турция была бы очень рада видеть ее мужем французского принца.

В том же 1569 году случайно так совпало, что карлик-поляк королевы-матери очень часто рассказывал ей о своей стране, ее богатствах и симпатиях к Франции. Постоянно строящая планы об устройстве своих детей, Екатерина уже видела Карла IX преемником императора Максимилиана, а Генриха королем Польши. Карл IX дал себя увлечь этой химерой, зная, что немцы имели обычай говорить: «Нами не будет править ни француз, ни испанец». Но помечтать всегда приятно. Так, в одной записке к Баланьи, официальному представителю королевы-матери в Польше, молодой король пишет о своей возможной коронации в Империи, а его брата в Польше: «Мы будем держать повод за оба конца».

Однако лишь в 1572 году Екатерина Медичи приняла всерьез мысль сделать Генриха королем Польши. Предвидя неудачу с английским браком, трудно было найти что-нибудь лучше союза с принцессой Анной. Находясь в Блуа, Екатерина посвятила в свои планы Жана де Монлюка. Епископ Баланса тоже посоветовал ей женить Генриха на сестре Сигизмунда, хоть ей и было уже сорок

лет, чтобы избежать рискованных выборов.

Согласится ли герцог Анжуйский покинуть прекрасную Францию и уехать в далекую страну, чтобы жить там в суровом климате, среди людей, напоминающих варваров? Екатерина намекала сыну, что эта ссылка будет временной. Могла ли она предвидеть, что ее невольное пророчество так быстро исполнится?

Оставалось лишь договориться с двором в Кракове. Идеальным было бы отправить туда неофициального представителя, чтобы провести «разведку местности». Им стал родной сын епископа Баланса. Молодой человек превратился в студента, решившего пополнить свое образование путешествием по странам севера: по Германии, Польше, Швеции и Дании. Он начал с Бены, где Максимилиан ничего не заподозрил о его миссии. Весной 1572 года Монлюк, правитель Баланьи, ступил на польскую землю. Сначала он побывал в Кракове, затем приехал в замок Книзин, что на границе с Литвой, в котором проводил свои последние дни Сигизмунд-Август. Если в Париже представления о Польше совершенно не соответствовали действительности, то теперь юный дипломат не мог восхититься грандиозным размахом жизни польской знати. Живя в величественных дворцах с прекрасной обстановкой, почти всегда окруженных огромными парками, вокруг которых расстилались леса, высшая знать принимала себе равных, устраивая банкеты, на которых сервировали и вина Мальвазии и мускаты Кандии. Она страстно предавалась физическим упражнениям, гарцевала на великолепных лошадях. Она очень гордилась высоким рождением и знатностью, что было хорошо заметно в ее гербах. Кроме того, эти господа так хорошо говорили по-французски, что, казалось, они родились в Париже. Во время праздников и различных приемов они охотно поднимали бокалы за здоровье Карла IX и его брата. Во время таких пирушек Баланьи старался почаще упоминать о «редких достоинствах блестящего герцога Анжуйского». Но подобное времяпровождение Баланьи закончилось, когда он приехал в замок Книзин на границе Полыни и Литвы: умер Сигизмунд-Август. Юноша принял участие в похоронах, прошедших в замке, где саркофаг должен был оставаться до прихода нового короля. А затем его должны были перенести в некрополь польских королей, в церковь Сен-Станислас в Кракове.

Баланьи пришлось вернуться во Францию. В Польше он оставил секретаря своего отца Шуаснена, чтобы следить за обсуждением кандидатуры Генриха. Благодаря Вулкомбу, королевскому послу при Максимилиане II, 19 июля французский

двор узнал о смерти Сигизмунда-Августа. Теперь уже нельзя было терять время, поскольку покойный король не успел выступить в Сейме и назначить Генриха Анжуйского своим наследником. Несмотря на свой преклонный возраст (ему было 70 лет), Жан де Монлюк уступил настойчивым просьбам Екатерины. Он был опытным дипломатом, способным успешно преодолеть все препятствия, готовый обещать и соглашаться на все требования избирателей Сейма.

Он покинул Париж 17 августа 1572 года, незадолго до свадьбы Маргариты Валуа и Генриха Наваррского. В Сен-Дизьере его догнало сообщение о случившемся в день Святого Варфоломея. Отныне проезд по германским странам и встреча с протестантами не сулили ничего хорошего. Хуже того, в Лотарингии секретарь епископа Вердена приказал арестовать королевского посланника, когда тот находился на пути в Мец. Епископ немедленно написал о своем затруднительном положении королю и королеве, и Екатерина поторопилась скорее его освободить.

Господина де Баланса ожидало много других осложнений. В Страсбурге он встретился с новым разочарованием. Там он думал увидеться с лучшими латинистами того времени, так как требовалось хорошее знание латинского языка, чтобы выступать с речью перед польским избирательным Сеймом. Но ужас, рожденный 24 августа, заставил знаменитого Скалигера бежать в Женеву, советник Парламента Гренобля Маллок заболел, и уже не шла речь о Пьере Рамусе, убитом в Париже своим врагом Шарпантье. Несчастья преследовали Монлюка и во Франкфурте, где один полковник наемников решил забрать у него лошадей и багаж в счет неоплаченных французами услуг. Лишь с помощью Сената свободного города Монлюк вернул себе свое имущество, заплатив все же выкуп в 300 экю наемникам, ожидавшим его за воротами города. Опасаясь быть арестованным по приказу императора, если бы он поехал через австрийские земли Силезии, Монлюк предпочел рискнуть и вновь иметь дело с наемниками Бранденбурга. Играя наудачу, ему пришлось двигаться через чумные районы, покинутые деревни, иногда останавливаться на ночлег в лесу. Несмотря на все эти препятствия, он все же добрался до Польши. И там принялся за осуществление плана действий, составленного с большой ловкостью и мастерством. Принеся соболезнования короля Франции принцессе Анне, он не преминул убедить польский двор в глубокой симпатии к нему Карла IX. Затем он сообщил, что король доверил ему «от лица его брата» попросить руки наследницы Ягеллонов. И разве не были едины французская и польская нации по духу и нравам, так как

обе «исполнены гуманизма и ведут мягкий разговор»?

То было лишь вступление, пробный шар перед настоящей игрой. Предстояло заключить предложенный Карлом IX наступательный и оборонительный союз, так что московский царь оказался бы лишен прежней свободы действий. Монлюк утверждал, что герцог Анжуйский намерен править своими будущими подданными в соответствии с настоящими или будущими конституционными свободами в духе милосердия и полной законности. Монлюк шел еще дальше и в случае избрания Генриха обещал, что турецкий султан уступит Польше Молдавию. Можно ли было найти лучшего монарха, чем герцог Анжуйский, прекрасный принц и опытный военачальник, чтобы положить конец угрозам и притязаниям московских царей на Литву?

Требовалось, чтобы все эти обещания и радужное будущее были переданы на чистом латинском языке в письменной или устной форме. В Польше говорили на многих языках, на немецком, французском, итальянском, но языком политической жизни был язык латинский. «Когда вы находитесь в Польше, то можете подумать, что вы в Лации», — часто говорили гуманисты. На всех собраниях следовало говорить на латыни. Такая практика была распространена в Польше и Венгрии. Даже в XIX веке на Сеймах в Венгрии обсуждения велись на латинском языке. Надо ли напоминать, что вплоть до упразднения в 1806 году канцелярии Святой Германской Империи ее официальным языком был язык Цезарей (римских императоров)? Какой бы глубокой ни была разница между Польшей и Венгрией, римская церковь оказала на них такое сильное влияние, что они стали пользоваться в политике языком своего учителя.

Жану де Монлюку предстояло действовать в несколько необычных для себя условиях. Заседание Сейма, на котором должны были избрать наследника покойного короля, было назначено на 17 сентября 1572 года. Монлюк передал сенаторам и нунциям очень любезное письмо Карла IX, в котором он выражал свои искренние симпатии к польской нации. Он писал, что дает им в качестве короля «своего дорогого и любимого брата Генриха, великодушного и мудрого герцога, доброго и добродетельного, на которого он может опереться как на свою правую руку, которому доверяет все дела мира и войны». И разве Генрих не был прекрасным принцем с величественной осанкой, обладавшим замечательным умом и осторожной предусмотрительностью? Разве не доказал он свои достоинства, примиряя религиозных соперников? Рожденный и воспитанный высокообразованным народом, он без труда примет нравы и обычаи Полыни. Помимо многих его достоинств как

гражданского человека, он обладает истинным даром военачальника. И Монлюк напомнил о победах Генриха, одержанных в ходе кампании 1569 года, предусмотрительно избегая говорить о его недавней неудаче под Ля-Рошелью.

Здесь речь шла о пропагандистском портрете. Польщенные похвалами в свой адрес, поляки с удовольствием приняли его. Особенно пришлось им по душе сравнение между французской и польской нациями. Разве последняя, столь мягкая и великодушная, могла иметь другого монарха, кроме Генриха Анжуйского, воплощения мягкости и доброты? Разве мог Генрих Французский править такой гордой и отважной нацией иначе, как храбро и милосердно? И, наконец, как могли поляки остаться равнодушны к военной славе, которой был окружен герцог?

Но каким бы лестным ни был для поляков этот портрет, его одного было недостаточно. Предстояло уничтожить в умах избирателей кандидатуры соперников. Более всего следовало опасаться сына Императора, эрцгерцога Эрнеста. К счастью, Стефан Батори, воевода Трансильвании (а в последствии преемник Генриха), отозвал свою кандидатуру ввиду поддержки, оказываемой турками герцогу Анжуйскому, на которую он сам больше всего рассчитывал. Что касается Альберта-Фредерика де Брандербурга, сына последнего великого учителя ордена Тевтонов (который он секуляризовал, став протестантом), то, хоть ему и симпатизировала часть польских евангелистов, он был немцем (как и эрцгерцог Эрнест), и у него почти не было никаких шансов. Другой претендент, Жан III, король Швеции, был почти у цели, так как был женат на другой дочери покойного короля, Екатерине, и в качестве подарка за свое восшествие на престол обещал вернуть Польше недавно завоеванную им Эстонию. И, наконец, царь Иван Грозный имел наглость выставить свою кандидатуру с единственным козырем на руках: он обещал больше не нападать на Польшу, если станет ее королем!

Католики симпатизировали эрцгерцогу Эрнесту, но поляки не любили Империю и не хотели войны с турками, первым врагом которых были Габсбурги. Евангелисты резонно критиковали воинствующий католицизм принца, подверженного влиянию иезуитов. Казалось, все складывается в пользу герцога Анжуйского, когда пришло сообщение о Варфоломеевской ночи. Шуаснен рассказывает, что каждая неделя приносила картины ужасных смертей. Король и герцог Анжуйский были изображены свидетелями трагедии, показывающими жестами и словами, что они удручены недостаточно жестокой расправой. Монлюк писал государственному секретарю Брею Брюслару: «Подувший из Франции ветер потопил корабль, который мы почти уже ввели в

гавань». Вновь, 20 января 1573 года он делился своим разочарованием: «500 собак изъявляют желание меня покусать, лают день и ночь, и надо, чтобы я всем ответил… Прошу вас, окажите мне услугу и поговорите обо мне с королевой, чтобы она подумала о том, как вытащить меня отсюда».

Обрадованные австрийцы отчаянно злословили по поводу герцога Анжуйского. Эхо их инсинуаций можно обнаружить в депешах Зуниги, — так он пишет 31 марта: «чтобы создать благоприятную ситуацию для сына императора, от имени Вашего Величества было сказано, что герцог Анжуйский слишком изнежен, а король Польши должен быть мужчиной и воином». В ответ 20 апреля 1573 года Филипп II отверг эти измышления: «То, что, по словам Гонди, слышала королева-мать, настолько далеко от истины, что вы можете уверить королеву, что это выдумки недобрых людей».

Так мало-помалу поднималась волна лжи, в конце концов запятнавшей всю репутацию Генриха, проистекая из затаенной злобы его соперников. Разоблачение Филиппа II тем более ценно, что покров дипломатической тайны гарантирует искренность.

Стоя под проливным дождем антифранцузской пропаганды, Монлюк преодолел свое разочарование и решил, что лучшим выходом будет организовать новое наступление. В срочном порядке надо было дать новую версию событий Варфоломеевской ночи. Так родилась «Защита Жана де Монлюка… в поддержку великого герцога Анжуйского против лживых измышлений некоторых недоброжелателей». Под его пером все переменилось. В Париже не убивали 40 дворян-гугенотов. С помощью предпринятых мер король раздавил в зародыше заговор гугенотов. Главной причиной случившегося была известная вражда между домами Гизов и Шатийон, излишнее же кровопролитие следует отнести на счет парижского населения. Король и его брат тут были ни при чем. Но совершенно по-другому положение выглядит в письме епископа Баланса от 5 февраля 1573 года: «Я думаю, что Их Величества с удовольствием видят мое затруднение, испортив все то, что было для них сделано… Господь и весь мир подтвердят, что это парижское безумие стоило им короны в Польше. Я снова все устроил, но это путешествие к Ля-Рошель свело на нет мои усилия, и, должно быть, Монсеньору это было очень нужно, чтобы по такой причине потерять королевство! Что ж, неплохо. И если он хочет остаться во Франции, я надеюсь, он в конце концов станет капитаном первопроходцев». Однако, изливая свою желчь в частных письмах, на публике Монлюк не переставал сражаться. Кроме «Защиты» он издал маленькую книжечку Пьера Шарпантье, выдававшего себя

за гугенота и одобрявшего резню 24 августа, тогда как Дю Фор де Пибрак в письме к Эльвидиусу создавал подобные вариации в отношении Елизаветы Английской. Вероятно, что Монлюк принял участие по крайней мере в распространении «*Vera et brevis descriptio*»[1], вышедшего в Кракове в 1573 году «стараниями издателя Шарфенберга».

В начале этого решающего года французская дипломатия удвоила свои усилия. В Константинополе Ноай убедил турецкого султана выступить перед польским Сенатом в пользу Генриха Анжуйского. Екатерина попросила Монлюка склонить на свою сторону воеводу Сиераца Альбера Ласко, хотя тот уже был подкуплен императором. В марте 1573 года французских дипломатов прибыли поддержать аббат де Л'Исл, брат Ноайя, и Ги де Сен-Желе де Лансак. Они принялись красноречиво восхвалять достоинства герцога Анжуйского, говоря слушателям, что Генрих обладает гремя главными качествами: «*Facilis in aditu, patiens audiendo, sapiens respondendo*» («Он доступен, умеет терпеливо слушать и мудро отвечать»).

Впервые в своей истории польский народ выбирал своим королем иностранного принца из Центральной Европы. В XIV веке король Венгрии Лайош I, потомок брата Святого Людовика, уже получал корону святого Стефана (корону Пястов), а до него двум королям Богемии, Вацлаву II и Вацлаву III, так же как Жану де Люксембург, тоже удалось некоторое время править в Польше.

Избирательный сейм (*5 апреля — 10 мая 1573 года*)

Сейм открылся 5 апреля. 40 000 дворян прибыли на Камьенскую равнину, что на юге от Варшавы. Поделенные на группы по воеводствам, они расположились в палатках по обе стороны реки Вистулы, берега которой соединялись деревянным мостом. Посередине возвышалась палатка, укрывающая королевский павильон и окруженная четырьмя меньшими палатками. Все сооружение было окружено деревянным частоколом и рвом, скрывавшими место, где проходили совещания.

Поскольку все кандидаты были иностранцами, то первым этапом выборов был прием послов, который следовал за мессой Святого Духа в соборе Сен-Жан. Первым выступил кардинал Коммандон. Он напомнил собравшимся о единстве интересов католицизма и Польши, яростно раскритиковал реформатов и принцип свободы вероисповедания. Он вызвал аплодисменты

католиков и явное неодобрение протестантов, бывших в большинстве своем кальвинистами. Вторым взял слово герцог Пруссии, но его выслушали только для формы. Третий оратор, Розенберг, защитник интересов эрцгерцога Эрнеста, говорил на чешском языке. Пытаясь уверить в своей поддержке католиков и при этом не обидеть протестантов (что было очевидной иллюзией), он обрушился на Генриха Валуа. Мог ли тот даже просто приехать в Польшу, если германские принцы запретят ему проезд через свои территории? И разве достойно христианского принца быть союзником турецкого султана? Как он будет понимать своих подданных, если он не способен говорить на их языке? Если же Сейм изберет эрцгерцога, то Император заключит с Польшей договор на самых выгодных для нее условиях и даст (это было наиболее заманчивое предложение) свободный проезд для обозов вин из Венгрии, большими любителями которых были польские магнаты.

После Розенберга наступала очередь Монлюка восхвалять достоинства герцога Анжуйского. Но старый лис притворился больным и попросил выслушать его на следующий день. Получив копию речи Розенберга, он всю ночь работал над своим собственным текстом и выступил со смелой и виртуозной речью. В качестве вступления он напомнил о давней и прочной дружбе между двумя странами, незаметно подчеркнув престиж французского королевства. За Генриха говорили его славные корни, прекрасный нрав и привычки, живой ум и способности военачальника. И разве есть большая привилегия, чем возможность свободно выбирать короля (тут Монлюк затронул то, что сильнее всего могло польстить польской знати, столь гордящейся своей независимостью)? Во Франции, как и в Польше, каждый, даже самый скромный подданный, может призвать к ответу самого короля. Говоря о других кандидатах, Монлюк высказал убеждение, что с ними Польша не станет счастливее. Однажды ею уже правил принц крови Святой Империи, Жан де Люксембург, но она в конце концов выгнала его со всем его окружением, потому что немцы только и думали, как бы разграбить страну. Что касается убийцы и деспота Ивана Грозного, то его кандидатура должна быть отклонена, тем более что Карл IX предлагал Польше заключить против него союз, одновременно, в случае избрания своего брата, предлагая самый выгодный торговый договор.

Кроме того, герцог Анжуйский обещал подтвердить все законы и свободы страны, а также погасить долги Польши. В Кракове будет восстановлен университет, на Балтийском море герцог создаст флот и получит от турецкого султана согласие

вернуть Молдавию. И наконец, Монлюк уничтожил аргумент сторонников эрцгерцога, опирающийся на то, что Генрих не сможет пройти через германские территории, чтобы попасть в Польшу: ничто не помешает ему высадиться в Данциге на одном из кораблей флота Карла IX. Известный мастер риторики, епископ Баланса закончил свою полную обещаний речь на сентиментальной ноте. Генрих покинет свою семью, чтобы найти другую и разделить со своими будущими подданными их заботы и печали: «О прекрасные воеводы, избирайте его и ваша свобода останется неприкосновенной! Все свои помыслы он направит на ваши дела. Вы никогда об этом не пожалеете, и он по праву будет называться хорошим королем, осмотрительным и храбрым отцом народа».

Конец речи потонул в громких криках всеобщего одобрения. Монлюк предусмотрительно перевел речь на польский и пустил в обращение около тысячи экземпляров. В общем, ему посчастливилось избежать ошибочных шагов.

Избирательный корпус выжидал еще три недели, прежде чем вынести окончательное решение. Монлюк тем временем принимал множество людей, предоставив аббату де Лислу заботиться о подогревании рвения епископов, Лансаку добиваться поддержки политиков, а Баланьи развлекать наибольшее число избирателей танцами, упражнениями с оружием и теплыми вечеринками. Господин де Баланс знал, что католики сразу были на его стороне, и по мере возможности старался умаслить евангелистов. Он беспардонно осуждал ужасную Варфоломеевскую ночь, убеждая реформатов, что Карл IX намерен изгладить о ней всякое воспоминание и реабилитировать ее жертвы. Орзельский, один из очень знатных дворян, враждебно настроенный к Монлюку, писал: «Лицемерие этого старика было настолько велико, что в нем нельзя было найти ничего точного, стабильного и серьезного. Он обещал больше, чем вообще могло произойти во всем христианском мире».

Голосование открылось в понедельник 4 мая. Стоя на коленях и слушая псалмы, избиратели просили Господа просветить их. Архиепископ де Гнезно объявил имена кандидатов. Иван Грозный и герцог Пруссии отвели свои кандидатуры. Остались эрцгерцог, герцог Анжуйский, король Швеции и какой-нибудь «Пяст», то есть любой знатный поляк, которого пожелают назвать избиратели. Разрешение любому «Пясту» собрать голоса, не участвуя в выдвижении своей кандидатуры, льстило самолюбию каждого знатного человека, но также рождало трудности. Стали называть имена, Ян Зборовский дал имена своих родителей и друзей. Об этом иронично пишет Орзельский: «Появилась целая армия

Пястов».

8 мая под председательством маршала-кальвиниста Яна Фирлея в присутствии всех сенаторов и депутатов великий канцлер сломал печати на конвертах, содержащих голоса каждого воеводства, и объявил имена кандидатов в том порядке, как они были записаны.

Генрих возглавил этот первый тур голосования. Его единодушно избрали 22 воеводства из 32. Во всех остальных он набрал большинство голосов. Каждый раз, как называли его имя, его сторонники разражались приветственными криками. Любопытно, что многие голоса были отданы «Пястам», но те вскоре поняли бесполезность борьбы и сняли свои кандидатуры.

После первого этапа, согласно распорядку, установленному Сеймом, созванным 5 января, Сенат назначил каждому оставшемуся кандидату троих защитников, которым предстояло отстаивать их кандидатуры 5 мая. Один из трех ораторов герцога Анжуйского, Станислав Карновский, епископ де Волькамвек, выразил общее настроение, заявив: «Глас народа — глас божий. Народ хочет, чтобы королем был Генрих». И толпа ответила ему криками: «Галла! Галла!» («Француза! Француза!») Напрасно представитель эрцгерцога пытался произнести хвалебную речь в пользу своего патрона. Его почти не слушали. Та же судьба постигла оратора короля Швеции.

Едва ораторы закончили свои речи, как главный архиепископ страны Ушански приготовился объявить об избрании герцога Анжуйского, но воевода Сандомира заметил, что нет кворума: «Не все в сборе, перенесем заседание на завтра». Поскольку «завтра» наступал Троицын день, то с общего согласия заседание перенесли на понедельник 11 мая. Дойдет ли дело до рукопашной, ведь все участники Сейма были вооружены? 11 мая в какой-то момент этого можно было опасаться. Подчинится ли меньшинство большинству? Неуверенные в этом сторонники Генриха собрались в боевом порядке вокруг королевской палатки под руководством Кристофа и Яна Зборовского, Ласко и Ходкевича. Примкнувшие к Зборовскому в знак сделанного ими выбора пошли в соседний лес, нарвали там еловых веток и украсили ими свои шляпы, копья и головы лошадей. Их противники расположились в деревушке Грошов. Они согласились участвовать в голосовании только при условии, что в первую очередь будут приняты статьи об ограничении королевской власти. Поддержанное воеводой Сандомира, предложение было принято. Делегатов пригласили на Сейм. Их возвращения ждала целая армия, окружившая королевский павильон. Но когда они вышли и один из них начал зачитывать

условия, его голос заглушили крики, и сенаторы и дворяне заполнили королевскую палатку: «Генрих, Генрих Валуа король Польши. Мы Так хотим. Мы хотим, чтобы он был королем!» Их слова подхватили тысячи людей снаружи. Согласно обычаю, среди всеобщего шума и гама первый архиепископ трижды произнес: «Наш король величайший герцог Анжуйский».

Не согласные с решением делегаты сделали вид, что отступили, когда Ян Зборовский им крикнул: «Архиепископ не объявил короля избранным, он только назвал его. Избрание состоится окончательно, когда послы нового короля примут от его имени все поставленные условия». Подобная хитрость позволила протестантам сохранить свои резервы. Услышав об объявлении своего кандидата, сторонники Генриха разошлись. Сенат предоставил слово делегатам с другой точкой зрения. После чего было решено возобновить заседание на следующий день.

Монлюк спешно вернулся из Плоко в Варшаву вместе с Лансаком, аббатом де Лисл и поторопил Базена, находившегося с «инакомыслящими» в Грошове. Наконец, 15 мая на заседании Сейма Монлюку передали условия для Карла IX и его брата. «Хотя он (Монлюк) рисковал умереть под бременем забот, рассказывает Шуаснен, он согласился подписать все статьи». Затем все три посла встали на колени и передали необходимую клятву в руки первого архиепископа Ушанский.

Итак, лишь маршал двора и капитан, заменяющий маршала литовского, объявили Генриха новым королем. Чуть позже в Варшаве зазвучало «Тебе, Господь». Епископу Баланса предстояло преодолеть все трудности, чтобы сделать избрание окончательным, принимая условия избирательного Сейма. Так родилась 15 мая 1573 года новая форма королевской конституционной республики, окончательно ограничивающей власть монарха, отныне избираемого народом, все это нашло отражение в *Pacta Conventa* и закреплено *Articuli Henriciani*. «Пакты» регулировали отношения короля и Сената и провозглашали свободу совести и культа. «Генриховы статьи» были не менее важны: первая статья окончательно упраздняла сам принцип наследственности и династии. Теперь между королем Польши и дожем Венеции не было никакой разницы. Сейм должен был собираться каждые два года, а королю отводилась роль советника при Сенате в обсуждении всех общественных дел. Наконец, монарх был членом Контрольного Совета, в котором каждые шесть месяцев сменялось четыре сенатора. Генрих также должен был принять и утвердить привилегии дворянства, полученные до его избрания, включая

решения Варшавской конфедерации. (Когда все это представили молодому королю, он подписал бумаги с огромным отвращением.) В случае, если новый король нарушал какую-либо из статей, польское дворянство считало себя свободным от обязанности ему подчиняться и получало право восстать против него. Таким образом, «статьи», которые в XVII веке слились в единое целое с «Пактами», отмечают апогей роста индивидуальных привилегий и свобод дворянства. Сейм закончил тем, что провозгласил себя верховным органом в государстве. XVII веку предстояло увидеть два восстания против королевской власти на основании отказа подчиняться королю в случаях, предусмотренных в документах.

Но в 1573 году повсюду царило радостное настроение. Подписав от имени Генриха «Пакты» и «Статьи», на следующий день Монлюк писал королеве: «Мадам, я сдержал данное вам слово сделать Монсеньора королем этого королевства». Екатерина плакала от счастья, когда объявляли об избрании королем ее любимого сына. Герцогу Анжуйскому оставалось вступить во владение своей короной и приступить к исполнению обязанностей, связанных с высочайшим почетом. До его приезда в Польшу должно было пройти несколько месяцев. Его опередил визит во Францию польских магнатов, пришедших засвидетельствовать свое почтение новому королю и одновременно получить согласие выполнить все требования, подписанные от его имени французскими дипломатами, чтобы убедиться, что религиозная свобода останется неприкосновенной. Великие воеводы приготовили Генриху в подарок всего лишь кубки с медом (один из национальных напитков поляков)!

Посольство польского дворянства (*август — сентябрь 1573 года*)

Еще до приезда официального представителя Сейма Конрада Пржеклавского в Ля-Рошель (22 июня), уже 28 мая Генрих узнал о своем избрании из письма епископа Карновского и воеводы Ласко, переданным с их специальным посланником Жоржем Ганновиусом. В начале июня Генрих начал общение со своими будущими подданными через посредничество Якова Понянтовского (представителя Яна Зборовского) и Станислава Циолека. По возвращении Екатерина приняла их как самых важных лиц в мире. А они по пути через Германию договорились с маркграфом Бранденбургским и герцогом Августом Саксонским, что намечающееся большое посольство к Генриху свободно

пройдет через их территории. Состоящее из двенадцати католиков и реформатов, оно насчитывало в своей свите 250 дворян и целую толпу слуг. 2 августа 1573 года на границе к нему присоединился Жан де Монлюк. Хотя, разочарованный неудачей своего сына, Император отказался дать полякам разрешение пройти через свое государство, епископу Познани Конарскому удалось добиться свободного прохода. 14 августа посольство ступило на французскую землю в Меце. Там от имени Карла IX его принял Жан де Люксембург, граф де Бриен. 19 августа поляки вошли в Париж, который большинство из них видело впервые.

Первый камергер Его Величества выехал им навстречу в Пантен. Они вошли в столицу через ворота Сен-Мартен и проследовали в приготовленные для них дома на левом берегу Сены, пройдя через многочисленные триумфальные арки. На одной из них можно было прочесть составленную в их честь надпись Жана Дора на латинском языке:

Miramur cultus, mitamur Galli Vestra Polonorum, quali semideum.

(Мы, французы, восхищаемся вашей польской культурой и красотой).

Гораздо менее склонные к восхищению парижане очень удивились и развеселились при виде шляп и широких смешных шуб гостей. Как можно быть поляком, носить длинные как реки бороды, меховые шляпы, носить на перевязи украшенные драгоценными камнями шпаги и кривые турецкие сабли, надевать на ноги подкованные железом ботинки, перекидывая через плечо полный стрел колчан, и в довершение всего выставлять напоказ совершенно лысые черепа!

В отличие от парижских зевак, французские придворные быстро почувствовали, насколько поляки превосходят их в своей культуре и свободном владении языками. Молодой Жак-Огюст де Ту был совершенно ошеломлен той невероятной легкостью, с которой они разговаривали на латинском языке. Почти все они свободно владели немецким, итальянским языками, чуть меньше французским.

Тогда Генрих, возможно, глубже осознал пользу знаний. А может быть, он пожалел о том, что был недостаточно усидчивым на уроках Пибрака? Вероятно, именно Тем периодом можно датировать его просьбу к своему старому наставнику просветить его в искусстве составления речей, торжественных выступлений, правильного ведения беседы и аудиенций с послами или своими подданными.

Отдохнув два дня, поляки перешли Сену и явились в Лувр, где их ждал Карл IX. Епископ Познани Адам Конарский обратился к королю с речью на латинском языке, на которую ответил

канцлер Рене де Бираг. Затем поляки встретились с королевой-матерью. Конарский произнес для нее новую торжественную речь на латинском языке, и ее сразу же перевел епископ дю Пюи. Екатерина знала, что польский прелат понимает итальянский язык, и ответила ему на тосканском наречии. Наконец, поляки выразили свое почтение королеве Елизавете, жене Карла IX. Она ответила им через Гонди, который представлял посольство. Но все эти аудиенции были второстепенными, так как поляки еще не предстали перед своим новым королем.

В субботу 22 августа, почти день в день через год после событий Варфоломеевской ночи, богато одетые послы, сидя на прекрасных лошадях, вновь прибыли в Лувр. Принятые Генрихом, они вручили государственному секретарю Брюслару свои верительные грамоты, и епископ Познани взял слово. Он поздравил молодого короля с его единодушным избранием на престол и попросил подтвердить согласие соблюдать пакты и статьи, подписанные его представителями. Если «лишь одни его добродетели» выделили его из всех остальных кандидатов, то он должен точно следовать им в своем правлении. Епископ добавил, что он должен не откладывая стать на стражу «свободы Польши и защищать ее от московского царя, ее соседа и извечного врага». Ему предлагалось приехать в королевство не позже сентября, так как московский царь почти всегда начинал войну в конце лета. Генрих не очень хорошо говорил на латыни, поэтому он ограничился кратким заранее приготовленным ответом и предоставил своему канцлеру Гюро де Шеверни соревноваться в красноречии с епископом Познани. После чего послы поцеловали правую руку своего короля и покинули Лувр, восхищенные оказанным им приемом.

По любопытному совпадению Карл IX в тот же день объявил герцога Анжуйского своим наследником на корону Франции. Осторожная Екатерина позаботилась о принятии этого решения, которое в ближайшем будущем должно было сделать свое дело.

Среди всеобщего энтузиазма один Зунига не мог сдержать своей досады и недоброжелательства. В депеше 22 августа он иронизирует по поводу плохого знания Генрихом латинского языка. Он говорит, что Генрих плохо понял текст, который ему дали, потому что «не знает ни одного номинатива». А дальше отпускает еще одну колкость: «Я думаю, что как только его разделят с матерью, он покажет, что из себя представляет на самом деле». Довольно жестокая оценка, но не лишенная истины, так как мать имела на него очень большое влияние.

Главным, конечно, были не приемы, а согласие Генриха на условия его избрания. 24 августа после полудня посольство

вошло в Отель д'Анжу, расположенный напротив Лувра. Епископ Познани рассказал Генриху об удивлении послов тем, как во Франции восприняли деятельность Сейма и его решения. Известный знаток конституционного права, Адам Конарский обрисовал Генриху его роль и функции в управлении республикой: «Беспомощный принести зло, гы будешь всемогущ, чтобы делать добро. За это тебя будут все любить. Ты будешь обладать привилегией королей Польши сможешь спокойно спать на груди у каждого своего подданного». Такое прекрасное вступление совершенно не отражало тяжелых обязательств, которые должен был взять на себя Генрих. Государственный секретарь Брюслар зачитал требования польской стороны. Затем Генрих короткой латинской фразой объявил, что он предпочел бы вести обсуждение на французском языке, с которым были знакомы некоторые члены посольства. Тогда к нему подошли воевода Кракова и Александр Происки. Генрих заявил им, что среди прочих ему кажется чрезмерной статья, в которой французы исключались из числа его слуг. Короли Франции, сказал он, всегда имели обычай принимать и держать у себя на службе людей из разных стран. После непродолжительной дискуссии было решено перенести дальнейшее обсуждение (бывшее на самом деле настоящими дипломатическими переговорами) на 29-е число, в тот же Отель д'Анжу.

Эта вторая встреча тоже ничего не решила, но выявила одновременно внутренние расхождения в польской делегации и нежелание Генриха связывать себе руки. Предвидя возможное сражение, Шеверни попросил поддержки у королевы матери, Бирага и Морвилье. Герберт Фульштин в качестве юриста зачитал статьи, отменяющие передачу короны по наследству и делающие распоряжения Варшавской Конфедерации основным законом Республики. Он попросил Генриха утвердить выработанный Сенатом текст и принести клятву всегда выполнять его. Затем чтение продолжил правитель Гнезно. Но при упоминании статьи о мире с инакомыслящими в религиозных вопросах от имени духовенства выступил с протестом епископ Познани. Так же повели себя воевода Ласко и маршал Радзивил в отношении других моментов. Их выступления немедленно вызвали ответную реакцию протестантов, напомнивших католикам, что они подписали все статьи Варшавской Конфедерации. Те ответили, что они сделали это только в интересах сохранения мира, но теперь отказываются давать под предлогом свободы дорогу религиозным разделениям и последующим за ними беспорядкам. На этот раз реформаты обратились к Жану де Монлюку. По их просьбе епископ Баланса признал, что зачитанные только что

статьи были те самые, которые он подписал от имени Генриха, и подтвердил, что ни один сенатор не высказался против них, за единственным исключением первого архиепископа Ушанского. Тогда самые ярые католики — среди которых были Замойский, Герберт де Фульштин и молодой Томики заявили, что «они предпочтут умереть, чем хоть на волос отойти от католической веры».

Воспользовавшись такими противоречивыми выступлениями, Генрих заметил, что не может подписать статьи, о которых расходится мнение его подданных. Эти слова задели за живое Яна Зборовского, и он произнес ставшую знаменитой фразу «*Jurabis aut non regnabis!*» («Ты или принесешь клятву или не станешь королем!»). И в этом вся суть споров. Заседания продолжались с 1 по 9 сентября. Епископ Познани нашел общий язык с большинством католиков и реформатов и уверил Генриха, что его протест касался самого принципа Варшавской Конфедерации, он и не помышлял делать что-то без своих коллег. Надо было еще договориться о двух статьях, с которыми Генрих был не согласен: одна обязывала его отказаться от своих личных доходов в пользу Республики, другая освобождала его подданных от обязанности ему подчиняться, если он нарушал законы республики или одно из условий его избрания. Возникло новое затруднение, когда епископ Познани попросил Генриха подумать о возможном браке с Анной. Тот ловко ответил, что послы не привезли с собой согласие принцессы, и что вопрос остается открытым. Наконец, чтобы покончить со всеми делами, было решено, что обещанная Республике сумма будет вноситься в казну ежегодными поступлениями, которыми Генрих имел право располагать. На последнем заседании 9 сентября еще раз были зачитаны «Пакты» и «Статьи», затем Генрих подписал их. Епископ Познани тем не менее сохранил за собой право протестовать против статьи о мире с инакомыслящими в вопросах религии, но решили, что он не будет это особенно афишировать.

Освободившись от утомительных дискуссий, в тот же день король Польши дал великолепный банкет в честь польского посольства. То была небольшая передышка перед торжественной церемонией принесения клятвы, состоявшейся на следующий день в соборе Парижской Богоматери. Во время мессы, которую читал епископ Парижа Пьер де Гонди, Карл IX и Генрих I Польский принесли ту клятву, которая была очень важна для поляков, так как король Франции пожелал выступить гарантом выполнения обязательств, принятых его братом. Клятву зачитал и принял Герберт де Фульштин, правитель Санока. Затем епископ Познани без всякого скандала передал канцлеру польского

короля Шеверни свой протест против новой формулировки клятвы, содержащей статью о свободе вероисповедания.

Через три дня королю Польши предстояло участвовать в новой церемонии торжественной передачи декрета об избрании на трон. Сегодня этот прекрасный дипломатический документ хранится в архивах Кэ д'Орсэ. В большом зале Дворца Правосудия на небольшом возвышении расположились Карл IX, король Польши, две королевы, герцог Алансонский и король Наваррский. Все остальное пространство зала занимали иностранные послы, государственные советники и члены Парламента, одетые в свои ярко-красные платья. Ведомые распорядителем королевского дома герцогом де Гизом, под звуки фанфар вошли польские послы, неся серебряную шкатулку с избирательным декретом, и положили свою драгоценную ношу на маленький столик, покрытый красным велюром. Адам Конарский представил декрет Карлу IX, затем повернулся к Генриху и объявил его королем. Затем шкатулку открыли и Герберт Фульштин вновь зачитал текст декрета, после к нему присоединился Христофор Радзивилл от имени Литвы, так как обе страны объединял равноправный союз.

Согласно обычаю, Генрих возблагодарил всемогущего Господа и отметил, что Республика оказала ему большую честь. Шевини в свою очередь превознес достоинства Генриха, покидающего свою родину и семью, чтобы составить счастье поляков, защищать их и увеличивать престиж их страны. «Пойдем туда, куда нас призывает вера и воля Господа» такими были его заключительные слова, потонувшие в аплодисментах. Осталось исполнить «Тебе, Господь». Радостный Карл IX поцеловал своего брата, руку которого по очереди поцеловали все польские послы. Декрет вернулся в шкатулку, и в сопровождении длинной процессии два воеводы отнесли ее к Сент-Шапель. Там ее принял Шеверни и поместил на покрытого золотой тканью коня, который отвез ее в Отель д'Анжу.

По традиции все церемонии должны были завершиться торжественным входом Генриха в Париж. 14 сентября прекрасно одетый король Польши прибыл в монастырь Дам де Сен-Антуан, где со специально подготовленной трибуны сделал смотр стоящих в Париже полков. Затем он поднялся на коня, вошел в город через ворота Сен-Антуан, по большой улице Сен-Антуан проследовал к Отель де Виль и оттуда к собору Парижской Богоматери, чтобы там принять участие в торжественной мессе. Вечером королева устроила прием в своем новом дворце Тюильри. После ужина был балет, в котором 16 молодых девушек олицетворяли 16 французских провинций. Представление

удивило и очаровало поляков. Последовавший за ним бал длился всю ночь, и не меньше восхитил их. Среди нимф, которых стремились пригласить все присутствующие кавалеры, блистала Елена де Фонсека, прекрасная испанка, прославленная Ронсаром в его «Сонете к Елене». По словам д'Обинье, потрясенные поляки говорили, что «французский бал не имеет себе равных». На следующий день глава парижских купцов от имени города подарил Генриху украшенную эмалью и серебром повозку с парой белоснежных лошадей, ставшую своеобразным символом на празднествах, организованных в честь короля Полыни.

Отныне путь в страну сарматов был открыт. У Генриха больше не было причин откладывать свой отъезд. 18 сентября он писал Станиславу Карновскому, что ничто не мешает ему выехать в Польшу, и одновременно сообщал о назначении Николя д'Ардена, правителя Рамбуйе, послом в Польше. Но Генрих покинул земли Лотарингии только 2 декабря 1573 года и отправился в путешествие через территорию Империи, которое должно было привести в его королевство. Эти три месяца свидетельствуют, вероятно, о большом нежелании Генриха оставить прекрасную Францию в обмен на дальнюю ссылку на берегах Вислы.

Расставание с королем Польши

Прикрытые праздниками, устроенными в честь Генриха Анжуйского, выявившиеся при переговорах осложнения были решены только на время. Помимо ограничения королевской власти главным вопросом оставалось сосуществование различных религиозных конфессий. В Польше согласие было давно достигнуто. На Западе часто считают исключительной заслугой Генриха IV введение Нантским эдиктом религиозной терпимости во Франции. Однако там забывают или просто не знают, что она уже существовала в Польше и была узаконена решением Варшавской Конфедерации в январе 1573 года. Еще в Средневековье на востоке и юго-востоке страны встретились католицизм и греческая ортодоксия. С незапамятных времен не только представители греческой религии, но также турки, татары, не говоря уже о евреях, свободно вели свои богослужения. Протестанты (или евангелисты) не без оснований решили, что они не должны быть лишены тех свобод, которыми уже давно пользуются другие конфессии, и знатные последователи кальвинизма смогли заставить признать свои права. Социниане, представлявшие собой крайнюю форму протестантизма, нашли в

Польше благословенное убежище, где могли поддерживать и развивать свое учение. Его основатель, итальянец по происхождению, Фауст-Поль Соццини в XVI веке сделал из города Ракова (предместье Кракова) прозванного сарматскими Афинами столицу так называемых «Польских братьев».

Становясь королем Польши, глава французских католиков, Генрих должен был согласиться жить в стране, где сосуществование конфессий было свершившимся фактом, утвержденным конституционным правом.

Часто говорили, что в Польше каждый может жить так, как захочет. Нунций Винценто Лорео считал, что «польская раса мягка», приводя при этом удивительный довод: «Итальянцы и французы ведут гражданские войны, потому что они пьют вино. А поляки пьют пиво, поэтому хладнокровны и не знают гражданских войн». Конечно, это фантастическое объяснение, но в нем есть доля правды. Итак, религиозное положение в Польше заставило Генриха отказаться от своей роли главы католической партии. Польские евангелисты защищали не только себя, но также выступили в интересах своих французских единомышленников и потребовали для них нового Мирного эдикта. Так, лярошельцы получили освобождение от осады и признание всех своих главных требований. Так становится понятнее острота споров Генриха и польских представителей. Если король Польши в конечном итоге уступит польским реформатам, можно ли быть уверенным, что он сдержит свои обещания? Послы не знали, что старый секретарь Сигизмунда-Августа Ян Димитрий Соликовский предложил Генриху план действий. Он говорил о разнице между свободой и анархией и не скрывал, что в его стране свобода почти всегда означает анархию. Он приглашал нового короля следовать твердой католической политике, не обращая внимание на решения Варшавской Конфедерации. Такие советы, очевидно, совпадали с глубокими убеждениями Генриха, но шли вразрез с принятыми обязательствами. Будущее казалось непрочным, а ясное понимание предстоящих осложнений никоим образом не торопило его отъезд из Франции.

Генрих в большой тайне просил Шеверни найти способ отложить отъезд до марта 1574 года. В то же время, как человек еще незрелый, но испытывающий наслаждение от всего того, что окружает короля, он обсуждал с Шеверни материальные вопросы, неотделимые от внешнего престижа монарха. Он не забывал ни форму кавалеристов и пехотинцев, ни одежду пажей, ливреи которых должны были быть желто-зелеными, ни свое платье алого цвета, отделанное золотом и серебром, которое он

собирался надеть, въезжая в Краков. Он хотел, чтобы необходимые средства выделила королева-мать, так как не верил обещаниям французского духовенства взять на себя расходы по его путешествию.

Не одному Генриху не нравился этот отъезд. Гизы тем более не были от него в восторге, так как Генрих, как глава католиков, был их человеком. Королеве-матери тоже этого не очень хотелось. Она понимала, что в ближайшем будущем Генриху предстоит стать королем Франции, так как здоровье Карла IX становилось все более и более неустойчивым. Где-то она даже задерживала отъезд, так велико было ее желание удержать сына рядом с собой. Король чувствовал, как уходит его жизнь, и хотел лишь одного, чтобы брат поскорее уехал в свое далекое королевство. Франсуа Алансонский не менее его желал отъезда Генриха: он очень надеялся сменить его на посту генерал-лейтенанта, а может быть, и стать преемником Карла IX, если тот умрет, а Генрих останется в Польше. И вот, среди всех этих интриг вокруг даты отъезда Генриха из Франции, каким бы королем он ни был, именно Карл IX принудил Генриха уехать.

Из Фонтенбло, куда Генрих прибыл 28 сентября, Карл IX направился в Монсо-ан-Бри и там приказал королевской семье и двору присоединиться к нему в Вилле-Котре, куда Генрих прибыл 10 октября. Там, несмотря на плохое настроение польских послов, он оставался 7 дней. 22 октября король Польши оставил Вилле-Котре и 23-го числа вместе со своей матерью встретился с Карлом в Реймсе. Последний хотел проводить своего брата до Нанси, но слег в постель с новым воспалением легких. Вынужденный сохранять постельный режим, по крайней мере, еще 15 дней, Карл попросил свою мать вместо него проводить короля Польши до границы. 12 ноября, по-прежнему в постели, Карл IX принял братьев. Канцлер того, кто раньше был герцогом Анжуйским, передал ему печати, которые хранил Генрих как генерал-лейтенант, при этом передав просьбу Генриха предоставить этот пост Франциску. Собравшись в последний раз, три брата не смогли удержаться от слез. Горечь разлуки на некоторое время сгладила противоречивые чувства, разделявшие членов этой семьи Атридов. В знак союза и любви Генрих принял от Карла в подарок кольцо и, нежно целуя, поблагодарил его. 15 ноября Генрих писал Мандело о тех чувствах, которые он испытывает, покидая своих родных. Он сожалел, что будет вынужден мириться «с отсутствием тех, кому он стольким обязан и которые его так любили и почитали, как он любит и почитает короля, своего господина и брата, и свою мать».

В Нанси Генриха и его мать встретил Карл III. Екатерина

была очень рада вновь увидеть свою дорогую Клавдию Лотарингскую. Та только что родила сына, и над купелью его держал Адам Конарский. Рядом с Карлом III и его женой королева чувствовала себя как дома. Во время празднеств, устроенных Карлом III, Генрих встретил ту, которая должна была отметить его судьбу уже как короля Франции. Своей чистой девственной красотой его покорила Луиза де Водемон, племянница герцога Карла III, дочь Николя де Водемона, рожденная от его первого брака с сестрой графа д'Эгмона. Она осталась в его душе, и когда ему надо было выбирать жену, вопреки всем ожиданиям он выбрал Луизу де Водемон. Если верить историографу Луизы Антуану Мале, то любовь поразила молодых людей с первого взгляда, и Генрих просил Луизу молиться за него, говоря, что, «если, благодаря небу, его дела устроятся, он докажет, как уважает ее достоинства».

25 ноября Генрих оставил Нанси. Чуть раньше он предупредил воеводу Кракова, кальвиниста Жана Фирлея, что не сможет прибыть 15 декабря, предусмотрительно отмечая, что его приезд в столицу Польши зависит от путешествия по территории Германии. 26-го числа он переночевал в Сен-Николя-де-Пор, 29-го приехал в Бламон, маленький городок герцогства Лотарингского на границе со Святой Империей, где встретился с немецкой делегацией. Встреча была подготовлена Шомбергом и под предлогом поздравлений предполагала возможное заключение соглашения между двором Франции и немецкими принцами-протестантами. В качестве посла прибыл Людвиг Нассау-Дилленбург в сопровождении Кристофа (младшего сына Фредерика III и брата Иоганна-Казимира, главного «поставщика» немецких наемников). Вполне вероятно, что Екатерина обсуждала с ними возможность союза между Францией, домом Оранских и немецкими принцами, к каковому присоединялась и Польша. В обмен королева хотела полной и безоговорочной капитуляции французских гугенотов. Франсуа Алансонский, политическая роль которого начинала возрастать, со своей стороны пообещал Людвигу Нассау-Дилленбург поехать в Седан к гугенотам, готовившимся прийти на помощь Гийому ле Таситюрн в Нидерландах.

Свидетели встречи в Бламоне с удивлением наблюдали, как Екатерина Медичи расточала любезности немецким принцам и Людвигу Нассау-Дилленбург. Она была общепризнанным мастером в обольщениях такого рода. По-прежнему полная разных проектов, она теперь искала способа установить мир во Франции с помощью противников Филиппа II и их союзников. Но ближайшее будущее помешало ей осуществить великий замысел

Гаспара де Колиньи, которого она сама обрекла на смерть в Варфоломеевскую ночь.

2 декабря 1573 года в Бламоне Генрих, наконец, расстался со своей матерью. Среди рыданий он поцеловал ее, после чего с нужными церемониями приветствовал кардиналов Лотарингии и де Гиза, дам и господ Лотарингского двора, которые провожали его. Так началась его польская одиссея, закончившаяся в июне 1574 года, когда он тайно оставил Краков, чтобы надеть свою вторую корону.

Глава вторая
146-дневное правление
(24 января — 18 июня 1574)

Из Бламона в Миедзиржеч
(*3 декабря 1573 года — 24 января 1574 года*)

Выехав из Бламона, Генрих прибыл в Сарбур, еще принадлежащий герцогу Лотарингскому, но уже 4 декабря оказался на территории Императора, который все же разрешил ему проезд, так же как и Сейм Франкфурта. Последний, предоставив необходимые документы, ограничил его свиту до 500 человек. А у Генриха она составляла около 1200 человек, с повозками для багажа, мебели и денег, а также с туалетами дам. Среди членов королевского дома Польши находились герцог де Невер, главный советник короля, епископ Сен-Флур, его старый наставник, аббаты Жиль де Ноай и Гадань, латинист Пибрак и среди прочих военачальников Рене де Виллекье, первый фаворит, Луи Беранже, а также личный врач Марк Мирон. Другим важным спутником Генриха был талантливый политик Помпон де Белливьер. Кроме этих заслуженных людей, рядом с Генрихом была вся «молодая банда», окружавшая его при осаде Ля-Рошели. Ее костяк составляли Жак де Леви, граф де Кэлюс, молодой Жан де Сен-Сюльпис, Роже де Сен-Лари де Белльгард, Шарль де Белльвиль и Шарль де Бальзак д'Антраг, зовущийся Прекрасным Антрагом.

Желая избежать неприятностей в своем пути на восток, Генрих послал на разведку Шомберга и Гонди, маршала Реца, который тоже хорошо знал Германию. Самую большую опасность представляли наемники. Они могли потребовать свое невыплаченное жалованье. Из этих соображений Генрих посчитал за необходимое привезти 150 000 экю Иоганну-Казимиру.

В прирейнском наместничестве, в городе Спир, епископ организовал Генриху торжественную встречу. Но атмосфера была далекой от дружелюбия в городе, где довольно часто проходили заседания имперского Сейма. Займет ли враждебность место принудительной любезности? Генрих этого Тем более опасался, что суверен наместничества, Фредерик Набожный, был уважаемым и могущественным принцем, главой и оракулом кальвинизма в Империи. В его столице, городе Гейдельберге,

укрывалось большое количество французских гугенотов. Среди них был сын адмирала, Франсуа де Колиньи. Нанести визит наместнику значило то же самое, что положить голову в пасть волку. Однако Генрих решился на такой шаг. Успех его немецкого путешествия во многом зависел от встречи с этим принцем.

Фредерик не появился в день прибытия Генриха и оставил своего гостя в одиночестве. Ночью в кухнях дворца неожиданно вспыхнул пожар. Французы в страхе спрашивали себя, не станут ли они жертвами новой Варфоломеевской ночи. Но на следующий день король Польши увиделся с Филиппом Набожным. Тот сразу извинился, что принимает его сидя. Вполне вероятно, что беседа длилась довольно долго. Если верить *Scriptum Satyricum* (рассказ анонимного автора-реформата о пребывании Генриха в Гейдельберге), принц поставил Генриху в вину события Варфоломеевской ночи и ее последствия, после чего то же самое сделал также присутствующий Людвиг Нассау-Дилленбург. По словам того же автора, наместник отказался поужинать за столом короля, опасаясь быть отравленным. Однако его младший сын и Людвиг Нассау-Дилленбург спокойно поели за тем же столом. Рассказ *Scriptum Satyricum* является одним из тех нравоучений, которыми кальвинисты в избытке одаривали сына Екатерины. Наоборот, очень правдоподобным звучит рассказ о небольшом происшествии, переданный гугенотом Ля Гугери. Генрих и герцог де Невер стояли в кабинете наместника, в котором находились картины с изображением трех братьев Колиньи. Указывая на них, Фредерик Набожный сказал: «Это почтенный господин адмирал, с которым так хорошо обошлись в Париже, и два его брата: одного отравили в Пуату, другого в Англии». Король и Луи де Гонзага хранили молчание, хотя могли бы ответить, что ни д'Андело, ни экс-кардинал де Шатийон не были жертвами никакого отравления. Такое упоминание о прошлом не помешало принцам обменяться мнениями по религиозным вопросам. Фредерик сожалел, что после резни, устроенной в Париже, французские короли уже больше не могут пользоваться хорошей репутацией у протестантских принцев Аубсбургов. Совершенно очевидно, заявил он, что укрепить мир с Францией может только предоставление свободы вероисповедания. И с чисто немецкой грубостью заявил Генриху, что его так ненавидят в Германии, что многие его друзья не понимают, как он может по-дружески с ним беседовать. Это был жестокий штурм. В ответ Генрих прибег к тем же аргументам, которые использовали его представители в Польше. Когда Фредерик преподнес ему в качестве подарка библию на французском языке, он посмотрел ее, молча положил на стол и сказал, что, по его мнению, во Франции нельзя

разрешить свободное исповедание религии реформатов, тем более что далеко не обеспечена лояльность гугенотов короне.

Однако честный обмен мнениями не исключал симпатии и уважения, бывших, видимо, взаимными. Перед отъездом Генриха наместник напомнил в присутствии большого количества людей, что тот «родился среди самых высокородных христиан», а его избрание королем такой удаленной страны в таком юном возрасте свидетельствует, что с ним рука Господа и его ждет истинное величие. Более того, Фредерик дал Генриху рекомендации к наместнику саксонскому, герцогу Августу, дочь которого была одной из тех, кого прочили ему в жены.

Выехав из Гейдельберга, Генрих прибыл в Майанс, где его принял архиепископ-наместник. Однако встреча была короткой, так как они не могли разговаривать без переводчика. Снова отправившись в дорогу, французы остановились во Франкфурте, свободном городе, где заседал имперский Сейм и проходило избрание и коронация Императора. Город купцов, артистов и печатников, управляемый, как и все городские республики Империи, Сенатом, Франкфурт приютил многих беглецов из Нидерландов, большая часть которых была валлонцами. Когда Генрих въезжал в город, некоторые из них выкрикивали обидные и откровенные слова. Д'Антраг пустил на них лошадь и чуть не спровоцировал народное возмущение. Король сделал ему выговор и оставил рядом с собой, поскольку того требовала осторожность. Доказательством тому послужило неприятное приключение Бюсси д'Амбуаза, который едва начинал свою богатую почти всегда трагическими событиями карьеру. Он с опозданием ехал за королевским кортежем и 17 декабря 1573 года вместе со своими спутниками прибыл в небольшой городок Спрендлинген, что в 10 километрах к югу от Франкфурта. По словам Ля Гюгери, увидя аппетитную хозяйку гостиницы, в которой он остановился, он захотел «поиграть» с ней. Тут же весь городок бросился за ним, и он был бы убит на месте, если бы не офицер графа д'Исамбург, правителя местности, который отвел резвого француза в тюрьму. Взволнованный судьбой фаворита своего брата Франциска, Генрих поспешил к Ля Гюгери, секретарю Людвига Нассау-Дилленбург, своего официального представителя во время всего путешествия через территорию Империи. Тот попросил своего господина обратиться к графу д'Исамбург, и он выпустил Бюсси на свободу. Генрих рассказывает о случившемся герцогу Алансонскому в письме от 23 декабря: «Вы уже слышали о Бюсси и том, что с ним произошло. Слава Богу, он спасен и вместе с нами, избежав большой неприятности». К счастью, других «больших неприятностей» не случилось, и до того, как он покинул

Империю, король Полыни больше не встречался с неожиданными сюрпризами своих слишком пылких сограждан.

Покинув Франкфурт, он провел новогодние праздники в городе Фульда, столице католической Германии, где покоились останки мученика святого Бонифация. Там Генрих с радостью окунулся в совершенно католическую атмосферу. К большому неудовольствию соседних принцев-реформатов, принц-аббат Балтазар дон Вебрмах пригласил в Фульду иезуитов. Подвергаясь враждебным нападкам со стороны ландграфа Гийома IV, правитель Фульды мог рассчитывать на поддержку другого чемпиона римской веры, герцога Альберта III де Бавьер. Король Польши причастился на коллегии иезуитов и прослушал там все службы. Таким образом он широко афишировал свои чувства. Несмотря на обязательства, данные евангелистам своего королевства, здесь, как и во Франции, он оставался главой католической стороны. Но Империя той эпохи была мозаикой, состоящей, по крайней мере, из трех конфессий. Поэтому ему следовало принимать во внимание взгляды того принца, на чьей территории он находился, и в случае необходимости проявлять мудрое терпение.

Ландграф Гийом IV де Гесс был не меньшим реформатом, чем Фредерик Набожный, и ненавидел иезуитов. Как наместник, он был суровым, образованным человеком, хорошо разбирающимся в теологии и говорящим по-латыни, по-гречески и по-французски, которому его обучил один беженец из Авиньона. Если верить Ля Гюгери, он очень резко отозвался о Париже. Не разубеждая своего собеседника, Генрих упомянул о Макиавелли. «Я не считаю христианином человека, живущего по Макиавелли, ответил Гийом IV, — так как это противоречит всем законам христианства». Как и в Гейдельберге, Генрих промолчал, следуя мудрому совету Лансака слушать все и тут же забывать, чтобы не вызвать гнева и недовольства немцев. В конце концов своей мягкостью и почтительностью король Польши успокоил ландграфа и даже завоевал некоторую симпатию. На прощанье Гийом IV сделал Генриху очень лестный комплимент: «Я незнаком с братьями Вашего Величества, но если они столь же мудры, как вы, то ваша мать королева должна быть самой счастливой женщиной мира!»

29 декабря Генрих выехал из Гесса в сопровождении Иоганна-Казимира, сына наместника и зятя наместника Сакса. 30-го числа он проследовал через Эйзенах, где Лютер завоевал все свои титулы и где Генриха ждал эскорт из 500 всадников, чтобы сопровождать его в Саксонию. Лютеранец и признанный глава евангелистов, герцог Август был тем не менее другом

Австрийского дома. Короля Польши прекрасно приняли, но он так и не увиделся с герцогом, который хотел доставить удовольствие Императору и решил, что будет достаточным присутствие его зятя. Проведя в Галле с 7 по 11 января, Генрих намеревался отправиться в Торго, на Эльбе, но наместник Сакса предложил ему сначала выехать в Виттенберг. Генрих отказался. Людвиг Нассау-Дилленбург и Кристоф официально уже не числились в его кортеже, а Иоганн-Казимир проводил его до Торго, где не расположенный к встрече Август де Сакс передал свои сожаления о невозможности увидеться.

12 января король Полыни проследовал через Делиц и 13-го числа наконец прибыл в Торго, где расположился в замке на берегу Эльбы. В Делице он нашел время написать Рамбуйе по поводу своей резиденции в Кракове, рекомендуя так устроить помещения, чтобы туда можно было незаметно входить и выходить. «Вы знаете об этой склонности моей матери. Я придерживаюсь такого же мнения. Но сделайте так, чтобы никто об этом не знал». 13 января уже из Торго он вновь пишет Рамбуйе, поручая ему проследить, чтобы его резиденция была отделана «по-французски».

Примерно в это же время (12 января из Делица) он собственноручно пишет длинное письмо Карлу IX с просьбой «оставаться хозяином», не давать никому другому присуждать титулы и должности, чтобы не позволить кому-то другому составить себе свиту или двор, «этот совет всегда давала вам ваша мать королева, и это справедливый совет». Говорить так значило определять главное правило работы машины правления, но его применение было сильно затруднено домами и свитами принцев. Став королем Франции, Генрих III применял как мог «справедливый совет» их доброй матушки так, как писал в своем письме Карлу IX.

Теперь было недалеко до польской границы. 15 января Генрих и его кортеж снова отправились в дорогу. В Люко, первом городе Бранденбурга, от имени Императора Его Польское Величество приветствовало 1500 всадников. 19-го числа кортеж прибыл во Франкфурт-на-Одере, где наместник не принял гостей, потому что председательствовал на заседании Сейма. Но Иоганн-Георг Бранденбургский все же позаботился послать им паспорта и эскорт из 700 всадников. Генрих поблагодарил его письмом из Заленжига от 24 января. В тот же день он перешел границу и остановился в Миедзиржече (по-немецки Мезериц), откуда информировал Яна Ходкевича, что планирует быть в Кракове 17 февраля, а его коронование можно назначить на 21 февраля.

В тот же день в короткой записке Карлу IX он сообщал о

своем прибытии в Польшу и об отъезде во Францию «графа Кокона», который, вернувшись в Париж, должен был стать участником заговора, организованного Франсуа Алансонским. 30 января из Познани Генрих советует своему брату остерегаться этого итальянца: «Не держите ни рядом с собой, ни во Франции графа Кокона… так как он сыграл со мной такую злую шутку, что с вашей стороны будет оскорблением, если вы воспользуетесь его услугами». Чуть ниже он повторяет: «Не держите его при дворе и не позволяйте касаться вас и ваших дел». Итак, положение короля Польши не могло отвлечь Генриха от событий, происходящих во Франции. Предупреждая своего брата о возможных интригах, могущих связать герцога Алансонского с вызывающим тревогу итальянцем, он просил свою мать и Шеверни не терять из виду того, кого он справедливо считал опаснейшим человеком. Однако теперь Генриху предстояло заняться делами Польши.

Посвящение в сан и коронование (*18 — 25 февраля 1574 года*)

Во время путешествия из Миедзиржеча в Краков, куда Генрих прибыл 18 февраля, он не переставал восхищаться пышным и великолепным приемом, организованным высшим духовенством и знатью Польши. В первом же городе его ждало 1500 всадников, одетых в турецкие, венгерские, итальянские, французские и польские костюмы, отделанные мехом, шелком и золотом. Их оружие было не менее разнообразным и странным. Их бороды и лошади тоже не походили одна на другую. При виде его раздались крики радости, смешанные со звуками труб и фанфар. И эта несогласованная симфония заставила Генриха понять, что он действительно король Польши. С торжественной речью выступил Станислав Карновскийй, епископ Влокамвека, в которой развил патриотические вариации и выразил убеждение, что Генрих восстановит величие Польши. Пибрак на латинском языке прославил этот день, который покажет «Республику своему королю и королю свою Республику», и сравнил союз Генриха с Полыней с союзом Суламифи с супругом из Кантики Кантик.

В Познани весь народ вышел навстречу своему королю. Одетый в красное шелковое платье, с фиолетовой шляпой на голове, он был принят иезуитами и прослушал «Тебе, Господь» в церкви Сент-Мадлен. Довольный приемом, он пишет 30 января Карлу IX: «Пока я нахожусь только в Познани, в городе с прекрасными домами и огромным количеством знатных людей, которые показывают большую любовь ко мне и говорят, что еще

не то ждет меня в Кракове». Удовлетворение Генриха совершенно не разделяли его соотечественники, страдающие в негостеприимном и суровом климате и с тоской вспоминающие мягкость французских пуховых перин, так как польские кровати «переломали им все кости». Короткими этапами кортеж продолжал приближаться к столице. 11 февраля Генрих остановился в монастыре Кжестокова, расположенном на вершине холма Ясная Гора, где поклонялись (и продолжают поклоняться) иконе Черной Богоматери, защитнице Польши.

Переезжая из одного замка в другой, 16 февраля Генрих наконец остановился в Булисе, где его принимал воевода Кракова и великий маршал королевства, кальвинист Ян Фирлей. Прежде чем войти в Краков, Генриху надлежало принять участие в торжественной церемонии похорон Сигизмунда-Августа в Книзине. Принцесса Анна возглавила траурную процессию до королевской часовни Св. Станислава. Прах умершего в специальной урне, украшенной лапами льва, был помещен в углублении под тем местом, где покоился прах его отца, славного Сигизмунда. Обрамленные коринфскими пилястрами, обе погребальные ниши, произведение итальянских мастеров, свидетельствовали о расцвете в Польше искусства Возрождения.

Похоронив последнего представителя династического права, Краков приготовился встречать монарха, избранного всеобщим голосованием дворянства. 18 февраля, благодаря ясной погоде, Генрих смог увидеть свою столицу со стен замка в Булисе. Омываемый водами Вислы, Краков предстал как скопление деревянных домов, среди которых местами проглядывали колокольни церквей. Чуть в стороне, на скалистом возвышении находился Вавель, резиденция королей. Окруженный элитой французской армии (гасконскими пехотинцами), Генрих отправился навстречу всей военной и политической Польше. Выстроенные в военном порядке, 30 000 дворян обнажили свои сабли и потрясали ими, выражая свою радость и верноподданнические чувства. Затем вышел один воевода и, проколов руку кончиком шпаги, воскликнул: «Господин, горе тому, кто не готов пролить всю свою кровь для вас: и для прочего я не хочу терять ни капли моей!» — и одним глотком выпил всю кровь, вытекшую из раны на руке.

В окружении своего двора и эскорта, Генрих сделал смотр всей этой вооруженной знати, затем спешился и приветствовал Сенат, все члены которого пришли засвидетельствовать ему свое почтение и поцеловать руку. От имени всех государственных органов торжественную речь произнес епископ Плока, Петр Мисковский. Ему ответил Пибрак. Уже опускалась ночь, когда

король вошел в Краков через «ворота каноников», украшенные польским национальным оружием и большими белыми орлами. Генрих медленно продвигался вперед, сидя на прекрасном белом коне с великолепной упряжью, в свете костров и при непрерывных пушечных выстрелах. Одетый в элегантное платье, подбитое мехом и отделанное серебром, в черной велюровой шляпе, на которой блестели изумруды (среди них солидный бриллиант озарял его лоб), своей элегантностью, гибкостью и природным благородством он этим почти ирреальным зимним вечером напоминал восточного Гамлета, скрывающего под маской праздника внутреннюю меланхолию.

Когда Генрих спустился с лошади, его уже ждал балдахин, который несли восемь сенаторов. Перед ним шествовали городские советники Кракова, а за ним следовали все прелаты королевства. Через освещенный город кортеж проследовал к Вавелю, проходя под триумфальными арками, на вершинах которых белые орлы склонялись перед королем. На воротах замка орел, теперь уже не белый, а золотой, при приближении Генриха захлопал крыльями, демонстрируя радость. Оставалось поблагодарить Всемогущего за столь счастливый день. В соборе Св. Станислава, расположенном внутри замка, кортеж прослушал мессу. Генрих наконец мог пойти к себе отдохнуть, выразив перед этим почтение принцессе Анне и поужинав с сенаторами.

Его французская свита, довольно недоброжелательно встреченная поляками, и в первую очередь воеводой Фирлеем, хотевшим, чтобы она как можно скорее убралась за границу, не имела представления, где ей разместиться. Те, кого Генрих взял с собой в замок, расположились в столовых, мансардах или чердаках и потопили свое разочарование в вине, опустошая огромное количество бутылок из королевского погреба, долго и с любовью собираемых умершими королями. В отличие от своих соплеменников Генрих не мог ни на секунду забыть о своем щекотливом положении. Мог ли французский принц, адепт абсолютной монархической власти, поладить с польской дворянской демократией? Будет ли он соблюдать религиозный мир, будучи во Франции самым ярым противником гугенотов?

Следовало ли, как того хотели евангелисты, заменить формулировку клятвы на формулировку Варшавской Конфедерации, заключающейся в выражении *Pax dissidentium in religione* (мир с инакомыслящими в вопросах религии) или сохранить ее прежний текст? Даже такая редакция: «король будет охранять и поддерживать мир между инакомыслящими в вопросах религии» не удовлетворяла первого архиепископа Ушанскккго и нунция Лорео, а также одного из главных

руководителей польского католицизма Андрея Зборовского.

19 февраля собрался Сенат, чтобы обсудить этот вопрос. Между евангелистами и католиками завязался такой жестокий и длительный спор, что Генрих заявил, что он отказывается принимать пищу до тех пор, пока стороны не придут к согласию. Действительно, этому надо было положить конец, так как через день была назначена коронация. Наконец было решено принять компромиссную формулировку. Во время церемонии, когда Генрих принес клятву согласно традиционному тексту, к нему приблизился Ян Фирлей в сопровождении воевод Вильно и Сандомира. Увидя это, первый архиепископ попытался оттолкнуть их, не желая, чтобы что-либо добавлялось к древней клятве. Тут вмешался воевода Саможитии Ходкевич, уверив Генриха, что евангелистам будет достаточно, если он добавит: «*Quod rex conservaret pacem et tranquilitatem inter dissidentes in religione*» («Что король будет поддерживать мир и спокойствие между инакомыслящими верующими»). Генрих ответил лишь: «*Conservare curabo*» («Я позабочусь о его сохранении»). То была не клятва, а обещание. Несмотря на протесты первого архиепископа и слова Карновского: «*Salvis juribus nostris*» («В защиту наших прав»), Жан Фирлей в качестве маршала королевства воскликнул: «Сенаторы и нунции, король принес клятву. Желаете ли вы его коронации?» «Принес ли он новую клятву?» — спросили депутаты. «Он сделал это», — подтвердил Фирлей. Тогда католики и евангелисты воскликнули в один голос: «Мы хотим, чтобы он был коронован! Да здравствует король!» Воевода Кракова еще раз повторил на польском языке: «Король выполнил все, что следовало сделать Его Величеству. Хотите ли вы, чтобы он был коронован?» Ему ответил новый возглас «Да здравствует король!».

Евангелисты получили то, что хотели, и католики при этом сохранили лицо. Далее церемония продолжалась согласно католическому обряду. Она закончилась только в два часа дня, а за ней последовал банкет по-польски, длившийся не менее 6 часов. На следующий день Генрих принял дань уважения от жителей Кракова. 23-го числа он участвовал в заседании трибунала, созванного, чтобы решить ссору, возникшую на банкете между двумя офицерами дома, и ему удалось успокоить противников. Казалось, правление началось под счастливой звездой, так как вопреки нравам, царящим среди аристократии того времени, в день коронации нового короля не пролилось ни капли крови, что несказанно удивило его подданных. Но эта мирная передышка не продлилась слишком долго. 25 февраля началась настоящая вендетта между двумя великими фамилиями

— Зборовскими и Тенчинскими, которой Генрих пытался положить конец, выступая в роли царя Соломона.

Дело Зборовского

Один из таких конфликтов произошел во время организованных французами состязаний на копьях. Как и во Франции, законы Польши предусматривали вмешательство короля. Прибыв на состязание с некоторым опозданием, не позволявшим ему принять в нем участие, брат Петра Зборовского, юный Самуил, тем не менее намеревался продемонстрировать всем присутствующим свое истинное значение. Предшествуемый двумя сотнями всадников и пажей, несших его шпагу, щит и каску, увенчанную перьями павлина, Самуил последним подошел к ложе Генриха. Посередине ристалища он воткнул в землю копье, на которое прикрепил записку и провозгласил: «Пусть тот, кто равен мне, выйдет скрестить со мной копья!» Но никто не принял вызова, и он покинул ристалище. Но один солдат графа Тенчинского прочел вызов, поднял копье и передал Зборовскому, что он померяется с ним силами на следующий день. Разгневанный тем, что имеет дело с простым солдатом, Самуил назначил для встречи с ним одного из своих людей, а сам провоцировал графа Тенчинского, убежденный, что солдат не мог действовать по своему собственному желанию. На следующий день он явился в полном боевом вооружении на двор королевского замка, в то время как Тенчинский находился на заседании Сената. Самуил вошел в зал заседания и стал провоцировать Тенчинского, взяв себе в свидетели одного из своих друзей, сенатора Андрея Ваповского. Тенчинскому ничего не оставалось, как согласиться на поединок.

По окончании заседания Сената Генрих тщетно пытался примирить соперников. Как и Сенату, ему пришлось наблюдать бой, перед которым состоялся другой поединок между солдатом Тенчинскогго и человеком Самуила Зборовского. Первый был уже недалек от успеха, когда появился Самуил и захотел его убить. По приказу короля вмешались маршалы двора, и Зборовский вынужден был покинуть ристалище. Он вернулся туда вечером, чтобы встретиться с самим Тенчинским. Как бы там ни было, Генрих вновь был вынужден присутствовать при сражении. Оба противника и их сторонники выясняли отношения, когда Ваповский неудачно подошел их разнимать. Разгневанный Самуил Зборовский обернулся и тяжело ранил его в голову. Беззащитному Ваповскому (он не был вооружен) пришли на

помощь его друзья. Вооруженная схватка охватила всех присутствующих, и сторонники обеих фамилий набросились друг на друга. Самуил хотел спуститься в город и получить подкрепление, но Генрих приказал закрыть ворота замка и со своими французами приготовился ко всяким неожиданностям. Когда Тенчинский и Ваповский пришли к нему требовать справедливости, он попросил Ходкевича привести ко двору Самуила Зборовского (которому он приходился шурином), убеждая двух жалобщиков сохранять спокойствие. Ночь прошла спокойно, не было пролито ничьей крови.

На следующий день, 26 февраля Сенат рассматривал это дело. Оно было тем более серьезным, что во время сессии Сейма любой акт насилия в королевской резиденции заслуживал смертной казни. Случай осложнялся гем, что семья Зборовских высказалась за избрание Генриха, а семья Тенчинских была не менее могущественной. Самуил Зборовский так и не появился в Сенате, предоставляя своим друзьям и родственникам заботу о защите. Чуть позже от ран скончался Ваповский, что еще больше осложнило дело. Вдова умершего пришла в Сенат с требованием покарать убийцу, тело умершего на носилках принесли к ногам короля в сопровождении его 500 родственников и друзей.

Генрих счел своим долгом передать дело на рассмотрение Сената. Декреты, изданные при правлении Сигизмунда-Августа, требовали смертной казни за убийство, даже случайное, если оно совершено в ходе сессии Сейма. Если же виновный не являлся в суд, его ждала ссылка и бесчестье. К несчастью для короля, из-за разделения мнений Сенат не смог вынести приговор. Родственники умершего воеводы отказались забрать его останки с площади замка, пока не будет совершено правосудие. 10 марта король Польши, следуя своему природному милосердию, вынес самый мягкий из возможных приговоров: молодой Самуил Зборовский был осужден на ссылку.

Семья Зборовских сочла наказание слишком жестоким, в то время как семья Ваповских кричала о чрезмерной снисходительности. Ни одна из сторон не была удовлетворена. Это первое решение нового монарха породило первую волну лжи, которая отравляла всю его жизнь. Против него была развернута кампания пасквилей. Не последнее участие в ней приняла семья Зборовских, хотя ей и следовало бы от этого воздержаться. Перед дверями замка разыгрывались многочисленные сатирические пьесы, разоблачающие лживые обещания Монлюка, говорящие о несоблюдении клятвы, преследовании набожных людей (евангелистов), королевской коррупции и «французских нравах». Полякам вторили испанцы, которые воспользовались случаем,

чтобы заклеймить греческую любовь. Задетый памфлетами, Генрих хотел положить конец их распространению, но добился только того, что стимулировал усердие их авторов. Впервые он узнал ту горечь, которую рождает в сердце человека общественное презрение. Судьба Самуила Зборовского стала ярким доказательством того, что мягкость Генриха совершенно не соответствовала жестоким нравам польской знати и была принята ею за отказ в правосудии. В правление преемника Генриха, Стефана Батори, Самуил решил, что может вернуться из ссылки без разрешения короля: арестованный и осужденный, он был казнен.

Вынужденное вмешательство короля обернулось равным недовольством обеих сторон. А каковы были отношения Генриха с коронационным Сеймом? Его деятельность была приостановлена из-за рассмотрения дела Зборовского. Когда же она возобновилась, то уже несла на себе печать разногласий между королем и его подданными.

Коронационный сейм (*февраль — апрель 1574 года*)

Издаст ли Генрих декрет, окончательно подтверждающий статьи Варшавской Конфедерации? В Париже он согласился принять их, но то было еле слышное согласие. Католики, имеющие большое влияние в Сенате и ведомые первым архиепископом Ушанским и епископом Влокамвека Карновским, а также поддерживаемые Зборовскими, вовсе не собирались удовлетворять требования евангелистов, опиравшихся на шляхтичей и депутатов, связанных с ними узами родства. Противостояние Сената и Сейма было очевидно.

Последней каплей оказался политический памфлет, опубликованный старым секретарем Сигизмунда-Августа Яном Димитрием Соликовским под названием *Libellus cuneorum*. Написанный по просьбе Генриха с участием епископа Карновский, он имел тем больший успех, что автор был неизвестен, и никто не подозревал, что его инициатором был сам король. Убежденный католик, удивительный гуманист, движимый глубокой любовью к своей польской родине, Соликовский весь предстает перед нашими глазами в нескольких словах своего завещания: «*Multis non placui, nec tam placere, prodesse volui*» («Я многим не понравился и не хочу нравиться, а хочу им служить»). Эти многие были аристократией, которой Соликовский искусно преподал урок. После изящного изложения событий, происшедших в период

между двумя правлениями, Соликовский напоминал, что Республика соблюдает три правила: король, Сенат, дворянство. Ни один из трех не может в отсутствие двух других издавать какой-либо декрет. Без короля, в период междуцарствия, ничто не имело законную силу. Четыре решения Конфедерации относительно свободы вероисповедания, отмены клятвы верности королю, учреждения Совета 16-ти, способного уничтожить авторитет Сената и дворянства, а также относительно учреждения провинциальных Палат правосудия — все эти решения одновременно подрывали авторитет короля и свободы нации. В заключение Соликовский говорил, что надо перестать следовать своим личным интересам и употребить все усилия на благо общества.

Разгневавшись, кальвинист Ян Фирлей за неимением автора посадил в тюрьму несчастного издателя. Сам же Фирлей зачитал памфлет на собрании депутатов, где большинство составляли евангелисты и незнатные дворяне. Их недовольство еще больше возросло, когда они узнали, что король выступил против Совета 16-ги, а Сенат и высшая знать с его подачи отказываются изменить клятву согласно требованиям евангелистов. Мечтая поскорее со всем этим покончить, король сказался «больным». В его отсутствие собрания Сената были приостановлены, но депутаты продолжали заседать. Наконец 30 марта первый архиепископ Ушанский в присутствии депутатов и выздоровевшего короля зачитал решение, представленное на голосование. В его тексте отклонялись все статьи Варшавской Конфедерации и не вводилось ничего нового в формулировку клятвы, что соответствовало интересам короля и католической стороны и не учитывало ни одного пожелания евангелистов и шляхты.

Прошел почти месяц в обсуждении трех возможных решений: первое выражало мнение Ушанского, второе состояло в том, чтобы принять и ратифицировать все декреты, изданные между двумя правлениями, третье предусматривало частичное соглашение и передачу наиболее спорных вопросов на рассмотрение Сейма следующего созыва. Споры шли почти три недели. Поляки упражнялись в риторике. Но ни католическое большинство, ни реформатское меньшинство и не помышляли идти на уступки. Разногласия, на которые делал ставку Генрих, позволили ему издать в конце апреля декрет, подтверждающий законы и привилегии нации согласно старой формулировке и той, которую он произнес на своем короновании. Кроме того, он пообещал на ближайшем собрании Сейма сделать новое подтверждение, подписав документ, по национальному обычаю,

не мелом, а кровью. Для Генриха упомянутый декрет значил роспуск Сейма. Его ближайшее собрание должно было пройти в Варшаве. Почти два месяца король набирался опыта трудных отношений между совещательными собраниями и исполнительной властью. Вернется ли он позднее к своему польскому прошлому, когда во времена расцвета первой Лиги увидит, как в его добром городе Париже против него поднимается революционная организация 16-ти? Вспомнит ли он, что весной 1574 года ему пришлось присутствовать на первом заседании Совета 16-ти? И хотя оба эти совета были такие разные, не имеющие ничего общего, кроме названия, они оба хотели свести на нет власть монарха. Какая ирония судьбы — в начале и в конце своей карьеры Генрих Валуа был вынужден защищаться от людей, хотевших ограничить его власть и свести ее к нулю!

Все эти перипетии делали исполнение королевских обязанностей тяжелым и утомительным. Почти каждый день король проводил от 6 до 7 часов на заседаниях Сената, вынужденный выслушивать споры на латинском языке, часто перемежающиеся бранью. Нунций Лорео, от которого мы узнаем об этом факте, добавляет, что Генрих покидал зал заседаний уже ночью. Это испытание закончилось роспуском Сейма 22 апреля. Генрих получил возможность отдохнуть несколько дней в окрестностях Кракова, прежде чем все его внимание захватили новые дела, особенно дела Франции.

Роспуск Сейма

Что бы ни делал Генрих, работал или развлекался, он все равно оставался объектом критики своих противников. Уязвленные неудачей на Сейме и его удачей с партией католиков, евангелисты принялись нападать на него почти всегда анонимными пасквилями. Орзельский описывал, как он проводит свои дни, танцуя в садах принцессы Анны, а ночи — играя в карты с такими же дебоширами, как и он. Другой поляк, Гейденштейн, симпатизирующий королю, тоже писал, что «он начал охотиться с французами из своего окружения, играть в карты, организовывать банкеты и празднества. Говорили, что на них приглашали молодых обнаженных девушек».

Подобные празднества и танцы были частью жизни двора, и было бы удивительно, если бы молодой 22-летний король не думал о развлечениях.

Именно тогда Генрих принял многочисленных иностранных послов. Самым удивительным было посольство от Великого

Татарского Хана, предлагавшего королю Польши вместе с ним напасть на Великого Князя Московского и обещавшего не менее 200 000 всадников, чтобы навсегда покончить с Иваном Грозным. Для приема представителей Великого Хана Генрих, согласно польской моде, был одет в меховые одежды. Он почувствовал разницу между дипломатической практикой Востока и Запада, когда татарский посол протянул ему стрелу, от имени своего господина предлагая выпустить ее в сторону Московского царя, затем когда старший сын хана передал ему в подарок отделанный золотом платок (чтобы, как он сказал, вытирать лицо во время войны), а третий и четвертый послы вручили ему второй платок и кусок прекрасной ткани. Генрих мудро и осторожно отвечал настойчивым требованиям послов, так как королевская казна была пуста, а войска, стоящие на восточных границах, не получали жалованья со смерти Сигизмунда-Августа. Гораздо проще было позаботиться о создании в Кракове факультета права и организовать для польских студентов поездки во Францию, как он эго обещал до своего избрания (из ста предусмотренных поездок состоялось очень небольшое количество, и эти «счастливчики» оказались в роли заложников, когда их король сбежал).

Но никакая официальная деятельность не могла заменить Генриху Францию. Меньше всего это мог сделать проект брака с сестрой умершего короля. Как забыть прекрасную Марию Клевскую, ставшую принцессой де Конде, променяв ее на «48-летнюю девственницу» с лицом «длинным и плоским», «большими и немного красными глазами», «одетую в длинное серое платье, напоминающее монашеское одеяние»? Эта чудесная девушка томилась в Вавеле в ожидании предложения от французского принца, в которого она влюбилась, едва увидев его портрет, и который, как она надеялась, положит конец преследованиям, одолевавшим ее из-за ее огромного богатства. Общественное мнение с энтузиазмом смотрело на этот брак, связывающий наследницу Ягеллонов с королем из Франции. Генрих счел необходимым нанести ей визит в первый же вечер своего пребывания в Кракове. За первым визитом последовали другие. Однажды он даже подержал ее за руку, чем доставил немалое удовольствие инфанте (как говорили в Польше), так что она даже потеряла аппетит и за ужином почти ничего не ела. Однако Генрих хотел связать свою жизнь с Анной Ягеллон не больше, чем с Елизаветой Английской. Единственной дамой его сердца была божественная Мария Клевская-Конде.

Ссылаясь на Больe-Рюзэ (государственного секретаря, последовавшего за Генрихом в Польшу), историограф Генриха IV

Пьер Матье передает, что король Полыни не переставал думать о своей дорогой возлюбленной, ставшей для него недостижимой. «Он носил эту корону как тяжелый камень. В этой ссылке у Генриха было одно удовольствие писать письма во Францию. Больше… мне сказал, что Генрих иногда отправляет по 40–50 писем, написанных собственной рукой и содержащих по три страницы: большую часть его внимания занимали дамы, которых он вынужденно потерял из виду. Когда он писал какой-нибудь принцессе, он брал кровь из своего пальца, а Сувре открывал и закрывал ранку, чтобы заполнить перо для письма». Наконец, по словам того же Матье, Генрих говорил, что «он предпочел бы жить пленником во Франции, чем свободным в Польше, и ни один принц в мире не позавидует его положению».

Не сохранилось ни одного письма Генриха Марии Клевской из Кракова. Но до нас дошли его письма правителю Нансэ, Гаспару де Ля Шатр. В них Генрих называл старого капитана своих гвардейцев «добрым другом» и обнаруживал сильные чувства, связывающие его с подданными. В письме из Кракова от 25 февраля он просил его приехать к нему и шутил по поводу его имени: «Вы мой шатр, то есть мой барашек или, если хотите, одна из моих овечек». 20 февраля он повторяет свое приглашение: «Приезжайте ко мне, если вы меня любите, Так как я вас очень жду, господин Муазо, и готовлю вам прекрасный стол». Генрих любил давать прозвища своим близким, но причина, по которой он называет Нансэ Муазо, нам неизвестна.

Именно этому доверенному лицу он прямо сказал о своем мнении относительно заговора, жертвой которого чуть не стал Карл IX. С разницей всего в несколько недель было организовано два заговора против короля и Екатерины. Первый имел место в Сен-Жермен-ан-Лэ 29 февраля, второй, более опасный, в Венсене в начале апреля 1574 года. Обе попытки должны были помочь бегству Франсуа Алансонского в Седан, где были собраны войска Людвига Нассау-Дилленбург, который сразу же направился бы в Париж. Главными действующими лицами заговора были Ля Моль и Кокона. Арестованные как сообщники Франсуа Алансонского, против которого ничего нельзя было предпринять, как против члена правящей фамилии, они были приговорены к смерти и казнены. В своем письме к Нансэ Генрих радуется неудаче, постигшей заговорщиков, один из которых (Кокона), как мы уже видели, доставил ему неприятности в Германии и которого он поторопился отправить обратно во Францию: «Господин де Нансэ, я никогда так не радовался, как при известии, что Ля Моль и Кокона в клетке. Но я не буду спокоен до тех пор, пока кто-нибудь не заставит их танцевать вольту с веревкой. Я не знаю, как

поступят Их Величества, если их не казнят». В заключение он просил Нансэ сообщить ему, «где выставят головы этих двух господ, в Греве или в Алле». Интерес Генриха ко всему происходящему во Франции позволял ему забыть о тоске и тяготах жизни в ссылке. В его собственном доме по-прежнему царила враждебность между французами и поляками. Стараясь придерживаться Генриха, французы не были уверены в завтрашнем дне и своем материальном положении. Отделка на французский манер «большого замка Кракова» была слабым утешением в грустной жизни короля Полыни.

Благодаря письмам одного итальянца, господина Нуволини, информатора герцога де Невера, нам известны некоторые эпизоды пребывания Генриха в Вавеле. Так, 2 февраля «Его Величество принял пилюли, на следующий день клистир и два дня провел в постели». 24 апреля, рассказав об аудиенции инфанты, Нуволини добавляет, что «позавчера Сенат заседал до полуночи, и почти все дела были перенесены до следующего заседания Сейма. Вчера Его Величество оставался в постели, приняв клистир, но к обеду поднялся и поел с хорошим аппетитом. Этим утром собрался Совет, начавшийся в 12 часов дня, на нем присутствовали архиепископ и все епископы. Его Величество вышел в 15 часов, оставив Совет, заседание которого все еще продолжается».

8 мая Нуволини подробно рассказывает о расхождении мнений членов французской королевской семьи относительно приказа Генриха о сокращении расходов на конюшни и стол. Рене де Виллекье (прозванный Толстяком и Юношей) жаловался своему старшему брату о недостаточном питании. Сен-Лари, господин де Белльгард, уже начавший вытеснять Виллекье из сердца Генриха, оскорбительно ответил ему, что «он знает, как послужить королю иначе, как языком, но не слышал об услуге, которую Виллекье оказал королю! Они много наговорили друг другу, но за этим ничего не последовало, за исключением того, что оба вышли из зала заседания Совета». В тот момент Виллекье собирался уезжать. Поэтому 17 мая Генрих передал золотой ключ от своей комнаты графу Тенчински, чтобы он «мог войти туда в любое время», заменив собой разгневанного фаворита. Такое решение задабривало поляков, все еще остававшихся подозрительными к французам. Нуволини рассказывает: «Прошло 10 дней… как польская казна изъяла вина королевского дома; в четверг она забрала все оставшиеся средства, так что пока французская казна дает деньги на нужды королевского дома». Но, заключает Нуволини, «Его Величество хорошо себя чувствует и собирается поехать в один из своих замков, что в трех лье

отсюда».

Теперь, когда не проходили заседания Сейма, Генриху не было необходимости притворяться больным. Предчувствуя близкую кончину Карла IX, он старался изменить мнение о себе у польских воевод и заставить их поверить в то, что он превращается в истинного поляка, организуя для них праздники и банкеты и немного любезничая с принцессой Анной. Он неожиданно стал практиковать обычаи своих подданных, танцевать их танцы и даже наслаждаться пивом. Более того, он начал давать праздники в честь инфанты, которая уже ничего такого не ждала и внезапно украсила все свои платья лилиями. Расточительный по природе, король превзошел своих предшественников в своей щедрости к дворянству. Венецианец Липпомано полагал, что причина такого поведения забота Генриха о будущем: «За месяц до отъезда он делал все, что противоречило его духу и темпераменту, льстя польским господам, одежду которых он так ловко носит» (особенно Генриху нравился берет, который он продолжал носить во Франции, так как он облегчал его частые мигрени). Но, будучи как можно более обходительным со своим подданными, он думал лишь о том, как покинуть свое королевство. Сердце и ум Генриха принадлежали Франции.

Во вторник 14 июня 1574 года, когда во дворце инфанты проходил большой праздник и Генриху предстояло помериться силами с некоторыми польскими господами, в 11 часов утра императорский посол попросил короля о приеме и передал ему письмо от Максимилиана II. Так Генрих узнал о смерти Карла IX. Через час новость подтвердил посол Екатерины Медичи, господин де Шемеро. На дорогу из Парижа в Краков ему понадобилось 12 дней. С большим хладнокровием, доставшимся ему от отца и матери, Генрих смог сдержать свои эмоции, чтобы «внешнее не выдало внутреннее». Он начал с того, что умолчал об известии. В час обеда он сел за стол, но вскоре вернулся к себе. Когда его камергер, граф Тенчинский, пришел сообщить, что все готово для турнира, король сослался на усталость и сказал, что не сможет принять в нем участие. К концу дня прибыл новый посол Екатерины с более детальным рассказом. Остаться? Или уехать? Вечером король Польши созвал на совет своих приближенных: Виллекье, Помпона де Бельевра, Жиля де Сувре и Пибрака. Помпон и Сувре были против тайного отъезда, считая его недостойным короля, Виллекье и Пибрак высказались за немедленный отъезд. Таково же было и тайное желание Генриха.

Но, решив уехать, ему пришлось ждать еще четыре дня. Капитану своей гвардии Ларшану он поручил подготовить

путешествие, найти лошадей и проводников и узнать, как ему покинуть Краков «инкогнито». В среду 15-го числа Генрих надел длинные траурные одежды фиолетового цвета, созвал Сенат и подтвердил, что не собирается уезжать, по крайней мере до того, как прибудут новые представители Франции. Для большей убедительности он попросил воевод и епископов назначить новый созыв Сейма на сентябрь. Сенат постановил, что Сейм соберется в Варшаве, чтобы там рассмотреть весь комплекс проблем, связанный с отношениями Польши с Россией. Наконец, Генрих представил сенаторам на подпись письма, составленные на польском и французском языках, в которых он назначал свою мать Регентшей Франции в его отсутствие. Это должно было послужить доказательством его намерений остаться в Польше. Но в тот же день, 15 июня он писал Ля Мот-Фенелону, французскому послу в Лондоне: «Я надеюсь привести в порядок дела моего польского королевства сразу же после моего отъезда во Францию, где необходимо мое присутствие». Генрих тайно готовился к отъезду. В четверг 17 июня посол Карла IX при дворе короля Польши, Белльевр, простился с Сенатом под предлогом того, что его отзывают во Францию. На самом деле ему было поручено подготовить маршрут и ждать Генриха на австрийской границе.

Генрих решил уехать в пятницу 18 июня, после своего официального отхода ко сну. В тот день он принимал послов, пришедших выразить ему свои соболезнования по поводу смерти Карла IX. Король долго говорил с послом Венеции Липпомано и нунцием Винсенто Лорео, не выдав никаких тайных намерений. Освободившись от своих официальных обязанностей, он вернулся в рабочий кабинет и написал множество писем. Первое в Сенат, второе епископу Кракова, остальные многим знатным придворным. Во всех них он выражал сожаление, что вынужден покинуть Польшу, и настаивал на крайней необходимости его возвращения во Францию. Менее подробным, но более откровенным было письмо двум его лучшим слугам, которым предстояло остаться в Польше после его отъезда. Оно перед вами, в своей краткости передающее истинную волю короля: «Я вам настойчиво приказываю довести до сведения Сената и дворянства те обстоятельства, по которым я вынужденно покидаю Польшу. При этом вы, Данзэ, будете говорить, а вы, Аламанни, заставите услышать. Оставайтесь здесь и через восемь дней информируйте меня о том, что с другими делами, лично затрагивающими меня, о которых вы, Данзэ, слышали из моих собственных уст… сделайте все, чтобы помочь мне сохранить это королевство. Повидайтесь с инфантой, поговорите с ней и остальными наедине. И проследите, чтобы не потерялась моя мебель». Для

переговоров с Сенатом трудно было найти лучшую кандидатуру, чем бывший посол в Дании Данзэ. Николя Аламанни, дворецкий, служивший в этом качестве герцогу Анжуйскому, был одним из самых доверенных приближенных Генриха. Когда он вечером за ужином пришел предупредить короля, что по городу разнесся слух о его отъезде, король ответил: «Такие понимающие люди, как вы, не поверят этому».

Новый король Франции разыграл спектакль до конца. Венецианец Липпомано свидетельствует, что в свой последний вечер в Кракове Генрих провел около двух часов с польскими дворянами. «Он разговаривал и шутил, как они, говоря, что хочет привыкнуть к пиву, научиться танцевать по-польски, будто у него в голове не сидела одна-единственная мысль об отъезде». Однако ни о чем другом он и не думал. В конце этого тяжелого и загруженного дня он был как одержимый. Но когда он лег в постель, ему надо было притвориться спящим, в то же время будучи готовым вскочить и ожидая момента, когда он перестанет играть роль королевского заложника.

Бегство из Кракова

Едва Генрих лег в постель, как его камердинер граф Тенчинский опустил занавеси на окнах и вышел из комнаты. Он не беспокоился об охране сна монарха, так как согласно обычаю у дверей спальни стояла стража. Генриху надо было незаметно переодеться. Благодаря отверстию, заранее пробитому в стене, приближенные короля передали ему все необходимое. Все те, кто должен был последовать за Генрихом, поужинали в апартаментах Суврэ. Поев, они поодиночке пришли к месту встречи. Суврэ и Ларшан из предосторожности даже сняли ботинки и шпоры. После ухода Тенчинского они вошли в комнату короля через потайную дверь, быстро одели Генриха и провели его через комнаты Мирона. Теперь им оставалось только покинуть Вавель через небольшие ворота, выходящие в предместье Казимир. Обычно эта дверь оставалась открытой до двух часов утра, но в ту ночь почему-то оказалась закрыта. Генрих отошел в сторону, а Суврэ отправился за ключами к портье под предлогом того, что у него назначена встреча с дамой. Консьерж дал ключи, и через полчаса ходьбы беглецы приблизились к пустой часовне, где их ждали лошади. Было около полуночи. С Генрихом были Суврэ, Ларшан, Мирон и Дю Гальд. Вдруг послышался шум, все схватились за шпаги. Это оказался не поляк, а француз, д'Эмервиль, последовавший за королем, «не желая отдаваться на

милость случая среди оставшихся». Он бросился в ноги королю, умоляя взять его с собой. «Скорее поднимайся, — бросил Генрих, — ты нас сильно встревожил!» И скачка началась.

Генриху досталась быстрая и горячая лошадь.

Вскоре из-за ее нрава ему пришлось пересесть на другую, подаренную графом Тенчинским. Прибыв в то место, где его должен был ожидать эскорт в 10 человек, Генрих не увидел Пибрака и Виллекье. Они сбились с пути и не смогли вовремя приехать на встречу. Это было тем более прискорбно, так как с ними находились и переводчики. Темной ночью в пустой и незнакомой местности беглецы чуть не угодили в болото, но сумели выбраться и через два лье вышли в большой еловый лес, где им преградил дорогу завал из поваленных деревьев. Генрих спешился, а его спутники отправились искать проход. В конце концов Ларшан и Суврэ обнаружили хижину лесоруба, который со страху забрался на чердак. Его нашли и привели к королю. За хорошее вознаграждение лесник согласился послужить проводником. д'Эмервиль посадил его к себе на коня, и все тронулись в путь.

Ранним утром король прибыл в маленький городок Затор, что примерно в 20 лье от Кракова. Большое напряжение и тяжелая скачка истощили силы Генриха. Но, прискакав в Затор, он лишь приложил к вискам платок, смоченный в вине, немного попил и вновь вскочил на коня. Вскоре он прибыл в Освенцим (по-немецки Аушвиц). Там он встретил Пибрака, Виллекье, Кэйлюса и Бовэ-Нанжи. Не останавливаясь, он продолжал путь с Суврэ, Ларшаном и Дю Гальдом. Остальная часть эскорта должна была последовать за ними через 15 минут.

Выехав из Кракова около полуночи, Генрих имел перед своими возможными преследователями преимущество примерно в 5 часов. В Вавеле, действительно, обнаружили его бегство. Начальник кухни, итальянец Антуан, случайно увидел короля, когда тот подходил к двери, ведущей к предместью Казимир. Удивленный, Антуан рассказал об этом своему непосредственному начальнику, Франсуа Аламанни. Тот, в свою очередь, сообщил охраннику. Охранник вырвал Тенчинского из объятий глубокого сна, и граф пошел постучать в дверь королевской спальни. В ответ не раздалось ни звука. Тогда он заглянул в комнаты знатных французов. Они были пусты. Прежде чем вернуться к спальне короля, граф задумался. Взломать ли дверь? Из уважения к королевскому достоинству он предпочел попасть в спальню через окно. Около скрытой пологом кровати несли караул два пажа. При виде камердинера они бросились на колени, моля о пощаде: им было приказано открыть дверь не

раньше, чем появятся первые лучи солнца. Немедля ни минуты, Тенчинский бросился в погоню, как охотник за дичью, которую он потерял из виду, но преследует по оставленным ею следам. К 5 часам утра к погоне присоединились маршалы Польши и Литвы с большим количеством дворян. Как дети без отца, так поляки чувствовали себя сиротами без короля, с исчезновением которого вновь наступали трудные времена всеобщей неуверенности и раздоров.

Французы собирались уезжать из Освенцима, когда показался Тенчинский со своими людьми. Скакавшие в конце эскорта Виллекье с Пибраком спрятались в лесу, а Мирон закричал другим: «Быстрее, быстрее!» К счастью для себя, Генрих предпочел не останавливаться и, сопровождаемый Дю Гальдом и Ларшаном, получил некоторое преимущество. По еще одному счастливому стечению обстоятельств на пути оказался деревянный мост через реку. Когда все французы перешли по нему на другой берег, Суврэ разрушил его. И тут показался староста Освенцима, отправившийся за беглецами по приказу Тенчинского. Увидев, что мост разрушен, староста, не сомневаясь ни секунды, сразу же бросился в воду. Ему показалось, что на другом берегу он видит Генриха, и он воскликнул: «*Serenissima Majestas, cur fugis?*» («Ваше Величество, почему убегаете?»). Этим он очень развеселил Генриха и сопровождавших его французов, так как никто не ждал речи на латинском языке прямо из воды.

Теперь граница была совсем рядом. В Плесе, первом австрийском городе, приготовив сменных лошадей, в гостинице, Белльевр ждал своего господина. Желая остаться неузнанным, Генрих сам отвел лошадь в стойло, выпил немного пива и вновь вскочил в седло. И вовремя: Тенчинский уже проехал через Плес и мог догнать его. Сопровождаемый несколькими татарами, вооруженными луками, Тенчинский подскакал к группе французов. Ничего не зная о его намерениях, Белльевр дал Суврэ и Ларшану по пистолету: «Держите и защищайте своего господина, я же воспользуюсь шпагой». На вопрос французов, приехал он как друг или враг, граф уверил, что он никогда не переставал быть преданным слугой короля. Из осторожности оба француза потребовали, чтобы татары опустили луки вниз. Тенчинский исполнил их желание и попросил Суврэ позволить ему подойти к королю, стоявшему чуть в отдалении. Подъехав к Его Величеству, камердинер хотел было спешиться и преклонить колена, но Генрих приказал ему оставаться в седле. На слова Тенчинского о его преданности королю и сожалении о его отъезде Генрих ответил в очень любезной манере: «Граф, мой друг, принимая то, что Господь мне передает по праву наследства, я не

оставляю то, что Он уже дал мне посредством выборов. Благодаря Господу, мои плечи достаточно сильны, чтобы вынести тяжесть обеих корон». Перед нами высказывание, не лишенное как гордости, так и высокомерия, столь присущее понятию монарха в своем долге. Тем не менее в ожидании момента, когда он сможет уверенно носить две короны, в ближайшем будущем Генриху следовало избавиться от первой. Обращаясь прямо к Тенчинскому, он сказал, что не вернется в Краков: «Господин граф, я проделал слишком большой путь, чтобы вернуться. Даже если бы здесь оказались все силы Польши, я не отправился бы обратно и поразил бы кинжалом каждого, кто осмелился бы говорить со мной об этом». Садясь в седло, он продолжил: «Возвращайтесь, возвращайтесь. На маленьком столике в моей комнате вы найдете письма, написанные мной перед отъездом. Из них вы узнаете, почему мне необходимо быть во Франции. Я не отказываюсь от польского трона, я уезжаю, чтобы вернуться!»

Тронутый до слез, Тенчинский вскрыл себе вену, выпил вытекшую из раны кровь и заверил короля, что всегда будет его верным слугой. Не имея возможности приехать в Краков вместе с королем, Тенчинский попросил Генриха подарить ему на память один из его аксельбантов, сняв при этом браслет, с просьбой принять его в качестве подарка. Суврэ заметил принцу, что хорошее расположение заслуживает большего, нежели аксельбант. После недолгих поисков король передал Тенчинскому бриллиант стоимостью в 1200 экю, а Суврэ со своей стороны подарил ему полный комплект вооружения, оставленный им в Кракове. Все еще взволнованный, Тенчинский отправился со своими татарами обратно в Краков. Король же, освободившись от забот, тоже поехал своей дорогой. В Острове, на границе с Моравией, Генрих пересел в подготовленную Белльевром карету. Вечером 19 июня он смог наконец отдохнуть в постели в Весково. Практически не останавливаясь, он проскакал более 34 лье.

Глава третья
Франция и вы значите больше, чем Польша
(19 июня — 3 сентября 1574 года)

От Германской империи до Венеции

Через три дня после отъезда из Польши, 22 июня, Генрих впервые написал матери из Вестерница, что недалеко от Ольмуца в Моравии. Ему не хватало времени, но он хотел подробно «рассказать о своем счастливом путешествии». Благодаря советам, содержащимся в письме королевы от 31 мая, которое передал Генриху господин де Неви, предложенный маршрут оказался наилучшим. Возвращаясь к недавнему прошлому, Генрих искренне радовался, что последовал советам матери и не послушал епископа Баланса, убеждавшего его «оставаться там, куда он его так хорошо определил». Так Генрих отдавал должное Жану де Монлюку, но показывал, что он вовсе не признателен ему за то, что он сделал его королем Польши. В письме к матери Генрих рассказывал о планах своего возвращения: «Посетив Германию, я отправлюсь в Италию, в Венецию, и, наконец, к господину де Савой и повидаюсь с Мадам (своей теткой Маргаритой, сестрой Генриха II), встреча с которой доставит мне большое удовольствие».

Генрих убеждал Екатерину, что всегда будет считаться с ее мнением: «Я ваш послушный сын, решительнее и преданнее, чем когда бы то ни было». Естественно, Генриху предстояло заняться делами Польши. Эту миссию он возложил на господина де Данзэ и Николо Аламанни. Его слова «Франция и вы значите больше, чем Польша» действительно были криком души. Свое письмо Генрих заканчивал просьбой любить «того, кто всегда будет вашим верным слугой». В постскриптуме он добавлял: «Надеюсь, когда вы прочтете эти строки, я буду в Венеции или где-то рядом».

Как поведет себя император Максимилиан во время путешествия Генриха по территории Германии? Будет ли он по-прежнему враждебен к нему, ставшему непреодолимым препятствием на пути его сына к польскому трону? Вынужденный считаться с протестантскими принцами Аугсбургами (выступавшими за религиозную свободу французских гугенотов) и защищать Империю от притязаний турок, Максимилиан вел

политику, практически противоположную тому, что до сих пор делал Генрих. Несмотря на родство с Филиппом II, Максимилиан очень отличался от сурового короля-монаха. Принимая во внимание политическое и религиозное положение в Германии, он был пацифистом и выказывал себя мудрым правителем. Королю Франции он оказал теплый прием. 23 июня Генрих написал Максимилиану письмо, в котором благодарил за разрешение проехать через его государство и сообщал

0 своем намерении встретиться с ним. 24 июня Генрих прибыл в Уолкерсдорф, что в трех лье от Вены. Ему навстречу выехали епископы Матиас и Максимилиан, сын императора. На расстоянии 1 лье от Вены Генриха ожидал сам император, несмотря на то, что был тогда болен. При встрече он поцеловал молодого монарха, увенчанного двумя коронами, и называл его то сыном, то братом. Пригласив Генриха в свою карету, Максимилиан завел с ним первую из длительной серии бесед, закончившихся только с отъездом молодого короля. Позже Генрих охотно признавал, что нашел Максимилиана «лучшим кавалером Европы». Побежденный любезностью императора, вместо одного дня Генрих провел в Вене все три дня. Максимилиана волновала судьба его дочери Елизаветы, набожной вдовы Карла IX, известной своей мягкостью и добродетельностью. Некогда Генрих ездил встречать ее, чтобы проводить к своему брату, и всегда испытывал к ней чувство глубокого уважения. Сохранит ли для нее Генрих титул королевы Франции, заменив умершего брата? Императору этого очень хотелось бы. Но летом 1574 года сердце Генриха больше, чем когда бы то ни было, склонялось к прелестям недоступной Марии Клевской-Конде. Лучшим выходом для Генриха был скорейший отъезд в Италию, чтобы положить конец беседам, в которых был Так заинтересован венский двор. 25 июня Генрих в нетерпении пишет герцогу де Неверу: «Мой кузен, вскоре я вас увижу. Скажу вам только одно император принял меня очень хорошо». На следующий день, 26-го числа, он пишет уже более фамильярно: «Я в Вене, с Божьей помощью уже не в Кракове, ем за богатым столом императора. Буду в Венеции примерно через 10 дней. Ждите меня там, так как вы рядом и нет на свете Панталоне лучше вас». Сравнив де Невера с известным персонажем итальянской комедии — обычно стариком или знатным отцом семейства, которого Луи де Гонзага мог напоминать возрастом и суровостью— король закончил свое письмо триумфальным постскриптумом: «Вы получите только это простое имя Генрих». 29 июня король выехал из Вены по дороге, идущей через перевал Семмеринг, соединяющий Нижнюю Австрию со Штирией. В тот же день, у подножия этого перевала,

из Глогница, он написал своему послу в Венеции дю Феррье, благодаря его за 12 000 экю, которые тот выслал ему «очень вовремя». Поблагодарив, король поручал послу передать его письмо Виргилию: «Если его вдруг не окажется в Милане, и он будет в Парме, прикажите, чтобы ему обязательно передали письмо». Итак, Генрих больше думал об удовольствиях и развлечениях, нежели о материальном обеспечении своей жизни, так как этим за него занималась его мать. 6 июня она сообщила дю Феррье о 100 000 ливров, переданных банкиром Батистом Гонди, «чтобы помочь и послужить королю в его возвращении». Именно из этих денег дю Феррье прислал послу в Вене Вулкобу те 12 000 ливров, за которые Генрих благодарил его в своем письме от 29 июня.

Меньше 12 дней потребовалось королю Франции и его эскорту, чтобы проехать от Вены до венецианской республики и при этом пересечь Альпы. 6 июля Генрих был в Санкт-Вейте, в Каринтии, в 12 километрах к северу от Клагенфурта. Республике, предоставившей ему необходимые бумаги для проезда, король написал благодарственное письмо. 10 июля он был уже в Понтебба, первом городе, стоящем на «твердой земле» Венеции. Генрих писал дю Феррье: «Меня предупредили, что среди прочих почестей, которые намерена оказать мне Сеньория, будет большое количество дворян, чтобы прислуживать мне за столом. Но у королей, моих предшественников, и у меня самого сложилась традиция принимать за столом услуги дворян моего дома, поэтому я прошу вас так все устроить, чтобы их не задело то, что я продолжаю следовать своему обычаю».

Впервые в истории Республики король Франции оказывал ей честь своим визитом, и она собиралась принять его со всеми возможными почестями. Едва Генрих ступил на землю Венеции, приветствовать его вышли четыре чрезвычайных посла. 11 июля первым торжественно принимал Генриха сенатор Монсениго, правитель Фриула, возглавивший делегацию дворян и большой военный отряд. Генрих продолжал свой путь в великолепной карете, запряженной четверкой лошадей, которая была подарена ему Сеньорией. Немного не доезжая до Вензоны, он с радостью встретился с герцогом де Невером и усадил его рядом с собой. 12 июля в Сан Даниэль своего кузена приветствовал Альфонс Феррарский, внук Людовика XII. Он надеялся сменить Генриха на польском троне, и, поскольку в совершенстве владел искусством грубой лести, стал одним из самых угодливых «Цицероне». В Конеглиано к кортежу присоединился великолепный господин дю Феррье. Несмотря на свой возраст, он выехал навстречу своему королю. О своих впечатлениях дю

Феррье писал Екатерине: «Все восхищаются не только его прекрасным сложением, но также его королевской снисходительностью и гуманностью, которые читаются на его лице, его умом и мудростью, которые он проявляет в беседах». Продолжая путешествие, Генрих остановился в Тревизе. Оказанный ему там прием дал королю некоторое представление о том, что его ждет в Венеции. В Местре, еще одном городе на твердой земле, возбужденная толпа чуть не решила печальным образом судьбу 70 сенаторов, сходивших в своих красных платьях со своих разукрашенных гондол, чтобы воздать почести французскому королю.

Твердая земля заканчивалась в городе Маргера, на берегу лагуны. Отсюда Генрих отправлялся в «знаменитейший город цивилизованной Европы», как восхищенно назвал Венецию Филипп де Коммина. На понтоне короля приветствовал бывший посол Республики во Франции, Джиованни Коррер, с головы до ног одетый в золотую ткань. Генрих ответил очень немногословно. Его ждали три гондолы: первая — покрытая черным велюром, вторая — фиолетовым, третья золотым. Генрих выбрал последнюю. Гондольеры были одеты в ливреи его цветов (желтоголубые). После короля на гондолу поднялись Коррер, Альфонс Феррарский и герцог де Невер. Генрих сразу же приказал поднять полог, чтобы все его видели и он сам мог наблюдать происходящее. За гондолой короля следовала гондола четырех послов, «воздающих ему почести» еще с Понтеббы, далее располагался эскорт в 2000 лодок. Когда флотилия поравнялась с Сан Луиджи, гондолу короля полукругом окружили 40 лодок, на каждой из которых находилось по одному знатному молодому дворянину. После Сан Кристофоро к флотилии присоединился подеста города Мурано Николо Контарини с 500 галерами, желая поприветствовать короля и проводить его до Мурано.

Восхитительное пребывание в Венеции (*18 — 26 июля 1574 года*)

В Мурано, на острове рыбаков и мастеров-стекольщиков, под игру 20 музыкантов первыми приветствовали Генриха 60 солдат с алебардами под командованием кондотьера Сципионе Костанзо, служившего еще в правление Франциска I и Генриха II. В замке Капелло Генриха ждал банкет на 500 человек. Но вечером 17 июля молодой король, уже пресытившийся торжественными приемами венецианцев, предпочел остаться инкогнито в своей привычной черной одежде. В сопровождении

Альфонса Феррарского он воспользовался тайной лестницей дворца Капелло и уплыл на гондоле, лишая своего присутствия знатных дворян, ожидавших его к ужину. Гондола несколько раз проплыла по каналу Гранде, а Альфонс Феррарский называл своему королевскому спутнику дворцы, памятники и церкви. Генрих вернулся в Мурано лишь в 2 часа утра. Несколько человек все еще ждали его. Он отказался от еды и удовольствовался несколькими порциями мороженого у себя в спальне. Когда король ложился спать, музыканты сыграли ему серенаду. В такой райской атмосфере было очень приятно забыть тревожные волнения польской авантюры, прогнать мысли о гугенотах и думать об ожидавшем его триумфе во время официального вступления в несравненный город.

Утром 18 июля Генрих прослушал мессу в монастыре Анж. Дож Луиджи Монсениго оставил герцогский дворец в Венеции и прибыл в Мурано на галере Джиакомо Сорранзо, управляющего всеми делами пролива. Генрих встретил его в большом зале дворца Капелло. Когда дож подошел к нему, он немедленно преклонил колено и так выслушал хвалебную речь дожа. Несколько ответных слов Генриха перевел дю Феррье: король сказал, что охотно отдаст свою жизнь за Венецию. Дож поблагодарил его и выразил общее мнение, сказав, что, если король пожелал говорить на французском языке, значит, его слова шли прямо из сердца.

Теперь Генриху предстояло покинуть Мурано. Король, дож, кардинал де Сен-Сикст, герцоги Феррарский и де Невер поднялись на главную галеру и направились к Лидо. Они плыли на одном из самых прекрасных кораблей из арсенала Республики. На его грот-матче трепетал большой красный флаг с эмблемой Венеции: лев Сен Марка и оружие Сорранзе. Галера почти летела над волнами, подгоняемая усилиями более 350 рабов. В честь короля гребцы были одеты в костюмы фиолетового цвета, в знак его траура, а на их беретах красовалась лилия.

Галера остановилась у церкви Сен-Николя, напротив триумфальной арки работы Палладио и лоджии. По обе стороны большой арки имелись две другие, меньших размеров, рассказывающих о победах Генриха при Жарнаке и Монконтуре. Когда король сошел на берег, его приветствовала вся Сеньория в полном составе, а над его головой золотой балдахин несли прокураторы Сен-Марка. У лоджии его встретил патриарх с многочисленными представителями духовенства и проводил в собор Сен-Николя, где король прослушал «Тебе, Господь» и получил благословение.

Наступил момент, когда королю Франции, наконец,

предстояло войти в город. До сих пор Генрих пользовался позолоченной галерой Сеньории, а для плавания из Мурано в Лидо — главной галерой. Теперь же для плавания из Лидо в Венецию его пригласили подняться на борт *Bucentaure*. В день Вознесения на этот корабль вступал дож и бросал в воды Адриатического моря золотое кольцо, символически объединяя союзом Республику и море. На корабле не было ни мачты, ни парусов, так как на его верхней палубе располагалась богато украшенная галерея. Король сидел на корме, на своем троне под балдахином, рядом с ним, но чуть ниже сидели дож и кардинал де Сен-Сикст. Сеньория и патриции блистали разноцветными шелками и жемчугами. Как на главной галере, здесь все рабы и офицеры были одеты во все фиолетовое, цвет королевского траура. Перед королевским кораблем шла галера правителя залива, за ним три галеры, предоставленные Сеньорией в распоряжение короля, завершал процессию корабль Контарини, а вокруг находились корабли представителей различных ремесел. Когда дож представил молодому королю посла Филиппа II, Генрих поднялся со своего трона полюбоваться открывшейся ему уникальной картиной и воскликнул: «Как бы мне хотелось, чтобы моя мать была рядом!» Поравнявшись с храмом Сен-Марк, все корабли выстроились в цепочку, чтобы дать флагману войти в канал Гранде. На всех галерах раздались пушечные выстрелы, зазвучал главный колокол Сен-Марка, ему вторили колокола с остальных колоколен.

К 6 часам вечера королевский корабль подошел к подножию дворца Фоскари. Генрих отправился в свои апартаменты. Почти сразу же он вышел па балкон, украшенный золотым драпом, чтобы посмотреть на канал Гранде сверху и ответить на приветствия толпы. На город опустилась ночь, но окна дворца, маленькие колеблющиеся огни свечей и масляных ламп разноцветными красками расцвечивали огромное количество венецианских шаров, а освещенные гондолы, проплывая, оставляли за собой блестящие дорожки света. Разве мог думать о сне 22-летний король в такой почти подавляющей атмосфере праздника и роскоши? По потайной лестнице (такой же, как в Кракове) Генрих вышел из дворца с Альфонсом Феррарским, оставшись незамеченным солдатами охраны Костанзо. Альфонс Феррарский привез Генриха в Турецкий Базар, где его ожидали великолепный стол и комедианты Желози, игру которых он давно мечтал посмотреть. Только к середине дня 19 июля усталый король наконец вернулся во дворец Фоскари. Пока он спал, внешнюю сторону окон дворца украсили белой и красной тканью, готовясь к 10 регатам, которые должны были начаться в 2

часа дня на канале Гранде и закончиться у дворца Фоскари. Король почтил регаты своим присутствием, а вечером в сопровождении того же герцога Феррарского отправился к самой знаменитой куртизанке города Веронике Франко. Прекрасно воспитанная и образованная, поэтесса и друг Тициана, она была одной из достопримечательностей города. «Хотя король представился, преуменьшая свое величие, писала она позже, — он произвел на меня такое сильное впечатление, что я чуть не потеряла сознание. Но он прекрасно все понял и охотно принял мой цветной портрет на эмали».

Скрываясь, Генрих почти забывал, что он король. Утром 20 июля, когда он был еще в постели, к нему пришел Эммануэль-Филибер Савойский. По просьбе Екатерины герцог прибыл в Венецию, чтобы сопровождать короля Франции в его путешествии по Италии. Прославленный военачальник, муж Маргариты Французской, сестры Генриха II, этот принц располагал к себе своим умом, однако следовало остерегаться его коварства. С Генрихом у него были близкие дружеские отношения. Молодой король тепло принял принца, но отложил всякое обсуждение государственных дел. Наслаждения Венеции были слишком притягательны, и пока он отдавал им все свое время. Новый день Генрих начал с мессы в Сан Стефано, сопровождаемый герцогом Феррарским и господином де Невером. По его возвращении толпа потребовала, чтобы он вышел на балкон, в то время как прибыли дож и Сеньория, чтобы вновь поприветствовать его. Перед отъездом из Венеции предстояло составить маршрут дальнейшего путешествия. Генрих посоветовался с приближенными и решил, что предпочтительнее избежать путешествия по Швейцарии, проезд но которой был бы довольно затруднителен. Не менее деликатным был вопрос путешествия по Миланскому герцогству. Пересечь его значило признать право Филиппа II на территорию, которую мог потребовать король Франции как наследник Людовика XII. Доверившись заверениям короля Испании и полагаясь на влияние герцога Савойского, Генрих решил проследовать по территории герцогства по горной дороге, не делая официального визита в Милан.

После совета состоялся ужин, затем ко дворцу подплыли широкие плоты. На них была помещена большая печь из Мурано. Весь вечер и всю ночь полуобнаженные мастера-стекольщики работали, соперничая в искусстве с циклопами Вулкана, и Генрих мог наблюдать процесс изготовления самых разнообразных предметов. Король отблагодарил ремесленников за их труд, купив все то, что они произвели. Так стекольщики из Мурано

предоставили ему неожиданное и высоко эстетичное развлечение. На следующий день, 21 июля, королю предстоял еще один официальный прием. Его ожидал банкет в большом зале совета дворца дожей. Оставив корабль на набережной Пиязетта и прослушав часовую службу в храме Сен-Марк, в полдень Генрих вышел в огромный зал, вмещающий 3000 человек. После банкета король пожелал осмотреть залы заседаний знаменитого Совета 10-ти. Затем он с большим удовольствием посмотрел интерпретацию семьи Желози трагедии Франгипани, переложенную на музыку Клавдио Меруло. Ни о чем не подозревающая французская знать и другие иностранные гости присутствовали при совершенно новом для них виде театрального действия, только зарождавшегося в Италии: опере. Генрих немного отдохнул в аппартаментах дожа, затем, оставив корабль, хоть ему и очень льстили почести, оказываемые Сеньорией, на одной из своих гондол вернулся во дворец Фоскари. Вечером он вышел из дворца с тем же герцогом де Ферраре и вернулся лишь около полудня 22-го числа, вызвав недоумение у всех своих слуг. Отдохнув, король направился с визитом к дожу Луиджи Монсениго, возглавившему проходящее в то время заседание Сената. На этом заседании рассматривались дела Франции и, среди прочего, деятельность гугенотов. Дож порекомендовал Генриху объявить всеобщую амнистию, чтобы примирить различные фракции, вернуть доверие к власти и восстановить государство. Единственная трудность заключается в том, заметил король, чтобы сделать это, сохранив честь монарха и его законную власть. Покинув дожа и Сенат, Генрих с радостью вернулся к положению «инкогнито». В 4 часа он отправился в храм Санта Мария Формоза, где патриарх Джиованни Гримани принял его в своем кабинете, в котором были собраны различные антикварные вещи, в том числе требник, хранящийся сегодня в библиотеке Марсьен и носящий его имя. Миниатюры требника были выполнены фламандским мастером, взявшим за образец «Богатое времяпровождение герцога де Берри». Патриарх устроил в честь Генриха бал, на котором он смог увидеть в исполнении 30 знатных патрицианок гальярд и танец шляпы, названный так потому, что дама приглашала своего будущего кавалера со шляпой в руках. В 8 часов вечера король вернулся во дворец Фоскари, но сразу же покинул его, вновь под покровом инкогнито.

Было очевидно, что Генрих задерживается в Венеции. Его больше привлекало открытие города в качестве простого частного лица, нежели официальные приемы, какими бы лестными они ни были. В пятницу 23 июля на скромной гондоле он приплыл в

Риальто. Все утро оказалось занято обходом магазинов и разнообразными покупками, предваряемыми ритуальным торгом. В «галантереях», у первого ювелира страны Антонио де ля Веккия Генрих приобрел большое количество украшений и золотых цепочек, которыми хотел поблагодарить всех тех, кого Республика предоставила в его распоряжение. Короля немедленно узнали по масштабам его покупок, и ему пришлось немало поспорить с торговцами, поспешившими воспользоваться случаем и заломившим непомерные цены. В конце концов Генрих потратил больше, чем мог заплатить, так как всегда был расточителен. После его отъезда с его продавцами пришлось разбираться господину дю Феррье. На обеде у того же господина дю Феррье король узнал о приезде своего сводного брата Генриха Ангулемского, прибывшего с новостями из Франции и просьбой королевы-матери как можно быстрее вернуться домой. Однако еще не все почести Республика воздала молодому королю. В 4 часа дня Генрих прибыл во дворец дожей, где большой совет Республики решил провести торжественное заседание в его честь. Все встали, когда вошел король в сопровождении герцога Савойского. Их обоих попросили расписаться в золотой книге высоких гостей. Заседание было очень долгим и закончилось только к полуночи. Предпочитая простую гондолу, Генрих вернулся во дворец Фоскари, чтобы отдохнуть, так как на следующий день, в субботу 24-го числа, он надеялся узнать о других сторонах жизни города. Утром он посетил храм Сен-Жорж-ле-Мажер, затем Арсенал. Там он полюбовался галерой, построенной в очень короткое время, так как большинство ее частей было подготовлено заранее. Другой приятный сюрприз: во время сладкого завтрака в Арсенале салфетка Генриха расползлась у него в руках: она была очень искусно сделана из сахара. Король нашел время посетить Веронезе, продолжавшего рисовать, несмотря на свой почтенный возраст, и попозировать в мастерской Тинторэ, который, загримировавшись под матроса, сделал наброски портрета короля еще на его корабле. Затем Генрих посмотрел сеанс фехтования, данный известными мастерами, а также пастораль, которую играли Желози во дворце Джустиниани. В тот же день он написал своему брату Франсуа Алансонскому ничего не значащее письмо в своем стиле, но в нем есть несколько интересных фраз: «Письма лишь бумага, но оставляющая последствия… Я надеюсь, что Господь окажет мне милость, и вы узнаете, что у вас никогда не будет лучше брата, чем я, мечтающий быть с вами одним целым». Еще не появилась пропасть, разделившая впоследствии двух братьев, и Генрих заканчивает свою небольшую записку словами: «Из Венеции, где

мне хотелось бы вас видеть, чтобы вы получили удовольствие, как это делаю я».

Это удовольствие, которое Генрих по своей природной доброте желал разделить с Франсуа, тем не менее вскоре должно было закончиться. Оно длилось еще два дня, представая во все новых формах. В воскресенье 25 июля большой зал заседаний собрал вокруг короля Франции всех представителей власти и знати по случаю великого бала, венчающего празднества, данные в его честь. В два часа дня королевский корабль пришел за Генрихом во дворец Фоскари, чтобы доставить его на набережную Пиазетта. Когда монарх вошел в зал и сел под балдахин, бал начался. Приглашенные итальянскими и французскими кавалерами, дамы подходили к Генриху приветствовать его. Вначале король снимал шляпу перед каждой парой, но затем, ввиду большого количества приглашенных, предпочел держать ее в руке. За «падованой» (ганец Падуи, откуда к нам пришла «павана») шел довольно медленный танец «пассо э меццо», затем «гальярд», очаровавший своей легкостью всех присутствующих. В 5 часов в аттическом зале подали изысканные угощения. На некоторых столах возвышались великолепные фигуры из сахара, доставленные из лавки Николо делла Кавальера и напомнившие Генриху сюрприз, ожидавший его в Арсенале. Несмотря на хрупкость этих шедевров, король попросил подарить ему большинство из них, так как ему хотелось взять их с собой. Генриху оставалось провести в Венеции всего один день. В понедельник 26 июля он довольно рано послушал мессу, причем не в том храме, который был объявлен, потому что хотел избавиться от толпы и в свое удовольствие побродить по городу. После полудня он вновь появился на публике в окне дворца Фоскари, чтобы оттуда наблюдать сражение двух народных группировок Кастеллани и Николетти. Жестокая схватка вооруженных с ног до головы противников продолжалась до позднего вечера в атмосфере необузданных страстей и всеобщего волнения. В центре сражения, на мосту Пугни, его участники падали в воду канала то с одной, то с другой стороны моста, отдышавшись, они поднимались и вновь вступали в бой. В какой-то момент показалось, что победа будет за Николетти, но она досталась Кастеллани. Бой закончился после того, как Генрих махнул платком, увидев, что Кастеллани собираются убить руководителей Николетти. После этого осталось подсчитать мертвых и помочь раненым. Таким образом, рафинированность официальных аристократических празднеств сменилась зрелищем жестокого народного столкновения. Но даже деликатный Генрих был очарован спектаклем, данным ему вслед за знатью народом

Венеции.

Так же как и в предыдущие ночи, король не остался во дворце Фоскари. Разве мог он противостоять соблазну испробовать те утонченные и изысканные удовольствия, которые предлагала ему Венеция? Как отказаться от теплой обволакивающей атмосферы, в которую он погрузился как в сон? 27 июля стало днем прощания и разлуки. Со своей обычной любезностью Генрих поблагодарил семью Фоскари за их гостеприимство, сожалея, что не познакомился с ней поближе, так как очень мало времени провел в ее доме. В 9 часов к нему пришли герцоги Феррарский и Савойский, а чуть позже дож и Сеньория. Прослушав мессу, Генрих и Луиджи Мосениго поднялись на позолоченную гондолу, на которой Генрих отплыл из Магера. Они сошли в Фусина, где короля ожидала плоская барка, чтобы, поднявшись по Бренте, доставить его в Падую. Прежде чем сойти на берег, Генрих по-французски поблагодарил дожа за торжественный прием, оказанный ему Сеньорией. Дож со своей стороны выразил ему свое почтение и извинился за то, что не сумел принять лучше столь великого короля, так дружески относящегося к Республике. Они обняли друг друга и расцеловали. Они уже разошлись на достаточно большое расстояние, когда Генрих вспомнил, что забыл подарить дожу специально отобранное им для него кольцо с прекрасным бриллиантом. В ожидании расставания король носил его у себя на шее на нитке: он отправил к дожу Виллекье, поручив ему вручить кольцо с самыми изысканными извинениями. Приятно удивленный, итальянец ответил образным языком, свойственным венецианцам, что король Франции навсегда останется в его сердце, и ощутимое доказательство чувств короля к Республике и к нему самому было излишне. Уступив настоятельным просьбам Виллекье, он все же принял кольцо, поцеловал его и надел на палец. Принимая этот королевский подарок, он очень хорошо понимал, что поступает против законов Республики. Известная своим богатством и могуществом Венеция запретила своим гражданам, занимающим политические и государственные посты, принимать какие бы то ни было подарки от иностранных монархов и принцев. Однако дож Мосениго не мог отказаться от подарка Генриха, так как тот был королем Франции. Дож информировал обо всем Сенат, который долго обсуждал эту проблему. Письмо господина дю Феррье сообщает Генриху о принятом решении: кольцо с бриллиантом останется у дожа, но после его смерти перейдет в государственную казну. 6 сентября 1574 года вышел декрет, согласно которому в тот момент, когда кольцо станет достоянием казны, должна быть отлита золотая лилия и в нее вправлено

кольцо. После падения Республики, во время французской оккупации 1797 года, золотая лилия была в числе прочих предметов, предназначенных в переплавку. А само кольцо с бриллиантом было продано с другими сокровищами казны ювелирам Бисцетти-Ламбранзи и Си в 1821 году, когда город перешел в руки австрийцев. Подобно книгам, драгоценности тоже имеют свои судьбы, и их следы часто теряются во мраке безвестности.

Из Венеции в Турин
(*29 июля — 15 августа*)

Генрих ославлял Венецию с чувством сожаления. Поднимаясь по реке Бренте, он еще мог любоваться проплывающими мимо поместьями патрициев Республики. Так он остановился, чтобы пообедать на вилле Фоскари, являющей собой одно из самых ярких произведений Палладио. В Мира Генрих с удовольствием посетил виллу Кошарини. В 7 часов вечера, на небольшом расстоянии от Падуи, он покинул Бренту. Город построил в честь короля триумфальную арку, но Генрих провел всего одну ночь в знаменитом университетском городе. 28-го числа он заночевал в Ровиго. 29-го он отправился в путь к герцогству Феррарскому. Там последние венецианцы из его свиты простились с ним, и Генрих отблагодарил их различными подарками и золотыми цепочками.

По прибытии в герцогство молодой король обнаружил там двор, испытывающий заметное влияние Франции, так как герцог Альфонс был кузеном Генриха по линии своей матери Рене Французской, дочери Луи XII, радушно принимавшей французов, особенно реформатов. Совершенный образец принца Возрождения, ее сын Альфонс II, прекрасный вкус которого и окружающая его роскошь нисколько не приуменьшали его моральных качеств и качеств государственного мужа, был действительно достоин королевской короны. Тем не менее он мог лишь надеяться сменить Генриха на троне Ягеллонов. Но Генрих еще не был таким серьезным и суровым, как его кузен, и, не заботясь ни о чем, предавался всем удовольствиями, которые предоставляла Италия своему гостю. Однако ему надо было приступать к выполнению своих обязанностей. Его мать хорошо это понимала и поэтому послала ему навстречу Жака де Фэ, чтобы поторопить его с возвращением. Желая поскорее увидеть сына, королева предлагала ему избегать территории Швейцарии и ехать через Турэн и Шамбери. Это значило попасть в поле зрения

герцога Савойского, который с умело скрываемым нетерпением ждал случая захватить в свои сети короля Франции. Королева же рекомендовала Генриху проследовать через владения Эммануэля-Филибера, надеясь с его помощью организовать встречу ее сына с Дамвилем, правителем Лангедока. Но для того, чтобы эта встреча состоялась, было необходимо посредничество герцога Савойского. Между тем чувствовалась настоятельная необходимость по возможности предотвратить союз могущественного правителя с гугенотами Юга. После провала заговора Ля Моля и Кокона и заключения в Бастилию его старшего брата, маршала Монморанси, Дамвиль вернулся в свои владения в Лангедоке. С протестантскими депутатами он заключил перемирие до 1 января 1575 года. Смерть Карла IX избавила его от судьбы его брата, и в июне 1574 года он захотел встретиться с Генрихом III, чтобы оправдаться перед ним. 1 августа, из герцогства Феррарского, король пишет ему довольно длинное письмо, демонстрирующее его дружеское расположение: «Я всегда любил, и вы это знаете, и вас и ваш дом, и вы можете быть уверены, что из-за недавних слухов я нисколько не изменил свое отношение к вам… иначе я бы приуменьшил ту честь, которую вам оказывали мои предшественники». Он возвращается в свое королевство не для того, чтобы «проливать кровь своих подданных для удовлетворения чужих страстей, но чтобы всех их объять своим расположением и доброжелательностью, что свойственно настоящему принцу… который стремится мягко держать своих подданных в повиновении, чем они мне обязаны». Затем, вновь обращаясь к своему кузену, Генрих торопит его приезд в Турин: «Приезжайте как можно скорее встретиться со мной в стране моего дяди, господина герцога Савойского, используя те средства, которые он вам предоставит, и вы найдете меня не только готовым выслушать ваши оправдания или жалобы, но также в таком расположении, которое вам бы хотелось». Король добавлял, что всю свою жизнь он держал слово, и Дамвиль может отправляться в путешествие, ничего не опасаясь. В заключение он собственноручно добавлял: «Приезжайте увидеться со мной к моему дяде, и вы будете там в безопасности, доставите мне удовольствие и будете дорогим гостем».

Вечером того же дня, когда король написал Дамвилю, он покинул герцогство Феррарское. Спустившись по реке По на трех барках, оборудованных под часовню, спальню и гостиную. 3 августа он был в Мантуе. Генрих провел с двором Гонзага три дня, затем вновь предпринял речное путешествие. На реке По, на барке, носящей имя Филиппа II, короля Франции приветствовал правитель миланской области, маркиз де Лямонт. 9 августа

король остановился в Кремоне. 10-го числа он был в Монза, древней столице королей Ломбардии, где произошла встреча, повлиявшая на всю духовную жизнь Генриха, встреча с кардиналом-архиепископом Милана, прибывшим приветствовать короля Франции и побеседовать с ним. Тому, кто еще не стал святым Шарлем Борроме, было 35 лет. Он был сторонником католической реформы и вводил в жизнь решения Совета 30-ти. Будучи государственным секретарем своего дяди Пия IV, он сделал для Рима реформацию живой реальностью. Венецианский посол Соранзо восхищался этим кардиналом-племянником, который «значил при дворе в Риме больше, чем все декреты совета вместе взятые». Шарль Борроме смог покончить с нападками памфлетистов-реформатов на «современный Вавилон», «блудницу семи холмов», «вертеп Антихриста». После смерти Пия IV и избрания главой церкви бывшего инквизитора, доминиканца Мишеля Гислиери, ставшего Пием V, кардинал-племянник, подавая пример своим отношением к службе, вернулся в свою епархию в Милане. там он неутомимо работал над реформой, затрагивающей духовенство и монастыри. Ведя такую суровую жизнь, какую только может вынести человеческая природа, молодой и талантливый прелат стал худым и бледным аскетом, лишенным сна, питающимся только хлебом, водой и некоторыми овощами. Он часто посещал свою епархию и осматривал ее то пешком, то верхом на лошади. На своем гербе он оставил один цветок, увенчанный словом: «Смирение».

Генрих собирался на мессу, которую должен был читать Шарль Борроме, когда тот первым пришел к королю. Вместе они пошли в храм Сен-Жан-Батист, где король простоял всю службу на коленях, ни разу не забыв перекреститься. Благодаря переписке архиепископа с папой нам известно содержание двух его бесед с королем Франции. Вернувшись в письме к прежним проблемам королевства, которые он был вынужден решать во время правления Пия IV, кардинал подчеркнул, что нынешнее плачевное положение религии объясняется взглядами правителей и их чисто человеческими поступками, тогда как им следовало бы руководствоваться заботой о прославлении Господа и служить ему одному. Генрих заверил кардинала, что превыше всех личных и политических соображений он всегда будет ставить заботу о прославлении Господа, оставаясь истинным защитником веры. Кардинал писал Григорию XIII, что серьезность Генриха, его вежливость, изысканность беседы, его способность терпеливо выслушать другого, его скромность и ярко выраженная набожность (по крайней мере, внешняя) произвели на него чрезвычайно благоприятное впечатление. Более того, когда они

шли на мессу, король обратился к нему с просьбой исповедать его, что показалось прелату доказательством его склонности к религии. К тому же Генрих поведал ему, что он причащается каждый месяц и каждый день слушает мессу. В конце их последней беседы королю было передано распятие будущего святого. Генрих набожно поцеловал его. В 1584 году, незадолго до смерти Борроме, он говорил архиепископу д'Эмбрэну о своем глубоком уважении того, на чьей мессе он имел возможность присутствовать. В конце письма Шарль Борроме Так сказал о короле: «Речь идет о принце-созидателе, способном творить добро, если ему в этом помогут. Надо, чтобы его окружали люди, способные дать совет, говорить с ним честно и откровенно». Таким образом, Шарль Борроме, с одной стороны, сумел распознать истинную склонность Генриха к религии, с другой стороны, он указал на то, что ему необходима помощь, чтобы преодолеть некоторую тенденцию к апатии, вызванную, скорее, слабым здоровьем, нежели недостатком желания. Продолжая путешествие, 11 августа Генрих остановился переночевать в Маджента, где для него танцевал Джулио Чезаре. 13-го числа он покинул Вереей. Теперь он был недалеко от Турина, куда он прибыл 15 августа. Там ему предстояло оставаться до 26 августа.

В тот момент, когда король был готов покинуть Италию, перед ним встали две проблемы, требующие настоятельного разрешения. Отдаст ли он герцогу Савойскому три района, которые все еще удерживала Франция в Пьемонте? Придет ли он к соглашению с Монморанси-Дамвилем и тем самым не даст ему присоединиться к гугенотам Юга? Принять или не принять просьбу герцога Савойского о восстановлении земель значило уменьшить или поддержать и так уже пошатнувшийся престиж королевства. Союз или разрыв с правителем Лангедока, ставшим в некотором роде вице-королем Юга, означал начало лечения нанесенных Франции ран или углубление их. Внешне независимые одно от другого, оба дела были связаны невидимой связью. От влияния господина Савойского на маршала де Дамвиля зависел успех договоренности с этим последним. Разве следует удивляться, что Эммануэль-Филибер хотел получить определенную плату за свои услуги?

Воссоединение пьемонтских городов с герцогством Савойским и несостоявшийся союз с Монморанси-Дамвилем

Генрих оставался при дворе Турина в течение 12 дней. После

его триумфального вступления в город началась долгая и разнообразная череда празднеств, закончившаяся только к его отъезду. Но самое приятное время Генрих провел рядом со своей теткой Маргаритой, покинувшей его в возрасте 8 лет. Неравнодушный к благородству и уму тетки и к значительности и престижу герцога, разве мог молодой король устоять перед слезными просьбами Маргариты выполнить статьи договора Като-Камбрези об оккупированных Францией некоторых районов Пьемонта. Франция должна была занимать Турэн, Шиери, Шивассо, Пинероль и Вилльнев до тех пор, пока не будут разрешены все разногласия между государствами. Филипп II Испанский потребовал и получил в качестве своей зоны оккупации города Верееи и Асти. Первая конференция прошла в Лионе в январе 1562 года и ни к чему не привела. Но королеве-матери нужны были деньги и она хотела выжить реформатов из Лиона. 8 августа 1562 года был подписан договор в Блуа, закрепленный соглашением Фоссано от 2 ноября 1562 года. Согласно этому документу герцог Савойский предоставлял в распоряжение короля (Карла IX) 3000 пехотинцев, 200 всадников и до 100 000 экю увеличивал сумму займа, предоставленного королю Косьмой Медичи. Если бы Франция вернула герцогу Турин и четыре других района Пьемонта ни один историк не упрекнул бы за это Карла IX и его мать. В обмен Франция получила бы Пинероль, Перузу и Савиглиано, но без права присоединения их к короне. Осуществление договора натолкнулось на противодействие французского командующего в Пьемонте, маршала де Бурдийона, генерал-лейтенанта короля, и Рене де Бирага, исполнявшего обязанности правителя Турина. Эммануэль-Филибер был вынужден обратиться к королеве и королевскому Совету, обязавшись предоставить 100 000 экю для выплаты задержанного жалованья французским военным. Преодолев все препятствия, 7 февраля

1563 года герцог смог наконец торжественно войти в город вместе с герцогиней Маргаритой. Затем он обратился к Филиппу II с просьбой также выполнить договор Като-Камбрези и оставить два занимаемых им города. Однако Филипп II ответил отказом, ссылаясь на то, что Франция по-прежнему удерживает у себя три пьемонтских города.

Когда Генрих прибыл в Пьемонт, на общую ситуацию там оказывал сильное влияние договор Фоссано. Король был гостем Эммануэля-Филибера, поэтому тот не стал высказывать ему своего желания добиться полного вывода французов из Пьемонта, но не подлежит сомнению, что он знал о шагах, предпринятых его женой, и полностью одобрял их. Лишь в Лионе Эммануэль-

Филибер потребовал освобождения трех городов, все еще занимаемых Францией. Несмотря на смерть своей тетки в середине сентября, Генрих остался верен данному слову. Король пошел против настойчивого сопротивления Луи де Гонзага, правителя Пинероля, и канцлера де Бирага. Может быть, герцог де Невер и канцлер действовали больше как итальянцы, нежели как французы и слуги своего короля? Не исключено, что Луи де Гонзага, вовсе не питавший теплых чувств к Савойе, был движим личными соображениями, лишившись правления, способствующего возвышению его дома в Италии. Что касается канцлера, он оставался в согласии с самим собой, поскольку, выступив в 1562 году против реализации договора Блуа, он потерял президентство в Парламенте Турина.

Может быть, в принятии Генрихом решения о воссоединении пьемонтских городов каким-то образом участвовал его фаворит Белльгард? Герцог Савойский заметил его привилегированное положение у короля. Складывается впечатление, что лестью и обещаниями герцог постарался сделать его своим союзником. В конце концов, одной из причин последующей опалы Белльгарда стало то, что в 1579 году он вступил во владение маркизатом Салюс и предал Генриха III, перейдя на сторону герцога Савойского. Большинство современников полагали, что решение было принято не вовремя, и ставили это в вину Генриху III. Историки слепо последовали за ними, но все они перегибают палку. Так, Жан Эритье пишет: «Чтобы понравиться своей тетке, он подарил ей Пинероль, Савиллан и Перузу, он подарил крепости как драгоценности, ведя себя как галантный вертопрах, распоряжающийся территорией королевства, как содержимым личного ларца». Ж.-Г. Мариежоль не менее ошибочно смотрит на юридическую сторону дела Франции в оккупации трех городов: «Он отдал герцогу как свои собственные последние французские владения в Пьемонте… которые согласно договору Фоссано были оставлены в пользу Франции». Они были оставлены в залог, но не отданы вообще. Лучшим доказательством того, что французская оккупация этих городов была временной и что они не были отданы Франции ни договором Като-Камбрези, ни соглашением Фоссано, является тот факт, что после подписания договора о воссоединении в Турине 14 декабря 1574 года герцог Савойский потребовал у Филиппа II возврата городов Асти и Сантия, занимаемых испанским королем соответственно с 1559 и 1562 годов. Филипп II затягивал переговоры целый год. В сентябре 1575 года оба города вновь стали савойскими. Тем не менее все историки, враждебно настроенные к Генриху, никак не связали его согласие на воссоединение с последовавшим чуть позже

решением Филиппа II. С ними можно согласиться, что Генрих хотел от Эммануэля-Филибера больше, чем просто посредничества в своих делах с Дамвилем. Несомненно, именно на ходатайство герцога Савойского перед Дамвилем намекал Генрих в своем письме герцогу де Неверу, отправленному из Лиона 11 октября 1574 года: «Я сделал это, исходя из соображений, которые многим неизвестны, это послужит мне на благо и на благо моему королевству». Но не он один уступил просьбам своей тетки Маргариты. Королева-мать, видимо, одобряла решение своего сына. 1 октября 1574 года она писала герцогу Савойскому, что «никто не может помешать королю, моему сыну, сдержать данное вам обещание, что вы можете заключить из приезда великого приора и государственного секретаря Сова».

На самом деле французское общественное мнение очень задела сдача Савойи и Пьемонта победителю сражения при Сен-Кантэн, Эммануэлю-Филиберу, на что был вынужден пойти Генрих II, заключая договор в Като-Камбрези. Продление французской оккупации в трех городах Пьемонта, из которых главным был Пинероль, было бальзамом на раны самолюбия французов. Но неопределенно долгое содержание королевских гарнизонов в упомянутых городах было возможно не более, чем их присоединение к королевству, что могло послужить королю Испании, занимающему два других пьемонтских города, поводом для интервенции и укрепления его позиций в Северной Италии. Согласно информации, переданной доном Диего де Зунига из Лиона 1 сентября командующему Кастилии, герцог предложил обменять маркизат Салуццо, владение короля, на Бресс, факт, доказывающий стремление савойской политики избавиться от любого иностранного присутствия в Пьемонте. Надо ли напоминать, что в 1588 году преемник Эммануэля-Филибера, Шарль-Эммануэль, незаконным путем захватил маркизат Салуццо, отошедший к короне в 1564 году по завещанию последнего маркиза, сделанного в пользу французского короля? Генрих IV призвал герцога Савойского к порядку. По Лионскому договору (17 февраля 1601 года) последний сохранял за собой маркизат, но уступал Бресс, Бужей, Валь-Ромей, районы Же и Шато-Дофэн, что вполне компенсировало утрату Салуццо. В конечном итоге Генрих III лишь исполнил статьи договоров Като-Камбрези и Фоссано. Вне всякого сомнения, он слишком легко согласился на просьбы своей тетки, но его решение не было лишено политического смысла: пока он жив, Эммануэль-Филибер будет соблюдать, по крайней мере внешне, корректное и лояльное отношение к нему. Если французский патриотизм

испытывал по этому поводу законное разочарование, то надо признать, что герцог Савойский исполнял свой долг, требуя вернуть города, занятые французами и испанцами, так как они ему принадлежали на законном основании.

Один скромный, но ученый провинциальный эрудит Франсуа Мюнье пишет в заключении своего описания путешествия Генриха по Пьемонту и Савойе, что «патриотизм есть святая добродетель, но он не должен быть слепым, он должен признавать существование патриотизма других людей». К тому же, если бы после смерти Карла IX положение в королевстве не было критическим, разве понадобилось бы прибегать к помощи герцога Савойского и оплачивать его услуги за посредничество между королем и Монморанси-Дамвилем? Однако вне всякого сомнения, король совершил тактическую ошибку, связав себя обещанием, данным своей тетке, до того, как заключил крепкий союз с правителем Лангедока.

Представитель высшей знати, с которым Генриху предстояло иметь дело, был вторым сыном коннетабля Монморанси. Карл IX назначил его правителем Лангедока. Он родился в 1534 году, стал маршалом в 1566 году, в 1574 году ему было сорок лет. Прекрасный солдат, он обладал головой политика. Хотя в тот момент, когда он появился на сцене, он показывал себя истинным католиком. Тем не менее он пользовался уважением гугенотов за свое влияние и великодушное отношение к ним. Карл IX высоко ценил его, Екатерина его искренне любила. Казалось, ничто не предвещало в нем будущего противника короны. Однако заговор Ла Моля и Кокона, арест его старшего брата Франсуа де Монморанси и маршала де Коссе, постоянный надзор Екатерины за Франсуа Алансонским и Генрихом Наваррским изменили чувства и отношение Дамвиля. По примеру Вильгельма Оранского, сумевшего вовремя создать значительное расстояние между герцогом Альба и ним самим, Дамвиль уехал в Лангедок, не выказывая повиновения, но и не проявляя открытой враждебности.

После смерти Карла IX Екатерина вновь стала регентшей. Она опасалась Дамвиля и сочла необходимым лишить его правления в Лангедоке и передать его дяде Оноре Савойскому, маркизу де Виллар. Тот сменил Колиньи на посту адмирала Франции и был пылким католиком, что доказал, будучи правителем Гюйенны. Екатерине было нужно оправдание своих действий, поэтому она попросила Дамвиля приехать, чтобы встретиться с маршалами, которых она посадила в Бастилию (письмо от 3 июня 1574 года). Осторожный Дамвиль схитрил. Он сообщил, что уезжает к господину Савойскому, в ожидании того момента, когда король

вернет ему его правление. А пока он будет поддерживать связь с господином де Вилларом, чтобы решать текущие дела Лангедока. Покидая Монпелье, Дамвиль не испытывал особого желания оставлять свою провинцию. Выехав за ее пределы, он направился к Роне, занял Бокэр и поспешил к Пон Сен-Эспри (Мост Святого Духа). Он стремился стать хозяином переправы. Герцог Савойский, со своей стороны, чуть позже приезда к нему Генриха, захотел наладить отношения с Дамвилем. 17 августа он сообщил ему об отъезде одного из представителей своего двора, «чтобы вас встретить, служить вам, воздавать вам почести, ухаживать по дороге и проводить до Турина, где находится Его Величество в очень хорошем расположении духа, которое я постараюсь сохранить как можно дольше». Немного позже он пишет Дамвилю короткую записку уже о герцогине Маргарите: «Из того, что вам скажет моя жена, вы узнаете волю короля. Очень вас прошу прислушаться к воле короля, принимая во внимание, что он идет туда, куда вам нужно. Надеюсь, когда он будет в Лионе, он сделает для вас все возможное».

Как такой тонкий и осторожный человек, как Дамвиль, мог принять за чистую монету расточаемые ему обещания? В своем письме от 3 июня Екатерина сообщала ему об ордере на его арест, подписанном умершим королем, и о решении лишить его правления в пользу принца-дофина. Как мы видели, королева смягчила этот приговор и назначила дядю Дамвиля временно исполняющим обязанности правителя провинции, пока сам Дамвиль находится в Савойе.

Выехав из Бокэра 13 августа, через неделю Дамвиль прибыл в Турин. Генрих III тепло принял маршала и даже предложил ему ночевать в своей спальне. Он доброжелательно выслушал объяснения Дамвиля о его отношениях с гугенотами, осложненных требованиями королевы-матери. Однако Дамвиль упорствовал в своем стремлении быть адвокатом гугенотов. Генрих отказался разрешить публичные и частные протестантские проповеди. Король согласился лишь дать свободу совести частным лицам, а также узаконить празднования крещения и бракосочетаний в количестве не более 10 человек. Когда маршал попросил освободить своего старшего брата, правителя Парижа, король, пока еще разделенный со своей матерью, предпочел сразу не соглашаться. Несмотря на эту неудачу, Генрих III сдержал свое обещание позволить маршалу вернуться в свою провинцию. Но поскольку правление там было ему в тягость, он предложил Дамвилю обменять свою должность на маркизат Салуццо. Но, так же как Генрих писал о Польше, Лангедок значил больше, чем Салуццо, и Дамвиль не попался на удочку.

Надеясь возобновить переговоры, король довез Дамвиля до Сюза, где принял Шеверни, принесшего инструкции от королевы-матери. В письме от 11 августа она советует ему не расставаться с Дамвилем до тех пор, пока не сложится благоприятная обстановка. Король и сам видел, что не следует пока отпускать маршала. Вскоре они оба покинули Суз. 30 августа из Моданы, на пути через Альпы, Генрих написал мадам Савойской, информируя ее о том, что королева попросила его «сделать так, чтобы маршал не выезжал из Турина и оставался рядом с ней до 12-го числа ближайшего месяца». Тем временем Генрих повидается со своей матерью, «с которой примет решение относительно вышеупомянутого господина маршала». Эммануэль-Филибер, по известным нам причинам сопровождавший Генриха до самого Лиона, тоже уговаривал Дамвиля подчиниться своему королю.

Несмотря на полученный им приказ, маршал только и думал, как бы вернуться в Лангедок. 7 сентября, под влиянием своей матери, Генрих написал довольно двусмысленное письмо в Лион. Хотя он пообещал Дамвилю сохранить ему его пост, он спрашивал его, не пойдет ли это вразрез с его обещанием назначить нового генерала для борьбы с гугенотами. 20 сентября он приказал маршалу оставаться с герцогом Савойским, не заботиться о своем правлении и передать крепости капитанам, которых он назовет. В заключение король снимал его с занимаемой должности и очень сухим тоном напоминал о своем обещании относительно его возвращения в Лангедок: «Там вы найдете в моем лице такого командующего, который способен отобрать у вас ту власть, какую вы там имеете, в какой-то мере не желая, чтобы вы там распоряжались».

Растеряв все иллюзии, если он когда-либо их имел, Дамвиль прервал свое пребывание в Турине. В ответ он написал королю, что пришлет из Лангедока детальное письмо. Он не может оставаться у господина Савойского. К тому же капитаны, которым король хотел передать укрепления, были его открытыми врагами. 4 октября он взошел на борт корабля в Мельгей и 5-го числа входил в свой добрый город Монпелье.

Королева-мать, спровоцировавшая резкое изменение в отношении Генриха к маршалу, не увидела, что для того, чтобы покончить с гугенотами Юга и Лангедока особенно Лангедока — надо лишить их союзников, а главное перевести на сторону короля партию политиков и ее главу Дамвиля. Последовав за инструкциями матери и связав себе руки письмом от 20 сентября, тон которого так отличался от другого его письма, от 1 августа, Генрих III упустил возможность разбить столь опасный для королевской власти союз гугенотов и политиков. Покидая Турин,

уязвленный Дамвиль поклялся больше никогда не встречаться с королем и видеть его только на портрете.

Разногласия короля и могущественного правителя Лангедока, имеющие более серьезное значение, нежели воссоединение Пьемонта, повлияли на все правление, и их последствия продолжали сказываться даже в правление Генриха IV. Гак, почти вернувшись во Францию, молодой 23-летний король столкнулся со сложнейшей проблемой сосуществования католического большинства и могущественного меньшинства нации. Единственная из всех западных и центральных стран Европы, Франция не нашла способа решить ее и стала местом столкновения сильных иностранных государств, сторонников той и другой конфессий. Прибыв в свое наследственное королевство, Генрих нашел его сильно напоминающим Польшу. Однако было одно существенное отличие. Если в королевской республике пришли к соглашению о мирном сосуществовании всех конфессий, то его жестоко не хватало во Франции.

Еще не констатировав отсутствие мира в своем королевстве и не осознав свое положение жертвы сложившихся обстоятельств, Генрих испытывал большую радость возвращения на родину. Он выехал из Турина 27 августа, 19 августа он проследовал через Мон-Сени. Эммануэль-Филибер ничего не предпринял для увеличения удобств королевского путешественника и только предоставил ему застекленные носилки. В четверг 2 сентября Генрих торжественно вошел в Шамберри. 3-го числа он направился со своим «добрым дядей» в Лион по дороге, идущей через мост в Бовуазен, перекинутый через Гийер, маленький приток Роны, обозначающий границу между французским королевством и герцогством Савойским. На французском берегу монарха ожидали Франсуа Алансонский и Генрих Наваррский. Вечером 5 сентября Генрих III, наконец, встретился с Екатериной Медичи. 6 сентября он торжественно вошел в Лион. Ему предстояло 15 тяжелых лет нести бремя второй короны, дарованной ему судьбой.

Часть третья
Вторая корона, или упорный и неутомимый поиск невозможного мира (1574–1584)

Своей единственной целью я полагаю благо, спасение и покой моих подданных… во имя этого я встал па путь терпимости и примирения, зажегших пламя войны, которая охватила все королевство.

Генрих III. Отрывок из речи на первом заседании Генеральных Штатов в Блуа, 6 декабря 1576 года. Сборник документов заседании Генеральных Штатов. Париж, 1789 г., т. II, с. 47

Кажется… этим Штатам хотят передать право принимать решения, которое является только моей привилегией, так как я принц-суверен и не подчиняюсь Штатам, которым не намерен передавать власть короля и монарха.

Генрих III. Письмо Ж. д'Юмьеру, правителю Нероны. Париж, 22 февраля 1577 года. Н.Б., мс. фр. 3317, т. 81

Умерший король начал восстанавливать справедливость и облегчать жизнь народу, и я верю, что, если бы не война Лиги, его начинание было бы успешным.

Виллеруа Бэра. 1 августа 1594 г. Ш.-А. Сепей, Очерки… об истории французской магистратуры. Париж, 1859 г., с. 440

Глава первая
Приезд Генриха III во Францию и бегство двора герцога Алансонского
(5 сентября 1574 года — 15 сентября 1575 года)

Общая обстановка и состояние умов во время возвращения Генриха III

Что увидит Генрих во Франции, вернувшись туда ее королем? Будет ли она отличаться от Франции, которую он знал до своего отъезда и которую породила Варфоломеевская ночь? Действительно, с 24 августа 1572 года все изменилось. Парижские события и их последствия так изменили политическую жизнь страны, что герцог Анжуйский столкнулся с серьезными проблемами, будучи кандидатом на польский престол. После кровавой резни всеобщее отношение к монархии стало совершенно иным. Все правление Генриха III и Генриха IV до 1598 года было окрашено переменчивыми настроениями их подданных.

Действительно, до 1572 года для всех гугенотов Карл IX был помазанником божьим, тем, кому следовало подчиняться по заповеди апостола Павла, а если с ним и воевали, то с большим сожалением. К тому же, не против него выступали адепты Дела Евангелия, а против его извращенных и вероломных советников. Только после трагедии 24 августа восставшие из-за отсутствия веры в монарха реформаты перестали быть связаны с ним «узами уважения», как выразился кардинал де Рец. В одно мгновенье исчезло почти мистическое почитание и уважение, которыми была окружена монархия. Отныне порвалась связь между следованием слову Господа и подчинения трону. Теперь для гугенотов лилия эмблема французской монархии опозорена и обесчещена. Единственные лилии, которые продолжали сиять для них, лилии поля Евангелия.

Король превратился в тирана и монстра. Заставить его исчезнуть и поднять против него современных Армодиев и Брутов долг каждого. Более умеренные, но более опасные, протестантские теоретики решили, что настал момент, когда надо по очереди рассмотреть права народов и королей. Монархия перестала быть неприкосновенной. Пришла настоятельная необходимость пересмотра и обсуждения статей социального

договора. Черпая аргументы в аристократическом или народном праве античности, полемисты-реформаты оправдывали выступления своей партии против законной власти.

Осаждаемый со всех сторон адвокатами Реформации, король не мог чувствовать себя спокойно даже у себя, в лагере римской ортодоксии, временным главой которой он был. Гак, на следующий день после заключения пресловутого мира в Сен-Жермен наиболее ярые проповедники поносили его прямо в лицо. По их мнению, он стал защитником еретиков. Королевство, говорили они, погрязло в ошибках. Доказательством тому служат уступки и примиренческие распоряжения королевских эдиктов, сделанных в пользу сторонников новой религии. Конечно, еще не ставился под вопрос сам институт королевской власти. Принципы остаются прежними. На какое-то время дискредитирован сам король. Но если не касаться личности короля, то главной мишенью для нападок становится королева-мать, которую упрекают в союзе с врагами Церкви. Разве не воспользовалась она всей своей властью, чтобы помешать королю присоединиться к Святой Лиге в походе против турок, которая недавно победила в Лепанто? Разве возможно, чтобы король Франции поддерживал мятежников в Нидерландах и выступал против законного монарха? К счастью, Варфоломеевская ночь подействовала на этих критиков подобно пронесшемуся урагану. Удивительный и ни с чем не сравнимый сюрприз 24 августа вызвал в католической публике волну энтузиазма. На следующий день все восхищаются молодым королем как самым мудрым политиком, поют дифирамбы «военной хитрости», с помощью которой была обезглавлена партия гугенотов. Как ни странно, именно паписты первыми поддержали тезис о преднамеренности, который должны были слепо принять гугеноты.

Уже сильно поврежденная защитная вуаль королей была окончательно разорвана в правление Генриха III. Отныне ничто не сдерживает осквернителей. Из простого обсуждения событий вырастает дискуссия об основополагающих принципах. Прошло время, когда ими интересовались только эрудиты и юристы, теперь их обсуждают не только на профессорских кафедрах. За них взялось общественное мнение. Теперь божественному праву противостоит право народа. Что лучше, наследственная передача власти или выборы? Умеренная монархия или абсолютизм? Какова должна быть роль таких посреднических институтов, как ассамблеи? Реформация открыла в исторической литературе все вопросы религии.

Варфоломеевская ночь отдала общественному мнению все проблемы государственного права.

24 августа, будучи в некотором роде импровизацией, своей неудачей спровоцировало появление третьей партии. Очень быстро, уже в начале 1573 года, стало ясно, что ничего не решено. Протестанты не растерялись, потеряв своих руководителей. Настроенные сражаться как никогда, гугеноты теперь не имели никакого доверия к королевскому слову. Гражданская война стала неизбежна. С 1573 года не осталось сомнений, что отныне во Франции будут сосуществовать две религии, но даже самая сильная из них не сможет уничтожить слабейшую. Единственным нерешенным вопросом оставалась альтернатива, будут ли они продолжать борьбу до полного обессиливания обеих сторон или в неопределенном будущем все решится мирным путем переговоров. Появилась новая школа из тех людей, которые до 1572 года стремились разделить государственные и религиозные вопросы. Их стали называть «политиками». Прошло немного времени после Варфоломеевской ночи, и самая умеренная католическая фракция присоединилась к гугенотам вместе со своим главой, не кем иным, как Генрихом Монморанси-Дамвилем, маршалом Франции, правителем Лангедока, влияние которого приравнивалось к могуществу вице-короля. Высший судья, король не мог заставить замолчать мятежные группировки, не мог вырвать у них из рук оружие, вынудить их принять королевский мир. Что можно было сделать с партией «политиков», состоящей из гугенотов и католиков, которая, к счастью для себя и к несчастью для трона, возглавлялась собственным братом короля, герцогом Алансонским? Следовало ли королю в такой ситуации становиться во главе партии католиков, что он сделал, будучи герцогом Анжуйским? Но непримиримые католики вскоре должны были стать легионерами Святого Союза. Будет ли король, как они того хотят, их добровольным пленником? В течение 10 лет, с 1574 по 1584 год, Генрих III, превыше всего ставивший заботу о сохранении в неприкосновенности своей власти монарха, был зажат между двух огней: между «политиками», союзниками гугенотов, и ультрареакционными католиками. Нет ничего удивительного в том, что подвергаемый нападкам обеих сторон, раздираемый на кусочки в их памфлетах, речах, пасквилях и т. д., он оказался погребен под горой лжи, измышлений и наветов, так что авторы, изучавшие и изучающие эту эпоху, почти всегда принимали за чистую монету все рассказы и сказки его врагов.

К несчастью, к внутренним проблемам добавились внешние. Брат короля Франсуа Алансонский (впоследствии Анжуйский) не довольствовался простой ролью главы новой партии. Вероятный претендент на руку Елизаветы Английской, он мечтал о

королевском троне и хотел стать королем Нидерландов, поднявшихся против Филиппа II. Екатерина со своей стороны выдвигала сомнительные претензии на Португалию, решительно отвергнутые Филиппом II.

Итак, в тот день, когда Генрих покинул Лион, перед ним открылась долгая дорога страданий. Может быть, он сознавал тяжесть своего пути и поэтому выбрал своим девизом *Manet ultima coelo*: тем самым он подразумевал, что надеется на третью корону, которая его ждет лишь на небе, и он сможет надеть ее только после того, как до конца пронесет свой королевский крест. Кого выберет он себе в попутчики? Будет ли он придерживаться системы правления умершего короля или покажет пример независимости и даст дорогу нововведениям? Королева-мать первая задала себе этот вопрос и пожелала знать, как будут вестись дела в ближайшем будущем. Она и общественное мнение вместе с ней очень быстро сосредоточили свое внимание на этом столь важном моменте.

Заветы королевы-матери сыну и новая форма правления

Едва Карл IX умер, как королева-мать взялась за перо, чтобы написать новому королю. Страстно желающая видеть рядом с собой того, кого она звала «мои глаза», она спрашивала себя, будет ли она иметь ту же власть, что и в правление Карла IX. Предложив Генриху немедленно покинуть Польшу и указав возможный маршрут возвращения, она не могла удержаться и не дать некоторых настоятельных рекомендаций. Прежде всего следует избегать страстей, увлекающих ваших слуг: «Ведь теперь вы не тот господин, который говорит: «Я примкну к этим, потому что они сильнее». Вы король, и они должны служить вам, а вы должны любить их и постараться не ненавидеть тех, кто ненавидит вас». В отношении его личных слуг: «Любите их и делайте им добро, но пусть их пристрастные взгляды не станут вашими».

В правление Карла IX благодаря матери Генрих занимал положение вице-короля. Из осторожности он счел необходимым обзавестись большим количеством друзей и слуг, чтобы гарантировать себя от ревности Карла. Разве он не говорил своей сестре Маргарите, что, если король снимет его с поста генерал-лейтенанта, «чтобы самому заниматься армиями», для него это будет «крах и такое жестокое разочарование, что он предпочел бы смерть такому падению»?

Генрих был главой католиков, и королева опасалась, что он им останется, поэтому она рекомендовала ему быть независимым судьей. Она знала, насколько Генрих расточителен, и советовала ему оставить до его возвращения распределение чинов и наград: «Я прошу вас, не давайте ничего, пока не прибудете сюда, где вы узнаете, кто хорошо вам служил, а кто нет. Я назову их и покажу вам и оставлю на ваше рассмотрение награды и назначения». Очень хорошо зная о финансовых проблемах королевства, она добавляла: «Мы назначим им таксу, Так как ней ни одного свободного экю, не необходимого для сохранения вашего королевства».

Когда королева узнала о прибытии ее сына в Италию, она послала с верным Шеверни инструкцию, которую последний передал в Турине. Это был детально разработанный план правления, плод ее опыта и мудрости. Генрих как король «должен показать себя хозяином положения», чтобы никто не подумал: «раз он молод, мы сделаем все, что хотим». Ему следует также уничтожить «обычай ничего не давать тем, кто ведет себя вызывающе». Пусть он поступит так в отношении двух-трех самых выделяющихся самодовольных господ, и «все остальные будут вести себя как подобает». Что касается королевских милостей, «пусть он раздает их тем, кто будет верно служить ему и не сделает на своих должностях ни шагу без его ведома». Следует принимать во внимание интересы «государств, а не людей, так как может принести большой вред желание отблагодарить человека, давая ему должность, которой он не достоин». Еще более опасное положение складывается тогда, когда все находится во власти фаворита. «Ибо вместо того, чтобы насчитывать в каждой провинции большое количество преданных ему людей, король будет иметь из них дюжину, а когда они увидят себя такими возвысившимися и могущественными, они снимут королю голову, вместо того, чтобы признать, что именно он сделал их такими». Полезнее всего с помощью званий, должностей и прочих наград приблизить к себе из провинций людей «самых могущественных и способных идти навстречу», а также епископов, «так как они в своих епархиях стараются сохранить существующие порядки»; так поступали Людовик XI и его дед (Франциск I).

Король должен первым подать пример, если хочет, чтобы эти максимы соблюдались. Он должен изменить двор, но «чтобы его изменить, ему следует измениться первому». Ему следует рано вставать, читать депеши, диктовать секретарям ответы. Ему, а не государственным секретарям просители должны адресовать свои прошения и жалобы, ибо всем следует знать, что он единственный

источник милостей, «поступая так, все будут благодарны одному королю и последуют за ним одним». Коснувшись ядра своего правительства, король должен пересмотреть состав своего Совета, ставшего чересчур многочисленным. Кроме того, ему надлежит распустить финансовый Совет, созданный самой королевой-матерью, и вернуться ко временам своего деда Франциска, когда все решалось на частном совете, занимавшемся в первую очередь делами государства и лишь во вторую — бесконечными делами подданных.

В заключение Екатерина призывала действовать как можно скорее и не медлить с предложенными ею реформами: «…так как если он не сделает этого сразу, он уже никогда не сделает». Вне всякого сомнения, она могла сама провести эти реформы, поскольку до того момента пользовалась всей полнотой власти. Но, выступая в качестве собственного адвоката, она не упускала случая сослаться на обстоятельства: «Если бы я была в его (Генриха III) положении», то есть с такой властью и свободой действий (по крайней мере, она так говорила), «я бы это сделала». Настаивая в последний раз на просьбе сделать то, что она предлагает, она призывала своего сына перейти к действиям: «Он может все, если захочет».

Привыкший слушаться мать, Генрих последовал в Лионе некоторым ее советам. Он уменьшил Совет до восьми членов: канцлер Бираг, епископы Орлеана, Баланса и Лиможа, Л'Обеспин, Монлюк, Поль де Фуа, Пибрак, Шеверни, Белльевр и Морвиллье. В случае необходимости в Совет могли входить принцы крови, но только по приглашению короля. Белльевр был назначен суперинтендантом по финансам, что фактически упразднило Совет финансов. Кроме того, Генрих стал выслушивать содержание депеш и отвечать на них. Государственные секретари, взявшие на себя обязанность вскрывать письма и самим решать срочные дела, вернулись к своей первичной функции — простых редакторов приказов короля и Совета. Кроме того, никакие награждения и назначения на должность не имели силы, если на соответствующем документе на стояла собственноручная подпись короля.

В противоположность тому, что пишет о трудолюбии короля и этой стадии реформ Ж.-Г. Мариежоль, Генрих никогда не терял склонности к работе, проявленной еще в раннем детстве. Доказательством его усердия в ведении дел служит его обширная переписка. Достаточно прочитать его письма государственному секретарю Виллеруа, чтобы понять, что он был в курсе всех событий и всегда сообщал о своих решениях. Только в те моменты, когда он, как говорили, «уходил в религию», он

оставлял на «свою добрую мать» и верного Виллеруа заботу о делах. В этом отношении его можно сравнить с Филиппом II, невероятно бюрократичным королем. Не исключено, что в области религии Генрих III мог находиться под влиянием примера почти монашеской жизни монарха-отшельника Эскориала.

Вполне вероятно, что он подражал суровости испанского двора, когда, приехав в Лион, старался изменить нравы куртизанок и привить двору строгий этикет. Генрих терпеть не мог фамильярности, а между тем постоянно был окружен наглыми проси гелями. Зунига пишет 12 сентября Филиппу II, что только два-три человека имеют свободный доступ к спальне короля. Во время еды к нему можно обратиться, только соблюдая определенный этикет. Венецианец Морозили сообщает, что стол короля был отделен специальным барьером, блюда ему подавали дворяне, а не лакеи. В спальню короля нельзя было войти до тех пор, пока король не оденется. Так Генрих III стремился укрепить уважение к власти и утвердить свое достоинство. Но то, что позже, в правление Людовика XIV, не вызвало никаких возражений, при Генрихе III стало настоящим скандалом, и многие знатные дворяне предпочли вернуться в свои владения. Недовольство было настолько всеобщим, что король был вынужден отступить. Десять лет спустя он захотел вернуть эти порядки, но натолкнулся на прежнее сопротивление. Однако Генриха очень занимал этот вопрос, и он записал в небольшой книжечке целую серию правил поведения. Они стали первыми законами этикета, вошедшими в практику при дворе Франции с XVII века.

Как Генрих мог не благотворить своим самым ближайшим слугам? Еще до своего приезда в Лион он назначил Виллекье первым дворянином своей спальни, каковую должность ранее исполнял кардинал де Рец, пользующийся полным доверием Екатерины. По ее настоянию Генрих согласился частично изменить свое решение. Рец и Виллекье сменяли друг друга каждый семестр. Однако она напрасно пыталась отговорить сына от назначения Белльгарда маршалом Франции, в то время как живы четверо носителей этого титула. Таким же образом Генрих ввел пятую должность государственного секретаря для Больe-Рюзе. Король собирался единолично распоряжаться наградами и должностями. Так, Ларшан стал капитаном гвардейцев, хотя после смерти прежнего капитана королева-мать отдала эту должность Лансаку. Суврэ, он же Ля Год, отвечал за гардероб. Все эти люди сопровождали Генриха в ссылке и получали теперь нечто вроде вознаграждения за свою преданность. По этим

назначениям было видно, что король хочет видеть вокруг себя испытанных друзей. В конечном итоге он последовал совету матери и окружил себя небольшой группой людей, преданных ему одному. Но по велению судьбы сложилось так, что общественное мнение было недовольно его действиями и почти всегда трактовало их в отрицательном смысле.

Генрих III глазами испанских и итальянских дипломатов

Предоставим слово государственному секретарю королевы Елизаветы, лорду Уолсингейму: «К несчастью для герцога Анжуйского, он обладает тем недостатком, что ни один из его портретов, даже работы самого Жане (Франсуа Клуэ), не могут передать удивительное я-не-знаю-что, данное ему от природы. Его глаза, его рот, когда он говорит, его мягкость, приводящая в восторг тех, кто имел честь увидеться с ним наедине, не поддаются описанию ни пером, ни кистью. У него красивая и столь пропорциональная рука, что, кажется, она не будет выглядеть завершенной, пока в ней не будет скипетра. Не спрашивайте меня, сколько побед он одержал, если Так хорош собой. Он не знает и о сотой доли своих завоеваний».

Без сомненья, автор приведенного описания несколько преувеличил, поскольку Генрих был в то время претендентом на руку королевы Елизаветы. Но нельзя отрицать, что принц обладал шармом, элегантностью и изысканным вкусом. Как справедливо заметил венецианец Жан Мишель: «Все его бравурные инстинкты и серьезные замыслы исчезли без следа. Он настолько предается праздности, настолько наслаждения занимают его жизнь, настолько он избегает все занятия, что это всех ставит в тупик. Большую часть своего времени он проводит в обществе дам, благоухая духами, завивая себе волосы, надевая разные серьги и кольца. Он совершенно не заботится о расходах на его элегантную одежду. Он очаровывает дам тысячью способов, особенно даря им игрушки, которые стоят ему огромных сумм, да с таким видом, будто он получает от них то, что хотел». Еще более черными красками пользуется Зунига, в письме к Филиппу II от 22 сентября 1574 года, выказывая лживое восхищение: «Каждый вечер король присутствует на празднествах, танцует всю ночь. Вот уже четыре дня он носит костюм из фиолетового сатина, на котором неисчислимое количество складок и разрезов, из которых проглядывают пуговицы, белые, красные и фиолетовые ленты. Он носит серьги и коралловые браслеты. Всем

этим он показывает, что он представляет собой на самом деле, так что мне остается лишь стать его капелланом и молиться за его спасение». Суровый и добродетельный кастилец (разве его король Филипп II не одевался только в черное?) не мог не возмущаться чрезмерной элегантностью короля Франции. Действительно, Генрих только что снял траур по своему брату. Но не он один носил серьги и прочие украшения. Антуан де Бурбон, отец Генриха IV, и сам Карл IX тоже носили серьги. Маршал Филипп Строззи носил в ухе жемчужину. Робер де Ля Марк, из дома герцогов де Буйон, вообще имел обыкновение покрывать себя драгоценностями. Франсуа де Карнавале без всяких колебаний надевал жемчужное колье. Король лишь следовал моде времен Франциска I. Он отойдет от нее только в конце своей жизни.

Заслуживает внимания другое замечание испанского дипломата: «Всем этим он показывает, что он представляет собой на самом деле». По мнению Зуниги, король поступал так, будто был противоположного с ним пола. Совершенно очевидно, что в отношении внешней изысканности Генрих давал простор своим критикам. Но в XVI веке не понимали такого поведения и не могли судить с позиций XX века. Вопрос заключается в том, не было ли у Генриха подсознательной склонности к гомосексуализму, о чем с большей или меньшей степенью понимания писали дипломаты.

Перейдем к состоянию здоровья короля. Здесь картина будет не лучше. 29 декабря 1574 года Зунига пишет Рекесансу, правителю Нидерландов, спрашивающему, не болен ли король: «Появилась боль в груди, где у него есть впадины, он чувствует себя плохо, полагают, что он долго не проживет. Так говорят, но это одни разговоры. Кажется, у него задето легкое, как и у его брата. Поэтому он пьет одну воду и никогда не брал в рот ни капли вина». Зунига осторожен, однако чувствуется, что он был бы рад, если бы дни Генриха III были сочтены.

Посланники Святого Престола настроены не оптимистичнее язвительного испанца. В письме кардиналу Галли от 20 сентября 1574 года нунций Сальвиати (флорентинец и поэтому находящийся в хороших отношениях с Екатериной) откровенно пессимистично высказывается относительно будущего брака короля и его последствий: «Если король женится, мы вряд ли увидим потомство. Врачи и хорошо знающие его люди полагают, что у него очень плохая конституция и он проживет совсем недолго. Кроме того, по природе он склонен к сладострастию, однако так слаб, что если проспит не в одиночестве две или три ночи, то неделю будет вынужден оставаться в постели. Если

Вашему Высочеству станет известно, что король неважно себя чувствует, вроде теперешнего случая, когда он три дня провел в постели, то вы можете считать, что причина тому — любовь». Не зная об этом, Сальвиати был ясновидящим. Еще более замечательны его слова о будущем, каким оно ему виделось в том случае, если король не оставит наследника: «Когда Господь призовет к себе короля, принимая во внимание положение в королевстве, мне кажется, мы можем предвидеть, что, каким бы ни был его преемник на троне, если он хочет быть принятым и править, то он обязан быть католиком». Нельзя лучше сказать о главной проблеме, занимавшей нацию с 1584 по 1593 год и разрешившейся только с отречением Генриха IV в Сен-Дени.

Не менее удивительно, что далее нунций говорит о королеве-матери. Пока она у власти, какой бы ни был заключен договор с мятежниками, «своими лживыми действиями Екатерина может принести зло обществу и отдельным лицам». Итак, нунций столь же резко нападает, как и гугеноты, на ту, против которой вышло в свет «Великолепное описание жизни, деятельности и распущенности королевы Екатерины Медичи».

Посол Святого Престола архиепископ Франгипани проявляет к молодому королю не больше симпатии, чем нунций Сальвиати. Вот что он пишет 5 октября 1574 года о положении в королевстве: «Истинным лекарством от всех зол этого королевства будет король, имеющий вес и значение, знающий, что такое быть королем, и стремящийся к этому. Тогда все встанет на свои места. Этот молодой человек не обладает ничем из вышеупомянутого, ни с точки зрения ума, занятого праздностью и сладострастием, ни с точки зрения здоровья… Я думаю, он не проживет и нескольких месяцев. В свои 24 года он почти все время проводит дома и очень много в кровати. Его надо сильно пришпоривать, чтобы заставить что-либо сделать».

Такие неблагоприятные и критичные отзывы станут понятнее, если мы обратимся к мнению испанских политиков. Принимая во внимание враждебное отношение испанцев к Франции, надо заметить, что Мадрид и Рим были бы рады увидеть во Франции инквизицию, которая единственная могла покончить с ересью, чего никогда не собиралось делать королевское правительство. Отказ подчиняться решениям Совета 30-ти только усилил недовольство Святого Престола. Сторонник радикальных мер, посол Франгипани выступал одновременно за изъятие имущества иммигрировавших руководителей Реформации и за казнь находящихся в Бастилии маршалов, однако был против передачи церковных средств в казну короля. Восстановление мира во Франции путем переговоров не соответствовало жестокой

политике террора, за которую высказывались Испании и Святой Престол. Генрих III не был человеком, способным проводить такую политику, и такие ультрареакционные дипломаты, как Зунига, Сальвиати и Франгипани, прекрасно это понимали и предпочли бы, чтобы он исчез, а на смену ему пришел бесспорный сторонник католицизма.

Для восстановления мира нужна была другая личность, более сильная и уверенная в себе, нежели молодой 24-летний король, которого ко всему прочему в тот момент больше политики занимали другие дела, доказательством чему служит шок, который он испытал, узнав о неожиданной смерти Марии Клевской-Конде.

Смерть Марии Клевской (*30 октября 1574 года*)

Прошло более двух лет, как Генрих влюбился в Марию Клевскую, сестра которой Генриетта стала герцогиней де Невер. Без сомненья, он женился бы на ней, если бы незадолго до Варфоломеевской ночи королева-мать не выдала ее замуж за Генриха де Конде. Несмотря на воспитание в духе Реформации, Мария Клевская-Конде, в отличие от своего мужа, стала убежденной католичкой. Весной 1574 года Конде, обвиненный в соучастии в заговоре Ля Моля и Кокона, был вынужден уехать в ссылку в Германию и вновь стал гугенотом. А Генрих лелеял надежду аннулировать этот брак и сделать своей ту, к которой с самых первых дней встречи не переставал испытывать самые нежные и глубокие чувства. Хотя не сохранилось ни одного письма короля к его возлюбленной, его любовь ясно видна в некоторых записках, адресованных им Генриетте Клевской. Перед осадой Ля-Рошели он написал сестре той, которую потерял, рассказывая о своих чувствах. Первое из них самое красноречивое: «Я тоскую больше, чем когда бы то ни было. Я умоляю вас как друга… со слезами на глазах. Вы знаете, что значит любить. Рассудите, заслуживаю ли я такого отношения моей дамы, нашего друга… Уверяю вас, что есть минуты, когда мои глаза не в силах оставаться сухими. Пожалейте меня!» На месте подписи он написал инициалы своего имени между двумя перечеркнутыми буквами *SS*. Это символизировало искреннюю верность автора письма тому, к кому он адресовался.

В польской ссылке Генрих переписывался с Марией через Шеверни и его преданных эмиссаров. Она отвечала ему по тому же каналу с помощью Екатерины. В секретных бумагах Шеверни

она была отмечена под буквой О. Из Кракова Генрих писал Нансэ следующие строки: «Вы знаете, как я ее люблю, и должны предупредить о ее судьбе, чтобы я мог ее оплакать, что делаю сейчас. Больше не скажу ничего, потому что любовь опьяняет».

Всех наблюдателей волновало пребывание принцессы в Париже. 7 августа 1574 года тосканец Аламанни уверяет, что король написал Марии, «чтобы ее успокоить, письма, полные любви» и он «вполне может принять какое-либо важное решение в отношении принцессы… в которую он влюблен. Это очень беспокоит королеву-мать».

Нунций Сальвиати пишет кардиналу Галли: «К сведению Вашего Высочества, король так любит принцессу Конде, что только и думает, как бы сделать ее своей. Если бы это было возможно, он бы женился на ней. Регентша, ревниво оберегающая свое положение и считающая эту женщину умным человеком, очень опасается такого поворота событий и всеми силами стремится удержать короля подальше от Парижа, где сейчас находится принцесса».

Судьба помогла Екатерине, и очень скоро королева избавилась от своих опасений. Л'Эстуаль пишет в своем Журнале: «В субботу 30 октября госпожа Мария Клевская… наделенная исключительной добротой и красотой, за что страстно и столь сильно любил ее король, что его дядя кардинал де Бурбон в интересах короля выпустил ее из своего аббатства Сен-Жермен-де-Пре, умерла в Париже во время своих первых родов в расцвете лет».

Генрих был в Лионе, когда узнал о смерти Марии. Письмо получила королева, но не решилась передать его сыну и смешала с другими, разбросанными на столе. На следующий день вечером глаза короля задержались на печальном известии. Едва прочитав письмо, король упал в обморок. Он пришел в себя через довольно длительный промежуток времени, слег в постель и провел там три дня с высокой температурой. Когда Генрих появился на публике, на его аксельбантах, на отделке камзола и даже на шнурках ботинок были изображения маленьких черепов. Такая форма траура могла прийти ему в голову из-за капуцинов, эмблемой которых был череп. Поскольку король все время оставался печален, это забеспокоило королеву-мать, и она открылась Суврэ. «Нет ли у него, — спрашивала она, — чего-то такого, что принадлежало принцессе и напоминает ему прежние дни?» — «Да, — признал Суврэ, я видел у него ее крест и подвески». — «Хорошо, заключила королева, сделайте так, чтобы он их больше не носил».

Екатерина решила, что наступил удобный момент для

женитьбы сына. Она попросила господина де Данзэ, посла Франции в Стокгольме, прислать портрет шведской принцессы. Но Генрих ей на эго ничего не сказал. Зачем, если он знал, что женился бы на молодой принцессе Лотарингского дома, которую он увидел в Бламоне по пути в Краков? Задетый до глубины души, сможет ли он найти в себе силы и довести до конца мирную программу, выдвинутую им в сентябре? Подобный шаг был необходим, но стал одной из бесконечной череды попыток на протяжении всего его правления, перемежаемых различными затруднениями и потрясениями и прерываемых короткими периодами затишья. Сизиф, приговоренный подниматься по бесконечному склону вместе с этой Пенелопой от политики, которой была его мать, неутомимо штопающая ткань переговоров, в каковом искусстве она была непревзойденным мастером, Генрих так и не смог положить конец (за что не он один был в ответе) волнениям и беспорядкам, которым с 1559 года с великим удовольствием предавались французы.

Разрыв с маршалом Дамвилем

Через несколько дней после своего прибытия в Лион Генрих опубликовал заявление к своим подданным, озаглавленное «Объявление воли короля Франции Генриха III, от этого имени призывающего своих подданных к повиновению». Датированный 10 сентября и зарегистрированный в Парламенте Парижа, текст был обращен к правителям провинций и свободных городов. В письме к Парламенту король выражал надежду, что «все те, кто до сих пор питали недоверие к нашей доброй воле и расположению, немедля захотят испытать ее».

Однако королевского приглашения его подданным идти на поиски милости короля было недостаточно. Кроме всего прочего, они должны были испытывать такое желание, а у большинства оно отсутствовало. Вполне вероятно, Генрих III хотел всеобщего мира. Именно это ему советовали Максимилиан II, венецианцы и герцог Савойский. Освободит ли он плененных в Бастилии маршалов, даст ли гугенотам право свободных богослужений? Но сделать это значило перечеркнуть все шаги королевы-матери, сделанные с весны 1574 года. Это значило поднять против него партию католиков. Однако это было то, к чему он стремился. Комментируя в письме господину де Лангийе от 1 октября свое заявление от 10 сентября, он говорил: «Больше всего я хочу восстановить то, что исказило и извратило время, и призвать моих подданных к повиновению мне, что является их долгом, я

хочу помочь и сделать мое правление счастливым, скорее, мягкостью и милосердием, нежели какими-либо другими средствами».

Должны ли мы отнести подобное стремление к миру и к королеве, как это делает П. Шампьон, основываясь на ее словах послу папы, Франгипани? Ж.-Г. Мариежоль и Ж. Эритье считают, что она хотела начать войну с Дамвилем и его союзниками гугенотами, а И. Клула полагает, что, «несмотря на альтернативное предложение короля, война была неизбежна».

В действительности Генрих был не в состоянии сделать то, что хотел. Вынуждаемый матерью и большинством Совета, он дал согласие на действия, призванные привести в повиновение Дамвиля, Лангедок и гугенотов. Для этого были собраны четыре армии. Под командованием Монпансье первая из них находилась в полной боевой готовности в Пуату. Вторая, с маршалом Рецем во главе, располагалась в Провансе. Третья занимала долину реки Рона, возглавляемая принцем-дофином (сыном маршала Монпансье). Четвертую армию сам король должен был повести против Дамвиля.

Покинув Турин, Дамвиль поспешил вернуться в Лангедок, говоря, что он и король расстались в очень хороших отношениях. 11 октября на заседании властей города Бокэра он заявил, что король и он хотят жить в мире, и если беженцы желают вернуться домой, он будет гарантом их безопасности. Обе стороны относились друг к другу с недоверием. Нам уже известно, что, вернувшись к своей матери, 20 сентября Генрих III приказал Дамвилю передать занимаемые им крепости господам д'Юзэ и де Жуаез. 14 октября король передал управление Лангедоком дяде Дамвиля, адмиралу де Виллару, и попросил самого Дамвиля погостить у господина Савойского, продолжая пользоваться своим имуществом и имея полное право на оправдание.

Дамвиль слишком хорошо знал Екатерину Медичи, чтобы поверить ее обещаниям. Он ответил королю манифестом от 3 ноября в резком и вызывающем тоне. Генрих де Монморанси обращался к союзникам Франции и преданным подданным короля. Он указывал на нищету, царившую во Франции с исчезновением умершего короля Генриха II. Бывший защитник гугенотов, теперь он выступал сторонником свободы вероисповедания, упрекая власть в нарушении мирных эдиктов и решений Генеральных Штатов, созванных в Орлеане. Будучи кузеном Колиньи, он клеймил события Варфоломеевской ночи. Совершая неожиданную ошибку человека, подозреваемого в безграмотности, он жаловался на дискредитацию и недостаток образования. Разве не сослали и не поубивали «ученых людей из

университетов»? Более того, он нападал на духовенство, забывшее наставлять, обучать и поддерживать. Требуя избрания епископов согласно определенным статьям и бесплатного судопроизводства, Дамвиль практически предвидел 1789 год. Впрочем, корень зла был в иностранцах, захвативших правление. Он поносил этого Бирага, «миланца», ставшего канцлером Франции (по правде говоря, оба они испытывали друг к другу личную неприязнь). Нападая на него, Дамвиль совершал главную ошибку французской знати, из которой пополняла свои ряды партия «политиков»: экспроприация в пользу итальянцев официальных должностей и чинов.

По мнению Дамвиля, все зло исходило из отказа выполнить обещание Карла IX сделать Франсуа Алансонского генерал-лейтенантом королевства. Заговоры Сен-Жермен и Венсен, по его словам, были лишь выражением недовольства Монсеньора. Они послужили предлогом для ареста или ссылки офицеров короны и их друзей. Он сам чуть не был убит людьми графа Мартинанго и лейтенанта де Монпелье. Тем не менее по приглашению короля он приехал в Турин и монарх доброжелательно отпустил его в Сузе. Король повел против Дамвиля армию, почти целиком состоящую из иностранцев, одна часть из них была предана маршалу де Рецу, тоже иностранцу, другая господину д'Юзэ, бывшему иконоборцу, переметнувшемуся на другую сторону. По просьбе принцев крови, высших офицеров короны, пэров Франции, а также всех провинций Дамвиль, «как офицер короны, француз по рождению и потомок первых христиан и баронов Франции», объявляет о своем стремлении к «защите и сохранении короны и ее подданных, а также другой религии… против упомянутых иностранцев, плохих советников короля». Он намеревается освободить Монсеньора, Генриха Наваррского, принца Конде, прочих пленников, вернуть обратно ссыльных. Мир и восстановление государства будут достигнуты с помощью оружия. В ожидании счастливых дней Дамвиль гарантирует всем сохранение имущества и занимаемых постов, свободу совести и свободные богослужения католиков и реформатов, что впоследствии должно закрепить созванное им общее собрание.

Подобное заявление посягало на власть короля. Попытка ее узурпации была налицо. В то время как королевский Совет опирался на католическое население и придерживался линии поведения «во славу Господа», «политики» превыше интересов католицизма ставили интересы нации. Таким образом, они подавали пример довольно узкого патриотизма и определенного «кальвинизма». Заявление Дамвиля означало отказ от любых переговоров. Опубликованное и распространенное на ассамблее в

Ниме, оно имело значительный отклик. В Ниме же был заключен союз Дамвиля и гугенотов. Маршал подписал статьи договора и одобрил решения ассамблеи реформатов, прошедшей в августе месяце в Мило. Конфедераты сделали его главой и правителем всей Франции к югу от Луары. Он принял эти обязанности, стараясь заручиться поддержкой принца Конде, официального главы конфедератов. Еще один важный факт: Дамвиль обязался не обсуждать никаких мирных предложений и не начинать переговоры без согласия обеих конфессий. Он также согласился создать при себе совет, состоящий наполовину из представителей одной религии, наполовину из представителей другой. Этот совет должен был избираться ассамблеей и заниматься в основном вопросами финансов. 12 января 1575 года он поклялся выполнять все эти положения. Назначив принца Конде главным защитником, а в его отсутствие Дамвиля, ассамблея создала свой совет, ассамблею депутатов, совет каждой провинции, органы правосудия и финансов и разделила королевство на отдельные районы сбора налогов. Кроме того, она основала палаты судопроизводства. Она назначила ежемесячный доход Конде в 3000 ливров, а Дамвилю — в 6000. Ассамблея также приняла решение пригласить 6000 иностранных кавалеристов и два полка пехоты. Нельзя найти более республиканских действий.

Пока ассамблея покушалась на полномочия короля, Дамвиль занимался военными действиями. Он решил сделать крепость из Монпелье, укрепить Ним, Люнель и Бокэр. В Монпелье, ко всему прочему, он разоружил католическое население. После этого он бросился в бой. Сам он накинулся на герцога д'Юзэ, протестанта, ставшего сторонником короля, тогда как одним из его самых активных лейтенантов был не кто иной, как бывший архиепископ д' Э, Сен-Ромен, перешедший на сторону гугенотов. Оставшийся католиком, лейтенант Дамвиля Жуаез собирался овладеть Монтобаном, защищаемым одним турэнцем, «политиком», но хорошим католиком. Такое смешение политических позиций и конфессий доказывает, что на этот раз речь идет не о религиозной войне. Против сторонников двора и короля, выступавших за абсолютизм (среди них были и гугеноты), отныне поднимались борцы за религиозную и политическую свободу, представлявшие реформатов и умеренных католиков. Защищенный с обеих сторон, Дамвиль одержал множество побед. 8 декабря 1574 года его войска заняли Сен-Жиль. В начале 1575 года они вошли в Эг-Морт. Это было главным, так как там занимались перевозкой соли королевства. Теперь конфедераты не боялись испытать недостаток в средствах. Наконец, 2 апреля маршал вошел в Але, граф которого сдал ему город в обмен на

поместье в Оверни.

Через несколько дней после опубликования манифеста, 16 ноября Генрих III и его мать выехали из Лиона в Авиньон, куда прибыли 25 ноября. Оставаясь там, король находился рядом с театром военных действий и с территорией Лангедока. Королева-мать воспользовалась этой ситуацией и предложила маршалу встретиться между Бокэром и Тарасконом. Таким образом она надеялась увеличить к нему недоверие гугенотов. Дамвиль не попался в капкан. Он ответил, что сообщит своим союзникам о мирных намерениях Их Величеств, по без их согласия не имеет права ни с кем встречаться.

Королевство вновь оказалось в положении, аналогичном тому, которое существовало в начале первой религиозной войны. Но вместо того, чтобы самому возглавить одну из четырех армий, Генрих III передал их командующим заботу о борьбе с мятежниками. Прибыв в Авиньон, он поднялся на высоту Ливрона, небольшого городка, занятого гугенотами, осаду которого начинал Белльгард. Это предприятие было обречено на провал. На востоке, в Дофине, так же как в Верхнем Провансе, положение было не лучше. там командовали Ледигьер и знаменитый капитан Монбрэн. Дамвиль осадил Сен-Жиль, и цвета короля сменил флаг Монморанси. Чтобы воспрепятствовать его продвижению вперед, Генрих приказал занять Бокэр дяде Дамвиля, адмиралу де Виллару. С помощью поддержки д'Юзэ адмиралу удалось остановить правителя Лангедока.

Итак, в этом районе Юга король был вынужден защищаться. Один герцог де Монпансье на Западе смог захватить Пуату в августе 1574 года — январе 1575-го. Но времена Жарнака и Монконтура миновали, и рядом с Генрихом не было Таванна, чтоб вести кампании и одерживать победы.

Все еще находящийся под впечатлением смерти Марии Клевской, вынужденный следовать политике матери и Совета, держась в стороне от военных действий, Генрих не мог избежать поражения. Эти испытания, посланные Божественным Провидением, доказывали, что помимо человеческих средств теперь следует прибегнуть к помощи духовной. Так Авиньон стал сценой его первых публичных проявлений набожности и благочестия. До конца своего правления Генрих самым тесным образом сочетал личную набожность и политическую деятельность. Однако зрелище кающегося короля Франции удивило общественное мнение, поднявшее его на смех. Новое благочестие тем не менее соответствовало возрождению католицизма. Оно также было в соответствии с итальянским атавизмом короля, его стремлением обнародовать свои

убеждения и выражало его желание бросить якорь в порту спасения.

Пребывание короля в Авиньоне
(*25 ноября 1574 года — 10 января 1575 года*)

Мистическое воодушевление, в котором пребывали двор и Генрих III, было совершенно естественным для XVI века. Гугеноты и католики были движимы пылкой верой, и все в высшей степени были озабочены «славой Господней».

В Лионе Генрих, Беарнец и герцог Алансонский «причастились». Л'Эстуаль доносит до нас удивительную сцену, как брат короля и король Наваррский, стоя на коленях перед Генрихом, заверили его в их верности и молили забыть прошлое. Слишком показное проявление верности, хрупкое как стекло, возможно, временно искреннее, однако очень быстро перечеркнутое поступками, плодами личных амбиций: этот эпизод напоминает поцелуй Иуды.

Гем не менее подобными демонстрациями Генрих собирался влиять на умы, способствовать возврату к чистой вере и провести моральную реформу, воплощаемую в реальность Шарлем Борроме. Когда Генрих прибыл в Авиньон, с ним уже находился отец иезуит, в скором времени ставший его советником. Его настоящее имя было Эмом Ожер. Родился он в 1530 году, недалеко от Сезанна. Происхождение его очень скромное. Он вступил в свою организацию в Риме и был знаком с Игнатием Лойолой. Сначала был преподавателем в различных колледжах ордена, затем был направлен во Францию в 1559 году отцом Дэне, сменившем основателя ордена. Итак, отец Ожер оставил преподавательскую работу, чтобы заняться реформатами. Однажды в Балансе его арестовали солдаты барона Адре, но ему удалось тронуть души гугенотов и избежать фатального конца, фактически уже стоя на виселице. Впервые его пригласили ко двору в 1568 году. Он прочел проповедь перед Карлом IX и тогда же познакомился с герцогом Анжуйским. Замеченный герцогом, он стал его духовником во время кампании 1569 года. Он опубликовал работу «Военный педагог», где рассматривал обязанности принца-христианина на войне и обосновывал его право бороться со своими мятежными подданными ради доброго и справедливого мира. Во время сражения при Жарнаке он был рядом с Генрихом. Помогая надеть латы, он сулил ему победу. Он доказал, что пользуется большим влиянием среди солдат и что вполне возможно заставить их вернуться к религиозной практике,

что с тем же успехом делали пасторы среди реформатов. После заключения мира в Сен-Жермене он продолжил свое апостольство, вдохновляясь флагеллантами (самобичующимися) Юга Франции и обществами кающихся Италии.

Вполне возможно, что именно Ожер привил Генриху III истинную набожность, чисто мистическую, по отношению к Святому Духу. Она хорошо согласовывалась с модным тогда идеализмом Платона, который разделял Генрих. Мог ли он забыть, что в 1573 году был избран королем Польши в Панткоте и там же в 1574 году унаследовал от умершего Карла IX королевские лилии? Так в его голове возникла мысль основать новый дворянский орден. Во время его пребывания в Венеции дож Мосениго передал ему манускрипт, содержащий устав ордена Святого Духа, основанного Луи де Тарантом, королем Напля, в 1352 году. Орден, имевший своей целью крестовый поход, получил также второе название— орден Узла, так как клятва, вводившая в него, могла быть снята только какими-либо достойными похвалы действиями, самым предпочтительным был крестовый поход.

Нет ничего удивительного в том, что окруженный мистической атмосферой Генрих счел необходимым обратиться к божественной помощи! Что могло быть насущнее молитв и процессий, единственного способа присоединить народ к мольбам Высшему?

С приближением святого рождества король, с босыми ногами, восковой свечою в руке, лицом, скрытым за складками капюшона, возглавил длинную процессию кающихся, набранных среди министров и придворных, при том, что все члены двора получили приказ на этом присутствовать. Процессия началась рано утром и закончилась только к вечеру самобичеванием самых молодых и горящих энтузиазмом. Обнажившись до пояса, они бичевали себя тонкими ремнями до появления крови на спинах. Гак, объединяя дело с молитвой, они отказывались разъединить духовную смерть с более легко выполнимой и более чувствительной гибелью своего тела. Но если в Италии и Испании подобная практика была частью веры, во Франции, за исключением Юга, она была нововведением. Пример короля удивил, но его было недостаточно, чтобы принять ее для всех тех, кто с подозрением относился ко всему, приходящему из-за границы. Испанец Зунига, вместо того, чтобы одобрить отношение короля, презрительно комментирует его намерения в письме Филиппу II от 29 декабря: «Король святой человек, прослой, во время процессии капуцинов в Авиньоне он надел одежду этого ордена и со свечой в руке участвовал в процессии до самого конца… Вы можете вздохнуть

спокойно. Но следует воспользоваться безопасным моментом и подготовить все необходимое для служения Господу и Его Величеству».

Называя короля «простым», Зунига по-своему повторяет оценку герцога Савойского. 20 сентября он передает Филиппу II слова Эммануэля-Филибера: «Он мне сказал, что король дурак». Если герцог действительно так высказался о короле Франции, то эго абсолютное двуличие. Но разве из Испании или Савойи могло идти что-либо, льстящее Генриху? Расположение к нему выказывает один венецианец Морозини. Он передает 26 декабря, что ввиду физической слабости короля врачи предписали ему пить не только воду, но и вино. Чуть ранее, 14 декабря, он очень хорошо определяет положение: «Чем больше король склоняется к миру, Тем больше упрямятся его противники и ставят все более позорные условия».

Неожиданная кончина кардинала Лотарингского, кажется, открыла путь столь желанному для обеих сторон миру. Брагу господина де Гиза Великого, с 1559 года игравшему одну из первых ролей на политической сцене, было лишь 50 лет. Он принял участие в организованной королем процессии, с босыми ногами и едва покрытой головой. По всей видимости, у него произошло кровоизлияние. На следующий день после рождества он отдал свою душу, как говорили гугеноты, дьяволу, а католики оплакивали смерть такого замечательного прелата. Екатерина, довольная, что на ее пути больше не стоит еще один де Гиз, в тот же день сказала: «Теперь у нас наступит мир, поскольку кардинал Лотарингский был тем, кто ему препятствовал». Но одновременно она утверждала, что ничему не верит. Л'Эстуаль, передавший эти слова королевы, добавляет: «В заключение (она) сказала, что в тот день умер самый злой из людей». А 23 декабря в письме к госпоже де Немур (невестке кардинала) она пишет, что его смерть будет «большой потерей для короля и всего королевства». Конечно, Екатерина умела пользоваться и холодом, и теплом. Тем не менее смерть кардинала Лотарингского была миротворным фактором, так как гугеноты испытывали большое удовлетворение от исчезновения одного из их постоянных врагов. Поскольку Лотарингский дом еще не увидел в лице молодого Генриха де Гиза своего неоспоримого главу, было не запрещено полагать, что мир вновь может быть установлен после теперь уже близкого коронования короля, так как Генрих III покинул Авиньон 10 января 1575 года и направился в Реймс.

Из Авиньона в Реймс

(*10 января — 12 февраля 1575 года*)

Дальнейшее пребывание в Авиньоне было нежелательно, так как глава власти должен был как можно скорее получить религиозное посвящение на тот пост, который предоставил ему Господь. До тех пор пока новый носитель короны не помазан маслом из священного сосуда, он не может пользоваться всей полнотой власти и быть уверенным в верности своих подданных.

Эта верность на тот момент была сильно поколеблена: если она и была на словах, то ее не было заметно в действиях большинства из них. Так, созвав от своего собственного имени Штаты провинции Лангедок, Дамвиль узурпировал королевскую власть. В ответ Генрих III в свою очередь тоже созвал Штаты в картезианском монастыре Вилльнев-ле-Авиньон и на заседании открытия заявил, что созыв Штатов является только его привилегией. Подобное столкновение могущественного правителя и монарха показывает, что отныне во Франции нет одного и единственного короля. Ситуация ухудшилась бы, продли король свое пребывание в Авиньоне. Другой причиной скорейшего отъезда было доброжелательное отношение к королю немецких протестантских принцев. Генрих III отправил к ним Фрегоза, и тот по возвращении сообщил о том, что они не намерены входить на территорию Франции, так как король позволил их подданным-реформатам жить согласно их вероисповеданию. Но можно ли доверять этим поставщикам людей, готовым делать деньги на своих подданных, сдавая их за границу наемниками? Конечно, нет, но следовало воспользоваться этим заявлением, на некоторое время парализовавшим Дамвиля, а также Генриха де Конде правителя Пикардии и Генриха Наваррского в большей или меньшей степени хозяина Гюйены и Гаскони, хоть он все еще оставался в свите короля. Ситуация могла осложниться, если бы брат короля, герцог Алансонский, вместе с Дамвилем возобновил свои попытки стать главой оппозиции Его Величеств, провалившиеся весной 1574 года. В Авиньоне Екатерина арестовала эмиссара Дамвиля, капитана Ля Роша, уполномоченного возобновить отношения с герцогом Алансонским. Королева тут же сообщила об этом Франсуа де Монморанси, по-прежнему содержащемуся в Бастилии. По мнению Екатерины, этот дворцовый заложник, глава дома Монморанси, мог повлиять на своего младшего сына и, возможно, способствовать началу переговоров.

Несмотря на такое нестабильное положение, 9 января король выехал в Лион. Он ненадолго остановился в безуспешно осаждаемом Белльгардом Ливроне и подвергся унизительным

оскорблением со стороны осаждаемых и их жен. «Убийцы, — кричали они со стен, — вы не зарежете нас в наших кроватях, как вы это сделали с адмиралом. Ведите к нам ваших напомаженных любимчиков, пусть они посмотрят, легко ли с нами справиться». Не без некоторого риска он прибыл в Лион 22 января и почти сразу объявил, что направляется в Реймс и рассчитывает провести коронацию в воскресенье 13 февраля. Там же он узнал о сдаче Лузиньяна, в Пуату. По-прежнему стремясь к миру, король упорствовал в вере, о чем недоброжелательно свидетельствует Зунига: «Король стал театинцем. Он носит плащ, как испанский крестьянин. Поднимается с восходом солнца, слушает мессу со своим отцом театинцем до собрания совета и после». Язвительный Зунига (склоняющийся Тем не менее перед иногда чрезмерной набожностью своего господина, Филиппа II) издевается над тем, что он называет «театинством». Это была внешняя форма моральной реформы, одна из главных идей Генриха III, долженствующая, как и все его действия, привести к примирению французов.

Для этой цели он принял множество решений. Он возобновил союз с Елизаветой Английской, заключенный Карлом IX. Он признал принца Шотландии, сына Марии Стюарт, будущего Якова VI, не упустив случая выступить в защиту его матери Марии Стюарт, томящейся в заключении у своего врага. Ему удалось поддерживать мир в Париже, неделю за неделей следя за положением дел в этом великом городе. Он вывел из столицы наемников и сумел рассеять их. Президенту Виару, стоящему на часах в Меце, он поручил следить за перемещениями бежавших в Империю сторонников Конде. На западе правитель Нормандии Мартиньон, «этот опасный и тонкий нормандец» (так отзывалась о нем Маргарита Валуа), начиная с Руана нацеливался на Париж. Кроме того, Генрих III не собирался выполнять все пожелания Святого Престола. В начале 1575 года он попросил Григория XIII прислать ему в качестве посла Поля де Фуа, названного им также при осаде Тулузы. Но этот прелат-либерал, бывший в 1559 году советником Парламента Парижа и проповедовавший терпимость, вызывал большое недоверие при дворе в Риме. Несмотря на все свое благочестие, Генрих придерживался золотой середины. Он до конца настаивал на своей позиции и отказался выполнять решения Совета 30-ти. Но какими бы важными ни были эти дела, они не могли отодвинуть на второй план коронование Генриха и его женитьбу, без чего он не был полноправным монархом.

Коронование в Реймсе и свадьба С Луизой де Водемон

В интересах государства было необходимо принять корону и благословение в сердце храма Богоматери в Реймсе и жениться, чтобы с появлением дофина обеспечить продолжение королевского дома Франции и преемственность власти. Необходимость жениться после смерти Марии Клевской была тяжким бременем, Генрих испытывал к этому отвращение, но остаться холостяком означало подстегнуть рвение Франсуа Алансонского и ввергнуть будущее государства в пучину неизвестности. Любящий свою независимость, вынужденный считаться лишь со своей «доброй матерью», молодой король опасался перспективы попасть под каблук своей жены, такая перспектива мучила и волновала его. Возможно, в какой-то момент он подумывал о сестре Генриха Наваррского, Екатерине де Бурбон, не лишенной очарования девушке, но вследствие своего образования ставшей непримиримой гугеноткой. Она принесла бы с собой только свой очень живой ум. Но Екатерина не любила детей королевы Наваррской. Разве она не знала, что, согласно предсказанию, они сменят на престоле династию Валуа?

Отказавшись от Елизаветы Австрийской, ставшей «белой королевой» после смерти Карла IX, которую Генрих не хотел видеть своей женой, Екатерина предложила остановить выбор на принцессе Швеции, которая была знаменита своей неземной красотой и могла помочь сохранить корону Польши. Это было разумно, чего нельзя сказать о планах на дочь Филиппа II и собственную сестру Генриха Елизавету, так как молодой инфанте Изабелле было всего семь лет. На самом деле, уже в течение некоторого времени Генрих сделал выбор. У него в душе остался образ молодой девушки, увиденной им при дворе Лотарингии, когда он направлялся в Польшу. У нее не было ни приданого, ни претензий, так как она родилась в младшей ветви всего лишь герцогского дома. Привыкшая жить под пятой мачехи, Луиза де Водемон могла стать нужной Генриху женой. Она будет самой нежностью и повиновением, лучшим доказательством тому служили ее благочестие и добродетель. Она будет предана королю и оставит его свободным. Доверенное лицо короля, Шеверни, так описывает в «Мемуарах» чувства Генриха: «Со слов короля я понял, что он хочет выбрать женщину своей национальности, красивую и приятную. Она нужна ему, чтобы любить ее и иметь детей. Он не собирается ходить к другим, как делали его предшественники. А его сердце почти уже склонилось к Луизе де Водемон. Открыв свои чувства, король оказал мне честь и попросил поговорить с королевой и добиться ее положительного ответа».

Удивленная выбором сына, Екатерина подумала и решила,

что будет лучше не спорить, а даже показать благоприятные стороны такого брака. Пройдет страсть Генриха к Марии Клевской. Союз с принцессой Лотаринского дома, родственного Гизам, склонит равновесие в пользу католиков. Труднее будет заключить мир, а ее личное влияние на сына станет еще большим. Двор был удивлен не менее королевы-матери. Рене де Рие, не будучи официальной любовницей, проводившая ночи с Генрихом, упала с высоты своего положения. Герцог Анжуйский не без груда соблазнил ее в 1570 году. С юношеской торопливостью король направил в Нанси Шеверни и дю Гаста, чтобы сделать официальное предложение от своего имени.

Когда они предстали перед графом Николя де Водемон, Луиза даже не подозревала об ожидавшей ее судьбе. Она родилась от первого брака своего отца, и ее мачеха Екатерина д'Омаль никогда не говорила о ней, будто она была рабыней. Увидев зимним утром, как в ее комнату вошел дракон женского рода, для которого она не существовала, и сделал ей три реверанса, согласно обычаю, будто она уже была королевой, она решила, что мачеха издевается над ней. Она стала просить у мачехи прощения за то, что все еще в постели и не готова присутствовать при ее пробуждении. Но после того, как вошел ее отец и подтвердил, что именно ее выбрал король в жены, Луиза наконец признала реальность своей казавшейся ей несбыточной мечты. С этой минуты и до конца жизни Генрих III был для нее объектом безграничного обожания и поклонения.

Был ли Генрих достоин такого? Скорее всего, нет. С легкостью, свойственной молодости, он решил стать мужем Луизы и занялся приготовлениями к свадьбе. Один вопрос представлял некоторые затруднения. Генриху предстояло расстаться с госпожой де Шатонеф (Рене де Рие), и, поскольку он был королем, он решил устроить свою бывшую фаворитку, Так как больше не нуждался в ее услугах. Вне всякого сомнения, он сразу же задумался об этом. Но лишь после своей свадьбы заговорил с Франсуа де Люксембургом, который, как он знал, ухаживал за Луизой. Вот как об этом рассказывает Л'Эстуаль: «Мой кузен, сказал король, я женился на вашей любовнице. Но хочу, чтобы вы в обмен женились на моей» (подразумевалась Шатонеф, бывшая любовницей короля до его свадьбы). На что упомянутый де Люксембург ответил, что рад высокому положению своей любовницы, но предпочитает в качестве извинения и полного обмена жениться на Шатонеф. Генрих желал поскорее покончить с этим делом и, когда Люксембург попросил отсрочку, дал ему три дня, чем тот воспользовался, чтобы сесть на коня и поскорее покинуть двор.

Перед свадьбой произошло событие, чуть не разбившее счастье Луизы де Водемон. Во время путешествия из Авиньона в Реймс Генрих увидел в свите своей материт Марию д'Эльбеф. Она была так же красива, как Луиза, но гораздо умнее. Воспользовавшись обычной для своего пола лживостью и коварством, она сказала королю, что он не будет счастлив с Луизой, потому что его сердце не принадлежит ей. Этого оказалось достаточно, чтобы Генрих, попавший под очарование госпожи д'Эльбеф, смутился и охладел к своей невесте. Король решил оставить молодую скромницу ради ее храброй родственницы (они были кузинами). Но Екатерина стояла на страже и не собиралась дать вытеснить себя амбициозной женщине, вполне способной править королем и королевством. Она поговорила с Генрихом и убедила его, что с ней он отдаст себя в руки Гизам. Генрих вновь позволил себя уговорить, и больше не вставал вопрос о госпоже д'Эльбеф. Трудно точно определить период сомнений Генриха относительно его окончательного выбора, скорее всего, это происходило во время его путешествия из Авиньона в Реймс. 1 февраля он остановился в Дижоне. Там он принял представителей Сената Польши, которых не захотел видеть в Лионе, куда они прибыли первоначально. Он обратился к ним с очень возвышенной и благородной речью: «Я король по воле Господа и вашему собственному желанию. И я не думаю отказываться от короны. Как только новая королева подарит мне сына, я отправлюсь в Краков. А пока я направлю в Сейм двух полномочных представителей». Депутаты нашли ответ удовлетворительным.

В Шомоне переодетый в крестьянина Гийом де Фервак предупредил о готовящемся заговоре, но Генрих и Екатерина отнеслись к новости довольно скептично. Чтобы их убедить, он попросил дать ему человека, которого он отведет к заговорщикам и потом все передаст им. Они указали на Бара, и он присутствовал на заседании заговорщиков. Он узнал среди них многих гугенотов и подтвердил, что они рассчитывали на несомненный успех. Так король был предупрежден и, окружив себя сильным эскортом, смог спокойно путешествовать. В пятницу 11 февраля он прибыл в Реймс, где его уже ждала Луиза. Выслушав торжественную речь мэра, Генрих направился в собор, перед которым его ожидал епископ Суассонский, поднялся на неф и некоторое время молился на коленях перед большим алтарем, затем поспешил к Луизе де Водемон. Увидев ту, с которой собирался связать свою судьбу, настолько полной восхищения и любви к нему, Генрих преисполнился радости и отдался соблазнительным мечтам.

Через день после его торжественного вступления в Реймс, в воскресенье 13 февраля, прошла изнурительная церемония коронования. С того момента, как два кардинала-помощника и кардинал де Гиз пришли за королем, и тем мгновеньем, когда они проводили его в архиепископство, прошло более пяти часов. Любитель роскоши и пышных одежд, Генрих сделал себе великолепный наряд. Утром в день церемонии он сам пришил к нему приготовленные драгоценные камни и жемчуга. То же самое он сделал на плаще будущей королевы. Во время невыносимо долгой службы он семь раз менял костюм, трижды принес клятву, поднял, затем опустил шпагу, десять раз вставал на колени и вновь поднимался, произнося разные молитвы, не имея возможности отдохнуть и поесть, так как в день коронации король должен голодать. Когда кардинал де Гиз возложил ему на голову корону, Генрих почувствовал приступ слабости и корона соскользнула и упала. По словам Л'Эстуаля, когда «стали надевать ему корону, он довольно громко сказал, что она ему делает больно, и она дважды у него падала, как будто хотела упасть: это было немедленно замечено и истолковано как плохое предзнаменование». Еще два случая несколько нарушили церемонию. Принцы крови и пэры поссорились из-за мест, причитающихся по рангу, а музыканты и певцы забыли исполнить «Тебе, Господь». Это тоже было превратно истолковано. Наконец, некоторые противники короля распустили слух, что масла из священного сосуда «нет на месте» и Генрих будет лишен возможности излечить больных золотухой. После коронации король направился в Сен-Маркуль, монастырь Сен-Реми в Реймсе, где согласно обычаю должен был коснуться больных золотухой, но Генрих отказался это сделать, без сомненья, не будучи уверенным в своих физических силах.

Бракосочетание Генриха с молодой принцессой Лотарингии отпраздновали в вербное воскресенье, 15 февраля. Прочтем об этом в письме короля аббату де Ноай: «Вчера я был коронован в этом городе со всеми обрядами, соблюдаемыми моими предшественниками, сопровождаемый большинством принцев и знатных дворян королевства, которые завтра с Божьей помощью будут присутствовать на моем торжественном бракосочетании с Луизой де Водемон, избранной мной за ее достоинства и добродетель, и надеюсь, что Господь будет благосклонен ко мне и вскоре подарит мне детей».

Утром 15 февраля Генрих потратил огромные суммы, чтобы сделать из своей невесты блистательную жену. Он следил за подготовкой ее наряда, постоянно оставаясь недовольным тем, что приготовили для нее портные и ювелиры, так как стремился к

чему-то идеальному. Луиза с безграничным терпением исполняла все его желания, большинство из которых были просто капризами ее венценосного слуги. Генрих даже причесывал ее сам. Он потратил на эго столько времени, что были вынуждены перенести месту, начавшуюся только после полудня. День клонился к вечеру, когда кардинал де Бурбон (будущий Карл X Лиги) произнес сакраментальные слова. Думал ли в этот момент Генрих о Марии Клевской и погибшей любви? Слав королевой, добродетельная и обладающая высокой душой Луиза не слала заниматься грудной наукой правления, а лишь поддерживала молодого Генриха и помогала ему. Все время правления она оставалась в тени своего супруга, ни разу не опустившись до измены.

21 февраля Генрих покинул Реймс и 27-го числа вошел в свою столицу после почти годичного отсутствия. Он вышел из кареты у Лувра, приветствовал Елизавету, вдову Карла IX, и вместе с двумя королевами расположился у господина дю Мортье.

Необходимость найти деньги для функционирования государства, восстановление мира с гугенотами и «недовольными» католиками, интриги двора, поведение Франсуа Алансонского, ожидание наследника все это легло на плечи теперь уже облеченного всей полнотой власти короля.

Королевская сокровищница в отчаянном положении Возобновление мирных переговоров (*март — апрель 1575 года*)

Самым значительным затруднением было отсутствие денег. В марте 1575 года, по словам Л'Эстуаля, прошел слух, что «королю не на что есть и он живет долгами». Начиная с первых гражданских войн, доходы короны были затребованы на несколько лет вперед. Как и все соседние страны, Франция испытывала последствия большого притока драгоценных металлов из Америки. Золото обесценилось, и в конце века началась инфляция. Покупательная способность денег упала на греть по сравнению с десятилетием 1560-х годов. Увеличение средств оплаты и снижение производства из-за гражданских войн вызвало скачок цен, так как нарушилось равновесие между спросом и предложением. Эго была эпоха, когда повышение цен сказалось на кошельках всех без исключения, малых и больших. Луи Боден заключает в 1568 году: «Огромное количество золота и серебра вызвало всеобщее подорожание в 10 раз по сравнению с прошлым веком». Конечно, повышение цен было не везде

одинаково и варьировалось по провинциям. Продолжение гражданской войны лишь ухудшало ситуацию. Юрист Ноэль дю Фай сравнивал в 1584 году свою эпоху с временами Франциска I: «То, что стоило сто солидов, сегодня стоит десять ливров». Во Франции с 1565–1568 годов король все чаще обращается но финансовым вопросам к буржуа и офицерам. Из этих обсуждений мало-помалу сложился комплекс предложений, трансформированный в план стабилизации на заседании Генеральных Штатов в 1576 году. В сентябре 1577 года стоимость главной ходовой монеты, экю была определена в 3 ливра. Однако король напрасно установил законную стоимость. Политические и военные перемены к концу правления значительно увеличили разницу между законной и коммерческой стоимостью. Металлические монеты все более поднимались в цене, и в некоторых случаях золотое экю стоило до 8 ливров. Лишь в правление Генриха IV, после установления внутреннего мира, вновь восстановилось равновесие и стоимость экю была установлена в 3 ливра 5 солидов.

Такое экономическое положение парализовывало деятельность короля. Как содержать армии, платить полиции и гвардейцам за порядок в Париже, как вознаграждать знать за лояльность? Кроме того, надо было обеспечивать жизнь двора, роскошь праздников и спектаклей. Было бы неосторожным пренебрегать Парижем. Но если почти постоянное пребывание Генриха III в столице — в отличие от его предшественников шло ей на пользу, то парижане платили ему все более заметной неблагодарностью.

Король обязан уметь считать. Но он совершенно не заботился об этом. Он говорил про себя: «Я не хочу давать, но моя рука сама подписывает». Л'Эстуаль пишет в марте 1575 года, что в поисках средств король был вынужден пойти на многие меры: взять 3 миллиона со своих городов (с одного Парижа один миллион), другой миллион с духовенства, продать 4 должности советников отделения кассационного суда Парламента Парижа, по 15 000 ливров каждая, по два дерева с арпана (старая французская земельная мера) из лесов королевства, вакантные должности, обязать фермеров вносить 80 000 ливров 1 — то числа каждого месяца в казну. Кроме того, 18 марта король выпросил денег у членов Шателе, что позволило ему наградить своего фаворита дю Гаста более чем 50000 ливров. Буржуа и коммерсанты, королевские офицеры и финансисты, никто не мог остаться доволен таким положением дел. Нет ничего удивительного в том, что общественное мнение поставило королю в вину его постоянные траты. Большая часть памфлетов и пасквилей,

собранных Л'Эстуалем в его Журнале со страстью коллекционера, выражают общее недовольство, особенно самых привилегированных людей, вынужденных против своего желания тратиться на нужды короля и делать состояния фаворитам Его Величества.

Взволнованное денежными затруднениями короля, общественное мнение отказалось принять всерьез его благочестие. Во время поста 1575 года король ежедневно посещал по очереди все церкви и храмы Парижа, слушал мессу и молился. Но это не умалило холодность к нему народа, который предпочел бы увидеть вместо короля-монаха короля-воина и деятеля. В скором времени большинство французов отдаст предпочтение не философствующему, миролюбивому и благочестивому принцу, а Генриху де Гизу, который станет их любимцем и идолом.

Не в обычаях королей было ходить на мессу «почти каждое утро», даже во время поста, о чем говорит венецианец Морозини 12 марта. Он добавляет, что в эти дни Генрих поехал на охоту на оленей в леса Мадрид и Венсен… «это так непохоже на Его Величество, что многие были удивлены». Менее доброжелательный Зунига подтверждает слова венецианца. Он пишет 18 марта, что «у короля все выходит плохо, и он все же едет на охоту». Генрих развлекался, оставив на время двор. Но, будучи в Париже, он зачастую действовал так, как ему хотелось. Гак, после смерти его сестры Клавдии, любимой дочери Екатерины, он дал в Лувре множество балов и празднеств, тогда как Екатерина отказалась присутствовать на них и оставалась в своих апартаментах. Двору Валуа было свойственна чередование траура и трагедии с радостью и праздником, проходящим в атмосфере любовного соперничества, любимого времяпровождения знатных дам и сеньоров. Молодой король обновлял и молодил двор. Очень скоро, согласно человеческой природе, там сформировалось два лагеря, с большим удовольствием сражавшихся друг с другом. Рядом с герцогом Алансонским держался Бюсси д'Амбуаз, который, как пишет Брантом, на кончике шпаги носил честь своей дамы, в которого была влюблена Маргарита Валуа и который позже заплатит жизнью за любовь госпожи де Монсоро. Другому фавориту королевского брага, Симье, одному из самых элегантных сердцеедов, удавалось очаровывать королеву Англии Елизавету все то время, пока она обменивалась любезностями со своим «лягушонком». Ля Шатр пользовался расположением и короля, и Монсеньора.

В лагере короля были дворяне, по характеру не уступающие сторонникам Монсеньора: мужественный Виллекье, удививший

позднее свою жену в присутствии многих придворных; дю Гаст, известный своей заносчивостью и склонностью к насмешкам; Келюс, блистающий красотой Адониса и заслуживающий звания весеннего цветка, «который никогда не увидит лета»; Сен-Мегрен, ухаживающий за женой молодого герцога де Гиза и умерший от руки посланных им убийц; Можирон, д'Эпернон и, наконец, д'Арк, из которого король сделает герцога Жуаеза и своего названого брата, женив на сестре королевы.

В такой зачастую наэлектризованной атмосфере дуэли были частым явлением. Втянутый в интриги, пишет об этом король Наваррский: «Мы почти всегда готовы перерезать друг другу горло. Мы носим кинжалы, кольчуги, а то и латы, (крытые под верхней одеждой». Далее он прибавляет: «Королю угрожает такая же опасность, как и мне, он любит меня как никогда».

Но если любовная и одновременно военная хроника занимала жизнь двора, то теперь Генрих III вновь почувствовал горький вкус государственных дел. В самый разгар дворовых разногласий появились депутаты Религии. Их приход задержался из опасений, родившихся у гугенотов из-за женитьбы короля, т. к. они решили, что тем самым он сблизится с Гизами. Они выехали из Баля 22 марта и 7 апреля прибыли в Париж. Главную роль среди них играли Жан Лафэн и Гийом Довер, представлявшие принца Конде, так же как Бессон и господин де Приз, представители Гюйенны при дворе принца в Германии. Дамвиль был уполномочен говорить от имени конфедератов. Гийом Рок, правитель Клозонны, от властей Нима, Франсуа де Пон, барон де Мирамбо, капитан де Маре и мэр Ля-Рошели представляли протестантов Запада и Юго-Запада.

11 апреля их принял король в своей комнате, где присутствовали две королевы, герцог Алансонский, король Наваррский и весь Совет. От имени своих коллег слово взял Гийом Довер, господин д'Арен: «Сир, принц де Конде скорее ради себя, нежели ради реформатов королевства и господина маршала Дамвиля просил нас умолять Ваше Величество поверить, что уже давно он мечтает услышать о желании Вашего Величества установить мир и покой в королевстве, честно и справедливо прислушавшись к пожеланиям подданных». Такая умеренная и уважительная речь, лишь намекнувшая на убийства, «рана от которых все еще кровоточит», приятно удивила Генриха III. Хотя господин д'Арен сослался на январский эдикт 1562 года, постоянно упоминаемый гугенотами, так как он отвечал почти всем их запросам, на какой-то момент король поверил в возможность подписать мирный договор. В своем ответе он заверил, что вернулся из Польши, желая открыть объятия для

всех своих подданных без исключения, не делая различий в вероисповедании, и если бы они сразу выказали ему свое повиновение, то можно было бы избежать всех бедствий, но услышанные им заверения позволяют ему надеяться установить мир в королевстве. После чего д'Арен обратился к королеве-матери: «Мадам, принц де Конде и все его союзники просили нас умолять Ваше Величество употребить вашу власть и авторитет для благополучного исхода этого предприятия». «Я охотно это сделаю, ответила Екатерина, если верить Л'Эстуалю, но я поостерегусь советовать моему сыну предоставить им то, что они просят, ввиду их слишком завышенных требований». Король взял у депутатов привезенные ими статьи договора и попросил их подождать в соседней комнате. Но статьи разочаровали его. Гугеноты требовали полной свободы богослужений по всему королевству, половину мест в палатах Парламентов, места безопасности, освобождения находящихся в заключении маршалов, реабилитации жертв ночи Святого Варфоломея и наказания убийц. По существу, реформаты требовали от короля полной капитуляции.

После примерно часового рассмотрения требований реформатов король приказал вновь позвать их и обратился к господину д Арену: «Ваши статьи кажутся мне довольно странными, и я удивляюсь, как вы посмели предложить их мне. Они совершенно не отвечают сказанным вами словам и заставляют меня думать, что вы совершенно не стремитесь к миру». Разногласия не помешали продолжить обсуждение, но оно лишь выявило радикальную оппозицию сторон. Король хотел предоставить свободу культа в местах безопасности и двух городах на провинцию. Депутаты требовали полной свободы для богослужений, без исключения. Королева-мать заявила, что король никогда не согласится восстановить январский эдикт 1562 года. Генрих III стремился избежать открытого разрыва и предложил господину д Арену и господину де Ля Фин, Бовуару-Ля-Нокль, остаться при дворе и подождать возвращения других депутатов, посланных к их доверителям, чтобы изменить статьи, и возобновление обсуждения было отложено па осень.

Генрих сообщил о полном провале текущих переговоров двум своим послам. 2 мая он признавался в своем разочаровании Ля Мот-Фенелону, представителю Франции в Лондоне: «Господин Ля Мот-Фенелон, настоящие мирные переговоры ни к чему не привели, что можно извинить, приняв во внимание то, что депутаты не были уполномочены ничего решать». 21 мая Генрих рассказывает о ходе переговоров дю Феррье, послу в Венеции. Написав, что он выслушал депутатов «очень благосклонно» и

«выбрал самых знатных и достойных лиц моего Совета для честного и справедливого обсуждения средств, способных излечить королевство», он уточнял, что «проводил с ними почти все свое время и сделал все, что мог». На самом деле, ничего существенного он не сделал, как мы только что видели. Нов этом письме Генрих обходит молчанием настойчивые хлопоты вокруг него, предпринимаемые королевой Елизаветой Английской, герцогом Савойским и делегатами швейцарских кантонов, чтобы ускорить заключение мира. Для этого ему надо было просто на все согласиться. Согласие было достигнуто только по двум пунктам: в вопросах о созыве Генеральных Штагов и предоставлении мест безопасности. Ожидая возвращения депутатов, Шомбергу поручили передать немцам о согласованных положениях, и он попытался получить от Дамвиля согласие па возвращение Эг-Морт.

В этой нестабильной обстановке два противоположных, но в чем-то схожих события потрясли общественное мнение. В начале июня заболел король и пронесся слух о смерти Монморанси-Дамвиля.

Болезнь Генриха III и ложная смерть правителя Лангедока
(июнь — июль 1575 года)

В начале июня Генрих III, по рассказу венецианца Морозной, как-то играл в лапту и «чтобы не оставлять игру, сдержал свои природные потребности, что вызвало боль в боку». После приема лекарств у него поднялась температура и он «отказался есть, потеряв аппетит. Кроме того, его вновь начинает беспокоить ганглий у носа, и врачи полагают, что надо будет открыть новый абсцесс на правой руке», — добавляет дипломат. Король пишет об этом случае в постскриптуме письма от 7 июня аббату де Л'Исл. 15 июня Морозини мог успокоить Сенат сообщением о выздоровлении короля: «Его оставили на 4 дня в постели, чтобы не утомлять… Наконец, он поднялся и хорошо себя чувствует, чему немало способствовала новость из Лангедока о смерти маршала Дамвиля».

Правда ли, что в царившей в Лувре атмосфере недоверия Генрих III заподозрил своего брата в том, что тот подослал к нему лакея, который должен был коснуться его затылка отравленной шпилькой? Будущий Генрих IV утверждал по этому случаю, но это было, без сомненья, одно фанфаронство, что король обещал ему назначить его своим наследником вместо своего брата.

Любопытно, что последний, по словам Морозини, с начала болезни короля стал выглядеть совершенно по-иному. «Он стал более сердечным и сдержанным… Так что Его Величество, до болезни стремящийся утвердиться в его отношении, теперь немного успокоился в своих подозрениях», тогда как королева-мать «восстановила большую часть несколько утраченного влияния». Наконец, мудрый венецианец восклицает: «Господь пожелал наложить свой святой крест на все это, так как разногласия между этими людьми хуже войны с гугенотами».

Итак, потребовалось всего лишь небольшое недомогание, как появились спекуляции относительно судьбы короля. По свидетельству того же Морозини, Генрих стал выздоравливать быстрее, узнав о смерти маршала Дамвиля. 8 июня, пишет Л'Эстуаль, «пришло известие (ложное) о смерти маршала Дамвиля». Враги маршала захватили некоего аптекаря, скрывавшегося в Авиньоне и претендующего на то, что он отравил Дамвиля. Кардинал д'Арманьяк и герцог д'Юзэ поспешили распространить новость. Екатерина была сама не своя от счастья, а выздоровление Генриха заметно ускорилось. Смерть такого важного персонажа сильно меняла расстановку политических сил.

Пока новость считали достоверной, оказалась под вопросом судьба маршала Франсуа де Монморанси. Его матери, вдове коннетабля, и жене запретили посещать его в тюрьме. Король, его мать и Бираг собрались на совет и пригласили Мартиньона и Суврэ, которым намеревались передать полномочия Монморанси. Королевский врач Марк Мирон осмотрел маршалов и сказал, что ввиду долгого бездействия Франсуа де Монморанси может умереть от апоплексии. Лишенный своих слуг и офицеров, «ожидая скорого конца», как пишет Л'Эстуаль, он сказал своим людям: «Передайте королеве, что я в курсе ее планов относительно меня. Зачем столько затруднений? Пусть она пришлет ко мне аптекаря канцлера, я приму все, что он мне даст».

Если верить испанским и венецианским дипломатам («Мемуары» Невера, «История» Де Ту), не предполагалось использовать яд. Екатерина сочла момент благоприятным для устранения правителя Иль-де-Франс. Несмотря на колебания Генриха III, Суврэ получил приказ взять четырех солдат из полка дю Гаста, снабдить их полотенцами и задушить Монморанси. Но он не поспешил, и это спасло маршалу жизнь.

16 июня ситуация полностью изменилась. Надзор за маршалом смягчился, ему вернули слуг и разрешили свидания с матерью и женой. Стало ясно, что Дамвиль жив. 16 июня дамы де

Монморанси получили от него письма и растрезвонили об этом на весь Париж. Тем не менее некоторое время двор сомневался, так как связь с Лангедоком требовала много времени. 24 июня Генрих III написал Манд ело, правителю Лиона, с просьбой информировать его на предмет слухов о смерти Дамвиля, «о чем я желаю знать правду». В отличие от матери король повел себя более осторожно.

Так же как и король, Дамвиль был болен, но причиной тому было не отравление, а переутомление. Он решил поехать лечиться в Монпелье, где был первый в Европе факультет медицины. Его окружение доказало свою преданность, а прирученный волк даже отказывался от еды во время его болезни. Дамвиль был в безопасности, постоянно оберегаемый своим атлетом Арагоном. Как только больной выздоровел, он сразу взялся за дело: 6 июня он встретился с депутатами, ведущими переговоры в Париже, и созвал ассамблею, чтобы обсудить их результаты, кроме того, энергично продолжал вести военные действия.

Чехарда военных операций 1575 года

Разногласия вновь повлияли на переговоры, и последние ни к чему не привели. На юге, востоке и юго-западе военные действия то прекращались, то возобновлялись. В Дофине, Провансе, Лангедоке и Гюйенне гугеноты и «недовольные» католики воевали против короля. Армии каждой стороны были сильно уменьшены. Кроме того, они были разделены на небольшие отряды, находящиеся под командованием многочисленных командиров, каждый из которых располагал лишь несколькими тысячами человек. В Дофине Монбрен противостоял Горду, в Лангедоке-Провансе Дамвиль имел дело с герцогом д'Юзэ, а в Гюйенне Жуаез и Ля Валетт с виконтами де Гудроном и де Поленом. Сторонники короля сражались за города, укрепления, замки и деревни. Война стала реальностью. В Эг-Морт гугеноты вошли через поврежденную ядром дверь, в Кастр через мельницу, в Анноне через подземный ход. Судьба благоприятствовала им. Если доминиканец собирает жителей для проповеди против еретиков, последние пользуются этим и овладевают укреплениями. В базарные дни через городские ворота проезжают крестьянские повозки, зачастую скрывающие вооруженных солдат. Стало постоянной необходимостью следить за окрестностями, не доверять приходам и уходам путников, так как захваченные города подвергались убийствам, грабежам и

насилию.

Чем дольше длятся военные действия, тем больше растет число сражающихся. Оставаться безоружным и миролюбивым значило пожертвовать собой. Выть вооруженным, способным защищаться, а еще лучше нападать стало необходимостью. Все более сглаживаются религиозные разногласия. На первый план выступают личные амбиции. Дамвиль стал главой гугенотов. Известный разрушитель церквей, оставшийся протестантом, герцог д'Юзэ командует войсками короля. Католик граф де Турен с жаром берется снять осаду реформатского города Монтобан (май 1575 года). В какой-то момент он становится правителем Верхнего Лангедока и Гюйенны, избранным гугенотами, недовольными своими союзниками.

Беспорядки достигли такой степени, что мирные жители иногда отказывали в поддержке и той и другой стороне. Так, Виварэ избрал нейтралитет, не имея доверия ни к королю, ни к конфедератам. Жители Тулла отказались платить налоги как одним, так и другим. Из всех военачальников самым знаменитым был Монбрен. Во время путешествия Генриха III в Авиньон он набил себе руки, расправившись с багажом монарха. По словам Брантома, он так ответил на предупреждение короля: «Король мне пишет так, будто я должен ему подчиниться. Я хочу, чтобы он знал, что это хороню в мирное время, но во время войны все участвуют в военных действиях, все вооружены и сидят на коне». На дороге, идущей из Шатийона в Ди, он атаковал около 4 000 швейцарцев и вынудил их капитулировать (13 июня 1575 года). Это был временный успех, Так как чуть позже, когда он столкнулся с довольно сильным отрядом дяди де Горда, его солдаты были в большинстве своем убиты, а он сам упал с лошади, раненный в ногу. Он предстал перед судом Парламента Гренобля, был приговорен к смерти и казнен 12 августа 1575 года. Один из его сподвижников, Ледигьер, сменил его на посту руководителя гугенотов Дофине и закончил свою карьеру коннетаблем. В письме к де Горду от 9 июля король приказывал ему передать Монбрена Парламенту, говоря, что «поднявший против меня оружие заслуживает смертельного приговора и смертной казни, как преступник, оскорбивший короля».

Если бы Дамвиль не был гарантом жизни плененных маршалов, содержащихся в Бастилии, их ждала бы судьба Монбрена. Но если бы в Лангедоке герцогу д'Юзэ удалось взять Сен-Жиль, он не остался бы в обороне в окрестностях Авиньона. Восстановивший здоровье маршал был активен как никогда. 1 июля 1575 года он написал королю, что жестокости и бесчинства герцога д'Юзэ и его солдат возмутили верующих, и если он хочет

мира, следует свершить правосудие над ними. Генрих III ответил, что депутаты не получили ратификацию статей договора, и герцог д'Юзэ законно продолжает борьбу. Однако король согласился освободить дочь Дамвиля. Король хотел но возможности предупредить все более реальную опасность вторжения. Действительно, наемники, набранные Конде и Торе (братом Дамвиля), были уже в пути, и правитель Лангедока мог присоединить их к своим войскам. И вновь двор надавил на Франсуа де Монморанси. Его предупредили, что, если наемники войдут в королевство, он расстанется с жизнью. Монморанси не стал защищаться и попросил короля исполнить угрозы. Наконец, 28 августа он согласился подписать письмо для Дамвиля, составленное в Лувре и касающееся в первую очередь Меру и Горе, младших братьев заключенного в Бастилии маршала. Оно не возымело никакого действия, так как было подписано под принуждением. Дамвиль не принял его во внимание и возобновил военные действия просив герцога д'Юзэ. Он хотел вновь овладеть Соммьером, утерянным им в начале войны. В начале осени ему эго удалось, и в Лангедоке борьба утихла. Он собрал в Монпелье делегатов Союза, и они выработали последние инструкции для делегатов по поводу поездки в Париж. Реформаты вновь требовали полной свободы богослужений по всему королевству, половину мест в палатах Парламентов, реабилитации Колиньи и его друзей, освобождения маршалов. Если король не соглашался на первый и последний пункты, депутатам запрещалось вести дальнейшие переговоры. Единственной уступкой был отказ от требований выступить в поддержку протестантов Савойи и Беарна, покарать безбожников. Депутаты прибыли в Прива и 23 сентября 1575 года написали оттуда королю письмо с извинениями за опоздание, вызванное событиями, развернувшимися при дворе и развязавшими войну между партиями короля и герцога Алансонского.

Двор в период противостояния короля и Монсеньора

Интриги двора приутихли, пока шли переговоры с депутатами реформатов. Но как только они уехали, интриги разгорелись с новой силой. Фаворит Генриха III, Дю Гаст, отвергнутый Маргаритой Валуа, решил немедленно сообщить своему господину о связи Маргариты с Бюсси д'Амбуазом. Отношения короля и сестры давно испортились, и он поспешил рассказать новость своей матери. Это случилось уже не в первый раз. В Лионе он уже обвинял Марго в связи с одним ее

поклонником. Екатерина поверила ему и сделала выговор дочери. Однако последняя заручилась поддержкой сопровождавших ее лиц и вышла из той ситуации победителем. Узнав от Генриха о сообщении Дю Гаста, в этот раз Екатерина проявила предусмотрительность. «От кого, — спросила она Генриха, — вы услышали эти недобрые слова?» — «Я говорю то, что рассказали мне другие», — ответил он. «Другие, — возразила королева, — только и стараются, как бы рассорить вас со своими близкими».

Екатерина действительно хотела, чтобы оба брата хорошо относились друг к другу. Это было невозможно, так как фавориты, окружившие короля, выступали против фаворитов Монсеньора. Все эти молодые знатные дворяне, будь то сторонники короля или его брата, с радостью пользовались малейшей возможностью для ссоры. Она обычно заканчивалась дуэлью или убийством.

Генрих III презирал своего брата. Обделенный физически и умственно, Франсуа был в высшей степени завистливым. Лживость, амбициозность и коварство были его второй натурой. Генрих III знал, что он в хороших отношениях с Дамвилем, Ля Ну и виконтом де Туренн. Хорошо зная о непрекращающихся заговорах герцога Алансонского против него, Генрих непредусмотрительно позволял фаворитам различные провокации. Самый знаменитый и храбрый среди них, Луи Беранже, господин Дю Гаст, говорил, что если король прикажет ему расправиться со своим братом, он сделает это, не медля ни минуты. Дю Гаст стал смертельным врагом Бюсси д'Амбуаза, главного фаворита Монсеньора. Храбрейший среди храбрых, самый пылкий среди пылких, безмерно горделивый, последний любовник Маргариты Валуа, Бюсси стал самым заметным дворянином двора. И не без причин Александр Дюма выбрал его в герои романа «Дама де Монсоро».

Весной 1575 года Бюсси сменил Сен-Люка (одного из любимых фаворитов Генриха III) рядом с королевой Марго. Именно она приказала своему любовнику, что доказало их связь, мирно прекратить затеянную им ссору. Брантом рассказывает, что во время показа какой-то комедии одна дама, сидевшая в небольшом кружке, в центре которого блистала сестра короля, играла муфтой. Молодой дворянин Сен-Фаль хотел сделать ей комплимент и начал восхвалять отделку муфты, представлявшую, по его мнению, узор из буквы X. Бюсси прервал его, выдвинув предположение, что узор составлен из буквы V. Ссора грозила перерасти в скандал, если бы королева Наваррская не прекратила ее, приказав обоим спорщикам замолчать.

Муфта была лишь предлогом. Бюсси и Сен-Фаль ухаживали

за одной и той же молодой вдовой, владевшей крупным состоянием, на которой первый охотно женился бы. Но дама д'Асинье предпочла ему Сен-Фаля. На следующий день после сцены с муфтой Бюсси отправился к ней, там обнаружил своего соперника и вновь спровоцировал его. Окруженные многочисленными секундантами, они затеяли дуэль. Бюсси послал к Сен-Фалю своего друга Жи Грийона сообщить, что он будет ждать его вновь на Дворцовом острове (сегодня там находится сквер Нон-Неф). К счастью, пока Бюсси в нетерпении ожидал прихода де Грийона и Сен-Фаля, там появились его кузен Брантом и господин Строззи. Одновременно подошел капитан гвардейцев господин де Рамбуйе, чтобы узнать причину скопления народа, собравшегося при виде нетерпеливо вышагивающего Бюсси. Дело закончилось тем, что он явился к Монсеньору, оставившему его у себя в апартаментах. Король решил, что уладить дело следует поручить герцогу де Неверу и маршалу де Рец. Бюсси вначале отказался послушаться приказа и требовал поединка. Генрих III настаивал на повиновении. Бюсси пришлось прийти в Лувр и предстать перед судьями, куда он явился в сопровождении более чем 200 человек. Вся эта толпа ввалилась в Лувр и заполонила двор. Король находился в это время в комнате королевы. Он подошел к окну и, увидев фаворита Монсеньора, воскликнул: «Это слишком для какого-то Бюсси». Несмотря на положение Бюсси, продолжавшего желать смерти Сен-Фаля, дело было урегулировано мирным путем. Однако восклицание Генриха III не осталось без последствий. Фавориты короля господа де Келюс, де Сен-Люк, д'Э и Дю Гаст ненавидели Бюсси и старались очернить его в глазах Его Величества. К тому же, в 1575 году принять в споре *X* и *Y* какую-либо сторону значило выступить за или против Монсеньора. То есть за или против партии политиков, умеренных католиков и гугенотов, выступавших против короля под руководством Бурбонов и Монморанси.

После дела *X* и *Y* не прекращались разговоры о неосторожности Бюсси и о преподанном ему уроке. Почти весь двор выступал против него. Король принял сторону Сен-Фаля, а Генрих Наваррский публично осудил любовника своей жены. Так же, но в час гном порядке сделал герцог де Гиз. Один Монсеньор поддержал своего фаворита. В том же месяце на Бюсси напали ночью. Судьбе было угодно, чтобы он спасся благодаря перевязке, которую он носил на раненом пальце. По ней его было легко узнать. Но один из его слуг носил такую же перевязку, был принят за Бюсси и погиб вместо него. К счастью для Бюсси, ему удалось укрыться за незапертой дверью. Он толкнул ее и вошел.

Когда нападавшие удалились, он пошел к капитану швейцарцев Монсеньора, тот проводил его домой. Тем временем один знатный итальянец побежал в Лувр и все рассказал Монсеньору. Вне себя от гнева герцог хотел броситься на помощь Бюсси, но ему воспрепятствовали Марго и королева-мать.

Если верить Маргарите Валуа, нападение было организовано Дю Гастом. Она даже выдвигает предположение, что нападавшие хотели выманить Монсеньора ночью из Лувра, уготовив ему такую же судьбу, как и его фавориту. На следующий день Бюсси явился во дворец, нахальный и спесивый, как никогда ранее. Но успокоился, увидев в конюшнях дворца прекрасных испанских скакунов, на которых сидели его обидчики. Он понял, что в дело был замешан король, и благоразумнее замять происшедшее. Более того, чуть раньше, когда король Наваррский неожиданно вернулся с охоты, Бюсси, любезничавший с Марго в ее комнате, был вынужден проскользнуть в ряды окружавшей короля свиты, так и оставшись не замеченным монархом. История всплыла. В своих «Мемуарах» Невер утверждает, что королева-мать предупредила зятя, король Наваррский навел справки, пожаловался королю и получил разрешение убить Бюсси. Через несколько дней произошло то нападение, о котором рассказано выше. Герцог Алансонский решил, что Бюсси требуется сменить обстановку. Вынужденный разлучиться со своей любимой Марго, он согласился покинуть Париж. Но его отъезд был практически триумфальным: кортеж ему составили все знатные дворяне, принявшие сторону Монсеньора. Королю это не понравилось. По некоторым сведениям, он дал приказ задержать весь эскорт у ворог, через которые собирался выехать Бюсси. Но Грийон был другом Бюсси, ему удалось отвлечь охрану, и все без затруднений выехали из Парижа. 24 мая 1575 года посол Англии Дейл рассказал всю эту историю государственному секретарю Уильяму Сесилу.

Итак, фаворит Монсеньора покинул Париж, окруженный романтическим ореолом. Теперь он был вдали от двора и вне досягаемости короля и его фаворитов. Многие задавались вопросом, что он будет там делать, так как никто не верил, что он может стать ангелом мира и терпимости. На юге Бюсси присоединился к королевской армии под командованием господина де Бурдейя и оказался лишенным своего полка в результате составленного им же заговора с целью обзавестись войсками и деньгами для Монсеньора. В июне был арестован гонец с письмом от Монсеньора к Бюсси. Принц назначал своему фавориту встречу 4 июля для попытки захвата Орлеана. Замешанные в деле Ля Ну и Туренн смогли вовремя скрыться.

Следуя обычаям, Франсуа Алансонский все отрицал. Но двое его слуг — его музыкант, игравший на лютне, и учитель военного искусства за него заплатили жизнью. Их допросили в присутствии Генриха III и Екатерины, затем казнили. 30 июля английский дипломат Дейл рассказывает об опасениях двора. Королевская армия попыталась взять Этамп и Компьень, Бюсси предпринял ту же попытку с Лиможем. В августе в сопровождении своего брата и друзей и сторонников Монсеньора он объявился в Партенэ, направляясь в Ниор. Недовольные сбросили маски и перешли в наступление.

После отъезда Бюсси за их главой, Франсуа Алансонским, велось неусыпное наблюдение. Было хорошо известно, что он готов договориться с воюющими против короля протестантами. По окончании процесса над Ля Молем и Кокона он оказался пленником в Венсене вместе с королем Наваррским. Хотя он был принцем крови, канцлер подверг его унизительному допросу. Он опасался выходить из Лувра вечером, так как боялся возможной засады и фатального удара, который так легко отрицать.

Весной 1575 года его планы стали материализоваться. Он собирался покинуть двор, уехать в свои владения и, благодаря положению, которое ему создали политики, диктовать свои условия Генриху III. Последний очень внимательно и осторожно относился к опасности, которую представлял для него его брат. Среди прочих приверженцев Монсеньора король особенно выделял посла Англии. Этот дипломат жил в предместье Сен-Жермен, как раз напротив Лувра. Летом 1575 года Сена была далеко не полноводной, и король опасался, что его брат сможет легко переплыть ее на коне, укрыться у посла, получить там необходимую помощь, покинуть Париж и возродить гражданскую войну. Исходя из этого, Генрих III приказал иностранным послам покинуть предместье Сен-Жермен и найти квартиры в Париже, «чтобы обеспечить себе большую безопасность».

Тем летом многие события служили причиной для волнений короля и его матери. Во время бракосочетания брата королевы прошел слух об отъезде Монсеньора. Екатерина поспешила в комнату сына, нашла его там и отвела в праздничный зал, тем самым прекращая всякие разговоры на эту тему. В ночь с 10 на 11 сентября новое известие: Монсеньора нет у себя. Генрих и его мать бросаются на поиски, созывают Совет, закрывают ворота города. Франсуа был в комнате королевы Наваррской. Оба, как мы помним, сходились в своей неприязни к Генриху III. До того момента герцог Алансонский был в натянутых отношениях с Генрихом Наваррским из-за соперничества в отношении Шарлотты де Сов и успеха, которым пользовались фавориты

Монсеньора у Маргариты. Но долго не могли продлиться разногласия обоих пленников, мечтающих о свободе. Лишенная общества Бюсси, королева Наваррская задалась целью примирить своего мужа и брата и вернуть им свободу. Было решено начать с побега Монсеньора. Однако принц посвятил в свои планы госпожу де Сов. Господин де Мартион, предупрежденный легкомысленной женщиной, рассказал об этом королю. Генрих III получил вышеупомянутые сведения 14 сентября. 15-го числа он поговорил с братом. Убедив короля и мать в благих намерениях, Франсуа в тот же день осуществил свой план.

Бегство герцога Алансонского (*15 сентября 1575 года*)

Итак, дав брату и матери необходимые заверения, Франсуа попросил Екатерину разрешить ему выйти днем в Париж и развлечься в компании милых дам. Королева согласилась. Но когда королевская семья собралась за столом на обед, Франсуа не появился. В 9 часов король спросил, почему брат остался в своей комнате и не болен ли он. По окончании поисков стало ясно, что принца нет ни в его комнате, ни в комнате Маргариты, ни у одной из дам, у которых он имел обыкновение бывать. По приказу короля обыскали весь Лувр и посетили все его излюбленные места в Париже. Его не нашли. Убедившись в этом, Генрих III вышел из себя, а все окружавшие его боялись вымолвить и слово. Исчезновение герцога Алансонского вызвало большое волнение при дворе. Сен-Сюльпис и шевалье де Севр, спавшие в комнате Монсеньора, ударились в слезы. Король закрыл городские ворота и созвал на совет нунция и католических послов и даже госпожу Монморанси и ее плененного мужа. Он предупредил Парламент и всех правителей провинции и поручил герцогу де Неверу отправиться в погоню за беглецом, что вызвало смех, так как Луи де Гонзага был хромым,

Герцог Алансонский хорошо подготовился к бегству. С приходом ночи он пришел в свою комнату, завернулся в плащ, закрыв нижнюю часть лица, и был препровожден в предместье Сен-Марсо к жене одного музыканта своего дома, муж которой был в тюрьме. Дом госпожи де Вомени — так звали эту женщину — имел два выхода: у одного из них ждала готовая к отъезду карета. Герцог прошел через дом и сел в карету, она сразу же уехала. Выехав за пределы города, герцог остановил карету в четверти лье от Парижа. там его ждал дворянин из его окружения. Франсуа вышел из кареты, пересел на коня и быстро

(крылся из глаз. Через два лье его встретили Гитри, он же барон де Сен-Реми, и некоторые другие дворяне. Однако одно происшествие чуть не провалило успех предприятия. На небольшом расстоянии от Парижа им повстречались два королевских гвардейца. Удивленные скоростью, с которой к ним приближалась группа всадников, они проявили любопытство и узнали герцога. Франсуа понял это и приказал своим спутникам стрелять, так как по приезде в Лувр они могли вовремя предупредить короля. Один из гвардейцев был убит, другой потерял лошадь и добрался до Лувра с большим опозданием, избавившим от опасности герцога Алансонского. Он же продолжал путь, и ему сошло безнаказанным убийство королевского гвардейца. В 10 лье от Парижа, проследовав через Монфор-л'Амори, герцог насчитывал в своей свите от 300 до 400 всадников. Проскакав всю ночь, рано утром он прибыл к Дре. Муниципальные власти передали ему, что с небольшим сопровождением он может войти в город. У ворот он остановился, чтобы выслушать приветственные речи и подобающе ответить на них. Тем временем подошли его 300 сопровождающих. Увидев их рядом, герцог сменил тон, приказал буржуа удалиться и заявил, что обеспечит охрану города. Было 11 часов утра, когда он вошел в Дре, очень довольный собой, но так и не сумевший скрыть под своей небольшой черной бородкой следы притворного недовольства, заметного на всех его портретах. Впервые в жизни у него появилась возможность играть какую-то заметную роль, с которой король будет вынужден считаться. Так с бегством Монсеньора начинался новый период в правлении Генриха III. Он закончится с заключением мира в Болье (6 мая 1576 года), названного миром Монсеньора.

Глава вторая
От бегства герцога Алансонского до «Мира Монсеньора» и эдикта Болье
(15 сентября 1575 года 6 — 7 мая 1576 года)

Успешное бегство в Дре и неудача герцога де Невера (16–24 сентября 1575 года)

После Варфоломеевской ночи отъезд Монсеньора был самым важным событием. В одно мгновенье оказались смешаны все карты политической игры. В Лувре после короткого периода неуверенности умы людей оказались охвачены лихорадочной деятельностью, затем наступил упадок сил. Преследователи вернулись с тайным удовольствием от того, что не смогли поймать наследника престола. Генрих III лежал на своей кровати для отдыха и упрекал (справедливо) мать в такой серьезной политической ошибке. За два часа до того, как герцог покинул дворец, Дю Гаст, поставленный королем в известность о сообщении Мартиньона, посоветовал ему посадить герцога в Бастилию. Но королева-мать, по-прежнему стремящаяся к миру между братьями, отговорила его. На этот раз Екатерине изменила ее обычная осторожность. Она удрученно сидела на стуле и вместе с сыном являла зрелище подавленности.

Но пережив шок от «поведения» брага, Генрих III пришел в себя и приказал Луи де Гонзага настигнуть беглеца и по возможности арестовать его. В четверг вечером, 16 сентября, Невер сообщил из Сен-Клу, что ему необходимо узнать, куда направился герцог, в Дре или Шартр. Валясь с ног от усталости, он заканчивал письмо словами: «Я засыпаю». 17-го числа он писал из Эпернона, что Монсеньор с прошлого дня находится в Дре. Вместе с Мартиньоном и Дю Гастом Невер расположился в Шартре, с тем чтобы помешать принцу перейти на другой берег Луары. В тот же день король, узнавший о пребывании брата в Дре, приказал арестовать его. Но у Луи де Гонзага не было достаточно сил, чтобы исполнить свою миссию. 21-го числа он вернулся к герцогу де Монпансье и попросил его арестовать Монсеньора при переходе через реку, где его ждали Бюсси и Ля Ну. Недовольный двором Монпансье, хотя и командовал королевской армией, ничего для этого не сделал и даже воспрепятствовал намерениям герцога де Невера. Екатерина выехала на переговоры с герцогом

Алансонским, а Генрих III в письме от 24 сентября приказал Луи де Гонзага приостановить преследование и оставить своих солдат в Шартре, поскольку теперь предстояло столкновение с мятежным принцем. Последний не преминул сообщить о своей позиции в заявлении от 18 сентября.

Заявление Франсуа Валуа от 18 сентября 1575 года

Этот текст был продолжением манифестов, которыми Конде в июле, Дамвиль в ноябре 1574 года заявляли о своей позиции. Принц, которому предстояло стать выдающимся главой Дела Евангелия, назвал себя «Франциском, сыном и братом короля, герцогом Алансонским и первым пэром Франции». Взывая к основным принципам, он констатировал, что «от соблюдения законов зависит судьба каждого королевства». А они оказались брошены в ноги «практически одним иностранцам», воспользовавшимся гражданскими войнами, чтобы повысить налоги и субсидии. Герцогу было известно, что народ больше выступал против различных налогов, составленных и предложенных итальянцами, нежели против религиозных преследований. Будучи в положении пленника, принц решил восстать, чтобы «взять в руки дело народа». Его целью было не посягательство на власть короля, а изгнание из королевства нарушителей общественного спокойствия, освобождение пленников, отмена налогов, сохранение старых законов, восстановление в правах знати и духовенства и установление во Франции доброго и стабильного мира.

Как всегда, чудесным лекарством, способным положить конец всем бедам, оказался созыв Генеральных Штатов. А пока второе лицо королевства, герцог Алансонский, брал «под свою защиту всех граждан, сторонников как одной, так и другой религии». Для осуществления своей декларации он призывал на помощь верноподданных и союзников короны. Короче говоря, он звал иностранцев из-за границы сразиться с иностранцами, находящимися на территории королевства. В общем, он обещал счастье для народа. Но нет ничего банальнее отказа от налоговой системы и ничего менее эффективного, чем обращение к Генеральным Штатам. Последние никогда не имели особой значимости, за исключением периодов ослабления королевской власти. Однако Генеральные Штаты умели парализовать деятельность правительства, которое очень быстро начинало мечтать, как бы избавиться от них. Трудно было найти что-либо более утопичное, чем желание передать дела на рассмотрение

«святого и свободного совета». После провала собрания в Пуасси и заседания Совета 30-ти в 1563 году новый призыв к общему собранию, невозможному из-за ставшей радикальной оппозиции обеих конфессий, был пропагандистским трюком, все еще фигурировавшим в арсенале политиков до отречения Генриха IV.

Самым деликатным пунктом в манифесте Монсеньора был вопрос о свободе вероисповедания. Герцог объявил себя ее сторонником, однако чувствовал шаткость своего положения. В следующем месяце он послал своего представителя к папе, рассказал о предпринятых им шагах и заверил Рим в своей верности католицизму, то есть последовал примеру короля, когда тот искал поддержки реформатов. Григорий XIII не выразил какого-либо неудовольствия и в то же время отказался принять представителя короля, Поля де Фуа, рассматриваемого курией как еретика.

Заботясь о поддержке со стороны церкви, Монсеньор хотел обеспечить себе и помощь знатных дворян. В октябре он подтвердил королевское заявление 1571 года, дающее Лонгвилям, правителям Орлеана, титул принцев крови и право быть в свите членов королевского дома. Таким образом, лотарингские принцы были отодвинуты на одну ступеньку иерархии. Тем не менее позже герцог Алансонский все же попытался переманить герцога де Немура в свой лагерь. Его ответ заслуживает прочтения из-за мудрой доктрины, сформулированной в нем, беспощадно осуждающей любые гражданские войны: «Единственный путь порядочных людей этого бедного королевства — объединиться всем вместе, верно и преданно служа королю. Никогда и никто не мог безнаказанно сделать то, за что вы взялись, так как короли всегда сильнее».

Но в отличие от герцога де Немура многочисленные недовольные поспешили присоединиться к Монсеньору и предоставить ему необходимые средства. Как и предполагал Невер, Монсеньор хотел объединиться на берегах Луары с Бюсси и его анжевенцами, Ля Ну и жителями Пуату, Буренном и его лимузенцами. С такими силами он мог протянуть руку Дамвилю. Во всяком случае, требовалось время, чтобы собрать все эти войска и выждать благоприятного момента для начала военных операций, поэтому Монсеньор согласился начать переговоры с двором.

Переговоры Екатерины с Франсуа Алансонским и перемирие Шампиньи-сюр-Вед
(22 сентября — 21 ноября 1575 года)

Покидая Париж, Монсеньор принял меры предосторожности и написал брату, объясняя свой неожиданный отъезд. В первом письме, полученном Генрихом III 17 сентября, он уверял, что его решение вызвано получением сведений о том, что его собираются заключить в Бастилию. 20 сентября он вновь пишет королю уже из Дре, выражая ему свою преданность и прося оставить его близких на свободе. Герцог понимал, что у него есть все причины для переговоров. Правительство тоже склонялось к ним, опасаясь, что бегство герцога послужит причиной для всеобщих волнений.

Как только королева-мать узнала, что ее сын находится в Дре, она поспешила к нему в сопровождении 50 дворян. А перед этим она побывала в Бастилии у Монморанси и попросила его написать Монсеньору. Однако Франсуа не торопился увидеться с матерью. Два месяца Екатерина была вынуждена лишь переписываться с ним. 22 сентября герцог сообщил матери, что с удовольствием встретится с ней на следующий день, и поэтому спешно покидает Дре, опасаясь быть захваченным герцогом де Невером. Несколько дней та и другая стороны делали вид, что договариваются о возможной встрече. Наконец, канцлер Монсеньора, епископ де Манд, разрешил сомнения своего господина. Поскольку Луи де Гонзага получил приказ Генриха оставаться на месте, герцог Алансонский предложил матери встретиться с ним в Шамборе 30-го числа. Королева прибыла туда вечером 29-го. Встреча произошла между этим замком и Блуа. Герцог приехал на коне, и как только увидел карету матери, сразу спешился, а Екатерина вышла из кареты. Франсуа бросился на колени, а мать подняла его, мешая слезы и поцелуи. Первый день прошел в проявлениях любви и взаимных протестах. Екатерина не гнушалась ничем, чтобы примирить своего последнего сына, и давала множество обещаний. Но Монсеньор прежде всего просил освобождения Франсуа де Монморанси, а для себя значительных преимуществ. 1 октября 1575 года Екатерина пишет Генриху III об уступках, на которые она была вынуждена пойти: «Я отдала ему Блуа, он хотел Ля Шарите». И в конце письма: «Когда я увидела это прекрасное место, я захотела увидеть здесь вас в добром мире, но без вас я с грустью думаю, что такое большое и прекрасное королевство находится в таком затруднении». Мысль о любимом сыне не оставляла ее. В конце своего письма от 26 сентября она пишет: «Простите меня, что я вам так свободно все рассказываю, ведь вы для меня все на свете».

Ведя переговоры с Монсеньором, Екатерина не забывала про Дамвиля. 2 октября она просила его прислать депутатов из Лангедока как можно скорее, чтобы заключить крепкий мир, и в постскриптуме, как о чем-то само собой разумеющемся,

сообщала, что маршалы Монморанси и Коссэ на свободе и вернулись в свои владения. Их освободителем был Монсеньор. Он отказывался о чем-либо говорить до тех пор, пока Монморанси не будет выпущен. И королева-мать убедила короля это сделать. Однако она убеждала его сохранять предельную осторожность: «Он никогда не должен узнать, что вы смеялись над ним и Коссэ. Мне не хочется быть пророком, сравнивая его с герцогом де Де-Пон. По моим сведениям, наемники вернулись». Королева была хорошо информирована. 27 августа Меру писал из Страсбурга графу де Суссекс: «Мой брат Торе отправится через 8—10 дней с 2000 наемников, 500 хорошими французскими лошадьми и большим количеством аркебузиров, ожидая более быстрого продвижения моих войск и принца де Конде».

Торе перешел Мез. В Аттиньи-сюр-Эсн он узнал о бегстве герцога Алансонского, ускорил продвижение и 10 октября прибыл в Дорман, где молодой герцог де Гиз со своими 10 000 человек собирался помешать ему переправиться через Марну. Поражение наемников обернулось настоящим разгромом. Торе с несколькими всадниками удалось ускользнуть. Что касается победителя, то, преследуя одного наемника, он получил тот знаменитый шрам на лице, который будет стоить ему прозвища Балафрэ (Меченый). Однако не следовало слишком предаваться радости. Узнав о том, что Ля Ну и Туренн ведут войска на помощь герцогу Алансонскому, Екатерина попросила Генриха III решиться на мир или войну. 28 октября она пишет ему из Лот: «Я умоляю вас принять решение к утру четверга. Оно должно быть мудрым и подписанным вашей рукой. Это очень срочно. Молю Господа наставить вас на верный путь, так как решается судьба всего».

Один Дю Гаст был способен противостоять этим уговорам и убедить короля на сопротивление. Как мы видели, он уже советовал заключить в Бастилию герцога Алансонского, но этому воспрепятствовала Екатерина. На следующий день после победы при Дормане, ставшей исходной точкой карьеры Генриха де Гиза, для престижа короля требовалось предпринять какой-нибудь эффектный шаг.

Дю Гаст настаивал на этом, но ему помешала непримиримая ненависть королевы Наваррской. Дю Гаст знал, что ему угрожает опасность, и принял меры предосторожности. Он жил вне Лувра, на улице Сент-Оноре, где лечил кожную болезнь, возможно венерическую, процедурами, напоминающими турецкую баню, после которых отдыхал в постели под наблюдением сиделки. Узнав обо всем от подкупленного ею слуги, Маргарита придумала план мести. Мадам де Невер обратилась к барону де Витто, находившемуся в натянутых отношениях с правосудием (на его

совести было несколько убийств) и скрывавшемуся в монастыре августинцев, попечительницей которого была мадам де Невер. Через нее сестра короля назначила барону свидание 29 октября в часовне монастыря. Сначала последовал отказ, но затем Марго согласилась на требование убийцы в качестве платы отдаться ему в полумраке церкви. В понедельник 31 октября с помощью веревки Витто проник в дом Дю Гасла. Застигнутый врасплох сидящим на стуле в то время, как ему подрезали ногти на ногах, фаворит короля был поражен большим количеством ударов кинжала и шпаги.

Спустя лишь год новое несчастье обрушилось на Генриха III. После потери Марии Клевской смерть Дю Гаста забрала у него все остатки энергии. Месть дочери позволила Екатерине продолжать применение своих талантов в политике. Королева-мать плела ткань из многих нитей. Отношения короля с пленными маршалами и вторым сыном, угроза наемников, наконец, далекий Дамвиль, все это ей надо было обдумать и иметь готовое решение. Не без труда король согласился последовать ее совету в отношении пленных маршалов. Разрешив Монморанси вернуться в свой дом в Париже, король вынудил его поклясться и письменно подтвердить свое обещание о невыезде из Парижа. Маршал попросил снять с него обвинения, но король отказал и ограничился устным приказом об освобождении. Маршал вернулся в свой дом, где его осадила толпа посетителей. Но его положение оставалось неясным. Это позволило герцогу Алансонскому упрекать короля в невыполнении данных обещаний по поводу заключенных в Бастилии. 5 октября королева предложила Генриху пойти дальше, и 10-го числа Виллеруа передал королю письмо от его матери. Вечером того же дня монарх встретился в церкви с Монморанси, обнял его и освободил от обещания оставаться в Париже, так как считал его идеальным дворянином и примерным вассалом. Утром 11 октября сам Генрих III проводил Монморанси на заседание Совета, на мессу и в апартаменты, вновь предоставленные ему в Лувре. Наконец, он ему доверил миссию заключения мирного договора с Франсуа Алансонским, 20 октября маршалы выехали в Блуа.

Старший сын умершего коннетабля обладал высокой душой и умом. Забыв о своем длительном заключении, он думал лишь о том, как предотвратить гражданскую войну. А военные приготовления шли полным ходом. Король увеличил свои войска, а Мартиньон опустошал герцогство Алансонское. Генрих начал с того, что послал к брату несколько военнопленных, арестованных в связи с заговором Ля Моля. 8 октября герцог де Монпансье

нанес визит Франсуа Алансонскому. Но Франсуа писал матери, что находится в Блуа, а на самом деле был в Понлевуа, затем в Шатийон-сюр-Эндр. Узнав, что рядом с ним Ля Ну и Туренн, королева заволновалась и попросила короля усилить свою армию. Встретившись с Екатериной в Лош 23 октября, Франсуа де Монморанси, наконец, увиделся с Монсеньором 26-го числа. Благодаря новым уступкам короля, о которых сообщил сын президента де Ту, и с помощью Ля Ну маршалу удалось склонить Монсеньора к миру. 26 октября герцог выехал на встречу со своей матерью в Сен-Жермен.

Однако для заключения перемирия потребовался почти целый месяц. Обе стороны представили предварительные статьи договора в Пуату (8 ноября 1575 года). Перемирие должно было продлиться примерно 6 месяцев, до 24 июня 1576 года, и это время предстояло использовать для обсуждения и подготовки окончательного мирного договора. Король обещал переслать в Страсбург или Франкфурт 500 000 ливров для оплаты наемников де Конде с тем, чтобы они покинули пределы Франции. К такой уступке его вынуждала угроза вторжения. Монсеньору досталась львиная доля. Помимо личной гвардии в 2000 человек он получал города Ангулем, Ниор, Сомюр, Бурж и Ля Шарите, жители которых обязывались принять гарнизон принца. Принц де Конде в качестве безопасного места получал Мезьер. В день опубликования перемирия все иностранные войска, находящиеся на службе короля, за исключением швейцарцев его гвардии, должны были покинуть королевство. До заключения окончательного мирного договора свободное исполнение богослужений Реформации разрешалось в городах Монсеньора и господина Принца. Подписание договора поручалось маршалам де Монморанси и де Коссэ. Вся честь перемирия справедливо принадлежала правителю Парижа. Королева-мать, привыкшая к подобным пертурбациям, вновь стала проявлять к нему полное доверие и объявила его самым лучшим и самым мудрым шевалье королевства. Однако предложения маршала должны были быть одобрены королем. Согласие Генриха III пришло 21 ноября. Окончательный договор был подписан в замке Шампиньи-сюр-Вед господина де Монпансье 21 ноября 1575 года.

От перемирия Шампиньи до бегства короля Наваррского
(21 ноября 1575 года — 3 февраля 1576 года)

Не без колебаний согласился Генрих III на перемирие,

подготовленное его матерью. В единственном письме, сохранившемся из его переписки с матерью в период переговоров с герцогом Алансонским, 8 октября 1575 года он выражает опасение, что перемирие лишь рассеет по домам многих его сторонников, а потом их будет очень трудно собрать, как это уже не раз происходило. Здесь монарх подчеркивал одну из слабых сторон королевского войска, сохранявшуюся до правления Людовика XIV. Генрих предлагал матери лишь «двух, трех, четырехмесячное перемирие». Однако король все же согласился на условия матери, лишний раз доказывая, что именно она была хозяйкой положения, а не он.

Но если Генрих III имел ясное представление о военной ситуации, то это не означало, что он не стремился к миру. В своем письме к послу в Венеции дю Феррье от 14 октября король пишет: «Мир и покой королевства не зависят ни от меня, ни от имеющихся в моем распоряжении средств, но я исполню долг короля, любящего своих подданных, скорее прощающего их, нежели карающего. Но когда вещи настолько переходят все разумные границы, когда налицо явная разруха и упадок, я не хотел бы пасть душой и добродетелью, за которые любили моих предшественников-королей и подчинялись им».

Удастся ли после поражения наемников при Дормане и заключения перемирия в Шампиньи плыть в более спокойных водах?

На следующий день после подписания договора Франсуа Алансонский отправил Генриху III множество посланий и поручил Бирону передать королю о своем полном удовлетворении. Он пообещал расстаться с бароном де Витто, убийцей Дю Гаста, и поведал о своих добрых намерениях относительно Парламента. Труднее всего было получить согласие на перемирие от военачальников недовольных. С этой целью герцог направил в Империю Бурнонвиля, чтобы убедить Бонде в преимуществах, полученных реформатами, и указать Казимиру на большую сумму, которую король пообещал выплатить наемникам. Кроме того, герцог держал в курсе событий своих друзей из Швейцарии и королеву Елизавету. К последней он направил господина де Ля Порта с письмом от маршала де Монморанси. «Маленький лягушонок», как называла его дочь Генриха VIII, не забывал о своем проекте женитьбы на королеве Англии. Узнав об этом, Генрих III поручил своему послу в Лондоне, господину де Фенелону, наблюдать за посланцем его брата.

В первую очередь надо было разделаться с наемниками, во вторую заставить конфедератов Лангедока сдать оружие. Вновь предстояла осада Дамвиля. Дамвиль был очень популярен, Так

как отменил налоги. Для герцога Алансонского было очень важно сделать его своим сторонником, ведь казна конфедерации могла предоставить ему необходимые средства. Отправив к Дамвилю личных представителей, герцог даже просил его оплатить их путешествие, так как, писал он, «вода здесь очень небольшая». Мудрый дипломат, Дамвиль принял представителей герцога и в декабре отправил к Екатерине своего доверенного секретаря Шарретье.

Генрих III со своей стороны действительно хотел помешать появлению во Франции новых наемников и попросил маршала де Шомберга поехать к герцогу Казимиру и убедить его больше не посылать наемников во Францию в обмен на 500 000 ливров и бриллиант стоимостью 50 000 ливров. В случае несогласия Казимира Шомберг мог предложить 40 000 ливров главным командирам наемников: ему было поручено, проезжая Нанси, попросить у герцога Лотарингского поручительства за обещанные суммы. 14 ноября Франсуа Дюжарден, казначей короля, сделал опись драгоценностей короны стоимостью 287 700 экю, которые затем отправили в Нанси в качестве гарантии по требованию Карла III.

Королева-мать приложила не меньше усилий, чем ее сын, чтобы предотвратить вмешательство наемников из Германии. В какой-то момент встал вопрос о возможности повернуть солдат Казимира против Нидерландов. Но это значило начать войну против Филиппа II. Напрасно маршалы де Монморанси и де Коссэ выступали адвокатами принца Оранского. Верная своему правилу ничего не предпринимать против Испании, Екатерина сразу же остановила эти воинственные проекты. Заболевшего Коссэ она отправила домой, а Монморанси, так же как Монпансье, поместила рядом с Монсеньором, чтобы поддерживать его расположение к ней.

Но ее неприятности не закончились. Обещанные Монсеньору города отказывались переходить к герцогу, а правители Ангулема и Буржа не соглашались сдать крепости без «вознаграждения». Население упомянутых городов предпочитало «скорее подвергнуться всем опасностям мира», нежели принять гарнизоны недовольных и позволить себя разоружить, Коссэ удалось передать Сомюр людям Монсеньора, а принц-дофин с трудом отдал им Ниор. Из-за отказа Рюффека, правителя Ангулема, герцогу пообещали Коньяк и Сен-Жан-д'Анжели. В Бурже Монморанси столкнулся с сильной оппозицией правителя Ля Шатра, поддерживаемого жителями, и был вынужден отказаться от передачи этого города Монсеньору. Бирон предложил в обмен Блуа, Амбуаз и Тур. В конце 1575 года герцог

стал хозяином лишь Ниора, Коньяка, Сен-Жан-д'Анжели и Сомюра.

Еще большую опасность представляло презрение, выказываемое Конде и Иоганном-Казимиром к перемирию Шампиньи. Они продолжали свой путь во Францию во главе солдат, набранных ими в Германии. При дворе противники перемирия упрекали Екатерину в том, что она пошла на все мыслимые уступки герцогу в обмен на его обещание (которое он был не в состоянии исполнить) остановить приход наемников. Но она не была ответственна за отказ Ля Шатра и Рюффека. И разве она не предупреждала своего сына о необходимости вооружаться, в то же время продолжая вести переговоры, тогда как те, кто принуждал ее воевать, хотели этого не больше, чем в мирное время? В своем письме от 11 декабря она пишет: «Мой сын, мне жаль вас, и я хотела бы, чтобы это стоило мне жизни. Я так вас люблю, что, думаю, моя жизнь укоротится на 10 лет из-за переживаний о вас, и если я покинула вашего брата и послужила причиной тому, что, как говорят, наемники войдут и не сдадут нам города; и если я ошиблась, все те, кто так считает, предали вас». Она настаивала на переговорах, какова бы ни была цена: «Умоляю вас об этом и о предоставлении Казимиру необходимой суммы, вплоть до земель этого королевства». Для пущего убеждения она привела пример Луи XI, слывшего мастером в исправлении совершенных ранее ошибок. Вспоминая Лигу Общественного Блага, она напоминала, что «Луи XI был в том же затруднении, что и вы, и дал сражение. Окружавшие его и его брата люди не хотели заключения мира. Но после сражения он был вынужден заключить его, и на гораздо менее выгодных условиях, чем раньше. Остерегайтесь, чтобы с вами не произошло чего-то подобного».

Она вернулась в Париж после четырехмесячного отсутствия и узнала о новых осложнениях. То ли чтобы оправдать неожиданный отъезд, то ли опасаясь попасть в Бастилию, брат короля прибегнул к еще одной уловке; это была жалоба на попытку отравления. Монсеньор находился в Пуату, в компании верных друзей, среди которых был вернувшийся из Империи Торе. Вечером 27 декабря принц рано лег в постель, потом проснулся и пригласил друзей разделить с ним трапезу. Но едва Торе выпил глоток вина, как воскликнул: «Что это за вино? Мы отравлены!» Все немедля прибегли к противоядию, с которым в ту эпоху никто не расставался. К несчастью для себя, прислуживавший за столом слуга принадлежал канцлеру де Бирагу, враждебно настроенному к принцам, и это решило его судьбу. Слуга подвергся серьезному допросу, однако ничего не

смог рассказать. Воспользовавшись этим предлогом, Монсеньор не замедлил заподозрить окружение короля. Он написал брату с просьбой найти виновных. Генрих III вскоре назначил следствие. Но возможно ли вразумить окружение герцога? Это было очень сомнительно. 16 января король описал происшедшие события так, как ему передали, и в заключение заметил: «Но, по правде говоря, большое количество людей под разными предлогами принимаются в стан моего брата, и есть большое подозрение, что эта махинация была затеяна теми, кто заинтересован во взаимных разногласиях и подозрениях между мной и моим братом».

Король был в незавидном положении, находясь между презирающим его братом, городами, отказывающимися подчиняться герцогу Алансонскому, и наемниками на границе. После пребывания в Венеции посол дю Феррье утверждал, что гугеноты не станут отсылать обратно своих немецких друзей. Он считал, что единственным лекарством была статья, разрешающая свободное богослужение обеих конфессий. Но король еще не был готов к такому решительному шагу. Однако на это следовало пойти, принимая во внимание позицию Дамвиля. Он направил своих депутатов в Париж 10 января 1576 года, но продолжал военные действия и отказывался принять перемирие, заключенное в Виварэ между представителями короля и его послами. В этом пункте герцог д'Юзэ следовал его примеру.

Знатные господа прекрасно себя чувствовали в гаком положении, когда они могли делать все, что хотели. Генрих де Гиз намеревался таким образом заплатить долги, Дамвиль же был некоронованным монархом Юга. С ним вели переговоры немецкие принцы, королева Англии и даже Филипп II. Народ тоже вышел из привычной колеи. Большинство крестьян по необходимости стали солдатами. Была ли у страны энергия, достаточная для войны с иностранными державами? Но без денег и с крайне недисциплинированной армией об этом не стоило и задумываться.

Генрих III оказался пленником политики, победившей в то время, когда он был герцогом Анжуйским. С момента восшествия на престол он хотел следовать другой политике, той, которую предлагал дю Феррье. Упрекать короля в следовании золотой середине — значит не признавать его неспособность поступить так, как это делали другие монархи, католики и протестанты, то есть объединить государственную власть и веру. Так Валуа были обречены вести бесконечные переговоры с гугенотами. В конце концов они привыкли к восстаниям реформатов.

Но в 1575 году сложилась довольно необычная ситуация. До того момента во главе реформатов стоял принц крови одной из

ветвей королевского дома. Теперь же их возглавлял родной брат короля, законный наследник престола. Екатерина, кажется, слишком поздно спохватилась и стала противодействовать Монсеньору. Еще до бегства герцога полным ходом шли переговоры между Конде и герцогом Казимиром. Пришедшие из Германии армии должны были присоединиться к Дамвилю. Выехавший вперед Торе, обладавший самым посредственным военным талантом, при переходе Марны у Дормана с оставшимися солдатами ускользнул от Генриха де Гиза. Через 15 дней после сражения при Дормане он присоединился к Монсеньору и своему брату Франсуа де Монморанси, договаривающимся о перемирии в Шатийон-сюр-Эндр. 4 октября другой его брат, Меру, сообщил, что в Сен-Мартене армия в 8000 наемников, 8000 швейцарцев, увеличенная ландскнехтами Гельдерна и Нижней Германии с 18 пушками вошла на территорию Франции. Посол Франции безуспешно пытался воспрепятствовать этому. Король и его мать также безуспешно пытались помешать иностранному вторжению.

Настоящие варвары, наемники пили, грабили, насиловали, поджигали дома. Население ударялось в бега или пряталось при их приближении. 9 ноября после предварительных переговоров о перемирии Монсеньор отправил в Германию с письмами Бурнонвиля. Шомберг уже перевез в Нанси часть драгоценностей короны, долженствующих служить залогом исполнения принятых королем обязательств. Драгоценности Монморанси были отправлены в Женеву, а драгоценности короля Наваррского в Лондон. Грустный для сердца француза спектакль — король и принцы берут взаймы деньги за границей, чтобы решить проблемы внутренней политики.

Однако было мало шансов на то, что Генрих де Конде согласится распустить свою армию. Англия, следуя своим интересам, посоветовала ему не отступать. «Лучше открытая война, чем худой мир», — писал ему государственный секретарь Уолсингейм 25 ноября. Принц отказался от перемирия еще до того, как ему стало известно мнение англичан. 29 ноября он отправил Бурнонвиля обратно к Монсеньору с критикой договора о перемирии. Что же решит Казимир? Екатерина сделала все возможное, но у него в подчинении уже были тысячи солдат. Кроме того, он востребовал деньги, которые не выплатил Карл IX немецким наемникам, призванным во Францию до 1572 года: 600 000 золотых экю. Королева-мать прибегла к последнему средству: попыталась разделить гугенотов и сторонников Монсеньора и Монморанси. Это противоречило ее политике, приведшей к союзу, столь опасному для королевской власти, политиков или

недовольных с реформатами.

Напрасно в январе 1576 года двор забрасывал Дамвиля депешами, предлагая обменять правление в Лангедоке на маркизат Салуццо. Маршал изображал из себя глухого. Разве мог он верить Генриху III и его матери, показавшим ему, что они не потерпят в королевстве никакой другой веры, кроме католической? К тому же он принял решение задолго до вмешательства двора. В декабре он писал во всем согласному с ним Конде: «Лучше мы заключим мир с оружием в руках». Итак, он продолжал войну. В конце 1575 года ему подчинялся почти весь Лангедок, за исключением Агда, Пезана, Безье. Тем не менее он хотел показать себя хорошим католиком и приказал восстановить церкви в Монпелье, разрушенные гугенотами.

Истинный руководитель партии политиков, маршал вовлек в свои дела герцога Алансонского. Он направил к нему своего доверенного человека Шарретье. Нимало не заботясь об уважении, которое следует оказывать брату короля, он упрекал его в ошибке, совершенной им, когда он пошел на перемирие. Противник воспользовался моментом и укрепился в Париже, в некоторой степени разделив сторонников принцев. Монсеньору следует присоединиться к нему в Лангедоке, а затем вместе с ним выйти навстречу Конде. После чего они направятся к Парижу.

Этот призыв положил конец сомнениям Монсеньора. Взволнованный так называемой попыткой отравления и недовольный невозможностью вступить во владения обещанными городами, герцог освободился от опеки Монпансье и Франсуа де Монморанси. 3 января 1576 года он встретился с Дамвилем недалеко от истоков Луары, чтобы затем выступить перед наемниками, платой которым станет разграбление церквей Лангедока. Армия Монсеньора должна была состоять из лимузенцев Туренна и Вандатура, анжевенцев Бюсси и, возможно, жителей Пуату от Ля Ну. Принц увлекся деталями операции. Он предложил Дамвилю воспользоваться для транспортировки мулами, которых наймут, но не заплатят за них, если они будут захвачены врагом. Он не был особенно разборчив в средствах. Совместный марш всех сил гугенотов и «политиков» в любом случае устрашает больше, чем атака, о чем объявил герцог Алансонский Парламенту Парижа в январе 1576 года. В записке, обращенной к магистратам, он говорил, что переговоры ни к чему не привели, обещания рассеялись как дым, ему отказали в безопасной зоне, где он мог бы ожидать мира, и он был вынужден искать убежища у наемников. И он не мог не добавить, что, если король не выполнит свои обещания, ему придется сделать первый выстрел по Парижу.

Однако Франсуа Алансонский постарался задержать приход наемников. Об этом его попросила королева-мать, находящаяся по болезни в Шательро, через герцогов де Монпансье и де Монморанси. Казалось, Франсуа без конца колеблется между оружием и дипломатией. Но истинными руководителями движения были Конде, Дамвиль и Казимир. Все трое намеревались перейти к действиям.

В декабре 1575 года, наконец договорившись, Конде и Казимир вошли на территорию королевства. 12 декабря Шомберг, командующий немцами на службе у короля, констатировал присутствие врага в епископстве Мец. Он собрал свои полки и привел их к герцогу Майенны, отвечающему за оборону страны до совершеннолетия своего брата (Меченого).

Несмотря на это, 23 декабря 1575 года обе враждебные армии (немецкая и швейцарская) объединились в Лотарингии. Вместе с французами эти войска насчитывали 21000 человек. Их артиллерия— 22 тяжелых и 24 легких орудия — транспортировалась четырьмя сотнями лошадей и обслуживалась 300 аркебузирами и 500 саперами; все они подчинялись начальнику артиллерии. Генералиссимусом был принц де Конде, но было предусмотрено, что он уступит место герцогу Алансонскому, армия которого насчитывала 30 000 человек, не считая сил Дамвиля. 2 января 1576 года в Шарме, во время переправы через Мозель, Конде принял Белльевра, от имени короля попросившего сдать оружие. Его сопровождали Монтэгю и Ля Нокль, оба представители Монсеньора. Поскольку гугеноты подозрительно относились ко всему, что исходило от Монсеньора, они сочли умным говорить: «в Шарме обмениваются шармом». А Конде просто не принял Белльевра. 9 января 1576 года союз с герцогом Казимиром подтвердили эмиссары Конде и Монморанси и даже Монсеньора. В тот же день армия Палатинца перешла Мез около Нефшато. В какой-то момент казалось, что она направляется к Шампани, но она обошла плато Лангр и 20 января поднялась к Дижону. Так, с 21 по 24 января Бургонь стала жертвой военного циклона. Продолжая двигаться вперед, Палатинец перешел Луару в Марсиньи и Бесбр в Ля Палис. 4 февраля Конде занял Виши и проник в овернскую Лиманъ. Тогда же Ля Ну сообщил армии захватчиков о скором прибытии Монсеньора. Покинув Пуату, он объединился со своими союзниками в Вильфранш-д'Алие (к востоку от Монлюсона). 13 марта прошел великолепный парад, затем армия отправилась в дорогу на Мулен, где Туренн усилил ее 3000 аркебузиров и 400 лошадей. Сама же армия была очень разношерстная, и разница в вероисповедании только усиливала страсти и разжигала

самолюбие. Разногласия между командирами и подчиненными вспыхивали по самым разным поводам. Так, с подходом солдат Туренна Бюсси, недавно назначенный «полковником» Монсеньора, вышел из себя, увидев пехоту гугенотов под командованием виконта де Лаведана, несущего флаг белого цвета, который был также и цветом полка Бюсси. Последний полагал, что он один может претендовать на белый флаг. Дело даже дошло до рукопашной между солдатами Туренна и Бюсси. А сам Бюсси собирался пойти и вырвать флаг у знаменосца гугенотов. Уведомленный, Монсеньор поспешил умерить пыл своего фаворита. Ссора между Туренном и Бюсси еще не была решена (ни один не хотел уступать), когда пришел «мир Монсеньора». 22 марта Франсуа Алансонский сделал смотр своим войскам, насчитывающим 30 000 человек. Воспользуется ли он ситуацией, все более неблагоприятной для короля, особенно принимая во внимание недавнее бегство Генриха Наваррского? Это событие принесло значительную поддержку делу Реформации, так как в отличие от принца де Конде король Наваррский владел на юго-западе гораздо более значительной территорией, нежели бывший правитель Пикардии.

Бегство Генриха Наваррского (*3 февраля 1576 года*)

После отъезда Монсеньора двор охватила волна интриг. Окруженный фаворитами король предавался одновременно набожности и галантным играм. В отличие от Карла IX Генрих III не любил физические упражнения и его склонность к изысканным одеждам и украшениям начинала вызывать некоторое удивление, смешанное с презрением. После отъезда Монсеньора, казалось, наступило относительное спокойствие. Между гремя молодыми людьми, Генрихом III, Генрихом Наваррским и Генрихом де Гизом, выздоравливающим от полученной раны, внешне установились мирные отношения.

Самый молодой из них, Беарнец, был небольшого роста и без бороды. Его ум пребывал в постоянном движении. Ему очень нравилось проявлять мужество на охоте. А во дворце он всех заражал своим безудержным весельем. Он испытывал большую симпатию к Генриху де Гизу и даже пообещал ему не покидать резиденцию короля. Кроме того, в тот момент он был пленником необычайно красивой мадам де Сов. Но поведение его жены Маргариты, против которой его постоянно настраивал Генрих III, было для него причиной постоянных волнений. Как мы помним, в

мае 1575 года Бюсси был вынужден покинуть дворец, едва не застигнутый врасплох в комнате Марго, при которой он сменил Ля Моля. В июне король Наваррский решил сменить трех служанок королевы, по его мнению слишком услужливых. Маргарита возмутилась и отказалась есть. Ее брат, герцог Алансонский едва не подрался из-за этого со своим названым братом. Генрих III встал на сторону Генриха Наваррского. Тем летом молодой король Наваррский выглядел беззаботным как никогда. Но однажды вечером его оруженосец д'Обинье и первый слуга спальни, отдыхавшие в его спальне, проснулись от пения принца, исполнявшего псалом 88 (для католиков 87), где есть следующие слова: «Ты удалил от меня друзей и спутников, ты забрал у меня друзей».

Д'Обинье начал действовать, услышав признание, соскользнувшее с уст его господина. Прежде всего он подумал, на кого может рассчитывать в ближайшем будущем. После бегства герцога Алансонского король Наваррский стал надеждой недовольных. Среди них был Фервак, не получивший правления в Нормандии, и был Лавардэн, которому Генрих III отказал в должности командира полка своих гвардейцев. 2 февраля 1576 года Фервак принял у себя короля Наваррского и его друзей. Они решили, что Генрих осуществит побег во время охоты и затем захватит один или два города. Беарнец настолько убедил двор в искренности своих намерений, что король снял с него наблюдение на время охоты. В ночь со 2 на 3 февраля он вышел из комнаты своей жены, не сказав ей ни слова. В сопровождении д'Обинье и прочих обычных гвардейцев он возглавил охоту на северо-востоке от Парижа. Обойдя Париж с севера, он перешел Сену по мосту Пуасси, проследовал через Шатонеф-ан-Монфор-л'Амори и направился прямо в свой замок Шатонеф-ан-Тимрэ. Он провел там совсем немного времени, лишь для того, чтобы отдохнуть, и направился в Алансон, где его ждали 200 дворян во главе с Ферваком. Пробыв в Сомюре до 25 февраля, король Наваррский побывал в Пуату, затем в Гаскони. Он не начал военных действий, но отправил Фервака к Монсеньору, так как собирался проводить политику, подобную политике брата короля, и добавить своих солдат к армии недовольных, наконец, торжественно отрекшись от римской веры, он вернулся к кальвинизму 13 июня.

Бегство Беарнца нанесло новый удар по самолюбию Генриха III. 5 февраля он писал о своем разочаровании правителю Пуату, графу дю Люду. Генриха можно было обвинить в двуличности, но не менее верно, что он был мягок и снисходителен по отношению к членам своего дома, что никак не соответствовало трудному

положению, в котором находилось королевство. После бегства Монсеньора и Генриха Наваррского герцоги де Гиз и де Монпансье, особенно последний, стали двумя первыми лицами королевства. Бывший пленник Бастилии стал первым козырем двора. Его брат Дамвиль встал на сторону своего старшего брата и согласился отправить в Париж свою жену. Таким образом, весной 1576 года все было готово для пьесы, начавшейся с бегства Монсеньора, осложненной военным вторжением германцев и швейцарцев и в некотором роде коронованной возвращением Генриха Наваррского в лагерь врагов, чтобы она получила завершение, подобно предыдущим спектаклям, не в продолжительном и стабильном мире, а лишь в перемирии, предвестнике новых сражений.

Поход войск конфедератов на Париж, «Мир Монсеньора» и эдикт Болье

Во время заключения перемирия Шампиньи было решено провести окончательные переговоры в январе 1576 года в Париже. Там уже находились два представителя Конде, д'Арен и Бовуар Ля Нокль. Однако не в столице, а в лагере герцога Алансонского прошла основная стадия переговоров. Ведущую роль сыграл Франсуа де Монморанси. Он убеждал и «политиков» потребовать серьезные гарантии, тем самым выражая благодарность за помощь в его освобождении. Кроме того, то была мудрая предусмотрительность, так как было известно, что Монсеньор преследует только свои личные интересы. Но поскольку он был главой конфедератов, он подписал с королем Наваррским, принцем де Конде и маршалом де Дамвилем требования, которые они адресовали королю.

Написанные в Мулене в марте 1576 года, они насчитывали 92 статьи. Помимо классических требований реформатов, они просили разрешения на бракосочетания священников, совместную деятельность министров и евангелических школ государства, равноправное положение гугенотов и католиков в госпиталях и университетах, отмену десятинного налога и несоблюдение католических праздников, распространения будущего эдикта на Конта-Венассен и княжество Оранж, названия «религия протестантская» вместо «так называемая протестантская религия». Кроме того, были требования создать двусторонние палаты в судах, заручиться безопасными зонами, исключить любой другой вид богослужений (очевидное доказательство нетерпимости), восстановить в правах Конде, Монморанси и их

друзей, реабилитировать Монтгомери, Монбрена, Кокона, Ля Моля, Колиньи и других жертв 24 августа 1572 года. Наконец, среди прочего фигурировало требование покарать зачинщиков резни. Конечно, эти требования были чрезмерны. Один раз король ответил на них 19 марта, второй — 10 апреля, третий — 13 апреля. Генрих III внимательно следил за ходом переговоров. В первую очередь монарх требовал восстановления католического культа везде, где он был запрещен. Лишь в последний момент он согласился на реабилитацию Колиньи. Но его вынудили на этот шаг; чем ближе наемники были к Парижу, тем на большие уступки ему приходилось идти. Занятая переговорами Екатерина по-прежнему надеялась поссорить конфедератов, сначала вернуть себе Монсеньора, затем Монморанси, которому она намекала на должность коннетабля. Она придерживалась мнения, что следует пойти на любые уступки, а когда наемники уйдут и будут созваны Генеральные Штаты, не обращать на них никакого внимания. Пока войска конфедератов стояли между Гриеном и Фонтенбло, королева находилась в аббатстве Серкансо. В последний момент она задумала похищение принца де Конде. 27 апреля она встретилась в церкви Супп-сюр-Луэн с Монсеньором и Конде, предполагая похитить последнего. Герцога Казимира вовремя предупредили, и он прискакал на помощь господину принцу. Королева-мать удалилась, а переговоры продолжались в Шатене, в поместье советника парламента.

63 статьи эдикта практически по всем пунктам удовлетворяли требования гугенотов. Их богослужения запрещались в Париже, и гугеноты все же обязывались платить десятинный налог и соблюдать католические праздники. Официальное название их веры оставалось «так называемая протестантская религия». Король отверг требование запретить все прочие вероисповедания, кроме католицизма и протестантизма. Прекращались расследования, начатые против зачинщиков Варфоломеевской ночи. Таким образом, любые церемонии в честь жертв кровавой расправы были запрещены. Также больше не вставал вопрос об отстранении от управления, особенно и области религии, господина де Невера, де Реца, де Шеверни и канцлера де Бирага.

Эдикт Болье был гораздо шире эдикта Амбуаз 1563 года и январского эдикта 1562 года. Эдикт 1576 года восстанавливал католицизм там, где его запретили, и предоставлял полную свободу совести и религиозных отправлений. Были признаны законными браки священников, перешедших на сторону Реформации. Была объявлена всеобщая амнистия. Гугеноты получали право занимать любые общественные должности, быть

принятыми в школы и больницы. Впервые были созданы палаты, состоящие наполовину из католиков, наполовину из протестантов. Монсеньор, Конде, король Наваррский и Дамвиль были восстановлены в правах. Более того, эдикт рассматривал Варфоломеевскую ночь как «преступление», и король публично выразил свое сожаление. Семьи погибших были избавлены от налогов, Колиньи реабилитирован, его дети получали обратно наследство, а потомки иммигрантов признавались подданными короля. По большинству пунктов эдикт Болье предвосхищал эдикт 1787 года о государственном статусе протестантов и Учредительный декрет, стирающий все последствия отзыва Нантского эдикта.

В качестве зон безопасности эдикт выделял гугенотам не 4, как в 1570 году, а 8 городов: два в Лангедоке, два в Гюйенне, два в Дофине и два в Провансе. В секретных статьях король отдавал также Ля Шарите-сюр-Луар Монсеньору и Перонну принцу Конде. Наконец, он пообещал созвать Генеральные Штаты в течение 6 месяцев и тайно переговорить с папой и — что самое удивительное — с инквизицией, выступая за религиозную свободу.

Легко опубликовать договор или эдикт, но трудно исполнить. Когда король подписывал его, он не мог удержаться от слез. Обычай требовал после каждого заключения мира исполнять «Тебе, Господь». Но король тайно приказал закрепить колокола Нотр-Дам, чтобы они не звонили. Договор был передан всем королевским домам, включая испанский. Главный виновник событий, получивших временное разрешение в Этиньи и Болье, Монсеньор получил львиную долю добычи. К его первому герцогству добавились Анжу, Турень и Берри, отныне он принял титул герцога Анжуйского. Он становился монархом настоящего феодального государства на берегах Луары и мог на равных вести переговоры с Дамвилем в Лангедоке и королем Наваррским на Юго-Западе. Королевство вновь оказалось раздробленным на части. К этому ослаблению добавлялась постоянная нехватка финансов в королевской казне. 6 мая в письме к дю Феррье Генрих III точно оценивает ситуацию: «Так как сейчас все только и думают о деньгах, как бы мое королевство не оказалось в руинах войны». Самым насущным вопросом стала проблема наемников.

Однако его можно было решить, только удовлетворив их финансовые требования. Три первых месяца после подписания мира Монсеньора король и его правительство пытались урегулировать вопрос о шайках Монсеньора и политиков. Созыв Генеральных Штатов осенью 1576 года откроет новый период в

правлении Генриха III, вызванный появлением Лиги, ответа католического большинства на победу гугенотов над королем и церковью.

Глава третья
От «Мира Монсеньора» до мира Бержерака Генеральные штаты в 1576 году и появление Лиги
(6 мая 1576 года — 14–17 сентября 1577 года)

Реализация статей мирного договора Монсеньора

Каким бы ни был скучным рассказ о ликвидации задолженности обеих сторон вызванным ими наемникам, детали финансовых операций показывают, в каком упадке оказались правительство и начавшие войну группировки.

Герцог Иоганн-Казимир умел держать в руках своих должников. Он сам составил статьи предполагаемого договора, и королева-мать была вынуждена указать заложников, ответственных за их исполнение. Последние, вместе с отданными под залог драгоценностями, должны были послужить гарантией выплаты суммы в 300 000 ливров, которую надлежало выплатить с 1 по 15 мая 1576 года. Оплата в размере 1 700 000 ливров должна была быть произведена до 4 июня. Герцог не забыл включить в свои требования 50 000 экю, которыми его отец поручился перед королевой Англии за оплату наемников и которыми заявлял о вложении в пасхальную ярмарку 1577 года. Герцог не забыл и задолженность гугенотов герцогу де Де-Пон, к которому они обратились за помощью в 1568 году. Будучи добрым принцем, он согласился, чтобы выплата была осуществлена на ярмарке во Франкфурте в 1578 году.

Королеву-мать волновали проблемы с оплатой наемников, и она торопила Белльевра, сюринтенданта по финансам, чтобы он скорее нашел 300 000 ливров и убедил короля в необходимости сдержать обещания, данные Казимиру. 25 мая король писал своему послу в Лондоне, Отфору, что 1 700 000 ливров, обещанные Казимиру к июню, «его не особенно волнуют». Но 22 мая, получив первую выплату, Казимир заявил Белльевру: «От всего сердца прошу вас продолжать, больше для репутации короля, нежели для спокойствия его подданных, уставших от нашего слишком долгого пребывания в стране, так как больше я не буду удовлетворен такими маленькими суммами».

Проконсультировавшись с Советом, король указал матери

возможные источники денег:

1. Остатки от общих поступлений.
2. Заем в городе Париже.
3. Заем у принадлежащих ему городов.
4. Дотация духовенства, предназначенная для оплаты ренты города Парижа.
5. Удержание долга в 1 миллион ливров, согласованное с духовенством до 1576 года.

Время не ждало. 19 мая Генрих III просил дю Феррье передать Сенату Венеции письмо, в котором он говорил патрициям о необходимости получить 600 000 ливров за кольца, которые он перешлет, чтобы заплатить Казимиру во Франкфурте до 6 июня. 22 мая он признавался Отфору, что не может заплатить Казимиру 1 700 000 ливров до 5 июня. 1 июня Генрих III просит своего дядю Эммануэля-Филибера Савойского одолжить ему 300 000 ливров. Монсеньор со своей стороны говорил о своих сомнениях Белльевру. Он писал ему из Шатийон-сюр-Сен: «Я только что повидался с герцогом Казимиром. Он не собирается уходить или отсылать свои войска до тех пор, пока не получит обещанного. Постарайтесь ускорить дело, чтобы я смог сказать «прощай» герцогу и его армии, чего я больше всего желаю».

И бедный сюринтендант отправился в дорогу, не имея при себе ничего, кроме жалких обещаний. 20 июня Генрих III информировал его о предпринятых шагах. 23 июня король сообщал, что деньги, которые он попросил в своей записке к герцогу Лотарингскому, будут собраны. В то же время Белльевр получит ответ Карла III Лотарингского через Ля Мот-Фенелона, а упомянутому герцогу в качестве заложников будут отправлены дети господ де Пиенн, де Сен-Сюльпис и д'Омон, однако Белльевру надлежит организовать все таким образом, чтобы они не были отправлены в Германию.

Финансовое положение, как видим, было плачевным. В письме от 18 июня епископ Орлеанский Морвилье рассказывает Белльевру о возможном способе достать денег. Мадам де Немур предложила королю денег, но взяла их у итальянского финансиста Аджасието. Но в момент подписания контракта финансист сказал: «Ему дали Бурж, Невер, Орлеан и Шартр. Ему хотели отдать Бретань, вместо того, чем он не собирался довольствоваться. Он уперся в своем решении ничего не делать с тем, что имеет». Справедливая суровость финансиста. Короля взяли за горло жадность наемников и холодный расчет духовенства. Продолжая письмо, Морвилье признавал, что нечего ждать ни от Италии, ни от Савойи, и заключал: «Короче говоря, все наши друзья покидают нас».

Несмотря на все эти осложнения Генрих III и его мать выехали в Гайон, недалеко от Руана, чтобы «показать море» новой королеве. 26 июня государственный секретарь Виллеруа пишет Белльевру: «Мы надеемся взять заем в Дьепе и Руане». Так же как мадам де Немур, ее сын Генрих де Гиз и его племянники старались что-либо сделать и предложили свою серебряную посуду под залог 100 000 ливров, которые давал господин Нуво, но лишь через два месяца. 30 июня король пишет Белльевру, что Иоганн-Казимир недоволен 600 000 ливров, которые ему предлагают, и подтверждает, что кардинал де Гиз предложил 200 000 ливров благодаря господину де Новиану и 100 000 ливров в льняных и шелковых тканях. В отношении последнего пункта предстоят переговоры с торговцами Руана. В тот момент, когда король не знал, где взять денег, он узнал о смерти Бриенна, наследство которого превышало 300 000 ливров. Генрих III запросил из Кодбека, нельзя ли ему ими воспользоваться.

Наконец, объединив все возможные ресурсы, 5 июля Белльевр заключил с Иоганном-Казимиром соглашение о выводе его войск с территории королевства. Выплата долга с 6 мая по 6 июля будет произведена до ухода наемников из Франции. 200 000 ливров наличными будут выданы в предместье Монбара. 20 июля финансист Кастела привезет 200 000 ливров в лагерь герцога, 100 000 ливров в льняных тканях должны быть переданы швейцарцам, 20 000 ливров в шелковых тканях — ландскнехтам герцога. Ответственность за исполнение брали на себя Белльевр, Клерван и Арле. 20 июля заложники — д'Эскар, д'Аллегр, Бросс, Сен-Сюльпис, Пиенн и д'Омон — должны прибыть ко двору Нанси. Наконец, кардинал де Гиз отвечал за оплату, задолженную наемникам за кампанию 1568–1569 годов.

Несмотря на то что соглашение было ясным и детальным, оно не положило конец трудностям, которые всегда возникают при осуществлении столь жестких положений. Одна из статей позволяла Иоганну-Казимиру проявить злую волю в отношении заложников. Господа де Бросс и де Сен-Сюльпис отдали своих сыновей, но при условии, что они не будут отправлены в страну протестантской религии и останутся под покровительством герцога Карла III, от чего отказался последний. Палатинец поручил наемникам то, на что сам не решался. Поскольку заложники ему так и не были переданы, 12 августа один из полковников Иоганна-Казимира захватил Белльевра и Арле. Два посла Генриха III стали пленниками и были вынуждены следовать за наемниками до Лотерна.

Оттуда Белльевр сообщил королю о положении вещей. Король ответил длинным письмом, в котором благодарил за

оказанную ему услугу и осуждал недоверие герцога в отношении заложников. Екатерина тоже написала Белльевру и сообщила, что король направил господина дю Плесси к герцогу Лотарингскому и Казимиру, чтобы урегулировать вопрос с заложниками и освободить его от временного заключения, и в конце говорила: «Мы никогда бы не подумали, что герцог Казимир может проявить Так мало уважения к королю, моему сыну, так хороню принимавшему его».

А тем временем Казимир триумфально вошел в Гейдельберг. Разве он не получил все блага победы, не дав ни одного сражения? За герцогом, как за римским императором, шли заложники и следовала длинная цепь повозок, специально раскрытых, чтобы народ мог видеть драгоценности французской короны и огромные суммы денег. Однако Казимир решил оставить все себе, не отдавая такое сокровище своим собственным наемникам. В Гейдельберге Белльевр и Арле в конце концов расцеловали Казимира и его отца, понявших, что лучше всего отправить Белльевра во Францию, как единственного человека, способного обеспечить выплату оставшегося долга. Но после тяжелых испытаний и тревог, выпавших на его долю, Белльевр был вынужден по состоянию здоровья взять длительный отдых, временно отдаливший его от государственных дел.

Яркое свидетельство слабости и беспомощности королевской власти было одним из аспектов политики, которая не была способна овладеть положением, вызванным раздробленностью страны, существованием фракций и обращением за помощью к иностранным державам.

Обращение королевы-матери к королю в 1576 году

Генрих III жестоко переживал унизительность «мира Монсеньора». Два месяца он не хотел видеть Екатерину, не в силах простить ей такое унижение. Возможно, его больше задевало не политическое поражение, а выступление против него сторонников Монсеньора, презираемого им за сто физическое уродство, трусость и чрезмерные амбиции. Королева-мать и не думала уйти от политики. Это была ее жизнь, она наслаждалась ее ядом. Теперь она согласилась быть только «первым министром» сына. Последний часто прибегал к ее помощи, зная о ее способности выпутаться из самых затруднительных ситуаций. Зачастую он доверял ей правление то в приступе меланхолии, то из-за физического недомогания. Но он ревниво относился к своим королевским прерогативам и, передавая правление, давал и

инструкции, как делал с канцлером и министрами.

В течение 17 лет пребывания у власти королева-мать накопила огромный опыт и летом 1576 года предоставила его в распоряжение сына, изложив письменно. Мы помним, что в Турине в 1574 году она подала ему целый ряд детальных рекомендаций. Теперь же она как будто подвела итоги прошедшего двухлетнего правления, в завуалированной форме упоминая о совершенных ошибках, чтобы не травмировать самолюбие сына.

Если король хочет следовать примеру своих предшественников, он должен заставить замолчать недовольных, упрекающих его в недостатке заботы об их благосостоянии и нежелании видеть их рядом с собой. Она констатировала, что изучение депеш, особенно от правителей провинций, показало, что ответы на них не были получены вовремя, и гонцы были вынуждены ехать назад с пустыми руками. Общее руководство было неудовлетворительно. Указывая на опасность такого положения дел, королева упрекала Генриха III в недостаточном усердии в исполнении своих обязанностей. Пользуясь случаем, она напоминала, как поступали Франциск I и Генрих II. Отец Генриха III вставал рано утром, начинал одеваться, и тогда входили принцы, сеньоры, шевалье, дворяне королевской спальни, метрдотель, слуги, он со всеми разговаривал, и это всем нравилось.

Потом заседал Совет, после которого с королем оставались государственные секретари. «Если вы будете делать так же, они будут довольны». После Совета не менее часа или двух следует посвятить разбору депеш и прочим делам, не могущим быть решенными в отсутствие короля. Генриху III также не следует пропускать 10-часовую мессу и идти туда, подобно деду и отцу, в сопровождении принцев и дворян. После еды «давайте аудиенции, по крайней мере, два раза в неделю», Так как это «очень нравится вашим подданным, затем приходите ко мне или к королеве, чтобы показать обычай двора».

Королю нельзя долго оставаться в одиночестве. В полдень «прогуляйтесь пешком или на лошади, чтобы показать себя и удовлетворить знать: проводите с ней некоторое время в достойных занятиях, по крайней мере, два-три раза в неделю. Затем пообедайте с семьей, давайте бал два раза в неделю, так как я слышала, как говорили королю, вашему деду, что для того, чтобы французы жили в мире и любили своего короля, нужно две вещи: поддерживать их веселье и чем-то занимать». «Французы так привыкли, и если нет войны и их нечем занять, они возьмутся за что-нибудь более опасное».

Кроме личного поведения короля не менее важным моментом была «полиция» двора. В правление Франциска I капитаны гвардейцев следили за залами и двором, а лучники должны были помешать лакеям и пажам воспользоваться благами дворца. Прево следил за «нижним двором» и окрестностями дворца. Когда король ложился спать, закрывали двери дворца, ключи клали в изголовье его кровати, так что нельзя было войти во двор замка, не разбудив короля.

Тогда ни Бюсси, ни Дю Гаст долго не удержались бы: каждый знал и исполнял свой долг.

Двор, несмотря на свою важность, не был всем королевством. И Екатерина призывала сына решать все самому и принимать представителей провинций. Приводя пример Луи XII, королева предлагала Генриху III иметь под рукой список своих слуг, а также должностей и званий, чтобы в случае необходимости отблагодарить за верную службу. Важно, чтобы только король распоряжался должностями и привилегиями, на которые рассчитывали его подданные. Кроме того, если король в первую очередь должен отдавать внимание знати и духовенству, то он не должен забывать и города. Завоевать симпатии и поддержку «трех или четырех главных буржуа, имеющих больше других влияния в городе», а также «нескольких торговцев, пользующихся уважением сограждан» — значит обеспечить себе хорошую опору.

Завербовать себе сторонников но всему королевству, восстановить престиж королевской власти, посвятив себя своей знати, самому заниматься делами, направлять Совет твердой рукой, следить за нужным направлением заседаний Совета и стимулировать усердие государственных секретарей таковы предложенные Екатериной пути для восстановления королевского престижа, повиновения подданных и возрождения их симпатий к королю.

В конце XVI века истинной наследницей Людовика XI была именно она, Екатерина Медичи. Предложенная ею программа предвосхищала политику Ришелье. Но ее политические методы и средства были гораздо мягче и человечнее, чем у кардинала. Вероятнее всего, Генрих III не мог воспользоваться предложениями матери. До тех пор пока не будет достигнут твердый мир, король не имеет возможности действовать в этом направлении. В 1576 году желание католического большинства установить единство веры было еще непреодолимым препятствием. Ничего удивительного, что против государства гугенотов встало государство католиков. Стоя между двумя непримиримыми силами, король был не в состоянии играть роль арбитра и мог лишь перейти на сторону большинства. После

победы реформатов поворот событий был неизбежен. Это произошло на сессии Генеральных Штатов в Блуа, как ответ на чайное желание короля, и следствием его стало новое военное столкновение. Началась шестая гражданская религиозная война.

Недовольство католиков и выступление Лиги

Бесспорная победа гугенотов только разожгла страсти и предрассудки. Католическое большинство было вне себя от гнева, вынужденное не только терпеть, но и уважать презираемое им протестантское меньшинство. Генрих III, конечно, добился мира, но мира постыдного и унизительного. Глубоко задетый в своем личном самолюбии и гордости монарха, он повергнул в немилость епископа Лиможского, Себастьяна де Л'Обеспина, и два месяца не желал видеть свою мать.

Бессилие короля было очевидно. Было получено еще одно доказательство того, что военные и финансовые средства короны с большим трудом смогли лишь нейтрализовать могучий натиск гугенотов, умело мобилизовавших своих сторонников.

Постепенно католики пришли к выводу, что им остается самим защищать свою веру и составить фракцию, способную заменить беспомощное правительство. В правление Карла IX в Гюйенне, Лангедоке, Шампани и Бурже уже создавались вооруженные братства и ассоциации. Правитель Бургони Таванн хотел дать католикам своей провинции организацию, скопированную с организации гугенотов. 1576 год стал годом появления антигугенотской лиги, которая — и это было важно вовсе не заботилась получить популярного и бесспорного руководителя. Очень скоро стало ясно, что Гизы воспользуются ситуацией для обвинения короля в предательстве «истинной веры» и веры Франции.

25 декабря 1575 года Екатерина указала королю на опасность формирования противостояния. Одновременно Дейл, посол Англии, свидетельствовал, что Гиз ведет активную деятельность в Париже, выискивая все возможности для увеличения своей популярности. Он добавлял: «Его рубец очень заметен».

Отправной точкой союза католиков, назвавшего себя впоследствии Святым Союзом, была статья «мира Монсеньора», в котором говорилось о предоставлении принцу де Конде правления в Пикардии и в качестве безопасной зоны города Перонны. Жак д'Юмьер, правитель города, отказался подчиниться, и с дворянством, солдатами и жителями Пикардии создал лигу, чтобы помешать Конде вступить в свои владения.

Одновременно он послал призыв всем принцам, господам и прелатам королевства: «Пришло время противопоставить их (еретиков) планам святой христианский союз, прекрасное взаимопонимание и согласованность всех верующих, лояльных подданных короля, союз, являющийся единственным средством, данным нам Господом, чтобы восстановить веру и подчинение королю». Создатели новой лиги хотели, чтобы за ней последовала не только вся Франция, но чтобы она вышла за пределы королевства.

8 июня, узнав об отказе правителя и жителей Перонны выполнять пункты мирного договора Монсеньора, король писал д'Юмьеру: «Меня очень огорчает то, что жители Перонны, всегда остававшиеся верными мне, теперь приняли решение не подчиняться моим приказам, и в этом им помогают дворяне, вместо того, чтобы обратить их на путь истинный». «Чтобы установить мир между моими подданными и вывести королевство из тяжелого положения, в котором оно оказалось по злому умыслу времени, а не по моей вине, я разрешил своим мирным эдиктом так называемую протестантскую религию на всей территории королевства. Не по моей вине», — пишет он. Если и была совершена ошибка, то это была ошибка подданных короля, католиков и протестантов, Так как беспомощность власти в восстановлении единства веры толкала короля то в одну, то в другую сторону, не давая ему возможности исполнить свой долг и заветное желание: установить мир короля, его собственный, а не кого-то другого. Неожиданная смерть Карла IX привела к периоду несостоятельности власти и сделала невозможным подавление гугенотов радикальными методами. Не королевская власть распоряжалась политикой, а ее подданные, диктующие ее в соответствии с изменением обстоятельств.

Неподчинение Жака д'Юмьера, буржуа Перонны и дворян Пикардии было серьезным событием. В письме к Белльевру от 14 июня Генрих III впервые употребляет слово «лига» для обозначения ассоциации, сформированной пикардийскими городами. К Перонне присоединились города Амьен, Абвиль, Сен-Кантен, Бовэ и Корби. В тот же день, 14 июня, венецианец Морозини сообщает Сенату, что оппозиция пикардийских дворян была подготовлена с помощью агентов Филиппа II, отказывающегося терпеть присутствие принца де Конде в городе, так близко расположенном к испанским Нидерландам. Итак, католики неизбежно должны были завязать отношения с Испанией.

Простая провинциальная лига Пикардии из-за отношения Генриха III и амбиций Лотарингского дома не замедлила

преобразиться и распространиться по всей Франции. Уже выделившийся в Варфоломеевскую ночь, молодой герцог де Гиз стал популярным после победы над гугенотами при Дормане и постарался продемонстрировать свой знаменитый шрам Парижу. Королева-мать указала королю на опасность, которую представлял собой Гиз. Посчитав необходимым утвердиться посредством заявления, распространенного по всей Франции, Гиз просто следовал принятому в те тревожные времена обычаю. Его текст можно рассматривать как конститутивный акт Святого Союза.

Католики стремились к восстановлению идеальной монархии Средневековья, с привилегиями провинций и орденов, со служащей ей знатью под контролем народа. Авторы текста заявления предусмотрительно ссылались на первого христианского короля Франции Кловиса, родоначальника угаснувшей династии. Имя Карла Великого не упоминалось, чтобы не потакать амбициям Лотарингского дома, так как его представители претендовали на происхождение от Каролингов.

Знатные члены Лиги хотели заручиться поддержкой городов: «Все католики городов и деревень будут предупреждены и тайно собраны для вступления в ассоциацию, чтобы участвовать в ее деятельности по мере сил и возможностей каждого». Нет ничего удивительного, что врагами лиги стали все те, кто ей противодействовал, и те, кто хотели остаться нейтральными. Против последних она давала себе свободу «для всякого вида оскорблений и притеснений», а первых приказывала повсеместно преследовать. Вступив в лигу, ее члены не могли покинуть ее, не став врагами Господа, мятежниками и зачинщиками волнений. Члены лиги должны были оказывать друг другу поддержку «путем правосудия или путем оружия, без каких-либо исключений». Они приносили клятву повиноваться «избранному главе», чтобы исполнить высшую цель ассоциации и разбить противников, кем бы они ни были. Это было сказано про короля, не называя его.

Прежде чем выдвинуть эти положения, Лига сочла необходимым заручиться поддержкой папы. Она направила в Рим Жана Давида, адвоката Парламента Парижа. Этот тщеславный гасконец по возвращении имел несчастье быть убитым. Правда ли, что в его бумагах нашли подтверждение того, что предполагалось сменить Валуа на лотарингцев, наследников Карла Великого? Так пишет Л'Эстуаль в конце октября 1576 года. Точно известно одно: гугеноты опубликовали подозрительный памфлет, представленный ими как резюме протокола папской консистории. Королевская полиция, конечно, знала об этом факте, и Генрих III был информирован об остававшихся до того

момента секретными намерениях Лотарингского дома. По окончании войны герцог Анжуйский и его сообщники должны быть казнены, Генрих III и королева-мать заключены в монастырь, а свободы галликанской церкви упразднены. Генрих де Гиз объединит «наследство короны и благословение Господа, лежащее на нем, как на потомке Карла Великого».

Не предавая этой записке, переданной Жану Давиду, исключительного значения, ясно, что последний был хорошо встречен в Риме кардиналом де Пеллеве, придерживавшимся позиции лотарингцев. Не менее очевидно, что Григорий XIII знал о Лиге и высказал свое мнение о ней Филиппу II.

К Генриху де Гизу стали стекаться сторонники со всего королевства. Он понимал значение Парижа, население которого очень плохо восприняло церемонии в честь заключения мира в Болье. Один парфюмер, Пьер де Ля Брийер, и его сын Матье, советник Шателе, распространили среди буржуа вступительные списки. Один президент Парламента, Геннекер, сделал то же самое среди магистратов, но первый президент де Ту сумел убедить коллег не ставить свои подписи. Среди самых активных членов Лиги были ордены кордельеров и якобинцев, а также иезуитов. Их монастыри стали центрами движения, а дом Гиза в Париже — сердцем сети, накинутой на королевство. Кроме Меченого, неоспоримого главы Лотарингского дома, свои места в нем занимали его братья Майенн, д'Эльбеф, кардинал Луи де Гиз в бесконечном заговоре против последних Валуа. Душа интриги, сестра де Гизов, Екатерина превосходила их в страстном желании успеха задуманного. Красивая, но хромая, некогда она имела виды на Генриха III, но Мария Клевская вытеснила ее из сердца Генриха Анжуйского. Пылая жаждой мести, она без колебаний вышла замуж за герцога де Монпансье, старше ее на 44 года, но зато Бурбона. 15 лет она мечтала отомстить Генриху III. Вполне вероятно, именно в доме Гиза и Монпансье был составлен текст, доказывающий восхождение Гизов к роду Каролингов, так же как памфлеты, пасквили и различные тексты, в которых безжалостно разделывались с королем и его фаворитами.

Перед лицом такой опасности для своей власти, до созыва Генеральных Штатов в декабре 1576 года, Генрих III, по крайней мере вербально, противодействовал взлету Лиги. Одновременно с помощью матери он предпринял попытку примирения с братом, указывая ему на опасность, и которую ввергали страну Гизы и его союз, теперь бесполезный, с гугенотами.

Новый поворот королевской политики до созыва

Генеральных штатов в Блуа

Отказ дворян и городов Пикардии признать правителем принца де Конде вынуждал двор искать другое решение. Герцог Анжуйский предложил ему приехать к нему в Бурж, но Конде знал, что тот хочет вернуть расположение Генриха III. Он предпочел приехать к королю Наваррскому. Тот собирался женить его на своей сестре, по этому воспротивилась Екатерина де Бурбон.

Задетый, Конде уехал в Ля Рошель. Екатерина Медичи попыталась заставить его забыть о разочарованиях и вернуть ко двору. 20 июля она сообщила ему об отъезде Поля де Фу а, которому поручено убедить его в добрых намерениях короля и его окружения. В августе господин де Л'Исл был уполномочен ему сообщить, что взамен Нероны и Дулена король предоставляет ему Сен-Жан-д'Анжели. С Дамвилем королева повела себя Так же, как с Конде, час то посылая ему письма, чтобы склонить на сторону короля. Жена маршала оставалась в Париже, будучи объектом постоянных наблюдений. Она надавала столько обещаний, что королева убедилась в верности правителя Лангедока. Екатерине оставалось заманить в свои сети короля Наваррского, чтобы завершить завоевание глав коалиции, победившей короля в мае 1576 года. Генрих Наваррский как раз попросил разрешения для его жены вернуться к нему. Не желая быть рядом с нелюбимым мужем, Маргарита сослалась на отсутствие денег, подтвердив свое решение выставкой на продажу одного имения в Нормандии. Но настойчивая Екатерина все же собиралась повидать своего тестя. Однако этой встрече не суждено было состояться из-за противодействия короля Наваррского и желания Генриха III иметь мать рядом с собой во время сессии Штатов, которая должна была пройти в Блуа. Хотя Екатерина не исполнила свои планы относительно Беарнца, она получила гораздо большее удовлетворение при виде в Блуа обоих сыновей, полностью примирившихся. Содействие Монсеньора было необходимо, если король собирался расквитаться с гугенотами и стереть унижение мира Болье. Уступив постоянным просьбам Генриха III, герцог Анжуйский, наконец, приехал в Олленвиль в середине сентября. Король принял с большими почестями брата, к которому тем не менее испытывал неприязнь. Более того, он благосклонно встретил канцлера Монсеньора, Рено де Бона, и фаворита Бюсси д'Амбуаза, владевших умом своего господина. Перед перспективой обладания короной (некоторые провинции католиков в Нидерландах подали ему такую надежду) Монсеньор понял, что для этого ему следует порвать с протестантами и

получить расположение короля. Екатерина заранее готовила всевозможные варианты и поехала к Франсуа в Сомюр, где в компании Бюсси он наслаждался новым герцогством. Развивая аргументы короля, мать рассказала ему об опасности, которую могут представлять для династии амбициозные планы Гизов. Кроме того, Франсуа-Эркюль вновь поддался чарам прекрасной Шарлотты де Сов. Сам Бюсси, ставший правителем Анжу, укрепил своего господина в намерении вернуться, когда Екатерина приехала в Блуа по просьбе Генриха III «Она была довольна, — как писала аббату де Л'Исл, — видеть сына, герцога Анжуйского, настолько убежденного, что, надеюсь, отныне им будет двигать одно желание — укрепить и сохранить величие этой короны».

Пока король мирился с братом, лиги и ассоциации католиков продолжали множиться, а Тем временем проходили выборы в Генеральные Штаты. В них прошел лишь один гугенот, господин де Мирамбо, депутат от дворянства Сентонжа. В других местах гугеноты отказались принять участие в голосовании, говоря, что во многих сенешальствах время и место избирательных собраний объявлялось одними кюре. Они жаловались на давление властей и угрозы лиг, хотя во многих провинциях юга и юго-запада среди избранных могло быть довольно много их представителей. Потеряв ориентацию из-за измены герцога Анжуйского, они опасались участием в выборах показать свою слабость. Без союза с «политиками» они действительно не представляли собой серьезной силы; ими можно было пренебречь. О чем думал Генрих III по приезде в замок в Блуа, где через 12 лет вновь соберутся Генеральные Штаты, но в гораздо более трагичной обстановке, нежели той зимой 1576 года?

Сессия Генеральных штатов в Блуа (*6 декабря 1576 года — конец февраля 1577 года*)

Большинство депутатов Генеральных Штатов были решительно настроены на признание во Франции одной-единственной религии — католической. 3 декабря король принял в Блуа герцога де Невера. На вопрос герцога, знает ли король мнение Генеральных Штатов, Генрих III утвердительно сказал: «Они решили помочь Вашему Величеству?» «Да, они решили отдать за это свои жизни и имущество».

2 декабря король подписал текст ассоциации, главное распоряжение которого предусматривало сбор в каждой провинции вооруженных конных и пеших людей, а также необходимых средств. Правителям должны ассистировать шесть

главных лиц провинции, и в каждом сенешальстве должен быть один или два человека, чтобы следить за приготовлениями и потом доложить уполномоченным правителями и лейтенантами лицам.

Король шел дальше. Он решил, что католики, отказавшиеся вступить в данную ассоциацию, будут рассматриваться как враги Господа, короля, родины и ассоциации и будут обречены на публичные оскорбления. Такой шаг присоединял к лагерю короля всех мирно настроенных католиков, «политиков» и запрещал им любые уловки.

Король обещал соблюдать свободу совести, но не свободу культа, и гарантировал безопасность мирно настроенных гугенотов и сохранность их имущества. Но это обещание было ненадежно, Так как имело значение только во время сессии Генеральных Штатов.

В четверг 6 декабря после мессы Святого Духа в церкви Сен-Совер (Святой Спаситель) король торжественно вошел в зал заседаний Генеральных Штатов. Перед ним шли два привратника. За монархом шли королева-мать, королева Луиза, герцог Анжуйский, кардинал де Бурбон, герцог де Монпансье и его сын принц-дофин, герцоги де Невер и д'Юзэ, епископы Лаонский и Бовеский, пэры церкви, канцлер де Бираг, начальник артиллерии Бирон, члены королевского Совета и государственные секретари.

Увидев Генриха III, все депутаты встали. Король сел на трон и знаком пригласил депутатов занять свои места. Прирожденный оратор, король звучным и твердым голосом произнес речь, посвященную открытию сессии. Призвав всех к самопожертвованию, он воздал должное своей матери, которой после Господа он обязан всем. Как можно было ожидать, он пообещал бороться против правонарушений, восстановить порядок, не жалея для этой святой цели ни своей крови, ни жизни. Он умело упомянул о бесчинствах знати: «Действительно, у некоторых в этом королевстве трудно найти малейшие достоинства, некогда отмечавшие дворянство Франции». Осудив таким образом некоторых дворян, король выразил сочувствие трудному положению третьего сословия, особенно бедных земледельцев, и выразил неодобрение политике торговцев и финансистов, не забыв о людях, вершащих правосудие, в которых нет ни веры, ни лояльности. «Я знаю о предубеждении, продолжал он, относящем бедственное положение страны на счет плохого правления принца. Те, кто беспристрастно изучат корни и развитие нашей раздробленности, рассудят по справедливости. Моей совести не в чем меня упрекнуть». Затем он напомнил, что

умерший король и он сам были еще очень молоды, когда появились разногласия и разделение между подданными. «Королева, моя мать, сделала все возможное, чтобы остановить угрожавший нам поток зла. Именно ее мудрости мы обязаны сохранением королевства. Именно она поддержала порядок наследования короны и передала своим младшим детям ее, уже бывшую целью тайных заговоров или публичных нападений их собственных подданных».

То был ясный и точный анализ состояния королевства со времени смерти Генриха И, кроме того, этот отрывок служил ясным предупреждением претендентам (почти всегда незаконным) на корону, у которых в составе Штагов находилось немало сторонников, только и ждавших возможности выступить против короля.

«Я ратую за благо, мир и спасение моих подданных… С этой целью, хорошо изучив обстоятельства, в конечном итоге я встал на путь терпимости и примирения».

Эта речь, умело произнесенная 25-летним монархом, блистающим молодостью и изяществом, имела заслуженный успех. Его мирное настроение соответствовало мыслям большинства депутата, особенно третьего сословия. После короля выступил канцлер и в свою очередь высказался за мир, необходимый для проведения реформ, ограничился просьбой денег на нужды королевского дома и армии и обошел расходы, «нужные для ведения войны».

Существовало ли противоречие между публичными заявлениями короля и его решениями, особенно от 2 декабря, касающегося формирования лиги в защиту религии, принятое за четыре дня до открытия сессии Генеральных Штатов? Как часто случается в политической игре, противоречие было скорее внешним, а не реальным. Вставая во главе Лиги, Генрих III забирал у герцога де Гиза роль, которую тот рассчитывал играть. Поднимая собранную из разных частей армию, король возлагал надежды на действительные силы страны и одновременно разделывался г наемниками. Не вызывает сомнений, что он хотел компенсировать унижение мирного договора Колье. Но разве он мог скрыть свои истинные намерения, поставить собрание перед уже принятыми решениями, ведь Штаты сами хотели дать ему советы и предоставляли средства для проведения согласованной с ними политики? В действительности ни король, ни его противники не могли действовать в открытую.

7 декабря третье сословие выбрало адвокатом в Парламенте Ле Турнера, духовенство указало на архиепископа Лиона, Пьера д'Эпинака, и знать — на барона де Сеннесэ. Два первых

впоследствии стали убежденными сторонниками Лиги. В кризисной ситуации рождались совершенно необоснованные слухи. Так, в среду 11 декабря Мирамбо отправился к королю узнать, справедливы ли разговоры о новой Варфоломеевской ночи. Генрих III с негодованием отверг такое предположение. 13 декабря он написал всем правителям провинций, чтобы они не верили лживым измышлениям. В тот же день три сословия просили короля согласиться на то, чтобы единогласно принятые ими решения были окончательными. 12-го числа епископ Лиона передал ему их решение и попросил составить список советников, ответственных за бумаги, чтобы Штаты могли отвести тех, кому они не доверяли. Генрих III, конечно, отказался принять за окончательные решения орденов, так как это было посягательством на его власть, но пообещал составить список советников и согласился на их возможный отвод.

Не всем в Штатах был по душе королевский абсолютизм. 9 декабря один депутат предложил создать постоянную комиссию, вроде исполнительного комитета, решения которого признавались бы обязательными без согласия короля. Подстрекаемые Гизами, духовенство и знать присоединились к проекту в этот период ослабления монархии, но третье сословие, предпочитавшее опекать два первых, провалило проект.

Генрих III счел необходимым подтолкнуть все три сословия на предложение восстановить религиозное единство в стране. Большинство депутатов, хоть и были истинными католиками, колебались, опасаясь сопротивления гугенотов и не желая новой гражданской войны. Король же втайне мечтал об этом и хотел, чтобы Штаты пошли на разрыв, так как затем они были бы вынуждены голосовать за субсидии. Итак, король постарался завоевать расположение депутатов. 19 декабря знать высказалась за религиозное единство. 22 декабря духовенство единодушно проголосовало за отмену протестантского культа. Оно предложило третьему сословию присоединиться к принятому им решению, однако внутри третьего сословия разгорелась дискуссия. Выбор был очевиден: между религиозным единством и, следовательно, войной, и соблюдением эдикта Болье и миром. В конце концов, отделение Иль-де-Франс, где проходили самые жестокие споры, согласилось на восстановление религиозного единства, но с оговоркой: «Самыми мягкими и святыми путями, какие только найдет Его Величество».

Из 11 других отделений шесть (Нормандия, Шампань, Лангедок, Орлеан, Пикардия и Прованс) присоединились ко мнению Иль-де-Франс. Пять (Бургонь, Бретань, Гюйенна, Лион и Дофине) потребовали, чтобы «единство религии было достигнуто

мягкими и мирными средствами», они отметили особо «без войны». Большинство третьего сословия отвергло такое дополнение, требуя отмены публичных и частных протестантских богослужений, изгнания священников и членов консисторий протестантской церкви (26 декабря 1576 года). Почти сразу же, во время заседания Совета, Генрих III выступил против эдикта Болье, заявив, что он подписал его только для того, чтобы вернуть брата и удалить с территории государства наемников, надеясь дать отдых королевству, но его целью остается восстановить религиозное единство при первой же возможности; таким образом он сжег за собой мосты и занял непримиримую позицию. Белльевр и другие мудрые советники указывали королю на невозможность после такого заявления договориться со своими протестантскими подданными, заключить какое-либо соглашение с иностранными принцами того же вероисповедания и на неизбежность бесконечной войны. Генрих III никого не слушал. Этим заявлением он ратифицировал голосование трех сословий. Но тут был один деликатный момент. Предоставят ли ему Штаты средства, необходимые для ведения войны?

Не питая иллюзий насчет решений Генеральных Штатов, протестанты уже начали военные действия. Конде с августа месяца с разрешения короля был хозяином Сен-Жан-д'Анжели. Король Наваррский расположился в Ажане. Гугеноты свирепствовали в Провансе и Дофине. Архиепископ д'Амбрен заявил, что лишь 6 городов из 25 в Дофине приняли сторону короля и духовенства. 11 января 1577 года Генрих III сообщил Штатам о потере Гап, Ди, Вивье и База. Несмотря на нарастание напряжения между двумя сторонами, король хотел проявить добрую волю и поручил Штатам отправить посольство к королю Наваррскому, Конде и Дамвилю с просьбой приехать в Блуа и вместе с ним рассмотреть способы сохранения мира. 2 января Генрих III писал своему послу в Лондоне Мовиссьеру о том, что к Генриху Наваррскому отправится Бирон, к Конде — Камил Фере и к маршалу де Дамвилю— барон д'Уаньон. Три посланца были уполномочены объявить им о его намерении сохранить мир, не выступая с оружием в руках против протестантов и принявших их сторону католиков.

Говорить о мире после голосования Штатов значило пытаться примирить лед и пламень. Это также означало отрицание результатов политики Екатерины Медичи. В отличие от сына Екатерина была настроена очень миролюбиво. По словам Маргариты, она сочла плохим совет епископов не держать слова и забыть все, что она пообещала ему. Однако королева не стала открыто выступать против Генриха III.

Правительство переживало период кризиса. С момента бегства Монсеньора до эдикта Болье именно королева вела игру и король следовал ее советам. Но после формирования Лиги и созыва Генеральных Штатов она была вынуждена уйти за кулисы и ждать момента, когда (она была в этом уверена) снова будет играть главную роль.

Можно ли было договориться с протестантскими принцами, ставя под вопрос статьи последнего мирного эдикта? Напрасно знать и духовенство пытались представить положение вещей так, что король не мог без согласия Штатов подписывать договор Болье и что они имели право освободить его от клятвы. Подобные аргументы не могли оказать никакого влияния на руководителей Реформации. И потом, к чему прибегать к дипломатии, если религиозное единство не могло быть достигнуто иначе, как войной? Третье сословие более здраво и непредубежденно оценивало ситуацию. Буржуа понимали, что война означает новые налоги. На заседании 17 января 1577 года Ле Турнер (латинизировавший свое имя в Версориса) попросил подтвердить, что объединение пройдет с помощью мирных средств и без войны. Колебания третьего сословия поставили монарха в сложное положение, лишая его средств для проведения намеченной им политики. Однако в каком-то смысле разрыв между первыми двумя и третьим сословиями позволял власти сохранить королевский абсолютизм и нейтрализовать опасные попытки посягательства, появившиеся в день открытия сессии Штатов, согласно которым королю предлагались спутники в королевском величии.

Король перед лицом оппозиции Генеральных Штатов

Как мы видели, Штаты попросили короля дать свое согласие на принятые тремя сословиями решения и согласиться на присутствие рядом с ним комиссии из 36 членов ассамблеи и передать им список своих советников с правом отзыва. Такая просьба была очень смелой и беспрецедентной. Инициативу здесь взяли на себя два первых сословия. Третье сначала колебалось. Его представителя знали, что Штаты давали рекомендации в качестве совещательного органа, но никогда их решения не имели силу закона. Единственная их привилегия — введение новых налогов, что признавалось королями. Все остальные попытки ограничить и контролировать правительство делались лишь во времена беспорядков и ослабления королевской власти. Делегаты третьего сословия придерживались обычаев. Но Пьер

д'Эпинак, глава делегатов духовенства, сумел их переубедить и 12 декабря представил королю все вышеупомянутые статьи. Желая получить поддержку Штатов, Генрих III все же заметил, что может согласиться на потенциальные предложения, но, пользуясь привычной тактикой, согласился сообщить список членов личного Совета и выслушать мнение о нем, а также принять присутствие Совета из 36 депутатов. Он не мог заранее согласиться с единодушными решениями грех сословий: иначе он бы отказался от короны и стал бы королем, который коронован, но не правит; такая судьба ждала британских монархов в XVIII веке.

Было бы ошибочно полагать, что публицисты того времени были единодушны в вопросе природы и широты королевской власти. Так, перед открытием Штатов Жан Боден опубликовал работу «О Республике» в ответ на «Франко-Галлию» Отмана и прочие труды противников абсолютной монархии. Боден не был первым, выдвинув идею божественного права королей. Их власть, как говорили его противники, была переданной властью. Вначале она была в ведении коллектива всего общества, но впоследствии оно передало ее правительству и главе царствующей династии. Так она оказалась целиком в ведении монарха, абсолютно и безраздельно. Осуждалась сама идея разделения власти. Король не мог иметь спутников в «королевском достоинстве» и не становился, вопреки мнению Аристотеля, тираном, потому что не считался с устремлениями своего народа. Ясно, что законы его не связывают, он может по желанию издавать их и так же отменять. Однако безграничная монархия короля имеет некоторые рамки, в частности моральные и божественные законы. Король обязан также соблюдать «основные законы королевства», из которых первый закон, исключающий женщин из числа носителей короны, касается нерасторжимого характера государственного королевского имущества и второй, не менее важный, не дает права еретику быть наследником Святого Луи. Король также должен соблюдать договоры, заключенные им со своими подданными и иностранными монархами. Его подданные не являются рабами, они должны оставаться свободными и располагать собой и своим имуществом. Навязывать им свою волю без согласия Штатов значило бы посягать на их право собственности. Такова в общем теория Бодена. Протестанты и представители Лиги предлагали способы правления, отличные от действовавшей тогда системы, а Боден ограничился выделением различных обычаев, родившихся в ходе истории и ставших впоследствии конституцией королевства.

Если от структуры королевства, как ее понимал Боден,

обратиться к мнению Генриха III, то можно констатировать, что главной причиной уступок была острая нужда королевской казны в деньгах. Кредиторы королевства требовали выплаты более 100 миллионов ливров. Кроме того, король не имел возможности заплатить находящимся у него на службе швейцарцам. Более того, он не знал, чем обеспечивать жизнь своего собственного дома. Но как только он заговаривал о деньгах, все придумывали всевозможные уловки для отказа. Когда король припер к стенке все три сословия, они выдвинули большое количество доводов, стараясь избежать замаячивших перед ними новых налогов. Знать и духовенство указали на закон, освобождающий их от налогов. Третье сословие ссылалось на тяжелые времена и обеднение нации в настоящий момент. Большинство дворян отказывалось начинать кампанию на свои средства.

Легче всего можно было достать денег у духовенства. Некоторые епископы, особенно с юго-востока страны, земли которых были островками, обойденными морем гугенотов, предлагали помощь своим собратьям. Но большинство духовенства считало, что не оно одно должно оплачивать военные расходы. Несмотря на возражения духовенства, его руководители — кардиналы де Бурбон и де Гиз, с помощью епископов Юга — убедили своих коллег, что нельзя все же оставить короля без средств, так как он действует в первую очередь в интересах религии. Наконец, духовенство согласилось оплатить жалованье 1000 жандармов и 4000 пехотинцев, а после новых споров — предоставить королю 450 000 ливров. Для увеличения этой суммы Генрих III предложил разрешить ему продать государственное имущество на сумму 300 000 ливров. Представители третьего сословия возразили, что в их архивах нет ни одной статьи, касающейся данной области. Боден заявил, что имущество короны нерасторжимо, и король— лишь пользователь. Просьбы Генриха III ни к чему не привели. Он жаловался: «Они не хотят ни помочь мне, ни дать возможность воспользоваться моим имуществом. Это слишком жестоко».

Короля ждало новое разочарование. Встав во главе лиг и приняв участие в их организации, он должен был констатировать, что члены ассоциаций имеют сомнения относительно его намерений. Знать Пикардии не приветствовала изменений, нарушавших их привилегии. Они подписались под текстом ассоциации клятвой защищать религию и способствовать укреплению власти короля, но собирались участвовать в этом деле только в том случае, если их свободы и привилегии останутся неприкосновенными. Городские буржуа проявляли не больше пыла. Гак, Амьен выгнал Жака д'Юмьера, приехавшего с

300 всадников с предложением для жителей вступить в Лигу. 19 февраля король писал, выражая свое неудовольствие, д'Юмьеру: «Я бы хотел, чтобы города вступали в Лигу без подобных затруднений». Однако он освободил амьенцев от вступления в ассоциацию за 8000 ливров. Быть может, разозлившись, он освободил бы от военной обязанности все города за добрые наличные деньги? Большинство депутатов Штатов были убеждены в необходимости поддержки монарха. Так, один из них, Шалон, сказал королю: «Все лиги и ассоциации в монархическом государстве имеют важные последствия. Для подданных короля невозможно вступить в какую-либо лигу, не желая иметь во главе ее своего монарха».

Стоять во главе лиг провинций, неизвестно, вступивших в них или нет, не рассчитывая на усердие их членов, не иметь финансовых возможностей проводить свою политику — таков был в начале 1577 года незавидный удел Генриха III. Его затруднения усиливались отказом двух первых сословий объявить войну гугенотам. За неимением лучшего он возложил все надежды на поездку своих представителей к королю Наваррскому, принцу де Конде и Данввилю. Но когда посланцы вернулись, они не привезли с собой ничего обнадеживающего. Принц де Конде просто отказался от предложений «так называемых Генеральных Штатов Блуа». Дипломат король Наваррский, в отличие от своего кузена, принял послов доброжелательно. Ведь ему надо было показать себя в лучшем свете, принимая во внимание, что ветвь дома Валуа может угаснуть, так как ни герцог Алансонский, ни Генрих III не имели наследников. После своего бегства из дворца он присутствовал на протестантской молитве в Алансоне, но затем три месяца отказывался исполнять обряды новой религии. В глубине души он предпочел бы сохранять нейтралитет. Но поскольку в силу обстоятельств он оказался во главе протестантского движения, то вновь стал гугенотом, не переставая благоволить к католикам. Когда депутат духовенства епископ де Вьенн напомнил ему о бедах войны, его глаза наполнились слезами, он составил письмо «к господам, ведущим заседание Штатов» с просьбой пересмотреть вопрос о религиозном единстве. В приложении к письму он просил заверить короля в его верности и высказывался за политику примирения французов, которая, по его мнению, одна была способна положить конец бедам и несчастьям королевства. В 1577 году Генрих Наваррский уже был лучшим союзником Генриха III и прилагал все усилия для установления мира между католическим большинством и протестантским меньшинством.

Другой Бурбон, герцог де Монпансье, поехавший к Дамвилю,

вернулся ко двору сторонником умеренности. Он последовательно обратился с речью ко всем трем сословиям, выступая адвокатом терпимости. Он не поколебал мнения двух первых, а третье нашло такую позицию благоприятной для объединения в одной религии, но по-прежнему «без войны».

Война была камнем преткновения. Плохие новости с Юга, нежелание Штатов предоставить необходимые средства, влияние герцога де Монпансье играли на руку сторонникам мира. Откажется ли Генрих III от своих проектов? На это указывает один из отрывков из письма короля от 3 февраля к Мовиссьеру. Говоря, что он ждет возвращения послов от принцев и Дамвиля, король добавлял, что в случае неудачи он прибегнет к силе с надеждой на помощь Господа в этой справедливой ссоре, которая «больше его, чем моя». Если Генрих III упорно шел по дороге войны, то делал это не из фанатизма, а из желания стереть унижение «мира Монсеньора» и получить у Штатов необходимые финансы. У него не было денег и война отняла то, в чем были сильны гугеноты. 2 марта король вновь поставил на рассмотрение Совета вопрос о единстве веры. Как и следовало ожидать, герцог де Невер остался непримиримым. Королева-мать, наоборот, выступила в защиту мира, так как только сохранение королевства могло привести к объединению подданных в одной религии, иначе вместе с королевством погибнет и религия. Генрих III высказался в том же направлении. Но поскольку ему отказывали в средствах, он не мог восстановить единство веры. Проявляя осторожность, он добавил, что «желает быть преданным вере, как никто другой» — это было правдой — но, говоря так, он указывал на герцога де Гиза, не называя его, уже начинавшего быть болезненным шипом, наряду с гугенотами.

Так еще один поворот был записан в королевскую политику. Прошло не более четырех месяцев, когда Генрих III утверждал, что ни за какую плату не начнет переговоры с гугенотами. Он поставил перед собой непреодолимый барьер клятвы. Весной 1577 года мираж единой веры рассеивался из-за недостатка денег. Вернувшись к миру, Генрих вновь оказался перед лицом необходимости идти на уступки протестантам, все же надеясь, что это не надолго и что правительственный корабль бросит якорь в гавани, дающей прибежище бурям.

Возобновление военных действий, мир Бержерака и эдикт Пуатье

Итак, несмотря на то, что никогда ранее обстоятельства не

были так благоприятны, чтобы покончить с гугенотами, именно католики провалили планы короля, наконец решившего перейти к действиям. Об отношении этих борцов за веру, уже ставших сторонниками Гиза, свидетельствует отказ Парижа вооружить в рамках Лиги по просьбе короля 2000 всадников и 5000 пехотинцев. Штаты отказали королю в помощи деньгами и оружием, и король с матерью были вынуждены действовать, располагая прежними слабыми источниками. Тем не менее с их возможностями они достигли блестящих результатов, которые стали бы решающими, если бы Штаты пошли на нужные жертвы. Королева-мать мастерски проникала в ряды противников и разъединяла их. Практически перестала существовать коалиция гугенотов и недовольных католиков, а интересы их руководителей слишком часто не совпадали друг с другом. Брат короля, став герцогом Анжуйским, страстно мечтал избавиться от союза, несколько месяцев связывающего его с кем-то. Екатерина добилась его примирения с королем, и он вновь занял свое место наследника престола. Труднее было с Дамвилем, и королева знала, что дело будет не из легких. По ее совету 3 марта Генрих III написал письмо маршалу, сообщая о своем решении передать ему в личную собственность маркизат Салуццо с условием, что маршал оставит укрепления Лангедока, оставаясь его правителем. Екатерина, со своей стороны, писала Дамвилю самые располагающие письма, как только возникло предположение о его возвращении ко двору. Королева постаралась заманить в свои сети и Антуанетту де Ля Марк, жену маршала, имевшую такое влияние на своего мужа, что в марте 1577 года Дамвиль вновь принял сторону короля.

Гугеноты были не в лучшем положении, чем король, и не собирались воспользоваться недостатком энтузиазма католиков. Среди них не было единства, а их договор с частью католиков был их слабым местом. Король Наваррский, на службе у которого находились военачальники обеих конфессий, устал от их постоянных ссор. В Ля-Рошели, крепости протестантов, буржуазия хотела мира, простой люд и министры — войны. Но, так же как католики, они хотели ее, но не участия в ней. Лярошельцы не желали принимать солдат Конде, превративших окрестности города в пустыню. В то время, когда попраны все моральные устои, военные, к какому бы лагерю они ни принадлежали, захватывают все без разбора. До этого все беды и несчастья происходили где-то далеко; их относили на счет папистов. Теперь же перед глазами обывателей были ужасы войны и жестокость солдат. Ошибки солдат Евангелия, по их мнению, могли исходить лишь из плохого примера идолопоклонников римской веры. Они

не допускали, что причиной этому была война, разрушение всех социальных законов.

Лишенные в этот раз поддержки иностранных наемников и не имея в качестве союзников Монсеньора и правителя Лангедока, протестанты были вынуждены отступить повсюду, кроме Лангедока, где они располагали значительными силами. В районе Луары, где гугеноты «взяли» Ля Шарите, вернуть город король доверил Монсеньору. Герцог Анжуйский очень изменился. Во время празднования Нового года к нему приехал Агриппа д'Обинье с предложением вновь встать во главе мятежников, на что герцог ответил отказом. 25 августа началась осада города и 2 мая он был сдан «по соглашению», но ни герцог, ни другие господа не смогли удержать солдат от насилия. 15 мая король дал праздник в честь своего брата в Плесси-ле-Тур, при этом «ему прислуживали дамы в зеленом, одетые в мужскую одежду, и все присутствовавшие тоже были одеты в зеленое». Л'Эстуаль замечает, что это стоило «60 000 франков на зеленый шелк». Вновь лаская своего сына, Екатерина дала 9 июня банкет еще более блестящий. Королева-мать поставила эту ночь феерии вместе с Шарлоттой де Сов. Генрих III был в серебряно-розовом костюме, покрытый драгоценностями и благоухающий духами. Он пользовался возможностями праздника или балета, чтобы дать волю одной из самых глубоких склонностей своей природы, заставлявшей его наслаждаться моментом и очарованием женщин.

Через несколько дней, 11 июня, Монсеньор взял штурмом Иссуар. Солдат «невозможно было удержать от того, чтобы они не грабили и не жгли Иссуар, не убивали бесчеловечно всех подряд… Монсеньор и другие господа были бессильны спасти честь женщин и девушек». Кровь, в которой оказался потоплен овернский город, сделала Монсеньора сообщником своей матери и брата. Теперь он уже не мог упрекать их в событиях Варфоломеевской ночи, а протестанты не имели к нему никакого доверия. Опасность нового недовольства с его стороны отодвинулась на значительное время, союз реформатов и «политиков» распался навсегда. После победы Монсеньора ему открылась дорога либо в Севенны, либо на запад. Король, видимо, не особенно хотел быть свидетелем многочисленных побед брата, поэтому он вернул его ко двору, а командование его армией передал герцогу де Неверу, в то время как герцог де Майен получил приказ взять Бруаж. Последний осадил город 22 июня. Лярошельцы захватили его, но не укрепили. Городское население ненавидело знать, и командующий флотом, Клермон д'Амбуаз, был вынужден сдаться. В Ля-Рошели народ его встретил

унизительными выкриками, требуя сражения. Через несколько недель Бруаж сдался 21 августа.

На Юге гугеноты под руководством сына адмирала Франсуа де Шатийона создавали больше трудностей. При первых слухах об отступничестве Дамвиля Шатийон захватил крепость Монпелье и приказал срыть ее (17 апреля), тогда как Сен-Ромен занимал Эг-Морт. На помощь маршалу король направил маршала де Белльгарда. Первый блокировал Монпелье, второй Ним. Шатийон собрал вторую армию, сумел преодолеть линии осаждающих и 1 октября проник в Монпелье. Он собирался выяснить отношения с Дамвилем, когда Ля Ну и Торе прекратили сражения. Наступил мир, согласно подписанному 17 сентября в Бержераке мирному договору. Это соглашение стало возможным благодаря тройному желанию — Екатерины, Генриха III и Генриха Наваррского, несмотря на оппозицию Гизов, папы и Испании. Генрих III не хотел уничтожать своих протестантских подданных. Продолжение военных действий лишь ухудшало положение в королевстве. Король поручил герцогу де Монпансье начать переговоры с королем Наваррским. Он также написал собственноручно письмо королю Наваррскому и просил герцога его передать. Король говорил Монпансье о своем названом брате: «Пусть он поймет, что после меня и моего брата нет никого, кроме него, кто был бы Так заинтересован в сохранении этого королевства». Таким образом, король напоминал Беарнцу, что после Монсеньора именно он является наследником короны, и его вполне понятная заинтересованность в деле должна побудить его к восстановлению мира. С конца 1576 года мирный договор подготавливался инструкциями королевы-матери, даваемыми ею Бирону, посланцу королевы у короля Наваррского. Генрих III в конце концов присоединился к точке зрения Екатерины. Политическая дальновидность Беарнца довершила остальное, несмотря на противодействие таких сторонников партии, как д'Обинье.

Эдикт Пуатье, подтверждающий соглашение Бержерака, сократил преимущества, данные реформатам по договору Болье. Свобода культа разрешалась в окрестностях одного города на судебный округ. Она сохранялась в городах и деревнях, которые пользовались ею «до последних вооруженных столкновений» и которые удерживали протестанты до 17 сентября. Свобода богослужений запрещалась в цизальпинских владениях короля, то есть в Италии. Зона исключения вокруг Парижа увеличилась. Протестанты теряли также половину палат, состоящих из католиков и протестантов, число протестантских магистратов в удерживаемой ими половине палат сводилось к одной трети. Но в

качестве гарантии король предоставлял гугенотам их зоны безопасности сроком на 6 лет. Договор предусматривал восстановление католицизма на всей территории королевства, включая города, где кальвинизм был господствующей религией.

Генрих III мог поздравить себя с подписанием мирного договора в Бержераке. Он назвал его «своим миром», противопоставляя «миру Монсеньора». Побежденным в шестой религиозной войне оказался не только герцог Анжуйский, но также и Лига. Католические ассоциации ничем не способствовали военным успехам, и король подписал им смертный приговор. Статья 56 эдикта предписывала и католикам и гугенотам воздерживаться от вступления в любые лиги и ассоциации. Все лиги, ассоциации, братства, созданные или планируемые для создания, должны были быть распущены и аннулированы.

Поворачиваясь таким образом спиной к гугенотам и папистам, вновь признавая свободу совести и культа, король становился тем, кем всегда должен был оставаться: верховным арбитром, и теперь он исполнял роль, как говорил Святой Луи, «короля-миротворца». Более того, он осуществлял прекрасную максиму Жана Бодена, согласно которой «монарх должен примирять одних своих подданных с другими и всех вместе с собой». Такой была ведущая линия политики Екатерины, за мрачным исключением Варфоломеевской ночи. Таков был триумф ее мудрости, дальновидности и терпимости по отношению к слепому фанатизму сект и фракций.

Никогда больше за время своего трудного правления Генрих III не будет большим хозяином своей политики. Мирный договор Бержерака даст стране семь лет практически постоянного мира. Чем же займется король, избавившись от тяжелого ярма войны? Окунется в удовольствия или посвятит себя другим целям? Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся проанализировать личность Генриха III, человека и короля, и пролить свет на тайны его поведения в широком и узком кругу людей.

Глава четвертая
Разные стороны личности Генриха III, общественного деятеля
Его физическая, интеллектуальная и нравственная эволюция

Традиционный портрет Генриха III в черных красках

В 1787 году, посвящая Калонне «Историю Генриха III», аббат де Совиньи приглашал прочитать «историю самого слабого и несчастного из королей», добавив при атом, что нет такого француза, который бы не поздравил бы себя, живя в правление Людовика XVI, «добродетельного монарха», наделившего своим доверием главного контролера по финансам. Но аббат не мог предвидеть, что через пять лег Людовик XVI присоединится к Генриху III у позорного столба истории. «Слабость характера монарха умаляет даже его достоинства, сожалеет он в конце книги, она отдает его пароды во власть анархии и в глазах потомства является самым тяжким преступлением королей».

Накануне революции такое обвинение в слабости главном недостатке государственного руководителя было серьезным. Но после революции запачканный портрет Генриха III оказался уже полностью написан черными красками. До середины XX века и появления работ Пьера Шампьона почти все историки без исключения отказывались находить хоть что-либо хорошее в Генрихе III. В «Истории королевского дома», вышедшей в 1934 году, один старательный университетский преподаватель, Гастон Додю, собрал всю критику в адрес Генриха III в настоящую связку плетей для беспрецедентной порки короля «любимчиков».

Внимательное чтение статьи Г. Додю позволяет выделить содержащиеся в ней разнообразные оценки, почти всегда отрицательные. Так лицо короля представляется нам «потрепанной и хитрой физиономией», с «косым взглядом» и «намеком на бороду на подбородке». Таким же образом судится о вере короля, его «неустойчивой ортодоксии». Делая обзор материалов, которые можно найти у Брантома, Л'Эстуаля и де Ту, Додю вынужден констатировать, что они выражают чаще всего умеренную точку зрения и даже иногда благоприятную для Генриха III.

Но если Додю и соглашается, что нельзя слепо доверять словам Агриппы д'Обинье, открытого противника Генриха III, то тем не менее пишет, что «его свидетельство не теряет от этого своей значимости, так как выражало мнение о короле самых разных слоев».

В отличие от Пьера Шампьона, Додю ничего не нашел в «Истории Франции от Франциска I до Людовика XIII» Пьера Матье (ценной достоверной информацией об эпохе), что «подняло бы в наших глазах Генриха III». С той же радикальной краткостью он интерпретирует сведения, содержащиеся в депешах иностранных послов Италии, Испании, Англии, Германии или папских нунциев. Ясно, что он не прочитал их с пером в руках, как это сделал Пьер Шампьон. Он пишет, что «все послы, аккредитованные у Генриха III, говорили о нем теми же словами, что и его подданные» — утверждение крайне надуманное и неточное. Знание корреспонденции короля — четыре тома которой сегодня опубликованы, а неизданная часть доступна для чтения в фондах Шампьона в Библиотеке Института — полностью разоблачает это так называемое совпадение в докладах дипломатов и чувствах подданных короля.

Подойдя к этой стадии своего анализа, Додю все же спрашивает себя, не нашел ли Генрих III себе защитника из уважаемых современников. Первый среди них Луи де Гонзага, герцог де Невер, в небольшой работе, вышедшей в 1590 году и озаглавленной «О войне января 1589 года». Признавая герцога де Невера уважаемым свидетелем и адвокатом Генриха III, Додю тем не менее заключает, что его защитительная речь показывает короля как «инструмент и игрушку в руках распутников» утверждение неправомерное. Если окружение Генриха III и было зачастую свободно в нравах, то оно никогда не было «распутным» в религиозном смысле слова. Не менее удивительно читать вышедшее из-под пера Додю утверждение, что герцогу де Неверу не удалось отвести умершего короля «от двойного обвинения в ереси и тирании». За исключением самых ярых противников Генриха (скорее членов Лиги, чем гугенотов) ни один беспристрастный современник не обвинял короля в тиранстве и еретичности или в том и другом сразу.

Последуем далее за Додю и тогда, оставив в стороне свидетельства Таванна и Монлюка, мы окажемся перед работой Эйлана «Общая история королей Франции» (вышла в 1584 году). По мнению Додю, он напрасно стал королевским историографом, и потом, его текст дышит правдой. Посудите сами: «Генрих III был принцем добродушным и податливым, галантным, приветливым, красноречивым, серьезным, но легко доступным, набожным,

любящим писать письма, выдвигающим умных людей, испытывающим желание устранить правонарушения в делах, другом мира, способным внимать советам и т. д.».

Затем Додю, на этот раз справедливо, относится скептично к утверждению Давиля, жившего при дворе Валуа, что Генрих III был учеником Макиавелли. Очевидно, что благодаря своему итальянскому чтецу Корбинелли король был знаком с теорией флорентийца, но, как бы это ни выглядело странным, он был слишком лояльным и человеком чести, чтобы применять на практике подобный политический цинизм. Конечно, ему можно поставить в вину Варфоломеевскую ночь и расправу с Балафре (Меченым). Тем не менее нельзя не заметить, что в этих двух событиях Генрих играл непривычную для него роль, идущую вразрез с общими склонностями его природы, совсем не кровожадными.

Далее Г. Додю разделывается с Мезерэ и его «Историей Франции», в которой автор говорит, что «беда» Генриха III была в том, что он жил во времена «волнений и пристрастий». Однако для чрезмерной исторической критики такого утверждения недостаточно. Он также отказывается признать, что Генрих III находился в зависимости от своей матери, которая «не только постоянно подсказывала противоречивые шаги, но даже разделила свою собственную кровь, чтобы по-прежнему оставаться арбитром рожденных ею самой противоречий», что было недалеко от истины. Сведя таким образом счеты со старыми авторами, Г. Додю, стоя перед «неизмеримостью фактов», задается вопросом: в какой мере Генрих III был больным, сумасшедшим или преступником? Два последних термина являются чрезмерным преувеличением. Если Генрих был болезненным человеком — чему есть достаточно доказательств то он уж никак не мог быть ни сумасшедшим, ни преступником. Додю считает, что портрет, данный Полем де Сен-Виктором в книге «Люди и боги», «внушает определенные мысли, несколько преувеличенные, о загадочном создании». «Несколько преувеличенные» слабое выражение. Речь идет о настоящем шарже, совершенно в стиле романиста. И странно, что историк Додю придает такое значение тому, что является блестящим примером владения стилем, но не имеет серьезного основания и точных данных о физическом и моральном состоянии детей Генриха II и Екатерины Медичи.

Бесспорно, десять детей королевской четы почти все отличались хрупким здоровьем и страдали скорее не от сифилиса, как считал Мишле, а от туберкулеза, поражавшего в первую очередь натуры нервные и склонные к распущенности.

Обойдя пока Генриха III к его случаю мы обратимся позже и детей, умерших в раннем детстве, мы можем отметить, что Франциск II умер от отита, предположительно туберкулезного, Карл IX и герцог Алансонский от легочного туберкулеза, Клавдия Лотарингская умерла от коксита, Елизавета, жена Филиппа II, прожила лишь 23 года. Изучая личность Генриха III, следует принимать во внимание его капитал физического и психического здоровья. Было бы недостойно упрекать его в ошибке рождения от своих родителей!

Нужно ли, как это делает Додю, ставить его в один ряд с такими принцами, подверженными болезни трона, как Калигула, Нерон и Домициан? В первом случае психически уже нездоровому человеку предоставили средства исполнять все свои экстравагантные прихоти, в двух других претенденты на престол уже имели некоторые надежды на корону до своего коронования. Гак, Расин говорил, что «рождающийся Нерон» имел «все достоинства стареющего Августа». И разве Генрих III, будучи еще герцогом Анжуйским, не оправдал надежд Монсеньора при Карле IX? Додю без колебаний отмечает разницу между заслугами герцога Анжуйского и отрицательными результатами деятельности его как монарха. Такая точка зрения не принимает во внимание то, что с 1567 по 1573 год Монсеньор находился под мудрым руководством своих советников, и в первую очередь Таванна, и чаще всего избегал влияния матери. Вернувшись из Полыни, он оказался в полной зависимости от нее, ставшей с 1560 года движущей силой политической жизни. Ее влияние на нового короля было несколько поколеблено Дю Гастом, известным своей энергией и решительностью. Насильственная смерть фаворита в 1575 году лишила Генриха III поддержки, в которой он так остро нуждался. После исчезновения Дю Гаста король окружил себя плеядой молодых людей, обязанных ему всем: это было сделано в политических целях, чтобы помешать планам знатных феодальных фамилий, стремящихся использовать королевскую власть себе на пользу. После смерти Колиньи Шатийоны были вне игры, но приходилось считаться с Бурбонами, Монморанси и Гизами. Выказывать расположение к одним за счет других означало ставить себя в рискованное положение сомнительной коалиции и вынуждало к тщательному отбору преданных королю людей, независимых ни от одной главной фамилии. Но наш историк совсем по-другому оценивает выбор Генрихом III своих фаворитов. После фаворитов первого периода (до 1578 года) идут такие «архилюбимчики, как Жуаез и Эпернон». Король, действительно, был очень расточителен. Он дал им титулы герцога и пэра и средства для поддержания

почетного звания, в которое они были возведены. Нет ничего удивительного в том, что народ и знать восприняли это без особого восторга. Более 10 лет, с 1578 по 1589 год, продолжалась непрерывная кампания памфлетов, пасквилей и проповедей в церквах против тех, кого король почтил своим доверием, наделяя им дома Лотарингии и Монморанси лишь на словах.

Бесспорно, знать и третье сословие хотели бы, чтобы Генрих III шел по пути герцога Анжуйского. Но, призывая его к энергичной политике, они отказывали ему в средствах. Додю утверждает, что разочарование ультракатоликов происходило от неспособности короля уничтожить гугенотов: «Им не пришло в голову, что религиозная политика Генриха III может быть вызвана неким либерализмом… соответствующим безразличию во всех областях, представлявшему основу его натуры».

Итак, отдаливший от правления великие дома и окруживший себя мрачными молодыми людьми, «министрами его наслаждений» и расхитителями королевской сокровищницы, отказавшийся стать королем-воином и превратившийся в лицемерного короля-монаха, не в меру любящий маскарады, дебоши и буффонады Генрих III: таков портрет, написанный Г. Додю. В качестве последнего мазка он заимствует с палитры истории еще одну мрачную краску и без колебаний пишет: «Последнее, что остается против Генриха hi, главного обвиняемого перед трибуналом Истории, (это) его гомосексуализм».

После подобного заявления ожидаются убедительные доказательства. Излишне говорить, что они отсутствуют. Такое утверждение родилось из одного факта присутствия рядом с королем «любимчиков». Конечно, Додю торопится упомянуть слова д'Обинье о том, что Генрих III был «мужчиной по имени», но это не мешало ему оставаться «развратником и проституткой в душе». Не стоит напоминать, что д'Обинье был одним из самых ярых врагов Генриха III. К тому же, обвинение всех фаворитов короля в гомосексуализме без каких-либо доказательств свидетельствует о полном незнании самых элементарных критических методов, так как ложь еще никогда не признавалась за доказательство.

Апломб утверждений, несмотря на их сомнительность и отсутствие убедительных доказательств, позволяет Гастону Додю настаивать на своем осуждении короля. Посмотрим: «Генрих III далек от того, чтобы сойти с позорного столба, на который его поместило последующее поколение», и далее: «Налицо факт, что, убив Гиза, нежно любя Луизу Лотарингскую и сумев в благородной агонии принять свою судьбу, Генрих III тем не менее

обладал такими недостатками, из-за которых французы не могут избавить его от осуждения».

Такое заключение косвенно задает три вопроса. Была ли смерть Генриха де Гиза актом спасения? Была ли нежная любовь Генриха к Луизе Лотарингской совместимой с гомосексуализмом? И наконец, «благородная агония», во время которой Генрих III признал своим законным наследником Генриха Наваррского, явилась ли политическим актом решающего значения?

Но помимо изучения этих эпизодов мы можем получить более жизненный и справедливый портрет Генриха III, отличный от общепринятого в традиционной историографии, рассмотреть личность короля, опираясь на неопровержимые документы.

Истинное лицо Генриха III его портрет и физическая патология

Генрих III был высокого роста, с длинными и изящными ногами, неширокими плечами, слабо развитой грудной клеткой. Генрих, в отличие от своего деда Франциска I, не создавал впечатления силы и стати, наоборот, от него оставалось ощущение элегантности и изящества. Он не был создан для физических упражнений и жизни на свежем воздухе, хотя он не отказывался от охоты и прекрасно ездил верхом. Внешне он производил впечатление думающего человека. В этом, подобно Карлу V, он отличался от всех королей Франции. Так же, как и остальные части тела, его голова была удлиненной формы с овальным лицом, прямым носом, менее мясистым, чем у его матери, темными глазами, правильным ртом с довольно тонкими губами, тонкой и едва заметной ниточкой усов над верхней губой и темным пятном под нижней, которое на последних портретах Генриха будет усиливать задумчивое выражение его лица.

От него веяло изысканностью и благородством. Прекрасный карандашный рисунок Жана Декура, датируемый той эпохой, и чудесный медальон Жермена Пилона, созданный в 1575 году, дают точное представление о внешнем виде Генриха III. Один итальянец из свиты посла папы воскликнул, увидев Генриха в Венеции: «Его Величество скорее сухощав и очень высокого роста, у него голова больше испанца, нежели француза, и бледная кожа». Об этом же свидетельствует портрет Генриха III, написанный Тенгоре и находящийся сегодня во дворце дожей. Высокий рост король получил в наследство от отца. В 1577 году венецианец Липпомано писал, что король был «скорее высокого роста, нежели среднего, сложения скорее худощавого, нежели

пропорционального. У него длинная фигура, нижняя губа и подбородок немного тяжеловаты, как и у его матери, у него красивые и мягкие глаза, широкий лоб, наконец, весь он очень изящен, у него благородная и грациозная осанка». От Брантома мы знаем, что его руки были такие же красивые, как у его матери.

В 1581–1582 годах король быстро постарел из-за слабости здоровья и одолевавших его неприятностей. 19 октября 1582 года венецианец Приули писал, что король «неважно выглядит после путешествия в Лион. Мне кажется, что он похудел и побледнел». Через четыре года Савуайяр де Лисенж, известный враг короля Франции, писал в том же духе герцогу Шарлю-Эммануэлю: «Королю 36 лет или около того, но, то ли из-за своей комплекции, то ли из-за переживаний и затруднений в делах… он преждевременно и почти полностью поседел, так что кажется гораздо старше своего возраста».

У Генриха очень рано появилась седина. В апреле 1583 года тосканец Бузини отмечает, что он отпустил бороду. На подбородке и большей части щек она совершенно белая, как и волосы. 7 января 1583 года венецианцы заметили, что во время церемонии ордена Сен-Эспри (Святого Духа) «принимая причастие, король слегка приподнял шляпу, чего он никогда не делал при других обстоятельствах, так как из-за недомогания у него побрита почти вся голова». 23 июля 1584 года тосканец Бузини свидетельствует, что он «очень бледен и худ, потому что у него часто болят уши и голова». Этим объясняется то, что Генрих III носил на своем почти лысом черепе, практически не снимая, шляпу в форме берета, которая еще больше удлиняла его голову и которую можно видеть на всех его портретах.

К концу своего правления Генрих III имел более внушительный вид, нежели в молодости, но по-прежнему оставался изысканным и импозантным. Шеверни, один из его самых преданных слуг, так говорит о нем в своих «Мемуарах»: «Этот принц обладал величественной осанкой и высоким ростом, достоинством и степенностью, соответствующими его величию… мягким и приятным слогом… никого не ругал и не унижал словом».

Его изящество, достоинство и подлинное королевское величие были врожденными качествами и проявлялись в поведении, но тем не менее Генрих иногда выказывал характер агрессивный и даже неистовый. Это был один из контрастов его темперамента. Вот два примера, когда он выходил из себя, оставляя свою обычную доброжелательную манеру поведения. Убедившись в мошенничестве канцлера королевы Елизаветы, Генриха де Месм, Генрих III выгнал его со двора, дав ему пинка

«*ai culo*»[2], пишет тосканец Рениери, в другой раз, на заседании Совета Мишель де Севр обвинил Милона де Видевиля, интенданта по финансам, в том, что он «вор и убийца народа Франции», обогащающийся за счет выплаты долгов короля. Генрих вскочил со своего места, выхватил шпагу и хотел проткнуть его. Благодаря вмешательству других советников трагедии удалось избежать. Но подобные случаи были редкостью, так как Генриху всегда удавалось внушать уважение. Сравнение последнего Валуа и первого Бурбона вовсе не в пользу Генриха IV. Так, мадам де Симье, одна из самых заметных дам при дворе Генриха III, по словам Таллемана де Рео, сказала, увидев Генриха IV: «Я видела короля, но не видела Его Величества». Непринужденный, добродушный, часто неряшливый, Генрих IV никогда не обладал истинно королевским престижем своего предшественника. Но эти внешние достоинства Генриха III иногда затемнялись из-за его хрупкого здоровья. Такое положение вещей устраивало его врагов, с радостью распространявших слухи, что король долго не проживет и что необходимо задуматься о кандидатуре наследника короля без дофина. В спектакле предсказаний астрологи тоже сыграли свою роль, но реальность опровергла их пророчества: с возрастом здоровье Генриха III стабилизировалось и окрепло.

С 1575 года венецианец Мишель свидетельствовал, что король страдал постоянным несварением желудка. Именно поэтому ему посоветовали «употреблять вино», тогда как обычно он пил одну воду. 12 марта 1575 года Морозини пишет, что у короля геморрой и он вынужден несколько дней лежать в постели. Чуть позже, в июне того же года, у него поднялась температура и вновь появился на старом месте нарыв у носа, так что врачи предполагают вновь открыть абсцесс на руке. Генрих подозревал болезнь из-за камней в почках, практически неизлечимую, о чем пишет Рене де Люсенж в «Зеркале принцев».

В феврале 1576 года, опять согласно свидетельствам все тех же венецианцев, Генрих страдает от опухоли в нижней части тела, сопровождающейся болями и температурой. Нет ничего удивительного в том, что при обильной мясной пище была очень распространена подагра. Так, в июне 1579 года король пишет Вилльневу о болезни, не называя ее, но давая верные симптомы: «У меня очень болит левая нога и не дает мне спать. В остальном я прекрасно себя чувствую. Я ем как волк», что вовсе не способствовало выздоровлению.

Помимо проблем с пищеварением, почками, геморроем и подагрой, можно назвать туберкулезный диатез (но не такой, как у Карла IX и герцога Алансонского) и постоянные абсцессы и

фистулы. В детстве он страдал от лакримальной фистулы, которая с возрастом исчезла. Источники говорят еще об одной фистуле в зрелом возрасте и о постоянных воспалениях кожи одной руки и ноги. 25 декабря 1580 года тосканец Рениери пишет, что воспаление на ноге прекратилось, но болезнь вновь появилась на лице в виде многочисленных нарывов. Без колебаний итальянский дипломат относит это на счет сифилиса, что, впрочем, не соответствует действительности. 8 октября 1582 года тосканец Албертани информирует великого герцога о том, что у короля «на коже рук признаки сифилиса, на голове нарыв, но он хочет, чтобы никто об этом не знал и не говорил». На то же недомогание указывают венецианцы 5 октября, говоря, что король не получил «от бани желаемого облегчения от болей в голове и ушах», к которым добавились боли в руках. В декабре 1584 года, когда Генрих был в Венсене, у него «страшно разболелась голова. В правый глаз опустилась влага и воспалила его», пишут те же венецианцы 4 января. В апреле 1585 года Генрих пишет Виллеруа: «У меня болят глаза, но я хорошо себя чувствую». Воспаления костной ткани подтверждают, что причиной большинства болезней Генриха был туберкулез. 14 мая 1584 года тосканец Бузини описывает его состояние: «Боль в ноге Его Величества не проходит, поэтому 12-го числа медики предписали ему положить ногу в глотку свежезабитого быка». Всякие сомнения в туберкулезном диатезе снимает отит, поставивший под угрозу жизнь короля в сентябре 1579 года. Он был в таком тяжелом состоянии, что мог бы умереть, если бы болезнь осложнилась мастоидитом или менингитом. «В среду 2 сентября, — пишет Л'Эстуаль, — у короля сильно заболели уши, что внушило опасения, так как от этого умер король Франциск II. Приступы повторялись в этот день два или три раза». Окружение короля было ошеломлено. Во всех парижских монастырях были заказаны молитвы за его выздоровление, спешно информировали Екатерину, находящуюся с важной политической миссией на Юге страны. Вставал вопрос, прибегать ли к хирургическому вмешательству, когда нарыв сам вышел через глаз. Тогда врачи сочли необходимым искусственно открыть новый абсцесс на правой руке и посоветовали королю ходить с постоянно покрытой головой. Этим объясняется то, что когда король подписывал документы, можно было видеть часть руки с искусственным нарывом.

Генрих болел до конца жизни. 9 февраля 1589 года Кавриана пишет, что «у короля сильные боли из-за геморроя и он постоянно в постели». Генрих жаловался, что не может приказывать так, как того требуют обстоятельства, так как «когда болит голова,

страдают прочие части тела» (замечание, передающее жестокую правду в трагической обстановке 1589 года). Действительно, что делать, если так часто приходят болезни?

Врачи королевского дома ничего не могли поделать. Нам не известно ни одного из их имен, за исключением Эроарда (прославившегося позже, в качестве врача Людовика XIII). Всех хирургов двора затмил знаменитый Амбруаз Паре. Хоть Генрих и был вынужден прибегать к услугам врачей, у него не было никаких иллюзий в отношении возможностей врачебного искусства. В 1577 году он писал Суврэ, спрашивая новостей о его здоровье, так как тот лечился вдали от двора, Генрих добавлял: «Молю Бога, чтобы он сберег вас и забрал из рук этих несносных врачей… не знаю, как их назвать».

Крайняя неэффективность терапии объясняет пристальное внимание к нововведениям. Постепенно при дворе установилась импортированная из Италии практика кровопусканий. Там ее распространил итальянец Боталли, лечивший кардинала де Бирага и написавший трактат «О кровопускании». Генрих III должен был одним из первых испытать это «лекарство», так распространившееся в следующем веке. 16 сентября 1578 года один корреспондент Жана де Сен-Сюльписа ему сообщал: «В субботу Его Величеству пустили кровь, и это сделал хирург господина канцлера, так как король не хотел доверяться своим. Хирург не очень хорошего мнения о пущенной крови». Также широко применялась диета, несмотря на часто вызываемую слабость. Дипломаты сообщают, что Генрих и его жена покидали двор, чтобы соблюдать диету. Недостаток врачебных средств объясняет также распространенность водолечения. Генрих III и королева были прилежными курортниками.

Король решил прибегнуть к водолечению в 1580 году. В апреле 1580 года венецианец Приули пишет, что король собирается вместе с двором покинуть Париж, чтобы «привезти свою жену к водам Бурбонов и помочь ей иметь детей». В том же году он сам собирался поехать в Пломбьер и там пройти курс лечения. Он послал туда своего врача, но сам так и не приехал. Король с женой посещал три курорта — в Бурбон-Ланси, Пуг и Спа.

Воды бельгийского города были очень привлекательны, но столь эффективны, что их воздействие было очень тяжело переносить. Об этом свидетельствует письмо Генриха к Виллеруа, написанное в июле 1583 года. «На этот раз я исстрадался. Бог знает, как я выкарабкался. Мне еще так страшно, что я удивлен. Еще никогда я не испытывал такого недомогания за два часа. Полагаю, Спа может хорошо послужить другим, что касается

меня, с меня довольно. О! Как плохо, Виллеруа! Я думаю, это хуже, чем пытка».

Прекратив этот опыт, королевская чета направилась в Пуг и Бурбон-Ланси. В сентябре 1582 года король встретился с Луизой в Бурбоне и писал Виллеруа: «Сегодня я начал пить воды, и они дают мне отменный аппетит… Моя жена пьет их уже пять дней. На завтра у нас назначено купание». В сентябре 1583 года, после курса лечения в Спа, он вновь пребывает в Бурбон-Ланси вместе с королевой. В октябре 1584 года тосканец Бузини утверждает, что он очень доволен «фонтаном Невера», то есть Пугом, так как с его помощью смог вывести два камня. В июле 1586 года венецианцы сообщают, что Генрих собирается на лечение на воды Невера, а королева в Бурбон. 29 августа они же указывают, что Генрих продолжает лечение и «начинает чувствовать значительное облегчение». Забота Генриха III о своем здоровье не ускользнула от внимания его близких. Гак, Виллеруа писал французскому послу в Венеции 29 июня 1583 года: «Его Величество прекрасно себя чувствует и пьет свою воду лучше, чем самый заядлый пьяница Германии рейнское вино». Но главная причина такого увлечения водами страстное желание королевской четы иметь детей и, прежде всего, наследника. Во время их лечения в сентябре 1583 года королева-мать писала мадам де Немур, не скрывая своих надежд: «Король и королева никогда не были так здоровы, как сейчас. Если Господу будет угодно поместить ребенка в живот королевы, это избавит нас от всех бед».

Как и королева-мать, французы надеялись на дофина, но очень скоро они стали задаваться вопросом (историки продолжают это делать и сегодня), не является ли физическое состояние короля и королевы прямой причиной стерильности королевской четы. С 1584 года отсутствие наследника станет прямой причиной беспрецедентного в истории монархии политического кризиса, кульминационной точкой которого станет убийство короля.

Стерильность королевской четы

Впервые в истории королевского дома Франции королевская чета не могла иметь детей. Современники были искренне удивлены. Приводились различные объяснения, это было темой для обсуждения в многочисленных брошюрах. Прошло лишь несколько недель после свадьбы, а двор уже ожидал признаков беременности у королевы. 24 марта 1576 года венецианец Морозини заметил о слухе о недомогании молодой женщины,

«врачи говорят о беременности». Но 29 марта он же пишет, что то был ложный слух. 21 апреля он пишет: «Врач облегчил состояние королевы с помощью медикаментов. Он не верил, что она беременна, и дал ей несколько таблеток, что сняло недомогание, к большому неудовольствию Их Величеств».

Тем не менее 18 июля Морозини отмечает, что королева по-прежнему больна, и «вероятность беременности возрастает». Но после 1576 года упоминания о возможной беременности становятся все более редкими в депешах дипломатов. Общественное мнение ставило неуспех в вину прежде всего Генриху. Однако следует снять с него всю полноту ответственности. Бесспорно, королева Луиза забеременела в начале брака и могла забеременеть только от короля. Об этом свидетельствует канцлер Шеверни, один из приближенных короля, следовательно, хорошо информированный: «Несчастливое лекарство, которое ей дали, лишило ее ребенка, уже полностью сформировавшегося, как говорят сиделки». Эти слова согласовываются с приведенными выше строками Морозини. Эти два источника приводят к мысли, что у королевы был выкидыш, сделавший ее стерильной.

Итак, Генрих III смог зачать ребенка, однако именно на него обрушилось общественное мнение, а не на мягкую и добродетельную Луизу Лотарингскую. Король не имел внебрачных детей, и это усилило веру в виновность Генриха. Незаконнорожденные дети у знатных вельмож были распространенным явлением. Сам папа Григорий XIII без колебаний узаконил своего внебрачного сына Жиакомо и поручил нунцию Сальвиати информировать французский двор о его предстоящей женитьбе на Сфорзе ди Санта Фиоре, отец которой был побежден в битве при Монконтуре во главе понтификального отряда. Генрих III был исключением из правила, чем удивлял своих подданных. Однако в 1570 году, когда он был во власти мадмуазель де Руэ, прошел слух о ее беременности, в чем она была очень заинтересована. Гораздо позже, 24 июня 1587 года Кавриана рассказывает слух, согласно которому госпожа дю Берри имеет от него дочь, «которую он тайно воспитывает». Если это гак, то вполне возможно, что Генрих III не хотел ранить чувства королевы и вызывать ее гнев.

Хотя король и сделал королеву беременной в начале брака, он согласился на обследование. У него был небольшой недостаток в мужском половом члене. Об этом напрямик пишет тосканец Рениери 25 декабря 1580 года. «У короля конец члена закручен книзу, так что он не может выбросить сперму в матку, поэтому врачи решили подрезать его повыше». Однако такое

сложение не помешало королеве забеременеть. Кроме того, бесплодность усилий королевской четы относили за счет слишком большой нервозности короля. 11 мая 1584 года венецианцы пишут о самых интимных подробностях: «Уже несколько дней король пьет молоко ослицы в надежде, что эго поможет ему получить наследников, так как в результате своих слишком настойчивых усилий во время полового акта он выбрасывает семя слишком быстро, чтобы зачать ребенка. С помощью этого лекарства надеются уменьшить его пыл». Перед нами свидетельство, не оставляющее сомнений в мужской силе короля и наводящее на мысль, что, как говорила Екатерина, Генрих был «достойным эталоном». Отрывок из депеши венецианских послов от 27 сентября 1585 года показывает, что практически до конца своего правления Генрих продолжал исполнять супружеский долг: «Переехав в Буа де Венсен, король решил каждую ночь без перерыва спать с королевой, говоря своим приближенным, что перед войной с гугенотами за честь и славу Господа он хочет жить как истинный христианин, так как у него есть большая надежда получить в этом году наследника. Ему было дано пророчество, согласно которому тог, кто будет один править во Франции в 1586 году, в том же году получит потомство». Король сдержал слово, 5 декабря 1586 года венецианец Дольфен сообщал о слухах о возможной беременности королевы и добавлял: «Некоторые знатные господа полагают, что это вполне возможно, так как король спал с ней много ночей и гораздо чаще, чем когда бы то ни было».

Итак, если Генрих с завидным постоянством исполнял свой супружеский долг, то в бездетности королевской семьи виновата скорее королева Луиза. Многие готовы были это признать, особенно за границей. После смерти герцога Алансонского в 1584 году кардинал Гранвель полагал, что надо бережно относиться к Генриху III, так как, если он откажется от своей жены и женится на другой, он сможет иметь наследника. Испании было выгоднее, чтобы король Франции не имел наследников: Филипп II мог воспользоваться французскими католиками в интересах своей политики. В конце концов Генрих III поверил, что в бездетности виновата королева. Об этом пишут венецианцы 25 мая 1584 года. Екатерина упрекала сына в том, что он живет слишком обособленно, часто спит отдельно от жены, на что король ответил, что виноват в этом не он, а правящая королева. При этих словах присутствующая здесь Луиза горько расплакалась. Подобным ответом Генрих признавал свое неудовольствие и разочарование. То, что он интересовался гинекологией, доказывает присутствие в его библиотеке книги Гиппократа,

вышедшей в Париже в 1585 году.

Очень чувствительная и деликатная, Луиза полагала, что всему виной ее здоровье. В августе 1576 года она намекала на свое состояние в письме мадам де Немур: «Что касается слухов, будто я беременна, боюсь, эго неправда. Это случится, когда будет угодно Господу». Через два года после свадьбы с Генрихом безуспешность ее матримониальных надежд так подействовала на нее, что, по свидетельству одного кавалера, в ноябре 1577 года «ей было все хуже и хуже». Перспектива быть отвергнутой так ужасала ее, что лишь новые надежды на материнство придавали ей сил, и она вновь блистала.

Нет ничего удивительного в том, что ей советовали обратиться к услугам иностранных врачей, находящихся при дворе, и всякого рода лекарствам. 20 марта 1580 года Генрих де Гиз, еще не помышлявший сменить на престоле Генриха III, посоветовал ей использовать врача из Дофине, уверяя ее, что с его помощью в течение года у нее появится ребенок. 12 мая 1586 года венецианец Дольфен сообщает нам: «Из Лангедока приехала какая-то женщина, она предложила королеве приготовить несколько ванн и передать особые травы и убедила, что королева сможет иметь детей. Королева согласилась провести опыт, движимая страстным желанием дать королевству наследника».

Интересно упоминание Дольфена о заботливости Генриха к своей жене, сделанное 5 июня 1587 года: «Королева в постели с большой температурой, которая отнимает у нее много сил… Король почти весь день проводит рядом с ней, стараясь нежными словами вернуть ее мужество». Но недомогания Луизы продолжались. 3 сентября тог же венецианец пишет: «У королевы продолжаются приступы температуры, что ее сильно беспокоит, но она продолжает появляться на публике. С каждым днем она все больше слабеет и худеет, и врачи полагают, что ей недолго осталось жить».

Вопрос ответственности за бездетность был не из легких. Самым легким для короля, а не для королевы — решением был бы выбор новой партнерши для Генриха. Вероятно, такой эксперимент был проведен. В ноябре 1584 года Бузини пишет: «По очень большому секрету мне передали, что король привез из Лиона 18-летнюю девушку необычайной красоты, и она в Буа де Венсен с мадам д Ангулем. Полагают, это сделано, чтобы узнать, кто виноват в том, что у короля нет сына, он сам или его жена». Возможно, это организовала его внебрачная сестра Диана, герцогиня Ангулемская. В январе 1586 года английский дипломат Стеффорд передает государственному секретарю Уолсингейму, что королева-мать «печальна уже три дня, так как она получила

тайное уведомление о том, что от короля зачала ребенка дочь мадам д'Эстре, но я не думаю, что он решится на такое». Что же было в действительности? Идет ли речь о будущей любовнице Генриха IV, Габриэлле д'Эстре? Если да, то случай довольно пикантный. Однако следует осторожно относиться к свидетельствам Бузини и Стеффорда, так как в 1582 году король поклялся не иметь никаких отношений с другими женщинами, кроме своей жены. Поэтому трудно поверить в сексуальную связь короля с другой, особенно принимая во внимание его сильно возросшую набожность в тот период.

Как бы там ни было, при дворе верили в стерильность короля. Положение ухудшало обвинение в болезни сифилисом, хотя оно и было ложным.

Но поскольку уже воспринималось как догма то, что Генрих был единственной причиной бездетности королевской четы, то находились люди, полагавшие, что королева должна исполнить свой долг и подарить Франции наследника престола. Не было недостатка в дворянах, готовых отдать себя святому делу избавления от новой гражданской войны, которую грозил спровоцировать казавшийся неизбежным кризис с наследованием престола. Многие при дворе полагали, что таким образом королева свершит акт спасения. Чрезвычайно привлекательная и соблазнительная, королева Луиза была в высшей степени добродетельна и предана своему супругу. Но, кажется, нашелся один храбрец, чтобы взяться за сомнительное предприятие. Фаворит Генриха III Франсуа д'Эспинэ, господин Сен-Люк, в феврале 1580 года резко попал в немилость короля. По словам Бассомпьера, однажды вечером Генрих попросил его передать королеве, чтобы она его сегодня не ждала. Сен-Люк решил воспользоваться случаем и предстал перед Луизой в слишком вольном костюме, чтобы можно было ошибиться в его намерениях. Королева смутилась и пожаловалась мужу. Если свидетельство справедливо, тогда становится понятной неожиданная отставка Сен-Люка.

Но каким бы ни было желание супругов иметь детей, они не захотели воспользоваться анормальными путями или нарушить моральные и религиозные нормы, которые обязаны соблюдать супруги-христиане. Их надежды на божественное вмешательство, особенно на помощь Богоматери, свидетельствуют об очень глубокой, истинной набожности. Она явилась причиной их многочисленных паломничеств и проявлений благочестия, которые они совершили, надеясь на благословенье Господа.

Паломничества королевской четы

Точные сведения, полученные от венецианских дипломатов, а также от Л'Эстуаля, рассказывают нам, в каких обстоятельствах король с королевой стали паломниками из-за отсутствия детей. С 1579 года они посещали многие святые места и продолжали эту практику до декабря 1586 года. Так, тосканец Сарацени пишет 3 февраля 1579 года, что король и королева отправятся из Олленвиля в Шартр — Л'Эстуаль это подтверждает, но для одного Генриха. Но Л'Эстуаль был убежден в бесплодии как короля, так и королевы, о чем свидетельствует отрывок из его Журнала за сентябрь 1580 года, касающийся лечения королевы в Бурбон-Ланси: «Ничего не помогало, даже паломничества, которые считаются проявлением чрезвычайной добродетельности, с чем король и королева прекрасно справились». После более чем годичного перерыва супруги вновь отправились в дорогу. 26 января 1582 года королева Луиза объявила о своем желании лично направиться в Шартр, в то время как по всему королевству шли публичные молебны и религиозные процессии, чтобы убедить небо даровать Франции дофина. Венецианцы рассказывают, что королева вышла пешком и вернулась 9 февраля, «несмотря на дождь и глубокие лужи». Она проделала путешествие «с большой набожностью, ни разу не заговорив в пути. Она шла 7 дней, проделав 20 лье». Король собирался пройти тот же путь за два дня, но «он вернулся таким уставшим, что сразу же лег в постель и принял лекарство. Из всех сопровождавших его принцев только герцог де Гиз продолжал путь пешком, остальные уже на полдороге падали от усталости». Венецианец Моро писал 15 апреля 1582 года: «Этим утром король и королева неожиданно отправились в храм Богоматери в Шартре, что в 20 лье отсюда. Король решил перенести все тяготы путешествия пешком, королева же располагала каретой». На следующий год королева поехала в собор Богоматери в Лиесс, «в 7 днях отсюда, и ее возвращение ожидается со дня на день», — пишет Моро 4 февраля. Английский дипломат, в свою очередь, сообщает 27 апреля о решении короля и королевы поехать в собор Богоматери в Эпин, недалеко от Шалона, по случаю путешествия, которое они собираются предпринять к водам Спа. 29 апреля Моро в деталях описывает перипетии нового паломничества короля в Шартр, «откуда он не вынес хорошего настроения из-за неудобств путешествия, так как он проделал его пешком, делая более 8 лье в день, что очень много, особенно принимая во внимание палящее солнце, стоявшее на небе все эти дни. Кроме того, у него болела нога, сегодня выздоровевшая».

Генрих никогда не уставал посещать святые места Богоматери и в сентябре 1583 года он посетил собор Богоматери в Клери, затем в Шартре, но свидетельству того же Моро. «9 марта 1584 года король вновь покидает Париж, — пишет Л'Эстуаль, — в сопровождении 47 кающихся молодых людей, способных проделать путь пешком». Благодаря венецианцам мы знаем больше: «Король вернулся 22-го числа, проведя в дороге 13 дней, он прошел около 80 лье в одежде кающегося грешника…В каждой церкви он проводил но несколько часов на коленях, особенно в Шартре. Каждое утро он причащался с такой набожностью и смирением, что присутствующие при этом были очень удивлены и смущены. По возвращении он провел два дня в уединении и один день в постели, так как в этом путешествии он повредил себе ногу проносившейся обувью, которую не хотел снимать до конца паломничества».

26 марта 1586 года, на следующий день после праздника Благовещения, Генрих III выехал из Парижа в сопровождении примерно 60 спутников. 11 апреля венецианцы сообщили о возвращении короля из его паломничества: «Он ушел и вернулся пешком, хотя все время шел дождь. Король мало ел и мало и плохо спал. Многие его спутники остались на дороге больными. Из 8 капуцинов один умирает, из 64 дворян (включая кардиналов де Жуаез и де Вандом) лишь 14 вернулись вместе с ним, остальные частью отстали в пути, частью прибыли раньше короля в повозках, не в силах вынести тяжести таких лишений». Наконец, король пожелал, чтобы в дороге никто не разговаривал и не произносил ни слова, за исключением: Господь с вами, с Божьей помощью и Слава Господу.

В последний раз королевская семья посетила Шартр в декабре 1586 года. Дольфен пишет, что когда королева Луиза приехала в Шартр, ей пришлось сохранять постельный режим, так как ее знобило и поднялась температура, что дало повод к разговорам о ее беременности. Вернувшись в Париж, король, как рассказывает Л'Эстуаль, отправился к капуцинам помолиться Господу и поблагодарить его за то, что, как он думал, королева была беременна. Через три или четыре дня выяснилось, что волнения оказались напрасны, к большому сожалению и неудовольствию короля и радости Лиги.

Итак, заслуживающее уважения постоянство супругов ни к чему не привело и лишь повлияло на их физическое состояние. Эти походы не имели бы никакого значения, если бы при этом король не приблизился к королеве. Генрих III очень глубоко переживал отсутствие наследника и не переставал думать о том, что будет, если у него так и не появятся дети и вместе с ним

исчезнет династия.

Подавленность Генриха III и его обращение к богу

Вероятно, с 1578 года Генрих III начал задаваться вопросом, будут ли у него когда-нибудь наследники. 14 марта в длинном письме к Мовиссьеру, своему послу в Лондоне, он добавлял, что его личное отношение к брату не изменилось.

«Если Господу будет угодно подарить мне детей» — так сказал Генрих, задумавшись, ответит ли небо на его призыв. Само собой разумеется, он рассматривал последствия бездетности королевской семьи не как простой человек, а как король. Пока был жив тот, кто называл себя его «истинным наследником», король знал, что чрезмерные амбиции его брата для него источник многих серьезных, но все же разрешимых проблем, В тот день, когда умер герцог Анжуйский, отсутствие прямого наследника вызвало настоящий политический кризис. Единственным законным наследником оказался король Генрих Наваррский. Этот дальний кузен происходил от шестого сына Сен Луи, Робера, графа де Клермон-ан-Бовези, родоначальника дома Бурбонов. Кроме того, он был еретиком. Когда стало ясно, что смерть Франсуа вопрос нескольких недель, Генрих был глубоко задет мыслью о признании своим наследником Беарнца. Так, он писал Виллеруа в апреле 1584 года: «Я прочел то, что вы написали о короле Наваррском. Признаюсь, кровь бросилась мне в лицо, когда я увидел, что наследующий мое королевство хочет кичиться тем, что я не собираюсь ему передавать. Ни за что на свете я не дам ему имени. Мой разум и душу ранит мысль о том, что наследник, не являющийся ни моим братом, ни сыном, уже в таком почете, что хочет продемонстрировать это. Все происходит так, будто он занял место в моем сердце. Мне надо беречь себя как никогда ранее, что я и намерен делать». Смерть Монсеньора была решена, и теперь больше говорили об имени, которое будет носить новый наследник. Как мы видели, король решительно отказался сделать это, так как речь шла об отлученном от церкви еретике, и сам король еще не потерял надежду иметь дофина.

Чем не менее, несмотря на свои интимные чувства, проявившиеся в письме к Виллеруа, Генрих III чувствовал себя связанным правилами передачи короны. Доказательством тому может служить любопытный диалог, о котором рассказывает Л'Эстуаль в сентябре 1584 года, между королем и кардиналом де Бурбоном, дядей Генриха Наваррского. Король спросил прелата, надеется ли он обойти своего племянника и надеть корону.

Кардинал ответил утвердительно. «Друг мой, — продолжал Генрих, — возможно, вам отдаст ее Шателе, но двор отнимет». Если Шателе, то есть Париж, выступит в пользу старого кардинала, то двор, то есть Парламент, хранитель основных законов, вне всяких сомнений, встанет на сторону его племянника, единственного законного наследника короны.

Некоторые люди из окружения короля разделяли его тревогу и старались внушить ему надежду. Архиепископ Тулузы и посол короля в Риме, Поль де Фуа — получивший задание добиться от папы распоряжения на организацию публичных проповедей, чтобы у королевской семьи появился сын написал Генриху 22 января. Он говорил, что его собственные родители ждали 10 лет, прежде чем их терпение было вознаграждено, и напоминал, что у Генриха перед глазами примеры, когда несколько бездетных семей при дворе в конце концов осуществили желаемое: граф де Фиеск из дома королевы и его жена получили сына после того, как поклялись дать своему ребенку в крестные бедных людей. Собственный брат королевы, герцог де Меркер, тоже получил сына благодаря вмешательству святого Франциска Ассизского.

Но счастье других служит слабым утешением для того, кому отказала судьба. Гак, у Генриха III наступил настоящий моральный кризис, о природе которого современники короля в большинстве своем составили неверное впечатление. Он начался в середине 1582 года. В июле английский дипломат отмечал его склонность к меланхолии. 15-го числа того же месяца тосканец Альбертани писал, что король во власти мрачного настроения, и опасался возможного безумия или трагической смерти. В предыдущем месяце, 23 июня нунций Кастелли заметил, что Генрих выглядит все хуже и хуже, что доказывает определенную физическую нестабильность. Он предпочитал жить вне двора и Парижа, чтобы со своей женой в Фонтенбло насладиться удовольствиями уединения, как сообщают нам венецианцы 3 мая и 29 июня 1582 года. К этому периоду депрессии относится стихотворение Филиппа Деспорта, датированное 1583 годом, «Грустная песнь о короле Генрихе III в Фонтенбло».

В конце концов Генрих III вернулся к душевному равновесию и миру благодаря искренней и глубокой вере, чему давал доказательства с раннего детства. В 1582 году он обратился к исповеди. В апреле нунций Кастелли сообщил в Рим, что король желает исповедника-иезуита.

Речь шла об отце Клоде Матье. Несмотря на свои обязанности и частую смену мест, нунций не стал противодействовать этому указанию, поскольку король исповедовался ему почти всю жизнь. Тот же Кастелли пишет 5 июля, что король «очень склонен к

набожности». Этот прелат, ученик Шарля Борроме, всего несколько месяцев находился в Париже и счел необходимым поговорить о бездетности королевской четы с предсказателем двора, Роз. Но мнению последнего, бесплодие было результатом грехов короля. Единственным лекарством оставалась исповедь с причастием, чтобы король примирился с Богом. так объясняется обет короля делить постель только со своей женой, о чем свидетельствует тосканец Альбертани 15 июля.

Отныне в мире с самим собой, заменив отца Матье на отца Эдмонда Ожера, Генрих III, по крайней мере на некоторое время, восстановил душевное равновесие с помощью новой, скрупулезной религиозной жизни, часто отсутствовавшей в предыдущие годы. Ценное свидетельство гугенота Дюплесси-Морне, посланного к Генриху королем Наваррским, кажется, доказывает то, что короле, наконец ясно оценил свое будущее и своего наследника. Король не стал скрывать, что в вопросе потомства он полагается на Господа. Ясно, что для такого верующего человека, как Генрих III, вера в провидение и доверие к решениям Господа могли только успокоить короля. «Такое полное подчинение Генриха III божественной воле стало неотъемлемой частью его личности», — не без причины писала мадам Ж. Буше. Такое отношение к жизни Генрих сохранил до конца своих дней. Во время одной из последних молитв, произнесенных вслух, на смертном одре, он воскликнул: «Господь, если, по Твоему мнению, моя жизнь будет полезна для моего народа и государства, тогда сохрани меня и продли мои дни. Если же нет, возьми мое тело и спаси мою душу и пошли ее в рай. Да будет исполнена Твоя воля».

Эта волнующая молитва подлинна, так как находится в свидетельстве о смерти короля, составленном 3 августа 1589 года государственным секретарем Рюзе и подписанном многочисленными свидетелями его последних мгновений жизни. Она подтверждает, что Генрих III смог отойти от условностей земной жизни и, несмотря на физическую хрупкость, накопил солидный духовный багаж, в каком-то смысле венчающий данные ему от природы прекрасные умственные способности.

Умственные способности Генриха III

Генрих был наделен великолепным умом. Один из его секретарей, Жюль Гассо, говорит: «Господь дал ему удивительную память и божественное понимание». Канцлер де Шеверни пишет, что у короля был «очень ясный ум, правильные концепции и

хорошая память». В беседе со своим секретарем Жираром о том, кому он был всем обязан, герцог д'Эпернон сказал о своем бывшем господине, что он обладал «очень тонким умом». Такой заклятый враг короля, как Савуайяр Р. де Люсенж, тем не менее свидетельствует, что «Его Величество превосходит всех людей, когда хочет применить свой ум». Наставник Генриха, Жак Амийо, уточняет в письме от 12 сентября 1577 года к Понтусу де Тиар: «Я очень рад, что вы убедились на практике в справедливости моих слов о его способности к рассуждениям, унаследованной им от его деда, короля Франциска, хотевшего знать и понимать все возвышенное. Я имел честь показать ему первые буквы, но я никогда не управлял умом ребенка, который, как мне казалось, мог стать ученым человеком, если бы он продолжил начатое мною».

Кроме способности к рассуждениям, «он обладал терпением слушать, читать и писать, чего не мог делать его дед», добавлял Амийо. Но после назначения на пост генерал-лейтенанта герцог Анжуйский прекратил свое обучение, о чем тот же Амийо сожалеет в своем письме. Став королем Полыни, Генрих почувствовал необходимость вновь заняться изучением латинского и итальянского языков. Кто канцлер и врач были вынуждены говорить на латинском языке с представителями Польши вместо него. Вернувшись во Францию, он собирался продолжать свое образование. Л'Эстуаль рассказывает о насмешках парижан над королем, который «читает грамматику и учится склонениям». Генриха не заботило то, что думают по этому поводу его подданные, и он хотел видеть вокруг себя образованных людей, способных увеличить его знания. Точные науки его интересовали так же, как и литература, и он назначил Жака Дави дю Перрона своим личным учителем но литературе, математике и философии. Желание короля учиться было столь велико, что он писал Виллеруа в сентябре 1579 года из Олленвиля: рассмотрев дела и отправив курьера, я «буду учиться». Любопытно отметить, что он интересовался памятью и способами расширить ее. По этой причине король разыскивал доминиканца Джордано Бруно, посетившего Париж в 1582 году. Когда обвиненный в ереси Бруно предстал перед инквизицией, отправившей его на костер, он так объяснил свои отношения с Генрихом III: «Однажды король прислал за мной и спросил, природно ли искусство запоминания, которое я преподаю, или получено магическим путем… Я объяснил, что это результат научной деятельности. После этого я опубликовал книгу о памяти «О призраках идей» и посвятил ее Его Величеству. Король сделал меня временным лектором, и я читал лекции в городе около 5

лет». Другие писатели тоже посвящали свои работы монарху, любящему литературу и науки. Они поступали так не только из лести. Они знали, что их произведения вызовут интерес человека с широким взглядом на вещи: Генрих даже просил многих гуманистов перевести латинских авторов. Некоторые из авторов передавали ему свои работы без его просьбы, зная, что они будут хорошо приняты.

Самообразование через чтение и помощь авторам было не единственным видом умственной деятельности Генриха III. Кроме того, он любил вести беседы с умными и образованными людьми. Пример в этом ему подавала мать, окружившая себя, как рассказывает Брантом, красивыми и благонравными девушками, с которыми «каждый день в ее передней вела умные и скромные беседы». Среди ее придворных дам была мадам де Данпьер, мать мадам де Рец и родственница Брантома. Она находилась при дворе с начала правления «великого короля Франциска» и была, как рассказывает Брантом, «настоящей книгой записей двора».

В таком кругу умных людей Генрих III чувствовал себя вполне в своей тарелке, так как любил жить в обществе, за исключением тех периодов, когда ему было необходимо одиночество. Король владел искусством красноречия, иронии и шутки. Д'Обинье, столь сокрушительно разгромивший короля в «Трагиках», соглашался, что «принц вел приятные разговоры со своими близкими». Брантом рассказывает, что, когда Генрих III по болезни был вынужден оставаться в постели, он приглашал к себе в комнату несколько человек для беседы. Брантом не скрывает восхищения перед словесными состязаниями, которым предавался король со своей сестрой Маргаритой, обладавшей не менее живым умом. Генрих III не всегда оставался приветливым и не мог устоять перед соблазном бросить острое словцо. Так, второй принц де Конде ничего не получивший от своего отца и побежденный при Жарнаке был назван Генрихом «Гектором гугенотов». Не обошел он вниманием и своего собственного брата, высмеяв его в феврале 1583 года в связи с его попытками стать монархом Нидерландов: «Мой брат завоеватель»; в одном письме к Виллеруа он называет его «образиной». Король любил шутить с фаворитами и родственниками. Маркиз де Бове-Нанжи, бывший у него в немилости, сразу понял, что ветер подул в обратную сторону, когда Генрих III «начал снова шутить с ним, как раньше». Но если Генрих и любил шутки, то из-за своего обнаженного самолюбия он не переносил, чтобы они относились к нему самому, за тем редким исключением, когда они носили самую глупую и приятную форму. Д'Обинье говорит, что капитан Шико, фигурировавший в королевских счетах за 1585 год в качестве

шута Его Величества, изображал сумасшедшего «когда хотел». Одно из его высказываний, переданное нам Р. де Люсенжем в декабре 1585 года, хорошо показывает, какую он имел власть над умом своего господина: «Ты самый несчастный человек в мире, я тоже. Ты потому, что все твои подданные смеются над гобой, и, родившись великим королем, ты будешь самым незначительным королем Франции, так как, пока ты изображаешь из себя набожного монаха, скажут, что есть свой король в Шампани, в Лангедоке, в Гаскони, и наденут тебе на голову монашескую рясу. Я же буду несчастным, потому что мне дадут пинком под зад». Действительно, Гиз был хозяином Шампани, Дамвиль Лангедока, Беарнец Гаскони. Генрих III сумел оценить такие удивительные, но справедливые слова. Шико сделал карьеру благодаря своему уму и в марте 1584 года король пожаловал ему дворянство, несмотря на оппозицию господина де Николэ. Генрих не забывал и об иронии, следы которой мы находим в его письмах. Некоторые из них были для него поводом поиграть комедию, на что корреспонденты отвечали в том же духе. Долгое время он старался всех убедить, что горит от страсти к герцогине д'Юзэ, которой было 60 лег. В молодости она много практиковалась в остроумии и обладала не менее живым умом, чем ее высокий корреспондент. Она не приняла всерьез любовные письма короля. Некоторые из них, написанные, вероятно, около 1580 1584 годов, находятся в Национальной Библиотеке в отделе рукописей за № 3381. Вот отрывок из них: «Моя добрая подруга, старая, старая и все же прекрасная, прекрасная! Сообщите мне новости о моей матери. Только тогда я живу счастливо, когда знаю, что она хорошо себя чувствует. Сделайте так, чтобы она приятно провела время и я нашел ее выздоровевшей. Что касается вас, то я убежден, что вы хорошееете, когда хотите, и что к вам придет желание уничтожить всех женщин, ограбивших аптекаря, да простит им Господь! Если вы желаете письма с репрессивными мерами, чтобы не наказывать вас (?) слишком сильно. Ответ без этого, я знаю, был бы мне скучен. Чувствую себя очень хорошо. Прощайте».

Два из таких писем заканчиваются рифмой, несколько пикантной, в адрес мадам д'Юзэ:

Ваша седая борода
слишком густа
И в это время
заставляет вас потеть
Смотрите же, чтоб не воняла!

Вторая концовка более приятна:

Года разрушают дома
А на вас не влияли никак
До сих пор. Но смотрите
Не покажите на лице бесконечные лета.

В XVI веке не знали о показной стыдливости и буржуазном ригоризме, царившими в XIX веке. Этим объясняется то, с каким замешательством издатели опубликовали эти письма в «Историческом кабинете» («Кабине историк») в 1873 году. Мадам д'Юзэ вовсе не была недотрогой и проповедовала культ Венеры. Близкая подруга Екатерины, она составила ей компанию, когда та возвращала королеву Маргариту к ее супругу, королю Наваррскому. По этому поводу мадам д'Юзэ писала королю, в то время как Маргарита находилась в Бордо, готовясь вновь увлечь супруга: «Уже три дня, как она закрылась. С нею всего три горничные, одна с мечом, другая с тестом, третья с огнем, она все время в воде, белая как лилия, благоухающая как бальзам, трется и натирается, так что о ней можно сказать — ведьма с шармом… Когда мы увидим ее мужа, я вам опишу все, что произойдет после этого письма».

Итак, Генрих III любил пошутить как в узком, так и в широком кругу, иногда даже перегибая палку. Так, в апреле 1587 года Л'Эстуаль осторожно рассказывает об одном случае. Сообщив о присутствии короля на одной процессии, хроникер добавляет: «Прошел слух, что, выйдя оттуда, он сказал (будто посмеиваясь над всем этим притворством): «Вот хлыст для моих членов Лиги», показывая свои большие четки. Его переписка часто скрывала замаскированные стрелы в адрес священников, не отвечавших на его просьбы о предоставлении средств и ставивших у него на пути всевозможные барьеры. В июле 1585 года он отправляет Виллеруа «ответ старого красного берета», а в 1582 году пишет: «Вся скотина наконец на дворе». Летом 1582 года он не скрывает своей неприязни к брату: «Из-за этой морды мы скорее начнем войну и потеряем и королевство, и честь, и все. Странно, сколько эта образина заставляет нас терять».

Он очень не любил, когда его обманывали, и без колебаний карал авторов лживых измышлений. Отказываясь поручить командование Бриссаку, в пользу которого высказывались некоторые придворные, он назвал их в письме к Виллеруа «людьми, которые думают усыпить лесную мышь». Его последняя фраза носит истинно королевский характер: «Прочие не имеют никакого значения, и мы не говорим об этом», заключает он,

подразумевая себя и мать. Екатерина Медичи сожалела, что у ее сына ирония и насмешки иногда переходили границы. В письме от 5 октября 1575 года она рекомендовала ему не злоупотреблять своими отношениями с людьми, в какой бы компании он ни находился. Видимо, Генрих не послушался этого мудрого совета. В апреле 1583 года Генрих удалил от двора свою сестру Маргариту и поместил ее в своем замке в Оверни. Он писал Виллеруа: «Я не буду спокоен до тех пор, пока она не исчезнет с глаз моих». Королева Наваррская, уже давно настроенная враждебно к брату, отныне стала его заклятым врагом и распространяла все лживые сказки его недоброжелателей. Позже, в 1587 году, король в письме к Виллеруа нападает на герцогиню де Монпансье, давно бывшую его непримиримым противником. Имея свои недостатки, Генрих часто был слишком желчным и не умел сдерживаться. Но когда он брал слово перед общественным собранием, обычный человек стирался перед королем и он блистал своими интеллектуальными способностями, практически делавшими из него исключение среди современных ему принцев.

Обладая прекрасной памятью, Генрих говорил очень легко и был прирожденным оратором. На это никто не обращал никакого внимания до 1574 года. Однако Брантом передает содержание его импровизированной речи к маршалу Бирону, намеревавшемуся захватить Ля-Рошель. Бирон попросил герцога Анжуйского присоединиться к нему, давая ложные заверения о неизбежности сдачи города: «Я прибыл туда и не увидел никаких изменений. Я пришел, поверив вам, что буду хозяином положения… Вы продержали меня пять месяцев. Теперь, когда я могу выйти с честью из сложившейся ситуации, вы предлагаете остаться здесь и одержать победу и получить почести за моей спиной! Я научу вас, как играть в большого военачальника за мой счет!»

В другой раз король отчитал в Лувре канцлера своей сестры Пибрака за его политическую недобросовестность. Если верить словам де Ту в его «Мемуарах», Пибрак был неравнодушен к Маргарите и, живя своими чувствами, не информировал короля о сложном положении в провинциях юго-запада, так как королева Наваррская сумела скрыть от него правду. Король строго отчитал Пибрака за сокрытие истины перед всеми дворянами дома. Пибрак был настолько потрясен, что долгое время воздерживался от посещения Лувра.

Зная о своих ораторских способностях, Генрих использовал их в политических целях. До своего восхождения на престол он любил с тем же самым Пибраком поупражняться в способах убеждения аудитории. Некоторые писатели даже написали для него специальные работы о красноречии. Амийо говорит в «Плане

королевского красноречия», что цель данной работы — рассказать об искусстве управления людьми с помощью слов. Итальянец Камю Джулио написал для Генриха III «Законы риторики». Это сокращенное изложение приемов ораторского искусства. Возможно, «Введение в риторику, или Трактат о красноречии», находящийся в записках Дю Перрона, тоже происходит от желания доставить удовольствие королю. Как бы там ни было, Генрих не жалел слов во время всего своего правления. Конечно, он не был исключением, к тому его вынуждало положение. Речь, произнесенная им на открытии Генеральных Штатов в 1576 году, в основном обязана перу Морвиллье. На заседаниях 1588 года большую часть написал Дю Перрон. Согласно Таллеману де Рео, Деспорт дал Генриху III некоего Отрона, «которого Его Величество использовал для составления торжественных речей». Однако, хотя Генрих и пользовался подготовленными для него текстами, он просматривал их и вносил свои поправки. Вот что говорит Дю Перрон, проработавший две ночи над составлением торжественной речи по случаю открытия Генеральных Штатов в 1588 году: «Король решил не произносить ее в том виде, в каком она была ему подана. Он выбрал основные положения, расширил их и изменил по своему усмотрению». Никто не оспаривал тот факт, что красноречие короля производило сильное впечатление. Оно очень отличалось от манеры говорить у священнослужителей, завуалированной, витиеватой и усыпляющей. Разница между речами короля и следующими за ним ораторами была столь велика, что слушатели не могли не заметить ее. Во время заседания Штатов в Блуа 6 декабря 1576 года Сен-Сюльпис констатировал: «Король произнес такую великолепную речь, какую только можно себе представить, и все были ошеломлены». Депутат от духовенства, Гийом де Тэ, также говорит: «Король произнес такую изумительную и умную речь, подобной которой никто никогда не слышал, речь не короля, а одного из величайших ораторов. Она была так изящна, убедительна и мягка, что у многих вызвала слезы, и я не хочу исключать себя из числа этих людей». После Генриха слово взял канцлер де Бираг, но говорил так долго и тяжело, что лишь подчеркнул успех короля. Было ли это подготовлено или носило случайный характер, но достигло цели. Гийом де Тэ продолжал оценивать выступления монарха. Так, он восхищался ответом короля архиепископу Лиона. Генрих III «рассказал ему дословно все свои предложения так четко и в таких изысканных выражениях, что я не знаю сегодня более ученого и умелого риторика, чем он».

Генрих III хорошо умел пользоваться своими

исключительными ораторскими способностями. Он использовал их в политических целях, будь то перед городом Парижем (чтобы получить деньги), Парламентом, ассамблеями дворян или собранием теологов. Л'Эстуаль, который часто был критичен по отношению к нему, благоприятно отзывается о его выступлениях. 7 марта 1583 года король показал Парламенту «своей красивой и прекрасно составленной речью», какую он несет ношу дел. Когда 10 января 1583 года он сообщил о своем решении напасть на гугенотов, «его речь была встречена с радостью и одобрением», но прево торговцев и прочие городские власти стали воротить нос, услышав, что король просит 600 000 ливров. Какой бы эффективной ни была риторика, она приобретает горький привкус, когда ее главной целью является получение денег от аудитории. 30 декабря 1587 года перед Парламентом и факультетом теологии король выступил с речью против лживых проповедей, которые читали против него некоторые кюре Парижа. Еще более замечательна речь, почти клятва, произнесенная им 5 апреля 1587 года в большом зале августинцев в Париже. По окончании процессии по городу с мольбой к небу даровать ему дофина «Его Величество поднялся на кафедру, рассказал народу о трудностях, возникших в королевстве из-за отсутствия прямого наследника, и о том, что некоторые собираются сражаться за корону, но он еще достаточно молод, чтобы иметь потомство… Но если все же этого не случиться, он объявляет дом Бурбонов истинным и законным наследником короны Франции… и если короля Наваррского и прочих будут обвинять в следовании их религии, то есть еще господа кардиналы де Бурбон и де Вандом, принц де Конти и граф де Суассон, которые всегда оставались католиками. Король просил подданных уважать их и почитать как истинных и законных наследников короны». Так рассказывает синдик Каэна городским советникам в письме от 10 апреля 1587 года. Так, Генрих III публично заявил о своем мнении в основном вопросе передачи короны. Он понял необходимость повлиять на общественное мнение и постарался поставить его на свою сторону. Среди разыгравшейся бури страстей он защищал единственно возможную, ясную и неоспоримую политику. То, что его не услышали и не последовали за ним, нисколько не умаляет его заслуг, так же, как нельзя забывать, что он выполнил все свои обязанности государственного мужа. И если он сделал это, то лишь благодаря своим личным качествам, и, вопреки легенде, он был монархом, достойным этого титула.

Генрих III и королевские обязанности

Противники последнего Валуа видели в нем подставного короля, заботящегося только о своих удовольствиях и удовлетворении своих эксцентричных вкусов. По их мнению, Генрих был коронованным «снобом», не способным исполнять возложенные на него обязанности и, больше того, не имевшим никакого желания делать это. Что можно думать о принце, который только и имеет энергии, что на балет, умиляется при виде маленьких собачек и опускается до таких детских игр, как бильбоке? Однако если помнить о Генрихе только это, значит останавливаться лишь на ничтожных аспектах его жизни. Генрих Валуа, и это доказано, был государственным мужем. Нужно ли напоминать о том, что в возрасте 16 лет он исполнял обязанности генерал-лейтенанта? Будучи умным человеком, он надеялся применить свои дарования прежде всего в деле управления. Общество смеялось над этим. Но кинжал убийц не делал никакого различия между такими разными людьми, как Генрих III, Вильгельм Оранский Генрих IV.

Нет ничего удивительного, что король командовал, будучи первым господином королевства. Каждый хозяин поступал так по отношению к своим подчиненным, так как они были прежде всего его слугами, а потом уже короля. Почему же Генрих искал в книгах подтверждения права, неотъемлемого от его положения? С момента своего избрания королем Польши он хотел побольше узнать об этом. Во время путешествия по Германии он просил Пибрака и герцога де Невера обсуждать с ним политические вопросы. Среди прочих Пибрак комментировал ему Аристотеля и писал королеве: «Иногда король берет на себя труд рассказать го, что слышал, и, поскольку у него прекрасная память, от него мало что ускользает, чему я имею, Мадам, совсем недавний пример».

В 1576 году Луи де Руа, профессор Коллеж де Франс, посвятил ему новый перевод «Политики» Аристотеля и напомнил о его интересе к этому труду, надеясь, что король иногда будет изъявлять желание почитать книгу. Действительно, Генрих III стремился расширить свои познания в области политики. Интересно отметить, что по его просьбе в 1583 году, перед ассамблеей дворянства в Сен-Жермен, были написаны такие работы, как «Трактат о всех Штатах в Испании», «о расходах и доходах оных» (полная картина ресурсов Филиппа II), «Об истории созыва трех Генеральных Штатов Франции», наконец, «Об основах государства и способах правления». Магистрат Клод Фоше написал «Историю званий и должностных лиц», а также «Историю дворянства, гербов и геральдики». Если верить господину де Ля Луетт, король начал описание своего собственного правления и закончил бы его, если бы не внезапная

смерть. Но каковыми бы ни были намерения короля, общественное мнение с презрением относилось к ним и ставило их ему в вину. Если он интересовался политическими теориями, то потому, что был последователем Макиавелли. От Давиля (отец которого служил Екатерине) мы знаем, что Генрих просил своего чтеца Корбинелли и другого итальянца, гуманиста дель Бене, читать и интерпретировать Тацита и Полибия, а также «Князя» и «Беседы» Макиавелли. Корбинелли занялся изучением теорий флорентийца, но это не доказывает, что он был его последователем. «Князь» был опубликован в 1563 году и с тех пор споры не утихают. Большинство ученых и философов отвергало произведения, которое, казалось, шло вразрез с самыми возвышенными принципами христианской религии. Некоторые люди с легкостью обвиняли Генриха в «макиавеллизме». Это обвинение опиралось, конечно, на его участие в событиях Варфоломеевской ночи. Самым распространенным было мнение, что дело было подготовлено заранее. Мы уже видели, что в этом нет ни капли правды. И Генрих, претендент на польский престол, был вынужден снимать с себя обвинение в преднамеренности. Если бы Генрих был последователем Макиавелли, то почему он не удерживал рядом с собой Монморанси-Дамвиля во время путешествия из Турина в Лион и позволил ему вернуться к герцогу Савойскому? Почему он не посадил в какую-нибудь крепость своего брата и Генриха Наваррского? В действительности, Генрих III был добродушным человеком, и это вовсе не является качеством принца, следующего заветам Макиавелли.

Так двор предоставлял Макиавелли аудиторию, которой не существовало. Любопытно отметить, что после появления в 1576 году работы гугенота Жентилле, разоблачающей теорию Макиавелли, Корбинелли которому было поручено изложить труды флорентийца Генриху III — в одном из своих писем выразил горячее одобрение Жентилле. Отсюда можно заключить, что он был далек от того, чтобы склонять короля к идеям чрезмерно реалистичного итальянца. Интересуясь политикой, Генрих искренне увлекся историей: разве не в ней теоретики искусства правления ищут источник для своих размышлений?

В 1576 году Бернар Жерар, господин де Эллан, посвятил королю свою «историю Франции» и подчеркнул, что история — «хозяйка жизни» и для принцев очень важно «сидеть с ней на суде человеческой жизни» и «быть мудрыми и осмотрительными». Упоминая тиранов, он призывал принцев избегать подобных путей: «Принцы, читающие и призванные читать историю, должны остерегаться от похожих случаев». Этот отрывок тем

более примечателен, что и Карл IX и Генрих III при жизни были квалифицированы как тираны. В 1577 году королю посвятил свою книгу «Четыре книги истории, в которых объясняется искусство правления» иезуит Папир Массон. «Вы много читаете, — писал он, обращаясь к Генриху III, надеюсь, вы возьмете книгу по своей воле… зная, что свидетелем ее появления был Филипп Юро (канцлер Шеверни). Благодаря его расположению и большому количеству книг из его библиотеки я смог закончить эту историю… за 4 года». Через два года, в 1579 году Франсуа де Белльфорес защищал короля в «Общей истории Франции» от лживых нападок, вызванных дуэлью его фаворитов и изображающих его «тираном» и «коронованным цыпленком»: «зная о недоброжелательности ваших врагов к вашему возможному потомству, которые только и мечтают об угасании вашей династии и не отказываются от попыток посягательства на историю и ее изменения». Такие слова были ясно направлены против вдохновителей пропаганды в пользу Лотарингского дома, претендующих на происхождение от Карла Великого.

Не менее замечательно посвящение Ля Попелиньера, автора вышедшей в 1581 году «Истории французов», и тем более заслуживает внимания тем, что исходит от реформата, лучшего и самого беспристрастного рассказчика эпохи. В отличие от явно враждебного Агриппы д'Обинье, Ля Попелиньер проповедует лояльное отношение к монархии, объявляя себя «убежденным в том, что лучший адресат его труда — король, который как представитель Господа на земле» проявляет «добрую волю и расположение ко всем тем, кто искренне желает оказать ему скромную услугу».

Конечно, литературный жанр посвящения никогда не был поводом преподать урок тому, кому адресовано произведение, особенно если речь идет о монархе. Но от этих строк веет искренностью. Их авторы отмечали прекрасный вкус короля и иногда даже преувеличивали его. Посвящая ему свое произведение «Государство», Габриэль Шаппюи подчеркивает «более, чем королевский гуманизм и теплоту, с которой Ваше Величество ко всему относится». В заключение он желает ему «небесную корону, которую вы ожидаете, согласно вашему высокому королевскому девизу. Которая, принимая во внимание совершенство вашей жизни и деяния вашего благочестия, никак не может миновать вас». В 1587 году Габриэль Буанен в своем «Сатире» разоблачал «республиканцев, то есть всех противников монархии. Закон, говорил он, стал «разрисованным идолом». Он подчеркивал, что называющие себя «республиканцами» восстают против магистратов, потрясают основы законности и

осмеливаются подниматься против короля, который «подобно фениксу» не имеет себе равных и которого Буанен называет «любимцем небес». Тот же Буанен приглашает короля любить мир, если же это будет не в его силах, прибегнуть к помощи «лояльных капитанов» и «поставить на страже старых и преданных солдат». Также он призывал наказывать богохульников, но в особенности не слушать «всех этих гонцов и сеятелей новостей».

Такое обилие работ, посвященных Генриху и затрагивающих политику, историю и современные события, доказывает, что их чтение, по крайней мере, не оставляло короля равнодушным, и он старался в знании прошлого и настоящего найти ответы на интересующие его вопросы. Ля Луетт вспоминал о своих беседах с Генрихом и свидетельствовал, что король восхищался своими предшественниками, которым удавалось не увеличивать налоги, а даже снижать, как это делали Святой Людовик и Людовик XII. В его корреспонденции любопытно видеть следы его исторической культуры. Так, 20 июня 1577 года он подтверждал Мовиссьеру, что собирается быть честным с Елизаветой, но «она должна так же вести себя но отношению к нам и не поступать так, как однажды сделал умерший ныне король Луи XI тю отношению к герцогу Бургундскому». Этот отрывок доказывает дипломатическую лояльность Генриха, никак не согласующуюся с «макиавеллизмом». Невозможно никакое сравнение такого принца, законно восшедшего на престол, как Генрих III, с итальянским властелином, пришедшим к власти с помощью силы, коварства или предательства. Генрих III правил королевством с истинным терпением и старательностью, что бы ни говорили его современные недруги, за которыми последовала предубежденная историография.

Генрих III, король-бюрократ, соперник Филиппа II

Современники Генриха III, не из числа его врагов, были удивлены усердием короля, проявляемым им в деле решения административных задач. Для французов того времени король должен был быть в первую очередь солдатом, первым военачальником королевства. Изучение государственных дел, их решение, ответы на запросы из провинций или из-за границы были скорее делом государственных секретарей. Поистине достойно восхищения его умение быть монархом-администратором в условиях своего правления. С юношеских лет он стал членом Государственного Совета (после назначения на

должность генерал-лейтенанта). Ноэль Валуа проанализировал протоколы его заседаний с 1563 по 1567 год и обнаружил, что из 205 заседаний герцог Анжуйский присутствовал на 47, что ставит его на 20-е место по усидчивости и прилежанию. С этого времени дипломаты стали отмечать разное отношение к делам Карла IX и его брата. Первому было скучно на Совете и он мечтал о развлечениях, зачастую чисто детских. Генрих же, напротив, размышлял и проявлял недюжинный интерес к делам. Испанец Алава говорил Филиппу II 22 февраля 1570 года: «Он присутствует на Совете вместо короля и ведет все дела».

Став королем, Генрих продолжал работать с тем же настроением. Доказательством тому служит переписка с Виллеруа. Поэтому нельзя принять высказывание Ж. Нуайяка, сделанное в его работе, посвященной Виллеруа: «Генрих III был не способен сделать сколь-нибудь длительное усилие. После нескольких дней работы он быстро возвращался к своим любимым развлечениям». В декабре 1576 года, отвечая на письмо Виллеруа, Генрих писал: «Я все видел и мне было трудно писать». В июле 1579 года он еще более точен: «Д'Э здесь нет. Я сам был отцом Мартеном, так как я показал их (письма, отправленные Виллеруа) только себе самому. Я их прочитал, ответил и сам сделал конверты». Через два месяца, в сентябре, поскольку Франсуа д'Э отсутствовал, он писал: «Теперь я единственный государственный секретарь, так как д'Э поехал во Фресн». Когда в конце 1580 года все только и говорили, что о планах Монсеньора на корону в Нидерландах, он писал Виллеруа тоном хозяина, давая понять свое неодобрение намерениям брата: «Я уверяю себя, что вы последуете моей воле и воле моей матери. Я никогда раньше так не настаивал». В августе 1580 года он опять дает приказы Виллеруа: «Я видел ваше письмо. Я передам матери свое впечатление, так как подобный факт стоит обсудить». Генрих III хочет сказать, что наступил удобный момент, чтобы все взять в свои руки. Когда он уединялся, он никогда не забывал предупредить своих министров. Так, в 1585 году он писал Виллеруа с частой для него иронией: «Скажу вам и доктору Брюллару (без сомнений, государственному секретарю), что за три дня моего отсутствия вы сохраните все депеши до моего возвращения, чтобы я все знал». Любопытное письмо, датированное январем 1585 года, показывает, что в случае необходимости король без колебаний приглашал министров в монастырь: «Приходите все между часом и двумя часами дня в Сен-Антуан-де-Шан. Гам есть один зал, где вы меня подождете, но не забудьте позаботиться об огне, так как сейчас холодно». В другой раз он предлагал Виллеруа обращаться к матери: «Пока я

буду у капуцинов, писал он в марте 1584 года, если возникнут срочные и важные проблемы в связи с депешами, покажите их все королеве, не отсылая мне. Я буду молиться Господу 6 полных дней. Прощайте. Передайте это своим коллегам». Королева-мать оправдывала его проявления благочестия, но опасалась, что они нанесут ущерб делам. Однако даже когда король отправлялся в Олленвиль, ему случалось работать. Об этом говорят венецианцы 17 января 1578 года: «Уже три дня, как король уединился в Олленвиле, чтобы подготовить поездку маршалов и других дворян по провинциям для установления мира, одновременно он хочет пересмотреть расходы двора».

Хотя в деятельности Генриха и были моменты отдыха, он не переставал следить за ходом дел в королевстве. В момент затишья, последовавшего за подписанием мирного договора в Бержераке, и до начала кризиса, связанного с наследником престола и возникшего в 1584 году, в ходе которого он проявил чудеса административного руководства, король окружил себя маленькой группой секретарей, которым доверял свои идеи и планы. Он даже сам взялся за перо. Так, в Национальной Библиотеке хранится рукопись «Заметка, написанная рукой короля Генриха III, относительно того, что он хотел урегулировать в своем королевстве». Екатерина Медичи продолжала занимать свое место в правлении, ее сын по-прежнему советовался с ней и поручал ей вести переговоры то с гугенотами, то с членами Лиги. Однако с того момента, как Святой Союз стал самой серьезной угрозой для королевской власти, Генрих III более, чем когда-либо, взял в свои руки бразды правления и доверял только себе самому. 30 сентября 1586 года тосканец Кавриана замечает, что «имея вид очень далекого от дел человека, он собственноручно пишет больше, чем секретарь, и сам решает важные дела королевства… Он терпелив, держит все в тайне и в своей памяти. Он быстро отвечает и располагает некоторыми великолепными уловками, когда не хочет что-либо делать…».

Представитель Генриха Наваррского, Дюплесси-Морне, писал своему господину 20 февраля 1584 года: «Сегодня король пишет с 3 часов утра, и никто не входил к нему». Не менее любопытно узнать, что, пересматривая состав Совета в 1582 году, он решил открыть окно с витражами, находящееся в стене, которая разделяла зал Совета с его собственными кабинетом, и чтобы это было сделано в Лувре и других королевских резиденциях. До конца жизни Генрих III и не помышлял отойти от дел. В 1589 году, когда почти все королевство восстало против него, Жак Фэ, господин д'Еспесс, некогда сопровождавший его в Польше, в

письме от 26 января восхищался королем, который с 12 часов дня до 5 часов вечера заседал с Советом чтобы изучить требования Штатов и подготовить удовлетворяющий их эдикт. Однако политике) — религиозный циклон, захвативший конец правления Генриха III, неизбежно должен был свести на нет похвальную административную деятельность короля. Замечательно, что позже (о чем рассказывает работа А. Картера о деятельности Генриха III с 1577 по 1585 год) автор одной записки, адресованной Людовику XIII в январе 1623 года, без колебаний хвалит Генриха III: «Все эти семь мирных лег этот принц, наделенный прекрасными способностями для управления государством, направил весь свой ум на восстановление порядка в стране и сам тщательно работал над этим». В заключение он добавлял, что «ни один из его предшественников не подходил к этой черте».

Исполнение обязанностей монарха было делом жизни для Генриха и шло рядом с высокой идеей о его королевском достоинстве. Смерть братьев подарила ему корону. С юного возраста он оценил, если можно так выразиться, королевскую миссию и вытекающие из нее обязанности.

Став королем и не получив дофина, он едва не потерял почву под ногами. Нередко его одолевали сомнения и усталость. Сентиментальный и впечатлительный, в некоторых случаях он был вынужден совершать насилие над своей природой и противостоять событиям, что бы он ни чувствовал. Именно это качество имел в виду врач и верный советник короля Марк Мирон, когда писал, что храбрость Генриха шла от головы, а не от сердца. Мы уже упоминали о кризисе, который он пережил в 1582 году. Он был не единственным. 14 августа 1584 года в длинном письме к Виллеруа, известном под названием «Признание Генриха III», король открывает ему: «Виллеруа, я буду говорить свободно? Да, потому что обращаюсь к преданному и испытанному слуге. И потом, мне должно стать легче, когда я раскрою душу человеку, который сделает из этого только то, что пойдет мне на пользу». Далее он спрашивает себя о положении в стране. Его ответ поистине пессимистический: «Где выход? Еретики копошатся в самом сердце. Выступления против меня и государства столь часты, что по количеству в день опережают количество приемов пищи. Число недовольных без всякой причины неуклонно растет».

В еще один критический период, в мае 1588 года, Луи Давиля (отец историка) был послан Екатериной сообщить королю, что несмотря на его сопротивление, в столицу прибудет Генрих де Гиз с намерением бросить ему вызов. Генрих III был так шокирован этим известием, что «был вынужден опереться локтем

на небольшой столик, поддерживая голову рукой и одновременно закрывая ею лицо», рассказывает Давиля со слов своего отца. Он же передает, как вынужденный бежать из Парижа король остановился в Шартре и был настолько потрясен неуважением к королевскому достоинству, что практически потерял сон и из-за бессонницы постоянно заседал со своими советниками — аббатом дель Бене, герцогом де Рец и господином де Рамбуйе.

В оправдание короля следует заметить, что ситуация была такой сложной, что ее можно сравнить лишь с периодом, последовавшим за катастрофой в Пуатье в 1356 году, и временем, когда Карл VII был только «королем Буржа», в период осады Орлеана в 1429 году. Вне кризисных положений Генрих III всегда проявлял те человеческие качества, которые неотделимы от его положения и необходимы для исполнения соответствующих обязанностей. Сколько раз в своих письмах он требовал законности установленной власти! Адресат его писем (кем бы он ни был) иногда получал удар хлыстом: «У вас только это письмо, потому что у меня нет времени, быстро сделайте то, что я прошу. Прощайте!» — писал он 11 октября 1585 года Дю Бушажу, брату герцога де Жуаеза. Короткий отрывок из его письма к Виллеруа, написанного в сентябре 1587 года, показывает, насколько его задевало презрение к королевской власти: «Я бы хотел, чтобы от этого удара загорелся мой порох, что очень удивило бы лающих на меня собак. Это произойдет, когда будет угодно Господу». 20 марта 1589 года он напоминал попавшему в немилость Дю Гасту с подлинно королевской лаконичностью о долге подчиненного: «Подчиняться, угождать и служить». Подобный урок он преподал в мае 1588 года архиепископу Лиона, Пьеру д'Эпинаку, самоотверженному члену Лиги: «Вспомните, что я ваш король и что Господь, долг и разум требуют, чтобы вы удовлетворили мое желание».

Крайняя серьезность положения с лета 1589 года вовсе не вынудила его пойти на уступки. 3 июля, готовясь к осаде своей столицы, он говорил прево торговцев мятежного города: «Время вспомнить, что все, что вы должны сделать — признать меня вашим королем, данным вам Господом законным путем… Я говорю, поднимаясь на коня».

Не в первый раз Генрих просил французов собраться вокруг него. В ходе заседаний Генеральных Штатов в 1576 году он не преминул сказать о божественном источнике своей власти: «Я знаю, что однажды предстану перед Ним и должен буду держать ответ за свою деятельность на этом посту. Я хочу заявить перед Ним в присутствии этой аудитории, что мое главное намерение — быть хорошим, справедливым и законным королем подданных,

находящихся под моим руководством». Король был убежден в реальности Промысла как для него самого, так и для его подчиненных. Обращение к ним в его речи на открытии Генеральных Штатов 16 октября 1588 года ясно об этом свидетельствует: «В конце концов я вызову вас в последний день, чтобы вы предстали перед Судьей Судей, там, где маски будут сорваны для расплаты за ваше неповиновение вашему королю и непроявленную щедрость и лояльность по отношению к его государству».

Здесь речь шла об общественных выступлениях. Но если Генрих III хотел добиться послушания, то он умел и отбрасывать королевское величие в отношениях со своими приближенными. Он никогда не скупился на проявления дружбы и признательности, особенно с Виллеруа. В марте 1579 или 1580 года он писал ему о своих чувствах: «Я люблю тебя, потому что ты служишь моей воле». В марте 1580 года он говорит еще более фамильярно, используя прозвище: «прощай, Бидон. Люби меня всегда, так как я всегда буду хорошим господином». В марте 1584: «Вы знаете, что я вас люблю. Вы так хорошо мне служите».

Такая доброта Генриха III расценивалась как слабость, она была противопоставлена суровости Людовика XIII. Она удивляла современников. Несмотря на го, что ему надоели постоянные дуэли при дворе, разделявшие знать на отдельные группы, он избегал наказывать дуэлянтов, даже когда речь шла о тяжелых ранениях. Брантом извиняет его: «Он был так добр, что не хотел их строго наказывать, так как любил свою знать». То же самое в отношении некоторых убийств. Общество неправильно восприняло его расположение к Виллекье, убившего свою жену в сентябре 1577 года. Многие подумали, что фаворит принца действовал с молчаливого согласия короля. Таким же образом в июле 1578 года осталось безнаказанным убийство Сен-Мегрена, одного из фаворитов (покушение было подготовлено герцогом де Гизом, так как Сен-Мегрен считался любовником герцогини). Тем не менее Генриху случалось приходить в ярость. Так, в апреле 1584 года во время путешествия из Шартра в Клери с просьбой защитить к нему обратились крестьяне, жертвы разбойных нападений. Их беды побудили его свершить правосудие и выразить им глубокое сожаление.

Его сочувствие к многочисленным страданиям подданных не ослепляло его, и он видел бессмысленное насилие народного движения. По поводу «опасного происшествия, случившегося в пятницу и имевшего целью освободить преступника, практически стоявшего на виселице: надо предотвратить подобное, так как вы знаете, когда народ выходит из повиновения, он превращается в

животное», — пишет он Виллеруа в сентябре 1584 года. Почти 25 лет с начала волнений народ с готовностью «выходил из повиновения», и Генрих III до конца жизни был вынужден считаться с движениями, поднимавшими городское население на борьбу то с гугенотами, то с католиками, то в 1588 году и 1589-м против него самого.

Зная, в какой мере нищета может быть причиной волнений, он постарался изменить положение. 11 ноября 1584 года он предписывал Гонди, епископу Парижа, приказать начать сбор пожертвований на городскую больницу. В июне 1586 года венецианцы сообщали, что он использовал бедняков для очистки парижских рвов с оплатой по 4 су в виде хлеба и 2 су деньгами. В декабре 1586 года, проявляя «примерное милосердие», он взял 20 000 ливров из сумм, предназначенных для городских укреплений, чтобы раздать их бедным.

Но Генриху III недоставало ореола популярности. Что бы он ни делал, критики надевали на него тунику Несса. Подобно матери, ему не было до этого никакого дела, но более чувствительный и менее закаленный, чем она, он иногда возмущался и сопротивлялся. Так случилось в 1588 году, самом ужасном из всех. Письмо, написанное им Виллеруа в начале мая (возможно, 5-го числа) показывает силу обуревающих его чувств. «Больше я не могу это выносить, иначе мое сердце будет очень трусливым, но, уверяю вас, я обладаю тем, что должно быть твердо записано в душе, не имея желания быть их слугой и настолько терять мой авторитет». Ему предстояло противостоять штурму, на который собирался герцог де Гиз, и в конце письма король добавлял слова, звучащие практически как рычание: «Доведенная до предела страсть оборачивается яростью, пусть они не вынуждают меня к этому!» Укрывшись в Шартре после успеха дня Баррикад 13 мая 1588 года, он вновь вернулся к тому, что писал Виллеруа, обращаясь к депутатам от Парламента Парижа, пришедших просить его вернуться в столицу: «Вы знаете, чем оборачивается потревоженное терпение и сколько может сделать оскорбленный король». Узнав о том, что стоял вопрос о захвате короля и что его обсуждали Гизы, он заявил (свидетельство венецианцев от 17 июля 1588 года): «Я держу кинжал, и любой приблизившийся ко мне должен будет умереть. Никогда я не дамся живым в их руки, я хочу умереть королем Франции».

Без сомнений, до этого момента он оставался человеком уступок и компромиссов. Но на этом году революции его противники пренебрегли истинностью его переживаний и силой его энергии. Начиная с открытия второго созыва Штатов в Блуа и

до конца жизни он отказывался склониться перед ультракатоликами из Святого Союза. В одно мгновенье оказавшись перед лицом ужасных обстоятельств, которые ему надо было преодолеть, Генрих III стал королем в полном смысле слова, и образ принца, увлеченного одними удовольствиями, исчез навсегда. Тем не менее именно его надолго запомнили потомки и историографическая традиция. Как справедливо пишет мадам Ж. Буше, «следует забыть…».

Некоторые более прозорливые современники Генриха III отдавали себе отчет о значении этого короля. Летом 1588 года Этьен Паске признавался одному своему корреспонденту: «Мы не можем не признать, что у нас великий король». Гугенот дю Мулен писал герцогине де Туар 5 января 1589 года: «Король сострадателен, прекрасен во всех своих начинаниях и наделен божественным духом, так что Господь даст ему свое полное благословение». Эти слова далеки от обвинений Агриппы д'Обинье.

Нунций Морозини, бывший послом Венеции в правление Карла IX и в начале правления Генриха III, в феврале 1588 года составил его удивительно точный политический портрет: «Кажется, он стоит в одиночестве посреди огромного людного театра; он исполняет роль двух персонажей: короля, полного надежд, и короля, полного тревог».

Люди, которые приближались к нему и беседовали с ним, почти всегда говорили, что перед ними был человек, несмотря на исключительно сложные обстоятельства не имеющий недостатка ни в воле, ни в решительности, ни в желании действовать. Опасение за него не переставало мучить умы многих его приближенных. В январе 1586 года господин де Месс, посол Венеции, намекал на это в одном письме к Виллеруа: «Одна мысль об этом делает нас всех несчастными». Внезапная насильственная смерть короля лишь подтвердила это опасение: прошло еще 11 лет войны (за границей и внутри страны), прежде чем закончился период волнений, начавшийся в 1560 году.

Государственный муж Генрих III выполнял свои обязанности монарха с умом и прилежанием в традициях французской монархии. Если ему не удалось до конца выполнить свои намерения, не он один был виноват в этом. Знатные семейства и враждебные конфессии оспаривали права на ум и сердце французов, то же можно сказать о городской буржуазии, которая не менее, а может быть, и более остальных виновна в создавшемся положении. Кроме того, кризис разжигался и поддерживался Испанией, Англией и Святым Престолом. Один против всех так чаще всего действовал Генрих III.

Чтобы покончить с гем, кто обеспечивал жизнь и преемственность государства, его враги решили напасть на него не в области исполнения государственных обязанностей, а в его личной жизни. После нашего изучения портрета Генриха III в качестве государственного мужа мы видим, что его нельзя упрекнуть в его деятельности как монарха. Что будет, когда мы проанализируем его личную жизнь, ведь именно здесь на него нападали еще его современники и нападки не прекращаются до сих пор? Долг историка — открыть досье, изучить все факты, истинные отделить от ложных и восстановить подлинный портрет Генриха III в его частной жизни.

Глава пятая
Разные аспекты личности Генриха III
Его вкусы, удовольствия, друзья, его семья

Король между традиционным времяпровождением и часто неожиданными фантазиями

Если бы Генрих обладал крепким здоровьем и не был интеллектуалом, а принцем, нравящимся знати, то есть увлекающимся физическими упражнениями и военной жизнью, его никогда бы не упрекнули в чрезмерном увлечении сексом. Поведение, столь непривычное для короля, удивляло его подданных и давало его противникам повод обвинять его в женоподобии. Отсюда был один шаг до подозрений в извращенности нравов. С 1576 года, после двух лет правления, на него беспардонно обрушилось множество обвинений.

Надо признать, что общественное мнение было дезориентировано образом жизни Генриха III. Прежде, чем уехать в Польшу, он командовал армией Карла IX с 1567 по 1573 год. Жарнак и Монконтур окружили его казавшейся заслуженной военной славой. Нотариус Пуату, Д. Женеру писал в своем «Журнале», что отъезд герцога Анжуйского имел место «при большом сожалении народа, принимая во внимание его удачу и склонность к оружию». Подобно всем дворянам, Генрих начал рано заниматься всеми физическими упражнениями, среди которых первое место занимала верховая езда, мастером которой слыл его гувернер Карнавале. С 1567 года герцог Анжуйский вел жизнь военного, совершенствуясь во владении оружием и учась командовать. Его наставником был Со-Таванн, советам и стратегии которого Генрих был обязан своими победами при Жарнаке и Монконтуре: он принял их очень деликатно, отблагодарил Таванна пенсионом, а позднее присвоил ему звание маршала. Личное мужество молодого герцога потрясло его современников и было предметом гордости его близких. Жан де Сен-Сюльпис, гувернер герцога Алансонского, ставил его в пример своему ученику. Во время осады Ля-Рошели он писал жене, что принцы не боятся опасности: «По правде говоря, это не место для сыновей короля».

Когда Генрих был кандидатом на польский трон, на избирателей Сейма сильно повлияло его реноме как

военачальника, созданное его военными победами. Когда он стал королем Франции, его подданные ожидали, что он будет продолжать прославивший его путь. Каково же было их разочарование, когда они увидели, что он отказался от роли главы армий. Люсенж в своем «Зеркале принцев» пытается объяснить такое резкое изменение: «Как только он был коронован, его воинственное настроение внезапно сменилось желанием мирно прожить остаток своих дней, потому что слишком долго пребывал в праздности и стал малодушным и потерял силу».

Однако те, кто таким образом выражали свое разочарование, забывали реальную обстановку. Разве король, главная часть политического здания, не должен остерегаться малейшей опасности? Пленение, подобно Франциску I после Павии, было бы настоящей катастрофой. Но общество хотело видеть короля-воина. Клод Атон ворчит в своих «Мемуарах» в 1576 году: «Народ Франции предпочел бы видеть короля на войне, а не во главе религиозных процессий или на мессе». 12 сентября 1586 года Л'Эстуаль тоже критикует короля, который, вернувшись из Шартра, направился к капуцинам: «Так король подставляет щеку Лиге, одетый в платье кающегося грешника, вместо того, чтобы подобно Цезарю обратить властное лицо свое к мятежным легионам».

Однако при необходимости отвага не оставляла Генриха III. Он доказал это, сев на коня в 1587 году, выступив против наемников протестантов, и в 1589 году против гугенотов. Но его дальновидный ум оценил, что с гугенотами не справиться путем войны. Его секретарь Жюль Гассо рассказывает, что «силой оружия, к которой он так часто прибегал в собственной жизни и с помощью которой одерживал победы над представителями так называемой протестантской религии, тем не менее, он не смог их уничтожить окончательно, каким было его желание». Лишь «мирным путем и примером благочестия он достигнет возвращения их в лоно Святой Церкви», заключает он.

Однако нельзя отрицать, что он решил твердо придерживаться мирных путей, исходя и из чисто личных соображений. Ему нравилась жизнь двора. Элегантный, изысканный и утонченный, он испытывал отвращение к военной жизни. Когда в 1572–1573 годах он был вынужден встать во главе войска, осаждавшего Ля-Рошель, он покинул двор с большим неудовольствием.

В 1572 году венецианец Мишель описывает его прекрасно одетым, благоухающим духами и отпускающим шутки в обществе дам. Он же находит его через три года «склонным к миру и

спокойствию», в противоположность «своему отцу и братьям», так что «его стремление к спокойствию, по правде говоря, заставило потерять большую часть веры в него». Нельзя было бы найти что-либо, более противоречащее представлениям знати о деятельности монарха. Мишель констатирует этот факт и добавляет: «Во Франции… ни один дворянин, ни один принц, ни один господин, который не любит, не стремится и не хочет войны, не может быть уважаем».

Генрих III не был военачальником по рождению, но умел им быть при необходимости. Надо ли напоминать, что католики, так желавшие видеть его во главе армии, направленной на уничтожение протестантов, первые и практически всегда отказывали ему в средствах для ведения войны. Облегчая ему удовлетворение личных интересов, они совершенно напрасно упрекали его в таком легком отступлении от намеченного.

Конечно, для короля Франции был необычен отказ от физических упражнений. «Он не любит ни одного утомляющего развлечения, — констатирует Мишель в 1575 году, вроде охоты, лапты, манежа, и как следствие, ему не нравятся турниры, состязания и прочие вещи». Тем не менее Генрих иногда занимался спортом. В августе 1582 года, будучи в Сен-Жермен-ан-Ле, он добавляет в конце письма к Виллеруа: «Теперь я пойду играть в лапту с мячом, в которой я упорен, насколько возможно». Он прекрасно ездил верхом и довольно часто этим занимался. В 1584 году он просил Виллеруа уступить ему «лошадь, за которую я заплачу, если вы пожелаете продать ее мне, и доставлю себе удовольствие». В конце ноября 1584 года д'Эстуаль рассказывает, что «король наслаждался, заставляя плясать и прыгать прекрасного коня, и вдруг увидел дворянина из свиты герцога де Гиза; он позвал его по имени и сказал: «Есть ли у моего кузена Гиза в Шампани монахи, вроде меня, которые могут так управлять своими лошадьми?» Таким образом он намекал на Меченого, сказавшего, что Генрих «ведет жизнь монаха, а не короля».

В отличие от всех прочих королей, Генрих III не занимался регулярно охотой, но временами все же проявлял к ней интерес, вызывая удивление у придворных. Один из них писал Жану де Сен-Сюльпису 1 июня 1581 года, что король «занимается упражнениями больше, чем когда бы то ни было, и загоняет два-три оленя в день». В 1582 году королева-мать пишет о том же: «Король поехал на охоту в Сенлис, пять или шесть дней назад». Больше обычной охоты Генрих III любил соколиную охоту, о чем рассказывает один англичанин в январе 1582 года. В 1586 году он вновь возвращается к ней, чтобы доставить удовольствие герцогу

де Жуаезу. Вообще же, король очень интересовался всем, относящимся к соколиной и псовой охоте. Узнав в октябре 1583 года, что герцог д'Омаль, королевский обер-егермейстер, разрешил одному дворянину охотиться в лесах короля, он попросил его пользоваться разрешением умеренно, чтобы «я мог получить удовольствие, когда мне того захочется». Король любил принимать в подарок птиц и собак, и даже покупал их за границей. Так, он направил в Англию некоего Десуша. Последнего осаждали предложениями, о которых он докладывал королю, но делал это в такой манере, что король очень развлекался по этому поводу в письме к Виллеруа, написанном в июне 1582 года: «Он стал сумасшедшим, но поскольку он доставляет то, что я заказал из собак, пусть остается таким, сколько захочет». Будучи в Париже, Генрих часто развлекался игрой в лапту. Сначала он занимался этим очень активно, потом его пыл угас. С 1585 года он увлекся игрой шарами.

Искусство фехтования ему преподавали итальянские мастера Помпео и Сильвио. Брантом рассказывает об одном эпизоде молодости, когда молодой Нансэ попросил принца походатайствовать за него перед Советом. Но Совет не смог собраться и молодой человек обвинил герцога в нарушении данного слова. Последний вызвал его на дуэль, но осторожный молодой человек мудро покинул двор и уехал в Море. Вернувшись, он присоединился к осаде Ля-Рошели, где герцог вернул ему свое расположение.

Хорошо владея оружием, король любил принимать участие в конных состязаниях, пришедших из Италии. Так, во время празднований бракосочетания герцога де Жуаеза с сестрой королевы Луизы, Генрих участвовал в двух боях. В первый раз он сражался со шпагой за барьером арены (его соперником был герцог Лотарингский) и мужественно отразил удар противников. На следующий день с большим количеством спутников в большом зале дворца Бурбонов он сам нанес удар вчерашним нападавшим, который герцог Лотарингский, игравший роль противника короля, также отразил.

Вообще же, Генрих III умел заниматься всеми физическими упражнениями, милыми сердцу знати, но любил делать это в свое время и когда это ему захочется. Но для него это было кратким и преходящим развлечением, он отдавал предпочтение умственным занятиям. Удивление подданных также вызывала склонность короля к детским играм, страсть к маленьким собачкам и редким животным.

Этьен Паскье (дав благоприятный отзыв о короле после его насильственной смерти) осуждал мало подходящую королевскому

достоинству эксцентричность забав, которым он предавался после подписания эдикта Пуатье и восстановления мира: «Он неизвестно как проводит свободное время и меняет слуг раз в шесть месяцев или раз в год». Игра в карты и азартные игры была принята и никого не удивляла. Разные формы игр разгоняли тоску великосветских дворян. В январе 1579 года Л'Эстуаль возмущается бандой итальянцев, обогатившихся за счет короля, выиграв у него 30 000 экю. Это единственное упоминание о карточной игре Генриха III, от которой он сам быстро отказался. В октябре 1581 года он лишил милости маркиза д'Э, ловкого игрока, а в декабре предыдущего года запретил в своей комнате играть в карты, без сомнения, из любви к спокойствию, которое он ценил превыше всего. На смену короткому периоду такого времяпрепровождения вскоре пришли другие занятия, например, бильбоке. Для большинства людей увлечение этим небольшим инструментом исчерпывает все, что они знают о Генрихе III. В августе 1585 года Л'Эстуаль пишет об этой новой фантазии короля: «Король начал повсюду носить с собой бильбоке, даже идя по улице, и играет им как ребенок. Ему стали подражать герцоги д'Эпернон и де Жуаез, а за ними дворяне, пажи, лакеи и прочие молодые люди». То было временное развлечение, доказывающее, что молодой король любил становиться законодателем моды.

Еще более странной казалась его привычка время от времени что-то вырезать. Де Ту рассказывает в своей «Истории», что Генрих вырезал или приказывал вырезать миниатюры, чтобы пользоваться ими в качестве украшений. Берто, бывший секретарь короля, ставший впоследствии епископом де Сеез, однажды рассказал мадам де Рамбуйе, как король попросил его вырезать из его книги картинку Богоматери, которую он собирался поместить в другое место. Сегодня мы удивляемся такому времяпрепровождению, но не следует забывать, что в то время это было довольно распространенное занятие. С помощью перочинного ножика вырезались кружевные картинки из бумаги, затем помещались на более темный фон. Подобными картинками был украшен сборник молитв ордена Сен-Эспри. Ничто не мешало Генриху поступать так же: итак, речь шла о распространенной практике, а не о детской мании. Другой фантазией, которую уже труднее объяснить, было пристрастие Генриха III к маленьким собачкам. Давая прощальную аудиенцию венецианцу Липиомано, он подарил ему «очень симпатичную собачку. Она прыгала у его ног, когда король поднял ее, два раза поцеловал и передал дипломату, с просьбой принять как залог его любви». В 1586 году Люсенж тоже говорит о склонности

короля: «Он отдается маленьким собачкам и любит их. Он хочет получить их из Фландрии, хотя их у него уже три сотни». Король любил, когда ему их дарили, и иногда даже заставлял хозяев отказываться от них в его пользу. Так, в ноябре 1575 года Л'Эстуаль посещал женские монастыри вокруг Парижа, «забирая маленьких собачек, к большому неудовольствию хозяек». Собачник короля находился в Мадридском замке. Рядом с ним всегда находилось несколько турецких собачек, наводивших ужас при дворе. У них была короткая шерсть и курносые носы. Собачек держали все члены королевской семьи, а знатные дамы были под них подстрижены. Жена государственного секретаря, мадам де Виллеруа просила многих поэтов выразить в стихах ее печаль после смерти ее любимой собачки Барбиш. Мода на маленьких собачек была распространена преимущественно среди женщин, но серьезные мужчины тоже иногда разделяли их увлечение. Так, Кристоф де Ту, первый президент Парламента, однажды признался своему сыну, канцлеру де Бирагу, в симпатии к собачкам Мальты и Лиона. так что в этом отношении Генрих III находился в уважаемой кампании. Другой его страстью, никак не порицаемой, было увлечение экзотическими животными. Мода на них пошла с открытия Америки и Азии, и ею увлекались многие знатные господа. В королевских счетах за 1576–1577 годы фигурируют расходы на содержание львов, тигров и медведей. Карл IX даже приказывал восстанавливать королевский зверинец в Венсен, в котором была арена, окруженная галереей, откуда можно было наблюдать за боями животных.

В отличие от своего брата Карла IX, которого не отвращали жестокие и кровавые развлечения, Генрих III, видимо, никогда не присутствовал на боях животных. Он даже упразднил королевские звенинцы. 21 января 1583 года Л'Эстуаль рассказывает, что, вернувшись в Лувр из монастыря Бон-Ом, «он приказал убить из аркебузы львов, медведей, быков и других подобных животных, которых он имел обыкновение кормить для боев с собаками. И все потому, что ему приснилось, как его раздирают на части и пожирают львы, медведи и собаки». Л'Эстуаль предполагает, что этот сон показывает картину, как короля пожирают бешеные звери Лиги. Д. Додю, конечно, упрекает Генриха в таком истреблении животных. Но он забывает, что согласно представлениям эпохи сны принимались за предупреждение, которым нельзя пренебрегать. Такой впечатлительный человек, как Генрих III, решил, что получил приказ, которого не может ослушаться. В 1576 году король и королева привезли из путешествия по Нормандии «большое количество обезьян, попугаев и маленьких собачек, купленных в Дьепе». Видимо,

король не только покупал при случае редких животных, но и давал распоряжения их покупать, о чем свидетельствует его переписка с начальником порта Тальмон. Гак, 5 октября 1577 года он упрекает его в присвоении предназначенного ему груза обезьян. 26 октября начальник порта просил вице-адмирала Пуату объяснить королю, что он не виновен, так как барку с животными разграбили жители Тальмона.

Король хотел иметь редких животных не только для своего удовольствия. Он очень любил их дарить. Гак, 5 июля он пишет Суврэ: «Я отправляю вам говорящего, как меня убеждают, попугая. Однако Лианкур так хорошо выучил язык этой страны, что когда мы прибудем, он будет лучшим знатоком во Франции». (Лианкур был первым оруженосцем короля.) На следующий день Генрих вновь обращается к Суврэ, опять вспоминает о попугае и добавляет: «Я подарю вам обезьяну».

Итак, король лишь разделял общее увлечение редкими животными. И здесь не в чем его обвинить. У Л'Эстуаля в феврале 1576 года мы находим следы этой моды на попугаев. Один попугай был у секретаря короля д'Аттиши, которого он научил называть прево торговцев «вором», откуда родился пасквиль «Попугай и д'Аттиши».

В результате можно сказать, что если Генрих III лишь эпизодически занимался физическими упражнениями, иногда играл в азартные игры, увлекался какое-то время бильбоке, вырезал картинки, любил маленьких собачек и редких животных, то его критикам мало в чем можно его обвинить. На их счастье, склонность Генриха к украшениям и драгоценностям дает им нужный аргумент, чтобы утвердить свое обвинение и подготовить последний штрих, благодаря которому его современники не преминули наброситься на его фаворитов. Но сначала посмотрим, что справедливо в отношении склонности короля к украшениям.

Вкусы Генриха III в одежде и его склонность к украшениям

В молодости герцог Анжуйский выделялся утонченностью и изысканностью в одежде. В 1572 году венецианец Мишель описывает его в прекрасной одежде и уже с серьгами в ушах. Сменивший Мишеля Морозини оставил нам описание костюма короля: «Его одежда делает его утонченным и похожим на женщину, так как помимо того, что он носит богатейшие одежды, все покрытые золотом, драгоценными камнями и жемчугами невероятной стоимости, он придает особенное значение белью и

прическе. Обычно он носит на шее двойное колье из янтаря, бросающее особый отблеск на его лицо. Но, по моему мнению, он больше теряет свое королевское достоинство из-за того, что у него проколоты уши, как у женщины, более того, он не довольствуется одной серьгой, а носит целых две с подвесками из драгоценных камней и жемчуга». Тогда Генриху было чуть более 20 лет, и это ему простительно. Молодой принц мог позволить себе иметь прихоти. Он вполне находился в рамках двора, куда пришла мода из Италии. Вся европейская знать старалась скопировать образ жизни итальянских грандов. В 1577 году Липпомано пишет: «Изменения в костюмах среди молодых людей требуют огромных расходов льняных, золотых и шелковых тканей. Придворный не может считаться богатым, если у него нет от 25 до 30 смен одежды различных фасонов, которые он должен менять каждый день». В другом месте он говорит о расходах дворян, которые «тратят теперь больше, чем раньше: они тратят свое состояние на банкеты, лошадей, одежду, особенно сейчас, когда король уделяет так много внимания своей одежде». Молодые дворяне любили яркие ткани. О костюмах короля можно судить по словам брата герцога де Жуаеза, сменившего в октябре 1581 года Франсуа д'Э, впавшего в немилость, и ставшего хранителем королевского гардероба: «Передал портному Его Величества три локтя тонкого черного драна на большое манто, шесть с половиной локтей черного велюра на подкладку, более четырех с половиной локтей на подкладку плаща из черной тафты, те же четыре с половиной локтя черного велюра на подкладку плаща мраморного цвета, который король имеет обыкновение носить, пять локтей черного велюра на плащ с капюшоном и еще один локоть черного сатина на рукава другого плаща, четыре локтя серого сатина на ночную рубашку и три локтя серой тафты на подкладку, наконец, один с половиной локоть серой тафты, чтобы подбить камзол». Генрих также не скупился и на обувь.

Богатство мужских костюмов заметно на всех картинах, представляющих сцены жизни двора, особенно балы. Своими размерами и изысканностью поражают камзолы и прически, хотя сторонники закона не одобряли всего этого. И то, что Генрих III и его фавориты не одни следовали моде, подтверждает гравюра Ф. Рабеля. На ней изображен будущий Генрих IV в период своего заточения в Лувре, между 1572 и 1576 годом, одетый как фаворит Генриха III, в богатый камзол с двойным рядом жемчугов и в берет с султаном. Итак, Беарнец тоже следовал моде. Надо ли говорить, что, став свободным, он быстро вернулся к своей привычке пренебрегать одеждой?

Итак, надо было поступать как король, но не всегда ясно, был ли Генрих III причиной возникновения какой-либо моды. Его прически способствовали появлению и распространению беретов. Д'Обинье рассказывает, что во время своего пребывания в Лувре рядом с Генрихом Наваррским он видел, что дворяне носили шляпы только в случае дождя или конных состязаний. С 1579 года, как мы видели, Генрих III постоянно держал голову покрытой. Король, напоминает Липпомано, «по совету врачей сбрил все волосы, он носит берет, похожий на польский, и никогда его не снимает, ни в присутствии послов, ни в церкви, и носит очень богатый и красивый парик». С этого момента береты стали широко распространены. То же самое в отношении коротких штанов, которые до Генриха III были короткими и как бы надутыми, а при нем стали длиннее и более плоскими, однако не установлено, он ли ввел эти изменения.

При дворе все следили за чистотой тела и элегантностью вещей. Но все ли были к этому склонны? После смерти Генриха III контраст между ним и Генрихом IV потряс современников. Так, в отрывке «Описания острова гермафродитов» Тома д'Амбри хотел польстить Генриху IV и перевернул вверх ногами обычаи двора Генриха III в области туалета, использования помад и духов, заботы о прическе, не забыв очернить изысканное белье, экстравагантную обувь и привычку украшать себя драгоценностями. Еще один отрывок представляет нам деятельного фигаро XVI века: «Едва я вошел в комнату, как увидел троих людей, которые держали волосы маленькими щипчиками, вынимаемыми из жаровен, так что волосы дымились. Когда вся эта церемония была окончена, их головы походили на напомаженное небо». Но разве в наши дни мужчины не пользуются завивкой? И что думать об экстравагантных по форме и цвету прическах, которые носят некоторые молодые люди?

В отношении одежды и драгоценностей Генрих III проявлял эксцентричность, но так было не всегда. Возраст и обстоятельства сделали его вкусы более умеренными. 16 декабря 1576 года посол Англии выражал свое удивление Елизавете, увидев короля, полностью одетого в черное, с единственным украшением на накидке. В следующем месяце, 27 января Луи де Гонзага отмечал, что король снова носит в ушах подвески, «что не делал несколько месяцев». Гораздо позже, 21 января 1585 года, нунций Ригаззони пишет в Рим, что хотя король испытывает нужду в деньгах, это не мешает ему украшать дворец и покрывать себя драгоценностями. Те же контрасты мы наблюдаем между портретами его юности и ближе к концу жизни. 5 января 1587 года Кавриана отмечал, что он «одевается в серо-коричневые цвета». По словам депутата

Генеральных Штатов 1588 года, Этьена Бернара, в частной беседе король заметил, что он не расточителен в одежде, потому что носит одно и то же платье в течение грех месяцев.

Так простота сменяла богатство и роскошь. Темные цвета сменяли яркие и вызывающие. Фавориты следовали примеру своего господина. Анн, герцог де Жуаез, приводит в этом доказательство, говоря о задуманном портрете: «Я хочу быть в черной одежде с воротником, как у короля в это время дня». Шарль Конт точно изобразил Генриха III и герцога де Гиза в замке Блуа в 1588 году (картина находится сегодня в Люксембургском музее): король во всем черном стоит напротив блестящего Меченого в одежде светлых тонов.

Время фантазий прошло; Генрих носил траур по себе самому. Рассеялись надежды и иллюзии начала правления. Покинутый большинством подданных, практически без средств, он остался только со своими приближенными. Он всегда был ими окружен и мог рассчитывать на них, так как сделал им положение. И именно на них обрушилось общественное мнение. Вслед за современниками короля, традиционная историография представила их транжирами, дебоширами и бессловесными инструментами удовольствий короля, назвав «любимчиками» в самом отрицательном и унизительном значении.

Генрих III и его фавориты. Легенда и реальность

То, что Генрих III был окружен фаворитами, никого не удивляло. У монархов была привычка выделять верных людей, давать им титулы и деньги. В обмен они верно им служили, так как без королевской протекции ничего из себя не представляли.

Первым такую практику ввел Филипп III Смелый. До его отца Сен Луи правление было главным образом личным делом. Пьер Ля Врос стал первым в длинной серии министров или фаворитов Филиппа Красивого, Карла VII, Людовика XI, Генриха II (его официальным фаворитом был Анн де Монморанси) и Людовик XIII. Только Людовик XIV, Людовик XV и Людовик XVI не имели ни одного фаворита. Людовик XVIII последним прибегал к этой традиции, сделав Эли Деказа своим вторым я. Но среди всех этих людей самыми известными остались фавориты Генриха III.

Термин «любимчик» (миньон) появился в фарсах только в середине XV века. Возможно, его можно связать с термином «кошечка» (мине), выражающим все, что есть в этом животном нежного, ласкового и грациозного. Отсюда пошли слова ласкать, нежить (миньоге, аминьоте). Одно время пытались найти в этом

слове кельтские истоки (от ирландского «мин»: маленький, нежный, мягкий) или германские (от «минния» — любовь). Но эти попытки ни к чему не привели. Но точно установлено, что с XV века «любимчик» обозначал «слугу знатных дворян» и указывал на придворного, представляющего своего господина. В этом смысле мы можем видеть его в «Ста новеллах» у Комина. Один парижский буржуа употребляет его в 1522 году в своем «Журнале», говоря о назначении бальи Франциском I: «Господин де Ля Бар, один из его любимчиков, родившийся в Париже в семье бедняков». В стихах Деспорта, любимого поэта Генриха III, «любимчик» означает синоним «компаньона»: «Что делаете вы, друзья (любимчики), моя любимая забота?» восклицает он, думая о тех, кто составляет «милую банду» герцога Анжуйского, в своей «Беседе» от 1571 года. Эти молодые люди, по словам поэта, являются «любимцами богов», «соседями богов», то есть знатных дворян. Генрих называл их «моим войском» или «четверкой». В 1573 году, во время осады Ля-Рошели, д'Э, Келюс, Сен-Люк и Сен-Сюльпис уже были мушкетерами, а брат последнего погиб под стенами города.

Однако распространенное значение фаворита, компаньона, спутника, было не единственным. Было также значение «любимца в постели», то есть любовника. Сестра Генриха III, Маргарита Валуа, удрученная смертью одного из своих любовников, просила поэта Меснара выразить в стихах ее печаль по умершему Сен-Жульену, «ее любимцу». Поэт согласился на ее просьбу и составил «Сожаления». Королева Маргарита «носила их у себя на груди и рассказывала дни и ночи напролет». Таким же образом любовница могла называться «милочкой». Упоминая о госпоже де Шатонеф, Л'Эстуаль называет ее «одной из милочек короля Генриха III». В том же смысле употребляет это слово Ронсар в своем знаменитом сонете, который начинается со слов «Милочка, посмотрим, если Роза…».

Итак, можно ли относить к фаворитам Генриха III одно-единственное значение слова «любимчик», в котором фигурирует постель, исключая весь остальной смысл? Прежде, чем решить этот вопрос, следует, по крайней мере, получше узнать о них.

Такой прирожденный военный, как Брантом, в отступлении своей «Беседы о полковниках пехоты» считает нужным выступить против тех, кто поносит молодых дворян, предающихся развлечениям двора, и считают их неспособными вести войну и там проявить свое мужество. Говоря о графе де Рандане, он, который, по мнению некоторых, не мог вести тяжелую жизнь пехотинца, он восклицал: «Я хочу знать, что мешает военному человеку любить двор, любить изысканность, любить дам и все

другие прекрасные удовольствия». Брантом напоминает об «удивительных боях и дуэлях при дворе, в которых участвовали Бюсси, Келюсы, Можироны, Ривероли, Меньеле, Антраги, Грийоны, Шанваллоны и бесконечное число других честных и мужественных молодых людей». «Зачем они это делали, если не из любви к дамам?» (Можно отметить, что в приведенном списке фигурируют два фаворита Генриха: Келюс и Можирон.) Военные полагают, продолжает наш автор, что «оставшиеся при дворе являются лишь любимчиками, изнеженными и женоподобными, не умеющими обращаться со шпагой». Брантом родился в 1540 году и, когда писал эти строки, уже был старым солдатом: итак, он делал различие между военными его поколения и молодыми дворянами конца правления Карла IX и начала Генриха III. Молодежь двора, писали ветераны, «лишь любимчики, любовники, надушенные, завитые, с красивыми лицами. Что они могут? Война не их занятие, они слишком изысканны, они слишком боятся ударов». Однако, возражает Брантом, «они делали совсем иное. Именно они храбро сражались в кровавых сражениях и с такой честью ввели их в обиход. На войне именно они первыми шли на штурм, в битву или разведку. И если надо было отразить два нападения или два раза ударить, один раз они брали на себя и разбивали так много болтающих старых капитанов. Так сегодня смелые и отважные люди двора заставляют заметить себя, и делают эго лучше, чем раньше, я в этом убежден».

Брантом защищает окружение герцога Анжуйского и элиту католической молодежи во время третьей религиозной войны 1569 года. Будучи храбрыми людьми, они не задумываясь рисковали жизнью, хотя и были эксцентричны в одежде и ношении драгоценностей и были ярыми дуэлянтами. Правда, не один Брантом ценил военные качества молодых дворян. Агриппа д'Обинье, обвинитель короля и его любимцев, так жестоко разделавшийся с ними в «Трагиках», тем не менее послужил на пользу объектам своего сарказма. Нападая на них, он постарался забыть, что был придворным Карла IX и Генриха III, послужив под руководством как герцога де Гиза, так и его лейтенанта Фервака. Его свидетельство имеет двойную ценность. По случаю кампании Генриха де Гиза против наемников, окончившейся победой при Дормане в 1575 году, он сообщает: «Передовые отряды войска Фервака уже были рядом с Шатовилленом, а герцог де Гиз приехал в Лангр сформировать армию, состоящую из 20 рот вооруженных людей. В этой пехоте, которая была проворней любой другой, во многих ротах уже видели не менее 20 мушкетеров. Кроме того, к герцогу де Гизу прибыли все любимцы

короля (в это время термин становился вульгарным)». Чуть ниже Агриппа поименно называет среди молодых дворян, фаворитов короля «Келюса, Сен-Люка, Сен-Сюльписа и двоих д'Э и 40 придворных, увеличивавших французские копья до 350 штук».

Именно этих молодых людей, храбро сражающихся в битвах, народ стал с 1576 года называть «любимчиками». В июле 1576 года Л'Эстуаль поместил в своем Журнале пасквиль под названием «Достоинства и состояние любимчиков». Помимо обвинений нравственного характера, фаворитам ставилась в вину исключительная щедрость к ним короля, распоряжающегося достоянием духовенства, знати и третьего сословия, в то время как «старые капитаны» лишены почета и денег, которые им по праву причитаются.

Так перед скандальными дуэлями 1578 года противостояние старых и новых является источником клеветнической кампании против фаворитов, и размышления Брантома эго прекрасно подтверждают. По словам недоброжелателей, фавориты были «женоподобными», «ганимедами», «завитыми» и «напомаженными». В этой кампании не последнее слово было за гугенотами и герцогом де Гизом. Сторонники хронического конспиратора — Монсеньора, протестанты, старались ослабить короля, нападая на его приближенных. Что касается первых, они целили в самого Генриха через его любимцев. Сражаться всеми видами оружия, даже самыми неблаговидными, с тем, кого их пропаганда не замедлит представить как узурпатора, значило расчищать себе путь к трону. Духовенство, озабоченное сохранением своих богатств и привилегий, выступало за искоренение ереси, но укрывалось от финансирования требуемой им войны. Генрих III стоял перед лицом союза этих антипатий и оппозиций. Начавшиеся в 1576 году нападки на короля с целью уничтожить его в глазах общественного мнения удвоились в 1584 году после возникновения кризиса, связанного с наследованием короны, затем они продолжали шириться и достигли вершины в 1588–1589 годах.

Лучше всего можно узнать Генриха III и его фаворитов, просмотрев их переписку. Первое письмо короля датировано 29 сентября 1575 года и обращается ко всем «четырем в лагере». Как мы знаем, Генрих де Сен-Сюльпис, Франсуа д'Э, Жак де Келюс и Франсуа д'Эспине, господин де Сен-Люк находились в лагере герцога де Гиза, под Лангром. Их король написал им уже два раза и получил только по письму от каждого: «Я знаю, что вы заняты или забывчивы. Вы исправите это тем, что будете часто писать мне, и тем доставите мне удовольствие. Любите хозяина, потому что он сам очень любит вас». Затем случилось практически

уникальное событие в переписке короля: молодой Бришанто-Нанжи находился рядом с королем, когда тот начал засыпать. Генрих передал ему перо и молодой человек дописал постскриптум: «Король оказал мне великую честь, позволив написать в своем письме, спасающем меня. Я хочу уверить вас четверых, что я уже однажды говорил, что у вас никогда не будет преданнее друга, чем я».

1 октября 1575 года король вновь пишет коротенькую записку всем четверым и Иоахиму де Дентевиль: «Поскольку слова подобны женщинам, а дела мужчинам, я не доставлю вам большого труда для прочтения моего ужасного почерка. Но представился случай и дело сделано. Я хочу, чтоб вы знали о моем расположении. Думаю, вы не рассердитесь на меня, увидев это письмо». До нас дошло 5 писем одному Сен-Сюльпису (за ноябрь-декабрь 1575 года) благодаря прекрасным архивам семьи Эбрар де Сен-Сюльпис. «У вас будет этот знак дружбы, писал Генрих III в последнем письме, — для начала, но поверьте, моя дружба к вам не изменится, так как это не в моих привычках. Любите меня, и я прошу вас писать мне чаще, как вы мне обещали. Если гугеноты перехватят это письмо, я посылаю их ко всем чертям. Вспоминайте о своем хозяине, Генрих. Ведь меня тоже зовут Генрих. Молю Господа сохранить вас…» Подпись составили две первые буквы имени короля и адресата письма, одна сделана заглавной, вторая маленькой.

Чувствуется, что эти письма были написаны под влиянием сильной привязанности. Тем не менее король ограничивается словом «дружба». Но она была требовательна, ведь король просил Сен-Сюльписа, которого он звал «Колетт», часто писать ему. Став в сентябре 1575 года бароном де Сен-Сюльписом и в январе 1576 года капитаном сотни рейтаров из королевской гвардии, после поездки к герцогу де Гизу Генрих де Сен-Сюльпис остановился в Керси, где вел переговоры о своей свадьбе с Екатериной де Кармен де Негрепелисс. Бракосочетание прошло 25 февраля. Но счастье молодого Сен-Сюльписа было недолгим. Сопровождая отца на заседании Генеральных Штатов в Блуа, он рассорился с виконтом де Тур, Ж. де Бон. Несмотря на внешнее примирение, 20 декабря он был убит людьми, нанятыми его противником. Генрих III тяжело переживал случившееся. 30 сентября он писал вдове, чтобы успокоить ее: «Вы жена того, кого я так любил, и того человека, который так хорошо служил короне».

Жизнь второго фаворита тоже была прервана внезапно — в 1575 году был убит Дю Гаст. В 1578 году та же судьба ждала одного из самых известных членов «дорогой банды», Жака де Келюса, сына Антуана де Леви. Кузен Генриха де Сен-Сюльписа и,

подобно ему, командир роты, Келюс должен был жениться на девушке из семьи Сен-Сюльпис, как становится ясно из письма Жана де Сен-Сюльписа к сыну Генриху, в котором отец напоминает о взаимной договоренности обеих семей. Это единственное упоминание о Келюсе до дуэли. Жак де Леви (Келюс) был необычайно красив, его идеальный почерк выдавал эстета. Три записки, адресованные ему Генрихом III, хранящиеся сегодня в каталоге дома Шаравэ, показывают, какая близость существовала между всеми четверыми.

Из этих записок становится ясно, что Генрих ждал от своих фаворитов подчинения. Для него было совершенно естественно держать их на поводке материальных нужд. Но он удерживал их не только деньгами. В одной из записок он выражает желание восстановить гармонию между приближенными при дворе, где интриги и соперничество возникали постоянно: «Маленький Жаке, Луа (возможно, врач) придет навестить тебя днем. Я не собираюсь заниматься разбирательством этой злой шутки и показал лживость и неосторожность ее авторов. Он очень зол, что поверил всему. И надо его ублажать. Я хочу быть уверенным, что подобных мыслей больше не будет.

Расскажи мне, как все пройдет, и я верну тебе твое хорошее расположение в двойном размере. Малыш, я целую тебе руки и обнимаю». Последняя фраза, очевидно, двусмысленна. По меньшей мере, она доказывает силу чувств монарха. Они ярко проявятся после трагической смерти Келюса после дуэли 27 апреля 1578 года. Раненный 19 ударами шпаги, Жак де Леви умер 29 мая, через 30 дней борьбы за свою жизнь. Генрих настолько отдавался горю, что проявления его можно было сравнить с театральным трауром средиземноморских или восточных народов или с несчастьем обездоленных людей античности. Он приказал захоронить тело Келюса в церкви Сен-Поль (Святого Павла) вместе с другими жертвами боя и возвести в их честь величественные могильные сооружения. Гугеноты говорили о Сен-Поль — «сераль любимчиков». После бегства короля из Парижа горожане разорили мавзолеи фаворитов, в честь которых Генрих просил Амади Жамена, Рассера и Ронсара составить памятные стихи.

Другой член четверки, Франсуа д'Эспинэ, господин де Сен-Люк, впервые появляется среди друзей короля 28 декабря 1575 года, о чем мы узнаем благодаря письму молодого Сен-Сюльписа. Сен-Люк был одним из фаворитов, на которых больше всего обрушивалась злоба гугенотов и членов Лиги. Однако он был прекрасным солдатом, по словам Генриха IV (сказанным после его смерти во время штурма Амьена 5 сентября 1597 года). А

Брантом называет его «очень храбрым, мужественным и хорошим капитаном». Жизнь этого нормандца, убежденного католика, часто переплеталась с жизнью его полка. Так, в 1577 году он принял участие во взятии Ля Шарите. Вернувшись ко двору, он стал мишенью нападок парижан, потому что был вместе с Келюсом и встречался с Бюсси д'Амбуаз I февраля 1578 года. Сен-Люк женился на Жанне де Коссе-Бриссак. Л'Эстуаль пишет, что жена его была «некрасива, горбата и уродлива, по слухам двора». Брантом расхваливает ее. Но ясно, что хотя племянница маршала де Коссе и была внешне непривлекательна, она была очень умна: ее не щадили ни гугеноты, ни члены Лиги. Ее муж обещал иметь прекрасную карьеру. Будучи беден, он последовал за Генрихом в Польшу, а вернувшись, воспользовался королевским расположением. Генрих III купил ему замок Розуа-ан-Бри ив 1579 году сделал правителем Бруажа. Он командовал полком из Пьемонта, потом получил полк пикардийцев. Видимо, Генрих III пообещал ему большое состояние и герцогский титул. Ничего не получив, Сен-Люк резко покидает двор в феврале 1580 года. Это было началом отставки и отстранением от двора, прерванным только с приходом Генриха IV, в правление которого он вновь крепко сидел в седле. Генрих III, резко переходящий от нежной дружбы к резкой враждебности, арестовал его имущество, захватил жену и собирался забрать у него Бруаж, куда Сен-Люк сбежал, игнорируя приказы короля. Генрих III даже собирался начать против него процесс по оскорблению величества и лишить состояния. По словам Л'Эстуаля, такая немилость была основана на соперничестве между Сен-Люком и Франсуа д'Э, а также на тайной связи фаворита с Монсеньором, впоследствии ставшей очевидной. Но, что еще важнее, Сен-Люк передал своей жене «некоторые секреты королевского кабинета». Разъяснения дает нунций Дандино в депеше от 3 февраля 1580 года: «Уже несколько дней по секрету говорят, что король зачастил в Пуасси, недалеко от Сен-Жермен, и там часто встречается с некоей монахиней. Королева-мать поговорила с королем, упрекая в пороке и говоря о возможном скандале. Король обвинил в раскрытии секрета Сен-Люка, все рассказавшего своей жене, а та захотела поссорить его с Его Величеством и посмотреть, что из этого выйдет». С другой стороны, Брантом передает, что королева Луиза жаловалась на Сен-Люка. Так что, возможно, Жанна де Бриссак и ее муж сами спровоцировали свою немилость. Отношения короля с монашенкой из Пуасси и появление полураздетого Сен-Люка в спальне королевы, естественно, были тайнами кабинета короля, о которых упоминает Л'Эстуаль. Нунций Рениери рассказывает в депеше от 8 февраля 1580 года:

Жанна де Бриссак согласилась выйти замуж за Сен-Люка только по приказу короля, пообещавшего ему должность обер-шталмейстера. Но обладатель этого титула, граф де Шабо-Шарни, отказался передавать его другому. Сен-Люк еще не терял надежды, когда Жуаез «так успешно заведя любовь с дочерью обер-шталмейстера, получил согласие отца на брак, а вместе с ним и на должность, с одобрения Его Величества. Узнав обо всем, Сен-Люк пожаловался королю, что он не держит слова. Король дружелюбно ответил, что пообещал это только из желания помочь ему жениться и что он сам сделал ему достаточно подарков, коими он должен удовлетвориться».

«Но этот человек, имевший больше гордыни и безумия, чем разума, ответил такому великому королю, что эта должность была ему обещана, и он сделает все возможное, чтобы помешать Жуаезу получить ее». С этого момента король перестал так благоволить к нему, как раньше. Но, как бы там ни было, королю приходилось считаться со своим бывшим фаворитом из-за Бруажа и необходимостью поддерживать мир на юго-западе. В июне 1580 года они пришли к согласию: мадам де Сен-Люк была выпущена на свободу и получила денежную компенсацию, так же, как ее супруг. Хотя Сен-Люк пообещал оставить Бруаж, он не торопился это делать. Желая оградить себя от возвращения немилости, он стал придворным Монсеньора и его ответственным за гардероб. Затем, после смерти принца, он обратился к Лиге. В правление Генриха IV он стал убежденным роялистом и в 1596 году получил один из самых значительных постов государства, о котором столько мечтал, пост начальника королевской артиллерии. Так, в отличие от прочих фаворитов, преданность «хозяину» не находилась среди непреложных законов его жизни.

Среди вышеупомянутой четверки Франсуа д'Э играл при Генрихе важную роль, так как занимался финансами. Он умел считать деньги. Обладая гибким умом, не мучился угрызениями совести. В наши дни мы можем полюбоваться изящным замком его семьи, недалеко от Мортре, в Нижней Нормандии. Одногодок Генриха III, д'Э начал карьеру с простого солдата, принимал участие в осаде Ля-Рошели, где был ранен в феврале 1573 года. Вместе со своим младшим братом Жаном последовал за Генрихом в Польшу. Там он уже пользовался его полным доверием, так как составлял его самые тайные письма. По возвращении во Францию он принял участие в кампании против наемников, весной 1575 года. Подобно другим фаворитам, он был неисправимым дуэлянтом, о чем свидетельствует его присутствие рядом с Келюсом 1 февраля 1578 года, когда тот недалеко от ворот Сен-Оноре напал на Бюсси д'Амбуаз, «большого любимца»

Монсеньора. Но упражнения со шпагой были для него вторичны. В записке к Виллеруа король называет его «мой великий эконом». Став владельцем замка во Фресн, он начал там принимать короля. Генрих III устроил его брак с Екатериной де Виллекье, единственной дочерью Рене де Виллекье, другого фаворита, назначенного правителем Нормандии. По словам Л'Эстуаля, когда король женился, он объявил, что уже женил трех своих детей и отныне будет самым лучшим хозяином для всех своих подданных. В октябре 1581 года Рениери пишет, что король надолго расстался со своим «великим экономом». «Господин д'Э, говорит он, уехал вместе со всеми своими братьями после довольно долгого разговора с королем. Он отправился домой, затем в с вое поместье в Нижней Нормандии. По словам близких к нему людей, король сказал, что любит его как никогда, но вынужден отдалить от себя. Его Величество оставил ему все деньги, прошедшие через его руки и аннулировал все сто долги Его Величеству. Король передал ему 10 000 экю, частью наличными, частью в ассигнациях». Добавим от того же Л'Эстуаля, что одной из причин этой немилости было неодобрение д'Э браков двух «сверхлюбимцев», Жуаеза и Эпернона, с сестрами королевы Луизы. Генриху III было трудно удерживать равновесие между всеми фаворитами, и он не мог поднять их всех до положения д'Арка и Ля Валетта, которым были обещаны герцогские титулы. Однако, как замечает Л'Эстуаль, «этому любимчику повезло, что он получил такую мягкую и почетную отставку, если вспомнить позорное изгнание Сен-Сюльписа». В конце правления Генриха III д'Э вернулся ко двору, и в январе 1586 года король внес его в списки на награждение орденом Сен-Эспри. д'Э проявил лояльность к королевской власти в 1588 году, когда несмотря на опасность исполнил королевский приказ и отступил с французскими войсками, чтобы привести их к Пон-Нотр-Дам. Затем он следовал за королем в его бегстве до Сен-Клу. Его замок во Фресн был разграблен герцогом д'Омалем, одним из Гизов. Восстановив доверие короля, он присоединился к энергичным планам д'Эпернона и был одним из свидетелей последних мгновений жизни Генриха III. Обладая гибким умом, он посоветовал Генриху IV стать католиком и не переставал служить ему, крепко связав себя с судьбой нового короля. Он потребовал у Парижа открыть ему двери, вошел в город с высоко поднятой головой в 1594 году и восстановил свои права в правительстве Парижа, от которого его отстранили Гизы. 24 октября 1594 года 43-летний д'Э, страдающий от задержки мочи, не перенес операции. После его смерти объявили, что он более ничем не владеет, и даже забрали его личное имущество. В

каком-то смысле он был предшественником великого заведующего финансами Генриха IV, Сюлли.

Как мы помним, в письме от 1 октября 1575 года, Генрих III присоединяет к четверке Иоахима де Дентевилля, также бывшего преданным слугой короля. 20 декабря 1579 года король назначил его генерал-лейтенантом Шампани и Бри, где он усердно выполнял трудную задачу по присмотру за герцогом де Гизом и Святым Союзом (который с 1588 года распространил свое влияние почти по всей провинции). После смерти Генриха III Дентевилль стал служить Генриху IV и смог постепенно добиться повиновения в городах Шампани. После его смерти в 1607 году Генрих IV говорил Сюлли: «Бедный господин де Дентевилль умер: это большая потеря». Подобно услугам Франсуа д'Э, король Бурбон смог оценить заслуги и другого фаворита Генриха III и воздавал ему должное.

Первая «банда» любимчиков, карьеры которых мы только что наметили, с 1577–1578 годов сменилась второй волной, ограниченной на этот раз лишь двумя фаворитами. Общественное мнение одарило их прозвищем «архилюбимчиков». С этого момента Луи Комой Ногаре де Ля Валетт и Анн де Жуаез, барон д'Арк, возведенные в герцогский титул, не оставляли политической сцены и были одними из ее главных актеров. Не из одного удовольствия Генрих III окружил себя молодыми, знатными и полностью преданными ему людьми. До недавнего времени обвинения в извращенности нравов короля и его фаворитов скрывали политические причины, по которым Генрих III сделал Эпернона и Жуаеза щитом против Бурбонского и Лотарингского дома.

Два «архилюбимчика»: Герцоги д'Эпернон и де Жуаез

Жан-Луи Ногаре де Ля Валетт родился в центре Гаскони, в замке Комой в мае 1554 года. С 1567 года примерно по 1570 он учился со своим старшим братом Бернаром в коллеже Наварр в Париже. В 1570 году братья вернулись к отцу, Жану де Ля Валетт, ведущему войну против гугенотов. Благодаря господину де Гизу они приняли участие в осаде Ля-Рошель. Затем они снова вернулись в Гасконь. Казалось, судьба благоволит к ним: в сентябре 1574 года король назначил их отца своим генерал-лейтенантом в Гюйенне. По совету последнего Жан-Луи представился королю Наваррскому, и тот принял его в штат придворных. Но к несчастью для молодых людей, их отец неожиданно умирает в сентябре 1575 года. Напрасно молодые Ля

Валетт обращались к Гизам с просьбой о преемственности обязанностей отца. Их отказ они не простят никогда. И они остались на службе у Генриха Наваррского. Так в феврале 1576 года Жан Луи помог Беарнцу бежать из Лувра и сопровождал его до Алансона. Но когда король Наваррский стал гугенотом, Ля Валетт предпочел больше не находиться у него на службе. Проведя некоторое время у себя в Комоне, он направился прямо ко двору, не забыв из осторожности взяться за поручение маркиза де Виллара, командующего в Бордо, и маркиза де Руффек, командующего в Ангулеме, передать детальные сообщения о положении в провинциях. Прибыв ко двору, он исполнил поручения Виллара и Руффека. Король был потрясен рассказом и отправил молодого человека к матери. Она же вернула его к Генриху, считая полезным увеличить количество людей, окружавших короля. Однако молодой человек поступил на службу не к королю, а Монсеньору в качестве дворянина его спальни. Это было лучше, чем ничего. В остальном Комон постарался чаще появляться у короля, нежели у нового герцога Анжуйского. К тому же ему удалось одержать победы над сердцами многих фрейлин королевы-матери. Молодой, привлекательный, хорошо одетый и обладающий живым умом, он умел нравиться. Чуть позже, готовясь к отъезду со своим господином, которому было поручено привести в повиновение Ля Шарите и Иссуар, он был приятно удивлен, получив от короля на прощанье 1200 экю.

Для успеха при дворе надо было уметь подать себя. С помощью полученных от короля денег Комон приобрел много новых вещей и среди прочих одну из самых великолепных палаток. Когда армия расположилась лагерем вместе со двором, он поставил ее как можно ближе к палаткам фрейлин королевы-матери. Все были потрясены удивительным зрелищем, и однажды вечером Екатерина показала палатку Комона королю. На следующий день Генрих пошел посмотреть на нее и так беседовал с ее владельцем, что все перестали рассматривать молодого человека как обычного дворянина из Гаскони. Но окончании победной кампании Монсеньора против гугенотов, он перешел в услужение к королю. Среди молодых дворян из свиты Монсеньора Генрих выделял четверых: Можирона, Ливаро, Молеона и Комона. Маргарита Валуа называет их в своих «Мемуарах» «одними из самых честных людей» и сожалеет, что они перешли па службу к королю. Вероятно, именно в это время Комон вернулся к имени Ля Валетт. По окончании почти языческих праздников в Плессиле-Тур и Шенонсо он отправился к Иссуару и Вру аж у, при осаде которых проявил себя очень активно и был особо отмечен своими

командирами.

Он вернулся в Париж в начале 1578 года. Но как потеснить плеяду молодых людей, составляющих кружок короля, д'Э, Арка, Можирона, Ливаро, Шомберга, Молеона, Сен-Мегрена и особенно Келюса, стоявшего на вершине славы? Ля Валетт прекрасно себя чувствовал в атмосфере двора, полной интриг и ловушек, и вскоре обратил на себя внимание Келюса, в то время, как двор был занят ссорами между домами короля и Монсеньора. Бюсси д'Амбуаз искал ссоры с фаворитами короля, вызывая их гнев прозвищем «любимчики в постели». Последние ответили 1 февраля 1578 года, напав па него, правда безуспешно, недалеко от ворот Сен-Оноре. Атмосфера двора стала невыносимой и для герцога Анжуйского, не оставалось другого выхода, кроме бегства, что он и сделал 14 февраля 1578 года.

В конце апреля судьба предоставила Ля Валетту неожиданный шанс. 27-го числа произошла знаменитая дуэль фаворитов, в которой Келюс был смертельно ранен, Шомберг и Можирон убиты на месте, а Ливаро тяжело ранен в голову, после чего шесть недель находился между жизнью и смертью. Один Антраге, победивший Келюса, вышел из драки невредимым и поторопился покинуть двор, чтобы ожидать вердикта короля. Несмотря па прозвище «любимчиков в постели», фавориты столкнулись «из-за дам». Шесть фаворитов, выведенных из строя ссорой, эго был неожиданный шанс для Ля Валетта, тем более, что Келюс рекомендовал королю молодого гасконца, прежде чем умереть после 33 дней агонии. Опустошение, нанесенное смертью, постепенно заполнилось вкрадчивой ловкостью Ля Валетта, сумевшего одновременно поддержать свою репутацию. Пока король еще находился у изголовья Келюса (20 мая), Ля Валетт поссорился с другим гасконцем, господином де Касательно. Их разнял господин де Пигайяр с гвардейцами короля. С этого момента он проходит в глазах виконта де Турен как «любимчик».

Во всяком случае, придворным пришлось ждать еще несколько месяцев, чтобы узнать, кто в ближайшем окружении короля унаследует место Келюса и его погибших товарищей. 1 января 1579 года рассеяло все сомнения. Генрих III учредил орден Сен-Эспри (Святого Духа), новую форму награждения, о которой мечтала вся знать. Монарх пожелал сделать церемонию утверждения ордена самой торжественной и величественной. Он собрал 26 дворян, первых претендентов на награждение во дворце Нантуйе, недалеко от монастыря Гран-Огюстен (Великих Августинцев). При награждении присутствовали все придворные. Всеобщее любопытство и восхищение вызывали 26 цепочек с

серебряным голубем и 26 плащей из черного велюра с соответствующими цифрами и отделанные золотым пламенем. Король появился в сопровождении многочисленной свиты, среди которой выделялись четверо молодых людей, которые держались ближе всего к монарху: Франсуа д'Э, Анн барон д'Арк, Франсуа де Сен-Люк и Жан-Луи де Ля Валетт, одетые в такие же костюмы. Среди собравшихся произошло движение. Стало понятно, что король, одев их подобно себе, давал понять, кто отныне является его фаворитом. До конца правления Генриха III карьера Ля Валетта шла по восходящей линии.

Карьера Анн де Батарне де Жуаез, барона д'Арк, тоже должна была достигнуть неожиданных высот, прежде чем была прервана его смертью в сражении при Кутра в 1587 году. Родился он в 1560 году в Виваре, в замке Жуаез, в семье лангедокских дворян, союзных Монморанси.

Свое начальное образование получил в Тулузе в 1573 году. До начала 1575 года тоже посещал занятия в коллеже Наварр. В мае того же года он вернулся к отцу Гийому и в 1577 году принял участие в сражениях против гугенотов в своей провинции. Так он участвовал в Овернской кампании, о чем свидетельствует его письмо из Бриуда от 23 июня. Затем он вернулся ко двору и начал карьеру фаворита, однако неизвестно, когда молодой Жуаез стал пользоваться действительным расположением короля. Первое не вызывающее сомнений упоминание о нем дает Л'Эстуаль: 1 февраля 1578 года д'Арк участвовал в нападении всех фаворитов короля на Бюсси д'Амбуаз. По словам Л'Эстуаля, фавориты хотели отомстить кровью за их поруганную честь, так как тот называл их «любимчиками в постели» и совершенно не считался с ними. Такова была причина ссоры, по крайней мере известная.

В течение 9 лет, начиная с 1578 года и кончая сражением при Кутра, барон д'Арк, ставший герцогом де Жуаез, проделал карьеру, параллельную карьере Ля Валетт, герцога д'Эпернона. Незадолго до окончания правления Генриха III, тосканец Кавриана описывает отношения короля с его фаворитами совершенно в другом свете, нежели определения самых ярых противников последнего Валуа. Говоря о военных успехах Жуаеза и Эпернона, он добавляет: «Отец очень доволен, что два его приемных сына доказали свою значимость».

Наследники первой группы фаворитов, Эпернон и Жуаез вдвоем составили их второе поколение при Генрихе III. Начиная с 1580–1581 годов они настолько сильно влияли на политическую и военную историю, что их поступки выходят за пределы данной главы. Но дружба и привязанность, объединявшая их с Генрихом III, заставляет обратить внимание на природу их отношений с

королем, и посмотреть, насколько истинны обвинения их врагов.

Генрих III и его фавориты: неоправданная легенда

Присутствие рядом с королем такого количества молодых и смелых людей, некоторые из которых отличались удивительной красотой (например, Келюс и Жуаез), следующих экстравагантной моде и принимающих участие в празднествах и развлечениях их хозяина, все это вызывало зависть и злословие. После своего поражения на заседании Штатов в Блуа в 1576–1577 годах Генрих III решил следовать золотой середине в политике и сразу же стал мишенью разгоревшихся политических и религиозных страстей.

Очень скоро его обвинили в тирании, которая уже служила поводом для обсуждения полемистам-протестантам в их выступлениях против Карла IX после Варфоломеевской ночи. Авторы брошюрок и памфлетов искали вдохновения и примера у таких латинских писателей, как Саллюстий и Тацит. Начиная с Аристотеля, основной частью полемики оставалось сравнение короля с тираном. Ныть королем, писал Эразм в 1517 году, значит заключить договор с Господом. Если обладатель высшей власти нарушает его, то он становится тираном, вроде Калигулы и Нерона. Генриху III, предполагаемому тирану, памфлеты противопоставляли действительно законного короля. Тиран становится диким зверем, которого следует уничтожить, так как он не может не быть порочным до глубины души, потому что лишен божественного благословения. Такие мысли приводит Агриппа д'Обинье в книгах «Нищета», «Принцы», «Трагики» в 1577 году. Но именно благодаря деятельности Гизов в 1588 году Генрих III был без всякого основания обвинен в тирании, и Сорбонна освободила его подданных от принесенной ими клятвы верности. Однако еще до этого ужасного года враги короля обвиняли его в основном в извращенности нравов. Достаточно просмотреть огромное количество пасквилей, стихов, собранных Л'Эстуалем, чтобы показать уничижительный смысл слова «любимчик». По словам П. Шампьона, первая кампания открылась в 1576 году, во времена первой лига. Она затихла в период с 1577 по 1584 год, но ей на смену пришла с удвоенной силой вторая кампания, возникшая из-за кризиса с наследованием короны, разразившемся в 1584 году. Члены Лига отошли от гугенотов, возмущенные гем, что сыграли на руку агентам Испании. С другой стороны, два враг а Франции савойский дипломат Р. де Люсенж и кардинал Гранвель, преданный человек Филиппа II в свою очередь тоже внесли лету в эту кампанию прессы, объектом

которой спало сексуальное извращение короля. Агриппа д'Обинье в «Трагиках» вторил их словам и запечатлял их в коллективной памяти народа.

Из всех послов, находящихся при дворе Франции, один Люсенж в «Зеркале принцев», предназначенном герцогу Савойскому, обвинил Генриха III в принадлежности к адептам греческой любви, в которую его якобы посвятил Рене де Виллекье. Но Люсенж обвиняет, не приводя бесспорных доказательств. Он говорит: «Я сказал бы, что кабинет является настоящим сералем, школой содома, где заканчиваются грязные шалости, о которых все могут узнать. Тем не менее король испытывает жестокие угрызения совести, так что часто сожалеет о такой неправедной жизни и однажды пожаловался кому-то из приближенных, отметив Пасху: «Всю свою жизнь я опасался, придя к короне, иметь какой-нибудь порок, который сделает меня отвратительным для моего народа. Господь пожелал покарать меня гем, чего я больше всего опасался. Но самое большое несчастье мне принесло занятие Виллекье, о котором с Божьей помощью я ничего не знал. Кажется, эти постыдные игры моей юности превращаются в привычку, но с благословенья Господа я сделаю все возможное, чтобы избавиться от нее и оставить эту ужасную жизнь». Вполне понятно ожидание от Люсенжа имени источника этих слов. Но он ограничивается следующим: «Я слышал это от человека, который присутствовал при этом, а потом был отвергнут, потому что, видя короля в гаком хорошем расположении, слишком сильно осудил такие презренные дела. Теперь я хочу замолчать и больше не говорить об этом».

Отказ Люсенжа назвать своего информатора вызывает подозрения. Подобно авторам пасквилей (все они были анонимны), Люсенж передает слухи, воздерживаясь от указания источника. Тог же прием мы видим в «Письмах первого периода Лиги», датированных 20 сентября 1585 года и 7 февраля 1586 года. В последнем он пишет по поводу молодого де Терма (кузена д'Эпернона, к которому король выказывал тогда большой интерес): «Меня заверили, что они вновь взялись за свои сальные шалости и что молодого де Терма поместили в Лувре». Это «меня заверили» очень расплывчато и не заслуживает никакого доверия. Заклятый враг Генриха III, Люсенж не является образцом искренности. Издатель его «Писем о Лиге» А. Дюфур пишет во вступлении к письмам за 1586 год: «Люсенж пишет гораздо чаще своих коллег и переносит на бумагу все, что слышал. Его не заботят доказательства. Отсюда происходит множество ложных слухов».

Итак, Люсенж единственный дипломат, обвинивший короля в

извращенности нравов. И к нему прекрасно подходит максима: «один свидетель — никакой не свидетель». Совсем другое дело, если совпадают многочисленные свидетельства из разных источников. Этот случай применителен к брату короля, герцогу Анжуйскому. Начиная с 15 июня 1576 года Зунига разоблачал его перед Филиппом II в «чудовищном пороке» — тогда уже намечался проект его брака с инфантой. 17 октября 1583 года тосканец Бузини пишет: «Он так влюблен в этого Аврилли и настолько демонстрирует проявления чувств, что это просто ужасно». 23 декабря 1583 года венецианец Моро рассказывает о возвращении Монсеньора в Шато-Тьери «чтобы встретиться там с отцом господина Аврилли, молодого человека с едва пробивающейся бородой, который по словам многих очень красив и любим герцогом сверх всякой меры». Тем не менее тот же автор добавляет, что Монсеньор вернулся в Шато-Тьери встретиться с отцом своего музыканта, играющего на лютне, чтобы обговорить условия своей женитьбы на дочери Фервака. Желая поженить своего последнего сына, королева-мать присоединилась к нему в Мо летом 1583 года. Она попросила мадам де Сов занять ночи молодого Аврилли, а мадмуазель д'Атри спать с герцогом Анжуйским. Об этом рассказывает отрывок из зашифрованного сообщения тосканца Бузини от 8 августа 1583 года. Попытка Екатерины провалилась. Но она доказывает, что мать старалась вернуть сына на общепринятый путь любви, ославленный им ради нуги параллельного.

В текстах дипломатов, включая испанских, пег никаких подтверждений обвинений, подобных примеру с герцогом Анжуйским. Министры принцев, находящиеся при дворе Генриха III, не имели никаких причин утаивать пороки короля, какими бы они ни были, если бы о них с тало известно. Надо подчеркнуть, что многие современники отказывались верить подобным слухам. Так Давиля, автор «Истории гражданских войн», отец которого служил у королевы-матери и был свидетелем последних лет правления Генриха III, писал: «В действительности, этого принца можно обвинить в некоторой слабости к придворным дамам, но он был очень далек от морального распада, в котором его обвиняют». Он отмечает, что окружение короля не принимало всерьез и даже находило смешными подобные слухи. Еще большего внимания заслуживает свидетельство Пьера де Л'Эстуаля, близкого к придворным кругам, так как он был членом королевской канцелярии и вовсе не был благожелателен к королю. Он писал: «Только злые и сумасшедшие болтают об этом».

Секретарь Генриха III, Жюль Гассо лицо заинтересованное, но

и он счел нужным высказаться на эту тему и опровергнуть все постыдные обвинения. Клод Атон в 1576 году тоже не принимал обвинения Генриха III в гомосексуализме и тирании: «Я искренне верю, что он не виновен ни в том, ни в другом, но является хорошим католиком и христианином». Хорошо информированный о нравах двора, Брантом отказывается верить одному из самых ядовитых памфлетов, направленных против герцога д'Эпернона, под названием «Трагическая и памятная история Пьера де Гаверстона, гасконского дворянина, бывшего некогда любимчиком Эдуарда II, короля Англии»: «Авторы слишком увлекаются страстью обвинения, но не всегда надо верить тому, что говорится и пишется из злословия».

Итак, мы видим, насколько надо сохранять осторожность. Разве не вызывает удивление использование королем в его переписке термина, с которым набрасывались на него противники? Текст был взят Шампьоном из каталога дома Шаравэ (согласно обычаю продавец автографов включил фрагмент письма, полного содержания которого мы не знаем). Вот отрывок из него. В письме к преданному Виллеруа, написанном без сомнений в конце 1584 года или в начале 1585, король спрашивал новостей о Монморанси и добавлял, будто прошел слух, что господин дю Люд и «другой содомит Руффек и несколько других глупцов хотят утвердиться в Пуатье. Я не верю этому, однако, во избежание случайностей, следует предупредить правителя Бессегена и отправить туда срочного гонца». Если бы Генрих III действительно был гомосексуалистом, как говорили члены Лиги и экстремисты-гугеноты, то этот термин вряд ли появился бы в записке к доверенному министру, его лучшему и преданнейшему советнику. К тому же в личной переписке короля с фаворитами первого поколения не было ничего двусмысленного. П. де Вессьер подчеркивает в своей книге «Господин де Жуаез»: «Мы можем отметить, что на эту тему нет ни одного убедительного документа. У нас есть согни писем, написанных его рукой. Недавно опубликованы глубоко личные письма некоторых его любимчиков: д'Э, Сен-Люка, Сен-Сюльписа. Я сам собрал значительную часть переписки Жуаеза. Я не нашел ни одного слова, намекающего на двусмысленность или подозрение».

Однако нет никакого сомнения, что Генрих сам вложил оружие в руки своих противников. Он был чрезвычайно расточителен, когда речь шла о его фаворитах, особенно архилюбимчиках. Он сам говорил об этом недостатке в записке к Виллеруа в мае 1579 года: «Мы хорошо знаем себя. То, что я люблю, я превращаю в крайность». «Принц скряга, если у него

карманы не будут постоянно пусты», любил он повторять. Однажды один из секретарей его кабинета, Бенуаз, никогда не входивший в число любимчиков, забыл свою папку на столе короля. Генрих открыл ее, нашел бумагу, на которой Бенуаз написал: «Казначей моих сбережений». Генрих III дописал своей рукой: «Вы выплатите господину Бенуазу сумму в 1000 экю». Вернувшийся за бумагами Бенуаз стал благодарить своего хозяина и сумма была увеличена до 10 000 экю. Этот анекдот очень показателен. Гак, Этьен Паскье написал в 1589 году: «Он чрезмерно любил своих фаворитов, сам не зная за что». Как заметил Ж. Буше, Генрих III получил такую щедрость по отношению к фаворитам в наследство от своего отца. Коннетабль де Монморанси был так связан с Генрихом II, что последний пожелал, чтобы после смерти оба их сердца были помещены в одном памятнике работы Жермена Пилона, в котором урна с двумя сердцами поддерживалась тремя грациями. Однако никто не упрекнул Генриха II в такой крепкой мужской дружбе. Король был уважаем и вне подозрений. Во время гражданских войн исчезновение всякого уважения и безнаказанность предоставили широкий простор для всякого рода измышлений и лжи.

Как мы видели, чрезмерное расположение короля к своим фаворитам было использовано против него. Дополнительным доказательством аморальной любви послужили стихи, заказанные придворным поэтам для прославления заслуг и достоинств неожиданно и насильственно погибших фаворитов. Все служило предлогом для дискредитации Генриха III. Но если его враги так защищали добрые нравы, почему они ни слова не сказали о Монсеньоре? В пасквилях и обвинительных стихотворениях, собранных Л'Эстуалем, об этом нет ни слова. Может быть Л'Эстуаль, имевший некоторую склонность отдавать предпочтение реформе, предпочел обойти молчанием все, что могло повредить авторитету принца, часто связывавшего свою судьбу с гугенотами?

И здесь нелишне привести мнение Мишеле: «Поскольку слово «любимчик» вышло из-под моего пера, я должен сказать, что я не принимал смысла, который ему придают все партии, враждебно настроенные к Генриху III». Однако несмотря на авторитет такого честного историка, как Мишеле, больше всего убеждают подлинные документы. Это относится к переписке кардинала Луи д'Эст, представителя дел Франции при Курии за 1585–1586 года. Она сохранилась в архивах Ватикана в резиденции папских нунциев во Франции и содержит ценные детали. 17 августа граф Джиглиоли пишет: «Король провел эти шесть долгих дней в Лимуре с 15 проститутками. Они делали все, что только можно

придумать, и это обычное дело при дворе». На полях тома 20 от руки написано: «Беспутная жизнь короля». Этот текст подтверждается словами Л'Эстуаля: «4 августа, выехав из Этампа в Париж, король остановился в Лимуре, где его принимает его сводный брат герцог де Жуаез в компании женщин и девушек всякого рода». Выражение «всякого рода» вполне соответствует терминам итальянского текста. Мосле Лимура Генрих III думал посетить Фонтене-ан-Бри, резиденцию д'Эпернона. Но, пишет Джиглиоли, «путешествие в Фонтенс не состоялось, потому что д'Эпернон решительно заявил, что не хочет устраивать у себя бордель, как у Жуаеза».

Возможно, этот «бордель» напоминал другой, о котором упоминает Люсенж в письме от 19 июля 1585 года, говоря о неожиданном отъезде двора Генриха от Бушажа, брата Жуаеза. Гот, по словам информатора диплома га, «раскаялся в непристойностях, которые они вытворяли в кабинете». Отсюда его решение поехать в Нотр-Дам-де-Лоретт. Однако по словам других, причиной его отъезда была передача его должности ответственного за гардероб молодому Герму. Но «несмотря на раскаяние в непристойностях», дю Бушаж вернулся ко двору в тог же день, каким датировано письмо Люсенжа. Он ехал из Лимура, и почему бы «грязному поезду», о котором, по словам Люсенжа, он сожалел, не быть тем же, о котором сообщают Джиглиоли и Л'Эстуаль? Л. Дюфур, издатель Люсенжа, пишет: «Наше письмо не оставляет никаких сомнений на этот счет». Он легко допускает, что речь идет о любви гомосексуальной, в то время, как Джиглиоли и Л'Эстуаль точно и формально сообщают о гетеросексуальных излишествах короля и его кабинета.

Любопытно, что Люсенж подтверждает слова графа Джиглиоли и Л'Эстуаля. Достаточно сравнить письма от 19 и 13 июля, где он говорит об очевидной склонности короля к молодому Терму и возможных опасениях д'Эпернона. Его информатор, которого он называет «друг д'Эпернона», рассказывает: «Уже около месяца, как король ввел в кабинет больше 150 женщин, замужних и незамужних, с которыми Терм получает удовольствие в присутствии короля и тех, кого он пожелает впустить». Итак, «грязный поезд», вызвавший раскаяние дю Бушажа, состоял из женщин. Но если из писем Люсенжа прочесть только одно, от 19 июля, с пометкой А. Дюфура, то сложится впечатление о справедливом обвинении короля и его любимчиков в гомосексуальности.

Далее Джиглиоли рассказывает о двух поступках Ля Валетта: «2 сентября две сестры Ставе, одна девушка королевы-матери, другая королевы Луизы, были изгнаны со двора. По слухам,

д'Эпернон пользовался расположением одной, Ля Валетт другой. Тем не менее они получили прощение и вернулись к своим обычным обязанностям». 12 сентября он передает со слов мадам де Монпансье, что «королева-мать и правящая королева сказали ей, что они обе пожаловались королю на неуважение по отношению к ним, которое проявили д'Эпернон и ля Валетт касательно сестер Ставэ». Королева Луиза не пожелала видеть свою девушку ни под каким видом. «Королева-мать вернула свою по настоятельным просьбам д'Эпернона и де Жуаеза. Говорят, король в ответ уверил (королеву), что уже попросил того и другого воздерживаться от подобной практики. Он убедил их, что в будущем так понизит их, что они больше не смогут поднять головы. Мадам Рандан подтвердила эти сведения, но она полагает, что то были лишь слова и карьера фаворитов будет еще более блестящей, как никогда».

Король настолько стремился воспитывать двоих Ля Валетт, что в письме от 29 января 1576 года выступил в качестве гаранта перед господином де Ставэ за честь его дочери с просьбой, чтобы последняя поступила на службу к королеве Луизе. Жуаез был не в лучшем положении, чем братья Ля Валетт. В феврале 1580 года тосканец Рениери передает, что он занимался любовью с дочерью обершалмейстера. 29 марта 1586 года Люсенж рассказывает: «Господин де Жуаез несколько недоволен, что королева-мать прогнала девушку Дю Тьер (дочь одного государственного секретаря), по слухам имеющую от него сына, и тем что одна из Ставэ вернулась, совершив ту же ошибку с Эпернoном, и он недоволен более суровым отношением к нему, чем к Эпернону». В тот же момент граф Джиглиоли упоминает о любовной истории Эпернона. В то время правителем Булони был Антуан д'Эстре. Генрих III хотел, чтобы наследовал его должность Эпернон. Однако выяснилось, что кардинал де Гиз был родственником мадам д'Эстре, в результате король решил, будто он чинит препятствия планам Эпернона на Булонь. На встрече с братом Меченого он поставил это ему в вину. Кардинал ответил, что ничем не мешает этим планам, но, не без язвительности замечает Джиглиоли, между кардиналом и д'Эпернoном существовало «большое соперничество, так как тот и другой ухаживали за дочерью мадам д'Эстре». Согласно заметке, сделанной на полях на латинском языке, речь идет о знаменитой Габриэлле, это доказывает тот факт, что она была сделана в 1589 году. Но то, что кардинал де Гиз и д'Эпернон оспаривали благосклонность такой молодой девушки, как Габриэлла (ей было 15 лет), красноречиво говорит о нравах прелата и архилюбимчика. На следующий год, вернувшись из Прованса, где он следил за установлением мира,

д'Эпернон решил жениться. По словам Давиля, Л. Мутон писал, что «ко времени своего бракосочетания д'Эпернон был увлечен мадмуазель де Ставэ, а Жуаез пылал страстью к мадмуазель де Витри». Он заключает: «если герцог д'Эпернон имел в своей жизни много любовниц, то ни одна женщина не имела на него никакого влияния: он всегда слишком хорошо владел собой, он был сладострастным, но никогда любовником».

Согласимся, мнение Мишеле об отношениях Генриха III с фаворитами отличается от утверждений Додю, к тому же, оно полностью подтверждается тем, какую роль играли женщины в личной жизни Генриха III.

Женщины в личной жизни Генриха III

Вопреки созданному традиционной историографией портрету Генриха III, женщины занимали значительную часть его жизни. Но в коллективной памяти он остался как «король любимчиков», и никто не обратил внимания на его связи с женщинами, числом которых нельзя пренебречь и от которых он не отказывался до тех пор, пока ему не пришлось сражаться против Лиги.

Молодой герцог Анжуйский очень рано проявил склонность к любовным делам. Венецианец Корреро замечает: «Этот принц развлекается охотой во дворце. Он смело ухаживает за женщинами и, добившись их однажды, скоро не отпускает». Однако его отношения с представительницами противоположного пола были разными по продолжительности и ни одна из женщин, к которым он имел отношение, не могла претендовать на титул официальной любовницы. Все они в той или иной степени были воспеты придворными поэтами, даже если речь шла об очень непродолжительной связи. После свадьбы с Луизой Лотарингской, продиктованной искренней страстью, так что его брак не имел ничего общего с политикой, он предпочел щадить самолюбие жены и тайно прибегать к ставшим недозволенными удовольствиям. Королева-мать не потерпела бы официальных любовниц у сыновей. Несмотря на создаваемую Екатериной Медичи и Луизой Лотарингской атмосферу нравственной чистоты и добродетели, которую они старались заставить соблюдать всех женщин и девушек дома, было трудно устоять перед настойчивым вниманием короля, когда тот, сделав выбор, бросал какой-нибудь красавице свой платок. Однажды король послал некоего дворянина договориться о свидании с одной придворной дамой. Она оказалась озадачена. На вопрос, что ему ответить, дама сказала: «Что-нибудь другое, чем то, что я прекрасно знаю,

поскольку отказ не послужит на пользу тому или той, кто дал его королю».

Видимо, первое путешествие герцога Анжуйского в сады Венеры восходит к его 18-летию, после побед 1569 года. Об этом рассказывает стихотворение Деспорта, посвященное герцогу Анжуйскому:

> Оставалось любви подчинить вас себе,
> Как она поступает со всеми богами,
> Чтобы вас называли
> Незыблемым воином, мирным влюбленным.

В эту эпоху Генрих находил удовольствия в компании женщин. 12 декабря 1570 года Алава пишет: «Он настолько увлекся ими, что потерял репутацию, завоеванную своими двумя победами». 3 марта 1572 года он же сообщает Филиппу II, что Генрих переутомился, «пробыв слишком много времени рядом с женщинами». Вполне вероятно, что принца посвятила в любовные сражения одна придворная дама, Луиза де Ля Бородьер дю Руз (так называемая «прекрасная Руэ»). уже вдова, последовавшая распоряжениям королевы-матери, возобновляя таким образом дело, с которым прекрасно справилась с Карлом IX. В декабре 1570 года Алава пишет Филиппу II, что добродетельные дамы двора «не поступают так, как Руэ, забеременевшая от герцога Анжуйского», так что она не смогла приехать в Мезьер, где справляли свадьбу Карла IX и Елизаветы Австрийской. Интересное указание, подтверждающее, что бездетность королевской семьи зависела не от одного Генриха III. Правление Руэ было кратким. Потом ей на смену пришла мадам д'Эстре. Ронсар поспешил восславить новую любовницу короля, но она тоже не задержалась надолго. Деспорт говорит в своей девятой элегии о том, что происходит, когда победа достигнута:

> Так герцоги и принцы будут участвовать в охоте
> И не откажутся ни от чего, лишь только б получить ваше
> расположенье.
> Тут вздохи, слезы, клятвы, но как только они добьются вас,
> Немедленно к другой красотке они протянут свои сети.

Двор был жесток к покинутым любовницам, и зачастую они становились объектом недобрых насмешек. Брантом занимал не

последнее место в высмеивании той, которой изменило счастье:

Как видим, Руэ теряет румянец,
Карьеру, скрываясь,
В то время как солнечный лик свой
Являет ему Шатонеф.

С Рене де Рие, госпожой де Шатонеф, из высшей бретонской знати, герцогу Анжуйскому пришлось вести осаду по всем правилам, чтобы добиться своего. Она была удивительно красива, величественна, подобно богине, с нежнейшей кожей и блестящим золотом кос. Поэты соперничали за право воспеть ее: Брантом (безнадежно влюбленный в нее), Баиф, Деспорт, Ронсар.

Рене де Рие внешне сопротивлялась, делая вид, что опасается, как бы, получив свое, герцог Анжуйский не оставил ее ради другой добычи. Деспорт взял на себя роль адвоката Генриха и говорил ей в своей элегии XVII:

Когда вы не полюбите меня,
Лишив чудесного благоволенья,
Величье без любви презренной вещью станет.

Какой бы гордой ни была Шатонеф, она подняла брошенный ей принцем платок. По словам Брантома, она оставалась, если можно так сказать, к услугам герцога Анжуйского около трех лет. Она сопровождала его до отъезда из Лотарингии в конце 1573 года. Генрих переписывался с ней через Шеверни, но ни одного письма не сохранилось. По возвращении во Францию Генрих хотел выдать ее замуж за герцога Пине-Люксембурга, но тот отказался от предложения. Во всяком случае, складывается впечатление, что настоящего разрыва между любовниками не было. Что касается анекдота, переданного Брантомом, будто Генрих попросил ее вернуть подаренные им некогда украшения, чтобы отдать их своей новой возлюбленной, Марии Клевской, то он мало сочетается с его известным великодушием и щедростью.

Как мы уже знаем, незадолго до своего отъезда из Франции, Генрих оказался во власти идеальной любви, мистической и платонической, так как она была безнадежна, к Марии Клевской. Мы не будем возвращаться к безудержному горю, охватившему Генриха, когда осенью 1574 года он узнал о смерти той, на которой собирался жениться, расторгнув ее брак с принцем Конде.

Женившись на Луизе Лотарингской, Генрих III не лишил себя

любовных похождений, ставших скорее эпизодическими. В Журнале Л'Эстуаля можно найти несколько коротких указаний насчет подобных отходов от супружеской верности. Так, в апреле 1578 года (во время поста) он посещает «президентшу де Булланкур, у которой часто проводит время с мадмуазель д'Асси, ее племянницей». В декабре 1586 года по случаю смерти всего лишь 33-летней Жанны Лаваль Л'Эстуаль пишет, что это была женщина «наделенная удивительной красотой и еще более удивительным умом, который был оценен королем». Генрих навестил умирающую и был так тронут, что ушел со слезами на глазах.

Однако возможно, речь шла главным образом о платонической любви, так как Генрих часто говорил, что «любил больше ум этой дамы, нежели ее тело», уточняет Л'Эстуаль.

Более интересной, чем банальные отношения с придворными дамами королевы Луизы, кажется история с одной монахиней из монастыря доминиканок в Пуасси. В то время многие монастыри в окрестностях Парижа, где уже не соблюдались правила, служили местом встреч с кавалерами и поэтами. Даже у Ронсара мы находим стихи, посвященные монахиням, у которых не было ничего, кроме имени. Может быть, Генрих III захотел соблазнить монахиню из Пуасси и стать ее возлюбленным? Эпизод не так ясен, как хотелось бы. Возможно, можно идентифицировать эту молодую «девственницу», благодаря стихотворению Флорана де Бирага (родственника канцлера). Не по предложению ли короля он воспел достоинства той, которая смогла удержать внимание монарха? Судите сами:

> Если кто-то захочет узреть вес, что на небе бывает
> Прекрасного, редкого, чудесного,
> Богатого, святого, несравненного,
> Пусть посмотрит он в Пуасси на Луизу де Пон.

Об отношениях с монашенкой из Пуасси мы находим некоторое подтверждение в записке самого Генриха III герцогине д'Юзэ: «Моя добрая и старая подруга. Если бы вы находились здесь, я оставил бы вам Пуасси. Здесь нет ничего заслуживающего внимания, но святой пост требует моего присутствия здесь». Из подобного текста ничего нельзя с уверенностью сказать. Пребывание короля в монастыре в Пуасси (напомним, он был единственным гражданским лицом, для которого не существовало закрытой системы) не могло не вызвать разговоров. Мы помним, что одной из причин опалы Сен-Люка, по словам нунция, было разглашение пребывания короля в Пуасси (3

февраля 1580 года), а 13 марта Дандино подтверждает, что король использовал пребывание в Сен-Жермен для визитов к монахине. 24 апреля нунций дает много деталей, но его довольно длинное письмо не делает полной ясности. Исповедник короля Гийом Рюзе, епископ д'Анжер, передал нунцию, что «упрекнул и предупредил короля, но тот заверил его, что не совершил с ней никакого акта. Тем не менее он полагает, что король тем или иным образом попытался, по девушка отказала и была упорна в своем решении. Кроме того, аббатиса очень внимательно следит за ней». С другой стороны, капеллан, которому обычно исповедуется король, «мне сказал, что во время исповеди очень тщательно расспросил короля, но его Величество ничего об этом не сказал, так что он в конце концов решил, что если бы эго произошло, король, обычно скрупулезно рассказывающий о других менее важных событиях, поступил также и в отношении этого». Однако заключает Дандино, «я не знаю, что сказать, так как многие верят в случившееся и ставят это в вину королю, будто бы он преодолел все препятствия, принимая во внимание его авторитет и большую свободу данного монастыря».

15 мая Дандино информирует государственного секретаря о беседе с исповедником короля «о случае и с монахиней». Рюзе уверил его, что «не нашел ни слова правды в том, что говорят, не имея ничего убедительного на эту гему». Наконец 8 августа 1580 года государственный секретарь просил нунция не говорить с королевой-матерью о посещении ее сыном монахини. Нунций, добавляет он, уже достаточно сделал, предупредив исповедника короля, то же самое он может сделать через посредника в отношении монахини, но не открывая себя. Нет ничего удивительного, что Л'Эстуаль отметил в своем Журнале историю с Пуасси. Он поместил в своем сборнике пасквиль, откуда мы взяли первые строфы:

Достойно ль короля заниматься любовью
святых мостах, обителях монахинь?
Забрав у тебя то, что говорит о терпенье,
И оставив дворцы ради жизни такой?

Хроникер предваряет этот текст не особенно лестным комментарием: король «не упускал возможности повидаться с монахинями и заняться любовью в их монастырях и аббатствах». Пуасси, действительно, был не единственным монастырем, принимавшим Генриха III. Так, 26 декабря 1580 года тосканец Рениери говорит об одной монахине из Мобюссона, «которую навещал король, она позаботилась, чтобы все знали, что он

обладал ею».

Реальные или вымышленные, эпизоды с Пуасси и Мобюссоном послужили авторам памфлетов в обвинительной кампании Лиги против монарха. В этот раз, как и во многих других, король не старался соблюдать осторожность. В том же 1580 году Генрих имел короткую связь с мадмуазель де Ля Мирандоль. Детали интриги стали известны благодаря письму мадам де Рец к мадам де Невер осенью 1580 года. Королева Луиза «в среду вечером умоляла королеву-мать отослать девушку от двора, чтобы она больше никогда ее не видела». Прощаясь с Луизой, виновница «призналась, что много раз писала ему и встречалась с ним не в его спальне, а в другой комнате. Говорят, у Оливье (Генриха III) около 40 ее писем, два-три из которых и находятся у королевы, очень недовольной таким поворотом». Через два года Генрих III некоторое время посещал придворную даму королевы, мадмуазель де Ставэ, одну из тех, кто в 1585 году будет в объятьях одного из братьев Ля Валетт. Об этом нам известно из сообщений английского посла от 12 июня и 13 июля 1582 года. 24 января следующего года тот же дипломат рассказывает о связи короля с мадам д'Эстре. Свидетельства, относящиеся к более поздним годам, начиная от 1582 года, довольно сомнительны, если вспомнить о клятве супружеской верности, по словам тосканца Альбертани, принесенной королем летом 1582 года. Но вполне возможно, что приступы набожности Генриха III и его паломничества от 1583 года объясняются желанием искупить вину за преходящие связи.

Итак, документы представляют нам совсем иной портрет Генриха III, нежели общепринятый. И если посмотреть, какое место в его жизни занимала Луиза Лотарингская, то станет ясно, что оно значительно важнее, чем полагают.

Луиза Лотарингская и ее муж

Способный на страстное увлечение, что подтверждается историями с Марией Клевской и Жанной де Лаваль, король был по-настоящему влюблен в Луизу де Водемон. Он поступил вопреки мнению матери, предпочитавшей более выгодный в политическом плане брак, который не увеличивал бы влияние Лотарингского дома.

Впрочем, Луиза была очень красива, о чем свидетельствуют ее портреты. Она была высокого роста, с прекрасными белокурыми волосами (ее мать, графиня д'Эгмон, была фламандкой), она была кузиной герцога Карла III Лотарингского.

Ее высокие душевные качества были несомненны, и никто никогда не оспаривал ее нравственность и добродетель. Она была в меру умна, но никогда не играла никаких политических ролей, хотя после убийства Гизов способствовала сближению своего мужа и герцога де Майенн. Она полюбила Генриха III сразу же, чистой и глубокой любовью, которую сохранила на всю жизнь. Венецианец Жан-Мишель писал в 1575 году: «Она все время смотрит на него влюбленными глазами». Ничто не говорит лучше о ее истинном отношении к мужу, чем ее письмо, написанное в сентябре 1580 года к Лине д'Эст, герцогине де Немур, своей родственнице, в котором она сокрушалась по случаю лечения в Бурбон-Ланси, «что с нею нет рядом такого прекрасного и доброго мужа, будучи самой счастливой женщиной в мире. Он так добр ко мне, что я молю бога сохранить его, и хочу жить только ради него одного, вы это хорошо знаете».

Этому признанию, в истинности которого нельзя усомниться, вторит фрагмент из письма Генриха III к Виллеруа от 1580 года. В тог момент король уединился в Сен-Мор-де-Фоссе, а Екатерина и ее невестка остались в Париже. Король писал, что очень рад, что его жена находится рядом с королевой-матерью, «чтобы ей служить, это самое лучшее для нее, когда она не со мной».

Однако супружеское счастье королевы Луизы несколько раз нарушалось такими моментами, когда ей поневоле приходилось испытывать ревность. Как мы видели, король давал ей для этого поводы, тем не менее, стараясь скрыть от нее все эти похождения. Но когда она о чем-то узнавала, он удовлетворял ее желания. Из письма герцогини де Рец, старой подруги короля, к мадам де Невер, мы знаем, что Луиза, узнав о связи короля с Ля Мирандоль, при поддержке своей свекрови удалила Ля Мирандоль от двора. Благодаря Жирару, автору «Жизни д'Эпернона», мы знаем, как однажды Жанна де Брисс. ак, мадам де Сен-Люк, своим змеиным языком рассказала Луизе о неверности короля. Луиза пожаловалась королю, он признался во всех ошибках, а королева в ответ раскрыла имя своего информатора.

Хотя отношения короля и королевы не всегда были безоблачными, дипломаты говорят о настоящей гармонии, объединявшей обоих супругов. Так во время празднований свадьбы Жуаеза Екатерина вошла в королевский кабинет без предупреждения и с удивлением увидела короля на низком сиденье с королевой на руках. Екатерине оставалось лишь сожалеть, что комната не была заперта. Об этом случае рас сказывает английский посол 9 октября 1581 года.

Луизу Лотарингскую больше печалили не эпизодические

измены мужа, а отсутствие детей. От подобных мыслей она дурнела и становилась меланхоличной. Говорили о разводе, но королева-мать была настроена против и наоборот старалась восстановить гармонию в семье. Представители Испании утверждали, что она заинтересована в существующем положении, дабы сохранить свое влияние на сына. Но это абсолютно несостоятельная точка зрения.

С 1586 года, все более склоняясь к благочестию, король вновь возобновил со своей женой принятые отношения. 4 декабря 1586 года королева говорила о своей радости Виллеруа, написавшему из Олленвиля, где вместе проводили время оба супруга, «очень рада узнать из вашего письма, что мой сын и моя дочь вместе и в таком хорошем настроении. Если Господу будет угодно исполнить ваше желание и мое, о котором я молю Бога каждый день, послать нам наследника, это будет лекарством от всех наших бед».

Возможно, это удивительно для такого своенравного и неожиданного человека, но испытания, перенесенные им, начиная с 1585 года, увеличили его расположение к королеве. В июне 1587 года венецианец Дольфен свидетельствует, что «король проводит с нею почти весь день, стараясь полными участия словами помочь ей сохранить мужество», когда Луиза лежала в постели с высокой температурой. Такое вернувшееся взаимопонимание разочаровало испанцев, решивших, что из мести к прошлой неверности короля Луиза предаст его. Однако ничего такого не произошло, даже наоборот. Став вдовой, она переживала истинное горе и не переставала кричать о своей боли. 6 декабря 1589 года она писала из Шенонсо герцогу де Неверу, что она «угнетена беспрерывной болью, не имея сил выносить свою слишком жестокую потерю, лишившись благословения нашего Господа». Она ходатайствовала и в Риме и перед Генрихом IV, чтобы воздали должное памяти Генриха III, также она обращалась к кардиналу де Жуаезу, чтобы с умершего короля сняли обвинение в убийстве кардинала де Гиза. Кроме того, она настойчиво требовала от Генриха IV наказания тех, кого она укажет как вдохновителей убийства ее мужа. Но Генрих IV не мог беспокоить судебным разбирательством герцога де Майенн и Гизов и одновременно примириться с ними, чтобы восстановить мир в королевстве.

В большом списке королев трудно найти вдову, которая бы оставалась в такой же мере постоянной в своем горе и печали, как Луиза Лотарингская.

Так, несмотря на некоторые облака, иногда нарушавшие гармонию королевской семьи, Генрих III мог уверенно

рассчитывать на эту женщину, отдавшую ему любовь другого типа, нежели любовь по крови. О лживости последней Генрих III знал если не на примере матери, то во всяком случае на примере своей сестры Маргариты и брага Франсуа, так как отношения с ними очень рано были отмечены неприязнью, перешедшей в ненависть.

Разделение в королевской семье, стоящей на пути исчезновения

Острота и сила страстей, разгоревшихся в королевской семье в правление Генриха III, заставляли вспоминать о распрях семьи Атридов. Дом Валуа теперь представляли только королева-мать, два ее сына и дочь, все без наследников. Рядом находились узаконенные потомки Генриха II — Генрих Ангулемский и Диана де Франс, а также Карл Валуа, родившийся от связи Карла IX с Марией Туше. Однако именно с незаконными детьми своего отца и брата у Генриха III были самые лучшие отношения. Его постоянной опорой была та, которую он называл в письмах «моя добрая мать». По мере сил Екатерина старалась восстановить если не подлинное, то, по крайней мере, внешнее взаимопонимание между своими тремя оставшимися детьми. Это тем более заслуживает уважения, поскольку она никогда не скрывала своего очевидного предпочтения к тому, кого она называла «мои глазки». Такой явный выбор вызывал зависть у других детей к герцогу Анжуйскому. Например, Сюлли пишет в «Королевской экономике»: «Король Карл больше не мог выносить в своем королевстве собственного брата Генриха, видя, как он узурпировал все внимание и доверие королевы-матери, любящей только его одного и ненавидящей своего другого сына, Франсуа, герцога Алансонского». Можно представить, какие чувства испытывал Франсуа-Эркюль, когда его гувернер Сен-Сюльпис писал маршалу де Бирону, что не забывает говорить своему ученику об «обязанности любить и почитать такого достойного принца, как его брат». Очень рано антипатия между двумя принцами стала взаимной. Уезжая в Польшу, Генрих трепетал при мысли, что его брат может сменить его на посту генерал-лейтенанта королевства, и был бы очень доволен видеть его мужем Елизаветы Английской, что помешало бы принцу находиться во Франции в качестве соперника и главы оппозиции. Принадлежа к слабому полу и уже будучи замужем за королем Наваррским, Маргарита вызывала меньше тревог, но это не помешало ей принять сторону Франсуа и поддерживать его

интересы. Такой оставалась ее позиция все время правления Генриха III.

К счастью для короля Франции, отношения, связывающие его с матерью, стали для него драгоценной поддержкой. Но несмотря на то, что, как Генрих писал матери, «Франция и вы значите больше, чем Польша», и то, с какой радостью мать и сын встретились в 1574 году, было бы ошибкой полагать, что при Генрихе III Екатерина пользовалась тем же влиянием, что и при Карле IX. Об изменениях, произошедших в положении королевы-матери, стало известно, когда она перенесла свою обычную резиденцию из Лувра в дом, который построила недалеко от Сен-Эсташ. Стало ясно, что она больше не держит в руках нити власти и является лишь блестящим помощником монарха: советником, к мнению которого всегда прислушиваются и который всегда готов выполнить самые деликатные поручения. Взаимопонимание между матерью и сыном не всегда было полным, особенно после начала кризиса, разразившегося по вопросу наследника. Склонная щадить интересы Гизов, Екатерина в этом вопросе сильно расходилась с мнением короля. Другой темой, вызывающей разногласия, оказались паломничества Генриха III, начиная с 1583 года. Она не одобряла их, опасаясь, что вместо полноправного короля он превратится в монаха. Но эти разногласия по сути были поверхностными. Об этом свидетельствует их переписка. Гак, 26 сентябри 1575 года королева писала сыну: «После смерти короля, вашего отца, я жила лишь для того, чтобы служить вам… Пусть никто не заставит вас забыть об этом, иначе мне будет очень больно». В декабре 1580 года она заканчивает письмо к подруге, герцогине д'Юзэ, словами о «короле, моем любимом сыне». Во время осенней кампании 1587 года, когда король командовал войсками на Луаре, она так волновалась за него, что просила государственного секретаря Бруара «сделать так, чтобы я имела новости о нем каждый день».

Не меньше, чем мать к нему, Генрих был так же внимателен ко всему, что касалось ее. Хотя Екатерина была крепкого сложения, она время от времени болела. В одном письме без даты Генрих пишет так: «Я слышал, вам немного плохо, это меня очень тревожит, так как ваше здоровье дороже для меня, чем моя жизнь». Какими бы ни были их временные разногласия, Генрих III никогда не менял своих чувств к матери. В своей речи на открытии Генеральных Штатов в Блуа он назвал Екатерину «матерью родины», а когда три месяца спустя она умерла, его горе было неподдельным, хотя ему и пришлось ограничивать себя в проявлении чувств в силу сложившихся обстоятельств. Очень

сложными были отношения короля с Маргаритой и Франсуа. Они составляли постоянный союз против него. Если Маргарита, не будучи красавицей, была все же элегантна, нравилась мужчинам и имела много любовных приключений, то Франсуа был уродом. Он был маленького роста, в то время как все его братья — высокого, оспа обезобразила его лицо, нос напоминал огромный прыщ. Мало способный к физическим упражнениям, к которым он к тому же не испытывал никакого интереса, Франсуа не мог соперничать ни с одним из своих братьев. Все его современники свидетельствуют, что у него не было никаких комплексов, что он охотно злословил на счет других людей и презирал их. Его мышление и прочие реакции, по сути дела, обличают человека, стремящегося отомстить за свои физические недостатки. Его интеллектуальные способности не шли ни в какое сравнение со способностями Генриха III. Герцог Анжуйский никогда не умел удачно ответить, в то время как его сестра Маргарита, не уступающая в этом пункте королю, за словом в карман не лезла. Объединенные завистью и неприязнью к Генриху III, они не переставая интриговали против него. Внутри королевства они стали теми, к кому примыкали все недовольные и противники короля. За пределами страны они бросились в авантюру завоевания Нидерландов, могущую привести к опасной для Франции войне с Испанией.

Король не питал иллюзий насчет своего брага, но поскольку тот был наследником престола, Генрих не мог принимать против него какие-либо суровые меры. При заключении мира в Болье пришлось выделить герцогу слишком большое герцогство, чтобы разорвать союз между Монсеньором, гугенотами и политиками. С этого момента он стал использовать его для своих политических авантюр в Нидерландах. Генрих III не без оснований опасался Маргариты и ее изобретательного ума. Помимо того, что королю приходилось пресекать интриги его брата и сестры за границей, ему надо было учитывать их нравы и моральные нормы. Мы не будем возвращаться к личной жизни Франсуа. Добавим только одну деталь, доказывающую, что удовольствия Венеры ему серьезно отомстили. Следующие показательные строки пишет тосканец Бузини 31 мая 1583 года (чуть меньше, чем за год до его смерти): «Монсеньор в Дюнкерке, не очень хорошо себя чувствует, по-прежнему беспокоят боли в половом органе». Что касается Маргариты Валуа, она придерживалась обычных вкусов, но удовлетворяла страсть без каких-либо ограничений, совершенно не заботясь о своей репутации. Ее брак с Генрихом Наваррским кончился полным провалом, и она не долго ждала, чтобы пуститься во все тяжкие. Как только ее муж бежал от двора, она

вообще перестала сдерживаться. В ее оправдание следует признать, что Беарнец всегда был равнодушен к ней, так что она рассматривала себя, как никогда не бывшую замужем. В августе 1583 года ее поведение вынудило Генриха III принять меры. Тосканец Бузини пишет 22 августа, что в письме к своему королевскому шурину Беарнец не колеблясь говорит «о борделе, который она открыто устроила с молодым Шанваллоном».

Генрих III попытался помирить сестру с ее мужем, но последний не собирался поддаваться на уговоры. Тем не менее в 1578 году Маргарита появилась при дворе в Нераке. Король писал 2 августа из Олленвиля господину д'Абэну: «Я ненадолго приехал сюда, составить компанию моей жене и матери, которая собирается отвезти королеву Наваррскую в ее владения». Но ее пребывание на юго-западе было непродолжительно. Приняв самое деятельное участие в небольшой так называемой «войне влюбленных», в 1580 году она вернулась ко двору Генриха III. В июне 1583 года Рениери уточняет, что она не желает больше жить с мужем гугенотом и выгнала одну из своих придворных дам, от него забеременевшую. В августе 1583 года Генрих III напрасно пытался убедить ее возобновить совместную семейную жизнь. Она отказалась. Выйдя из себя, король прибегнул к силе, приказал арестовать и допросить всех ее слуг и придворных дам. Разразился публичный скандал. Маргарита сделала вид, что не может сопротивляться, а сама ждала случая снова получить свободу. В 1584 году она вновь, и на этот раз окончательно, рвет со своим мужем и братом, и бежит в Овернь, попытавшись при этом создать княжество вокруг Ажана. Король использовал против нее самые суровые средства, конфисковав имущество Маргариты в счет уплаты ее долгов. В октябре 1586 года Генрих писал Виллеруа: «Королева попросила меня приказать арестовать Обиака во дворе замка д'Юссон в присутствии этой презренной… Проследите, чтобы его казнили. Прощайте». Речь шла о Жане де Галар, господине д'Обиаке, «прекрасном Аттисе» Маргариты, жившем с нею в Юссоне. Правитель Верхней Овернии Канийяк арестовал его и казнил без суда и следствия в Эгперс.

Время успокаивает чувства, и Генрих III не оставлял мысль положись конец ее овернской ссылке и позволить ей расположиться в Вилле-Котре, если она пообещает вести себя разумно. Осложнения, вызванные деятельностью Святого Союза в 1588 году, помешали ей перейти от намерений к действиям.

Высокородная Маргарита Валуа считала себя освобожденной от всяких этических норм. Несомненно, Генриху Наваррскому первому пришлось напомнить ей о них, но очень быстро он передал эту роль своему шурину. Генрих III иногда очень сурово

обращался с ней, как, например, в августе 1583 года. В ответ он получал одни неприятности, а его сестра прямо и косвенно не переставала смешивать его с грязью (что она начала делать очень рано).

С Франсуа Генриху III тоже не удалось установить долгих искренних отношений. После осады Ля-Рошели практически бездонная пропасть разделила двух родных по крови людей. Участие герцога в заговоре Ля Моля и Кокона и его желание в свою очередь стать генерал-лейтенантом королевства только увеличили расстояние между ними, в 1574 году разделившее нового короля и Монсеньора, ставшего главой оппозиции против Его Величества. Генриху III удалось вернуть его в королевский лагерь, поручив ему ведение войны против гугенотов в 1577 году. Но взаимное доверие было лишь внешним. Очень часто герцог Анжуйский, подверженный резким изменениям настроения, не являлся на назначенные встречи с королем и королевой-матерью. Этот принц был постоянным источником волнений. Когда он умер в 1584 году, облегчения это не принесло, скорее сожаление, так как законным наследником короны становился еретик. Кроме того, для Генриха III стать перспектива последним Валуа лишь увеличивала его боль и печаль. Наконец, если внутренняя семейная жизнь королевской семьи была отравлена сложными отношениями короля с братом и сестрой, то общественная жизнь тоже оказалась затронута таким положением дел. Практически установлено, что с 1576 года большая часть памфлетов, пасквилей и прочих изданий, направленных против Генриха III, исходила из ближайшего окружения королевы Наваррской и герцога Франсуа. Объединившись против короля, они сочли полезным ослабить его, обратившись к общественному мнению, внушив ему исподволь свои собственные планы.

Генрих III и Екатерина Медичи, конечно, в какой-то мере были виноваты в отношении Маргариты и Франсуа. Столь явно выраженное предпочтение Екатерины к Генриху вынудило их создать свой собственный блок против короля. Темпераментный характер королевы Наваррской и герцога Анжуйского усилили распущенность первой и то, что было анормального и нестабильного у второго. В спокойное время, когда соблюдалось уважение к королевской власти, их действия вызывали только гнев, но в период государственного кризиса и дискредитации монархии они представляли серьезную опасность.

И неудивительно, что в качестве компенсации король проникся искренними чувствами к жене, ставшей для него настоящей семьей. Он нашел рядом с ней то, в чем отказывали ему Маргарита и Франсуа.

После Генриха II осталось два незаконнорожденных ребенка. Первого, Генриха, называли шевалье д'Ангулем. Он вырос вместе с будущим Генрихом III, и подобно ему, любил науки и предпочитал духовную жизнь. Но он не остался при дворе. Он занимал одно время пост командующего галерами, затем благодаря Екатерине стал правителем Прованса. В июне 1586 года в результате ссоры с Альтовити, мужем прекрасной Шатонеф, бывшей любовницы короля, оба мужчины дрались на дуэли и в результате погибли. Его сводная сестра Диана, в конце концов получившая имя герцогини Ангулемской, дважды становилась вдовой и постоянно жила при дворе. Брантом пишет: «Король Генрих любил ее, потому что знал, что она преданна ему и очень его любит». Она все время оставалась верна ему и посоветовала сблизиться с Генрихом Наваррским. В качестве благодарности король предоставил ей большую свободу. Наделенная не меньшими способностями, чем ее сводный брат, она знала несколько языков. В правление Генриха IV она добилась от него разрешения перенести останки Екатерины Медичи и Генриха III в семейную усыпальницу Валуа в Сен-Дени, о чем Беарнец и не помышлял до ее вмешательства, которое было скорее делом единственной законной представительницы Валуа, королевы Маргариты.

Но больше незаконных детей отца Генрих III любил своего племянника, сына Карла IX и Марии Туше, названного в честь отца Карлом. Сначала его поместили в замке Амбуаз, затем Генрих III захотел видеть его рядом с собой. Не имея наследника своей собственной крови, Генрих III перенес на племянника всю невостребованную любовь, которую он испытывал бы к своему дофину. Карл много обещал, и Генрих лично следил за его материальным положением, а также за его воспитанием, которое он поручил поэту Берто. В 1586 году смерть правителя Прованса могла бы послужить началом его карьеры. Разве король не мог узаконить сына Карла IX и таким образом открыть для него путь к короне? Екатерина тоже думала об этом. Но узаконить племянника и признать его способным наследовать корону со стороны короля значило нарушить все основные законы королевства. Так, в 1598 году Генеральные штаты чуть не передали корону инфанте Изабелле, племяннице умершего короля, и все было бы возможно, если бы Филипп И внезапно не решил выдать ее замуж за французского принца, и Генрих Наваррский неожиданно не обошел ее. В действительности, несмотря на свою искреннюю любовь к племяннику, Генрих III не хотел ничего менять в правилах наследования короны. В августе 1587 года он переслал ему крест Мальты, но молодой человек не

собирался вступать в религиозный орден, и король попросил для него в жены старшую дочь Монморанси-Дамвиль. Таким шагом он демонстрировал с вое решение не узаконивать сына Марии Туше. Тем не менее король не переставал выказывать племяннику свои добрые чувства, и Карл пользовался многочисленными знаками внимания. Гак, например, он был единственным мужчиной, допущенным к столу монарха. В день парижских баррикад он был рядом с королем, вынужденным ради собственного спасения решиться на бегство. Он также присутствовал в 1589 году в Сен-Клу при агонии Генриха III и подписал протокол, свидетельствующий о кончине последнего из Валуа.

Наконец, проведя обзор личной жизни Генриха III, вспомним о словах Таванна. По его мнению, король хотел бы избавиться от короны и жить простым буржуа с 50 000 ливров ренты. Это то состояние духа, о котором у Шекспира говорил Генрих VI Английский: «Никогда ни один подданный так не мечтал быть королем, как я мечтаю быть подданным» (Генрих VI, 2 акт IV, сцена 9). Однако несмотря на свои тайные желания, до самого конца своего правления Генрих III оставался королем в полном смысле этого слова.

Глава шестая
От мира в Бержераке и эдикта Пуатье до смерти Монсеньора
(15–17 сентября 1577 года — 10 июня 1584 года)

Восстановление мира и возобновление интриг двора (*октябрь 1577 года — май 1578 года*)

На следующий день после подписания эдикта Пуатье Генрих III ясно дал понять свои намерения. 14 октября он писал из Амбуаза Дю Феррье в Венецию: «Из копий моих писем но эдикту вы увидите, что я хочу сделать, чтобы освободить мой народ от этой несчастной войны, из которой я смог с Божьей помощью выйти; надеюсь так устроить мои дела, чтобы больше никогда к ней не возвращаться, поняв по опыту, что болезнь этого королевства не может быть вылечена с помощью оружия и что необходимо пользоваться более спокойным и мягким лекарством, что я и решил сделать со всеобщего согласия моих подданных». Достойная программа, выполнявшаяся но крайней мере 7 лет, но окончательно скомпрометированная разразившимся кризисом с наследованием короны. Вернувшись из Пуатье, Генрих остановился на некоторое время в Олленвиле, прежде чем вернуться в Париж. Его сопровождали «напомаженные и завитые» любимчики. Вновь король и его фавориты рассорились с Монсеньором и его сторонниками. Фавориты короля и герцога презирали и ненавидели друг друга. Маргарита Наваррская, присоединившись к Франциску в интригах против Генриха III, который высмеивал ее любовные истории и тем самым разглашал их, в отместку распространяла о нем слухи, выдумывая разный вздор о нем и его прекрасных молодых фаворитах. Любовник Маргариты и управляющий умом Монсеньора, Бюсси называл фаворитов короля «любимчиками в постели». Именно он был причиной вновь разгоревшихся ссор.

6 января 1578 года он явился в Лувр «одетый просто и скромно, но в сопровождении б пажей в одежде из золотой ткани, громко говоря, что пришло время, когда самые неимущие будут самыми храбрыми», тем самым открыто высмеивая фаворитов короля. 10 января тот же Бюсси спровоцировал ссору с Филибером де Грамоном и хотел во главе трех сотен дворян драться с ним с таким же сопровождением у ворот Сен-Антуан.

Это была уже не дуэль, а самые настоящие военные действия. Короля предупредили, и он запретил сражение. Но в тот же день Грамон попытался проникнуть в дом Бюсси на улице Прувер. Маршалы де Коссе и Строззи прекратили бой и препроводили Бюсси и Грамона в Лувр, где их обязали помириться. На следующий день по приказу короля маршалы де Монморанси и де Косее вновь выступили в качестве примирителей. Напряжение между домами короля и его брата было столь велико, что не проходило дня без стычек и драк между кухарками, лакеями, оруженосцами и т. д.

Через некоторое время после столкновения Грамона и Бюсси последний встретил Келюса. Они оба ненавидели друг друга. Согласно письму английского представителя Поуле, они обменялись следующими словами: Келюс бросил: «Добрый вечер, мой капитан. Добрый вечер, мой солдат. Я хотел сказать, капитан несчастных пройдох. — Тогда вы будете моим лейтенантом или знаменосцем. Не может быть! Ты солгал. Вы считаете себя самым влиятельным человеком при дворе, но есть люди, не менее могущественные, чем вы. Ты лжешь. вскричал Бюсси», затем Келюс назвал его сумасшедшим, на что Бюсси в третий раз бросил ему в лицо, что он лжет, после чего противники разошлись каждый в свою сторону.

Называя Бюсси капитаном пройдох, несчастных людей, то есть главой банды извращенцев, Келюс просто возвращал ому комплимент, которым великий любимец Монсеньора любил награждать фаворитов короля. Этот факт подтверждает, что то было банальное и расхожее обвинение, так что использовавшие его люди не заботились ни о каких доказательствах. Прошло два дня и Бюсси больше не думал о ссоре, когда 1 февраля, решив прокатиться на лошади вдоль парка Тюильри, он возвращался с прогулки с капитаном Рошбрюпом и рядом с Порт-Нев увидел, как к нему направляется группа всадников. Это были Келюс и его друзья. Но Бюсси по просьбе короля поклялся ничего не предпринимать против Келюса (то же сделал Келюс в отношении Бюсси), он предпочел не ввязываться в разговор, и во весь опор пос какал в Сен-Клу. Королевский фаворит был неправ. Монсеньор решительно встал на сторону Бюсси. 2 февраля король писал Бюсси и просил его «составить рассказ, подписав его собственноручно, о том, что произошло вчера между вами и господином Келюсом, чтобы выявить правду и я мог принять необходимые для восстановления справедливости меры». Бюсси ответил Генриху из Сюреси 3 февраля просьбой позволить ему встретиться с Келюсом в честном бою, чтобы получить от вышеназванного Келюса удовлетворения путем людей чести.

Итак, знать выше всего ставила свою честь. Король воздержался разрешать встречу (дуэли были запрещены Генрихом II после знаменитой дуэли 1547 года между сиром де Жарнак и Ля Шатеньре). Прошел слух, что король откроет судебное разбирательство в отношении Келюса. Но ничего не произошло. Герцог Анжуйский вышел из себя, узнав, что король замял дело. Теперь он не видел для себя иного выхода, кроме бегства. Озабоченная отношениями двух своих сыновей, Екатерина попыталась ослабить напряжение. В воскресенье 9 февраля в Лувре справляли свадьбу Сен-Люка с Жанной де Бриссак. И Екатерина решила, что будет лучше избавить герцога Анжуйского от насмешек фаворитов короля. Вместе с ней и сестрой Маргаритой Франсуа отправился в Венсен и Сен-Мор. Но пойдет он или нет на заключительный бал в понедельник? Он решил пойти, потому что его отказ мог быть интерпретирован как разрыв с королем. Удивленные его отсутствием накануне, Сен-Люк и его друзья злословили в свое удовольствие. Ничего не осталось забыто: ни фигура, ни костюм, ни его маленький рост. Герцог покинул бал в гневе и решил дать отпор. Обсудив план со своим другом Ля Шатром, он явился к матери. В тот момент она раздевалась, но герцог был в таком состоянии, что не обращал внимания на этикет. Он ей прямо сказал, что хотел бы покинуть двор, по крайней мере на несколько дней, чтобы поехать поохотиться в Сен-Жермен. Екатерина согласилась и сразу же послала к королю Рене де Виллекье, чтобы информировать о желании Франсуа и получить его согласие. Через некоторое время Виллекье вернулся с разрешением. Успокоившись, Франсуа поднялся в свою комнату на втором этаже Лувра и приказал Монсоро, своему обер-егермейстеру, подготовить собак. Дворяне его свиты покинули его, и он лег спать, уверенный, что сон разгонит неприятные воспоминания об унизительном вечере. К тому же он был в лучшем настроении, нежели хотел показать: прекрасная мадам де Сов прислала ему одну из тех записок, которые делают мужчин безумными от счастья. Прочитав ее, герцог положил ее себе под подушку. В темноте ночи во всем Лувре светилась только комната короля. Генрих III еще не спал. Он обсуждал со своими фаворитами Келюсом, Можироном, д'Э, д'Арком, Сен-Мегреном и Ля Валеттом вопрос об отъезде герцога в Сен-Жермен, все более казавшийся подозрительным. Вначале решение брата никак не взволновало короля, но затем фавориты напомнили ему бегство принца в 1575 году, следствием которого стал унизительный «мир Монсеньора». Мгновенно изменив мнение, король вскочил с постели и помчался со своими еще одетыми для ганцев фаворитами к матери. Разбуженная

Екатерина не сразу поняла причины такого позднего вторжения. Генрих III предупредил ее, что поднимается к брату арестовать его и просмотреть все бумаги с целью получить доказательства предательского заговора. Едва король начал подниматься по лестнице, как его догнала Екатерина, опасавшаяся, что в таком настроении король может наделать лишнего.

Король сам постучал в комнату герцога. Как только дверь начала открываться, король ворвался в комнату. Разбуженный герцог потребовал объяснений, мешая угрозы с упреками. Выгнав из комнаты слуг брата, король приказал принести все шкатулки, вытащил Франсуа из постели и стал переворачивать подушки и одеяла. Неспособный противиться королевской проверке, герцог вспомнил о записке мадам де Сов. Он постарался незаметно спрятать ее в руке. Генрих заметил это и потребовал показать бумагу ему. Франсуа отказался. Генрих схватил брата за руку и постарался отнять ее. В конце концов она упала на пол. Король с жадностью набросился на нее, но каково же было его разочарование и изумление, когда он увидел банальную любовную записку! Выйдя из себя из-за своего собственного поступка, Генрих покинул спальню, не удостоив брата каким-либо объяснением, и приказал господину де Лосс охранять герцога и никого к нему не пускать. Оставшись один на один с де Лоссом, герцог принялся умолять его дать ему возможность через мать просить короля о встрече с сестрой Маргаритой. Генрих III согласился, и де Лосс отправил к Марго одного из своих лучников. Проснувшись, Марго была очень удивлена, увидев такого посланца. Торопливо одевшись, она поспешила к Франсуа. Прибежав к нему, она зарыдала в его объятиях, потому что для герцога речь шла не просто о свободе, а, может быть, о жизни.

Когда Генрих вернулся к себе, его продолжали терзать подозрения. Он решил, что надо проверить фаворитов Монсеньора и удвоил охрану. И действительно, на рассвете появился один молодой человек из дома Бюсси, чтобы повидаться с первым фаворитом Монсеньора. Тот не должен был находиться во дворце, но накануне герцог пригласил его к себе инкогнито, чтобы побеседовать о делах в Нидерландах. Узнав об этом, Генрих III приказал арестовать в своих комнатах Симье и Ля Шатра и найти Бюсси. Капитан гвардейцев, старый Ларшан, любил Бюсси, называвшего его «моим отцом», и был очень рад, когда пришел в спальню Симье и не нашел там Бюсси. Но когда он хотел уже покинуть комнату, из-за занавеси на постели вышел Бюсси и сказал: «Как, мой отец! Вы хотите уйти без меня! Вы полагаете, что у меня меньше чести, чем у этого Симье?» Их обоих закрыли в одной комнате и приставили охрану. Ля Шатра

арестовали вне Лувра и поместили в Бастилию.

В Париже ходили самые разные слухи о случившемся. Встревоженная королева-мать собрала всех значимых людей Совета. К счастью, в Париж прибыл герцог Лотарингский. Его влияние было велико и могло бы сослужить службу. Вероятно, он показал королю, насколько тот действовал необдуманно, основываясь на одних подозрениях. Последний день карнавала (перед постом) Карл III провел, стараясь убедить короля в своей правоте. В полдень, сделав дело, он покинул Генриха III. Екатерине вновь было поручено «привести все в норму». И вновь королю и его брату предстояло сыграть сцену примирения.

Королева-мать постаралась обставить встречу братьев с большой торжественностью. Генрих взял слово и попросил не таить на него зла, так как только только стремление к общественному благу вынудило его пойти на такие действия. В ответ герцог расплатился той же монетой и королева-мать толкнула их в объятия друг друга.

Это тронуло до слез всех присутствующих дворян, столь же чувствительных, как и способных хвататься за шпагу по любому поводу. Поговорив некоторое время с братом, король приказал ввести Бюсси. Монарх приветствовал его, затем сказал, что тот должен считать себя удовлетворенным, что он более не хочет видеть при дворе подобные столкновения, и попросил его поцеловать своего соперника в знак примирения. «Если вы желаете, чтобы я его поцеловал, я сделаю э то с великим удовольствием», — с большим самообладанием ответил Бюсси. Он обнял бывшего в замешательстве Кельн а и так звонко расцеловал его, что все собравшиеся потеряли свои торжественный вид и рассмеялись. Теперь весь явор светился от радости. Королева-мать заметила, что уже три часа дня. а никто еще не обедал, и праздничный обед прекрасно довершит общее примирение.

Согласие было восстановлено. Но надолго ли? Никто из представителей обеих сторон не был искренним и вполне могла разразиться новая политическая буря. На следующий день, 10 февраля, герцог Анжуйский (нова был неспокоен. Охрана очень тщательно следила за всеми приходами и уходами из Лувра. Капитан гвардейцев получил приказ следить за герцогом и препятствовать ему выходить из дворца. Членов его дома попросили на ночь покидать дворец, за исключением тех, кто спал в его спальне или гардеробной. Он полагал, что, по меньшей мере, его ждет арест. По его мнению, у него был единственный выход: бежать во второй раз.

Второе бегство Монсеньора

Приняв решение, герцог прежде всего сообщил о нем своему верному союзнику, королеве Наваррской, уверивший его в своем содействии. Принц решил бежать в пятницу 14 февраля. Хотя он еще не был пленником, даже не стояло вопроса выйти через дверь Лувра. Единственный путь давало окно в спальне Маргариты, выходящее на ров. Для того, чтобы добраться до земли, требовалась длинная веревка. Маргарита нашла у себя старый разорванный чемодан и приказала одному из своих слуг «заштопать его», что он очень быстро сделал, предварительно положив туда «необходимый для нас канат». 14 февраля, в пятницу вечером, после обеда король не выходил, так как постился. Маргарита вернулась к себе в комнату, оставив там только двух доверенных женщин, бывших в курсе дела. Услышав ночью стук в дверь, Маргарита открыла брату, вошедшему в сопровождении Симье и слуги герцога, Канже. Веревку привязали, и Франсуа первым ступил на подоконник. За ним последовали дрожащие от страха Симье и Канже. Одно происшествие чуть все не испортило: во рву показалась человеческая фигура и исчезла в направлении казарм охраны. Наблюдающая из окна Маргарита была в высшей степени взволнована, а трое мужчин торопливо направились к ожидавшей их барке, сразу же переправившей их через Сену. Королева Наваррская как можно скорее подняла наверх веревку, но она могла в случае обыска выдать ее, и Маргарита приказала женщинам сжечь ее. Однако такой предмет не мог сгореть быстро. Уже прошел довольно длительный промежуток времени, и Маргарита уже думала об успешном выполнении замысла брата, как в дверь вновь постучали. К счастью, это были лучники, которые увидели, как из трубы камина из комнаты королевы вылетает пламя, и поспешили потушить огонь. Одна из служанок королевы уверила, что ее госпожа спит и она сама со своими подругами со всем справится. Тревога была напрасной. Еще до Мюссе, королева Маргарита могла сказать, что всего не предусмотришь.

Тем временем герцог Анжуйский прибыл в аббатство Сен-Женевьев (Святой Женевьевы), аббат которого, отец Жозеф Фулон, был соучастником заговора, так как приютил у себя Бюсси, все подготовившего для удачного бегства. Через аббатство проходила стена, опоясывающая город. «Большому любимцу» только и оставалось, что проделать дыру в тщательно выбранном месте. Через нее беглецы спокойно вышли, сели на лошадей и направились к Анжу, столице герцогства Монсеньора.

Однако для королевы Наваррской еще не все закончилось.

Действительно, к 10 часам утра к ней пришел господин де Лосс с приглашением проследовать к королю. Маргарита собралась с духом, так как знала, что могло произойти. Аббат Сен-Женевьев согласился помочь в бегстве принца только при условии, что он сам сообщит о случившемся королю. В качестве самооправдания он собирался утверждать, что захватил герцога и сопровождавших его людей внутри монастыря, запер их, но им удалось бежать в то время, как он спешил предупредить короля. Войдя в спальню матери, которая была в постели, а рядом с ней сидел Генрих III, Маргарита поняла, что они в курсе событий. Ей пришлось выдержать гневный напор Генриха III и матери. Оба обвиняли ее в пособничестве бегству Франсуа-Эркюоя. Она с апломбом все отрицала, цинично заметив, что брат обманул ее так же, как всех остальных. Затем, чтобы успокоить бурю, она сказала, что герцог не собирается начинать войну против короля, а его отъезд означает, что он хотел освободиться ради своей затеи в Нидерландах. Пришлось принять эти доводы. Ни у короля, ни у матери не было против нее никаких доказательств. В конце концов, они отпустили ее в ее спальню, и она могла, наконец, спокойно отдохнуть.

В 1575 году уже удивлялись, с какой легкостью герцогу удалось избавиться от соседства Генриха III. Что же можно сказать об этом случае? Не в первый раз Франсуа бежал из страха перед королем, теперь же он сам внушал Генриху III самые серьезные опасения. 12 февраля монарх поспешил сообщить руководителям провинций о своем примирении с братом. 15 февраля он вновь берется за перо, чтобы сообщить о бегстве последнего. Внешне он не хотел рассматривать бегство брата как открытый разрыв. Он свободно дал вывезти из Парижа его людей и багаж. Менее оптимистичная и более здравомыслящая королева-мать выехала в Анжер для переговоров, но Франсуа не встретил ее, а ждал в своем замке в Анжере. Королю Франции противостоял теперь новый король, король Анжера. Еще шесть долгих лет Генриху III приходилось считаться со своим взбалмошным братом, который был постоянным препятствием на пути к миру, но одновременно и форпостом, удерживающим на расстоянии всех претендентов на корону, принимая во внимание бездетность королевской четы. Но если герцог Анжуйский и был настоящей занозой, то Генриху III и Екатерине все же удавалось сдерживать его. Они решили позволить ему ввести свои войска в Нидерланды, чтобы избежать гражданской войны, стараясь при этом официально не компрометировать короля. Идя еще дальше, королева-мать возобновила переговоры о браке между герцогом и королевой английской. Дочь Генриха VIII была в этом

заинтересована и играла политическую комедию до тех пор, пока этого требовали ее интересы в Нидерландах. Принимая желаемое за действительное, Франсуа-Эркюль уже видел себя монархом Англии и Нидерландов, вырванных из-под опеки Филиппа II. Он позволил усыпить себя миражами и больше не думал о том, как создать трудности своему брату.

Место Монсеньора в Париже не долго оставалось пустым: герцог де Гиз быстро понял всю выгоду его отсутствия при дворе. Как и король, он был окружен командой молодых знатных дворян, и нет ничего удивительного в том, что произошло столкновение между сторонниками королевского дома и дома Гизов.

Знаменитая «Дуэль любимчиков»

До нее поссорились Суврэ и Ля Валетт из-за любви к дамам и собирались встретиться 2 апреля, первый в сопровождении сторонников «дома Гизов», второй — «дома короля», пишет Л'Эстуаль, осуждавший безнаказанность этих молодых людей, ссоры которых смягчал король. Эта отложенная встреча была лишь прологом к настоящей пьесе, которая была разыграна во всем своем трагическом масштабе в воскресенье, 27 апреля.

Два любимых фаворита короля, Келюс и Можирон, вместе с Ливаро бросили вызов Антрагу, Риберaку и Шомбергу, представлявшим Гизов, и все это, по словам Брантома, «ради прекрасных дам». В пять часов утра (Л'Эстуаль) или около трех (Брантом) шесть человек встретились со шпагами в руках на месте, где располагался рынок лошадей, недалеко от Бастилии и ворот Сен-Антуан. Риберак и Шомберг-младший были секундантами Антраге, Можирон и Ливаро секундантами Келюса. Бой был таким жестоким, рассказывает Л'Эстуаль, что «молодой Шомберг и прекрасный Можирон оказались убиты на месте, Риберак умер от ран на следующий день, Ливаро провел шесть недель в постели из-за полученного удара в голову и выздоровел. Антраге вышел живым и невредимым с одной царапиной. Келюс, зачинщик сражения, получил 19 ранений и боролся за свою жизнь 33 дня. Он умер в четверг 29 мая». Такова была его преданность Генриху III, что при каждой новой ране Келюс восклицал: «Да здравствует король!» Его принесли в дом Буази, недалеко от места драмы, и он провел там перед смертью 33 дня. Король приходил к нему каждый день и пообещал хирургам 100 000 франков, если они вылечат Келюса. В конце концов Келюс перешел в другой мир, восклицая: «А! Мой король! мой король!»,

не вспоминая ни о Боге, ни о матери, осуждает его Л'Эстуаль. В действительности король испытывал к нему и Можирону искренние дружеские чувства. Он поцеловал их, умерших, приказал подстричь их и унес их волосы, забрав у Келюса подвески, которые сам же подарил ему.

Горе Генриха III было безмерно. Он больше не расставался с волосами своих друзей. Общественное мнение и прежде всего парижане, подстрекаемые Гизами, превратили в шутку этот культ монарха. Но их пристрастие очевидно. Если внимательно прочитать 16 пьес, собранных Л'Эстуалем, посвященных сражению фаворитов, то станет ясно, что королевские фавориты оказались наделены всеми существующими пороками. Победителю сражения, Антраге, наоборот, поется хвала, в то время как его противники названы содомитами в «Водевиле о сражении любимчиков». На следующий день после дуэли король не стал ее продолжать, так как был смущен своей несомненной ответственностью за Келюса, кроме того, преследовать Антраге означало нападать на дом Лотарингии. Отличающийся такой же храбростью, как Келюс, Сен-Мегрен был отправлен к дьяволу 21 июля людьми герцога де Майена и присоединился к своим друзьям, погибшим 27 апреля, в церкви Сен-Поль. Король приказал захоронить их в великолепных мавзолеях, над которыми возвышались прекрасные мраморные скульптуры. Вандализм членов Лиги разнес их на кусочки в 1589 году.

Так противостояние фаворитов Монсеньора любимцам короля сменилось соперничеством с людьми Гизов. Если подумать, король и его брат сражались через посредников. Теперь же герцог Анжуйский освободил место и занялся другими делами, а перед друзьями короля оказались друзья того, кто станет его самым опасным противником. Сражение между королем и герцогом де Гизом сначала велось на расстоянии до того момента, когда в 1588 году наступил день, в который должен был исчезнуть один из них. Если двор был разделен на кланы, то в провинциях ситуация была не лучше. Она была такой сложной и склонной к анархии, что с октября 1578 года по июнь 1579 года королева-мать находилась в турне по Франции, повторяя путешествие с Карлом IX, и в той или иной степени ей удалось помешать окончательному падению авторитета королевской власти.

Так называемая война влюбленных

До приезда Маргариты к маленькому двору короля

Наваррского жизнь двора оставалась совершенно провинциальной. Но е приездом королевы новый образ жизни сменил старые суровые обычаи. Военные капитаны и суровые советники Беарнца узнали вкус праздников и галантных похождений. так Генрих Наваррский открыл, что «кавалер теряет душу, когда у пего нет любви».

Такой род рецептов совершенно не соответствовал ему. Вез особого труда его по очереди захватили в свои сети мадмуазель де Ребур (дочь президента Парламента) и Франсуаза де Монморанси де Фоссе. Маргарита со своей стороны взялась за виконта де Турен и афишировала свою связь. Суровость гугенотов была поколеблена и в конце концов пала. Д'Обинье находился в руках любовницы. То же случилось с Сюлли.

Стоит ли относить возобновление конфликта на счет сложных отношений Генриха III и его сестры? Король развлекался, высмеивая эпизоды талант ной жизни двора в Нераке. Его комментарии повергали Маргариту в страшный гнев. В свою очередь, она подогревала ненависть своего слуги, господина де Турен. Франсуаза де Монморанси и многие другие поторопились сообщить королю Наваррскому «слова презрения» Генриха III. Представительницы слабого пола горели желанием отомстить за насмешки над ними короля, а мужская часть партии гугенотов почувствовала с приближением весны возрождение воинского пыла. Из-за мирного договора мелкие дворяне Гаскони, Гюйенны и Лангедока были обречены на голод. В конечном итоге они влились в войско короля Наваррского, который, согласившись со своими советниками, решил начать военные действия и попросил предоставить помощь Шатийона и Ледигьера.

Хотя военная кампания шла главным образом на юге, благодаря принцу де Конде маленький пикардийский городок оказался вторым по величине театром военных действий. Договор Бержерака предоставлял ему правление в Пикардии, но католики провинции мешали ему вступить в должность. Он решил овладеть своей собственностью силой. 29 ноября 1579 года, тайно проехав по королевству, он захватил маленький городок Ля Фер. Екатерина поспешила встретиться с ним и пообещала руку сестры королевы Луизы, если он согласится сдать город. Он отказался и тем самым дал сигнал к войне, разразившейся весной 1580 года на юге страны. В ночь с 28 на 29 мая Беарнец атаковал Каор. После 4 дней сражения он вошел в город. До этого момента его принимали лишь как веселого гасконца, шутника и паяца. Теперь же он доказал свою личную значимость, храбрость и презрение к опасности. Благодаря этой военной операции в 26 лет он стал

бесспорным главой всех протестантов. Но если общественное мнение, даже католическое, воздавало ему должное, за ним никто не пошел. Крестьянское восстание в Дофине и ограниченный успех Конде в Ля Фер остались отдельными фактами. Большинство протестантов высказалось за мир. В Ля-Рошель мэр города и буржуазия смогли сдержать третье сословие. Та же ситуация повторилась в Лангедоке. Теперь многие реформаты ясно видели, что дело религии лишь прикрывало частные интересы. За три с половиной месяца только три протестантских города Эг-Морг, Люнель и Соммьер поддержали восстание. На западе отдельные выступления гугенотов быстро обернулись грабежом и разбоем. Монтэгю и Пуату сначала решили соблюдать правила уважения к путешественникам и не разорять страны. Но, соблазн был слишком велик. Их отряд сразу вырос до 1500 добровольцев. Направившись на Руан и Париж, он согнулся под тяжестью собственной добычи. На юго-западе, после знаменитой осады Каора Беарнец был вынужден держать оборону. Его противник Бирон, генерал-лейтенант короля в Гюйенне, не оставил ему никаких лазеек и даже позволил себе роскошь бросить ему вызов со стен Нерака. На юге правитель Лангедока Дамвиль, привыкший вступать в дело только с каким-либо умыслом, вышел из своей вычисленной инерции только тогда, когда мятеж охватил всю провинцию. В Дофине герцог де Майен успешно сражался против Ледигьера, взял и разрушил Ля Мюр, главную крепость гугенотов. Оставалось захватить у принца Конде Ля Фер.

Генрих III поручил эту задачу маршалу де Матиньону. Конде счел правильным покинуть город и бежал в Германию (22 мая 1580 года). 7 июля Ля Фер был осажден, но город был хорошо укреплен и сдался только 12 сентября. Во время штурма 18 июля был ранен Ля Валетт, а у «д'Арка выстрел из аркебузы выбил 7 зубов и часть челюсти», рассказывает Л'Эстуаль. Генрих III решил вернуть Ля Фер, чтобы не дать повода для германских наемников вновь вернуться в страну.

Когда маленький пикардийский городок вернулся под власть короля, обе стороны стали подумывать о восстановлении мира. Самым заинтересованным лицом в прекращении войны был Монсеньор, так как тем летом 1580 года он был занят своими делами в Нидерландах и был неспособен сопротивляться страстному желанию надеть на себя королевскую корону, бывшую скорее теоретической, чем реальной. В сопровождении Белльевра и Виллеруа, опытных и преданных советников, Франсуа-Эркюль прибыл в Перигор для ведения переговоров с Генрихом Наваррским. Впервые на переговорах не присутствовала

королева-мать. Она отказалась от них, так как, предоставляя право их ведения Франциску, она давала ему удовлетворение и укрепляла хрупкую связь между членами королевской фамилии. 26 ноября 1580 года мирный договор Фле (замок к западу от Бержерака) подтвердил мирный договор Бержарака и одновременно конвенцию Нерака. Белльевр и Виллеруа решили удовлетворить короля Наваррского в главном вопросе и пообещали отозвать маршала Бирона, а на его место назначить маршала де Матиньона. Кроме этого, реформаты получали право оставить за собой еще на 6 лет те города, которые занимали, но при условии, что они сдадут те, которые завоевали, и в первую очередь Каор. Король Наваррский легко принял эти условия. Итак, еще один договор (положивший конец седьмой, начиная с 1560 года войне) подобно всем предыдущим не стал иллюзией для Генриха III. Король здраво смотрел на вещи. И принц Конде, вернувшись во Францию, появился в Лангедоке и расторг соглашение. Но он потерпел поражение, потому что виконт де Турен от имени короля Наваррского заставил церкви тоже принять мир, которым, как и всему духовенству, надоело платить бесконечные военные сборы.

Но мир между представителями обеих конфессий во Франции не устраивал германских принцев, наемников, и непримиримых пасторов Женевы. То же самое можно сказать в отношении крайних католиков, Святого Престола и Филиппа II. Король Наваррский был вынужден защищать свой мир, подобно Генриху III. Обращаясь к Теодору де Газу, бесспорному наследнику Кальвина, он писал ему в декабре 1580 года: «Неподчинение и беспорядки привели к тому, что война принесла нашим церквям больше зла, чем добра. Вера угасает, пород начинает бунтовать». На замечания морального главы дела Евангелия, каким был Теодор де Бэз, Беарнец уверенно отвечает своими доводами. Прежде чем делать замечания, не лучше ли передать мир Фле на рассмотрение ассамблеи, состоящей из представителей всех церквей Франции? Ассамблея была созвана в Монтобане, на ней присутствовали Генрих де Конде, и по доверенности Иоганн-Казимир, Монсеньор и Генрих III. Наконец, 24 мая 1581 года ассамблея утвердила мирный договор между королем Франции и Генрихом Наваррским.

М онсеньор отдыхал после легкого переутомления, полученного во время проведения переговоров, при дворе короля Наваррского, в замке Кутра в декабре, затем, в апреле 1581 года, у семьи Фуа-Кандаль, в Кадиллаке. Маргарита с радостью увиделась с братом, к которому ее постоянно тянуло и которого она не переставала опекать. Она не замедлила выделить среди

дворян, окружавших герцога, одного из самых красивых представителей знати, Арле де Шамваллона, и поторопилась вступить с ним в связь, ставшую не менее общеизвестной, чем связь ее мужа с прекрасной Франсуазой де Монморанси. 8 отличие от своей сестры и свободного брата, Монсеньор еще не отдалился от политических дел. В течение нескольких месяцев король Наваррский предложил ему множество проектов, чтобы держать его в напряжении, но в конце концов герцог Анжуйский потерял терпение и в апреле 1581 года решил выехать в Камбре. Напрасно его мать провела с 12 по 15 мая 1581 года в Алансоне, стараясь отговорить его от путешествия в Нидерланды. У нее ничего не вышло. Фламандской авантюре Франциска предстояло иметь не больший успех, чем польской истории Генриха III. Для последнего она была поводом для серьезных опасений. Верный своей осторожной политике, Генрих не мог одобрить предприятие герцога Анжуйского. Конечно, он был бы доволен, увидев герцога мужем Елизаветы Английской, вдали от него. Но та находилась в ста лье от желания связать свою судьбу с «лягушонком». Хотя она очень ловко приманивала его, стараясь утвердить его в его планах на Нидерланды. Французский принц был для нее прекрасным инструментом в замаскированных действиях, которые она вела против Филиппа II в провинциях «по ту сторону».

Фламандская авантюра герцога Анжуйского (*1580–1583*)

Бросаясь в свою авантюру, герцог Анжуйский возобновлял политику Колиньи. Уже не в первый раз амбициозный принц хотел сыграть свою роль в истории Нидерландов. В 1576 году он испытал первое поражение. Его сестра Маргарита, проходившая курс лечения на водах Спа летом 1577 года, смогла затянуть в свои сети графа де Лалена, господина дю Эно, завидовавшего принцу Оранскому и одному из его соперников. В 1576 году принц Оранский вступил в переговоры с Монсеньором и вскоре вновь возобновил с ним связь. Не порывая с Лаленом, Анжуйский понял, что для успешного завершения задуманного надо перейти на сторону Оранского. Но весной 1579 года принц назначил генерал-лейтенантом эрцгерцога Матиаса, и Лален остался одним преданным сторонником герцога Анжуйского. В марте 1578 года он позвал его в Нидерланды. Оранский сразу же сделал обратный поворот и заставил Генеральные Штаты принять 13 августа 1578

года документ, по которому Монсеньор рассматривался как «защитник свобод Нидерландов от тирании испанцев и их союзников». Но пребывание принца в Эно было недолгим. 23 декабря он рискнул попытаться захватить Моне. Попытка не удалась. Без денег, неспособный заплатить своим войскам, он вернулся к Конде, затем поспешил в Париж. Его все сильнее мучило желание стать чем-то большим, нежели просто брат короля Франции. В 1579 году он продолжал интриговать в Нидерландах, стараясь основательно там закрепиться.

При таких обстоятельствах депутаты Генеральных Штатов собрались в Туре. 19 сентября 1580 года в Плесси-ле-Тур герцог подписал с ними договор, делавший его «конституционным монархом с внешними атрибутами суверенитета, накладывая на него очень тяжелые задачи», пишет Анри Пирен в своей «Истории Бельгии». Для осуществления договора нужна была военная поддержка Генриха III. Король без колебаний «письменно пообещал брату не пожалеть для него даже своей рубашки, но просил его не показывать это письмо никому, кроме депутатов, и никогда не хвалиться перед ним этим обязательством», подчеркивает Мариежоль. В двуличности король не уступал брату. Последний лишь для вида принял условия Генеральных Штатов, надеясь, укрепившись в Нидерландах, действовать по своему усмотрению. Обещания Генриха III были даны лишь на бумаге. После заключения мира во Фле Монсеньор оказался не нужен королю, и он решил дать ему возможность пасть. Более дальновидная королева-мать торопила своего последнего сына прежде всего стать супругом Елизаветы. Но герцог считал себя способным одновременно вести переговоры об английском браке и управлять своими делами в Нидерландах. Для действий ему был нужен благовидный предлог, и он провел через Парламент Парижа манифест, в котором обвинял Филиппа II в претензии на мировое господство. Его войска, сформированные из профессионалов гражданских войн, были не лучше наемников. Пройдя через Бургундию, Шампань и Пикардию, они поступили с населением в соответствии с принятыми традициями. Взволнованный жалобами Испании, Генрих III понял опасность и приказал правителям провинций любыми средствами препятствовать всем восстаниям солдат, включая солдат своего брата. Королева-мать больше короля была встревожена поступками герцога Анжуйского и в июле 1581 года безуспешно старалась убедить его отказаться от своих проектов. 19 июля она писала дю Феррьер: «Он недалек от того, чтобы погибнуть вместе со своей репутацией и ввергнуть это королевство… в самую большую опасность». Она опасалась вновь увидеть своих сыновей,

воюющими друг против друга. В какой-то момент Генрих поддался гневу и, казалось, решился силой привести брата к повиновению. Он призвал в Компьень регулярные войска и приказал Ля Мейре рассеять все банды солдат, включая солдат своего брата. Екатерина поняла, что следует в зародыше подавить новую гражданскую войну. Вернувшись из Алансона в 1581 году она в первый раз выступила в защиту Франсуа перед Генрихом, стараясь убедить его тайно поддержать планы брата. Получив отказ, она покинула Блуа и направилась в Шенонсо, делая вид, что удаляется от дел. Генрих III выехал за ней, поняв, что следует уступить. Вернувшись в Париж в июле вместе с двумя королевами, он решил терпеть то, чему не в с илах был помешать без серьезных последствий.

18 августа герцог Анжуйский вошел в Камбре, 7 сентября он был в Като-Камбрези. Королева-мать все время обеспокоенно спрашивала себя, чем все это кончится, а Елизавета была чрезвычайно довольна продвижением герцога Анжуйского и вновь заговорила о браке, но прежде чем «ее лягушонок» наденет ей на руку кольцо, она хотела видеть между Францией и Англией устойчивый союз, и теперь осуждала Генриха III за то, что он открыто не поддерживал брата. Не менее опытный, чем его «сестра» в Англии, король Франции потребовал, чтобы сначала прошло бракосочетание. Один из лучших министров «королевы-девственницы», Уолсингейм, предпринял путешествие в Париж. На встрече с Екатериной в с аду Тюильри 30 августа 1581 года он слишком яс но дал понять, что не верит в возможность брака, а его королеву интересует только союз против Испании. Екатерина ответила, что ее сын король не станет вступать в конфликт с Испанией до тех пор, пока брачные узы не свяжут Франсуа и Елизавету. По возвращении министра Елизавета пожелала ему не терять надежды и упрекнула в невыполнении возложенной на него миссии. Когда в ноябре 1581 года Франсуа истратил на войне все свое состояние которое Генрих III не пополнял он приехал в Лондон с намерением сломить сопротивление такой удивительной невесты. Елизавета старалась изо всех сил. Играла ли она комедию или частично была искренна? Иногда государственные соображения в ней стирались перед желаниями женщины. Однажды прогуливаясь с герцогом, она обернулась к послу французского короля в Лондоне, Кастельно-Мовиссьеру, и сказала: «Напишите вашему королю, что герцог будет моим мужем!» Тут же поцеловала герцога в губы и подарила ему кольцо. На следующий день она заговорила о том, что не может обмануть доверия своих подданных, выступающих против брака своей королевы с католическим принцем. Однако она была

мастером в подобных играх, и когда Франциск должен был покинуть ее, вызванный Генеральными Штатами, она решила сопровождать его до Кентербери. При расставании, вся в слезах, она уверила его, что он станет ее мужем и отныне может писать ей «королеве Англии, моей жене» (12 февраля 1582 года). Ее министры были сбиты с толку капризами королевы и обвиняли ее в лицемерии. Подобно Генриху III, Елизавета позволяла себе эксцентричное поведение и в любви практиковала почти барочную вычурность и жеманность, очень далекие от «чопорности» эпохи королевы Виктории.

Жениха-любовника провожал английский флот. Герцог Анжуйский передал, что, став королем 17 провинций, он вновь пересечет море, чтобы отпраздновать свой брак с королевой. Все эти планы оказались развеяны ветром. Втянув себя в дела Нидерландов, Франсуа Валуа умер холостым, так же, как та, которая любила флиртовать со своими женихами.

Вернувшись из Лондона, герцог Анжуйский направился к своим владениям в Нидерландах. А чуть раньше новый правитель Нидерландов Александр Фарнезе одержал первую победу, взяв Турне (30 ноября 1581 года). Сначала он представлялся как герцог Брабантский, затем как граф Фландрский, расположившись в Антверпене, рядом с принцем Оранскиим. Но принц обладал столь незначительными военными силами, что был не в состоянии помешать Фарнезе блокировать Оденард и в июле 1582 года навязать ему подобную же сдачу Турне. Генрих III не делал никаких шагов, чтобы помочь брату. Стало ясно, что новый принц Нидерландов договорился с провинциями о том, что был не в состоянии осуществить. Недоверие к нему росло изо дня в день. Если он и пришел в Нидерланды, то был движим одними только личными интересами. Он презирал те свободы, которые требовали его подданные для протестантской религии, ведь он был католическим принцем. Опека Генеральных Штатов разочаровала его, и он собирался избавиться от нее. Он хотел быть подобно брату истинным и полноправным монархом. Войска, которые должны были помочь освободить страну от испанцев, он использовал для порабощения народа.

Вполне вероятно, его склонили к действиям вести из Франции. Его мать предоставила ему денег и собрала от 10 000 до 12 000 человек французской пехоты и 1500 человек кавалерии, отдав этот отряд под командование Бирона. 17 января 1583 года в четырех городах раздались крики: «Город захвачен, убивайте, убивайте». Вопреки ожиданиям, в Антверпене предприятие провалилось. Городская буржуазия смогла вооружиться, и ожесточенные уличные бои вынудили осаждавших отступить.

Успех сопутствовал им только в Дюнкерке, Термонде и Дисмуде. Но провал французов в Антверпене покрыл позором несчастного автора нападения и увеличил его непопулярность. Генрих III не упустил возможности посмеяться над братом. Узнав об отступлении его войск от Антверпена, во время аудиенции с венецианцем Г. Моро, король ради смеха назвал номинального монарха Нидерландов «мой брат-завоеватель», о чем пишет вышеупомянутый дипломат в Сенат 18 февраля 1583 года. Напрасно рассчитывающий на Францию принц Оранский помирил в марте того же года герцога и Штаты. Анжуйский оставил в их распоряжении армию, которую раньше использовал против них. Затем он был вынужден вернуться в Дюнкерк (10 апреля), распустить большую часть своей армии и вернуть захваченные укрепления, чтобы получить свободу для солдат, захваченных в плен жителями Антверпена. В результате мудрой и ловкой политики Фарнезе французский принц терпел поражение за поражением. Из Дюнкерка он перебрался в Аббевиль, затем вернулся в Камбре, свое единственное стоящее завоевание. Город остался в его распоряжении, хотя в октябре 1583 года он уехал в Шато-Тьери для восстановления сил после разочарований военной кампании в Нидерландах. Как и у Карла IX, у него был легочный туберкулез, и состояние его здоровья заставляло думать о скором конце. Однако он упорствовал в намерении вновь появиться в Нидерландах, так как Екатерине вновь удалось помирить братьев. Генеральные Штаты в Нидерландах волновали успехи Фарнезе, и они обратились к Генриху III с предложением встать на их сторону, предлагая две крепости, откуда его армия могла бы начать войну с правителем Нидерландов. Они пошли даже на то, что согласились признать Генриха III возможным наследником герцога Анжуйского, принимая союз Нидерландов с Францией, формально запрещенный договором, заключенным в Бордо. Но герцог Анжуйский не мог прийти на помощь Вильгельму Оранскому. Он был на краю могилы.

10 июня 1584 года он перешел в иную жизнь, более спокойную и менее бесполезную, чем та, которую он вел на земле. Он завещал Камбре брату, но тот предпочел отказаться от него в пользу матери. То был единственный плод колеблющейся политики Генриха III, единственная компенсация стольким потраченным деньгам и бесплодным усилиям, не говоря о недовольстве во Франции и Нидерландах. Ослабленные Валуа не могли и не хотели защищать интересы Нидерландов, видевших в их протекции единственное средство противостоять испанскому игу. Генрих III никогда не имел намерения нападать на Испанию. А когда умер его брат, он очень быстро был вынужден перейти к

обороне. 31 декабря 1584 года, подписывая в Жуанвиле договор с Гизами и французскими католиками, Филипп II взял блестящий реванш за политику Колиньи и герцога Анжуйского. Вступив в войну против гугенотов и наследника короны, Генриха Наваррского, Филипп II сделал невозможным любое вмешательство Генриха III в дела Нидерландов. 10 марта 1585 года король Франции формально отказался от предоставленного ему правления. Менее чем когда-либо он мог сопротивляться возросшей мощи Филиппа II. В 1580–1582 годах тот присоединил к своему королевству Португалию и Бразилию. Отшельник Эскориаля обрек на провал любопытную затею Екатерины Медичи получить трон Португалии, пустующий после трагической гибели короля Себастьяна в Марокко в 1578 году и краткосрочного правления его единственного прямого наследника, кардинала-инфанта Генриха, унаследовавшего корону от своего племянника, но умершего 31 января 1580 года, не урегулировав вопрос о передаче короны.

Планы Екатерины Медичи на Португалию. Провал экспедиции на Азорские острова (*1580–1583 годы*)

Трудно было найти что-либо более химеричное, чем планы Екатерины стать единственной законной наследницей королевства Португалии. Дочь Мадлен де Булонь была потомком Матильды, графини де Булонь, которая в 1238 году вышла замуж за Альфонса Португальского. Последний развелся с ней в 1248 году, унаследовав престол у своего брата. Екатерина утверждала, что от первого брака у него были дети, а прочие дети Альфонса III, родившиеся от его брака с Беатриче, дочерью короля Кастилии, не имеют никакого нрава на наследование короны. Вне всякого сомнения, потомки Беатриче Кастильской на протяжении трех веков узурпировали португальский трон. Единственная представительница потомства Матильды, графини де Булонь, становилась законной наследницей короля Себастьяна и кардинала Генриха. Однако было трудно принять всерьез претензии Екатерины. Венецианец Приули излагает их в своей реляции за 1582 год и не находит их обоснованными. В этом выступлении Екатерины он увидел маневр против Филиппа II. Создавая королю Испании трудности в Португалии, в то время как этим же занимался ее сын Франсуа в Нидерландах, Екатерина добивалась для герцога Анжуйского руки инфангы, прекрасно понимая, что Елизавета никогда не выйдет замуж за своего

«лягушонка». Кроме того, ею двигало желание повторить успех Генриха III в Польше. Удачный итог ее миротворческого путешествия по югу укрепил ее влияние. Как констатируют венецианцы, в то время правительство вновь оказалось в ее распоряжении.

Более осторожный, чем она, король все же позволил ей начать эго дело в Португалии. Это была практически невыполнимая затея. Первым претендентом на испанский трон был Дон Антонио, сын брата умершего короля-кардинала, вторым был сам Филипп II, сын португальской инфанты, третьим был герцог де Браганса, дядя другой инфанты из более отдаленной ветви, чем мать Филиппа II. За Дона Антонио стоял народ, за Браганса знать, а король Испании стоял на первом месте по родству и могуществу. Дон Антонио, объявленный королем народными массами, был побежден герцогом Альба, которого Филипп II отправил на завоевание Португалии. Изгнанный с полуострова, Дон Антонио бежал в Англию. К счастью, ему остался верен Терсейра, главный остров Азорского архипелага. Екатерина приказала своим сторонникам покупать корабли и набирать во Франции людей. Но, продолжая трезвонить о своих правах, она была бы счастлива закончить эту аферу браком своего последнего сына с дочерью-инфантой короля Филиппа. Однако Филипп не собирался уступать будущему тестю ни пяди португальской земли, и Екатерине оставалось надеяться только на Нидерланды. Трудно было заставить Филиппа II уступить в этом пункте. Поэтому ей показалось необходимым прибегнуть к прямой угрозе Испании. В октябре 1581 года она взяла из своих собственных сбережений значительную сумму, чтобы оплатить жалованье 10 000 французских пехотинцев и 4000 немецких. Королева решила, что в случае победы над Филиппом II на море с помощью англичан, вполне можно будет заставить Бразилию перейти под французский протекторат. Итак, с осени 1580 года было решено отправить экспедицию на Азорские. Но из-за отсутствия денег ничего не получалось, и Бриссак, назначенный главой пехоты, и Филипп Строззи, командующий флотом, не могли отправиться к архипелагу. Напрасно Екатерина пыталась выпросить денег у Генриха III, у Парижа и духовенства. Королева стучалась во все двери. Решив не вмешиваться, король ответил Тасей, что он не в курсе дела и ему следует обратиться к королеве.

Информированный своими шпионами, Филипп II отдал все необходимые распоряжения. Его флот под командованием Санта-Круза прибыл на Азорские острова. К тому же Испания была очень хорошо осведомлена о планах Парижа. 16 июня 1582 года

флот под командованием Строззи появился у Бель-Исл. Он насчитывал около 55 хороших кораблей. Через месяц он подошел к Сан Мигелю. Там его ждал Санта-Круз. 26 июля 1582 года морское сражение обернулось для французов настоящим кошмаром. Строззи был убит, 1200 французов были захвачены в плен испанцами, которые обезглавили офицеров и повесили матросов, обращаясь с ними как с пиратами, так как не было объявлено войны между королями Франции и Испании.

Такой жестокий урок оказался недостаточен. Он задел гордость Генриха III, и на этот раз король решил сам вмешаться в события. Дерзкий рассказ, опубликованный Санта-Крузом о своей победе, и совершенные по его приказу казни возмутили его. Весной 1583 года был собран новый флот для экспедиции на Азорские острова. Екатерина хотела доверить его Бриссаку, одному из побежденных в первой попытке. Но Генрих III потребовал назначить главой эскадры адмирала Франции Жуаеза. Более реалистичный, чем мать, Генрих не хотел рисковать флотом. «Я не думаю, писал он Виллеруа, — что следует отправлять гуда такие силы с таким командиром (подразумевался Жуаез), иначе мы подпишемся под всем, что не входит в мои намерения». Командующим экспедицией Жуаез назначил Эмара де Шаста, командора мальтийского ордена. На этот раз маркиз де Санта-Круз во главе 12 000 солдат и 100 галер разбил французов на острове Терсейра. Эта сухопутная победа прекрасно венчала морскую победу 1582 года. Екатерине Медичи оставалось только надеть траур по своим португальским надеждам.

В действительности королева-мать никогда не стремилась создать колониальную империю. Поддерживая шаги герцога Анжуйского во Фландрии, организуя экспедицию на Азорские острова, строя планы на Бразилию, она лишь хотела дать своему последнему сыну королевство за пределами Франции, чтобы он перестал быть соперником Генриха III внутри королевства. Если посмотреть на ее политическую линию с этой точки зрения, с 1579 по 1584 год ее политика достигла намеченной цели. Франсуа-Эркюль отказался чинить препятствия Генриху III. Но ради личного удовлетворения она растратила в португальской авантюре те силы, которые очень пригодились бы в Нидерландах. Однако как бы ни было сильно желание сохранить мир между сыновьями, она действовала скорее как мать, нежели как опытный политик. Камбре оказался единственным и очень скромным результатом ее неустанной деятельности.

Не лучше ли было начать открытую войну с Испанией? Однако очевидно, что Франция последнего Валуа была слишком слаба против Филиппа II. В результате испанский король усилил

бы вмешательство в дела Франции и стал бы проводить в жизнь план, по которому собирался сделать из страны лилий испанский протекторат. Кроме того, финансовые ресурсы королевства были настолько ограничены, что внешнеполитические расходы только увеличили бы денежный дефицит. Плачевное состояние королевской казны почти всегда ставили в упрек Генриху III из-за его трат ради фаворитов, но не следует забывать высокую цену предприятий во Фландрии и Португалии, задуманных, как справедливо замечает Мариежоль, чтобы «два брата-соперника жили в мире». Итак, с 1577 по 1584 год Генрих выиграл 7 лет мира, в течение которых хотел ввести в жизнь программу политических и религиозных реформ. Отсутствие дофина и постоянные гражданские волнения помешали ему исполнить задуманное. Этот аспект правления Генриха III не привлек внимания его современников. Они обратили внимание лишь на трагические события последних лет его правления. Как и их, наше внимание захватывает последнее сражение, столкнувшее в замке Блуа Генриха де Гиза и короля Франции.

Глава седьмая
Генрих III, король-интеллектуал и реформатор. Учреждение Ордена Святого Духа и ассамблея нотаблей в 1583–1584 годах
(1578–1584)

Генрих III и дворцовая академия

Говоря о Генрихе III: это «интеллектуал, испытывающий отвращение к действию», Мариежоль вынес исключительный приговор. Возрождая под руководством Ги дю Фора де Пибрака академию поэзии и музыки, основанную при Карле IX Ж. А. де Баифом, Генрих, казалось, старался удовлетворить собственные интересы. В течение трех с половиной лет (с февраля 1576 года по сентябрь 1579 года) собрания вокруг него поэтов, философов, эрудитов и ученых, а также многие дискуссии никак не были связаны с происходящими событиями. Отдаваясь этой деятельности, Генрих еще раз показывал свою склонность к учебе, уединению, столь характерным для его образа жизни.

Главной целью чтений и дискуссий дворцовой академии было интеллектуальное и нравственное формирование монарха с целью подготовить его для исполнения ежедневных функций короля. Будучи дважды монархом, Генрих сознавал свое невежество и стремился заполнить пробелы образования и воплотить в жизни идеал Платона, даже если расстояние между теорией и практикой очень велико. Можно ли поставить эго ему в упрек? Человек своего времени, Генрих чувствовал необходимость философского образования, особенно в его этическом аспекте. Знать нравственные добродетели, использовать их для контроля человеческих страстей, разве эго не одна из обязанностей просвещенного властелина? Затем очень естественно перейти от нравственных правил к естественной философии, то есть к знанию вселенной. Об этом рас сказывал королю епископ до Шалон-сюр-Саон, Понтус до Тиар, будущий кардинал Дю Перрон, прекрасно владеющий искусством спора и один из самых блестящих проповедников, значок естественной и божественной теологии. Астрономия и космология были темой бесед в течение полутора лет. Последние чтения были посвящены

искусству красноречия, рассматривавшегося учеными как раздел риторики и часть рациональной, философии. Итак, курс дворцовой академии охватывал все разделы схоластической философии, за исключением механики. Философское образование короля было совершенно традиционно, абстрактно и умозрительно. так объясняется отсутствие в заседаниях академии отклика на современные события.

Хотя академия Генриха III, как и большинство его действий, подвергалась критике, она дала толчок к появлению подобных структур. Гак, Генрих Наваррский последовал по стопам короля Франции. Но не из любви к литературе — к которой, став королем, он не проявлял никакого интереса будущий Генрих IV счел своим долгом сымитировать то, что происходило в Лувре. Таким же образом Ля Примодьер написал свою работу «Французская Академия», чтобы удовлетворить интересы Генриха III. Та же цель была у небольшой группы людей, собравшихся вокруг Филиппа Юро де Шеверни канцлера герцога Анжуйского, затем в 1581 году канцлера Франции, — одного из самых образованных людей своего времени. Об этой группе напомнил Ля Попелиньер в своей работе «Три мира». Секретарь Франсуа Анжуйского, Клови де Нюизман, опубликовав в 1578 году свои стихотворные произведения, включил в книгу «Стансы в честь Академии», которую собрал вокруг себя Франсуа-Эркюль.

Дворцовая академия собрала большое количество светил науки и литературы той эпохи. В нее входили Пьер де Ронсар, Ги дю Фор де Пибрак, Антуан де Баиф, учредитель первой академии, Филипп Деспорт, любимый поэт Генриха III, его секретарь и доверенное лицо, Доррон, преподававший королю латинский язык, Понтус де Тиар, поэт-итальянист, Жак Дави дю Перрон, сын гугенота, уже прославившийся своим умом и диалектической мудростью. Кроме того, в работе академии принимали участие Амади Ламен, поэт, переводчик «Илиады», а также врачи Мирон и Кавриана. Первый был таким же приближенным короля, как Деспорт, второй представлял великого герцога Тосканского. Другим не менее знаменитым членом академии был Агриппа д'Обинье до бегства короля Наваррского. Именно благодаря ему мы знаем, что собрания проходили два раза в неделю в кабинете короля. Он же среди «академиков» называет маршала де Рец и мадам де Линероль. Клавдия Екатерина де Вивон, вторая жена Альбера де Гонди, маршала де Рец, знала греческий, латинский и итальянский языки. Во время приемов польских послов она служила переводчиком. Она же заслужила звания «десятой музы» и «четвертой грации». Вдова Филиппа де Линероля, которого в 1571 году Карл IX отослал от двора, так как считал, что тот

слишком сильно владеет умом герцога Анжуйского, Кабриана де Ля Гийонньер была одной из самых образованных женщин двора, и многие опасались точности и колкости ее слов. Генриху Ангулемскому, незаконному сыну Генриха II, герцогу де Неверу и его жене, шевалье де Севру тоже не составляло никакого труда находиться среди ученых и писателей. Однако набор в академию не ограничился одними парижанами. Своим присутствием интеллектуальный круг двора расширили Сцевол де Сент-Март из Пуатье, Робер Гарнье из Манса. Академия вызвала оппозицию некоторых людей. Гак, Жак Корбинелли, который всем был обязан Генриху III, не колеблясь критикует его в письме к одному своему итальянскому корреспонденту в феврале 1576 года. Трауйан Пассра не мог удержаться и не сказать королю, какие чувства у него вызывает подобный вид деятельности. Передавая Генриху III шестую книгу своего перевода «Энеиды», он добавил: по его мнению, король напрасно ищет что-то в «пустых разговорах какой-то академии», и заключил:

Прочтите стихи эти и узнайте,
Каков долг и обязанности государя.

Таким образом, Пассра отправлял Генриха III к чтению своего перевода книги VI «Энеиды», в которой латинский поэт дает советы по управлению империей. Генрих III плохо воспринял урок поэта и приказал Пассра принести повинную. Сам Ронсар, по словам его друга Клода Нине, был вынужден уступить требованиям короля. Легко объяснить сдержанность и холодность некоторых участников бесед: приходилось выступать на публике и рисковать заслужить насмешки короля. В манере защищать какой-либо тезис в присутствии монарха была изрядная доля искусственности. Обращаясь к монарху, писатель и оратор никогда не пользуется полной свободой говорить или писать. Однажды Жак Дави дю Перрон прекрасно изложил аргументы в пользу тезиса о существовании Бога. Его выступление вызвало всеобщее восхищение. Но когда опьяненный успехом дю Перрон предложил королю защищать в другой раз противоположное положение, Генрих III, ужаснувшись, прогнал (то от двора (это не помешало «безбожнику» позже вернуть расположение короля и стать епископом, а затем и кардиналом). Однако по намекам, фигурирующим в некоторых беседах, можно предположить, что Генрих III не требовал, чтобы ему рабски льстили, и предоставил своим академикам определенную свободу. Но надо располагать всеми текстами академии, чтобы с уверенностью говорить об этом. Многие беседы в ту эпоху были записаны и переписаны,

поэтому нам известно содержание многих из них. Они были опубликованы Е. Фреми в книге «Академия последних Валуа» в 1887 году, их полный список дал отец-иезуит Роберт Дж. Сили в работе «Дворцовая Академия Генриха III». К текстам Фреми он добавил «Беседу об амбициях», несомненный автор которой герцог де Невер, и десятую «Беседу» на эту же тему, автора которой он не смог идентифицировать.

Помимо высших материй, многие беседы затрагивали жизненные моменты и могли иметь практическое применение. В среде двора все, кто контактировал с королем, были умелыми льстецами. В своей «Беседе о правде и лжи» А. Жамен называет их настоящими лисами. Маршал де Рец в «Беседе о гневе» разоблачал опасность ревности, плода личного соперничества. В «Беседе об амбициях» Луи де Гонзага заключал, что следует «остерегаться этого порока и не желать дружбы с амбициозными людьми, потому что они все измеряют с точки зрения полезности, а не в интересах чести и славы», что возможно было направлено на такого человека, как Энернон. Доказательством свободы, царившей в академии, служи! «Беседа об опасениях», позволяющая себе давать Генриху III советы: «Не следует бояться показан, своему принцу, королю, господину истину». В «Беседе о гневе и о том, как его умерять» Пибрак предостерегал, насколько унизительно для принца показывать свой гнев. Рец, рассматривая, в свою очередь, гему страстей, высказывал мнение, что «высокий гнев принца, умело сдержанный и руководимый разумом, может принести удиви тельные результаты».

В общем, можно сказать, что дух собраний академии был истинно христианский. Царящий в то время гуманизм объясняет выбор чем и примеры, взятые из античности, которыми авторы расцвечивали свои тексты, иногда утяжеляя их. Именно в таком направлении писали с вои беседы Пибрак и Ронсар. Первый настаивал па главенстве чувств и страстей, стремясь сделать человечество более живым. Второй ставил на первое место нравственные добродетели, которые, но его мнению, должны были превалировать в научной среде. В конечном итоге речь шла об определении правил и норм для обыденной жизни граждан, а также для высшего класса социальной иерархии. По удивительному контрасту в эпоху, полную волнений и беспорядков, мятежей, неподчинения и зачастую отказа от самого элементарного гуманизма, Генрих III и члены его Академии старались нащупать путь, с помощью которого можно было бы дисциплинировать человеческие инстинкты и остудить крайние проявления страстей. Итак, не из дилетантства король искал общества самых лучших умов своего времени. По сути дела, у

него была га же цель, что и при создании ордена Сен-Эспри (Святого Духа).

Орден Святого Духа, его политическое и религиозное значение

Решив в декабре 1578 года основать новый орден дворянства, Генрих III осуществлял свою давнюю мечту. Вернувшись из Франции, он понял необходимость собрать вокруг себя когорту знатных людей, столь же преданных римской церкви, как и он. Эго был способ помешать прогрессу Реформации. В правление Генриха II она знала лучшие времена. Но с 1560 года она топталась на месте и даже начала отступление. Королю надо было держать знать в руках, так как она была одной из опор государства. Придуманное королем новое высокое отличие позволяло избежать того положения, когда знать ищет другие центры для объединения, покидая монарха. Во время своего пребывания в Венеции король получил от дожа оригинальный текст «Устава Ордена Святого Духа», основанного в 1332 году Людовиком Тарентским, королем Неаполя из Анжуйского дома. Храня воспоминания о беседах со святым Шарлем Борроме, король, по словам его секретаря Ж. Гассо, с большой теплотой принял идею кардинала Лотарингского создать орден, командоры которого могли бы располагать доходами с подчиненных аббатств. Это означало отмену использования доходов с аббатств как для регулярных аббатов, так и для командоров нового ордена. Но Рим отклонил данный проект. Лишь в конце 1578 года Генрих вновь вернулся к идее, провалившейся в 1574 году. Эдикт Пуатье открыл начало довольно длительного мира. Занимаясь денежной реформой 1577 года и редакцией королевского указа 1579 года, являющегося результатом созыва Генеральных Штатов в Блуа, тщательно готовя собрание ассамблеи нотаблей, Генрих III не терял из виду проект, намеченный в 1574 году. К тому же он чувствовал необходимость собрать вокруг себя действительно преданных людей. В декабре 1571 года один из его доверенных людей, Линероль, попал в засаду и был убит. В октябре 1575 года в своем собственном доме был зарезан Дю Гаст, которого король ценил за его энергию и стремление к действию. В декабре 1576 года был убит дворянином из дома герцога Алансонского молодой Генрих де Сен-Сюльпис, один из «банды четырех», после отказа поступить на службу к Монсеньору и разорвать дружбу, связывающую его с Генрихом III. В 1578 году три фаворита короля погибли в знаменитой дуэли 27 апреля. А в июле четвертый, Сен-

Мегрен, который ухаживал за женой Генриха де Гиза, был отправлен к дьяволу людьми герцога. Многие поэты писали о трагической гибели королевских фаворитов в 1578 году, но лишь один Жан Пассра верно угадал истинную мысль Генриха III. Напомнив о славной молодости принца, в одном из своих произведений он говорил о его нужде в небесной помощи. В таком сложном человеке, каким был Генрих III, борьба между человеческими страстями и религиозным мистицизмом продолжалась практически до самого конца его жизни. Нет сомнений, что Генрихом двигала глубокая вера. Чем старше он становился, тем больше заботился о соблюдении религиозных и нравственных норм. Иностранные дипломаты и особенно представители папы были его восхищенными зрителями. Просматривая его письма, мы видим, что он никогда не переставал утверждать свое доверие Господу, потому что тот, кто привел его на трон, не мог оставить его. Ничего удивительного, что в инструкции, написанной в октябре 1578 года, для государственного секретаря Л'Обеспина, поехавшего в Рим с миссией получить согласие Святого Престола на создание нового ордена, Генрих III объявлял себя под охраной Святого Духа, «вдохновителя всех добрых дел и святых начинаний».

Если Генрих III надеялся, что Святой Престол без проволочек даст благословение новому ордену, то быстро был разочарован. Но правдой было и то, что он хотел получить от паны право изымать из ежегодного дохода церкви 200 000 экю, предназначенных для новых командоров. Король натолкнулся на отказ, мотивированный тяжелым финансовым положением церкви во Франции. Генрих III вынужден был склонить голову и ограничить число членов ордена. На ежегодном празднике 1 января он пожаловал членам ордена лишь по 1000 экю.

1 января 1579 года 26 первых претендентов на награждение собрались во дворце Нантуйе, недалеко от монастыря Святых Августинцев. Они должны были представить доказательства столетней истории дворянства своего рода и быть истинными католиками. Любитель этикета, Генрих III проработал все детали церемонии инвеституры. Претенденты на награду были одеты в камзол и штаны из серебряной ткани, сверху был наброшен плащ из черного велюра с зеленым воротником, отделанным цветами лилий и языками пламени, перемешанными с цифрами короля. Из дворца Нантуйе процессия прошла в церковь Великих Августинцев, где король, тоже одетый в костюм ордена, принес клятву соблюдать устав ордена, прежде чем в качестве короля-священника принять 26 новых членов в ряды ордена. На каждого из претендентов, стоящих перед ним на коленях, он набросил

плащ и сказал: «Орден дает вам плащ в знак братского союза с нашей верой и католической религией, во имя Отца и Сына и Святого Духа». После чего он надел каждому на шею специально подготовленную цепочку и добавил: «Да пребудем вечна в вас память о смерти Господа нашего, Иисуса Христа. В знак этого мы приказываем вам всегда носить поверх одежды его крест». Устав, составленный по указаниям духовником Жаком Амийо и иезуитом Ожером, обязывал членов ордена точно и регулярно исполнять церковные ритуалы. Два раза в год им следовало причащаться и исповедоваться. Король, само собой разумеется, был главой ордена с момента его образования, так что Генрих IV не мог возглавлять его заседания до тех пор, пока не приехал в Шартр в 1593 году.

Принадлежа к эпохе Возрождения, Генрих III хотел, чтобы орден был окружен роскошью и красотой. До нас не дошли первые атрибуты ордена, так же как первые плащи и цепочки. Впрочем, они должны были восстанавливаться наследниками членов ордена. Кроме того, Генрих IV изменил эмблемы. К счастью, оригинальные знаки отличия нам известны благодаря иконографическим документам (портрет короля с цепочкой ордена на шее и «Книга Устава»). На цепочке первый символ был составлен из переплетенных букв *H* и двух греческих букв лямбда. Они обозначали инициалы имен короля и королевы. Второй символ был более сложным и заинтриговал современников короля. Он объединял в себе заглавную букву эта (по-французски *H*), заглавную лямбда (инициал от «Луиза»), заглавное фи (как бы говорящей: «будьте философами, друзья») и, наконец, пи заглавное (инициал от «Параклет», дух). Утонченный эстет, Генрих III хотел, чтобы торжественные службы, проходившие по праздникам ордена, были красивыми и величественными. Об этом мы можем судить даже сегодня, потому что в отличие от личных знаков ордена сокровища культа дошли до нас почти нетронутыми. (Можно полюбоваться на них в Лувре, в галерее Аполлона.) Конечно, Генрих собирался сделать из церемоний ордена спектакли, предназначенные для потрясения умов и укрепления престижа монархии.

С самого первого приема в орден «блаженного Святого Духа», Генрих III решил включить в него «самых знатных и достойных людей моего королевства», о чем он сообщил особыми письмами, адресованными счастливым избранникам. Он уточнял: «Никто не может получить такую высокую честь, кроме как идя тропой добродетели». За единственным исключением брата королевы Луизы, герцога де Меркер, первыми членами ордена стали высшие офицеры Короны, члены королевского Совета и маршалы.

Самым заметным был Луи де Гонзага, принц Мантуи и герцог Невера, человек высокого ума, сторонник справедливости, которого Генрих III особенно уважал. Вторым в списке был Жак де Крюссоль, герцог д'Юзэ, бывший гугенот, сражавшийся на стороне Конде, отказавшийся от протестантизма в 1573 году, чтобы наследовать герцогский титул своего старшего брата. Его семья, из личных интересов присоединившаяся к лагерю короля, была очень влиятельна в Лангедоке. Этот пример показывает нам, как король стремился утвердить возвращение знатных дворян к католицизму. Наконец, отсутствующие в первом списке имена вызывают не меньший интерес, чем те, которые там фигурирую!. Разве Генрих III мог никак не реагировать на постоянные затруднения, которые чинили ему брат и глухая оппозиция Лотарингского дома? Генрих де Гиз и кардинал Луи де Гиз были приняты в орден лишь в 1580 году, доказав свои верноподданнические чувства к королю. А Монсеньор так и не стал членом ордена. Генрих III отказался вручить высший знак королевского отличия тому, кого называл «уродом» и «мордой», настолько Франсуа-Эркюль задевал и ранил его своим непослушанием.

Мог ли король получить от такого истинно монархического института реальную пользу? Ведь в конце правления Генриха III, несмотря на клятву верности, герцоги де Меркер, де Гиз, д'Омаль и де Майен (правда, все из Лотарингского дома), так же как кардиналы де Бурбон и де Гиз, без каких-либо колебаний открыто выступили в восстании против короля. Тем не менее Генрих III всегда полагал, что может рассчитывать на лояльность большинства из тех, кого сделал членами ордена. Тот факт, что концепция верности монарху была одной из отличительных черт ордена, доказывает то, что после смерти Генриха III большая часть его членов согласилась служить Генриху IV. Из всех начинаний Генриха III основание ордена Святого Духа было лучше всего воспринято современниками и потомками. В течение двух последних веков Старого Режима голубая лента ордена была самой желанной наградой.

Что касается законодательной деятельности Генриха III, которой он посвятил много времени и усилий, то она была далеко не столь удачна. Нововведения в этой области не привлекали внимания и не остались в народной памяти. Они были не столь блестящи и соблазнительны, чтобы потрясти человеческое самолюбие, как это сделал высший знак отличия монархического режима. Начиная с 1585 года революционная буря стерла все результаты этой деятельности, уничтожив даже воспоминания о ней.

Ассамблея нотаблей в Сен-Жермен-ан-Ле

Тому, что Генрих III хотел быть реформатором, есть много доказательств. Об этом красноречиво говорит созыв ассамблеи нотаблей. Король с обирал такого типа ассамблеи только во времена кризисов. А их в XVI веке было достаточно, и всего с 1506 по 1596 год прошло семь ассамблей. Созыв 1583 года имел место в тот момент, когда Генрих III полностью посвятил себя реформе королевства. В записке, адресованной Луи XIII в январе 1623 года от Брюлара де Силлери или Бошара де Шампиньи, мы с удивлением встречаем похвалы государственной деятельности Генриха III. Говоря о семи мирных годах (1577 1584) между миром Бержерака и началом кризиса, связанного с наследованием короны, автор пишет: «Этот принц, наделенный большими способностями, и среди прочих той, которая помогает править королевством, направил весь свой ум на восстановление порядка в стране, при этом сам много работал… не замечая, что ни один из его предшественников не проникал до такой глубины». Как видим, нет ничего общего между этими похвалами и скандальной историей Агриппы д'Обинье и частично скандальной Л'Эстуаля.

Записи Совета и рапорты, затребованные Генрихом III, действительно мало доступны и неизвестны широкой публике, предпочитающей вольные анекдоты сомнительного происхождения и самую откровенную ложь. При жизни Генриха III было совершенно невозможно добиться, чтобы его подданные воздали ему должное. Когда молодой король вернулся из Польши, страна уже была истощена 15 годами войн. Из Испании пришло заметное повышение цен. Война сильно снизила, а частично вообще разрушила производственный потенциал страны. Сначала надеялись, что Генрих III сможет покончить с таким небывалым кризисом. Но вскоре на место надежд пришли разочарования, которые все росли и в конце концов вылились во всеобщее восстание, сделавшее из Генриха III в 1588 1589 годах короля, изгнанного из своей столицы и практически свергнутого с престола. Генрих III отдавал себе отчет в происходящих событиях и очень быстро понял, что надо действовать. В течение всего своего правления он не терял желания выполнить свои личные намерения. Помощь, которую он хотел оказать своим подданным, заключалась прежде всего в гражданском мире, установлении твердых цен, поддержании общественного порядка, так же как в моральной реформе — неотделимой от реформы религиозной.

Поэтому летом 1577 года, когда он стал уверен в близком мире с гугенотами, он решил заменить экю на ливр, чтобы освежить экономику и снизить цены. Но из-за волнений в провинциях дело застопорилось в 1578, 1579 годах и не двигалось вперед до 1580 года. Генрих III поручил четырем специалистам по финансам изучить положение и найти, откуда можно скорее получить средства для выкупа государственного имущества и сколько оно стоит. Изучение состояния дел в провинциях позволило с точностью определить стоимость государственного имущества: 50 миллионов ливров. Прибегая к подобным комиссиям, Генрих III демонстрировал свою склонность к экстраординарным способам правления, о чем ясно свидетельствуют бумаги с записями заседаний Совета. Правительство прибегало к подобным средствам в 1582 и 1584 годах, когда критическое положение королевской казны требовало немедленных действий. Возможно, король полагал, что восстановление мира с гугенотами обернется улучшением финансового положения, но огромное количество и срочный характер некоторых расходов не позволили этого. С 1581 по 1584 год приходилось финансировать авантюры и путешествия Франсуа Анжуйского, так как это был единственный способ помешать ему вновь встать во главе недовольных в стране. Надо было также идти на расходы по союзу со Швейцарией, король которой никак не мог примириться с превосходством Филиппа II в военной области. Не получая платы с 1580 года, кантоны направили в январе 1582 года депутатов с угрозой разорвать союз, если не будет произведена оплата. Генриху III пришлось всеми правдами и неправдами собирать 600 000 экю задолженности, и 25 июля 1582 года между ним и кантонами Швейцарии был возобновлен договор Солера. Для восполнения этих расходов король продал часть государственного имущества, (делал шесть займов, создал новые должности, взял налоги с духовенства, наложил таксы на ткани и вина, вызвав волнения в Пикардии, Нормандии и Шампани летом 1582 года. Восстание достигло Юга. В октябре инсургенты обратились к Франсуа-Эркюлю с просьбой возглавить их. К счастью, он отказался.

Несмотря на эти трудности, король и его Совет намеревались с помощью большого исследования собрать все необходимые данные, которые позволили бы им действовать. 27 мая 1582 года Финансовый Совет получил приказ собираться каждый день с одного часа до трех часов для рассмотрения средств, «с помощью которых в кратчайшие (роки король смог бы вернуть свои владения и доходы, чтобы обеспечить жизнь своего дома и облегчить положение народа». 16 июля в ходе заседания

государственного Совета, торжественного как никогда, Генрих объявил, что расследование будет проведено «как для выкупа государственного имущества, так и для облегчения жизни его народа». Между 3 и 6 августа 1582 года были отправлены необходимые комиссии. Королевство было разделено на шесть больших секций, каждую из которых инспектировало четыре комиссара. Был специально установлен состав каждой группы. В нее входил один священник, один дворянин среднего ранга, служивший уже в армии или в дипломатии, один юрист и один финансист. Избранная процедура была противоположной той, которая использовалась на собраниях Генеральных Штатов: люди из центрального правительства собирали в провинциях то, что могло заинтересовать короля. В октябре 1582 года комиссары выехали в дорогу, предваряемые письмами, которые предписывали представителям короля и местным властям подготовить ответы на возможные вопросы. Расследование 1582 года было лишь частью большой работы, проделанной Советом под руководством короля. В это время были утверждены многие важные эдикты: эдикт 19 марта 1583 года, запрещающий провоз во Францию иностранных предметов роскоши, январский эдикт 1583 года, устанавливающий свод правил использования вод и лесов, и главный, мартовский эдикт 1583 года, регламентирующий взимание податей. Еще одним, самым интересным плодом деятельности Совета под воздействием Генриха III является знаменитая работа «Состояние государственного имущества и финансов Франции», составленная четырьмя мастерами счетов в преддверии ассамблеи в Сен-Жермен-ан-Ле. 30 июня 1583 года Генрих III созвал своих комиссаров в Париж к 10 сентября, пригласив членов Ассамблеи на 15-е число. Но в Париже свирепствовала чума, и в октябре король переехал в Сен-Жермен-ан-Ле. Ассамблея собралась у него в ноябре и вела обсуждение до февраля 1584 года. Первое заседание состоялось 18 ноября. Ассамблея была разделена на три палаты, по 22 члена в каждой и под руководством одного принца крови. Помимо высшей знати (принцев крови, герцогов, маршалов), на собраниях присутствовали 26 государственных советников, семь юристов, два дипломата, Ля Валетт и Дю Бушаж, братья двух фаворитов Эпернона и Жуаеза, советник королевы матери Вьеск и де Пон, представляющий герцога Анжуйского. Короче говоря, помимо принцев крови и верхушки знати, ассамблея состояла из высокопоставленных сторонников короля. Срок окончания работ неизвестен, но вполне вероятно, что главные дебаты завершились в конце января 1584 года, так как 31-го числа королева-мать покинула Сен-Жермен. Король

оставался там до 15 февраля, затем вернулся в Париж. Нам становится известен результат его деятельности из сообщения, опубликованного им в 1584 году. Опубликованный текст составлен в палате, работавшей под руководством кардинала де Ван дом. Вполне возможно, что мнение других палат было идентичным, просто король счел лучшим сообщение палаты кардинала де Вандом.

Обсуждаемые вопросы были разбиты на десять общих рубрик. Если не останавливаться на всем том, что ассамблея предложила в отношении церкви, знати, правосудия, общественных дел, общего сохранения порядка и армии, то главное представляют предложения по финансам короля и экономике королевства. Ассамблея посоветовала вернуть занятые части государственного имущества, поручить третьей палате Парламента урегулировать вопрос с присвоенными частями, выкупить то, что было заложено, и утвердить по самой высокой стоимости части, принадлежащие королю. Единицы измерения налога на пищевые продукты должны быть пересмотрены, а это позволяло для одного финансового округа Парижа вдвое увеличить таксу. Тот же совет в отношении соли, затрагивающий десяток финансовых округов Парижского бассейна. Вынуждая Овернь платить в той же пропорции, что и другие округа, король получал 150 000 ливров. В области податей единственным средством поднять их была просьба к генеральным казначеям взять в свои поездки податные списки прошлого года, чтобы помешать произволу своих ставленников. Наконец, по мнению ассамблеи, ликвидация королевских долгов могла быть осуществлена только с помощью пересмотра в сторону повышения доходов от больших ферм через посредство непрямых налогов.

Экономические проблемы их называли проблемами правопорядка также привлекали внимание нотаблей. В качестве первой меры они предписывали учреждение должностей судей: по шесть в городах с Парламентом и по четыре в других местах. Им предполагалось передать власть экономического урегулирования, право налагать телесные наказания и штрафы. Безопасность и гигиена городов тоже становились частью их забот. Ассамблея полагала, что, оставляя в неприкосновенности автономию городов, следует обязать их следить за состоянием путей сообщения и создать корпус офицеров санитарной службы.

В области производства следовало покончить с безработицей и увеличить денежные резервы страны. Главной отраслью промышленности страны было текстильное производство. Но войны и государственная казна поставили его в бедственное положение. Для его оживления следовало запретить экспорт

французских текстильных тканей и импорт иностранных. Из-за договора с Англией Франция не могла закрыть границу для тканей этой страны, поэтому следовало установить более низкие цены для продажи, чтобы обескуражить иностранных торговцев. Стране жестоко не хватало лошадей, а ввозимые животные были очень дороги. Поэтому ассамблея сочла полезным рекомендовать создать конные заводы, которые можно было бы разместить рядом с сельскими аббатствами с 2000 ливров дохода, которые состояли бы из одного эталона-производителя и четырех кобыл.

Итак, мы видим, какими были размах и разнообразие вопросов, рассматриваемых Ассамблеей в Сен-Жермен. Рекомендации, данные ею королю, не остались безрезультатны. Следует также заметить, что этот 1584 год оказался «единственным годом мира, в ходе которого центральная власть еще имела возможность действовать» до подъема Лиги в 1585 году, о чем справедливо пишет мадам А. Каршер, у которой мы взяли сведения о работе ассамблеи Сен-Жермен.

Королевские 1584–1585 годов

Полный мыслей о «реформах», Генрих III стал совсем иным человеком, чем тот, который несколькими годами ранее одаривал Эпернона и Жуаеза. Решив уменьшить расходы членов своего дома и траты на содержание двора, он хотел ввести режим экономии, вызвавший гримасы на лицах щеголей. Генрих III собственноручно написал детальные правила внутреннего распорядка для двора, опубликованные 1 января 1585 года. Также по настоянию короля в январе 1584 года Совет пересматривал откуп непрямых налогов. Новый арендный договор был датирован 1 октября. Новые фермеры должны были обязаться выплатить остаток королевского долга в 666 389 экю своим предшественникам, предоставить королю аванс в 60 000 экю и выплачивать ему 359 833 экю ежегодно. Реорганизация ферм 1584 года была настоящим успехом. Полученные деньги позволили королю выплатить задолженности офицерам, обеспечить службу рент и выплатить некоторые долги. Но первые результаты были сметены волнениями Лиги.

С декабря 1583 года комиссары по податям вновь получили поручения в области искоренения злоупотреблений, 14 апреля 1584 года Совет установил формы «комиссий по регулированию и реорганизации податей» и постановил, что штраф с мошенников будет равен пятилетнему налогу. Но, столкнувшись с протестами некоторых провинций, король отменил комиссии, а их задачи

были переданы главным казначеям.

Все эти меры, к которым следует добавить приказ от 9 февраля 1584 года по жандармерии (статья 40 открывала для простолюдинов доступ в уставные роты), эдикт Сен-Жермен от декабря 1584 года о функциях генерал-полковника пехоты, а также мартовский эдикт 1584 года ясно показывают, что Генрих III использовал все возможное для обеспечения четкого функционирования государства и для блага страны. Любопытно, что в начале 1585 года королевский бюджет находился практически в состоянии равновесия. Более того, королю удалось значительно снизить подати. Так, сохранение гражданского мира быстро восстановило положение короля и всей страны в целом.

Однако Лига поставила под вопрос все достижения и начисто стерла все заслуживающие похвал усилия последнего Валуа. Созданный договором Жуанвиля 31 декабря 1584 года между Визами и Филиппом II, легко победив Генриха III, вынужденного отменить 18 июля 1585 года эдикты о мире, Святой Союз поставил выше всего страсти, сметя разум и мудрость, столь необходимые для успешного руководства государством. Мариежоль пишет, что «католическая Франция безропотно согласилась на плохого короля», но нельзя не отвергнуть его мнение о Генрихе III, как о «плохом короле». Однако он справедливо говорит, что Франция «приходила в ужас при одной мысли получить короля-еретика», так как в отличие от короля, отказавшегося от пути войн, Франция XVI века была страной нетерпимости. Фанатизм и непримиримость Святого Союза сделали из Генриха III козла отпущения в глазах большей части его подданных. Созданный Лигой портрет подхватили потомки. Любопытно, что официальные историки III Республики предпочли довериться лжи гугенотов и членов Лиги о монархе трех корон. Но разве можно было создать портрет короля Франции не в черных тонах, если до 1789 года вся история была сплошными потемками, тогда как после 1789 года, наоборот, она сияет светом?

Часть четвертая
На пути к третьей короне (1585–1589)

Тот, кто настолько забудется, что начнет злословить обо мне или о моих деяниях, совершит злое дело, недостойное честного человека.

Генрих III Луи де Гонзага, герцогу де Неверу, Париж, 21 марта 1586 года. Н.Б., мс. фр. 3974, т. 152

Тот, кто беспристрастно будет судить о происходящем и не даст обмануть себя, ясно увидит, соответствуют ли все слухи обо мне тому, что я делаю… Я хочу одной лишь правды.

Генрих III Жану де Ля Барьер, аббату Нотр-Дам-де-Фейан, де 17 июля 1588 года. Н.Б., мс. фр. 11564, т. 370

Глава первая
Генрих III, политический руководитель и король-священник. Его привилегированный инструменты борьбы с знатью. Герцоги д'Эпернон и де Жуаез. Благочестие короля: хрупкое средство борьбы против Рима и Святого Союза или доказательство подлинной веры?

Загадочное поведение Генриха III: видимость или реальность?

Как мы видели, современников просто потряс контраст между герцогом Анжуйским и Генрихом III. Следует ли согласиться с отцом Даниэлем и Давиля, что с 1576 года последний Валуа 13 лет носил маску, и тот маскарадный костюм, в котором он развлекался на балах и карнавалах, был лишь средством, чтобы сбить с толку общественное мнение? Но если иногда казалось, что Генрих теряет интерес к правлению, если его относительная бездеятельность давала оппозиции возможность нападать на него, если он часто предоставлял своей матери право стоять на переднем плане сцены, а сам оставался за кулисами, то следует ли отнести это на счет сознательного макиавеллизма (теория итальянца Давиля) или на счет его темперамента и склонности к учебе и уединению? Или вместе с Пьером Лафю надо сказать, что в его «задуманном сокрытии мыслей и чувств» он «прибегал к двум главным алиби: набожности и удовольствиям»?

Конечно, враги Генриха III не упустили возможности наброситься на его развлечения. Благодаря ворчливому П. де Л'Эстуалю они с наслаждением черпали сведения из этого готового арсенала. Мы уже рассмотрели этот вопрос и то, насколько почетно вернуть развлечениям Генриха III их истинные пропорции. И действительно, редко встречаются короли и принцы, отказавшиеся от веселья. В любом случае, Генрих III никогда не позволял себе того, что сделали его браг Франсуа и

его окружение с епископом Анжера, Гийомом Рюзе. Последний имел наивность пригласить на Пасху 1578 года герцога Анжуйского и его свиту. Но епископ был родом из простого народа, и герцог и его окружение презирали его, открыто насмеявшись над ним за его приглашение. Когда принц и его спутники собирались сесть за стол, некоторые из них стали изображать ссору. Вскоре все приглашенные набросились на стол, полностью разорили его, столы, стулья и всю мебель, стоящую в зале, выбросили в окно, после чего удалились, смеясь во все горло, довольные уроком, который преподали низкородному епископу, пожелавшему сесть за один стол с братом короля. О реакции провинции мы знаем не от Л'Эстуаля, а из Журнала одного городского буржуа, Луве.

Подобные развлечения, порой сочетающиеся с насилием, никогда не были во вкусах Генриха III. Конечно, он любил карнавалы и маскарады. Л'Эстуаль подробно описывает все его шалости на улицах Парижа. Почти до конца своего правления Генрих оставался верен удовольствиям карнавала. В феврале 1588 года он даже продлил ярмарку в Сен-Жермен на шесть дней, как рассказывает Л'Эстуаль, «предоставляя своим любимцам и дворянам своего окружения дерзости в отношении женщин и девушек в своем присутствии… каждый день посещает компании девушек, которые собирает в каждом квартале… каждую ночь бродит по городу, танцует, веселится… устраивает маскарады и балы». И хроникер удивляется: «Будто во Франции нет ни войны, ни Лиги». С такой точкой зрения можно поспорить: были ли то простые развлечения или желание удовлетворить потребности населения Парижа и разрядить напряженную атмосферу города, а может, необходимость забыть на несколько дней о постоянных заботах, рожденных сложным положением в стране? В таком смысле развлечения короля были способом правления.

Не менее странным для современников и историографов было пристрастие Генриха III к этикету и та тщательность, с которой он относился к своему туалету, одежде и ежедневному распорядку дня. Что это, бегство от ответственности за власть или осуществление тщательно продуманного плана? Именно с Генриха III стали обращаться к королю словами «Ваше Величество» и родился церемониал, достигший апогея при Людовике XIV (это никогда не ставили в упрек королю-солнцу). Созданный Генрихом III комплекс ритуалов и детальных предписаний, возможно, является прославлением культа короля, моделью для которого послужил самый могущественный монарх Европы, Филипп II. Вполне вероятно, что Генрих III испытал на себе его влияние. Но культ, объектом которого он был, так же, как

и его набожные уединения, не мешали Генриху III следить за политическим положением в стране и работать над нравственным преобразованием королевства.

Герцоги д'Эпернон и де Жуаез, «архилюбимчики» короля

Итак, даже если обратить особое внимание на тщательный уход короля за телом и сто элегантность в одежде, ему нельзя поставить в упрек основание культа королевской особы, желание развлечь двор и посещение праздников. Атмосфера двора принца не может напоминать монастырь, и Лувр — это не Эскориаль. Поэтому больше не будем останавливаться на слишком изобретательной теории Давиля. Ни церемониал королевского дня, ни праздники, ни развлечения, ни уединения никогда не мешали Генриху III править и очень внимательно следить за событиями, происходящими в королевстве.

Генриху III приходилось править в очень сложной обстановке и для успешного выполнения своих обязанностей ему надо было опираться не на принцев, а на провинциальное дворянство среднего звена, прибегать к услугам магистратов или даже просто буржуазии. Шеверни, Виллеруа, Виллекье, Пибрак, д'Э, Меем, Белльевр, Брюлар, а в конце правления Револь и Рюзе были действительно верными и преданными людьми. Еще до Людовика XIV Генрих III был вынужден править без помощи принцев, а зачастую и преодолевая их сопротивление. Как на этот раз справедливо заметил Давиля, люди, отмеченные королем, не имели титулов, зато обладали «тонким умом».

Его фаворитов ненавидели за занимаемое ими положение. Однажды король, зная, что члены Парламента больше прислушиваются к голосу разума, чем знатные господа, сказал им: «Вы упрекаете меня за то, что я выбрал их для управления страной. Если бы я выбрал других, вы так же ненавидели бы их. Я уважаю их за то, что, как мне показалось, они выделяются своими достоинствами. Я никогда не смотрел на происхождение».

Многие самые непримиримые их противники иногда делали ценные признания. Так, один из них писал о том, что Жуаез имеет «прекрасную душу в еще более прекрасном теле». Д'Эпернон, говорил другой, обладал — «самым бесстрашным и неутомимым духом, какой когда-либо видела Франция» и изумительно владел «искусством завоевывать доверие мелкого дворянства». Относительная скромность происхождения этих фаворитов лишь подчеркнула стремительную карьеру, которую и тот и другой

сделали с 1579 по 1585 год, вызвав удивление, зависть и ненависть современников. Отправным пунктом их восхождения, как мы видели, стала знаменитая дуэль фаворитов. Однако потребовалось больше года, прежде чем Ля Валетт и д'Арк укрепились в положении официальных фаворитов. Это произошло 1 января 1579 года, во время церемонии принятия первых членов в орден Святого Духа, когда вместе с д'Э и Сен-Люком они появились в таком же костюме, как король. Двор сразу понял, что король наделил своим полным доверием эту «банду четырех», которая после опалы Сен-Люка и д'Э свелась к двум «архилюбимчикам», ставшими герцогами д'Эперноном и де Жуаезом.

Генрих III так высоко поднял Ля Валетта и Жуаеза не из простого каприза, как полагали современники, но наоборот, исходя из политической необходимости. Гизы были могущественны. Лотарингский дом был очень многочисленен, и каждый его член занимал важный государственный пост. После смерти Генриха II дом несколько ушел в тень, но Франсуа I и его сын исправили положение. Генрих де Гиз, Меченый, был пэром Франции, правителем Шампани и Бри, его брат Луи, кардинал де Гиз, был архиепископом Реймса, аббатом Сен-Дени, Фекама и Монтьеан-Дер, третий, Карл де Майен, тоже был герцогом и пэром, правителем Бургони, адмиралом Франции и генерал-лейтенантом королевской армии, другие члены дома — герцог де Меркер, правитель Бретани, герцог д'Омаль и его брат, к которым присоединялись Немуры гго линии своей матери, Анны д'Эсте, вдовы великого герцога Франциска, вторично вышедшей замуж за Жака Савойского, герцога де Немура увеличивали это настоящее государство, не считая толпы родственников и вассалов. Хотя и в меньшей степени, но Монморанси и Бурбоны тоже стояли во главе большого количества своих сторонников, и владели другой частью государственных должностей. Генрих III решил действовать и понемногу при благоприятных обстоятельствах забирал у них должности, чтобы передать их своим доверенным людям. Такова была главная причина везения Ж. Л. де Ля Валетта и Анн де Жуаеза.

Первая миссия, доверенная королем Ля Валетту, привела его на юго-восток. Бывший фаворит Генриха III, маршал де Белльгард был дядей Ля Валетту. Встревоженный могуществом Дамвиля, король предложил Белльгарду правление в Лангедоке. Ради этого маршал согласился оставить правление в маркизате Салуццо. Но Дамвиль отказался передать ему правление Лангедоком и маршал передумал и захватил маркизат при содействии герцога Савойского и Филиппа II. Однако некоторое время спустя, 20

декабря 1579 года он внезапно умер. Его сын Сезар претендовал на сохранение маркизата. Не без труда Ля Валетт, уже ведший безуспешные переговоры с дядей, уговорил его подчиниться королю и уступить Салуццо Бернару де Ля Валетт, его старшему брату, которого король назначил правителем маркизата. Вернувшись ко двору, Жан-Луи увидел, что его конкурент Сен-Люк в опале отослан от двора. Таким образом, для него и других любимцев открылось новое поле деятельности. Ля Валетт был командиром полка из Шампани, и его люди участвовали в осаде Ля Фер. Перед отъездом король дал ему и Жуаезу по 20 000 крон, а также ткани и серебра для костюмов их свиты. 1 июля 1580 года они покинули Париж. Осада Ля Фер началась 7-го числа под командованием маршала де Мартиньона. Во время одного из штурмов Ля Валетт и Жуаез были ранены. 12 сентября маленький городок сдался. Ля Валетт попросил предоставить ему правление в Ля Фер, которое хотел получить Мартиньон, и добился своего. Итак, в возрасте 26 лет он был гораздо более заметен, чем молодой Жуаез, которому исполнилось лишь 18 лет. Один маленький знаменательный инцидент показывает вкусы Генриха III, чуть было не оказавшись решающим для судьбы Ля Валетта. Историю эту рассказывает Жирар в книге «Жизнь герцога д'Эпернона». Король хотел, чтобы к нему в апартаменты входили только в белых туфлях лодочкой с надетыми на них черными велюровыми туфлями без задников, и не терпел никаких отступлений от правила. А Ля Валетт однажды предстал перед ним в расстегнутом камзоле. Его Величество сурово отчитал его и запретил показываться перед ним. Ля Валетт в отчаянии стал готовиться к отъезду. Но Генрих III справился со своим возмущением и приказал найти его и привести. С этого момента Ля Валетт стал очень холоден по отношению к другим и старался держать всех на расстоянии. Жуаез же, по словам Жирара, обладал более гибким и мягким характером от природы, и король часто помыкал им, иногда даже избивал его.

Очень рано Генрих III решил женить своих фаворитов (это никак не совпадает с приписываемой ему гомосексуальностью): в отличие от него Людовик XIII не любил, когда его фавориты женились. 17 октября 1580 года англичанин Кобхейм упоминает о несостоявшемся проекте брака Ля Валетта с Жанной де Ля Мейре, дочерью маршала. В тот момент Ля Валетт был страстно влюблен в прекрасную вдову, мадам де Карнавале, которой было около 50 лег. Молодой фаворит удовлетворился бы положением любовника. Натолкнувшись на отказ, он предложил жениться, тем более что дама была очень богата. Здесь он тоже не имел успеха, хотя за фаворита просил сам король. Как рассказывает Брантом,

мадам де Карнавале хотела остаться свободной и удовольствоваться воспоминаниями о своих двух мужьях, «которыми она уже пресытилась». Оставив мысль о немедленной свадьбе, Ля Валетт нацелился на должность генерал-полковника пехоты. В то время ее занимал Филипп Строззи, сменивший Франсуа д'Андело, брата Колиньи. Строззи согласился обменять ее на должность адмирала и обещание колониального вице-королевства, ведь тогда готовилась экспедиция на Азорские острова. Но адмиралом был Гиз, Шарль де Майен. Тем не менее в октябре 1581 года Строззи передал должность Ля Валетту, получив от короля в благодарность 50 000 экю и ренту в 20 000 ливров. 15 сентября король подписал необходимые бумаги. 21 сентября он возвел в герцогство и пэрию округ Эпернон, что недалеко от Шартра, недавно купленный у Генриха Наваррского. Новый герцог был по положению выше всех герцогов и пэров, за исключением принцев крови и герцога де Жуаеза, так как, женившись на Маргарите Лотарингской, сестре королевы Луизы, тот становился свояком короля. Заботясь о женитьбе больше, чем когда-либо, король выдал замуж младшую сестру д'Эпернона, Екатерину де Ногаре де Ля Валетт, за одного из братьев Жуаеза, Генриха де Батарне, графа дю Бушажа. Их свадьба была отпразднована 28 ноября. 11 декабря Кобхейм отмечает, что д'Эпернон уехал к себе домой в Фонтене-ан-Бри, чтобы сесть на диету и подлечить бедро и колено, поврежденные во время падения на одном из последних праздников. Заботясь об укреплении связей между семьями Ля Валетт и Жуаез, 13 февраля 1582 года Генрих III выдал мадмуазель дю Бушаж, сестру Жуаеза, за старшего брата д'Эпернона, Бернара де Ля Валетт. Через несколько недель два породнившихся фаворита (это не мешало им оставаться соперниками) выехали в Лотарингию с 80 000 экю, которые король своей властью взял у приемщика рантье городской ратуши, Франсуа де Виньи, протест которого не был услышал. Жуаезу предстояло навестить семью своей жены, а д'Эпернон — представиться родителям своей невесты Кристины Лотарингской: король наметил ему в жены этого 8-летнего ребенка, на котором, впрочем, он так и не женился. 9 апреля они вернулись в Париж. 31 декабря 1582 года Генрих III принял двух своих фаворитов в члены ордена Святого Духа, так же как и герцога де Майен, чтобы компенсировать адмиральскую должность. 1 июня 1582 года Анн де Жуаез стал адмиралом. 12 февраля, во время путешествия в Мец, он получил правление этим городом от господина де Рамбуйе и 28 июля торжественно вошел в город, чтобы вступить в должность. В течение вс ей своей долгой жизни эта должность была его главным средством в

общественной деятельности.

Смерть герцога Анжуйского, прямого наследника короля, в июне 1584 года дала Генриху III новый повод доверить д'Эпернону важнейшую миссию. 16 мая, еще до того, как Франсуа-Эркюль умер в Шато-Тьери, фаворит отправился на юг, чтобы встретиться с Генрихом Наваррским и убедить его вернуться к католицизму. Сопровождаемый 500 дворян, он выехал с истинно королевским размахом. 26 мая он остановился в Лош и пожелал получить охотничий королевский округ донжона. Его желания были практически приказами и 1 1 июля Клод де Шатр, правитель города, сообщал королю о передаче д'Эпернону упомянутого округа. 7 июня герцог прибыл в Бордо, где ему навстречу выехал Мартиньон, генерал-лейтенант короля в Гюйенне. Но д'Эпернон ограничился одним приветствием (они не любили друг друга, поссорившись во время осады Ля-Рошель). 29 июня герцог остановился в замке Комон в Саматане, где продолжала жить его мать, отказавшись от жизни при дворе. Он проявил к ней глубокие чувства и большое уважение, так как, несмотря на гордость, умел любить близких. I 3 июня король Наваррский, выехавший из По и графство Фуа, первый раз встретился с д'Эпермоном в Савердене, второй раз в Памье 25-го числа. После чего они оба вернулись в По, где с 9 по 11 июля Беарнец торжественно принимал королевского посла. Еще около месяца последний провел в Гаскони: 6 августа он вновь увиделся с Генрихом в Нераке. Но, так и не добившись от собеседника согласия на предложения Генриха III, он выехал в Лион, где находился в то время его господин.

Из-за отсутствия официальных протоколов бесед мы не знаем, какими предложениями они обменялись и к каким прибегали аргументам. Неудача д'Эпернона была провалом для Генриха III и короля Наваррского и успехом для Испании и Гизов. Отклоняя предложения короля, Генрих Наваррский и с ним партия гугенотов не предполагали, что волнения продлятся еще на 9 лет и они, несмотря на свое желание, окажутся во главе Святого Союза. 31 декабря 1584 года был подписан договор в Жуанвиле между Филиппом 11 и Гизами и появился на свет Союз. В Лионе недовольный Генрих III, конечно, приготовил д'Эпернону не самый радушный прием, но в дороге в результате несчастного случая герцог повредил плечо, были даже слухи о его смерти. Узнав об этом, король проявил большую тревогу. По-прежнему высокомерный, герцог прибыл в Париж в середине августа, нимало не заботясь о лживых измышлениях Лиги и Гизов, обвинявших его в предательстве. Думая о будущем, поскольку наследник трона упорствовал в ереси и большинство нации

отклоняло его в силу этого факта, герцог д'Эпернон счел нужным заручиться поддержкой могущественной семьи Гизов и попросил руки родной сестры Меченого, Екатерины-Марии Лотарингской, вдовы герцога де Монпансье, Луи де Бурбона. Был ли он искренен? Тосканец Бузини высказывает сомнения на этот счет и говорит, что герцог просто хотел прощупать истинные намерения Гизов в отношении к королю и к нему самому. Для д'Эпернона подобный брачный проект был чисто политическим делом. То же самое можно сказать про его свадьбу в 1587 году с Маргаритой де Фуа-Кандаль, родной племянницей могущественного Монморанси-Дамвиля, когда он таким образом ясно занял позицию против Гизов, Лотарингского дома и против королевы-матери, склонявшейся к ним с 1585 года.

В 32 года он был генерал-полковником пехоты и держал в руках три ключа к королевству: Мец, Булонь и Прованс. Казалось, ничто не может помешать его восхождению. Он был практически вице-королем. Однако в том же 1585 году начала изменять ему фортуна. Его закат шагал в ногу с судьбой короля. Но если Генрих III исчез с политической сцены 1 августа 1589 года, то Жан-Луи де Ля Валетт находился на ней до 88 лет, до 1642 года. Карьера его соперника Анн де Жуаеза развивалась параллельно его карьере. Но его смерть в сражении при Кутра 20 октября 1587 года лишила Генриха III опоры фундамента, из которой король строил форпост против великих семей.

В феврале 1579 года после кампании в Лангедоке д'Арк получил командование ротой и почти одновременно стал правителем в Мон-Сен-Мишель. Весной того же года он выполнял роль курьера между королем и его матерью, устанавливавшей мир на юго-западе страны.

После опалы Сен-Люка всеобщее внимание оказалось приковано к осаде Ля Фер. Отныне тех, кого называли в 1579 году «четырьмя евангелистами», стало трое. д'Арк проявил себя не менее храбро, чем Ля Валетт, и даже был тяжелее ранен. В понедельник 18 июля выстрел из аркебузы лишил его семи зубов и части челюсти, рассказывает Л'Эстуаль. К началу августа его состояние улучшилось, и 9 августа он собирался вернуться на поле боя. Наконец, в середине сентября городок сдался. Возвращение фаворитов, особенно Жуаеза, было триумфальным, хотя общественное мнение (парижские буржуа и гуманисты Латинского квартала) встретило их недоброжелательно и даже враждебно, о чем свидетельствуют собранные Л'Эстуалем тексты.

«То, что я люблю, я люблю до крайности», — писал однажды Генрих III Виллеруа. Дождь милостей, проливавшийся на Жуаеза и его семью три года, служит прекрасным доказательством этого

признания. В начале 1581 года король писал мадам дю Бушаж: «Кузина, не хочу таить от вас ту честь, которой я удостоил вашего сына, которого я считаю своим. Д'Арк женится на сестре моей жены, мадмуазель де Водемон. Если бы я мог сделать его моим сыном, я бы сделал это, но я сделал его моим братом». Чуть ниже он добавил: «Я люблю его больше, чем самого себя. Прощайте, это письмо также и для ваших сыновей, я знаю, что они будут радоваться этому счастью, как своему собственному».

В жены Жуаезу король предназначал дочь от второго брака Николя Лотарингского, графа де Водемон, с Жанной Савойской, то есть сводную сестру королевы Луизы. Но для того, чтобы быть сводным братом короля, надо было очень высоко подняться по иерархической лестнице дворянства. В августе 1581 года официальным письмом Генрих III возвел графство Жуаез в герцогство и пэрию, ставя его после принцев, но перед остальными герцогами и пэрами, поскольку он становился родственником монарха. 7 сентября Парламент зарегистрировал эти письма. Королевскую щедрость наглядно демонстрирует брачный контракт нового герцога. Жуаез приносил в приданое 100 000 экю. Кроме того, Его Величество дарило ему еще 100 000 экю. Его будущая жена получала столько же и 100 000 экю дополнительно, так как отказывалась от всех нрав наследства в пользу своего брата, герцога де Меркер. Эти суммы были довольно скромными по сравнению с затратами на празднества, которые последовали за бракосочетанием Жуаеза. 24 сентября 1581 года супруги получили благословение в Сен-Жермен-л'Оксеруа. Если верить Л'Эстуалю и другим современникам, то праздники стоили около 1 200 000 экю и еще в 1595 году придворные ювелиры представили Генриху IV неоплаченную расписку на 65 133 экю. Едва окончили справлять свадьбу, как король купил землю для Жуаеза и сеньорию Лимура для мадам де Буйон. В 1582 году опять король финансировал переход должности адмирала Франции от Майена к Жуаезу, присягнувшего на нее 1 июня 1582 года. 1 января 1583 года он стал кавалером ордена Святого Духа, 24 февраля был назначен правителем Нормандии, получив должность, которая обычно оставлялась за дофином, но была передана ему из-за отсутствия наследника престола. Его брат Генрих, граф дю Бушаж, после опалы Франсуа д'Э в октябре стал ответственным за гардероб его Величества и одним из его приближенных. Генрих III решил соединить Екатерину де Ля Валетт и графа дю Бушажа, чтобы поддержать равновесие между Эперноном и Жуаезом. Брак отпраздновали 28 ноября 1581 года, но без особого великолепия и чрезмерных затрат. Связь между двумя семьями была укреплена

вторым браком, состоявшимся опять же по настоянию короля. У мадам дю Бушаж оставалась еще одна дочь, Анн де Батарне. Ее свадьба с Бернаром де Ля Валетт состоялась 13 февраля 1582 года.

Таким образом король надеялся установить между семьями Жуаез и Ля Валетт прочное взаимопонимание. Однако амбиции и тех и других не переставали создавать для него сложности. Став членом королевской семьи, Жуаез хотел получить правление в Лангедоке. В 1579 году Дамвилю уже предлагали Иль-де-Франс, но глава «политиков» предпочел быть первым в Тулузе, чем вторым в Париже. В 1582 году, воспользовавшись паломничеством короля в Нотр-Дам-дю-Пюи, куда он последовал за ним, Жуаез проехал до Лангедока и встретился в Дамвилем в Ниссане, но так и не смог добиться своего. Возможно, эта неудача и желание получить шляпу кардинала для своего брата Франсуа были одной из причин его триумфального путешествия в Италию в 1583 году. Но более вероятно, что Жуаезу было поручено уговорить папу на новое отчуждение церковного имущества в предвидении новых выступлений реформатов. А может быть, ему в голову пришла мысль просить Рим назначить себя главой будущего крестового похода? Выехав из Парижа в начале июня 1583 года, он присоединился к королю в Сен-Жермен лишь 5 октября. Совершив паломничество в Лорет, исполняя обет, данный для выздоровления его супруги, Жуаез был очень хорошо принят в Риме, но вернулся практически с пустыми руками. Единственное, на что пошел Святой Престол — дал в декабре 1583 года красную шляпу кардинала Франсуа де Жуаезу. В 1584 году Жуаез продолжал свое восхождение. Герцог стал правителем Гавра. После смерти герцога Анжуйского король передал ему правление герцогством Алансонским, а его брат дю Бушаж получил герцогство Анжуйское. В отличие от Эпернона, бывшего человеком политики, кажется, что Жуаез в силу своего мягкого характера покорно следовал намерениям Генриха III, хотя его привязанности, особенно брак, склонили его к Лиге. Тем не менее он исполнял приказы короля. Так весной 1585 года, в качестве правителя Нормандии ему было поручено подавить восстание герцога д'Эльбеф, что он с успехом выполнил. Впрочем, к тому моменту, когда заканчивалась эта короткая экспедиция, король собирался заключить с членами Лиги договор в Немуре (7 июля 1585 года). Этой датой начинается последний период правления Генриха III. Одновременно с нее начинается закат карьеры Эпернона и Жуаеза. Альянс короля и Святого Союза предрешил немилость первого и смерть второго в сражении при Кутра.

Набожность Генриха III: королевские конгрегации

Очевидно, что в течение своей жизни Генрих III много раз терзался сомнениями и хотел жить в возможно большем согласии с христианской моралью.

По-видимому, внутренняя эволюция короля началась в 1581 году. Первой причиной было желание иметь сына. Так он попросил своего представителя в Риме Поля де Фуа передать папе просьбу объявить публичные молитвы и процессии в Париже. С той же целью он сам отправился вместе с королевой в Шартр в январе 1582 года. Именно в этот момент он завязал отношения с отцом Клодом Матье, хотя тот и был по происхождению из Лотарингии и симпатизировал Гизам. В середине марта 1582 года король исповедался ему за всю свою жизнь. По словам нунция Кастелли, священник был изумлен искренностью короля. Посоветовавшись с папой, Генрих III сделал его своим исповедником. Но их взаимопонимание было недолгим. С точностью нельзя сказать, сдал ли свои обязанности отец Матье в ноябре 1582 года, но известно, что через 4 месяца, в марте 1583 года, король сообщил, что освободил его от его роли, так как он защищал перед ним интересы Испании. Ему на смену пришел другой иезуит, отец Эмон Ожер, не имея официального титула исповедника. Он был знаком Генриху III, потому что принял участие в кампании против гугенотов 1569 года в качестве священника при войсках. Перед сражением при Жарнаке он исповедовал молодого герцога Анжуйского, благословил его и помог надеть доспехи. Еще раньше, в 1568 году он опубликовал книгу, наделавшую много шума: «Военная педагогика, предназначенная для того, чтобы научить принца-христианина хорошо начать и успешно закончить войну и победить всех врагов своего государства и католической церкви», где призывал к крестовому походу против еретиков. После Жарнака и осады Ля-Рошели пути принца и священника разошлись. Отец Ожер не замедлил завоевать уважение своим талантом и добродетельностью и прослыть самым красноречивым оратором своего времени. Нетрудно понять, почему король обратился именно к нему. Во-первых, король знал его и ценил, во-вторых, отец Ожер ввел во Франции по итальянской модели конгрегации Кающихся Грешников в Тулузе, Лионе и Доле. Когда король принял участие в процессии кающихся в Авиньоне, там тоже находился отец Ожер. В 1583 году Генрих III был убежден, что интересы государства призывают его жить в мире с протестантами. Другими путями, но Ожер тоже пришел к тому же выводу. Когда в сентябре 1578 года королева-мать, отвечая на

жалобы гугенотов на сформированные католиками конгрегации, решила распустить их в Бордо, Ожер пришел ей на помощь в своих проповедях. Такая смена позиции прекрасно объясняет согласие отца Акавивы, несмотря на его сомнения, на просьбу короля иметь рядом с собой отца Ожера.

Ожер оставил Дол и в начале Великого Поста прибыл в Париж. 13 марта 1583 года появился Устав Конгрегации Кающихся Грешников Благовещения Богоматери. В воскресенье 21 марта конгрегация была открыта торжественной церемонией, на которой нунций Кастелло справил мессу, а отец Ожер дал клятву верности. На кардинала де Бурбона возложили полномочия ректора за 1583–1584 годы, но настоящим главой конгрегации стал житель Лиона Морис де Пейра с титулом вечного вице-ректора. Вместе с другим лионцем, Жустинианном Панзом, он был основателем братства Белых Кающихся Грешников Лиона, о котором Генрих III узнал во время своего пребывания в этом городе летом 1582 года. В его состав и вошли члены нового братства в ходе церемонии, торжественностью и сложностью могущей поспорить с церемонией коронования королей Франции. Это был прекрасный повод для насмешников почесать языки. Прислуга в Лувре тоже решила воспользоваться случаем посмеяться над королем и его братьями. Но она сделала это себе во вред, так как 29 марта Генрих III приказал надлежащим образом выпороть 80 пажей и примерно столько же лакеев. Король также изгнал из его аббатства кюре Мориса Понсе, который с высоты своей кафедры назвал ассоциацию «братством лицемеров и безбожников». Неодобрение определенной части населения разделяла королева-мать, враждебно настроенная к Ожеру, и даже королева Луиза. После Пасхи отец Ожер попросил у короля разрешения вернуться в Дол. Король резко отказал и попросил папу приказать иезуиту остаться в его распоряжении. Убежденный в пользе нового братства, король начал пропагандистскую кампанию. Бывший глава ордена францисканцев, Ш. Шеффонтен опубликовал «Апологию», в которой утверждал, что новое братство соответствует старым традициям, что оно полезно и соответствует Слову Божьему. Отец Ожер в защиту новой организации написал работу «Беседа о раскаянии», в которой говорил, что, как верили в античности, королевская власть и духовенство является на делимым целым, что прежде всего следует завоевать благословенье Господне, что знать первая должна подать пример новой жизни. Если светские люди, утверждал он, сделали из священников своих подчиненных, то это произошло только из-за дискредитации, которой подверглось духовенство из-за своих собственных ошибок.

Справедливость слов отца Ожера доказывает создание в Париже кардиналом Франсуа де Жуаезом организации Белых Кающихся Грешников по модели, существующей в Тулузе с 1576 года. В 1585 году Пьер де Гонди, епископ Парижа, в свою очередь, основал братство Черных Кающихся Грешников. Оно принимало лиц обоих полов, но службы проходили раздельно. Чуть позже появилась другая ассоциация — Серых Кающихся Грешников с духовностью францисканцев. Во время похорон Анн де Жуаеза в марте 1588 года все Кающиеся Грешники, из братства короля и прочих, приняли участие в похоронной процессии. Но основывая свое братство в Париже, Генрих III, принимающий все, что приходило из Италии, не сумел использовать его на всеобщее благо. Подобный тип религиозной организации был совершенно чужд духу и темпераменту населения, жившего к северу от Луары. Если эти братства еще существовали во времена Лиги, то в Париже они исчезли вместе со Святым Союзом. Отец Ожер был проницателен. Он видел, что существует некий вид соглашения между новыми религиозными устремлениями двора и набожностью народа. По мере сил Генрих III продолжал давать публичные доказательства своей набожности. Несмотря на неодобрение своих врагов, его отношение встречало поддержку, по крайней мере официальную, со стороны папы и римско-католического духовенства, даже если они предпочитали меньше набожности и больше действия против еретиков.

Хотя трудно судить о происходящем в душе короля, все же удивляет мистическая связь, которую он устанавливал между событиями, постигшими королевство, и проявлениями благочестия, когда весной 1585 года было основано Братство смерти и мучений Нашего Господа Иисуса Христа. Это был момент, когда Лига, опубликовав 30 марта 1585 года манифест Святого Союза, не говоря открыто, практически объявляла ему войну. В трагической ситуации, не имея наследника, Генрих был, замечает нунций Рагаззони, во власти глубокой меланхолии. Политика мира, которой он придерживался с заключения договора в Бержераке, изжила себя, и неизбежное возвращение гражданской войны обещало гибель страны.

На этот раз король не стал афишировать новую организацию. Устав этой новой группы, принятый 10 марта 1585 года, остался в рукописи. Его текст сохранился в рукописи № 3963 в Национальной Библиотеке. Трудно сказать, до какого момента продолжалась деятельность этого братства. Встав на путь благочестия и покаяния, Генрих III не мог удовольствоваться местом простого члена братства и публичными покаяниями. Идя до конца, он проявлял все большую склонность к монастырскому

уединению. Некоторые его приближенные пытались отговорить его от этого и были очень плохо приняты. Так, 23 декабря 1585 года граф Джиглиоли рассказывает, что его врач Мирон и метрдотель Комбо хотели «отвлечь его от суровой жизни, которую он вел у капуцинов… король, как говорят, пришел в дикую ярость и наградил их такими словами, что, вероятно, ни тот, ни другой больше никогда не осмелятся советовать ему». Напрасно пытались умерить пыл Генриха III: с 1583 года он жил довольно уединенно и не оставлял эту привычку до конца жизни.

Монастырское уединение

Впервые король уединился в монастыре Нижон в долине Шайо в январе 1583 года. Он также посещал, хотя и редко, парижских картезианцев, располагавшихся на улице Анфер, а также францисканцев и капуцинов из Италии, которых его мать поместила сначала в Медоне, затем в Пикпюсе и, наконец, в предместье Сен-Оноре. Вернувшись в августе 1583 года из Бурбон-Ланси, он приказал построить в Буа де Булонь часовню, чтобы она служила молельней для «неких новых священников, которых он называл иеронимитами, которых одел в грубую ткань, и теперь дни напролет в новых проявлениях благочестия ведет жизнь монаха, а не короля», пишет Л'Эстуаль. Отшельники святого Жерома, ветвь францисканцев, были почти неизвестны во Франции. Генрих III узнал об их существовании в Польше, но особенно они были распространены в Испании и Португалии. У них была резиденция в Лиссабоне, в знаменитом монастыре Белем, в Испании им принадлежал монастырь Юст, где уединился и умер Карл Квинг и Сен-Лоран де л'Эскориаль, любимая резиденция Филиппа II. Может быть, Генрих III подражал королю-монаху? Но выбор Буа де Булонь не удовлетворил его, и в январе 1584 года он перевел иеронимитов в Буа де Венсен, по поводу чего вел переговоры с орденом Гранмона, у которого был там монастырь. В обмен на монастырь орден получил коллеж Миньон в Латинском квартале, который он сохранял до окончательного упразднения его в XVIII веке.

Старый монастырь был переделан в ансамбль отдельных зданий, окруженных крепкой стеной.

Церковь была посвящена Святой Магдалине, покровительнице Кающихся Грешников. В этой молельне Генрих III создал братство, названное набожным каламбуром «молельней Богоматери Святой Жизни». Был опубликован и напечатан устав братства. Не прибегая к посредничеству нунция Рагаззони, король

отправил к папе своего секретаря Жюля Гассо, чтобы испросить у него благословения. Выбрав иеронимитов, король обратился к ордену, духовную ценность которого оценивает Жак Амийо в письме к Сен-Сюльпису, но их практика была трудносравнимой с суровой жизнью в Венсен. Увидев у иеронимитов недостаток рвения, король хотел сначала обратиться к францисканцам, но потом выбрал минимов, так как сам знал об их суровой жизни. Корректор (высший чин в этом ордене) отправил из монастыря в Нижоне 12 своих братьев, таким орден оставался до Революции. Для жизни в этом уединении Генрих приказал оборудовать 12 келий, число которых впоследствии могло быть увеличено до 30. Как всегда скрупулезный, Генрих III сам составил список необходимых вещей, которыми братья могли пользоваться. Екатерина не одобряла поведение сына, считая, что это может отдалить его от дел. Гугеноты над ним открыто смеялись. Им вторили члены Лиги.

В действительности Генрих вовсе не потерял рассудок и не стремился чисто эгоистично искупить грехи, число которых его враги старались преувеличить. Возможно, удаляясь от мира, Генрих III отдыхал от политики. Вместе с 72 братьями, список которых известен, он хотел собрать вокруг себя как можно больше народа. Там были принцы Лотарингии, Генрих Ангулемский (незаконный сын Карла IX), дю Бушаж, д'Эпернон, Жуаез, Молеврие, Рец, многие епископы: Амийо д'Оксер, Роз де Сенлис, Сорбен де Невер, Шеффонтен де Сезаре, дю Бек де Нант. В их числе был верный Деспорт и дю Перрон. Два его музыканта и певца, Болье и Сальмон, один магистрат, президент де Нулли, будущий член Лиги Марсель, а также Пане и Пейра, уже входившие в члены братства Благовещания, свидетельствуют о характере Молельни Минимов. Около трех лег, с 1584 по 1586 год, король регулярно проводил несколько дней в Молельне. Жизнь, которую он там вел, была истинно монашеской. Вставать надо было до рассвета и присутствовать на всех службах. Братья должны были проводить определенное время в медитации в молельне, примыкающей к их кельям. Пища минимов была скудна. Она состояла из трех блюд каши, двух блюд жаркого и одного фрукта.

Паломничества были распространенной практикой в Венсен. Благодаря депеше венецианца Дольфена от 3 января 1586 года мы располагаем детальным отчетом об уединении Генриха III на Рождество в 1585 году, которое он провел у капуцинов: «Король провел у них 8 дней, одетый подобно монаху, посвящая пять часов в день пению служб, четыре часа молитвам вслух или про себя. Остаток времени был занят молитвами в ходе религиозных

процессий и слушанием речей отца Эмона Ожера о величии Господа и его страданиях. Последний проповедует очень убедительно и красноречиво, так как этот отец очень хорошо знаком со Священным Писанием. По окончании проповеди король приказал потушить все свечи, первый подал пример, приглашая остальных последовать его примеру. Все послушались его и в течение получаса оставались в темноте, молясь с таким жаром, что даже присутствующие при этом капуцины (два из них мне рассказали об этом) были смущены, признав, что сами монахи уступают им в религиозном пыле. Во время ужина Его Величество соблюдал Великий Пост и съел только печеные груши, слушая за столом отрывки из Писания. Прежде, чем садиться за стол и вставая из-за стола, он целовал землю, как это делают капуцины. Во время своего пребывания там Его Величество решил спать на простой соломе, покрытой зеленой тканью и под обычным одеялом, отдыхая таким образом не более 4 часов в день. Если он вставал раньше срока, то занимался составлением правил братства с тем, чтобы представить их на рассмотрение папы. Король хотел получить ясное представление о жизни капуцинов, чтобы как можно лучше сблизить правила жизни братства с обычаями капуцинов. Взяв за образец распорядок одного отца, он нашел его слишком мягким и решил выбрать более суровый, подобный тому, по которому он жил ранее».

Но какой бы примерной ни была эта набожность, ее сочли чрезмерной королева-мать, министры, папа и нунций. Происходящее поставили в вину отцу Ожеру. Он утверждал, что поощрял благочестие короля, но никогда не призывал его к жизни монаха. Современники Генриха III забывали одну-единственную вещь. Из-за своего темперамента, что бы король ни делал, он делал это с избытком. Он доказал это в отношениях с фаворитами, теперь же был таким же расточительным по отношению к Господу, переходя все границы обычной набожности. Молельня Святого Франциска была не последним произведением его благочестия. В 1587 году в Париже, в соседнем с капуцинами монастыре он организовал общество фельянов. В январе он написал Жану де Ля Барьер с просьбой приехать в Париж с 60 своими монахами «со всеми до единого». Путешествие организовал первый президент Парламента Тулузы, Дюранти. Сопровождаемые восхищением населения провинций, по которым они приходили, 60 монахов ордена фельянов с молитвами шли пешком к Парижу. Естественно, король уединился с ними в новом монастыре. Но король не мог посещать его так, как ему хотелось бы. Если он еще посещал капуцинов на Рождество в 1587 году и молельню в Венсен в апреле 1588 года, то, изгнанный из столицы

Лигой в мае 1588 года, он пришел в мятежный город только в 1589 году и с оружием в руках, а вовсе не в качестве кающегося грешника. В его отсутствие члены Лиги захватили и разрушили молельню Богоматери Святой Жизни. В келье короля они нашли распятие, с двух сторон которого висели два подсвечника. Их подставки были сделаны в форме сатиров, и все тут же завопили о колдовстве. Генрих III говорит об этом в письме от 27 марта 1589 года к Рене Бенуа, кюре Сен-Осташ, сохранившему ему верность: «Я очень рад, что именно вы и ваша паства вспоминаете меня в своих молитвах, и меня не заботят лживые слова остальных, доходящих до обвинений в колдовстве, которыми они хотят опорочить меня, чтобы вызвать еще большие волнения».

Не подлежит сомнению, что Генрих III был искренен в своей вере и делах своих. Но как объяснить тот факт, что почти никто из современников не оценил его? Кардинал д'Осса в мае 1600 года попросил у Клемента VIII оказать ему погребальные почести в понтификальной часовне, настаивая на том, что умерший король вел жизнь скорее монаха, чем короля. Такого же мнения придерживались политики и умеренные католики, упрекавшие короля в пренебрежении долгом перед государством. Так же считали его мать и жена. Они больше всего опасались, как бы это паломничества не сказались на его состоянии здоровья. Придворный врач и корреспондент великого герцога Тосканского, Кавриана, говорил, что в первые уединения у короля часто менялось настроение (ноябрь 1584 года), а двумя годами позже он извлекал из этого пользу (ноябрь 1586 года). В мае 1586 года Люсенж писал герцогу Савойскому, что с момента уединения короля с капуцинами ему удалось с помощью Виллеруа провалить планы герцога де Гиза. Само собой разумеется, что Л'Эстуаль, поддерживающий протестантов, расценивал королевские уединения как суеверие. Сторонники Лиги объясняли их лицемерием короля. Люсенж разделял их мнение и даже доходил до утверждения, что, сказываясь больным, король мог потом приписывать выздоровление своему благочестию.

Католическое духовенство, нунций и Святой Престол никак не оценили набожность и паломничества Генриха III. Рим хотел установления одной религии в королевстве, и того, чтобы король согласился исполнять решения Совета 30-ти. Но принятие его решений натыкалось на непреклонный отказ Парламентов. И Генрих III не мог рисковать и отталкивать от себя одну из главных опор государства. Существовало также некоторое противоречие между личным благочестием короля и его осторожной политикой в отношении Рима. Нунций Рагаззони, сожалея об отказе короля удовлетворить просьбы Святого

Престола, в то же время вовсе не ставит под сомнение благочестие короля. «Его Величество, — писал он 20 августа 1584 года, — истинный католик, в чем я совершенно убежден». То же самое подразумевал король, когда говорил ему о своих уединениях, что в них «находит отдых и покой для души» (депеша от 7 июля 1586 года). Положение Генриха III было двусмысленным. Следуя логике, в соответствии со своей глубокой верой, примерным благочестием и паломничествами, он должен был проводить ясную прокатолическую политику. Но он перестал быть французским католиком, следуя больше традициям испанского и итальянского католицизма. Генрих III не хотел ни инквизиции, ни истребления или высылки еретиков. Одним словом, он отвергал религиозный радикализм, бывший главным элементом Святого Союза. Кроме того, он не желал присоединяться к политическому союзу Испании и Святого Престола в «предприятии» против Англии. Следует ли вместе с мадам Ж. Буше признать, что «ему не хватило духовного направления, чтобы применить свою набожность в качестве короля?» В подтверждение этой теории она цитирует отрывок из «Введения к благочестивой жизни» святого Франсуа Сальского, где епископ Женевы заявляет: «В мои намерения входит просвещение живущих в городах, семьях, при дворе, то есть в общине». Но времена были сложные, одно излишество сменяло другое.

События вынудили Генриха III оставить одежды Белого Кающегося Грешника и надеть доспехи, прекратив процессии, чтобы сесть на коня.

Глава вторая
От договора в Жуанвиле до сражения при Кутра
(31 декабря 1584 года — 20 октября 1587 года).

Лига в 1585 году. Генрих III и Гизы. Исключение заранее назначенного протестантс религии

Наследование короны, главная тема политических споров

Смерть 10 июня 1584 года Франсуа, герцога Анжуйского, единственного католического наследника Генриха III, создала беспрецедентную политическую ситуацию. Никогда ранее нация не оспаривала у законного наследника престола право наследовать у умершего короля. С первого момента существования монархии только католический принц восседал на цветах лилии. Никогда еще не волновала мысль, что еретик может получить корону на короновании в Реймсе. Первый и самый древний закон королевства делал короля помазанником Божьим и старшим сыном церкви.

Этот религиозный закон дублировался вторым фундаментальным законом, называемым салическим законом. Если первый можно датировать крещением Кловиса святым Реми 25 декабря 496 года, то второй восходит к 1316 году, когда дочь Людовика X, Жанна Французская была лишена наследования в пользу своего дяди Филиппа V Длинного. С 1584 года крайние католики приводили религиозный закон, чтобы исключить из списков наследника еретика Генриха Наваррского. А гугеноты и умеренные католики опирались на салический закон, в соответствии с которым корона Франции переходит строго в пользу наследников мужского пола в порядке первородства.

С этого момента между двумя сторонами начались споры и противоборства. И те и другие выдвигали единственную, по их мнению, состоятельную теорию. Трудность заключалась в том, что и религиозный и салический законы имели одинаковый вес. Между ними не должно было быть никакой оппозиции. Быть законным наследником престола — условие необходимое, но

недостаточное. Быть католиком не менее необходимо, но при этом обязательно быть законным наследником. Итак, оба закона находились в гармонии, если претендент был одновременно законным наследником и католиком. Поэтому, когда Генрих Наваррский расплывчато говорил о возможном отречении, о желании проникнуться истинной религией, то его возможное обращение в другую религию не имело для католиков никакого значения. Это могло быть принято для простого еретика.

Многие годы этот пункт был главным в спорах сторонников обеих групп. Но гневные публикации обрушивались также и на связанные с ним темы. Это случай с публикациями адвоката Дорлеана, воинственного католика и члена Лиги. Это касается также всех изданий, затрагивающих герцога д'Эпернона, главной опоры Генриха III и поэтому — объекта для нападений. Само собой разумеется, что Рим и Испания высказывались за превосходство религиозного закона над законом салическим. Защитники же второго искали поддержки в Англии и у германских принцев. Что произошло бы в случае, если бы Генрих III исчез или стал совершенно беспомощным? Претенденты на корону смогли бы выступить с открытым забралом, тогда как при жизни короля они были вынуждены действовать против него исподтишка. Возможно, мысль положить конец правлению последнего Валуа, непопулярного и практически лишенного средств для предпринятая каких-либо действий, довольно рано появилась в головах испанцев и принцев Лотарингии. Вероятно, таковы источники любопытного заговора Сальседа, случившегося в 1582 году. Может быть, члены Лиги или испанцы хотели стать хозяевами королевства, убрав Генриха III?

Темное дело, заговор Сальседа

Испанский авантюрист Сальсед, плывший в фарватере Гизов, предложил свои услуги Франсуа Анжуйскому, ставшему герцогом Брабантским, выдавая себя врагом Испании и Лотаринского дома. Он говорил, что хочет отомстить за своего отца, последовавшего за кардиналом Лотарингским и погибшим в Варфоломеевскую ночь. На самом деле ему платили те, с кем он как будто боролся. Герцог Брабантский информировал Вильгельма Оранского, и тот справился о прошлом этого человека. Оказалось, что он уже был приговорен к смертной казни в кипящем масле за поджег и изготовление фальшивых денег. Арестованный в Бруже в июле 1582 года, он во всем признался. Стало известно, что он шпионил за Строззи для Меченого и что был составлен заговор против

Франсуа Анжуйского. Александр Фарнезе должен был захватить Кале, члены Лиги поднять восстание на севере, савойцы на юго-востоке, а испанцы на юге. Генриха III и его брата собрались заточить в тюрьму, а Филиппу II предоставить возможность распоряжаться королевством. Правду ли сказал Сальсед? Нельзя быть в этом абсолютно уверенным. После его казни 26 октября 1582 года в Париже все протоколы с его признаниями были уничтожены. До этого король срочно отправил Белльевра в Нидерланды, чтобы привезти преступника в Париж. Отвечая на вопросы Анжену, советник Парламента, тот указал на участие в деле Гизов, Лотарингского дома и даже Виллеруа. Узнав об этом, Генрих III был потрясен, но усомнился в правдивости слов Сальседа. Тем не менее он пожелал присутствовать на пытке обвиняемого, стоя за скрытым пологом. Испанец вернулся к своим первоначальным утверждениям, затем все отрицал. Наконец, стоя на эшафоте, когда ему развязали руки, он подписал признание, снимая обвинение с тех людей, на которых указывал. Он был приговорен к четвертованию. Но благодаря герцогине де Меркер, «которая была его родственница или союзница, он подвергся лишь двум ударам, затем был задушен», рассказывает Л'Эстуаль. Если Генрих III собирался воспользоваться признаниями Сальседа, то последний отказ испанца от них помешал ему. Л'Эстуаль заключает: «Эту мину считают первой, выпущенной Лигой, но она не сработала».

Хотя дело осталось темным, можно отметить вмешательство герцогини де Меркер, жены члена Лотарингского дома, пожелавшей облегчить участь обвиняемого. Гораздо позже, когда Гизы открыто пошли на восстание против Генриха III, многие спрашивали себя, не участвовали ли они в заговоре, в котором обвинил их испанец. Наконец, тот факт, что перед казнью Сальсед снял все свои обвинения, послужил лишь на пользу его хозяевам. Но точно известно одно: с конца 1581 года Меченый занесен в списки тайных испанских фондов, сначала под условным именем Эркюля, затем как Муцио. Об этом безоговорочно свидетельствуют документы, сохранившиеся в фонде Симанка (под кодом K 1560–1563 и K 1573). Без денег Испании Святой Союз не смог бы если не родиться, то, по крайней мере, так распространиться. Поступив на службу к Филиппу II, Генрих де Гиз все же не стал простым исполнителем решений отшельника из Эскориала. Конечно, он собирался работать на себя самого и свой дом. Однако находясь в финансовой зависимости от Филиппа II, он тем не менее становился агентом Испании.

Вторая Лига или Святой Союз
(сентябрь — декабрь 1584 года)

Генрих III не имел возможности помешать своим противникам перейти к действиям. В сентябре 1584 года герцоги де Гиз, де Майен, де Невер, барон де Сеннесе, бывший представитель знати на Генеральных Штатах в Блуа, собрались в Нанси, в доме Бассомпьера, с другими католическими дворянами в присутствии агента кардинала де Бурбона, господина де Менвиля. Спасти католическую веру, не дать еретику взойти на трон, искоренить ересь, обезопасить себя от преследования гугенотов, ответить на тревогу народных масс и избавить католическую веру от всех опасностей, — такова была программа, заговорщиков в Нанси. Карл III Лотарингский согласился с ней. Филипп II пообещал свою поддержку. Григорий XIII на словах одобрил проект, однако отказался дать официальное согласие. Генрих III попытался подавить заговор в зародыше, опубликовав 11 ноября заявление, согласно которому все те, кто начнут призывать своих подчиненных к «вступлению в лигу, ассоциацию и военную службу», станут виновными в оскорблении Его Величества. Эта бумага не принесла желаемого результата. Филипп II не мог упустить возможность заплатить Валуа их же монетой и не отомстить за Нидерланды и Асор. Между ним и Лотарингским домом уже давно существовало взаимопонимание. Обсужденный и тайно подписанный в замке Жуанвиль представителями Филиппа II, Ж. Б. де Такси и Ж. Морео, Менвилем за кардинала де Бурбон и Генрихом де Гизом и Карлом де Майен, договор датируется 31 декабря 1584 года. Кардинал де Гиз, герцоги д'Омаль и д'Эльбеф прислали доверенности, было предусмотрено присоединение герцогов де Невера и де Меркера.

Речь шла только «о защите и сохранении католической религии, а также о полном искоренении ереси на территории Франции и Нидерландов». Бурбоны-протестанты само собой были исключены из числа претендентов на престол, и кардинал де Бурбон объявлен единственным законным королем после смерти Генриха III. Прежде всего ему предстояло признать решения Совета 30-ти и отказаться от союза с Оттоманской империей. Камбре он должен был вернуть Филиппу II. Последнему предстояло потратить за год 600 000 экю. 16 января 1585 года договор, подписанный 31 декабря, был опубликован на торжественной церемонии в Жуанвиле.

В Рим был отправлен иезуит Клод Матье, которого Генрих III отстранил от себя за происпанскую политику. Он должен был получить официальное согласие папы. Но папа запретил

покушаться на жизнь Генриха III. Однако публикуя договор, лотарингские принцы знали, что они встают во главе войск, которые только и ждут сигнала: особенно в Париже они уже были собраны и горели от нетерпения действовать. Теперь следует рассказать о составе этой практически городской Лиги.

Парижская Лига

Нет никаких сомнений, что без Парижа Лига не получила бы общенационального размаха. Когда в 1594 году Париж оставил Лигу, она почти сразу же исчезла. Париж был «самым красивым городом на вашей шляпе», писал один из руководителей Лиги, президент Антуан Геннекен, герцогу де Майен и добавлял: «Если вы потеряете его, вы потеряете все и в остальных городах». К лиге дворянства классического типа присоединялась лига, сформированная из городской буржуазии, сильно отличающаяся от своего генерального штаба, а тем более от сельских лиг, вызванные в большей степени чрезмерными налогами. Парижская Лига была созданием нотаблей, принадлежавших к средним слоям адвокатов и торговцев. В ней было, писал историк Е. Барнави, «мало великих магистратов, почти совсем не было ремесленников». Успех этой Лиги объясняется союзом Гизов, ставших настоящими хозяевами Парижа после исчезновения Франсуа де Монморанси, и парижских руководителей Союза, знаменитых Шестнадцати, не без помощи золота и поддержки Испании.

В основном буржуазия среднего звена завладела инициативой в ассоциации. Почти все знатные семьи остались в стороне от явно незаконного движения. Движущей силой радикализма Лиги стали кюре, адвокаты, прокуроры, комиссары, судебные исполнители. Эти младшие офицеры не только ненавидели дворы королей, куда для них был закрыт доступ, но они еще испытывали чувство, что представляют «коммуну», остаются преданными старым свободам.

Гак, организовав тайное общество, первые члены поставили во главе Совета 9 человек. Совет этот остался в тени. Один Отман и пятеро других членов Совета передавали распоряжения и каждый из них имел в своем распоряжении один сектор Парижа. Компан следил за положением в Сите, Крюсе за двумя кварталами Университета и прилегающими районами: Сен-Марсель, Сен-Жак и Сен-Жермен, Ля Шапель, Лушар и Леклерк-Бюсси наблюдали за «городом», то есть за правым берегом. Более полномочный Совет, чем Совет девяти, собирался либо у одного

из его членов или в монастыре или коллеже на левом берегу. Пропаганда велась с большой осторожностью и набор в ассоциацию шел от человека к человеку. Ля Рошблон и пятеро его помощников открывались возможным новобранцам, но ни слова не говорили о партии. Получив согласие, они предлагали имя кандидата на рассмотрение Совета, который организовывал расследование. Если результаты оказывались положительными, то кандидата принимали. Такая сеть вскоре охватила в горизонтальном и вертикальном направлении весь Париж. Ля Шапаль-Марто работал на счетном дворе, президент Ле Метр (единственный парламентарий, вступивший в Лигу с момента ее создания) взял на себя Парламент, президент де Нулли, первый президент высшего податного суда, взял на себя свою организацию, а Николя Ролан — своих коллег на монетном дворе. Однако, большая часть парижан — членов Святого Союза представляла судейское сословие, стремящееся выбраться из своего посредственного положения. (Это приводит к сравнению состава лиги с Революцией 1789 года.) Шателе стал рассадником новых членов Лиги. То же самое можно сказать и про университет, при этом члены Лиги университета стали далекими предками революционеров из низшего духовенства 1789 года. Кадрам, сформированным из средней буржуазии, кюре и монахов, нужны были войска. В портах, гостиницах, на рынках бурлило население с необузданными и свирепыми желаниями. Комиссар Барт и сержант Мишле насчитывали среди речников более «пяти сотен плохих мальчиков», рассказывает Николя Пулен, шпионивший за Лигой для короля. По словам того же Пулена, привыкших к крови мясников было около 1500 человек. Другой комиссар, Лушар, набрал среди маклеров около 600 человек.

Так перед носом Генриха III Лига очень быстро создала революционную армию. Однако Лига не смогла полностью овладеть городом. Для этого потребовалось бы контролировать все приходы и кварталы. Если Сорбонна имела влияние на парижские приходы и духовенство в большинстве своем входило в Лигу, то последняя должна была считаться со светскими главами приходов, церковными старостами. Некоторые из них колебались: в Сен-Эсташ, Мерри и Сен-Поль. Рене Бенуа, кюре в Сен-Эсташ, которого называли «папой рынка», остался роялистом. Не исключено, что магистраты частично сохранили влияние на ассамблеи и приходы. Если они и отступили перед Шестнадцатью и их сторонниками, когда движение шло по восходящей линии, то экстремизм членов Лиги не смог утвердиться окончательно. Тем не менее предпочтение Святому Союзу, правда их высшее руководство, например аббат монастыря Святой Женевьевы,

хранило сдержанную осторожность. Другим местом деятельности Лиги были 16 кварталов (отсюда название руководителей движения), у каждого из них была рота вооруженных представителей буржуазии. Они охраняли ворота города и обеспечивали внутренний порядок. Отряды буржуазии были главным фактором общественной безопасности. Генрих III это хорошо понимал и в 1585 году назначил в роты своих капитанов, что в качестве реакции вызвало смену людей короля на капитанов ревностных католиков. Операция завершилась в три приема, в июле 1588 года, в январе 1589 года и в ноябре 1589 года, однако при этом были соблюдены правила и традиции этих отрядов.

Не существует революционного движения без идеологии. Идеология Лиги была религиозной и политической, следует ли называть ее как Эли Барнави «партией Господа», или как Арлетт Лебигр «революцией кюре», или как Ролан Мунье «критерием интенсивности веры»? Она была этим всем вместе. Она вобрала в себя новые формы благочестия, введенные иезуитами, и нищенствующими орденами, из которых особенно известны капуцины. Здесь Генрих III первым показал дорогу. Появление светских братств сменилось белыми кающимися грешниками короля в 1583 году. Серые кающиеся грешники, связанные с монастырем капуцинов на улице Сен-Оноре стали источником настоящего католического движения, там можно найти, пишет Дени Рише, «все будущие кадры парижского движения антиреформации времен Генриха IV и Людовика XIII». Но если благочестие короля и представителей Лиги были очень близки, то в отношении еретиков их глубокая вера проявлялась совершенно по-разному. Король хотел обратить их в истинную веру, а Лига собиралась просто уничтожить их. Христианской терпимости Генриха III противостояла нетерпимость искреннего, но слепого фанатизма.

Рожденная религией, Лига тем не менее опиралась и на политическую идеологию. Были ли у знати, духовенства и буржуазии общие взгляды? Если знать видела в Лиге лишь инструмент для. замены Валуа на Гизов, если городское духовенство отстаивало превосходство церкви над государством, то именно городская буржуазия однажды составила четкую политическую систему. Ее точным отражением явились наказы третьего сословия Парижа, представленные на заседании Генеральных Штатов в Блуа в 1588 году. В них получил свое выражение настоящий политический радикализм, брат-близнец религиозного и социального радикализма Святого Союза. Идеалом сторонников Лиги была умеренная монархия, подразумевается, умеренная ими через посредство законов и

политического института: Генеральных Штатов, признанных королем и независимых от него. В такой системе Штаты становились хозяевами королевского состояния, налогов и финансовых распоряжений. Так называемые «государственные» законы стали бы достоянием Генеральных Штатов, а за королем оставалось бы право лишь издавать эдикты. Кроме того, за Штатами признавалось бы право вмешиваться в решения королевских судов. Таким образом ассамблее передавалась законодательная и судебная власть, оставляя королю роль исполнителя. Это примерно то, что сделало Учредительное собрание в 1791 году. Другой, не менее интересный аспект этой политической программы затрагивал городские власти. Члены совета Шестнадцати пожелали стать хозяевами полиции Парижа вместо Шателе, органа королевской жандармерии. Верные старым традициям, они стояли за выборные должности, вместо наследственных и покупных. Такой шаг означал возврат к городской автономии Средневековья и препятствия на пути к абсолютизму. Итак, Лига «шестнадцати» была революционным движением буржуазии, вызванным необходимостью защищать веру и привилегии городского населения. Эта программа не отражала планы аристократии, которую Лига выбрала себе в руководители. Для дворянства Лига была лишь средством овладеть короной. Когда стал ясен провал Лиги, оно сразу оставило ее. Однако пока был жив Генрих III, принцы Лотарингии и городское движение шли в ногу, и этот союз сохранялся в той или иной степени до отречения Генриха IV 25 июля 1593 года.

Альянс принцев и Святого Союза

Для движения, родившегося в 1585 году, нужны были руководители, стоящие на самой верхушке социальной иерархии. Ля Рошблон и его помощники связались с католическими принцами. В Париже царили Гизы, сердце парижан покорил Франсуа де Гиз Великий, победитель в сражении при Кале. После его смерти город устроил ему величественные похороны. Еще большим любимцем горожан, чем этот идол Парижа, был его сын Генрих Меченый. Несмотря на то, что он не имел дара стратега своего отца, его зачастую неосторожная и глупая отвага вызывала энтузиазм парижан. Для них он был сыном мученика, погибшего от руки Полтро Мере, и бесспорным главой католиков. Между сторонниками Лиги и принцами наблюдалась почти полная общность идей и чувств. Их общими целями было спасение католической веры, искоренение ереси, исправление «пороков и

несправедливостей», распространившихся во всех трех сословиях. Но бойцы Лиги хотели бороться прежде всего за «честь Господа», во славу церкви и за сохранение или восстановление социального положения горожан, а в среде принцев один из них хотел однажды и как можно скорее надеть на себя корону в качестве наследника Карла Великого (заявляя себя таковым), узурпированную в X веке Капетингами. Союз парижской Лиги и принцев издал свою знаменитую «Декларацию причин, вынудивших господина кардинала де Бурбон и пэров, принцев, дворян, города и католические сообщества королевства Франции восстать против тех, кто всеми силами и средствами пытаются разрушить католическую религию и государство» (30 марта 1585 года). В декларации упоминалось об опасности, в которой окажется страна, если король умрет, не оставив дофина, и о восстаниях солдат за границей по призыву гугенотов. Но не это было главным в манифесте. Принцы обрушивались на фаворитов. Все милости и должности были для них. Что еще хуже, обещание, данное на заседании Генеральных Штатов в 1576 году собрать всех подданных короля в единой католической вере, осталось невыполненным. Подписывая мир с протестантами, король ослабил авторитет принцев и католических дворян. Все сословия были угнетены тяжестью налогов. Пришло время восстановить положение религии, вернуть знати ее права, облегчить жизнь народа, гарантировать права Парламентов и добиться собрания каждые три года добрых и свободных Генеральных Штагов.

Как обычно, защита католической веры и отстранение протестантского претендента на корону от ее наследования служили предисловием и обложкой к истинным требованиям всех недовольных правлением Генриха III. Они с легким сердцем нападали на гугенотов, требуя снижения налогов, и их не заботило такое противоречие. Но манифест Перонны пришелся в точку. В нем высказывались все претензии нации и давалось обещание (легко) их удовлетворить. В нем ловко делались комплименты королеве-матери, «без мудрости и способности предвидения которой королевство (уже) давно погибло бы». Подчеркивалось уменьшение роли Екатерины с появлением около короля «архилюбимчиков». Члены Лиги хорошо знали, что королеве-матери не очень нравилась новая политика Генриха III, и они хотели привлечь ее на свою сторону, так как дорожили ее опытом и ловкостью в делах. Католические принцы с радостью увидели бы ее в роли арбитра между королем и его подданными. Но каким образом королеве-матери удалось бы сохранить равновесие между королем и принцами? Она могла бы служить посредником между своим сыном и его противниками. У короля

не было на руках никаких карт. Так, он писал 23 марта Генриху Наваррскому: «Брат мой, признаюсь вам, что не в силах помешать планам герцога де Гиза. Он вооружен, будьте настороже и ничего не предпринимайте. Я слышал, вы были в Кастре, чтобы переговорить с моим кузеном, герцогом де Монморанси. Я пришлю к вам в Монтобан человека, который передаст вам мое решение». Таким образом Генрих III признавался своему кузену Наваррскому в своей беспомощности положить конец «волнениям» в королевстве. Но прежде чем думать о будущем, он счел необходимым ответить на манифест Перонны развернутой защитой.

Защита Генриха III и восстание герцога де Гиза

Не обращая внимания на атаки, направленные на него самого, Генрих III предпочел объяснить свои действия в пользу религии. Ересь и ее адепты продолжали существовать потому, что в 1576 Генеральные Штаты отказали ему в средствах, необходимых для борьбы с гугенотами. Все три сословия вынудили его пойти на заключение мирного договора. К тому же мир пошел на пользу религии. Католицизм был восстановлен во многих городах, где его отменили. Церковь смогла начать реформы. Он сам старался давать бенефиции достойным людям. Духовенство возобновило практику синодов. И разве он сам не поощрял все проявления набожности? Про него же говорят лишь в связи с вопросом о наследнике, значит, не считаются ни с ним, ни с его женой королевой. Не рано ли задавать этот вопрос, прибегая к войне? Война будет лишь источником бесконечных бед и несчастий для его подданных. «И вот, — заключал он ироничным гоном, каким образом будет восстановлена католическая религия: служитель культа будет освобожден от увеличения налога на 10 %, дворянин будет жить в тишине и спокойствии в своем доме и пользоваться своими правами и прерогативами, жители городов будут освобождены от гарнизонов и бедный народ вздохнет свободнее, когда будут снижены подати и налоги».

Генриху III нужна была армия, чтобы защищаться, так как герцог де Гиз набирал себе войска уже несколько месяцев. В Германии он набрал наемников и ландскнехтов. Швейцарский полковник Пфиффер должен был привести ему 6000 швейцарцев. Герцог набирал войска в нескольких пунктах. Париж был первым рынком военной экипировки. Напрасно король приказал оружейникам продавать оружие только лицам, достойным доверия. Лига без труда нашла таких. Она пригласила Николя

Пулена, лейтенанта у прево Иль-де-Франс. Под прикрытием своей должности он делал покупки. Позднее этот офицер короля старался оправдаться и говорил, что вступил в Святой Союз для того, чтобы проникнуть в его тайны и сообщить обо всем королю. На самом деле, он продавал их королю, действуя как хороший двойной агент, ведь золото короля столь же полновесно, как и золото Лиги. У муниципалитета Парижа, еще остававшегося в руках Генриха III, раскрылись глаза. 1 марта он арестовал в Ланьи-сюр-Марн корабль, идущий из Парижа в Шалону, нагруженный «500 аркебузами и 200 нагрудными латами», рассказывает Л'Эстуаль. Гиз потребовал этот подозрительный груз под предлогом того, что он был предназначен для его дома в Жуанвиле для обеспечения его личной безопасности. Это было признание. К чему скрывать что-либо? Его родственники уже везде сбросили маски. Нормандия, Пикардия и Бретань были в руках герцогов д'Эльбеф, д'Омаль и де Меркер. Правитель Берри, Ля Шатр, укрепился в Бурже. Майен хозяйничал в Бургундии. В Орлеане противник королевских фаворитов в знаменитой дуэли 1578 года, д'Анграг, встретил королевские войска выстрелами пушек (21 апреля). Недовольный королем Мандело, правитель Лиона, стер с лица земли крепость, удерживавшую город под огнем его орудий (5 мая). Провинция Дофине тоже перешла на сторону Лиги. Гиз занял Верден и Гул и помешал Шомбергу поехать в Германию и набрать там солдат для короля. Один Мец остался вне его власти благодаря его правителю, д'Эпернону. Север, восток и центр почти со всеми крупными городами были заняты Лигой. Восток и юг оставались королевскими, Мартиньон поддерживал порядок в Бордо, маршал де Жуаез в Тулузе. В Марселе заговорщики хотели передать город де Вену, главе провансальской Лиги, но были схвачены населением и казнены 13 апреля.

Как Генрих III мог оказывать сопротивление принцам без поддержки короля Наваррского и Елизаветы Английской? Однако было рискованно делать из них союзников. К тому же у Генриха III настолько недоставало денег и солдат, что он попросил банкира Заметти предоставить ему необходимые средства для найма швейцарцев, не будучи уверен, что получит их вовремя. Герцог де Гиз находился в городе Шалон-сюр-Марн и вел себя вызывающе. Там он собрал немецких и швейцарских солдат. В конце апреля они стали угрожать Эперне. Впереди был Париж и не оставалось ничего стабильного. Генрих III прекрасно отдавал себе в этом отчет. По его приказу десятники охраны ворот должны были ежедневно докладывать Виллекье о всех приходах и уходах из города. Кораблям запрещалась навигация по Сене с 8

часов вечера до 4 часов утра. Буржуа должны были назвать всех своих слуг и тех, кто у них проживает. Охрана ворог была усилена, подозрительные командиры городской милиции были заменены надежными офицерами. Сам король с 1584 года был окружен личной охраной, состоящей из 45 человек, набранных заботами герцога д'Эпернона и его кузена, Роже де Сен-Лари, господином де Герм. Все это были необходимые меры предосторожности, но Генрих III не был уверен в их эффективности и вновь прибегнул к дипломатии своей матери.

Шаги, предпринятые королевой-матерью и договор в Немуре
(*7 июля 1585 года*)

В апреле 1585 года король направил маршала д'Омона в Орлеан, чтобы попытаться изгнать оттуда д'Антрага, занимавшего город от имени Лиги, в мае он же с Дю Бушажем получил задание поехать в Жиан для его защиты, в июне король назначил Франсуа де Бурбона своим лейтенантом в Пуату, чтобы тот оказал сопротивление герцогу де Меркеру, правителю Бретани. Одновременно Жуаез отражал нападения герцогов д'Эльбеф и д'Омаль.

Такой переход к силе не исключал возвращения к дипломатии, в которой королева-мать была непревзойденным мастером. Она была гораздо лучше расположена к Гизам, чем Генрих III, который ненавидел своего соперника. Екатерина любила сына и дочерей герцогини Клавдии Лотарингской. Было заметно, что она предпочла бы, чтобы сын ее самой любимой дочери, Клавдии, однажды стал наследником Генриха III и обошел короля Наваррского, которого она не признавала. Хотя той весной 1585 года она была очень взволнована, но не теряла работоспособности. 30 марта Виллеруа писал министру короля в Венеции: «Королева, мать его Величества, несмотря на нежелание, поедет в Эперне, чтобы попытаться погасить разгорающееся пламя». В день Пасхи, 9 апреля — ее заставили столько ждать — Гиз снизошел до встречи с Екатериной в Эперне. По ее окончании Екатерина продиктовала для короля рассказ, в конце которого приписала несколько строк своей рукой. Этот показательный текст свидетельствует, что подобно Генриху III герцог не был уверен в благоприятном для себя исходе. Королева констатировала меланхолию племянника, несомненно наигранную. Он сумел сохранить свой секрет и не поддался на доводы тетки: «Я ничего не смогла сделать». Но в постскриптуме

есть одно решающее замечание: «Я нахожу господина герцога в большой задумчивости, как будто он сам ничего не может решить». Связав себя с Филиппом II, Генрих де Гиз потерял право самостоятельно принимать решения. Став агентом Испании, он превратился во француза лишь наполовину. Отныне королева-мать жила в постоянно возрастающей тревоге.

Первая встреча произошла 12 мая в Сарри, в загородном доме епископа де Шалон. Переговоры возобновились 2 мая в Эперне. Екатерина доказала свою терпеливость. Она полагала, что если отдаст еретиков принцам, они будут менее требовательны в отношении гарантий и распределения должностей. Она ошибалась, Меченый хотел оградить себя от возможной перемены настроения Генриха III. Вместе со «старым красным беретом» он не требовал внешне ничего, но вместе с тем — всего. 10 июня они передали Генриху III ультиматум, в котором требовали эдикта против еретиков. Эдикт должен был немедленно вступить в силу и осуществляться всеми возможными средствами, находящимися в распоряжении членов Лиги и других католиков. После этого они заверили короля, что откажутся от «всего прочего, что зависит от короля, их невиновности и расположения всех добропорядочных людей». Подобно королю, принцы использовали лицемерные заявления.

7 июля 1585 года королева-мать все же подписала договор в Немуре. Это была чистая капитуляция. До этого, во всех предыдущих переговорах ей удавалось сохранять за королем роль арбитра. В Немуре она приняла закон, навязанный ему мятежниками. Она отказалась от политики национального единства, принципа религиозной свободы, которые она защищала уже 25 лет. Страна стояла на пороге войны. Доведенные к крайности, гугеноты могли пойти лишь по одному пути вновь взяться за оружие под руководством короля Наваррского. Последнему оставалось лишь одно победить или погибнуть, в то время как Генрих III, став рабом Лиги, был вынужден сражаться против своего законного наследника. В конце мая королева-мать писала в разочаровании, зная, что придется уступить, эти пророческие строки Белльевру: «Я полагаю, нет никаких средств установить мир и покой в этом королевстве, пока король Наваррский не станет католиком». Это действительно было бы спасением. Но прежде чем Генрих IV встанет на путь Сен-Дени, пройдет еще почти 8 лет.

А пока предстояло выполнить драконовские условия договора в Немуре. Генриху III предстояло взять на себя заботу об иностранных войсках Лиги. Он предоставил оплаченную им конную охрану главным руководителям партии католиков и на 5

лег передал Суассон кардиналу де Бурбону, город Рю в Пикардии д'Омалю. Бо и замок Дижон Маейнну, Динан и Ле Конке Меркеру. Гиз получил больше всех: Верден, Тул, Сен-Дизье и Шалон. Все его придворные получили должности и пенсионы. Кроме того, Меченый становился командующим королевской армией, получал право начинать войну и присуждать звания. Он не был еще генерал-лейтенантом королевства, а лишь исполнял обязанности вице-короля. Сколько еще времени Генрих III будет стоять на его пути к короне? Пока ему следовало считаться с желаниями членов Лиги. Эдикт запрещал протестантские богослужения и обязывал протестантских священников немедленно покинуть королевство. Верующие должны были обратиться в католицизм или выехать из страны в течение 6 месяцев. Протестантам запрещалось занимать любые государственные должности, они должны были оставить все зоны безопасности. Вследствие всего вышесказанного, король Наваррский лишался всех прав на корону. Это было явное нарушение салического закона и это объясняет, почему, несмотря на свою враждебность к гугенотам, Парламент Парижа сразу же понял, что защита католической религии была только предлогом для прихода к власти; став простым исполнителем воли Лиги, король должен был осуществить эдикт отмены всех предыдущих эдиктов.

Конференции в Сен-Брисе и уловки короля Наваррского

С 19 августа по 23 октября королева-мать провела в Шенонсо, откуда отправила своего доверенного итальянца, аббата Гадань, в Ля Рошель. Бирон обсуждал перемирие с королем Наваррским и подписал с ним 5 августа договор, который оставлял реформатам Маран, недалеко от Ля Рошель, при условии свободы культа для католиков. В ожидании того момента, когда король Наваррский пожелает начать с ней переговоры, Екатерина поддерживала постоянную связь с Бирагом, Белльевром и Виллеруа. Весь август аббат Гадань ездил то в Шенонсо, то в Ля Рошель, т. к. король Наваррский постоянно выдвигал новые предложения. Екатерина стремилась по возможности ослабить положение гугенотов и обратить своего тестя в католичество. Генрих III одобрял все ее начинания.

Укрепляя свои армии, король предоставлял матери свободу в ведении переговоров с еретиком. Четыре месяца ей пришлось прилагать все усилия, чтобы добиться желаемой встречи. На ее пути было множество препятствий. 21 августа Пизани писал ей из

Рима, что папа не устает повторять ему, что «Генрих III не добьется покоя в своем королевстве», пока там существует ересь. В Париже и других городах сторонники Лиги открыто выступали против короля. Его обвиняли в сговоре с королем Наваррским и в преднамеренном замедлении продвижения католической армии. По совету Екатерины король приказал епископам и своим генерал-лейтенантам провинций положить конец подобным антикоролевским измышлениям. В конце сентября в аббатстве Урскам встретились Генрих де Гиз, кардинал де Гиз и кардинал да Бурбон. Было решено действовать без согласия короля, поскольку он воздерживается от всякого решительного шага.

Несмотря на то, что этот эпизод очень ее взволновал, Екатерина продолжала добиваться переговоров с тестем. Ей удалось добиться назначения перемирия с 8 ноября в течение 8 дней. Несмотря на объявление, встреча была отложена. В конце концов королева-мать увидела тестя в последний раз в замке Сан-Брис, на территории гугенотов ее сопровождали герцоги де Невер, де Монпансье, придворные дамы и ее внучка, Кристина Лотарингская. Генриха Наваррского со-провожали Конде и виконт де Тюренн. В течение нескольких встреч королева-мать напрасно старалась добиться соглашения. Она не могла навязать своей воли и добиться успеха. Благодаря ее письмам и другим свидетельствам мы можем сегодня оценить искусство обоих собеседников, с которым они прибегали ко всем средствам дипломатии используя ложь и лесть, угрозы и упреки. Все было напрасно. В конце концов Екатерина уехала в Ниор, где пробыла с 17 января по 19 февраля 1587 года. Будучи в депрессии, она не теряла надежды. В феврале 1587 года она предлагала Генриху Наваррскому все, что могла, так как в глубине души понимала, что в нем заключается спасение монархии. Наконец она получила обещание вновь встретиться с ним в Маране, в последний день февраля. Но в последний момент Генрих Наваррский отказался от встречи. Екатерина испытала глубокое разочарование. Кроме того, стало известно о казни Марии Стюарт 18 февраля, настоящем вызове Реформации католикам. Несмотря на свои выступления в защиту той, которую в одном письме к Виллеруа король называл «женщиной Англии», Генрих III ничем не смог помочь своей свояченице. Какую силу имели слова монарха, потерявшего власть над своим королевством, перед могущественной королевой Англии? В трагичной кончине королевы Шотландии Екатерина видела призыв к цареубийству: «Нужно лишь начать, чтобы распалить рвущихся к власти». В конце концов Генрих Наваррский прислал к ней виконта де Тюренн с сообщением, что не будет обсуждать мирный договор в

ближайшие два месяца, чтобы иметь время собрать депутатов от церквей. Это был разрыв. 13 марта Екатерина вернулась в Шенонсо. Положение самого короля было все более угрожающим, что доказывает несколько попыток заговоров против него в феврале и марте 1587 года.

Кампания 1587 года и сражение при Кутра

В субботу 12 сентября Генрих III оставил Париж и уехал в Жиен, передав своей матери заботу о столице. В то утро он встал с постели и молился около часа, расчувствовавшись до слез. Выслушав мессу и получив причастие, он приказал позвать магистратов Парламента и капитанов городской милиции, чтобы наказать им следить за безопасностью и спокойствием в столице. Простившись с матерью, он сел на коня, ненадолго заехал в Нотр-Дам помолиться и покинул Париж под овации населения, которое всего несколько дней назад едва не подняло против него восстание. Когда он прибыл в Жиен, армия наемников уже была в королевстве и насчитывала около 35 000 человек, из которых было 20 000 швейцарцев, 10 000 германских наемников и 5000 французов под командованием герцога де Буйон. 1500 гугенотов из Лангедока и Дофине под командованием сына Колиньи, Шатийона, еще больше увеличили это импозантное войско. Король надеялся, что военные действия пройдут в основном в Лотарингии, а это вынудило бы Гиза прийти туда, но немцы там не задержались, стремясь поскорее добраться до Луары и там объединиться с силами короля Наваррского. 18 сентября они прибыли в Прованс, а за ними шел герцог де Гиз, который присоединил к своим войскам без согласия короля 400 копий и 2000 пехотинцев, присланных ему Фарнезе. Переправившись через Сену к северу от Шатийона, они подошли к Луаре в середине октября. Очень дисциплинированные, они вызывали уважение у своих противников. Их поведение было гораздо более упорядоченно, чем их предшественников с Иоганном-Казимиром в 1576 году. Давая понять, что они направляются к Парижу, они шли на самом деле к житницам Франции Пуату и Бос. Ближе к концу октября они прибыли в Бриар, где Луара разделяла их с армией короля. В то же время решающая партия разыгрывалась в Гюйенне между Анн де Жуаез и Генрихом Наваррским.

Первый еще до отъезда короля к армии выехал в Пуату в сопровождении блестящей знатной молодежи. Анн де Жуаез мечтал разделаться «с принцем Беарнским». Разве это не было для него возможностью еще больше увеличить свою популярность

среди духовенства и простого народа, померяться силами с Гизами и явиться подлинным защитником католической веры? Но ему надо было срочно вернуться на запад. После его отъезда в Париж в середине августа, вызванного смертью невестки, жены его брата Генриха дю Бушажа (в результате которой последний вступил, ко всеобщему удивлению, в монастырь капуцинов в Сен-Оноре), Генрих Наваррский воспользовался его отсутствием, продвинулся до Турени и вступил в контакт с Лаварденом, которому герцог де Жуаез передал командование. Выехав из Парижа 8 сентября, Жуаез с плохим предчувствием предпринял свое «второе путешествие» в Пуату. Будет ли он по-прежнему пользоваться расположением короля? Блестящий брак д'Эпернона 23 августа 1587 года, менее чем через 15 дней после смерти его сестры Екатерины де Ля Валетт, показывал явное благоволение короля к его сопернику.

11 сентября Жуаез прибыл в Турень и констатировал близость сил виконта де Тюренн, одного из помощников короля Наваррского. Несмотря на прибытие своего сводного брата, герцога де Меркер, Жуаез счел себя недостаточно сильным. 16 сентября он просил канцлера Шеверни прислать денег в Гур. 21 сентября он писал мадмуазель дю Бушаж, что армии практически соприкоснулись, но противник оставил Турень и направился в Пуату. 30 сентября Жуаез в последний раз встретился с Генрихом III в Сен-Эньян-сюр-Шер. Король передал ему подкрепление в несколько рот под командованием его брата Клода де Жуаеза. Армия герцога взяла направление на Пуату. Жуаез постарался ускорить ее продвижение, когда узнал, что 10 октября Генрих Наваррский прибыл в Ля Рошель, затем выехал в направлении Перигора, откуда он мог перейти Овернь и долину реки Луары и соединиться с наемниками барона де Дона. 18 октября Жуаез узнал, что Генрих Наваррский собирается переправиться через Дрону, приток Ислы, недалеко от Кутра, и решил преградить ему путь и дать сражение.

Король Наваррский решил принять бой и приказал обратно переправить свою артиллерию. Узнав о повороте врага, Жуаез собрал войска, но несколько запоздал. Место встречи оказалось расположено в полулье к востоку от Кутра. Генрих Наваррский умело воспользовался рельефом местности: он расположил артиллерию на самом высоком холме, аркебузиров по краю долины. Между этими двумя позициями он поместил остальные войска в форме полумесяца. В тылу он поставил три тяжелых эскадрона кавалерии.

Артиллерия Жуаеза оказалась на более низкой местности и сильно левее. Его пехота была расположена на двух флангах,

между которыми стояли роты Клода де Жуаеза в большом беспорядке из-за метательных установок, на которые очень рассчитывал герцог.

Силы обеих армий были равны. У короля Наваррского было от 4000 до 5000 пехотинцев, 1200–1500 кавалеристов. Жуаез располагал таким же количеством пехотинцев и 1500–1800 кавалеристов. Но солдаты Дула Евангелия были закаленными путешественниками по гражданским войнам, а у Жуаеза была знатная католическая молодежь, с большими претензиями, но без опыта.

Бой начала протестантская артиллерия, потому что у нее на линии огня стояла артиллерия католиков. Нетерпеливая и разгневанная знать Жуаеза бросилась на противника. Эскадроны, стоящие в форме каре под командованием Генриха Наваррского и Конде только этого и ждали, и их аркебузиры проделали значительные бреши в рядах нападающих. Когда противник подошел поближе, они зарядили свои ружья и пистолеты и гугеноты получили преимущество над католиками в этой гуще перед метательными снарядами и копьями католиков. В первой же атаке под Жуаезом убили коня. Он пересел на коня своего оруженосца и вновь оказался на земле. Большинство его друзей обратилось в бегство. Сохранивший свою дружбу к нему, Сен-Люк покинул его одним из последних. Его брат Клод остался с ним до конца.

В целом сражение длилось не более трех часов. Католическая армия была полностью разбита и насчитывала около 2000 убитых. На поле битвы осталось более 300 католических дворян. У гугенотов было убито два дворянина и около 30 солдат. Это была их первая победа с начала волнений. Однако такое количество щедро и напрасно пролитой крови создало еще более тяжелое и трагичное положение, чем раньше.

Глава третья
От сражения при Кутра до открытия вторых Генеральных Штатов в Блуа
(20 октября 1587 года — 16 октября 1588 года)

Последствия сражения при Кутра. Поражение армии вторжения

Относительное бездействие короля Наваррского после победы удивило его современников, вызывает удивление и у нас. Будущий Генрих IV не любил проливать кровь французов. Приказав привезти в Либурн тела двух Жуаезов и попросив маршала де Мартиньона позаботиться о них, он писал ему: «Мне грустно, что сегодня я не могу разделять настоящих французов и сторонников Лиги. Мне не нравится, что проливается кровь». Все эго так, но победитель был не в лучшем положении, чем побежденные. Его кавалерия понесла многочисленные потери. Знатные гугеноты с Запада Франции спешили вернуться домой. Кроме того, следовало принимать во внимание растущее соперничество с Конде, следить за маршалом де Жуаезом в районе Тулузы и вести осторожную политику по отношению к могущественному союзнику Монморанси-Дамвилю. Принц Беарнский нуждался в серьезной передышке. Помимо всего прочего, он стремился увидеться с графиней де Грамон, «прекрасной Коризандой». Пренебрегая взятием Сентонжа и Пуату ради возвращения в Беарн к сестре и фаворитке, Генрих «отказался от всех своих слов, принеся победу в жертву любви», как язвительно заметил Агриппа д'Обинье.

Если предполагаемому наследнику престола нужна была передышка, то король, несмотря на поражение армии Жуаеза и потерю одного из своих фаворитов, еще имел на руках несколько хороших карт. Из своего лагеря на берегу Луары Генрих III искренне поделился своими чувствами с теткой погибшего герцога и одной из его сестер. Первой он писал: «Я, доложу вам, просто убит нашей с вами потерей. Поверьте, потеря дружбы, которая связывала меня с ним, навсегда лишила меня радости и счастья». Второй он приносил заверения в своем вечном расположении, и что в его памяти навсегда останутся

воспоминания о том, чья смерть унесла с собой свет его жизни. Принесет ли война ему и другие несчастья?

Предстояло встретиться с наемниками и помешать им возобновить кампанию 1576–1577 годов. К счастью для короля и герцога де Гиза, армия «конфедератов», поднятая для помощи королю Наваррскому, не подчинилась ему. Он хотел, чтобы она оставалась в Лотарингии, отвлекла на себя силы католиков на востоке и развязала ему руки на юго-западе и юге. Этой армией командовали герцог де Буйон — молодой человек, новичок в искусстве ведения войны — и барон де Дона — старый вояка, но не более того. Не очень хорошо понимая друг друга, они решили не подчиниться королю Наваррскому и, подобно Иоганну-Казимиру в 1576–1577 годах, объединиться с гугенотами. Но, остановленная королевскими войсками, резервная армия оказалась неспособной перейти Луару. Устав от долгих переходов, многочисленных болезней, недостатка средств, потеряв часть своего состава, она направилась к Бос, чтобы там восстановить силы. При этом следует учесть, что обстоятельства к этому не очень располагали, принимая во внимание ее разнородный состав и разногласия между французами и немецкими и швейцарскими наемниками. Немцы решили разделиться с армией и образовали отдельную группу в районе Гатинэ. Это был тот случай, которого ждал Балафрэ. От самой границы он шел параллельно с врагом, воздерживаясь от наступления. Гизы, по свидетельству венецианца Дольфена от 23 октября, считали, что король не должен участвовать в боях и подвергать опасности свою жизнь, потому что не имел наследника: таким образом они отказывали ему в праве на победу. Гиз был в Монтаржи, когда узнал о появлении наемников в Вимори, что в одном лье от его поместья. Ночью 26 октября он направился к ним в сопровождении своей кавалерии и 2600 аркебузиров. Было так темно, что он сумел незамеченным проникнуть в городок. Несмотря ни на что, барон де Дона сумел отразить нападение, потеряв 800 человек. Этот маленький бой вскоре превратился для сторонников Лиги в большую победу де Гиза. Дона дальше не пошел, но швейцарские полки эго было новое событие начали переговоры с Генрихом III. В то же время герцог Лотарингский, которому больше не приходилось опасаться захватчиков, передал королю 6000 лошадей и столько же пехотинцев. Генрих III предпочел не развивать события, так как Карл III был одним из руководителей Лиги. Его отказ встревожил Екатерину Медичи. Она писала Виллеруа: «Перед королем две армии, наемники и король Наваррский. Если, за неимением сил, он не помешает их объединению, все скажут, что он стремился к

этому». Но Генрих III уже впал, что швейцарские полки не будут сражаться против него. Направляясь во Францию, швейцарцы собирались защищать короля и были очень удивлены тем, что должны были видеть в нем соперника. Незадолго до Вимори, они отправили к нему своего представителя, чтобы разобраться в ситуации. Генрих III передал им, что их обманули и что, сражаясь против него, они разрывают союз кантонов с французской короной. Он пообещал им свое прощение и необходимые гарантии, если они вернуться домой. Начавшись, переговоры зашли в тупик. И Генрих III в письме от 19 ноября сообщил швейцарцам, что они или примут его предложения, или будут рассматриваться как его враги.

Конфедераты находились тогда только в двух лье от Шартра, но их моральный дух был очень низок. Наемники переживали свое поражение у Вимори, где они потеряли весь свой багаж. Швейцарцы меж тем разграбили Шато-Ландон и менее чем когда-либо были в согласии с наемниками, так как вели переговоры с королем. При таком стечении обстоятельств Гиз предпринял вторую атаку. Как уже упоминалось, конфедераты стояли в двух лье от Шартра. Дона разместил свой штаб в городке Оно, замок которого, однако, оставался в руках католического правителя. Балафрэ находился в Этампе, между Парижем и врагом, имея в своем распоряжении 500 копий и 4000 аркебузиров. Д'Эпернон с авангардом королевской армии закрывал подступы к Нижней Луаре. Намереваясь все же перейти реку, конфедераты решили подняться вверх по течению и назначили выступление на 24 ноября. Утром этого дня Гиз был уже в Дурдане и напал на наемников в Оно через замок. Немцы потеряли 2000 человек убитыми и ранеными, 400 человек были захвачены в плен. Победителям досталась богатая добыча: за два дня они захватили повозки наемников. Король проявил довольно умеренную радость по случаю победы, поскольку героем дня был Гиз, и приуменьшил ее значение, поспешив заключить со швейцарцами договор об эвакуации (27 ноября). Он согласился выдать им 4-месячное жалованье, снабдил едой и на 50 000 экю «тканей, обуви и шляп».

Оставшись без швейцарцев, понеся значительные потери в Вимори и Оно, немцы могли быть легко побеждены, что вскоре и собирался сделать Гиз. Генрих III думал иначе. Он решил начать переговоры, чтобы уменьшить значение победы своего соперника. Придя в Маконнэ и оказавшись между Гизом и Эперноном сзади них и правителем Лиона, Мандело, перед ними, наемники тоже предпочли начать переговоры. 8 декабря Эпернон подписал с наемниками акт, согласно которому они соглашались вернуться в Германию. Как и швейцарцам, Генрих III дал им денег и даже

сильный эскорт для охраны во время отступления.

Герцог де Гиз был крайне разочарован. Он чувствовал себя лишенным законного успеха. 11 декабря он писал Мендосе: «Если наемники пройдут через мои поместья в Лотарингии», то он нападет на них, «не обращая внимания ни на какие обещания». То, что осталось от резервной армии, разделилось на три части. Шатийон со своими лангедокцами сумел добраться до Виварэ. Герцог де Буйон с остатками гугенотов и частью немцев через Бресс попал в Женеву. Остальные немцы вышли из Эльзаса через Франш-Конте. Поскольку они были уже за пределами королевства, Гиз начал их преследовать вместе с отрядами из Лотарингии под командованием маркиза де Пона-Муссон, сына Карла III. Они обрушились на графство Монбелиар и сожгли более 100 деревень, заставив графа, одного из столпов Реформации и верного сторонника короля Наваррского, заплатить за те разрушения и потери, которые понесли в этой войне крестьяне Лотарингии. Солдаты Гиза были так распущенны и жестоки, что даже сам герцог испытывал от этого некоторое смущение.

Положив конец вторжению благодаря заключенным с швейцарцами и немецкими наемниками договорам, 23 декабря Генрих III торжественно вернулся в Париж. Королева-мать и члены двора вышли его встретить и проводили до собора Парижской Богоматери, где спели «Тебя, Бога хвалим». Но этот официальный прием не имел ничего общего с энтузиазмом народных масс. Парижане были полны презрения к своему господину. Все похвалы достались Балафрэ, святому победителю еретиков, хотя его успехи при Вимори и Оно были весьма скромными. Вынужденный считаться с Гизом, Генрих III чувствовал, что в будущем следует принять сторону короля Наваррского. Победа Балафрэ над армией захватчиков поставила короля в зависимость от принца Лотарингского. Взяв на себя инициативу в отношении швейцарцев и немцев, король создавал впечатление, что еще ведет игру. Однако это не должно было продлиться долго, так как общественное мнение, планы руководителей Лиги и испанская политика все более связывали ему руки.

Умонастроения начала 1588 года

Почти все парижане были убеждены, что без смелого вмешательства герцога де Гиза «ковчег попал бы в руки филистимлян». Когда стало известно о принятой королем

капитуляции, Сорбонна, то есть 30 или 40 педантов и докторов наук, высказали мнение, что у не оправдывающих доверие принцев следует отбирать право на престол. Неудивительно, что через некоторое время Генрих III вызвал к себе в Лувр Парламент и университетский факультет теологии. В присутствии магистратов он осудил злопыхателей, распространяющих про него лживые измышления. Обратившись затем к теологам Сорбонны, он заявил, что не собирается мстить, хотя мог бы последовать примеру Сикста Квинта, без колебаний сославшего на галеры францисканцев, дурно отзывавшихся о нем в своих проповедях. Добрый и терпимый по своей природе, Генрих III ограничился выговором, при условии, что виновные исправятся.

Если в Париже умы все больше склонялись к крайностям, то в Риме папа отказался от надежд, возложенных им на политику Генриха III. Он довольно сдержанно прореагировал на сообщение о победе при Оно, потому что не король принес победу, а папа предпочитал не восхвалять герцога де Гиза, что могло уменьшить королевский престиж. Осторожное и миролюбивое поведение короля в отношении швейцарских протестантов и немцев, соглашения с ними, упорные слухи о возможном согласии Генриха III и короля Наваррского, все это показывало Сиксту Квинту, что его надежды на энергичную борьбу с ересью под руководством короля так и не оправдались. Папа даже говорил, что «не следует предоставлять королю средства, т. к. он тратит их на субсидии для разрушителей своего королевства».

Разочарование Рима представляло собой меньшую опасность, нежели враждебное отношение к королю городов Лиги, и в первую очередь Парижа. Однако, верный себе, Генрих III еще больше настроил их против себя, передав д'Эпернону все привилегии Жуаеза. Он знал, что д'Эпернон вызывает у многих ненависть, но, оставляя герцога де Гиза в немилости, упорно окружал своего фаворита почестями и знаками уважения. После смерти Жуаеза д'Эпернон сменил его на посту правителя Нормандии (обычно это был дофин или принц крови). В сражении при Кутра был убит кузен д'Эпернона и правитель Ангумуа, Оно и Сентонжа, Цезарь де Белльгард. Д'Эпернон наследовал и этот пост. Наконец, 11 января 1588 года Парламент назначил его адмиралом Франции, которым ранее также был Жуаез. Более, чем когда-либо, юный гасконец служил мишенью для Лиги.

Одним из дирижеров антикоролевской пропаганды была герцогиня де Монпансье, сестра Балафрэ (Меченого). Король, писал Л'Эстуаль в январе 1588 года, «узнав о распущенности герцогини де Монпансье, сказал ей, что хорошо знает, как она

изображает королеву в Париже и какую линию ведет, поощряя Буше, Ленсестра, Пижена, Прево, Обери и других кюре и проповедников Парижа, чтобы они продолжали свои кровавые проповеди, а она потом могла похвалиться тем, что через рты этих проповедников она сделала для Лиги больше, чем ее братья». Напрасно король приказал герцогине покинуть Париж. Она ослушалась приказа и через три дня даже осмелилась заявить, что «она носит на поясе ножницы, которые отдадут третью корону брату Генриху Валуа». Тем временем проповедники все более восставали против короля в своих проповедях.

Л'Эстуаль осуждал короля за долготерпение. Однако оно происходило не от отсутствия воли, а от сознания королем своей слабости. Он был безоружен и предпочитал уступать, чем открыто драться с врагами, не имея для этого никаких средств. Нет ничего удивительного, что он вернулся к своему обычному времяпрепровождению, как обычно приняв участие в карнавале 1588 года, а затем, с наступлением поста, обратившись к благочестию в монастыре капуцинов. Прежде чем разразилась гроза, уже собиравшаяся на политическом небосклоне, финальной печатью жизни двора Генриха III стали грандиозные похороны Анна и Клода де Жуаез с 4 по 9 марта 1588 года. Хороня человека, к которому он испытывал глубокую и искреннюю привязанность, не думал ли Генрих III, что присутствует на похоронах монархии, которая воплощалась в его лице и для которой — надолго ли — он был последним защитником?

Прибывшие 4 марта в Бург-ля-Рен, останки братьев Жуаез были перевезены в Сен-Жак-дю-О-Па. Король, как передает венецианец Мосениго 11 марта, пошел проститься с останками умерших. «Он с такой нежностью смотрел на герцога, оплакивая несчастливую судьбу принца, так любовался им, что ушел только после нескольких настойчивых просьб придворных из своего окружения». Больше, чем печаль короля, привлекла внимание похоронная трапеза в воскресенье, 6 марта, во время которой соблюдался тот же этикет, что и при жизни умершего. Наконец, 8 марта от Сен-Жака кортеж направился к монастырю Великих Августинцев. Король был среди братьев Кающихся Грешников, в такой же одежде, так что никто его не узнавал. Поскольку время было после полудня, в королевской часовне отслужили вечерню по умершим. На следующий день в 9 часов утра епископ де Мо отслужил большую мессу «Реквием». Церемония закончилась надгробным словом Гийома Роза, епископа де Сенли. Последний похоронный пир прошел в отеле Сен-Дени, недалеко от

монастыря Августинцев. 12 марта тела умерших были ночью перенесены из монастыря Августинцев к Капуцинам в предместье Сен-Оноре, где они оставались до 1596 года, когда их перенесли в замок Монтрезор в Турени, принадлежащий Марии де Батарнэ, матери Анна де Жуаеза.

По свидетельству Мосениго, все было сделано с большим размахом. Привязанность короля к умершему перевесила все прочие соображения. Об этом свидетельствует девиз, выгравированный на памятной медали, отчеканенной в честь Жуаеза. Отныне он становился звездой на небе (*Victima pro salvo domino, fit in aethere sidus*[3]). Оставшись один рядом с Генрихом III, герцог д'Эпернон должен был подтвердить, что избранный им девиз — *Adversis clarius ardet*[4] не просто риторический образ, но передает силу характера и энергию человека, который для «короля не пожалеет всего себя».

Позиции противников и маневры руководителей Святого Союза

Генрих III прекрасно знал, что уход наемников ничего не решил. Беседуя в начале января с нунцием Морозини «не как с нунцием, а как с другом», он заверил его, что предпочел не сражаться с наемниками, чтобы избежать потерь среди дворянства. Кроме того, он оказался в столь трудном положении, что у него не набралось бы и 300 всадников; не было и средств, чтобы им заплатить. Свидетельствуя о решимости короля продолжать войну с королем Наваррским, Морозини не скрывал от Рима, что «более, чем необходимо подбодрить его и, возможно, оказать некоторую помощь». Генрих III уполномочил Пизани сообщить папе о своих намерениях, так как надеялся получить от него финансовую помощь, несмотря на то, что Рим он этому был удивлен никак не отреагировал на уход наемников. Генрих Наваррский, со своей стороны, ожидал возобновления войны и приказывал своему представителю в Испании Сегуру: «Переворошите и камни, но добейтесь помощи».

Если Генрих III продолжал выжидать, король Наваррский знал, что ему еще предстоят сражения, то Испания и герцог де Гиз, наоборот, спешили действовать. 9 января 1588 года Мендоса дал точное описание ситуации в депеше Филиппу II: «Что касается короля, то ни предостережения верующих, ни католиков, ни самого нунция не произвели на него никакого впечатления. Он полностью поддался влиянию д'Эпернона и «политиков», которые его убеждают в том, что любые предложения противоположной

стороны под прикрытием религии способствуют разделению его королевства и уничтожению его сил в пользу Вашего Величества. Вот почему я счел более уместным работать над поддержкой католических городов, объединенных между собой и находящихся в хороших отношениях с Муциусом (Гизом), чем терять время и силы у короля, который всегда говорит хорошие слова, а затем следуют дела, которые мы видим». Гиз, в свою очередь, в письме Мендосе в феврале 1588 года в деталях описывал свою кампанию против резервной армии и объявлял о своих новых намерениях: «Я решил атаковать Жамец и сделать еретический город Седан владением Франции. Это решение даст нам предлог для того, чтобы оставаться вооруженными. Что касается отправки солдат д'Эпернона в Пикардию, куда обычно после войны их отправляют в качестве гарнизона, то я отправил депеши в пикардийские города, чтобы они их не принимали».

Депеши Морозини того периода еще более красноречивы. Генрих III прекрасно понимал, что в тот момент де Гиз был хозяином положения. 18 декабря 1587 года нунций сообщил в Рим, что король попросил свою мать написать мадам де Немур, матери Балафрэ, чтобы она посодействовала установлению мира между ее сыном и д'Эпернoном. Он сообщил также, что во время последней беседы короля с Гизом «Его Величество старался, делая ему многочисленные подарки, убедить его отделиться от остальных членов Лиги, но герцог ответил, что у Лиги нет другой цели, кроме служения королю и сохранения во Франции католицизма, и что он никак не может оставить ее».

Позиция каждого из противников была строго определена и неизменна. При таком положении дел неизбежно было новое столкновение. Герцоги де Гиз и Лотарингский, собравшись в Нанси с другими руководителями Святого Союза, после долгих совещаний с конца января до середины февраля решили подать ходатайство королю. Это означало возвращение в новой форме к манифесту Перонны и придавало их выступлению форму ультиматума. Король должен был объединиться с Лигой, вывести из своих советов и снять с постов враждебно настроенных к ней людей, опубликовать тексты Совета Тридцати и ввести во Франции Святую Инквизицию. Орш требовали новых крепостей и оплаты королем армии в Лотарингии и соседних районах, с тем чтобы помешать новому вторжению. Кроме того, следовало немедленно распродать имущество еретиков. Каждый пленный должен быть казнен, за исключением того, кто поклянется жить как католик. Гизы хорошо знали, что подобные радикальные требования были неприемлемы для короля. Может быть, они делали ставку на отказ? Генрих III расстроил их планы,

воздерживаясь и от согласия, и от отказа, отложив ответ.

Для руководи гелей Лиги было важно передать королю свои требования и сделать их общеизвестными. Но еще больше они нуждались в действиях без согласия короля и даже вопреки его воле. Теперь все знали об их союзе с Филиппом II. Договорившись с Александром Фарнезе, Гиз вошел на территорию недавно умершего герцога де Буйона, атаковал город Жамец и осадил Седан, чтобы, по его словам, отомстить за те злодеяния, которые войска герцога совершили в Лотарингии. Герцог д'Омаль, ставший хозяином почти всех крепостей Пикардии, постарался обеспечить Непобедимую Армаду портами и ресурсами этого района. Но в число подвластных ему городов пс вошла Булонь-сюр-Мер, правителем которой был д'Эпернон, так как его лейтенант Берне встретил солдат д'Омаля выстрелами пушек. Эта неудача имела очень большое значение, так как Филипп II собирался выслать флот, на который в Нидерландах должна была погрузиться армия вторжения в Англию. Интервенты должны были отомстить за смерть Марии Стюарт, лишить трона и уничтожить англиканскую Иезавель и ее церковь и нанести решающий удар протестантской реформе. Генрих III, убеждая нунция в своем намерении начать войну против гугенотов, внимательно следил за развитием ситуации в отношениях между Испанией и Англией и не собирался отдавать Филиппу II берега и порты, где мог причалить его флот и пополнить запасы. Как только он узнал о смерти принца де Конде, официального правителя Пикардии, в марте 1588 года, он назначил его наследником Луи де Гонзага, герцога де Невера, уже вошедшего в число его сторонников. Но д'Омаль по-прежнему оставался хозяином провинции, в то время, как его агенты старались поднять Нормандию против д'Эпернона. Генрих III напрасно приказал д'Омалю прекратить «смуту». Последний отказался подчиниться. Нес большим успехом король попросил герцога де Гиза и герцога Лотарингского прекратить выступления против городов, находящихся под его покровительством. Ему повиновались меньше, чем когда-либо.

Генрих III ответственно относился к своему долгу короля и счел, что пришел момент, когда он должен перестать играть роль слуги. Но он уже был не в состоянии оценить влияние своего авторитета на подданных. Впрочем, прежде чем выступить против него в последний, как они надеялись, раз, сторонники Лиги решили необходимым напасть на его единственную поддержку, герцога д'Эпернона.

Выступления Лиги против герцога д'Эпернона и короля

Первым, кто требовал опалы д'Эпернона, был не кто иной, как Филипп II. 25 января 1588 года он приказал Мендозе пустить против фаворита все средства: «Постарайтесь дать понять королю, но так, чтобы никто не заподозрил ваших истинных намерений, что он подвергается большой опасности, опираясь на д'Эпернона, питающего расположение к Беарнцу».

Герцог был изолирован и мог рассчитывать только на короля. Об этом свидетельствует депеша нунция Морозини от 15 февраля: «Покинув меня, герцог д'Эпернон явился к королеве-матери, перед которой преклонил колено с шляпой в руке. Он споил так перед королевой целый час, а она не просила его ни подняться, ни покрыть голову». Будучи прекрасным политиком-комедиантом, герцог протестовал против того, чтобы в будущем полностью зависеть от королевы. Но если гордый д'Эпернон принял унижение, которое его заставила вынести наедине королева-мать, то он не был склонен сносить малейшую грубость публично. Не у него одного было чувствительное самолюбие. Командир полка охраны, Крийон, — «человек жестокий и храбрый», — рассказывает Каврина, рассердился на д'Эпернона за то, что тот не сдержал некоторых обещаний о повышении по службе. Однажды ночью со своими друзьями он предпринял попытку захватить дом д'Эпернона и убить его. Попытка провалилась, но слуги д'Эпернона оставались на ногах всю ночь с двумя артиллерийскими орудиями. В начале марта 1588 года теперь уже герцог д'Омаль из Лотарингии решил покончить с ненавистным врагом его семьи и почти всего мира, «но заговор был раскрыт, и убийство д'Эпернона пришлось отложить. Подстрекаемые Лигой парижане смертельно ненавидели этого человека и называли его руководителем сторонников короля Наваррского и «политиков», отмечает Л'Эстуаль. Понимая, что его ненавидят, д'Эпернон выходил только с хорошо вооруженным эскортом. Однажды, когда он проходил по мосту Нотр-Дам, его узнали прохожие и долго сопровождали свистом и насмешками. В то время, как его ссора с Крийоном еще на закончилась, он поссорился с маршалом д'Омоном, но благодаря вмешательству короля, это дело быстро прекратилось.

Н. Пулен рассказывает о еще одной попытке нападения на д'Эпернона на ярмарке Сен-Жермен. Нунций Морозини и тосканец Кавриана датируют это событие февралем 1588 года. Пулен, информацию которого некоторые придворные не считали достоверной, сообщил д'Эпернону о готовящемся покушении.

Последний, действительно, часто посещал ярмарку Сен-Жермен ради развлечения. Вместо того, чтобы отложить свои посещения, герцог захотел проверить все сам: и правда, его окружили мнимые студенты (наемные убийцы) и убили бы его, если бы он не принял надлежащих мер предосторожности. По словам Морозини и Каврианы, руководил заговором Ги де Сен-Желе, господин де Лансак, готовый ради денег на что угодно.

Положение герцога становилось все более и более сложным. Генрих III понимал это. Как рассказывает нунций Морозини в депеше от 28 марта, король безуспешно пытался договориться с фаворитом. В марте д'Эпернон на несколько дней вернулся в свое имение в Фонтенеан-Бри, чтобы вылечить горло. Король приехал к нему и попросил отказаться от правления в Булони и некоторых других районах, чтобы он мог доверить их «дворянам католикам, сторонникам Его Величества, но, конечно, не господам из Лиги». Герцог ответил, что, по его мнению, подобные уступки будут напрасны, но он отказался бы от правления в Провансе и Меце, только при условии, что последний будет отдан его родственнику, графу де Бриану: должность генерал-полковника пехоты он уступил бы только своему брату Ля Валетту, и ни в коей мере не хочет отказываться от Булони и Валенсии. Конечно, он был не против соглашения с Гизами. Но не лучше ли королю взять на себя должность генерал-полковника пехоты и лично принять участие в операциях против герцога д'Омаля? Морозини сообщает, что королева-мать и другие члены Совета считали очень опасным намерение короля и предпочитали отдать здесь предпочтение д'Эпернону, не хотевшему, чтобы король участвовал в кампании против короля Наваррского.

30 марта д'Эпернон вернулся в Париж. Чтобы доказать, что он по-прежнему пользуется расположением, он добился назначения маркизом виконта Кадене и Аоньяка, капитана Сорока Пяти, ответственным за гардероб короля. Положение д'Эпернона и его покровителя становилось все более критическим. Вновь строились планы свержения короля и убийства герцога. Сторонники Лиги планировали захватить короля во время его возвращения из Буа де Венсенн, так как в этих обстоятельствах у Генриха была только его карета, два верховых и четыре лакея, при этом он проезжал через городок Ля Рокетт перед домом, принадлежащим мадам де Монпансье. Заговор провалился благодаря Пулену. В другой раз короля и его фаворита хотели захватить во время религиозной процессии. Без сомненья, во всех этих случаях была замешана мадам де Монпансье. Беспокоясь о безопасности короля и своей собственной, д'Эпернон организовал патрулирование города с 10 часов вечера до 4 часов утра. 15

апреля, опять по словам Пулена, у Бюсси-Леклерка был составлен новый план убийства д'Эпернона и захвата короля. 22 апреля шпион информировал об этом короля в Лувре в присутствии Франсуа д'Э. Генрих III усилил охрану и разместил на ночь во дворце Сорок Пять. Одновременно он вызвал из Ланьи 4000 швейцарцев и поставил их охранять стены в пригородах Сен-Дени и Сен-Мартен. Эти постоянные угрозы и неспокойная атмосфера сказывались на нервах каждого человека. 20 апреля королева-мать и д'Эпернон схлестнулись на Совете, когда обсуждалась необходимость принять меры безопасности. Герцог не без оснований подозревал королеву-мать в расположении к Лиге и рас сказал об этом ее сыну. Надо ли напоминать, что одна из дочерей Екатерины, Клавдия, вышла замуж за Карла III Лотарингского? Королеве-матери не было дела до салического закона, и она с удовольствием видела бы в своем внуке из Лотарингии, маркизе де Понт-а-Муссон, наследника Генриха III. Когда 26 апреля Николя Пулен прибыл в Лувр и сообщил в присутствии д'Эпернона, Франсуа д'Э и господина де Ля Гиш о готовящемся мятеже, герцог предложил судить Балафрэ и казнить. Генрих III отказался верить информации Пулена и в тот же день вместе с д'Эперноном выехал в Сен-Жермен. 28 апреля они провели ночь у Франсуа д'Э во Фресн. Утром 29-го д'Эпернон отправился в Руан, а король в Венсенн, где собирался провести 7 дней у иеронимитов в уединении и молитвах.

Крайне серьезное положение еще не могло изменить мистическую веру Генриха III в божественный ореол его королевской власти. Д'Эпернон тоже еще не мог предвидеть, что его непоколебимое благополучие будет вдребезги разбито готовящимися против него жестокими атаками.

Экономическое положение и революционный кризис 1588 года

В истории мало примеров тому, что единственной причиной падения режима была политическая или религиозная ситуация. Если в Париже в мае 1588 года главной причиной кризиса был религиозный вопрос и проблема наследования престола, то в не меньшей степени он был усилен тяжелым положением народа, особенно парижан. Почти 30 лет в стране свирепствовала война, изредка прерываемая краткими периодами затишья.

Хроники Л'Эстуаля и депеши венецианцев рассказывают о трудностях снабжения начиная с 1586 года. По свидетельству Л'Эстуаля, в мае этого года цена сетье (мера сыпучих тел)

пшеницы поднялась до 7–8 экю на рынке Парижа. На город нахлынула такая волна нищих, что всех буржуа обязали выделять милостыню, и двое представителей от каждого церковного прихода собирали ее, чтобы оказать им хоть какую-то помощь. 23 мая, свидетельствует Дольфен, народ выступил против Гизов, обвиняя их в подорожании продуктов питания. За 8 дней цена на пшеницу поднялась до 20 экю за мюид (мера емкости). В следующем месяце король издал приказ об обязательных работах для нищих, мужчин и женщин, по очистке и восстановлению каналов Парижа из расчета 4 су за хлеб и 2 су наличными в день. Подобные меры были приняты в Лионе и других городах. Вынужденный прибегнуть к введению новых налогов, король должен был сломить сопротивление Парламента и счетной Палаты (*Chambre des comptes*). Зарегистрировав их в Париже, он приказал ввести их и другим дворам, вместе с тем, для приведения в исполнение эдикта 1578 года о профессиональных цехах, он направил в Груз и Реймс представителей Совета. В результате в Труа вспыхнул бунт, и, как рассказывает Дольфен 7 июля, «были разграблены дома некоторых итальянцев, живущих в этом городе, причем вынесли все, потому что народ считал их ответственными за введение налогов». Подобные события происходили и в Париже. В августе 1586 года Л'Эстуаль утверждает, что «почти вся Франция, все бедные люди, умирая от голода, шли на поля, собирали полу созревшую пшеницу и сразу съедали, чтобы хоть немного утолить голод». Дольфен рассказывает, что 5 декабря около 20 деревень в Нормандии отказались платить обычные налоги и все прочие. Они объединились и поставили во главе восстания нескольких дворян. Обеспокоенный король послал своих представителей в Руан, чтобы они попытались призвать народ к повиновению, наказав только главных мятежников. Тогда же один адвокат Ле Бретон, проиграв процесс и подав жалобу королю, получил вежливый отказ. Он тут же превратился в противника короля и опубликовал памфлет, в котором Генрих III назывался «одним из самых больших лицемеров». Ле Бретон требовал созыва Генеральных Штатов, уточняя, что из их состава должны быть исключены офицеры короля, и восстановления для городов всех былых свобод. Голова Ле Бретона не представляла большой ценности, он был осужден Парламентом и повешен, так как король отказался помиловать его. Из опасений народных волнений казнь прошла во дворе дворца на площади Грев. «Парижане целовали ноги и руки казненного, когда его труп несли к виселице Монфокон», пишет Мариежоль.

Так начинало складываться революционное положение в

Париже, тем более, что зимой 1586–1587 годов продовольственный кризис по-прежнему сохранялся. В такой ситуации собрание охраны общественного порядка (в которую входили магистраты, канцелярия города, судьи Парижа) решило, рассказывает Л'Эстуаль, что каждый парижский буржуа должен помочь бедным и поэтому будет платить не 1 соль в неделю (то есть 52 соля в год), а 7 ливров 16 солей в год. В 1587 году еще больше подорожало зерно. 3 июня, замечает Л'Эстуаль, 1 сетье стоил 30 ливров в Париже, и 35, 40 и даже 45 ливров в соседних городах. В Париже было такое количество бедняков, что пришлось 2000 из них отправить в госпиталь де Гренелль. где по приказу короля им выдавали по 5 солей в день. Но поскольку они уходили из госпиталя снова просить милостыню, «их вернули в прежнее состояние». Со стороны властей эго было признание собственной беспомощности. Острота продовольственного кризиса приводила к волнениям. 22 июля на рынке народ восстал против булочников, которые «слишком дорого продавали свой хлеб». Весной 1588 года, незадолго до решающего столкновения между Лигой и королем, налоговые требования властей еще больше усилили недовольство населения Парижа. В конце марта король увеличил налог на соль до 100 солей на 1 мимо (мера сыпучих тел) «так что 1 мино счал стоить 13 ливров», чем народ посчитал себя сильно угнетенным. «Но королю и от Совету не было дела до народного недовольства, поскольку они извлекали для себя пользу», говорит Л'Эстуаль, осуждая на скорую руку, потому что Генрих III знал и помнил о бедности населения. Об этом свидетельствует его письмо графу де Шабо-Шарни от 23 января: «Мой кузен, рассматривая финансовое положение моего королевства на начало года, я нахожу, что налоги были настолько повышены, а выручка настолько уменьшилась с начала настоящих волнений, что я вынужден урезать свои личные расходы, чтобы передать дополнительные средства на общественные нужды».

Нуждаясь в деньгах и стараясь не вызвать еще большее недовольство общественного мнения, Генрих III в апреле 1588 года в последний раз попытался выяснить позицию герцога де Гиза. Последняя перипетия перед парижским восстанием, конференция в Суассоне стала прологом к событиям в Париже.

Конференция в Суассоне и события перед Парижской революцией (*апрель — май 1588 года*)

Вынужденный, по крайней мере внешне, считаться с волей

папы, какой ее передавал нунций Морозини, Генрих III не мог вести себя иначе, кроме как заверяя его в своем намерении начать кампанию против гугенотов. Нунций отмечал, что, если бы король начал войну с гугенотами и победил их, то не оказался бы в таком положении. Морозини из осторожности воздержался от советов королю, но только сказал ему, что у него два врага, и, не имея возможности воевать с обоими сразу, он может сражаться только с еретиками. Кроме того, следовало, чтобы руководители Лиги добровольно вернулись в подчинение королю. 18 февраля Генрих III попросил папу через Низани напомнить о долге «тем, кто хочет стать большим, нежели они являются, и скорее стремятся удовлетворить свое честолюбие, нежели служить Господу».

В конце февраля король направил Белльевра и Ля Гиша с поручением к герцогу Лотарингскому и Гизам. В их инструкциях, датированных 27 февраля, можно прочесть, что им было поручено передать Балафрэ и Майенну, «что Его Величество хочет воспользоваться их услугами при представляющейся возможности, и чтобы они сопровождали его в армии, и чтобы по крайней мере один из них приехал туда, если оба не могут». 9 марта Гиз поведал Мендозе свои соображения о поездке в Гюйенн, о делах в Пикардии и о д'Эперноне: «По двум первым пунктам я им сказал, что один не могу решить эти вопросы, будучи связан с другими людьми… и по последнему они также не получат никакого ответа. Кроме того, если я порву связи с Испанией и Римом, король обещает мне большое состояние и должности, достойные моего положения… Эти дары я могу сравнить с искушением дьяволом Нашего Сеньора на горе. Меня не покидает решимость продолжать свое дело, и я уверен, что всегда найдутся добрые ангелы, которые отведут от меня несчастье». В заключение Гиз просил Мендозу сохранить в тайне все, что он ему доверил. Учитывая такую позицию герцога, можно сказать, что конференция, которую он предложил Белльевру и Ля Гишу провести в Суассоне, могла быть только обманом. Мендоза передал Балафрэ через доверенного человека герцога, господина де Брэ, что лучше не идти ни на какое соглашение с королем. 15 марта дипломат информировал Филиппа II о том, что он поручил господину де Брэ.

Гиз не только находился в состоянии открытого неповиновения королю, но и готовил против него заговор. Как только он приехал в Суассон, к нему явился Мендоза. Филипп II хотел помешать любым действиям Франции, которые пошли бы на пользу Англии. Гиз и другие сторонники Лиги должны были поднять восстание против Генриха III до того, как Армада выйдет

в море. В случае согласия герцога, он обещал ему 300 000 экю, 6000 ландскнехтов и 1200 копьеносцев, аккредитовать посла у партии католиков и отозвать Мендозу от Генриха III. Договор был заключен, так что конференция в Суассоне начавшаяся только в конце апреля, и в ней приняли участие Балафрэ, Белльевр, кардиналы де Гиз и де Бурбон не имела никаких шансов на успех. Перед ее началом Морозини передал папе, что в случае ее провала Его Святейшество должен будет вмешаться, чтобы добиться повиновения от руководителей Лиги. Пизани, действовавший по приказу Генриха III, настойчиво просил вмешательства Его Святейшества. 12 апреля Сикст Квинт направил герцогу де Гизу бреве, в котором он требовал, чтобы герцог повиновался королю, был к нему лоялен и объединился с ним против еретиков. Но это послание пришло слишком поздно, принимая во внимание скоротечность событий. 4 мая Виллеруа пришел к Морозини узнать, получил ли он его. 5 мая нунций сообщил в Рим, что только что отправил бреве Балафрэ и продолжал уверять папу, что король намерен начать войну. Вмешательство Рима, медлительность испанцев в их приготовлениях против Англии без сомненья отсрочили бы разрыв между королем и Гизом, если бы парижские сторонники Лиги не подталкивали Балафрэ, требуя его приезда в Париж. Вынужденный согласовывать свои действия с Филиппом и и заботиться о сохранении своего положения и престижа, Балафрэ продолжал развлекать Белльевра. Королева-мать напрасно писала ему 22 апреля, что будет крайне опечалена, если он «не договорится с королем, ее господином и сыном». Ему было важнее быть в согласии со своими сторонниками, чем достигнуть взаимопонимания с Генрихом III. Белльевр отдавал себе в этом отчет, о чем писал королеве-матери 24 апреля: «Я вижу, что эти принцы настолько изменились из-за поддержки, которую им оказывает Париж, что результат будет совсем не таким, который нужен для удовлетворения короля и спокойствия королевства».

Это относилось и к раскрытию заговора, о котором рассказал Пулен 22-го числа, что позволило Генриху III принять необходимые меры безопасности. Этим же объясняется призыв на помощь сторонников Лиги, обращенный к Гизу с тем, чтобы герцог возглавил их и спас от мести короля. Однако король не принял суровых мер, которых ожидали парижане. 24 апреля он написал Белльевру длинное письмо, в котором говорил о предпринятом против него заговоре. Король информировал своего корреспондента о приходе швейцарцев и гвардейцев в окрестности Парижа, «чтобы каждый чувствовал себя в безопасности, и не случилось никаких волнений». Он поручал ему

в случае необходимости найти Гиза и других руководителей Лиги и передать, что он «больше всего на свете хочет обнять и объединить всех своих подданных». Это письмо от 24 апреля соседствует рядом с другим письмом того же дня, которое несколько отличается от первого и отмечает границы, которые Генрих III не хотел переходить: «Я вижу, что мне говорят добрые слова надежды, чтобы ввести меня в заблуждение. Я никогда никому не хотел зла… Я предпочитаю потерять жизнь, чем честь. Я не смогу ее сохранить, если таким образом будет подорван мой авторитет. Поэтому я решил разместить здесь швейцарцев Галати и по возможности укрепить свои силы». В заключение король приказывал Белльевру узнать, собирается ли герцог выезжать к нему и когда, и, если Белльевр сочтет это необходимым, дать понять, что король негативно расценит его приезд.

Таким образом, Генрих III предвидел события, когда писал, что если Гиз приедет в Париж, то сделает это, «чтобы сыграть роль в трагедии». Но жизнь полна контрастов, и только относительное удивление вызвало сообщение Генриха III Белльевру 1 мая, что он неожиданно должен вернуться в Париж, чтобы принять Менвилля, представителя Лиги, «отложив пребывание в Буа де Венсенн». Однако Менвилль не оправдал надежд Генриха III. Лиге и королю больше нечего было обсуждать. До последнего момента что доказывают его письма к Виллеруа король колебался между стремлением к примирению и твердостью, которую он все больше желал себе. Довольно красноречиво говорит об этом его письмо от 5 мая: «Нам следует быть настороже и поторопить нашу кавалерию, так как пехоту всегда можно быстро получить, к тому же у нас уже имеется хороший отряд в Париже… Я не могу больше сносить оскорбления, не желаю ни быть их слугой, ни терять настолько свой авторитет… И, как вы прекрасно передали моему послу в Риме о том, что я говорил вчера или позавчера, я отдаю все свои силы католической религии, которая меня хранит от того, чтобы броситься на них». Эта последняя мысль очень важна: она отражает линию поведения, которую он примет после бегства из Парижа, согласившись благодаря посредничеству нунция на новый и последний договор с Лигой. Но пока не пришли дни, сделавшие его простым «королем Блуа», он заканчивал письмо в сжатом стиле: «Господин де Гиз ни в коем случае не должен являться в Париж без моего разрешения, так как для этого нет никаких оснований». 5 мая в Париж вернулся Белльевр, поскольку его миссия провалилась. Генрих сразу же отправил его к Гизу, чтобы передать категорическое запрещение появляться в Париже, в противном случае «он будет считать его преступником и

зачинщиком волнений и разделения его королевства». Какова ни была форма, в которой Белльевр передал приказ короля, герцог не придал ему никакого значения и приготовился выехать в Париж, чтобы там, за отсутствием миропомазания на трон, получить благословение народа Парижа.

Восстание в Париже. Три триумфальных дня Святого Союза и отступление Генриха III в провинцию (*11 — 13 мая 1588 года*)

8 мая герцог выехал из Суассона, и на следующий день, 9 мая, около полудня приехал в Париж. Его присутствие только сгустило тяжелые тучи, собравшиеся над Парижем. Великий город надеялся на него, как будто он был Мессией. Было бы слишком мало сказать, что Франция была влюблена в него, она «сходила по нему с ума». Пренебрегая защитой короля, Гиз понимал, какой опасности он подвергается. Он решил встретиться с королевой-матерью. Если и не установлено, что она способствовала его возвращению в Париж, то она по-прежнему была готова к переговорам. Разве, кроме всего прочего, у нее не было, как у Гиза, другого врага: д'Эпернона? Она не забыла, что ее отстранили от участия в конференции в Суассоне, так как она хотела появиться там, наделенной всеми полномочиями, в чем король ей отказал! Герцог знал ее благосклонное отношение к Лиге. Она могла послужить ему щитом против короля. Королева-мать жила теперь не в Лувре, а недалеко от Сен-Эсташ. Для встречи с пей ему надо было пересечь часть города. Хотя он низко надвинул шляпу и закутался в плащ, его очень быстро узнали, так как один из его придворных, Фуррон, как бы играючи, снял с него шляпу, говоря, что у входа в гостиницу следует называть себя. Герцога встретили криками: «Да здравствует Гиз! Да здравствует столп церкви!» Всю дорогу до дома Екатерины Гизу пришлось пробираться через восторженную толпу. Карлица королевы смотрела в этот момент в окно и воскликнула: «У дверей герцог де Гиз». Но королева. сочла это шуткой и сказала, что карлицу следует наказать за ложь. «Но в то же' мгновенье. добавляет неизвестный автор этого рассказа, она узнала, что карлица говорила правду. Екатерина была так потрясена, что задрожала от волненья и изменилась в лице». Эго могло быть только от радости. Конечно же, в интересах короля следовало помешать окончательному разрыву между королем и герцогом: «Я рада вас виде гь, сказала она ему, но сделала бы это с большим

удовольствием в другое время». Полная решимости, она посадила герцога в свою карету, рассказывает Жан Шандон, которая доставила их прямо к королю. Предупрежденный Генрих III приказал собрать своих гвардейцев.

Когда Гиз вошел с королевой-матерью, король сидел в комнате своей жены. Гиз глубоко поклонился ему, почти поставив колено на паркет. Генрих III не пошевелился и спросил герцога сухо: «Почему вы приехали?» и упрекнул в неповиновении. По свидетельству того же Шандона (слышавшего это от канцлера Шеверни, свидетеля встречи), Гиз ответил, что об этом его попросила королева-мать. Екатерина согласилась с таким объяснением и сказала, что она позвала герцога, «чтобы он находился рядом с королем, как это было всегда, и чтобы добиться мирного решения всех проблем». Генрих III не поверил ни слову. «Он принял этот ответ, говорит Жан Шандон, за чистую монету», но что еще он мог сделать, если его мать взяла на себя ответственность за приезд герцога, и он не мог упрекнуть его в нарушении приказа? Гиз вышел из Лувра таким же свободным, каким вошел. Толпа горожан ожидала окончания беседы и встретила его восторженными криками.

Г из вышел из Лувра живым и невредимым только потому, что король хорошо обдумал, как себя вести. Когда Виллеруа сообщил ему о приезде герцога, еще до того, как об этом ему передала мать, он был страшно разгневан и сразу же приказал послать за Альфонсо Орнано, корсиканским капитаном, так как только и думал, чтобы покончить со своим врагом. Когда капитан явился, он его спросил: «Если бы вы были на моем месте, что бы вы сделали?» — «Сир, на это есть один ответ: кем вы считаете господина де Гиза, своим другом или врагом?» И, поскольку король ограничился многозначительным жестом, Орнано предложил ему покончить с герцогом. Однако Генрих III предпочел не делать этого.

Но как сложно историку отделить шелуху слов от зерен истины! Это хорошо показывает сравнение между рассказом Л'Эстуаля, который вы только что прочитали, и анонимного автора «Истории дня Баррикад» и депеши Морозини от 10 мая. Главное место в тексте Морозини отводится отношениям короля и герцога с д'Эперноном. Король, узнав, что Гиз собирается в Лувр, приказал спросить его, «не хочет ли он представить Его Величеству жалобу на д'Эпернона, и, если его намерения совсем иные, то он охотно увидится с ним». Герцог ответил, что он «не мастер писать жалобы, его дело быть человеком чести, и что он носит шпагу, чтобы отвечать на нанесенные оскорбления. Такой ответ удовлетворил Его Величество». Совсем иначе представлена

и сцена встречи герцога с королем: когда король вошел в комнату жены, его соперник уже был там, пишет Морозини, «он очень любезно обнял господина де Гиза». Сказав герцогу, что он не должен участвовать в так называемых народных движениях, которые не имеют никаких оснований, король отметил, что «в любом случае хочет удовлетворить его желания», но, любя господина д'Эпернона, Его Величество хотел бы, чтобы герцог так же любил его. Гиз ответил, что из уважения к своему господину он будет любить и его собаку, но «что касается д'Эпернона, он будет вести себя с ним так, как того требует разница в их положении».

После этой первой встречи в течение двух последующих дней Екатерина пыталась примирить короля и герцога. 10 мая она попросила Гиза вернуть пикардийские города, но безуспешно. В тот же день в ее доме встретились король и герцог во второй раз. Встреча была назначена на 4 часа дня. Герцог был пунктуален. Король появился в 4 часа 30 минут. Он еще имел иллюзорные представления о своей силе. Он вновь заговорил о пикардийских делах, и оба собеседника афишировали взаимное удовлетворение. Когда король возвращался в Лувр, герцог сопровождал его с непокрытой головой, хотя король много раз просил его надеть шляпу. В Лувре Гиз присутствовал на королевском обеде и, как главный распорядитель дома, подал салфетку Генриху III. «Казалось, все идет хорошо», — рассказывает свидетель. Но ни тот, ни другой не обманывались насчет себя. После обеда король вновь созвал на совет «но без матери и прочих» Бирона, Белльевра и Ля Гиша и принял решение ввести в Париж швейцарцев и французские полки.

Мера, к которой прибегал король, объясняется осложнением обстановки. Количество сторонников Гиза постоянно росло. К Гизу присоединился грозный архиепископ Лионский, Пьер д'Эпинак, в то время как Балафрэ приказал подойти к Парижу «своим альбанцам и другим войскам». С понедельника 9 мая король приказал Перрезу, офицеру городской охраны, следить за входом в городские ворота и внутренней территорией города. 10-го числа он приказал осмотреть все гостиницы и прочие места, где могли находиться не проживающие в Париже люди.

В среду 11-го числа положение еще более осложнилось. Король, находясь в комнате королевы, «когда увидел входящего Гиза, отвернулся в другую сторону». Вечером по приказу Генриха III Перрез предписал «капитанам и полковникам городских кварталов» нести караул ночью и в таких районах, где этого никогда не делали, например, в Сент-Оноре, у Пти-Пон и других». Однако большинство офицеров не подчинились, за исключением

тех, кто находился на кладбище Инносан и площади Грев. Эти меры были полезны, но далеко не достаточны, так как лояльность большей части буржуа была под вопросом. Король решил выполнить решение Совета, принятое вечером 10 мая, и ввести в город швейцарский полк Галати и французских гвардейцев. Но частичная измена городской охраны делала это мероприятие довольно рис кованным. Из одиннадцати рот, которые должны были находиться у кладбища Инносан, четыре самовольно ушли на улицы Сент-Оноре и де Ферр. Д'Э нашел их около час а утра, делая обход. На его вопрос, почему они покинули с вой пост, они ответили, что волновались за семьи. Д'Э сделал вид, что поверил. Как только он ушел, буржуа разошлись по домам, как и все оставшиеся на кладбище Инносан. По замыслу короля городская охрана собиралась для того, чтобы подготовить приход солдат, но их небольшое желание подчиняться приказам и даже неподчинение не обещали ничего хорошего.

Ранним утром 12 мая эшевен-роялист Люголи приказал открыть швейцарцам и французским гвардейцам ворота Сент-Оноре, после чего они бесшумно добрались до кладбища Инносан, где каждая рота, получила указания, куда ей направляться. При звуках своей музыки они выступили в разных направлениях через пробуждающийся город. Рота французов под командованием Ольфана дю Раста расположилась у Пти Шателе, рядом с мостом Пти-Пон. Рога под командованием Мариво заняла мост Сен-Мишель. Три швейцарских отряда под командованием Крийона заняли Марше-неф (рынок 9) на острове Сите. Гревская площадь была занята четырьмя швейцарскими и двумя французскими отрядами. Остальные расположились у кладбища Инносан. На какой-то момент королевские войска посчитали себя победителями. Утром этого же дня герцог де Гиз направил к нунцию аббата де Сен-Мишель, чтобы сказать, что город подвергается большой опасности, и попросить Морозини встретиться с Его Величеством и увидеть с королем, что «он не хочет быть причиной такого массового кровопролития». Генрих III ответил, что «не собирается никому причинять зла, так как хочет лишь провести проверку находящихся в городе жителей других мест и предотвратить возможный мятеж». Когда нунций спросил, согласилось ли население на ввод войск, Генрих ответил, что когда они вошли, он поставил в известность городские власти. Желая побольше узнать, Морозини пошел к королеве-матери и нашел ее в очень удрученном состоянии. Она сказала, что все решения были приняты без ее ведома, и добавила, что больше не хочет об этом говорить со своим сыном. Складывается впечатление, что, несмотря ни на что, Генрих III хотел лишь

поддержать порядок и остановить своего противника, но не больше. Его ответ нунцию, хоть и не был совершенно искренним, все же доказывает, что он собирался ограничиться одной демонстрацией силы. Но, не ударив сильно и быстро, не выполнив до конца свои намерения, он зажег фитиль, за которым последовал взрыв.

Увидев, что королевские войска заняли стратегические точки города, парижские власти решили, что нужно реагировать. Первым поднял восстание район Университета. Проповедники поднимали на бунт школьников, Буше призывал к святой войне студентов колледжа Форте. Видя такое сопротивление, Крийон решил занять площадь Мобер, но получил приказ ничего не предпринимать и даже был вынужден снять пост у выхода в предместье Сен-Северен. От Университета до Пти Шателе мятежники сооружали баррикады, блокируя все входы и выходы из района. Швейцарцы на острове Сите тоже оказались блокированы действиями буржуа на улицах Нев-Нотр-Дам и де ля Каландр.

По городу поползли самые безумные слухи о намерениях короля. По примеру Сите весь Париж покрылся баррикадами.

К 9 часам утра большая часть населения вооружилась и заняла боевые позиции. Король и герцог стояли друг перед другом, подобно Гамлету и Полонию. До полудня казалось, что у короля более выигрышное положение. Но очень скоро соотношение сил изменилось не в его пользу. Пока Гиз осмотрительно оставался у себя, дворяне, присоединившиеся к нему в Париже, по его приказу смешались с волонтерами Лиги. Так граф де Бриссак и капитан Сен-Поль сыграли решающую роль в успехе восстания. Над первым Генрих III посмеялся после его поражения на Азорских островах. И он горел желанием отомстить королю за насмешку. Встав во главе мятежных отрядов Университета, он захватил перекресток Сен-Северен и был автором решающих операций. Солдаты, шутившие над приготовлениями парижан к обороне, оказались запертыми со всех сторон. Теперь весь город поднялся против короля. Напрасно маршалы де Бирон и д'Омон клялись своими головами, что ни один волос не упадет с голов мирных граждан. Капитаны, доверенные Гизов, отвечали, что «политикам» нельзя верить: королевские войска пришли захватить дома парижан, разграбить их имущество, надругаться над их женщинами.

Узнав о размахе мятежа, Генрих III был поражен. Окруженный в отсутствие д'Эпернона советниками, которые рекомендовали проявлять осторожность, он решил — и может быть, правильно — не принимать вызов. Его отвращала сама мысль о том, что

придется пролить кровь своих подданных. Людовик XVI, на свою беду, поступил так же, как он, 10 августа 1792 года. Но тот, кто отказывается от шпаги, теряет скипетр. 12 мая 1588 года правило феодалов еще раз подтвердилось. Генрих III оставил свои войска с опущенным оружием. Деморализованные, не получающие никаких приказов, солдаты оказались в ловушке. Осмелевшие жители Сите решили и на следующую ночь не пропускать через свой квартал войска, о чем сообщили швейцарцам на Марше-неф. Французские солдаты у моста Пти Пон и Сен-Мишель уже не были уверены в своих тылах. Их осадили сторонники Лиги. Мариво на мосту Сен-Мишель капитулировал и присоединился к швейцарцам. Бриссак воспользовался этим, чтобы войти в Пти-Шателе и оттеснил отряд Ольфана дю Гаста на Сите, превратившийся в западню. Будет ли король, как народ, сражаться до конца? Король был скорее миролюбивым человеком, чем воинственным, да и не все буржуа были зачинщиками волнений. Они направили к нему депутатов с требованием отозвать войска, на что он согласился. Впрочем, еще до получения его приказа французы и швейцарцы на Марше-неф согласились уйти по улице Нев и мосту Нотр-Дам, с Мариво во главе, дю Гастом в хвосте и швейцарцами в середине. Им расчистили проход через баррикады. Из недоверия или осторожности фитили их аркебуз были зажжены. Им крикнули, чтобы они их потушили, но они отказались. Однако когда они проходили но мосту Нотр-Дам, рассказывает анонимный сторонник Лиги, «выстрелом из аркебузы был убит один портной, и все решили, что этот выстрел сделал кто-то из солдат». Этого было достаточно, чтобы мятеж вспыхнул с новой силой. Многие солдаты были убиты. Кое-кто снимал шляпу и кричал, что он истинный католик. Постепенно сторонники Лиги успокоились и смилостивились, однако заставили солдат вернуться на Марше-неф.

Не лучшим было положение войск на площади Грев и у кладбища Инносан. В отличие от Луи XVI, который ограничился приказом швейцарцам прекратить бой, бросив их на произвол судьбы, Генрих III чувствовал ответственность за кровь своих солдат. Он решил обратиться к Гизу, чего бы ему это ни стоило, чтобы спасти их. Это была единственная возможность избежать кровопролития. По-прежнему оставаясь у себя, герцог немедленно откликнулся на призыв короля. Послание короля пришло около 3 часов. Около 4 часов герцог вышел из дома в белом плаще, держа шляпу в руке, без оружия. Перед ним шли два пажа, один нес его шпагу, другой щит. Ему расчистили путь через баррикады, и он прошел до кладбища Инносан, где освободил Бонуврие и его

солдат. После этого вернул свободу солдатам с площади Грев и Марше-неф, где швейцарцы опускались на колени и протягивали к нему руки. Французские гвардейцы прошли мимо него с непокрытыми головами. Затем капитан Сен-Поль с хлыстом в руке, как будто вел стадо животных, открыл проход для отступающих. Выполнив свою миссию, Балафрэ направился к себе, вновь под восторженные крики «Да здравствует Гиз!». Казалось, рассказывает Л'Эстуаль, ему это не нравилось, и он несколько раз предлагал крикнуть «Да здравствует король». Некоторые при виде герцога выражали то, о чем пока молчал он сам: «Не будем больше медлить! Надо вести Монсеньора в Реймс!»

Итак, день 1 мая прошел без основного сражения, но это было временное положение вещей. Король и Лига были в полной боевой готовности. Генрих III собирал войска вокруг Лувра. Парижане стояли на баррикадах и увеличивали число повстанцев даже вокруг Лувра. Более того, Лига отбила у королевских войск городские ворота, за исключением ворог Сент-Оноре и Неф. Благодаря Господу, и, несомненно, благодаря Гизу, все успокоилось, но король не мог признать свое поражение.

В среду 13 мая город был еще более взволнован, чем накануне. Бриссак с трудом удержал школьников Латинского квартала, которые с тремя докторами теологии во главе, хотели покончить с братом Генрихом Валуа. В такой критической обстановке королева-мать еще раз сыграла важную роль. Когда утром она пожелала как обычно послушать мессу в Сент-Шанель, она обнаружила, что улицы перекрыты баррикадами, и была вынуждена добираться туда пешком через проделанные для нее проходы, которые сразу же закрывались за ней. Вернувшись, петеле преодоления таких же препятствий, она расплакалась. После полудня, на последнем Совете в Лувре она единственная придерживалась мнения, что Генрих III должен оставаться в Париже. Затем она направилась к Гизу, надеясь заключить с Балафрэ договор, подобный соглашению в Немуре. Однако очень быстро она поняла, что ничего у нее не выйдет, подозвала к себе сопровождавшего ее секретаря Пинара и на ухо сказала ему, чтобы он шел в Лувр и передал королю, что ему следует покинуть Париж. Но когда секретарь вернулся во дворец, короля там уже не было. Около 5 часов дня один из верных людей короля пришел сказать ему, что он должен уйти один или он пропал. Прежде чем король принял решение, к нему попало письмо Гиза к правителю Орлеана, которое рассеяло все его сомнения. Только отъезд короля, ускользавшего от расставленных сетей, мог лишить герцога де Гиза окончательной, как он считал, победы. Генрих III

«вышел из Лувра пешком, будто прогуливаясь, с палочкой в руках». Придя в Тюильри, где располагались его конюшни, король сел на коня. Его примеру последовали все те, кому удалось прорваться сквозь окружение. Сидя верхом, король обернулся к городу, бросил ему проклятие, сказав, что вернется в него только через пробитую в стене брешь. По словам анонимного автора, прежде чем покинуть столицу, Генрих III воскликнул в слезах: «Неблагодарный город, я любил тебя больше, чем свою жену!» В сопровождении своих придворных и советников, он уехал из Парижа под охраной швейцарцев и французских солдат. Проехав через Порт-неф, он направился к Сен-Клу. В кортеже короля были герцог де Монпансье, единственный роялист из Бурбонов, маршалы де Бирон и д'Омон, Франсуа д'Э, канцлер Шеверни, государственные секретари Виллеруа и Брюлар, Белльевр, кардинал де Ленонкур и адвокат короля в Парламенте Жак Фэ. Перейдя Сену, отряд остановился перекусить в Траппе, переночевал в Рамбуйе и 14 мая прибыл в Шартр.

По иронии судьбы Генрих Валуа второй раз бежал из своей столицы. В первый раз он сделал это, чтобы поменять корону Польши на корону Франции. Второй раз — чтобы сохранить ее. Генрих III оставлял Париж повстанцам, чтобы легче было сражаться с ними, сохраняя при этом личную свободу. В отличие от Луи XVI, Генрих III понял, что ни в коем случае не следует оставаться пленником парижан и герцога де Гиза. По мнению Л'Эстуаля, урок «трех триумфальных дней Святого Союза» заключается в том, что «оба Генриха вели себя как два осла, один, не решившись доделать то, что задумал, имея для этого все возможности, другой — упустив попавшего в капкан зверя».

Балафрэ, действительно, упустил такую возможность, которая уже больше не представится. Сделал ли он это намеренно? Анонимный сторонник Лиги утверждает, что на просьбу Лиги помешать королю покинуть Париж герцог ответил, что это его король, и он имеет полную свободу идти куда-то или оставаться на месте, как ему захочется. Действительно ли были произнесены эти слова? Если так, то были ли они искренними? Для амбициозного и реалистичного Генриха де Гиза бегство короля было не решением вопроса, а поражением. Историк Давиля приписывает ему еще одно выражение, которое лучше отражает положение, не становясь от этого более правдоподобным. Королева-мать и Гиз еще были вместе, когда им сообщили об отъезде короля. «Мадам, — воскликнул герцог, — я погиб!» Примерно через 7 месяцев, 23 декабря 1588 года, Балафрэ, действительно, должен пасть смертельно раненным по приказу короля, в замке Блуа. Но в тот момент главным

человеком, получившим выгоду от трех дней триумфа Святого Союза, был Филипп II, который, находясь на вершине своего могущества (как он полагал), собирался к концу мая увидеть Непобедимую Армаду у берегов Англии.

Последнее примирение Генриха III и герцога де Гиза. Эдикт союза

«Слава Господу! Я сбросил иго!» воскликнул Генрих, выехав из Парижа, рассказывает Кавриана. Он же передает, что перед отъездом король побывал у капуцинов и сказал им: «Молитесь за меня Господу, так как я ухожу, чтобы не стать пленником». 18 мая нунций сетовал, что «королевство погружается в пучину», а тосканский врач вздыхал: «У нас два короля и неизлечимый раскол». Однако следовало собрать разделившихся. К счастью, Екатерина и королева Луиза остались в Париже, готовые вмешаться, опираясь на поддержку Морозини, также оставшегося в столице. Своим отъездом Генрих III переиграл Балафрэ. «Я мог бы тысячу раз его арестовать, четыре дня спустя писал герцог своим сторонникам, но Господу не понравилось бы, если бы я когда-нибудь и подумал об этом». Тем не менее такое публичное заявление плохо скрывало подлинную линию поведения Гиза.

В середине мая расстановка сил в Европе, борьба между Испанией и Англией не давали ему возможности захватить власть. Армада еще не покинула берегов Испании. Это объясняет то, почему но приезде в Париж герцог пошел к королеве-матери. Он знал, что, несмотря ни на что, она готова помочь ему, что ей и предстояло сделать, в последний раз способствуя соглашению между руководителем Лиги и Генрихом III, так как между двумя королями — Шартра и Парижа — начинался новый этап борьбы. Чтобы выиграть его, Гиз поспешил стать полновластным хозяином столицы. Желая показать, что только Генрих III был причиной возникновения баррикад, он приказал разобрать их. Уже 14 мая в Париже не осталось никаких следов волнений. Во избежание любых выступлений в защиту короля, герцог запретил первому президенту де Арле собирать Парламент. Этот человек отказался подчиниться приказу, и Гиз попросил помощи у королевы-матери, которая передала приказ в магистрат.

В тот же день 14 мая Гиз заставил подчиниться Бастилию, 18-го числа — замок в Венсене и Арсенал. Перрез и другие эшевены были сняты с должностей и брошены в тюрьму. 18 мая были организованы революционные выборы с «компанией добрых католических буржуа», вместо 77 традиционных избирателей,

причем голосовали вслух. Ля Шапелль-Марто, рьяный сторонник Лиги, стал преемником Перреза. Весь состав нового муниципалитета отдавал свои симпатии Лиге. Шевалье дю Ге, Лоран Тетю, был заменен членом Святого Союза Конжи. Вместо Рапена Ля Морлиер стал прево королевской резиденции. Ля Брюйер-сын стал гражданским лейтенантом, Бюсси-Леклерк был назначен управляющим Бастилией. Все капитаны городской охраны, назначенные Генрихом III в 1585 году, были смещены и заменены на людей из низких сословий, полностью преданных Лиге. Герцог хотел действовать при поддержке Совета Союза и городской ратуши. В день своего вступления в должность новые городские власти разослали во все католические города циркуляр, в котором рассказывали, как народ спас свою свободу и религию, приглашая их присоединиться к Парижу. Письма Гиза к буржуа других городов призывали их воспользоваться предоставившимся случаем для спасения веры.

Гиз умышленно говорил о своем желании служить королю. Его поступки, но не слова, были действиями мятежника. Он хорошо понимал, что Лига не станет хозяйкой страны, если не получит монарха. Тогда она могла бы править от его имени. Уступая желанию Екатерины, герцог отправил в Шартр депутатов от Парламента, чтобы принести королю заверения в уважении и покорности. Со своей стороны, Гиз отправил королю письмо, в котором называл себя нес частным человеком из-за несправедливых подозрений на его счет. Он настаивал, что приехал в Париж, рискуя жизнью, с чистыми намерениями, чтобы победить недоверие короля. Он напоминал о том, сколько сделал для разрядки напряженности, чем доказал, насколько он далек от заговоров и интриг, приписываемых ему его врагами. В заключение он даже сетовал, что «внезапный отъезд лишил меня возможности устроить все для полного удовлетворения Вашего Величества… Я надеюсь своими поступками доказать это стремление, так что Ваше Величество сочтет меня верным подданным и полезным слугой, и завоевать Ваше расположение, думая только о благополучии Вашего королевства».

В то время, пока герцог де Гиз подписывал эти лживые заверения, король информировал о происшедшем правителей провинций. Рассказав о волнениях в Париже, он давал понять, что их вдохновителем был герцог де Гиз, что он сам безуспешно пытался успокоить восставших, но, оказавшись в угрожающем положении в Лувре, предпочел покинуть Париж, нежели сражаться с жителями дорогого ему города. В заключение он просил правителей и всех своих добропорядочных подданных содействовать тому, чтобы волнения не распространились по

всему королевству. Письмом от 15 мая он хотел показать парижанам, что никогда не имел по отношению к ним никаких враждебных намерений, что их обманули. Он воздержался от того, чтобы говорить о герцоге де Гизе, и в заключение просил их «держаться твердо, в союзе с нами». В качестве компенсации король открыл свои мысли маркизу де Пизани в письме от 18 мая. В нем он детально описывал события в Париже и называл виновником случившегося герцога де Гиза. Однако в личном письме Сиксту V он не стал называть Гиза, но с не меньшей силой высказался относительно его политики, разоблачая тех, «кто свои амбиции соединил с религией… Поняв, в какой крайней ситуации я оказался, вы не найдете странным, что я решился на крайние меры». Таким образом он давал понять, что собирается покончить со своим врагом. 18 мая нунций Морозини высказался в том же направлении, что и король: «Есть опасения, что герцог де Гиз задумал совсем другое, чем то, о чем он говорит». Он писал также, что «неизвестно, чего ожидать, так как наиболее посвященные члены Лиги признали, что приезд герцога де Гиза в Париж имел целью захват короля, поскольку последний не способен управлять королевством, а также формирование Совета из наиболее видных дворян и офицеров королевства, который осуществлял бы правление, а король удалился бы в монастырь и стал бы монахом или, по крайней мере, жил, не вмешиваясь в государственные дела». Желая иметь чистую совесть, Морозини имел долгую беседу с Гизом и Пьером д'Эпинаком, о чем послал отчет в депеше от 18 мая. По словам его собеседников их единственной целью была защита католической веры и искоренение ереси. «Хорошо! сказал им Морозини. Вы хотите проводить в жизнь эту цель, отделившись от короля, или оставаясь верными ему? Но без короля, как вы знаете, невозможно сражаться с гугенотами». Гиз и д'Эпинак по-прежнему придерживались своих слов. Морозини продолжал: «Поскольку вы признаете невозможность сохранения в королевстве католицизма, без уничтожения еретиков и невозможность вести против них войну без содействия короля, следует, если вы действительно стремитесь к этому, согласиться с необходимостью объединения с Его Величеством; в противном случае, если он будет изолирован, он сблизится с протестантами… С этого момента члены Лиги должны примириться с королем, Париж должен принести свои извинения, а его жители заявить о том, что не хотели разгневать его, а просто пытались сохранить старое право защищать самих себя». Венецианец хорошо определил условия примирения короля с Лигой. Обратившись к Гизу, он показал ему две альтернативы: «Что касается меня, то я предпочел бы быть герцогом де Гизом,

окруженным знаками почитания, чем тираном королевства, нарушившим клятву верности своему королю. Герцог должен выбрать между этими двумя ролями: первая более почетна, вторая низка». Оба представителя Лиги стали защищаться: «Король слишком разгневался. Рано или поздно он будет мстить». На следующий день д'Эпинак пришел к Морозини: «Герцог де Гиз долго размышлял над вашими словами, и, согласно вашему совету, он пошлет королю написанное мною письмо». Это было письмо, датированное герцогом 17 мая, о котором уже шла речь выше.

Осложнения, с которыми столкнулась Лига, были не меньше их требований. Первые толкали их на примирение с королем. После делегации от независимых дворов в Шартр прибыли другие посредники, от духовенства. Зная пристрастие короля к капуцинам, направили туда и их делегацию. Они пустились в дорогу, представляя в натуре мучения Христа. Бывший фаворит Анри дю Бушаж, ставший братом Анжем, играл роль богочеловека, и проделал весь путь, согнувшись под тяжестью креста. Генрих III принял их хорошо, но ни в чем не уступил. Новые городские власти Парижа решили не рисковать собой в Шартре и ограничились письмом, которым утверждали свою верность и повиновение. Однако последнее зависело от согласия короля принять условия Лиги. А они были суровыми. Король должен был одобрить события в Париже, проявить незаинтересованность в выборе магистратов города, пересмотреть королевские счета, снизить налоги, снять со всех должностей д'Эпернона и Ля Валетта, наконец, возобновить войну с гугенотами в Гюйенне, где ему окажет помощь герцог де Гиз, в то время как герцог де Майен должен уехать в Дофинэ. Узнав об этом ультиматуме, Морозини воскликнул: «Требовать одновременно столько трудновыполнимых вещей — значит отнимать у короля всякую надежду объединения с католиками и толкать его в руки еретиков».

Предоставив своему брату кардиналу защищать эти требования перед Морозини, Балафрэ предпочел на время исчезнуть, настоятельно попросив королеву-мать поехать к королю. Только она могла говорить ясно и громко в присутствии д'Эпернона. Но осторожная Екатерина почувствовала ловушку и предпочла остаться. Вместо нее докладную записку повез один из курьеров Лиги, господин де Менвилль, на этот раз в сопровождении эшевенов Парижа. Генрих III принял депутатов со своей обычной любезностью и отослал их назад, сказав, что ответ они узнают от королевы-матери. Его привез Марк Мирон, первый врач короля, наделенный полномочиями вести переговоры.

Екатерина и ее Совет не стали сразу сообщать послание: если почти на все пункты король давал надлежащий ответ, то он хранил молчание относительно судьбы д'Эпернона. Королева хотела помочь Лиге и одновременно устранить д'Эпернона и Ля Валетта.

Но если королева-мать была готова капитулировать перед Лигой, то Лига ждала от короля согласия на все ее требования. Главным пунктом оставалась полная опала д'Эпернона. Об этом передали Морозини, который спросил Гиза, согласится ли он сражаться с королем Наваррским. Получив утвердительный ответ, нунций выехал 3 июня к Генриху III, остановившемуся в имении герцога Феррарского, в замке Вернон. Встреча прошла очень сердечно. Король казался тронут заботой о нем папы, в чем старался уверить его Морозини. Напомнив, что он решился уехать из опасения, что Бриссак с людьми из Университета нападет на Лувр и захватит ворота Порт-неф, Генрих III выразил веру в то, что другие христианские принцы, и в первую очередь папа, не покинут его в таком справедливом деле. «Несмотря на крайние обстоятельства, — говорит нунций, — король сохранял хладнокровие. Он носил на боку кинжал, чтобы пронзить им грудь любого, кто придет его арестовать, уверенный, что умрет следом за ним. Однако он не хотел принимать никакой помощи от еретиков. Более чем когда-либо он настроен вести с ними войну». Нунций мог быть только доволен таким настроением монарха. Лига была гораздо менее сговорчива, и потребовалось еще некоторое время и другие переговоры, прежде чем было достигнуто соглашение, чему немало способствовала общая обстановка в Европе. В отличие от своей матери, которая считала неизбежной победу Испании над Англией, что вынудило бы подписывать на любых условиях мир с Лигой, так как она была на службе у Филиппа II, — Генрих III делал ставку на поражение испанцев. Информированный лучше Екатерины, он поделился в Шартре своим мнением с послом королевы Елизаветы. Он знал, какой опасности подвергнется Армада, и точно оценивал возможности обороны Англии. Если король видел выгоду в подписании договора, который сделал бы недействительным поражение Испании, сторонники Лиги, уверенные в ближайшей победе Филиппа II, еще больше месяца упрямились. После многочисленных переговоров между Парижем и Руаном, где тогда остановился Генрих III, договор был наконец подписан вечером 15 июля королевой-матерью, кардиналом де Бурбон и герцогом де Гизом. На следующий день Виллеруа повез в Руан текст Эдикта Союза, который король немедленно подписал. Парламент зарегистрировал его 21 июля 1588 года.

Почти по всем пунктам Эдикт Союза повторял статьи Немурского договора. Король обязывался никогда не заключать мир с еретиками. Он сам и его подданные должны были поклясться, что никогда не примут королем принца-еретика. Все те, кто откажется присоединиться к «данному Союзу», будут обвинены в оскорблении Его Величества. Король амнистировал все события 12 и 13 мая. В секретных статьях король обязывался опубликовать каноны Совета Тридцати, оставлял за католическими принцами города, переданные им по Немурскому договору, лишал д'Эпернона правления в Булонь-сюр-Мер, обещал продать имущество еретиков, а также дать средства на содержание полков Сен-Поля и Сакремора, гарнизонов Гуля, Вердена, Меца и Марсаля. Он также ратифицировал все изменения в составе городских властей и охраны Парижа. Официальными письмами от 4 августа Гиз назначался генералиссимусом королевской армии с титулом генерал-лейтенанта. Став официальным наследником, кардинал де Бурбон получил право называть главного мастера каждой профессии во всех городах королевства, и его офицеры получили те же привилегии и иммунитет, что и у короля. Кардиналу де Гизу был обещан Авиньон, д'Эпинаку Со и Немуру правление в Лионском районе.

Вторым человеком, побежденным на баррикадах после короля, был д'Эпернон. Тог, о ком Кавриана писал 23 мая: «Все презирают его и проклинают как чуму королевства», находился в Кане, когда узнал о парижских событиях. 20 мая он приехал в Шартр и понял, что придется идти на уступки. Он отдал королю свои грамоты на правление в Нормандии и на должность адмирала. В Руане его сменил герцог де Монпансье, а его браг Бернар де Ля Валетт стал адмиралом. Но Лига требовала полной опалы обоих братьев. Проведя в Шартре две недели, д'Эпернон решил предоставить королю свободу действий и уехал в Лош. Он приехал туда 4 июня и решил наблюдать за событиями. На следующий день после подписания Эдикта Союза, Генрих III направил в Лош Мирона, чтобы передать ему, что он оставляет за ним правление в Ангумуа и Сентонже, а за его братом в Провансе, но оба он и должны отказаться от остальных своих должностей. Д'Эпернон отказался подать в отставку. Но больше всего его задело запрещение появляться при дворе. С этого момента он стал беспокоиться о своей безопасности. Мирон приехал в Лош, вероятно, 24 июля. 27-го числа д'Эпернон въезжал в Ангулем, чье неприступное положение могло послужить прекрасным убежищем. И вовремя: после полудня курьер привез мэру города, правда с опозданием, запрет принимать кого бы то ни было.

Фанатичный сторонник Лиги, мэр Ангулема Норман решил устроить для своего правителя засаду и отправил своего сводного брата Суше ко двору. Принятый Виллеруа и Генрихом III, он представил такое положение, будто герцог собирается присоединиться к гугенотам. Монарх знал непримиримый характер своего бывшего фаворита. Суше пообещал захватить его и привести к королю. Без сомненья, Генрих III дал уговорить себя Виллеруа, который хотел отомстить герцогу. Но задуманное дело провалилось из-за бдительности слуг д'Эпернона и его упорного сопротивления: через два дня осады замка его освободил отряд, пришедший на помощь из Сенга (10–11 августа). При этом Норман расстался с жизнью, а герцог и город заключили сделку: все были спасены, и все было забыто. Не присутствуя на собрании Генеральных Штатов в Блуа, д'Эпернон почувствовал возрождение своих надежд после смерти Гизов, но ему предстояло ждать апреля 1589 года, прежде чем Генрих III решился вернуть его к себе.

Долго ли продержится новое перемирие, стоившее максимальных уступок короля и опалы его фаворита? Просуществует ли оно дольше, чем Немурское соглашение? С 7 июля 1585 года по 13 мая 1588 года прошло два года и чуть больше 10 месяцев. Между датой заключения Эдикта Союза (21 июля) и трагедией в Блуа 23 декабря 1588 года пройдет лишь пять с половиной месяцев, что явно доказывает нарастание драматического напряжения в стране. Но перед финальным актом актеры политического театра продолжали разыгрывать роли и после подписания Эдикта Союза.

Министерская революция 8 сентября 1588 года

Пока договор, над которым неустанно трудился Морозини, оставался неуточненным, герцог и король продолжали наблюдать друг за другом. Несмотря на настоятельные просьбы Мендозы, герцог отказался направиться в Шартр, но завладел Сен-Клу, Меланом и Корбейем, в то время как король также поступил с Мантом. Кардинал де Гиз вошел в Труа и полностью сменил состав городского муниципалитета на сочувствующих Лиге. Его брат готовился осадить Мелен, когда вмешался эдикт. Возмущенный осложнениями, чинимыми сторонниками Лиги, король делился с Пизани своим нетерпением в письме от 4 июля. Принимая предложение папы в помощи через его посла, Генрих III хотел, чтобы Морозини получил такие полномочия: «Мне нужен мир не позднее 3 недель или месяца, в противном случае я

атакую этих людей всем, чем имею». Заключив договор, он поспешил заверить Пизани, что начнет войну с еретиками, воспользовавшись помощью герцогов де Гиза и де Майена. В письме к кардиналу Монтальто Балафрэ восхваляет «доброту и осторожность короля, который в этом последнем акте проявил свое святое усердие в укреплении нашей католической веры». Совершенно иное он говорил Мендозе, сожалея, что во время волнений не смог исполнить задуманного. Но, поскольку обе стороны не были уверены в будущем, они продолжали носить маски. 29 июля новый муниципалитет Парижа выслал своих представителей в Шартр, чтобы продемонстрировать свое повиновение королю, где тот снова был проездом. Делегация безуспешно просила его вернуться «в его добрый город Париж». 1 августа это же путешествие проделали королева-мать, герцог де Гиз, кардинал де Бурбон, архиепископ Лиона и многие другие дворяне. Генрих III вел себя так, будто ничего не произошло. Когда Гиз преклонил колено, король поднял его и дважды поцеловал.

Главный автор договора, нунций Морозини, тоже приехал в Шартр. Будучи свидетелем встречи короля и руководителя Лиги, он был растерян: «Я не знаю, отвечают ли их сердца на эти поцелуи». В свою очередь, Гиз тоже спрашивал себя об отношении Генриха III в своем письме к Мендозе. О чем шла речь? О «крайней скрытности» или об «удивительных изменениях и новом мире»? Перед отъездом в Шартр Гиз объяснил Мендозе его причину, несмотря на многочисленные опасности, которые его поджидали, так как «единственная опасность для него будет существовать в кабинете короля, где он будет принят в одиночестве и где принц будет иметь прекрасную возможность приказать напасть на него специально подготовленным для этого людям». Предвидение герцога было пророческим, поскольку оно осуществилось 23 декабря.

В тот момент, когда происходили вышеупомянутые встречи в Шартре, испанский флот уже показался в виду французских берегов. Но на высоте Гравелин, на отмелях Фландрии его застала буря. Оставшись без мачт, испытывая нехватку продовольствия, преследуемый кораблями адмирала Дрейка, флот Медины Сидонии без проводника и карты не имел другого варианта возвращения в Испанию, кроме кружного пути с севера вокруг Британских островов. Медина Сидония потерял 63 корабля и около трети личного состава. Письма герцога де Парме, сообщающие о провале предприятия, от 10 августа, дошли в Мадрид только после сообщений Мендозы. Узнав о несчастье, постигшем испанский флот, Генрих III сделал вид, что сожалеет о

провале экспедиции, предпринятой во имя веры. В действительности он мог только радоваться, так как это было значительное поражение Испании и ее союзника Лиги.

1 сентября Генрих III в сопровождении своей матери, Генриха де Гиза и всего двора прибыл в Блуа, где по его приказу были созваны Генеральные Штаты. Едва успев приехать, король принял меры, удивившие всех: 8 сентября он приказал канцлеру Шеверни, сюринтенданту Помпоне де Белльевру и государственным секретарям Виллеруа, Брюлару и Пинару удалиться к себе в имения и больше не показываться при дворе. Королевский приказ был корректным и сухим. Генрих III указал только, что хочет сам заниматься своими делами, и он принимает это решение для блага государства. Виллеруа не было при дворе, но. как и остальные, он получил письмо, содержание которого нам передает Кавриана: «Виллеруа, я остаюсь очень доволен вашими услугами; однако возвращайтесь к себе и оставайтесь гам до тех пор, пока я не позову. Не старайтесь найти причину моего письма, просто выполняйте». Опальных министров сменили люди, не связанные ни с какой партией. Известный адвокат Франсуа Монтон стал начальником охраны в Со. Ответственные администраторы Болье, Рюзе и Револь заменили государственных секретарей. Чтобы лучше скрыть свои намерения, король ввел в состав Совета двух высокопоставленных членов Лиги, Пьера д'Эпинака и Клода де Ля Шатра. Д'Обинье, Пьер Матье и Пальма-Кайе в их «Историях» высказались за то, что таким образом Генрих отделался от сторонников короля Наваррского. Руководители Лиги знали, насколько король непостоянен в своих симпатиях, и решили, что речь идет о простой смене лиц, а не системы. Только королева-мать догадалась об истинной подоплеке этих изменений. Она поняла, что опала министров означала конец ее власти. Генрих III не мог простить Екатерине то, что она помирила его с победителем баррикад, а своим министрам то, что они посоветовали ему пойти на уступки.

Первое заседание Штатов было предусмотрено на 15 сентября, но затем отложено на месяц. Король воспользовался этим, чтобы по мере прибытия депутатов принять их и заручиться их поддержкой против Лиги. Но Гиз опередил его и послал своих эмиссаров в провинции. 5 сентября он писал Мендозе, что благодаря принятым мерам «большинство депутатов будет за нас». Считая, что на ассамблее необходимо его присутствие, он передал командование армией в Пуату герцогу де Неверу. Папа не испытывал иллюзий в отношении пользы Штатов: «Принцы тоже будут там и не принесут нужной пользы». В Блуа собрались все руководители Лиги, за исключением герцога де Майенна.

Этот легат, подчиняясь инструкциям, ходил от короля к герцогу, стараясь поддержать хрупкое согласие. Король имел только хорошие намерения по отношению к герцогу, Гиз не переставал публично заверять его в своей верности. Умные люди не принимали эти заявления за чистую монету. В Блуа царила неустойчивая атмосфера, готовая ухудшиться из-за любого пустяка. 24 сентября Кавриана признавал: «Этот двор полон подозрений и опасений. Все ждут чего-то, но никто не знает чего и от кого». Кто будет жертвой, король или герцог? Без сомнений, глава Лиги подвергался большей опасности. Но как узнать, откуда она угрожает? Балафрэ держался настороже. 21 сентября он писал Мендозе, который остался в Париже и отправил в Блуа командора Морео, чтобы поддерживать связь с Муциусом: «Со всех сторон приходят предупреждения, что мне угрожает опасность. Благодаря Богу, я готов встретиться с ней. Если что-то начнется, то я поступлю еще более сурово, чем в Париже». Чуть ниже он добавлял: «Вы не поверите, к чему здесь прибегают, чтобы помешать планам Его католического Величества, как открыто радуются небольшой пользе от его морской армии». Это подтверждает то, что изменения в политике, объявленные министерской революцией 8 сентября, не имели бы места без неудачи Непобедимой Армады. Не только в Блуа сторонники Гиза опасались за свою жизнь. 13 октября Мендоза рассказывал об этом Филиппу II: «Они сами предупредили меня, что если король пойдет на крайности против Муциуса, они немедленно призовут Жакобо (Майенна) и встанут под защиту Вашего Величества».

Таковы были умонастроения людей перед открытием сессии Генеральных Штатов. Каким видел ближайшее будущее Генрих III, от которого зависел ход событий? Лучше всего это показывает его письмо к кардиналу де Жуаезу в Рим. Хотя оно датировано 16 мая 1588 года, в нем прослеживается линия поведения, на которой он остановился после провала своих попыток вернуть в лоно церкви Генриха Наваррского: «Мой кузен, предупреждение, которое вы мне послали в ваших письмах от 18 апреля, о приезде в мой город Париж моего кузена герцога де Гиза и о его намерениях, подтвердилось последовавшими событиями… Сегодня я хочу, чтобы вышеназванный герцог де Гиз объявил, кем он хочет быть, моим слугой или моим врагом. Если он мне подчинится и будет мне служить, как тому надлежит, я ему докажу, что для меня важнее личных соображений общественное благо моет королевства и сохранение католицизма. Но я хочу дела, а не слов. Если он откажется повиноваться, я пойду на все, чтобы защитить и сохранить мой авторитет и мое государство, что бы ни случилось». В этом решении уже сквозила трагедия 23

декабря. Она произошла, потому что герцог повел себя как открытый враг короля, а не как его верный слуга. Этой трагедии предшествовали маневры, которым предавались Генрих III и глава Лиги во время сессии Генеральных Штатов.

Глава четвертая
Второй созыв Генеральных Штатов в Блуа. Победа монархического права и первое цареубийство
(16 октября 1588 года — 1 августа 1589 года)

Неизбежный разрыв между королем и народом

Примирение враждующих сторон было лишь внешним. События 23 декабря покончили с ним самым грубым образом. Пролитая кровь Гизов рассеяла всю ложь. Большинство населения страны почувствовало к Генриху такую ненависть, подобную которой испытали роялисты два века спустя к условным цареубийцам. Разрыв между королем и основной массой населения наметился в конце 1588 и начале 1589 года, в ситуации, не имевшей прецедента. Законному королю предстояло оказаться вне закона по решению толпы его подданных, возможно, даже большинством их. Теми же французами отвергался законный наследник на престол. Оказавшись врагами народа, они будут вынуждены объединить против него значительные военные и финансовые средства, опираясь на самую могущественную нравственную силу того времени, католическую церковь. Поддерживаемый отрядами верующих и новыми приказами, папа бросился в самую гущу событий, превратившихся в некое подобие крестового похода. Разве речь шла не о том, чтобы покончить с ересью?

Нет ничего удивительного в том, что почти исчезнувший старый феодальный дух вновь возрос и укрепился. Возродились старые идеи средневековья. Так, города без статуса коммуны тоже захотели стать свободными и независимыми. Провинции, до которых еще не дотянулась рука короля, хвалились контрактами, которые связывали их с королем, и громко требовали свободы. С этим прошлым, пытающимся возродиться и напомнить свои права, прекрасно сочетаются недавние идеи гуманистов Возрождения и религиозной революции. С точки зрения Возрождения короли созданы для народов, а не наоборот. Эта теория не нова, так как Бургундия, как и Бретань, согласилась объединиться под одной короной только при посредстве двусторонних обязательств. Но революционным является тезис о

договоре, представляющем ценность для всего народа. Его источником является исписанный акт, который юристы называют молчаливым «квазидоговором», принятый всеми, и который, как утверждают, лег в основу отношений между правительством и его подданными. Сформулированный сначала протестантскими полемистами, апостолами свободы сознания, защитниками преследуемого религиозного меньшинства, он послужил затем для оправдания позиций католического большинства и позволил ему навязать с: вои взгляды кандидатам в правительство страны. Король не может исповедовать какую-либо другую веру, кроме католической, потому что так хочет подавляющее большинство жителей королевства. И если ничто не может ограничивать власть большинства, то почему, в случае крайней необходимости, не избавиться от «тирана»? Разве классическая античность не дает нам примеров того, как гибли тираны? Как в XVI веке, все, что кажется новым, принимается только со ссылкой на прошлое. Так, революционный кризис эпохи Генриха III еще более обостряется, увязанный с династией Капетингов в целом. По странному парадоксу Лига, которая, казалось, собиралась отбросить божественное право королей, воздавала почести этому уже считавшемуся устаревшим принципу, пытаясь найти замену Валуа и Бурбонам, и эта линия претендует на связь с династией, предшествовавшей Капетингам. Если в 1792 году единственную законность представляет собой народ, отобравший у короля-узурпатора все его права, то в 1588–1589 годах легитимистам, защитникам последнего Валуа и его наследника Бурбона, противостояли в качестве еще более истинных легитимистов сторонники Лиги. Они одной чертой зачеркивали 600 лет истории, чтобы угодить принцам Лотарингии!

Эта страна, раздираемая на части по меньшей мере тремя силами — гугенотами, членами Лиги и «политиками» — не была изолирована от Европы. Ее часто неопределенные и плохо охраняемые границы были открыты для вторжения иностранцев. К несчастью, сами французы без конца призывали их к себе. Шла ли речь о внешней войне или гражданской, армии создавались из наемников. Во время правления Франциска I и Генриха II только король вызывал наемников, ландскнехтов или швейцарцев. В период волнений 1559–1589 годов наряду со швейцарцами короля были швейцарцы «короля швейцарцев», Людвига Пфиффера, и гугенотов. Иногда король, Гиз, Беарнец по своему усмотрению набирали швейцарцев или немцев, чуть позднее король Наваррский пригласил отряд англичан, а Майен испанские войска герцога де Парме. Разве принцы могли сопротивляться искушению воспользоваться для личных целей

войсками, предназначенными для той стороны, которой они руководили?

Еще более опасными, чем обращение к иностранным наемникам, оказались аппетиты соседних принцев. Неисчерпаемые ресурсы феодального права позволили им найти юридический предлог, чтобы требовать спорного права на наследование. Если Гизы претендовали на прямое происхождение по линии Карла Великого, то почему бы главе Лотарингского дома Карлу III и его сыну, маркизу де Понт-а-Муссон, не быть предпочтительным претендентом на корону? На юге Шарль-Эммануэль Савойский, внук Маргариты, сестры Генриха II, был бы не прочь увеличить свое герцогство до королевства Арля. Филипп II, после неудачной попытки сделать инфанту Изабеллу, внучку Генриха II, королевой Франции, с удовольствием сделал бы ее герцогиней Бретани. Королева Елизавета потребовала в качестве платы за помощь Беарнцу порт Кале.

Сигнал к дележу добычи, неизбежному из-за раздробленности королевства, подал жадный герцог Савойский, захватив в октябре 1588 года маркиза Салуццо, последнее владение короля на итальянском склоне Альп. Это был первый случай из тех, которые произошли после расправы с Гизами. На следующий день все враждебные королю войска выступили против него. Испанцы Александра Фарнезе, правителя Нидерландов, и швейцарцы-католики Пфиффера были готовы ответить на призывы революционных демократов Лиги. При всеобщей анархии правители провинций, более чем когда-либо настроенные против короля, все же преследовали свои личные цели. Однако все оставалось неясным до открытия Генеральных Штатов. Все ожидали увидеть дуэль между королем и Гизом. Заседание было отложено на 13 мая и могло закончиться победой только одного из них. Уже с 1576 года Гиз начал претендовать на трон Франции, собираясь заменить династией Лотарингского дома династию Капетингов. Прежде, чем перейти к событиям, предшествовавшим 23 декабря, не лишним будет напомнить притязания принцев Лотарингии на корону Франции.

Притязания Лотарингских принцев

Первые свидетельства пропаганды в пользу Лотарингских принцев восходят к периоду рождения Лиги в 1576 году. В октябре этого года Л'Эстуаль отмечал распространение в Париже «Записки» Жана Давида. Гасконец по происхождению, этот адвокат в Парламенте совершил путешествие в Рим. Там его

хорошо принял кардинал де Пеллеве, фанатично преданный Гизам. На обратном пути он был убит, а в его бумагах была найдена «Записка», которая стала распространяться под его именем. В ней автор высказывал мысль, что вырождающихся Валуа, ведущих свой род от узурпаторов Капетингов, следует заменить принцами Лотарингии, потомками по прямой линии Карла Великого, что немедленно оспорили противники Лиги, по мнению которых Лотарингский дом восходил к великому императору только по своей женской линии. Так сторонники и противники лотарингцев принялись обсуждать генеалогию герцогов Лотарингии.

С Тьерри II, герцога в 1070 году, до Карла I, умершего в 1431 году, герцогство передавалось от мужчины мужчине. У Карла I была только дочь Изабелла. Она принесла Лотарингию Рене Анжуйскому. Его наследниками стали их сын Жан II и внук Николя Прекрасный. Но Николя остался холостяком, и герцогство перешло от него к Иоланде Анжуйской, дочери Изабелла и Рене. Она вышла замуж за Ферри, графа де Водемон (внука младшего брата Карла I). Таким образом герцогство вернулось в Лотарингский дом, Рене И, сын Иоланды и Ферри, стал отцом Клода де Гиза. Итак, он но мужской линии наследовал герцогство от Тьерри II.

Но чьим сыном был Тьерри? Гийома де Булонь или Жерара Эльзасского, считавшегося основателем Лотарингского дома? В XI веке в Лотарингии было два герцогства. Гийом правил в Нижней Лотарингии, а Жерар в Верхней. Если отцом Тьерри был Гийом, то он был потомком Карла Великого по мужской линии. Но если он был сыном Жерара, то он происходил из другого рода, так как Жерар происходил из Эльзасских графов. Во всяком случае, женившись на Ядвиге де Намюр, урожденной Эрменгард, дочери Карла Лотарингского и потомка Каролингов, тогда только через свою жену он передавал Лотарингскому дому кровь Карла Великого.

Первая из этих версий удовлетворяла салическому закону. Но если признать узурпаторство Капетингов, то единственным законным претендентом на престол становился Карл III, глава Лотарингского дома. Однако из политических соображений Гизы некоторое время придерживались второй версии, опубликовав «Ответ де Гизов на предостережение». В нем они отстаивали свое происхождение от Карла Великого по женской линии и напоминали, что Бурбоны тоже могут говорить о своем происхождении от Карла Великого через бабку Сен-Луи, Изабелла де Эно. После договора Немура было полезнее не возбуждать новых опасений в Генрихе III. Сторонники Лотарингии вскоре

высказались за происхождение по мужской линии, единственной благоприятной для их героев. Генрих III внимательно следил за всей этой полемикой. Когда в 1580 году архидьякон Гула Франсуа де Розьер опубликовал работу, в которой отстаивал теорию каролингского происхождения лотарингских принцев, он приказал начать преследования против него. 26 апреля 1583 года архидьякон публично принес повинную Генриху III и получил прощение по просьбе матери Генриха. Заинтересованный в первую очередь в овладении ситуацией, король сгорал от нетерпения, желая выйти из состояния все более напряженного ожидания. Сессия Генеральных Штатов представляла для него большую опасность, ведь его противник Генрих де Гиз не сложил оружия и собирался победить его. Противостояние соперников было столь непримиримым, что единственным выходом из положения оказался «королевский удар» 23 декабря 1588 года.

Генеральные Штаты
(*16 октября — 23 декабря 1588 года*)

Этот созыв Генеральных Штатов должен был собраться 15 сентября, но отсутствие многих депутатов вынудило перенести торжественное открытие на 16 октября. Большинство депутатов присутствовали на ассамблее 1576 года, однако теперь они приехали с совсем другим настроением. Третье сословие, которое в 1576 году помешало духовенству и знати, теперь собиралось сыграть решающую роль. Депутаты с горечью вспоминали об обещаниях Генриха III покончить с ересью. Лига породила атмосферу религиозных страстей, умы людей зажглись, католики стремились продемонстрировать свою верность религии.

16 октября состоялась церемония открытия. У ног короля сидел герцог де Гиз, ища глазами своих сторонников. Взгляды многих останавливались на Меченом, но все они устремились на короля, едва он начал свою речь. Но эго была не программа, а реплика и маневр. Фанатичные члены Лиги, депутаты от духовенства, стремились прижать Генриха III к стенке, заставляя его и Штаты с самого начала заседаний присягнуть Союзническому Эдикту. 150 депутатов из 180 представителей были сторонниками третьего сословия и сразу же согласились. Знать, более заботящаяся о своих привилегиях, колебалась. Делегация из 33 выборных от грех сословий представила королю проект. Генрих III сначала отказался, но депутаты заговорили о роспуске Штатов, и он уступил при условии, что принесение клятвы будет назначено па другое заседание. Он увидел, что

можно извлечь из этого требования. Кто мог помешать ему первому принести клятву и так торжественно, что депутаты окажутся крепко связаны с ним? Союзный эдикт не вступал ни в какое противоречие с законом о наследовании престола. В конечном итоге он был направлен на роспуск Лиги. Разве это не было средством дотянуться до Гизов?

Но если король хотел связать Союзным эдиктом Гизов, то же самое можно было сказать про него самого. После прочтения текста эдикта и принесения клятвы собрание преисполнилось энтузиазмом и повсюду слушались крики «Да здравствует король!». Затем вместе с Генрихом III представители трех сословий направились в храм Спасителя и прослушали «Тебя, бога хвалим». Не привыкший к таким овациям, Генрих III был очень растроган.

Однако между королем и Штатами было слишком много причин для расхождения во мнениях, чтобы единодушие 18 октября могло долго продолжаться. Так, оказалось недостаточно, что Союзный эдикт запрещал «становиться королем какому-либо принцу-еретику или защитнику ереси». 4 ноября по предложению духовенства было высказано пожелание объявить короля Наваррского преступником, виновным в оскорблении божественного и «человеческого» высочества, и лишить его и его потомство права наследования короны. Одобряя такое решение на словах, король заметил, что не может приговорить Беарнца, не выслушав его, и предложил послать к нему своих представителей. Но три сословия желали немедленного приговора. Какой бы вопрос ни затрагивался, противоречия между королем и Штатами чувствовались все сильнее.

Близился день решающего конфликта между Генрихом III и главой Лиги. 22 ноября Кавриана холодно замечает: «Скоро мы узнаем, кто будет сильнее, король или герцог де Гиз. Тот, кто завладеет Орлеаном, будет хозяином Франции». Король еще не испил до дна чашу унижений. По его приказу герцог де Невер прибыл в Пуату, чтобы противостоять Генриху Наваррскому, в то время как Майен в Лионе готовился встретиться с Ледигьером в Дофине. Для этих кампаний только Штаты могли предоставить средства. Но если они были самим огнем и пламенем против еретиков, то становились льдом, когда речь заходила о субсидиях. Депутаты собирались воспользоваться просьбами короля, чтобы поставить его в свою зависимость. В 1576 году их разъединение послужило королю. В 1588 году все три сословия пришли к согласию, что их решения должны иметь силу закона. Это была конституционная революция, стремившаяся положить конец абсолютной монархии. Генрих III был вынужден

согласиться на создание палаты юстиции, 18 членов которой были избраны из представителей трех сословий и 6 человек представлены королем. Депутаты пошли еще дальше и потребовали список членов королевского Совета. Генриху III вновь пришлось уступить. Комедийные сцены все чаще разыгрывались монархом, депутатами и руководителями Лиги, пока не был сыгран один из актов трагедии, разрушивший все иллюзии, всевозможную ложь и притворство. «Заплатки», прикрывавшие болезни королевства, сразу же спали 23 декабря 1588 года.

Расправа с Гизами (*23 и 24 декабря 1588 года*)

Чуть ранее, 13 мая, король писал Виллеруа о членах Лиги: «Задетая страсть оборачивается гневом. Пусть они меня к этому не вынуждают». После его бегства из Парижа Гиз и его сторонники не переставали вынуждать его к этому, а с момента собрания Генеральных Штатов король без конца подвергался унижениям. Чрезвычайно нервный, Генрих III очень болезненно переживал все раны, нанесенные самолюбию монарха.

Шли дни, и он чувствовал угрозу если пока еще не для жизни, то для своей свободы и того, что еще осталось от власти. В атмосфере напряженности Блуа одна вспышка могла спровоцировать взрыв. Возможно, ею стала беседа в доме у Гизов 17 декабря. Кардинал поднял бокал за своего брата как за короля Франции, а мадам де Монпансье, носившая у себя на поясе знаменитые золотые ножницы (чтобы подстричь короля в монахи), выказала надежду воспользоваться ими. На следующий день эти слова были переданы королю итальянским актером, приглашенным к столу, и не оставили никаких сомнений относительно намерений Гизов. Историк Давиля тоже относит решение короля покончить с ними к 18 декабря. В тот день двор был занят празднованием свадьбы Кристины Лотарингской и великого герцога Тосканского. Король собрал в своем кабинете маршала д'Омона и маркиза де Рамбуйе. Вечером спросили мнение у Альфонсо Корсо, и планы короля были одобрены тремя голосами против одного. Вероятно, окончательное решение было принято в ночь с 20 на 21 декабря. Выработав план, Генрих III расстался со своими доверенными лицами около 11 часов вечера и пошел спать к королеве Луизе, приказав разбудить его в 4 часа утра.

Сложно поверить в ослепление Генриха де Гиза и допустить,

что он сам положил голову под топор. Гордыня и высокомерие Меченого породили в нем чрезмерную уверенность, которая привела его к гибели. С 21 по 23 декабря к нему постоянно поступали предупреждения.

Пока Меченый тратил силы с мадам де Сов, сон бежал от короля, легшего в постель раньше обыкновения. В 4 часа утра он поднялся и прошел в кабинет, где его ждали Белльгард и Дю Гальд. Личная охрана короля стала собираться к 5 часам в галерее Оленей. Генрих III лично пришел проинспектировать их и дал понять, что они потребуются ему сегодня. Затем те, кого он указал, явились к нему в комнату, и он посвятил их в замысел. Из предосторожности он приказал им подняться на следующий этаж в небольшие кельи, которые он приготовил для своих капуцинов. Между 6 и 7 часами утра он слушал мессу в своей молельне, затем отправил в зал Совета д'Омона, де Рамбуйе, де Ментенона и д'Э. Оставшись один, он отдал последние приказания. Приказав как можно тише спуститься солдатам из келий, чтобы не разбудить мать, он оставил 8 из них у себя в комнате вместе с Лоньяком. Это были те, кому предстояло убить герцога. 12 других он поставил в соседнем кабинете, чтобы служить поддержкой, если герцогу удастся ускользнуть. Трое других стояли на внутренней лестнице. Остальных поставили на галерее Оленей.

Утром многие опять пытались предупредить Генриха де Гиза. Но он не внял советам остаться у себя в комнате. Гиз направился в зал Совета с одним-единственным Перикаром, который имел туда доступ в качестве секретаря по финансам. Для начала обсуждений надо было ожидать прихода Рюзе-Болье, государственного секретаря, который должен был принести список дел, записанных в повестку дня. Гиз ничего не ел с утра и в ожидании попросил Перикара принесли ему винограда, «который он ел вместо завтрака». После ухода Перикара в зал вошел Ларшан и передал ему просьбы некоторых своих людей о предоставлении должностей. Гиз согласился. Томимый голодом, поскольку Перикар не возвращался, Гиз попросил Сен-При, слугу Генриха III, принести ему что-нибудь. Тот принес «несколько бриньольских слив». Чуть позже Жан Геру, привратник, передал ему его бонбоньерку, принесенную Перикаром. Последний не мог присоединиться к своему хозяину, поскольку в этом ему препятствовали люди Ларшана. Гиз попросил найти его секретаря и привести в зал заседаний. Охваченный внутренним холодом, он подошел к камину и приказал подложить дров. Но его слабость возросла и из носа пошла кровь. Сен-При отправился искать платок для герцога, а тем временем пришел Рюзе-Болье, начал зачитывать дела и все члены Совета расселись вокруг стола,

стоящего посередине комнаты.

Около 8 часов Совет был в полном составе, и король приказал государственному секретарю Революю пойти к Гизу и передать, что король ждет его в своем кабинете. Получив от Револя сообщение, Гиз резко поднялся, простился с членами Совета и удалился с бонбоньеркой и платком в руках. Ему оставалось жить несколько мгновений. У входа сто приветствовала охрана и проследовала за ним с таким расчетом, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Почувствовав неладное, герцог обернулся, и на него тотчас же напали. Плащ помешал ему воспользоваться шпагой, и у него не оказалось ничего, кроме рук и бонбоньерки, чтобы защищаться.

По различным источникам, единственные слова, произнесенные Гизом, были: «О, господа!», и потом: «О! Какое предательство! О, Боже, пощадите!» Король вошел в кабинет, постоял там некоторое время, тогда как в зале Совета смятение было всеобщим. При первых звуках шума архиепископ Лионский попытался войти в королевский кабинет, и слышал последние крики Гиза. Когда он обернулся, комната была полна солдат и гвардейцев, которые сразу же арестовали его и кардинала де Гиза, безуспешно пытавшегося бежать. Все прочие члены семьи, находящиеся во дворце, были арестованы, а к кардиналу де Бурбону, лежавшему по болезни в постели, приставили надежную охрану. Почти сразу же, как погиб Гиз, Генрих III заявил Совету, что ждет подчинения себе как единственному королю.

В длинной депеше от 31 декабря Морозини рассказывает о беседе с королем и о том, как он объяснил причины своего решения. В первую очередь это были намерения кардинала и герцога лишить его власти и поместить в монастырь капуцинов. Кроме того, герцог противился всему, что предлагали Генеральные Штаты, поднимал народ на восстание против короля и восстанавливал против него умы его подданных. У него стало столько сторонников, что обычным путем было невозможно положить всему этому конец. Понимая, что надо оправдать свой поступок в глазах общественного мнения, Генрих III передал Парламентам провинций, правителям провинций и главных городов циркуляры, в которых рассказывал, что был вынужден казнить герцога де Гиза. Своему послу в Риме Пизани он писал: «Его амбиции стали невыносимы, он думал вскоре осуществить свой замысел, включавший в себя ни много ни мало как лишение меня короны и жизни».

Закрытие Генеральных Штатов
(*22–24 декабря 1588 года — 15–16 января 1589 года*)

Хотя Лига лишилась своего руководителя, Генрих III собирался соблюдать Союзный эдикт. 31 декабря он подтвердил этот эдикт и свое решение положить конец ереси. Однако вновь подтвержденное желание Генриха III не могло побороть недоверие Штатов, враждебность Парижа и других городов Союза. Депутаты от третьего сословия потребовали выпустить на свободу своих арестованных коллег. Их не приняли, но в эти дни выпустили на свободу Бриссака, президента депутатов дворянства. Генрих III хотел, чтобы Штаты внесли в документы факт оскорбления величества, но натолкнулся на отказ. Когда он захотел создать смешанную комиссию из представителей Штатов и членов Совета, чтобы рассмотреть просьбы и пожелания Штатов, он вновь не получил никакой поддержки. Если третье сословие противилось воле короля, то духовенство и знать вели себя умеренно. Сменивший кардинала де Гиза на посту руководителя духовенства, Рено де Бон, архиепископ Буржа, не был членом Лиги. Освобожденный Бриссак вернул себе милость короля и вновь встал во главе дворянства.

Закрытие Штатов состоялось на заседаниях 15 и 16 января 1589 года. Оно было логично, ввиду того, что король не получил одобрения ни на одно из своих предложений и принимая во внимание новости, пришедшие из Парижа и других восставших городов.

Драма в Сен-Клу
(*1 августа 1589 года*)

Вся страна была охвачена волнениями, Париж был центром возмущений. И король был вынужден укрыться в Сен-Клу, в доме Жерома де Гонди. В понедельник 31 июля Жак де Ля Гесл, генеральный прокурор Парламента Парижа, направлялся к резиденции короля. 13 мая 1588 года магистрат последовал вместе с королем в его изгнание и теперь поехал узнать, не пострадал ли дом короля в Ванве в его отсутствие. Вместе с ним был его брат Александр. По дороге из Ванва они встретили доминиканского монаха с двумя солдатами. Это был маленький человек с черной бородкой и большими глазами. На расспросы Ля Гесла солдаты ответили, что этот монах прошел до аванпостов. Он покинул Париж с поручением к королю. По его просьбе они провожали его до Сен-Клу. На дальнейшие расспросы якобинец назвал себя Жаком Клеманом и рассказал, что имеет поручение от президента де Арле и других преданных слуг короля с сообщением новостей из Парижа. После чего солдаты попросили

прокурора проводить монаха к королю. Магистрат согласился, посадил монаха на коня своего брата и все трое направились в Сен-Клу.

Когда они прибыли, короля не было на месте и было решено, что Ля Гесл приведет монаха к королю па следующий день в 8 утра. Так же как и герцог де Гиз, Генрих I II не внял предупреждениям. Его симпатия к монахам была известна и почти болезненна. На следующий день дю Гальд появился предупредить, что король примет Ля Гесла и монаха. Когда они вошли, король только что встал с постели и сидел едва одетый.

Рядом с Генрихом III был один Белльгард. Только он и генеральный прокурор стали свидетелями произошедшего.

При входе в комнату Ля Гесл взял у монаха из рук паспорт графа де Бриенна и передал его королю. Прочитав его, король приказал якобинцу подойти поближе. Клеман сказал: «Сир, господин первый президент чувствует себя хорошо и целует вам руки», и добавил, что хотел бы поговорить с Его Величеством наедине.

Следуя своей привычной доступности и видя, что якобинец не может говорить вслух, король сказал ему: «Подойдите!» Клеман подошел к королю справа, а Белльгард и Ля Гесл немного отодвинулись. Король показал жестом, что готов слушать, и якобинец наклонился к королю, делая вид, что достает другие письма (король спросил, нет ли у него их еще), а сам вытащил нож и ударил Генриха III в живот. «А, Боже мой!» воскликнул король, поднялся и сказал, что этот несчастный его ранил. Выхватив нож из раны, он ударил якобинца в лицо и грудь. Потом он выпустил из рук нож, поразивший его. Ля Гесл и Белльгард бросились на Клемана, хотя и не собирались его убивать. Но прибежала охрана, привлеченная шумом, Клеман был убит и выброшен во двор. А Генриху III оставалось жить меньше одного дня.

Последние часы Генриха III

Из всех свидетельств о последних часах короля наиболее правдивым являются «Мемуары» Карла Ангулемского, к которому король был искренне привязан. 16-летний юноша был рядом с дядей до самого конца. Узнав о несчастье от одного из своих слуг, Карл Валуа поспешил в спальню короля. Он нашел его в постели, в рубашке, испачканной кровью. Генрих III взял его за руку и сказал: «Сын мой, не волнуйтесь, эти злые люди хотели меня убить, но Господь меня сохранил: это все ерунда». Он

действительно верил, что ранен легко. Срочно вызвали хирургов Портейя и Пигре, с ассистированием Пьера ле Фебра. Портай исследовал рану и сказал своим коллегам по-латыни, что внутренности повреждены. Королю же он сказал, что через 10 дней он будет ездить на лошади, обработал и перевязал рану. А в это время король рассказывал о случившемся, так как почти не чувствовал боли. Затем Генрих III выслушал мессу, причастился.

Исполнив свой долг перед Господом, он продиктовал письмо королеве Луизе. В нем он говорит что принял Клемана только потому, что тот был монахом. Закончив с секретарем письмо, король почувствовал рану. Врачи ничем не могли ему помочь. Дверь в комнату короля оставалась открытой, вокруг него было множество дворян. Около 11 часов он увидел рядом с собой Генриха Наваррского. Он немедленно прискакал из предместья Сен-Жермен, где готовил нападение. После того как король Наваррский поцеловал Генриху III руку, он сказал: «Мой брат, вы видите, как ваши и мои враги поступили со мной, не дайте им то же сделать с вами». Генриху III оставалось лишь сообщить присутствующим свою волю. «Господа, подойдите поближе и выслушайте мою волю, которую вы должны будете исполнить, когда Господу будет угодно забрать меня из этого мира. Вы знаете, что то, что произошло, никогда не было моей местью подданным, поднявшимся против меня и моего государства. Поэтому я был вынужден использовать власть, дарованную мне божественным провидением. Но они успокоились, только убив меня, и я прошу вас как друзей и приказываю вам как король признать после моей смерти вот этого моего брата, верно служите ему и поклянитесь в преданности ему в моем присутствии».

Все присутствующие дворяне расплакались и среди вздохов и слез поклялись в верности королю Наваррскому и пообещали королю примерно слушаться его. Генрих III рекомендовал Белльгарда и Ля Гесла Генриху Наваррскому, попросил господина де Арле поехать к швейцарцам, поручил маршалу д'Омону убедить немцев встать на сторону его наследника. Потеряв много сил от приема Генриха Наваррского, король попросил всех оставить его, за исключением д'Эпернона, Белльгарда и Мирепуа.

Вечером его вновь посетили врачи. Но их усилия вновь оказались тщетны. У него поднялся жар и начались сильные боли. Перед смертью король простил всех своих врагов и тех, кто направил руку убийцы. Он во второй раз причастился и, потеряв речь, два раза перекрестился. Когда он умер, было около 3 часов утра.

Заключение

Лежала ли тень над королевством лилий, когда Генрих V Польский стал Генрихом III Французским? Кузен принца Датского по некоторой слабости и меланхолии и Генриха VI Английского по своей набожности, благочестию и склонности к общению с монахами, Генрих Валуа стал шекспировским персонажем на политической сцене.

Истинный принц Возрождения, любитель комедий, танцев, балета и иногда необычных развлечений, из-за непонимания и страстей своих подданных стал невольным актером трагедии. Светлый ум, интересующийся духовным миром, ответственный в высшей степени за происходящее в государстве, Генрих III был также истинным поборником восстановления религиозного единства.

Лучше всего говорит о нем его собственное признание в письме к Виллеруа от 29 мая 1579 года: «То, что я люблю, я люблю до крайности». Он шел до крайности в проявлении привязанности к фаворитам, так же он любил свою жену и любовниц, с таким же самоотречением стал набожным человеком.

Члены Лиги и гугеноты отказывали ему во всем. Первые даже больше выступали против него. А Агриппа д'Обинье стал главной причиной появления легенды о «любимчиках» в таком виде, в котором она дошла до нас и укрепилась в коллективной памяти.

Понимая, что невозможно покончить с гугенотами силой, Генрих III хотел принудить сторонников обеих церквей к миру. Ему это удалось после первой кампании Монсеньора в 1577–1584 годах. Подписывая Нантский эдикт, Генрих IV лишь повторял эдикт Болье 1576 года. Но политика Генриха III оставалась в силе до тех пор, пока король сохранял свое могущество и передача короны обеспечивалась наличием дофина. Судьба наотмашь ударила Генриха III, не дав ему наследника. Отсутствие наследника, смерть Франсуа Валуа, законного наследника-католика, в 1584 году дали начало самому жестокому политическому кризису с тех пор, как дом Капегингов занял трон Франции. Но идя против чувств большинства нации, расправившись с Гизами и заключив йогом договор с законным наследником-протестантом, он сам подписал себе смертный приговор, приведенный в исполнение Жаком Клеманом. Приказав дворянам признать Генриха Бурбона королем, призвав последнего вернуться к католицизму, он показал своему преемнику единственно возможный путь для спасения королевства, могущий положить конец смуте, начавшейся с трагической смерти Генриха

II.

Back of jacket

Книга Пьера Шевалье представляет Генриха III, последнего короля из династии Валуа, сыгравшего важную роль в событиях эпохи Реформации. Личность Генриха III сложна и противоречива.

Человек великолепного ума, ответственного в высшей степени за все происходящее, он был в то же время безжалостным и коварным. Его щедрость была безмерна, страсть к фаворитам — слишком откровенна, развлечения — слишком необычны. Все это послужило благодатным материалом для кривотолков и непрекращающейся уже четыре столетия полемики историков.

Кто же он, болезненно-элегантный, женственный с друзьями и мужественный в борьбе Генрих III Валуа «шекспировский король» ?

notes

Примечания

1

«Истинное и краткое описание» (лат.).

2

Под зад (ит.).

3

Жертва ради спасения властелина рождает звезду на небе (лат.).

4

Корящийся пылает ярко (лат.).